

Социология



**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

3

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Верещагин И.Ф., Зашихина И.М., Шамес М.И.</i> Дизайн-код города Архангельск: анализ реализации концепции	6
<i>Маслодудова Н.В.</i> Социальные проблемы в информационном пространстве	17
<i>Сушко В.А.</i> Механизмы государственного содействия реализации права на высшее образование в Российской Федерации	24

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ардашев Р.Г., Адилов А.Н.</i> Социальное самочувствие и социальная безопасность жителей России и Киргизии	32
<i>Корелин М.Н.</i> Спорт, патриотизм и личная реализация молодых людей	37

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Зайцев И.С., Трофимик А.Г.</i> Судебная реформа и кассационное производство: совершенствование механизмов устранения нарушений	42
<i>Заякина О.А.</i> Отношение современной российской молодежи к семье и браку	47
<i>Ким А.С., Цой М.А.</i> Роль институциональных ограничений в формировании рисков социальной адаптации мигрантов в дальневосточных регионах	50
<i>Мигалов Е.А., Барбакова Е.В.</i> Социальная безопасность и качество жизни в арктических регионах (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)	55
<i>Михайловская С.А.</i> Вторичная занятость студентов очной формы обучения как инструмент профессиональной интеграции и развития надпрофессиональных компетенций	62
<i>Филиппова И.А.</i> Правосознание подростков в цифровой среде: экспертные интерпретации и практики профилактики правонарушений	66
<i>Чжэн Вэньсинь.</i> Теоретические и методологические аспекты анализа основных национальных ценностей и политической культуры китайского общества	75

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Артамонов И.С.</i> Социальные технологии в качестве интегративного механизма: регулирование неопределенности и взаимосвязь субъекта с институтом в профессиональном становлении молодежи	82
<i>Васильев В.В.</i> Анализ родительских представлений о травле (буллинге) в школьной среде и институциональных барьерах его профилактики	89
<i>Волкова Л.В., Довгань В.С.</i> Инструменты развития культуры обратной связи в российских компаниях	96
<i>Деревянченко Ю.И.</i> Молодежь среднего класса: динамика политических ценностей (на примере г. Омска)	101
<i>Егоров С.А.</i> Общество потребления: влияние демонстративного потребления и принципа подражания на принятие решений	107
<i>Иванов Р.В.</i> Трансформация рынка занятости в период реформы цифровизации: региональный аспект	115

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечати: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов Виктор Васильевич** (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-политических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Силласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ); **Багдасарьян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); **Грабельных Татьяна Ивановна** (доктор социологических наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добренкова Екатерина Владимировна** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина Ирина Викторовна** (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсупович (доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахстанское отделение международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукичевич Слободан** (профессор, факультет философии, Университет Черногории) **Кропп Фредрик** (декан факультета Монтеррейского университета (США)) **Митрович Любша** (профессор, факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь) **Фарро Антонио Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сапиенца) **Чжан Шуухуа** (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом») **Соколова Галина Николаевна** (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилан Николаевич** (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН) **Хунагов Рашид Думаличевич** (доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченко Сергей Григорьевич** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректурную правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.04.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Калмыков Н.Н. Социальные архитектуры в социологии управления: четырехслойная модель и диагностический протокол анализа управляемости	121
Николаев Д.Д. Оценка «S»-фактора в методиках ESG-рейтингования российских компаний в устойчивом развитии	127
Шестаков С.А., Осуховский Г.В. Управление трудовым потенциалом нефтегазовых предприятий в условиях глобальной неопределенности	136
Сельская П.Д., Гостев А.Н. Искусственный интеллект в социокультурном механизме управления информационным противоборством в условиях стратегической неопределенности: сущность, угрозы и опасности	142
Суржиков Д.Д. Барьеры и перспективы интеграционного потенциала ЕАЭС: эмпирические результаты социологического исследования и практические рекомендации	150
Юдин В.И. Нейросети: управляемость и человекоцентричность в процессах медицинской диагностики	154

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ван Цзэлинь. Символическое конструирование и нарративы риска «ледового шелкового пути»: социологический анализ на основе политических и медиатекстов	162
Данилов В.Л. Динамика религиозности в современном обществе: между секуляризацией и десекуляризацией	168
Журавлева И.А. Особенности взаимодействия государства и бизнеса в образовательной сфере	173
Ибрагимов А.З., Никифоров Н.Ю., Лилеев Н.А., Гурбанов Т.М. Физическая культура и спорт как фундаментальные детерминанты устойчивого развития современного общества: медико-биологические, психосоциальные и экономические императивы	183
Кравченко А.И. Городские тротуары и фонари	188
Кулямина О.С., Бронникова Е.М., Поворина Е.В. Влияние трансформации семейных ценностей на рождаемость в современной России	191
Палащенко Е.В. Финансовая грамотность и налоговая культура молодежи	200
Попов М.Ю., Татаринцов Я.М. Мужское одиночество в пространстве цифровой социальности (на примере социальных сетей и онлайн-игр)	206
Сиверцев Е.Ю. Количественные изменения в языке европейского естествознания	214
Тянь Шэн. Алгоритмическая видимость и визуально-шаблонная идентичность: конструирование социальной идентичности в контенте Xiaohongshu о «контроле фигуры» и «расслабленности»	220
Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Пространство социальной свободы в философии Мэриам Талос	228
Широкова Е.В. К поиску этических оснований современного образования: идеи С.Л. Франка, С.И. Гессена, М. Бубера	233

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Бабкин В.С. Богословские взгляды Пола Ван Бюрена в контексте теологии смерти Бога	240

Болванович С.А. Дорефлексивная субъектность: реляционный генезис врожденного знания	246
Сингаевская М.В. К вопросу о дефиниции понятия «мнение»: историко-философский обзор	253
Шипунова О.Д. Условия формирования экологической культуры в российском обществе	261

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Бобер Жанна. Роль людей с ВФА в маргинальных реалиях постэкономического общества: философско-акмеологический анализ	266
Ганьшин С.О. Исследование смысла и символа методом семантической близости междисциплинарных понятий	272
Глебов А.П. Контркультура как символическая альтернатива господствующему порядку: социально-философский анализ	279
Ганьшин С.О. Сравнительный анализ сущностных и ситуативных свойств первобытного и современного человека	286
Сингаевская М.В. К вопросу о дефиниции понятия «общественное мнение»: обзор западных и отечественных концепций	292

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Курилов С.Н., Налимова А.С. Актуальная проблематика аксиологических идей в философии образования в эпоху цифровизации: от анализа к способам их преодоления	300

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вэй Ицзюнь. Демографические вызовы, связанные с уровнем рождаемости среди молодежи и старением населения в России и Китае	306
Водяницкая Л.А. Философия о человеческой драме борьбы со злом	312
Георгян А.М., Сенько А.Н., Ахмедов А.Р. Повторы – как принцип построения фильма «Гамлет» Г.М. Козинцева	317
Ким А.С., Утужникова О.Е. Концептуальная схема социологического анализа цифровизации как социального процесса	321
Коротков Н.А. К вопросу об определении объекта физической науки	326
Лаба Л.Я. Общероссийская идентичность: московский социологический кейс 2020–2025	333
Долапо Дуроджайе, Марковская Е.И. Ценностные основы профессиональной готовности в эпоху Индустрии 5.0: сравнительный анализ студентов университетов России и Нигерии	339
Сюй Синь, Го Сывэнь. Исследование формирования системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма в контексте политики открытости северному направлению	348
Федорова Л.В. Истоки тенгризма Уранхай Саха	356
Чжан Тин, Цай Вэй. Сопоставительный анализ онтологических метафор в российско-китайском политическом дискурсе – на материале Послания Президента Федеральному Собранию Владимира Путина и книги «Си Цзиньпин о государственном управлении»	363



TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Vereshchagin I.F., Zashikhina I.M., Shames M.I.</i> Design code of the city of Arkhangelsk: analysis of implementation ... 6	
<i>Maslodudova N.V.</i> Social problems in the information space 17	
<i>Sushko V.A.</i> Mechanisms of state assistance to the implementation of the right to higher education in the Russian Federation 24	

EMPIRICAL STUDIES

<i>Ardashev R.G., Adilov A.N.</i> Social well-being and social security of residents of Russia and Kyrgyzstan 32	
<i>Korelin M.N.</i> Sport, patriotism, and the personal realization of young people 37	

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Zaitsev I.S., Trofimik A.G.</i> Judicial reform and cassation proceedings: improving mechanisms for eliminating violations 42	
<i>Zayakina O.A.</i> The attitude of modern Russian youth towards family and marriage 47	
<i>Kim A.S., Tsoy M.A.</i> The role of institutional restrictions in shaping migrants' social adaptation risks in the far eastern regions 50	
<i>Migalov E.A., Barbakova E.V.</i> Social security and quality of life in the Arctic regions (on the example of the Yamalo-Nenets Autonomous District) 55	
<i>Mikhaylovskaya S.A.</i> Secondary employment of full-time students as a tool for professional integration and the development of transprofessional competencies 62	
<i>Filippova I.A.</i> Adolescents' legal consciousness in the digital environment: expert interpretations and practices of delinquency prevention 66	
<i>Zheng Wenxin.</i> Theoretical and methodological aspects of the analysis of the basic national values and political culture of Chinese society 75	

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Artamonov I.S.</i> Social technologies as an integrative mechanism: managing uncertainty and the relationship between the subject and the institution in the professional development of young people 82	
<i>Vasiliev V.V.</i> Bullying as a predictor of extreme violence in the educational environment: an analysis of parental perceptions and institutional barriers to prevention 89	
<i>Volkova L.V., Dovgan V.S.</i> Tools for developing a feedback culture in Russian companies 96	
<i>Derevyanchenko Yu.I.</i> Middle class youth: dynamics of political values (on the example of Omsk) 101	
<i>Egorov S.A.</i> Consumer society: the influence of conspicuous consumption and the principle of imitation on decision-making 107	
<i>Ivanov R.V.</i> Transformation of the employment market during the digitalization reform: a regional aspect 115	
<i>Kalmykov N.N.</i> Social architectures in management sociology: a four-layer model and a diagnostic protocol for the analysis of governability 121	

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, KnoRus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: **Albert Ivanovich Kravchenko** (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Zheltoz Viktor Vasilyevich** (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); **Mamedov Agamali Kulam-Ogly** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Sillaste Galina Georgievna** (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna** (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); **Rakhmanov Azat Borisovich** (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Grabelnykh Tatyana Ivanovna** (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Burmykina Irina Viktorovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); **Marshak Arkady Lvovich** (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); **Osipov Aleksandr Mikhailovich** (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); **Afonin Yuri Alekseevich** (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov); **Vukicevic Slobodan** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro); **Kropp Fredrik** (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)); **Mitrovic Ljubiša** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)); **Titarenko Larisa Grigoryevna** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus); **Ferro Antimo Luigi** (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome); **Zhang Shuhua** (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad»); **Sokolova Galina Nikolaevna** (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)).

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University); **Osipova Nadezhda Gennadyevna** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Ivanov Vilen Nikolaevich** (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Khunagov Rashid Dumalichevich** (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Volkov Yuri Grigorievich** (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University); **Ivchenkov Sergey Grigorievich** (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky).

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2

Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 04/15/2026 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Nikolaev D.D.</i> Assessment of the «S»-factor in the methodologies of ESG-rating of Russian companies in sustainable development	127
<i>Shestakov S.A., Osuhovskiy G.V.</i> Managing the labor potential of oil and gas enterprises in a global uncertain environment.....	136
<i>Selskaya P.D., Gostev A.N.</i> Artificial intelligence in the socio-cultural mechanism of information warfare management in conditions of strategic uncertainty: essence, threats and dangers	142
<i>Surzhikov D.D.</i> Barriers and prospects of the integration potential of the Eurasian economic union: empirical results of a sociological study and practical recommendations.....	150
<i>Yudin V.I.</i> Neural networks: controllability and human-centricity in medical diagnostic processes	154

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Wang Zelin.</i> Symbolic construction and risk narratives of the «ice silk road»: a sociological analysis based on political and media texts	162
<i>Danilov V.L.</i> The dynamics of religiousness in contemporary society: between secularization and desecularization	168
<i>Zhuravleva I.A.</i> Characteristics of government-business interaction in education	173
<i>Ibragimov A.Z., Nikiforov N.Yu., Lileev N.A., Gurbanov T.M.</i> Physical culture and sport as fundamental determinants of sustainable development of modern society: biomedical, psychosocial, and economic imperatives.....	183
<i>Kravchenko A.I.</i> City sidewalks and streetlights	188
<i>Kulyamina O.S., Bronnikova E.M., Povorina E.V.</i> The impact of the transformation of family values on fertility in modern Russia.....	191
<i>Palashchenko E.V.</i> Financial literacy and tax culture of young people	200
<i>Popov M.Yu., Tatarinov Ya.M.</i> Male loneliness in the digital social space (based on social networks and online games)	206
<i>Sivertsev E.Yu.</i> Quantitative changes in the language of European natural science.....	214
<i>Tian Sheng.</i> Algorithmic visibility and visually-templated identity: construction of social identity in Xiaohongshu content about «figure control» and «relaxation»	220
<i>Chestneishin N.V., Chestneishina D.A.</i> The space of social freedom in the philosophy of Mariam Talos.....	228
<i>Shirokova E.V.</i> To the search for ethical foundations of modern education: ideas of S.L. Frank, S.I. Hessen and M. Buber	233

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Babkin V.S.</i> Theological views of Paul van Buren in the context of the death of God theology	240
<i>Bolvanovich S.A.</i> Prereflective subjectivity: relational genesis of innate knowledge.....	246

<i>Singaevskaya M.V.</i> On the question of defining the concept of «opinion»: a historical-philosophical overview	253
<i>Shipunova O.D.</i> Conditions for the formation of ecological culture in Russian society	261

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Bober Zh.</i> The role of people with high-functioning autism in the marginal realities of post-economic society: a philosophical and acmeological analysis	266
<i>Ganshin S.O.</i> A study of meaning and symbol using a semantic proximity approach to interdisciplinary concepts	272
<i>Glebov A.P.</i> Counterculture as a symbolic alternative to the prevailing order: a socio-philosophical analysis	279
<i>Ganshin S.O.</i> Comparative analysis of the essential and situational properties of prehistoric and modern humans ...	286
<i>Singaevskaya M.V.</i> On the question of defining the concept of «public opinion»: a overview of western and soviet concepts.....	292

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Kurilov S.N., Nalimova A.S.</i> Current issues of axiological ideas in the philosophy of education in the era of digitalization: from analysis to ways to overcome them	300

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Wei Yijun.</i> Demographic challenges related to the birth rate among young people and the aging of the population in Russia and China.....	306
<i>Vodianitskaya L.A.</i> The philosophy of the human drama in the struggle against evil	312
<i>Georgyan A.M., Senko A.N., Akhmedov A.R.</i> Repetition as a Principle of Construction in G.M. Kozintsev's Film «Hamlet»	317
<i>Kim A.S., Utiuzhnikova O.E.</i> A Conceptual Framework for the Sociological Analysis of Digitalization as a Social Process	321
<i>Korotkov N.A.</i> On the Question of Defining the Object of Physical Science	326
<i>Laba L.Ya.</i> All-russian identity: a Moscow sociological case study 2020–2025.....	333
<i>Dolapo Durojaiye, Markovskaya E.I.</i> Value foundations of professional readiness in the Industry 5.0 era: a comparative analysis of university students in Russia and Nigeria.....	339
<i>Xu Xin, Guo Siwen.</i> A Study on the Formation of a Russian-Language Support System for Red Cross-Border Tourism Routes in the Context of the Policy of Opening Up to the North.....	348
<i>Fedorova L.V.</i> The Origins Of Urañhai Sakha Tengrism	356
<i>Zhang Ting, Cai Wei.</i> A Comparative Analysis of Ontological Metaphors in Russian and Chinese Political Discourse: Based on Vladimir Putin's Address to the Federal Assembly and Xi Jinping: The Governance of China	363

Дизайн-код города Архангельск: анализ реализации концепции

Верещагин Илья Федорович,

кандидат исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»
E-mail: i.vereschagin@narfu.ru

Зашихина Инга Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»
E-mail: i.zashikhina@narfu.ru

Шамес Марина Игоревна,

магистр социологии, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: shames.m@edu.narfu.ru

Статья посвящена институциональному анализу дизайн-кода как инструмента социального регулирования визуального пространства северного города в контексте стратегий устойчивого развития и поиска локальной идентичности. Цель исследования – социологическая оценка эффективности внедрения дизайн-кода в Архангельске, выявление барьеров его восприятия профессиональными группами и определение путей оптимизации муниципальной политики благоустройства. Методологическая основа включает теоретическую рефлексию концепций «умного города», креативности и инклюзии в сочетании с анализом полустандартизированных экспертных интервью (n = 8) с представителями архитектурного сообщества, дизайнерами, краеведами и госслужащими. В результате выявлен конфликт между унификацией городской среды и интересами малого бизнеса, установлена ограниченность реализации дизайн-кода вследствие отсутствия специализированных институтов контроля и размытости символического капитала города. Обоснована необходимость интеграции визуальных стандартов в партисипаторное проектирование и учета психоэмоционального воздействия цветовой среды на жителей северных территорий. Научная значимость работы заключается в выявлении корреляций между качеством визуальных коммуникаций и процессами идентификации горожан с местом проживания. Результаты могут быть использованы при разработке муниципальных стратегий пространственного развития субъектов АЗРФ.

Ключевые слова: дизайн-код, социология города, городская среда, Архангельск, визуальное регулирование, экспертное сообщество, устойчивое развитие, городская идентичность, институционализация, северный город.

Введение

В условиях трансформации ценностных ориентиров и ускорения темпов повседневной жизни возрастают требования к качеству городской среды, что обуславливает необходимость переосмысления роли города. Городские образования все чаще рассматриваются не только как административно-территориальные единицы, но и как носители социально-экономической аттрактивности, обладающие потенциалом потребительской привлекательности. Данный ракурс актуализирует проблематику территориального брендинга в социологии города, где значительное внимание уделяется конструированию позитивного имиджа и уникальной идентичности urban-пространств. Успешная реализация стратегии брендинга требует не только создания привлекательного визуального образа, но и его последовательного воплощения во всех аспектах городской среды посредством четких правил и стандартов, определяющих облик города. Эту задачу призван решить дизайн-код города.

Концепция дизайн-кода городской среды, изначально разработанная в русле графического и архитектурного проектирования, в настоящее время экстраполируется на области урбанистики, территориального маркетинга и муниципального управления. Содержательно она предполагает формирование комплексной системы визуально-коммуникативных и средовых компонентов, объединенных общей стилистикой и идеей, что определяет целостное восприятие и идентичность территории. Применительно к урбанизированным пространствам данная система включает конструирование архитектурно-художественных образов, релевантных стратегическим приоритетам развития города, что призвано способствовать укреплению его репутационного капитала и акцентировать историко-культурную специфику.

Интегративный подход к упорядочиванию визуально-пространственных характеристик города находит воплощение при разработке дизайн-кода, базирующегося на всесторонней диагностике территории с изучением историко-архитектурного наследия и запросов местных сообществ. Внедрение дизайн-кода решает двуединую задачу: содействует сохранению и репрезентации исторической среды, фиксируя признаки уникальности места, и выступает инструментом формирования эргономичных условий жизнедеятельности, повышая социально-экономическую и туристическую аттрактивность территории.



Настоящее исследование посвящено комплексному анализу реализации концепции дизайн-кода в Архангельске. Теоретическая база работы опирается на анализ научной литературы, позволивший определить ключевые характеристики современного города, как «умное» устройство, креативность, инклюзия, и значимость компонентов дизайн-кода, включающих культурную и визуальную среду, ландшафт. В методологической части представлено описание процесса введения дизайн-кода и дана характеристика документа. Эмпирическую основу составил анализ результатов интервью с восемью экспертами, позволивший выявить комплексное видение формирования городского образа под влиянием новых визуальных стандартов. Цель исследования – оценка эффективности реализации концепции дизайн-кода в Архангельске, выявление факторов, влияющих на его восприятие экспертным сообществом, и определение направлений оптимизации его внедрения с учетом особенностей городского развития.

Теоретические рамки исследования

Дизайн-код как инструмент формирования стратегии городского развития

Городской дизайн представляет собой иерархически организованную систему, интегрирующую различные аспекты формирования среды обитания – от локальных объектов до планировочных решений масштаба агломерации. В его структуре выделяются следующие уровни: предметное наполнение (средовой дизайн), формирующее «городской партер»; дизайн объемных форм, определяющий стилистику фасадных решений; организация открытых городских пространств; дизайн градостроительных структур. Между этими уровнями существует тесная функциональная и эстетическая связь, обеспечивающая гармонизацию развития городской ткани [15].

В основе современных дизайн-кодов лежит система правил, адаптируемых к локальному контексту – историко-культурному генезису, природно-ландшафтным характеристикам и архитектурным традициям территории. Фиксируясь в форме текстуально-графических предписаний, они обретают статус регуляторного механизма, гарантирующего стилистическое единообразие, соблюдение нормативов и консервацию уникальных черт городского ландшафта. Конечная цель такого нормирования – формирование эргономичной, безопасной и эстетически полноценной среды, ориентированной на повышение качества жизни и активизацию инвестиционных процессов [28].

Эволюция института дизайн-кода в России корреспондирует с глобальным трендом формирования устойчивой архитектурно-пространственной среды. Востребованность дизайн-кодов продиктована необходимостью нивелирования послед-

ствий хаотичной застройки и визуального загрязнения 1990-х – начала 2000-х годов. Регуляторный потенциал дизайн-кода не исчерпывается эстетической повесткой: его внедрение нацелено на решение стратегических задач – повышение инвестиционной привлекательности, конструирование позитивной репутации, стимулирование туристических потоков и улучшение социального самочувствия горожан [12, 14].

В российском законодательстве дефиниция «дизайн-код города» отсутствует, что порождает множественность трактовок. Синтезируя различные подходы, можно определить дизайн-код как формализованный свод положений, устанавливающий требования к размещению рекламных и информационных носителей, элементов городской мебели, адресной навигации, а также содержащий рекомендации по колористическим и стилистическим решениям, ориентированным на индивидуализацию среды и формирование бренда территории [17]. Юридическая легитимация дизайн-кода возможна путем его инкорпорации в Правила благоустройства, что сопряжено с административными барьерами, способными тормозить реализацию предписаний.

Умное развитие, креативность, инклюзия как факторы современного города

В современном градостроительстве креативность становится необходимым условием формирования привлекательной и устойчивой городской среды. Креативный город активно поддерживает предпринимательство, стимулирует развитие культурных индустрий, создает условия для самореализации граждан и использует инновационные технологии для решения городских проблем [4, 11]. Успешный дизайн-код должен отражать этот принцип, обеспечивая гибкость, адаптивность и возможность творческого самовыражения.

Парадигма «умного города» (Smart City) коррелирует с формированием «интеллектуальных» арт-пространств, имплементирующих эстетику постинформационного типа [20]. Подлинная креативность в контексте Smart City детерминирована способностью генерировать среду, релевантную запросам многомерной личности, для которой значимы не только утилитарные аспекты, но и эстетическая выразительность и эмоциогенность пространства [10].

Дизайн-код современного города призван презентировать не только креативный потенциал и принципы устойчивого развития, но и идеологию инклюзивности – обеспечение паритетных возможностей для всех категорий населения независимо от физических возможностей, культурных паттернов и возраста [23]. Инклюзивность целесообразно интерпретировать как контекстуально обусловленный принцип, адаптируемый к специфике конкретного муниципального образования.

Актуализация проблематики инклюзивности обусловлена смещением фокуса к дискурсу социальной справедливости и концепции «права на город» [5, 11].

В современных урбанизированных пространствах функция архитектуры как основного источника визуальной информации постепенно уступает место другим знаковым системам – рекламе, навигации, вывескам [6]. Отсутствие продуманного дизайн-кода приводит к визуальному хаосу, информационной перегрузке, дезориентации и когнитивному дискомфорту, негативно сказываясь на пространственной ориентации и когнитивных способностях [18]. В «умном городе» развитие пространства происходит с активным вовлечением общественности. Партисипативные технологии (голосования, опросы, общественные слушания) становятся неотъемлемой частью принятия решений, а дизайн-код должен предусматривать механизмы для диалога между властью, профессионалами и жителями [7, 9, 24, 30].

Культурный компонент в дизайн-коде города

Культурная составляющая дизайн-кода представляет собой многослойную структуру, призванную репрезентировать уникальность и самобытность территории. С позиций семиотического подхода город может быть рассмотрен как конгломерат текстов и кодов, где каждый элемент несет информацию об исторической траектории и локальной идентичности. Культурная компонента не статична, но претерпевает эволюцию под воздействием межкультурной коммуникации, художественных практик и глобальных трендов. Эффективный дизайн-код должен, с одной стороны, обеспечивать консервацию исторической идентичности, с другой – демонстрировать открытость к новым смысловым интерпретациям [12, 25].

В структурном отношении культурный компонент включает: природно-климатические детерминанты, исторические события и архитектурное наследие, пространственные параметры, художественные произведения, посвященные городу, символическую связь с выдающимися персоналиями [25]. Интеграция этих элементов в дизайн-код позволяет обеспечить репрезентацию аутентичности города и формирование у горожан чувства идентичности.

Учет историко-культурного контекста обретает критическую значимость применительно к пространствам в историческом ядре поселения [2]. Однако дефициты нормативно-правовой базы создают риски нивелирования региональной идентичности. Фиксация границ зон охраны объектов культурного наследия, предписанная Градостроительным кодексом РФ, не сопровождается регламентацией качественных параметров среды: отсутствуют нормативы, касающиеся ценности архитектурно-градостроительного контекста и со-

хранности исторического силуэта [3]. В этом контексте разработка дизайн-кода, интегрирующего историческую специфику, обретает ключевое значение.

Визуальная среда в дизайн-коде города

Визуальная среда современного города оказывает значительное влияние на психоэмоциональное состояние жителей. В эпоху унифицированной застройки визуальная среда многих городов утратила уникальность, превратившись в однообразный ландшафт [19, 29]. Такая гомогенизация может негативно сказываться на когнитивных функциях, вызывая чувство дезориентации и способствуя эмоциональному неблагополучию. В отличие от гетерогенной среды исторических городов, современное пространство зачастую состоит из повторяющихся элементов, что приводит к визуальной усталости [1].

Визуальный шум – хаотичное размещение рекламы, вывесок и элементов благоустройства – значительно снижает качество восприятия среды [22]. Эмоциональные связи горожан с пространством играют ключевую роль в формировании визуальных предпочтений. Значимые городские элементы (памятники, сакральные места) являются носителями этих эмоций. Дизайн-код призван упорядочить визуальный поток, сокращая агрессивность рекламы, и формировать ориентиры в соответствии с историческим контекстом, усиливая чувство принадлежности и узнаваемость города [31].

Цветовое оформление – значимый фактор формирования эмоционального климата [13, 20]. В условиях северного города с коротким световым днем влияние цвета на психоэмоциональное состояние возрастает. Цветовая палитра должна быть тщательно продумана с учетом психологических особенностей восприятия и исторического наследия. Дизайн-код должен определять допустимые цветовые решения и стимулировать использование инновационных подходов, создающих запоминающиеся акценты.

Ландшафт территории в дизайн-коде города

Ландшафтная организация выступает существенным фактором формирования эргономичной и эстетически целостной среды. Ключевые элементы ландшафтного проектирования: системы озеленения, организация плоскостных конструкций, малые архитектурные формы, специальные сооружения [26]. Зеленые насаждения выполняют не только декоративную, но и средообразующую функцию – участвуют в атмосферной фильтрации, терморегуляции, шумоподавлении.

Актуальные тренды акцентируют приоритеты экологичности и органичной интеграции озелененных территорий с городской застройкой. Существенное значение имеет проблема акустическо-



го загрязнения, в первую очередь – транспортного шума. Зеленые массивы выступают действенным фактором снижения шумовой нагрузки, однако эффективность коррелирует с видовым составом насаждений и плотностью крон [16]. Дизайн-код призван регламентировать номенклатуру растительности, типы покрытий, дислокацию элементов благоустройства, способствуя созданию когерентной ландшафтной среды.

В ракурсе парадигмы устойчивого развития особую значимость обретает инкорпорация программ озеленения в структуру дизайн-кода. Природный каркас города – интегрированная сеть природных и антропогенно-природных территорий – становится центральным понятием градостроительного дискурса. Применение методов ландшафтно-экологического планирования позволяет структурировать территорию по природно-геоморфологическим характеристикам, обеспечивая нормативное закрепление природного каркаса и регламентацию хозяйственной активности в выделенных зонах.

Методология исследования

Дизайн-код Архангельска

В 2022 году был презентован дизайн-код для арктических поселений, разработка которого осуществлялась с учетом специфических климатических условий, в том числе характерной для данных широт ограниченности светового дня. Данный свод нормативов и рекомендаций призван упорядочить эстетические параметры городской среды в Арктике, будучи ориентированным на повышение качества жизни населения.

К числу ключевых проблем, фиксируемых в дизайн-коде Арктики, отнесены: криминогенность и маргинализация пространств, визуальный дискомфорт, миграционный отток, мотивированный восприятием среды как депрессивной, а также ее архитектурная монотонность. В документе особое значение придается системе освещения, которая трактуется как критически важный компонент городской ткани, особенно в условиях острого дефицита естественной освещенности в зимний период.

В Архангельске, начиная с 2018 года, были предприняты целенаправленные усилия по формированию единой концепции визуального оформления городской среды. В частности, понятие «дизайн-код» было формализовано в Правилах благоустройства города, что послужило отправной точкой для дальнейшей разработки соответствующей нормативной базы [21]. В течение 2019 года администрация города провела конкурсные процедуры по выбору разработчика стратегического документа, победителем которого стала известная в России дизайнерская студия Артемия Лебедева.

Летом 2020 года администрацией Архангельска был официально утвержден дизайн-код, представляющий собой нормативный документ, регулирующий визуальное оформление городской среды. Как отметила главный архитектор города Александра Юницына, данный акт был принят в ответ на проблему визуального шума, вызванного неконтролируемым размещением рекламных конструкций, что негативно сказывалось на восприятии архитектурного облика города и снижало качество городской среды [8]. По замыслу городских властей, дизайн-код Архангельска был создан для того, чтобы предоставить предпринимателям и организациям четкие ориентиры при выборе и размещении рекламных конструкций, а также создать единые стандарты, обязательные для исполнения всеми участниками городского пространства. В связи с этим все вывески подлежат обязательному согласованию с Департаментом градостроительства, что позволит упорядочить размещение рекламных конструкций в соответствии с утвержденными нормами.

Документ, доступный для ознакомления на сайте городской администрации, структурирован в форме презентации с иллюстративными примерами. В дизайн-коде Архангельска предусматривается дифференциация требований к оформлению различных элементов городской среды в зависимости от категории городского пространства. Городские территории разделены на три категории, для каждой из которых определены специфические регламенты.

В целях обеспечения эффективности реализации дизайн-кода, администрация города инициировала введение административной ответственности за несоблюдение установленных требований, планируя внесение соответствующих изменений в областное законодательство. Вместе с тем документ не является жесткой догмой и допускает определенную гибкость, предусматривая возможность отступления от правил в особых случаях, например, при оформлении вывесок для объектов культуры. Учитывая, что многие существующие вывески вызвали нарекания горожан своим содержанием, формой и цветовым решением, внедрение дизайн-кода является реакцией на запрос общества.

Согласно документу «Дизайн-код Архангельска», городские пространства классифицируются по категориям, отражающим их историческую и функциональную значимость.

1. К первой категории относятся территории с высокой концентрацией ценной исторической застройки, где приоритет отдан пешеходному движению. Для таких пространств разработаны наиболее строгие требования дизайн-кода, направленные на бережное сохранение и подчеркивание уникального облика. Эти правила распространяются не только на фасады исторических зданий,



но и на фасады рядовых строений, находящихся в зоне визуального влияния объектов культурного наследия, что обеспечивает целостное восприятие исторической среды и предотвращает диссонанс между старой и новой застройкой.

Дизайн-код вводит наиболее императивные требования к размещению и оформлению вывесок для территорий первой категории. Приоритет отдается объемно-пространственным буквенным обозначениям, монтируемым непосредственно на фасадную плоскость без использования дополнительной подложки. Данное решение преследует цель минимизации визуального шума и акцентуации архитектурной пластики зданий. Монтаж конструкций на крышах квалифицируется как недопустимый. При изготовлении панелей-кронштейнов предпочтительным вариантом признается исполнение без подложки либо с применением круглой подложки, что придает данным элементам более лаконичный и эстетически сдержанный облик. Колористическое решение вывесок должно выдерживаться в нейтральной гамме, преимущественно с использованием черного, белого и темно-серого тонов, а также натуральных фактур (металл, древесина). В процессе монтажа надлежит исключать перекрытие архитектурных деталей (карнизов, лепнины, пилястр). Особое значение придается сохранности исторического декора, недопустимости его повреждения при установке или демонтаже конструкций.

2. Для городских пространств Архангельска, классифицированных как вторая категория (все улицы, не вошедшие в первую и третью категории, включая внутриквартальные проезды и дворовые территории с примерно равной интенсивностью транспортных и пешеходных потоков), дизайн-код устанавливает регламенты, характеризующиеся меньшей степенью жесткости по сравнению с первой категорией. При этом для фасадов исторических зданий и рядовых построек, расположенных в зоне визуального восприятия объектов культурного наследия, в полном объеме сохраняют силу правила, разработанные для первой категории. Указанная мера направлена на обеспечение преемственности исторического контекста в границах наиболее ценных городских территорий.

При оформлении вывесок в пространствах второй категории рекомендуется применение отдельно стоящих букв и знаков, унифицированных по материалу и цветовому решению, предпочтительно без использования подложки. В случаях, когда использование подложки признается целесообразным, она должна быть единообразной по толщине и материалу в пределах одного фасада. При наличии достаточной площади глухих стен рекомендуется группировать вывески в блоки, ориентируясь на модульную сетку с обязательным сохранением прямоугольной конфигурации каждого блока. Размещение конструкций на кры-

шах допускается при условии, что высота фасада превышает 12 метров. Минимальная высота размещения вывесок на фасадной поверхности установлена на отметке 3 метра от уровня земли.

Суммарная площадь всех вывесок не должна превышать 25% площади фасада. В случае отсутствия места над витриной, допускается размещение вывесок из отдельных букв без подложки непосредственно в витринах, но с ограничением площади занимаемого остекления до 25%. Следует помнить, что правила не распространяются на вывески, являющиеся неотъемлемой частью изначального архитектурного проекта, такие как название торгового центра, а также на вывески встроенных помещений на первых этажах торговых и многофункциональных центров, имеющих отдельный вход, для которых действуют специфические правила, аналогичные правилам для встрооек на первом этаже.

3. Третья категория городских пространств в Архангельске включает территории с преобладанием интенсивного транспортного потока и минимальным пешеходным движением или его полным отсутствием. Как и для пространств второй категории, в отношении фасадов исторических зданий и рядовых строений, находящихся в зоне визуального влияния объектов культурного наследия, действуют наиболее строгие правила, разработанные для первой категории, обеспечивая тем самым сохранение исторической среды даже в зонах, ориентированных в первую очередь на транспорт. Дальнейшие детали ограничений для третьей категории требуют дополнительного уточнения, поскольку представленная информация не дает полного представления о них.

Дизайн-код Архангельска содержит подробные рекомендации, регламентирующие оформление различных элементов городской среды, включая вывески, световые короба, панель-кронштейны, таблички и указатели. Особое внимание уделяется типографике, устанавливаются правила для набора надписей, призванные обеспечить единообразие и визуальную гармонию. В частности, запрещается искажать буквы, растягивать или сжимать их, а также располагать по дуге. Для вывесок заведений, у которых отсутствует зарегистрированный логотип или фирменный шрифт (например, для вывесок с общими названиями, такими как «Магазин» или «Аптека»), приведенные правила носят обязательный характер, в то время как для остальных заведений они являются рекомендательными.

Кроме того, документ содержит указания относительно использования светопрозрачных конструкций, настенных экранов и штендеров. Размещение баннеров и афиш допускается только на нежилых зданиях, расположенных в городских пространствах второй и третьей категорий, а в наиболее строгой первой категории этот вид рекламы



полностью запрещен. В отношении адресных указателей подчеркивается необходимость строгого соответствия требованиям дизайн-кода, исключая какие-либо отклонения от установленного образца. Адресные таблички должны размещаться на хорошо просматриваемых участках фасада, не загороженных деревьями, столбами или другими конструкциями, и подлежат замене при смене наименования улицы или номера дома. Предусмотрены правила размещения табличек на различных типах зданий и улиц, включая угловые здания, строения с большой длиной фасада и улицы с односторонним движением.

Особые положения разработаны для применения правил к фасадам зданий, расположенных в первой линии застройки. Дополнительное внимание уделено пешеходной исторической улице Проспект Чумбарова-Лучинского и центральной улице Воскресенская, как ключевым элементам городского облика Архангельска, требующим особого подхода к оформлению.

Экспертное интервью

Для исследования восприятия концепции дизайн-кода в Архангельске был применен метод экспертного интервью, позволяющий получить глубокие и неформализованные знания о проблеме. Как отмечает Ж.В. Чернова, экспертное интервью – один из наиболее распространенных методов в социальных науках для сбора информации о сложных вопросах [27]. Данный метод позволил зафиксировать и проанализировать специфический опыт, мнения и глубокую вовлеченность участников в процессы, связанные с формированием и регулированием городской среды, выходя за рамки формальных оценок. Основной задачей исследования стало получение содержательных интерпретаций и практических наблюдений, вытекающих из реального участия в реализации дизайн-кода Архангельска. В рамках исследования было проведено интервью с восемью экспертами, мнения которых позволили сформировать комплексное видение формирования городского образа и влияния на него новых визуальных стандартов. В число экспертов вошли:

- 1) графический дизайнер / участник в обсуждении дизайн-кода при его утверждении,
- 2) заведующая кафедрой объектов культурного наследия Северных и Арктических территорий / исследователь городской среды,
- 3) бывший главный художник Архангельска / инициатор введения дизайн-кода в Архангельске,
- 4) депутат Архангельского областного собрания / директор театра,
- 5) урбанист / директор музея,
- 6) краевед / администратор сайта и группы в ВКонтакте «Старый Архангельск»,
- 7) архитектурный гид по Архангельску / краевед,
- 8) доцент кафедры культурологии и религиоведения / исследователь городской среды.

Для получения глубоких и содержательных данных использовался полустандартизированный метод экспертного интервью, направленный на выявление индивидуальных оценок и интерпретаций событий и явлений в контексте реализации дизайн-кода Архангельска. Опросник включал открытые, проблемные вопросы, охватывающие образ города, проблемы его развития и процесс внедрения дизайн-кода. Это позволило получить развернутые, свободные ответы, отражающие широкий спектр мнений экспертов. Процесс анализа включал фиксацию высказываний экспертов по тематике, контент-анализ и интерпретацию полученных данных, а также формулировку выводов, касающихся использования дизайн-кода в городе.

Результаты исследования

Анализ мнений экспертов позволил выделить ключевые аспекты, определяющие формирование образа города, особенности реализации дизайн-кода и необходимые условия для его успешного внедрения. Интерпретация данных тезисов будет приведена в разделе «Обсуждение».

1. Образ города:

- Имидж Архангельска – многофакторное явление, включающее архитектурные решения и транслируемые визуальные / звуковые сигналы.
- Город находится в перманентной трансформации и имеет с неопределенную траекторию развития и идентичности.
- Локальная идентичность размыта, многие элементы относятся к Архангельской области в целом.
- Современная застройка характеризуется эклектичностью, часто граничащей с хаотичностью.

2. Дизайн-код и его реализация:

- Текущая версия дизайн-кода не в полной мере реализует гибкий подход к регламентации.
- Введенный дизайн-код охватывает преимущественно наружную рекламу, информационные конструкции и адресные таблички.
- Требуется интеграция дизайн-кода с другими нормативными актами для комплексного эффекта.

3. Потенциальные результаты введенного дизайн-кода:

- Улучшение психоэмоционального состояния горожан.
- Повышение привлекательности города для туристов.
- Грамотное планирование территорий.
- Сохранение исторически значимых объектов.

4. Сложности:

- Отсутствие специализированного подразделения контроля, недостаток санкций, неясность сроков выполнения требований дизайн-кода.



- Соппротивление бизнеса, нежелающего менять несоответствующие вывески на зданиях коммерческих объектов.

5. Рекомендации:

- Внешний облик должен соответствовать местной идентичности и региональным особенностям.
- Важно включение элементов, отражающих местные культурные традиции.
- Необходимо установление четких сроков и адекватных мер реагирования на несоблюдение требований дизайн-кода.
- Необходима поддержка профессий и образовательных программ, востребованных в городских преобразованиях.
- Важны активность гражданского общества, вовлечение граждан.

Обсуждение

Проведенные интервью с экспертами позволили сформировать комплексное видение процессов формирования образа Архангельска и влияния на него внедренных визуальных стандартов. Согласно единодушному мнению участников, образ города представляет собой многофакторное явление, складывающееся из совокупности архитектурных решений, а также визуальных и звуковых сигналов, транслируемых городским пространством. Подчеркивается, что восприятие города жителями и туристами напрямую зависит от его внешнего вида, цветовой палитры и насыщенности рекламными конструкциями. При этом значимую роль играют сами горожане – их жизненные стереотипы и связанные с городскими пространствами воспоминания.

Как отмечают эксперты, образ Архангельска находится в состоянии перманентной трансформации и характеризуется неопределенностью идентичности. Отмечается отсутствие ярко выраженных, культурно узнаваемых черт, присущих именно городу: многие элементы, ассоциируемые с ним, на самом деле принадлежат области в целом (мезенская роспись, каргопольская игрушка). Даже городские символы, такие как скульптуры кудесников или надпись «Счастье не за морями», являются заимствованиями успешных проектов из других городов, что свидетельствует о попытках абсорбировать внешнюю культурную повестку.

В исторической ретроспективе Архангельск сформировался как портовый и индустриальный центр, однако определявшие его облик в советский период промышленно-экономические драйверы к настоящему времени во многом утратили свою роль. Деградация промышленных объектов и снижение интенсивности портовой деятельности наложили отпечаток на актуальный образ города. Современная застройка отличается выраженным эклектизмом, нередко граничащим с хаотично-

стью. В отличие от многих исторических городов, Архангельск неоднократно подвергался реконструкции, что обусловлено историческим преобладанием деревянного зодчества, требовавшего постоянного обновления в силу климатических условий и пожарной опасности.

Эксперты усматривают в концепции дизайн-кода определенный потенциал для упорядочения городской среды, однако акцентируют ограниченность его текущей версии. Как отметил один из участников, архангельская идентичность конституируется перманентными изменениями, детерминированными спецификой деревянного строительства. Данная характеристика репрезентирует Архангельск как пространство непрерывных трансформаций, что требует гибкого подхода к регламентации, который действующая версия дизайн-кода реализует не в полной мере.

Особое внимание уделено тому, что дизайн-код Архангельска охватывает преимущественно правила регулирования наружной рекламы и адресных табличек. Эксперты солидарны, что для достижения комплексного эффекта документ должен быть интегрирован с другими нормативными актами, регулирующими визуальное оформление среды. Отмечается отсутствие единой системы в планировании озеленения и организации общественных пространств. Для полного раскрытия потенциала дизайн-кода его необходимо расширить, включив нормы, касающиеся цветовых решений фасадов, и регулирование объектов уличного благоустройства – от выбора материалов до размещения малых архитектурных форм.

При дальнейшем развитии и дополнении реализация дизайн-кода способна решить ряд важных задач: улучшение психологического состояния горожан, повышение привлекательности города для туристов, грамотное планирование территорий и акцентирование внимания на исторически значимых объектах. Внешний вид городской среды напрямую воздействует на эмоциональное состояние человека, что может влиять на миграционные потоки и туристическую активность.

Эксперты единодушны, что внешний облик городской среды должен соответствовать местной идентичности и региональным особенностям, которые должны быть отражены в визуальном оформлении. Подчеркивается формирующее влияние визуальной среды на личность: восприятие города является источником информации, формирующим вкус и креативность, тогда как визуальный хаос негативно влияет на психоэмоциональное состояние.

При очевидной заинтересованности муниципальных властей в вопросах благоустройства эксперты фиксируют ряд проблем, затрудняющих имплементацию дизайн-кода. Ключевым препятствием выступает дефицит бюджетных средств, детерминирующий фрагментарный характер внедрения



документа преимущественно в центральной части города. Констатируется отсутствие профильного структурного подразделения, уполномоченного осуществлять контроль, дефицит жестких санкций и неопределенность временных горизонтов приведения улиц в соответствие с нормами. Отмечается необходимость фиксации четких дедлайнов и введения адекватных мер реагирования на несоблюдение требований.

Одним из основных сдерживающих факторов выступает сопротивление со стороны бизнес-сообщества, не заинтересованного в замене несоответствующих вывесок. Данная позиция мотивирована финансовыми затруднениями (особенно у малого предпринимательства), недостаточным осознанием значимости дизайн-кода либо отсутствием информированности о его существовании.

В целях преодоления препятствий экспертами предложен комплекс мер: учреждение специализированной службы мониторинга с транспарентной системой обработки нарушений, установление четких временных рамок для реализации дизайн-кода, инкорпорирование его требований в процедуру выдачи разрешений на открытие коммерческих организаций. Акцентируется значимость поддержки профессиональных групп (архитекторов, урбанистов) и организации лекционных мероприятий для предпринимателей и студентов профильных специальностей. Краеоведами предложено интегрировать положения дизайн-кода в образовательные программы.

Необходимым условием успешной реализации городских проектов выступает наличие активного гражданского общества, способного влиять на трансформацию городской среды через дискуссионные площадки и коммуникативные практики.

Резюмируя, эксперты отмечают, что сам факт наличия дизайн-кода в Архангельске и его постепенная реализация представляют собой значимое достижение, отражающее усилия по формированию более комфортной городской среды. Однако для дальнейшей эволюции концепции необходимо привлечение дополнительных ресурсов, выстраивание действенной системы контроля и вовлечение горожан в процессы преобразования городского пространства.

Заключение

Проведенный анализ реализации концепции дизайн-кода в Архангельске подтверждает его действенность как инструмента формирования городской среды и фактора, определяющего направления устойчивого развития муниципального образования. Методологическая основа исследования, включавшая теоретический анализ научных публикаций и серию экспертных интервью, позволила выявить как позитивные аспекты, так и проблемные зоны внедрения данного документа.

Изучение научной литературы показало, что эффективность дизайн-кода сопряжена с такими характеристиками современного города, как «умная» инфраструктура, креативный потенциал и инклюзивность среды. Экспертные интервью, в свою очередь, дали возможность реконструировать многомерную картину восприятия дизайн-кода различными акторами и определить спектр мнений относительно его роли в формировании городского образа. Полученные данные свидетельствуют, что успешная имплементация требует комплексного подхода, объединяющего культурные, визуально-эстетические и ландшафтные параметры, а также налаживания эффективных механизмов коммуникации между жителями, бизнесом и муниципальными органами.

Выявленные в ходе исследования ограничения – дефицит информированности стейкхолдеров, отсутствие четких контрольных механизмов, необходимость учета исторического контекста и специфики локальной среды – актуализируют потребность в совершенствовании нормативно-регламентной базы. Вместе с тем исследование подтверждает значительный потенциал дизайн-кода как инструмента, способного повысить качество жизни горожан, туристическую привлекательность территории и сформировать устойчивый позитивный имидж Архангельска.

Перспективная повестка научных и прикладных разработок в данной области должна фокусироваться на решении приоритетных задач: углубленной адаптации регламентных положений к локальной специфике, активизации общественного участия (внедрении механизмов партисипации) в процессах имплементации, а также разработке методов мониторинга и критериев оценки воздействия дизайн-кода на качественные параметры городской среды. Реализация обозначенных мер создаст предпосылки для формирования эргономичной, эстетически выразительной и конкурентоспособной городской среды, отвечающей запросам населения и стратегическим ориентирам градостроительной политики.

Литература

1. Андреев И.Д. К вопросу о компонентах визуальной городской среды // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2024. № 2 (48). С. 148–159.
2. Банцорова О.Л., Сорокина В.О. Роль дизайн-кода в сохранении культурно-исторического образа городов южного берега Крыма // Системные технологии. 2024. № 3 (52). С. 109–119.
3. Блянкинштейн О.Н., Попкова Н.А., Савельев М.В., Унагаева Н.А., Федченко И.Г., Чуй Я.В. Социокультурная основа градостроительного регулирования открытых общественных пространств городов // Вестник Томского



- государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 18–40.
4. Бучатская Ю.В. «Город мечты»: культура и атмосфера как ресурсы формирования имиджа городов (на примере южнонемецкого города Бамберг) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (4). С. 130–153.
 5. Водопьянова Е.В. Тренды эволюции европейского города // Современная Европа. 2024. № 1 (122). С. 155–165.
 6. Гетманченко О.В., Вяткина Б.М. Роль городского дизайна и малых архитектурных форм в развитии туристической индустрии // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 5 (10). С. 103–112.
 7. Гимранова Г.А. Изменение городского пространства: российский и зарубежный опыт // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. № 1 (4). С. 289–301.
 8. Городской дизайн-код – для улучшения эстетического облика Архангельска – Информационный портал города Архангельска. – 2020. – URL: <https://www.arhcity.ru/?page=0/55687> (дата обращения: 27.02.2026).
 9. Долгаева Е.И., Кастолина А.С. Вовлеченность населения в благоустройство городов: проблемы и способы решения // Огарев-online. 2025. Т. 13, № 1. С. 8–21.
 10. Евстратова Т.А., Кулеева Л.М., Куприянов В.Н., Малахов С.А., Михайлов С.М. Современные тенденции в области художественного синтеза в архитектуре и дизайне города // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2023. № 2 (64). С. 101–112.
 11. Кочухова Е.С., Мартыанов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19, № 2. С. 45–66.
 12. Лутченко С.И., Комелева Я.С. Принципы унификации градостроительных документов в мировой практике // Архитектура и современные информационные технологии. 2025. № 1(70). С. 238–261.
 13. Максимова С.В., Семина А.Е. Концепция колористического решения центральных улиц города Березники // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 3. С. 109–118. DOI 10.22337/2077-9038-2023-3-109-118.
 14. Михайлов С.М., Михайлова А.С., Карамова Л.З. Дизайн города: модель исторического развития (индустриальный период) // Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования: Материалы III Международной научно-практической конференции (Минск, 18–19 апреля 2019 года). Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 182–187.
 15. Михайлов С.М., Михайлова А.С., Надыршин Н.М. Дизайн города: основные этапы исторического развития // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5 (166). С. 4–9.
 16. Нестеренко В.М., Ковалева Е.Л., Анищенко Л.Н. Коррекция шумового загрязнения элементами растительного каркаса в городах (на примере крупного города Нечерноземья РФ) // Вестник Донецкого национального университета. Серия А: Естественные науки. 2025. № 1. С. 117–126.
 17. Нецветаева О.В. Дизайн-код как способ выявления идентичности местности (на примере г. Колтуши) // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2025. № 1. С. 55–67.
 18. Петровская Е.И. Градостроительный регламент, средовые коды и критерии качества городского пространства // Архитектура и современные информационные технологии. 2017. № 2 (39). С. 268–283.
 19. Прокопьева Н.Ю. Особенности восприятия городского пространства // Вестник Северовосточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (7). С. 87–93.
 20. Проскуряков Р.А. «Умный город»: социология цветового восприятия // Миссия конфессий. 2024. Т. 13, № 3(76). С. 121–130.
 21. Самофалов В. Дизайн-код Архангельска улучшит восприятие города – Архангельское региональное отделение партии «Единая Россия». – 2020. – URL: <https://arkhangelsk.er.ru/activity/news/vladimir-samofalov-dizajn-kod-arhangelska-uluchshit-vozpriyatie-goroda> (дата обращения: 27.02.2026).
 22. Семина А.Е., Максимова С.В. Ландшафтно-визуальный анализ и его роль в цифровом документировании архитектурного наследия Верхнекамья // Архитектон: известия вузов. 2019. № 2 (66). С. 11.
 23. Татаринов К.А. Концепция «умного города»: вызовы и тенденции развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 106–118.
 24. Уханова Ю.В. Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 663–676.
 25. Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 4. С. 10–24.
 26. Хмельченко Е.Г., Розанов Д.М., Кулакова С.В. Дизайн городской среды: инструменты создания облика современного города // Муниципальная академия. 2022. № 4. С. 87–93.



27. Чернова Ж.В. Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 74–90.
28. Шапорева А.В., Смольянинова Е.С., Раковец Н.С., Мицих Д.Т., Попова Ю.А. Дизайн код города как основа уникальности и узнаваемости городской среды (на примере городов Европы) // In The World Of Science and Education. 2025. 15 февраля.
29. Cvetković M., Momcilovic-Petronijevic A., Ćurčić A. Visual pollution of urban areas as one of the main issues of the 21st century // 26th International Conference Ecological Truth & Environmental Research. Bor, 2018. P. 103–108.
30. Vereshchagin I.F., Zashikhina I.M., Malygina M.V. Public participation in city building: case of the Arkhangelsk region // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26 (1). С. 143–166. DOI 10.31119/jssa.2023.26.1.6.
31. Xu Z., Sun R. A Study on the Visual Perception and Emotional Differences of Urban Residents Towards Urban Spatial Elements from the Perspective of Xiangchou – An Analysis of Xiaoyaojin Park in Hefei // Buildings. 2025. № 15(8). DOI:10.3390/buildings15081209.

DESIGN CODE OF THE CITY OF ARKHANGELSK: ANALYSIS OF IMPLEMENTATION

Vereshchagin I.F., Zashikhina I.M., Shames M.I.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

This article presents an institutional analysis of the design code as a tool for the social regulation of the visual space of a northern city in the context of sustainable development strategies and the search for local identity. The aim of the study is to provide a sociological assessment of the design code implementation effectiveness in Arkhangelsk, to identify barriers to its perception by professional groups, and to determine ways to optimize municipal improvement policies. The methodological framework combines a theoretical reflection on the concepts of the «smart city», creativity, and inclusion with an analysis of semi-structured expert interviews (n=8) conducted with representatives of the architectural community, designers, local historians, and government officials. The findings reveal a conflict between the unification of the urban environment and the interests of small businesses, and establish that the implementation of the design code is limited by the absence of specialized control institutions and the vagueness of the city's symbolic capital. The study substantiates the need to integrate visual standards into participatory design and to consider the psycho-emotional impact of the color environment on residents of northern territories. The scientific significance of the work lies in identifying correlations between the quality of visual communications and the processes of citizens' identification with their place of residence. The results can be applied in the development of municipal spatial development strategies for the subjects of the Russian Arctic Zone.

Keywords: design code, urban environment, Arkhangelsk, sustainable development, urban identity, expert community, visual regulation, smart city, creativity, inclusion.

References

1. Andreev I.D. To the question of the components of the visual urban environment // Vestnik Hkakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 2024. Vol.48. № 2. Pp. 148–159.
2. Bantserova O.L., Sorokina V.O. The importance of design code in preserving the cultural and historical image of the cities of the Crimea south coast // System technologies. 2024. Vol.52. № 3. Pp. 109–119.
3. Blyankinshtejn O.N., Popkova N.A., Savel'ev M.V., Unagayeva N.A., Fedchenko I.G., Chuj Ya.V. Sociocultural basis of urban planning regulation for public open spaces // Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. 2021. № 41. Pp. 18–40.
4. Buchatskaya Yu.V. «The town of dream»: culture and atmosphere as resources for the city image (on the example of the southern German town of Bamberg) // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2018. № 21. Pp. 130–153.
5. Vodopianova E.V. Trends in the evolution of the European city // Contemporary Europe. 2024. № 1. Pp. 155–165.
6. Getmanchenko O.V., Viatkina B.M. The role of city design and small architecture forms in the development of tourist industry // Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost. 2014. № 5. Pp. 103–112.
7. Gimranova G.A. Changing urban space: Russian and foreign experiences // Social Sciences and Humanities Theory and Practice. 2020. № 1. Pp. 289–301.
8. Urban design code – to improve the aesthetic appearance of Arkhangelsk – Information portal of the city of Arkhangelsk. – 2020. – URL: <https://www.arhcity.ru/?page=0/55687> (date of access: 27.02.2026).
9. Dolgaeva E.I., Kastolina A.S. Citizen Involvement in Urban Improvement: Problems and Solutions // Ogarev-online. 2025. № 13(1). Pp. 8–21.
10. Evstratova T.A., Kuleeva L.M., Kupriyanov V.N., Malahov S.A., Mihajlov S.M. Modern trends in the field of artistic synthesis in architecture and design of the city // News of the Kazan State University of Architecture and Engineering. 2023. № 2(64). Pp. 101–112.
11. Kochuhova E.S., Mart'yanov V.S. Creative city or right toward the city: alternative of urban development in Russian context // Antinomii. 2019 № 2. Pp. 45–66.
12. Lutchenko S.I., Komeleva Ya.S. Principles of urban planning document standardization in global practice // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. № 1(70). Pp. 238–261.
13. Maksimova S.V., Syomina A.E. The Architectural Coloristic Design of the Berezniki's Central Streets // Academia. Architecture and Construction. 2023. № 3. Pp. 109–118.
14. Mihajlov S.M., Mihajlova A.S., Karamova L.Z. City design: historical development model (the industrial period) // Aktual'nye problemy dizajna i dizajn-obrazovaniya: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Minsk. 2019. Pp. 182–187.
15. Mihajlov S.M., Mihajlova A.S., Nadyrshin N.M. City design: milestones of historical development // Vestnik of the Orenburg State University. 2014. № 5(166). Pp. 4–9.
16. Nesterenko V.M., Kovaleva E.L., Anishchenko L.N. To the correction of noise pollution by elements of the plant framework in cities (on the example of a large city in the non-black earth region of the Russian Federation) // Vestnik of Donetsk National University. Series A: Natural Sciences. 2025. № 1. Pp. 117–126.
17. Necvetaeva O.V. Design code as a way to identify the identity of the area (using the example of Koltushi) // Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov. 2025. № 1. Pp. 55–67.
18. Petrovskaya E.I. Town planning regulations, environmental codes and criteria for the quality of urban space // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 2(39). Pp. 268–283.
19. Prokop'eva N. Yu. Peculiarities of Perceiving Urban Environment // Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy. 2017. № 3(7). Pp. 87–93.
20. Proskuryakov R.A. Smart city: sociology of color perception // Mission Confessions. 2024. № 3(76). Pp. 121–130.
21. Samofalov V. Arkhangelsk's design code will improve the perception of the city – Arkhangelsk regional branch of the United Russia Party. – 2020. – URL: <https://arkhangelsk.er.ru/activi->



- ty/news/vladimir-samofalov-dizajn-kod-arhangelska-uluchshivospriyatie-goroda (date of access: 27.02.2026).
22. Semina A.E., Maksimova S.V. Landscape analysis and its role in digital documentation of the Upper Kama region architectural heritage // *Architecton: Proceedings of Higher Education*. 2019. № 2(66). P. 11.
 23. Tatarinov K.A. The concept of a «smart city»: challenges and development trends // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*. 2024. № 1. Pp. 106–118.
 24. Ukhanova Yu.V. The interaction of society and authorities in urban development: The case of big cities of Northwestern federal district // *RUDN Journal of Political Science*. 2023. № 25(3). Pp. 663–676.
 25. Fedotova N.G. The cultural code of the city // *Slovo.ru: Baltic accent*. 2022. № 4. Pp. 10–24.
 26. Khmelchenko E.G., Rozanov D.M., Kulakova S.V. Urban environment design: tools for creating the appearance of a modern city // *Municipal Academy*. 2022. № 4. Pp. 87–93.
 27. Chernova Z.V. Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities, and Limitations // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. № 5. Pp. 74–90.
 28. Shaporeva A.V., Smol'yaninova E.S., Rakovec N.S., Micih D.T., Popova Yu.A. The design of the city code as the basis for the uniqueness and recognition of the urban environment (using the example of European cities) // *In The World Of Science and Education*. 2025. 15 fevralya.
 29. Cvetković M., Momcilovic-Petronijevic A., Čurčić A. Visual pollution of urban areas as one of the main issues of the 21st century // *26th International Conference Ecological Truth & Environmental Research*. Bor, 2018.
 30. Vereshchagin I.F., Zashikhina I.M., Malygina M.V. Public participation in city building: case of the Arkhangelsk region // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023. № 26 (1). Pp. 143–166. DOI 10.31119/jssa.2023.26.1.6.
 31. Xu Z., Sun R. A Study on the Visual Perception and Emotional Differences of Urban Residents Towards Urban Spatial Elements from the Perspective of Xiangchou – An Analysis of Xiaoyaojin Park in Hefei. *Buildings*. 2025. № 15(8). DOI:10.3390/buildings15081209.



Социальные проблемы в информационном пространстве

Маслодудова Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы решения социальных проблем. Анализируется информационное пространство социальной сети ВКонтакте за 2023–2025 годы, где анализируется тематика обсуждения социальных проблем различными социальными институтами. Выделяется пять основных проблем, освещающих «социальные проблемы» в информационном пространстве: проблема защиты, справедливости, социальной безопасности, гражданской активности и социальной пассивности, проблема доверия, выделяется их динамика за рассматриваемый период, а также контексты озвучиваемые представителями разных институтов гражданского общества (органы власти: защита и модернизация, демографическое воспроизводство, увеличение продолжительности жизни, экологическая безопасность и благополучие; некоммерческие организации: конкретная забота о человеке или группе, стратегии решения социальных проблем, активизация социальной активности и инициатив населения; СМИ: проблема как констатация факта, призыв к решению проблемы / кто должен отвечать, проблема как решённая задача; бизнес: проблема как создание условий, проблема как поиск финансирования, проблема как личная инициатива и воля). Делается вывод о возможностях информационного пространства в мониторинге и решении социальных проблем.

Ключевые слова: социальные проблемы, информационное пространство, дискурс, контент-анализ, социальные институты.

В современном мире социальные проблемы приобретают дополнительные формы и механизмы проявления. Не последнюю роль в этом играет расширившееся информационное пространство СМИ и сети Интернет. Информационное пространство может транслировать не только реальную, объективную информацию, но и оперировать фейковыми (придуманными) информационными поводами.

Поэтому, возникающие в социуме социальные проблемы в политике и экономике, культуре и морали, экологии и психологии отражают не только реальные социальные процессы, но и то, что то, что формируется как вирусная информационная ячейка, меняющая форму и даже суть сообщения – пересекаясь с одним или другим информационным носителем.

Традиционные социальные институты не могут решить всех социальных проблем. Но все ещё государство является основным регулятором социального взаимодействия. Хотя, в последние несколько десятилетий активизировались и другие институты гражданского общества (некоммерческие организации, добровольческие сообщества, корпорации и т.д.).

В рамках традиционного освещения социальных проблем, предложенного П. Бергером и Н. Лукманом, осуществляется хабиутализация, типизация, институционализация и легитимация. Основным выступает легитимация, так как благодаря ей происходит публичное обсуждение социальных проблем (начиная от причин возникновения, особенностей проявления и последствий для разных социальных групп и общества в целом).

В современном дискурсе, выделенные четыре этапа сливаются. Благодаря виртуальному пространству – они могут протекать одновременно и существенно сжиматься по глубине и качеству проверки информации. Это происходит из-за высокой плотности поступающей информации, большого количества разнообразных источников, зачастую противоречащих друг другу и отсутствия «правильного» понимания сути проблемы.

Социальные проблемы рассматриваются в литературе как аспекты индивидуальных и социальных процессов. К первым относятся вопросы исследования социального здоровья (Р.Г. Ардашев [1–4], В.А. Скуденков [26–28]), реализации духовных практик (О.М. Хохлова, Л.К. Никитина [29]); ко вторым условия реализации просоциальных

практик (Р.В. Иванов [11], О.А. Полюшкевич [19–25]), проблемы и перспективы профессиональной деятельности молодёжи (П.А. Баев [5–10]), цифровых условий социализации (К.А. Кузнецова [12–14]), информационных пространств в виртуальном мире (Н.В. Маслодудова [15–18]) и др.

Особенности исследования

Анализом информационных сообщений мы занимались в социальной сети ВКонтакте, где проана-

лизировали 43870 сообщений, с хештегом #социальные_проблемы за 2023–2025 годы.

Контент-анализ осуществлялся при помощи программы Atlas.ti.

Результаты исследования

В результате исследования, мы смогли выявить несколько стратегий обсуждения социальных проблем в информационном пространстве сети, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Проблематика обсуждения «социальных проблем» в социальной сети ВКонтакте с 2023 по 2025 г.

Проблематика	Характеристика	Примеры использования объектов проблематики
Проблема защиты	Для защиты социальной группы, сообщества, территории, экологии, культуры, наследия, традиций и проч.	Нам необходимо защитить наших детей от западной культуры. Только волонтеры могут стать третьей силой способной организовать межсекторное партнёрство и защитить идеи гражданского общества. Сохранение экологии – это наша задача для будущих поколений. Преемственность поколений возможна сохранении культуры и обычаев предков в жизни потомков
Проблема справедливости	Защита закона, принципа справедливости, защита тех, кого угнетают и притесняют	Равноправие – это залог развития правового государства. Сила закона в его справедливости и равной работе для всех. Справедливость не равно закон. Это аксиома нашего общества. Право на жизнь и свободу – это основа жизни человека в обществе, где нет возможности угнетать кого-то по какому-либо признаку (пола, возраста, нации, религии и проч.)
Проблема социальной безопасности	Защита от болезней, экономических и культурных рисков, политических трансформаций, экологических и техногенных катастроф	Угрозы здоровью населения несут в себе риски безопасности общества. Утрата культурной и духовной идентичности народа – приводит к социальному разобщению и угрозам социальной безопасности общества. Политическая безопасность общества гарант социальной легитимности власти. Безопасность жизни в условиях экстремистских рисков увеличивается через пространство интернет
Проблема гражданской активности и социальной пассивности	Защита через социальную активность и гражданскую ответственность	Без личной инициативы и гражданской ответственности нет возможности развивать общество. Социальная инертность тормозит решение актуальных проблем, только вовлеченность населения в социальную проблематику – меняет ситуацию. Только гражданская активность населения может изменить ситуацию по социальному взаимодействию в регионе, да и в стране в целом. Гражданская ответственность помогает регулировать правовые нормы общества, без этого, угрозы социальной безопасности разрушат общество изнутри
Проблема доверия	Доверие мошенникам и не доверие власти	Наше население доверчиво и мошенники этим пользуются, обманывая простой народ. Людьми легко манипулировать через их слабости, желания, проблемы. Этим и пользуются мошенники, предприниматели и представители власти. Властям нет доверия, так как они погрязли в коррупции и не принимают решений для народа, только для себя. У людей нет понимания того, кому можно доверять, а кому нет. Власти не верят, так как не раз обманывала, людям не верят так как не раз подставляли. При этом легко ведутся на манипулирование и попадают в зависимость от мошенников

Это основные сферы, которые в рассматриваемые годы показали разнообразные практики социальных проблем. Социальная сеть ВКонтакте не предполагает серьезной аналитики, но при этом, проблематика актуализируется через информационные сообщения. Количественные показатели проблематики отражения «социальных проблем» отражены в таблице 2.

Таблица 2. Количественные показатели проблематики отражения «социальных проблем» в информационном пространстве социальной сети ВКонтакте с 2023 по 2025 г.

Проблематика	2025 г.	2024 г.	2023 г.	Всего
Проблема защиты	2345	3244	3541	9130



Окончание

Проблематика	2025 г.	2024 г.	2023 г.	Всего
Проблема справедливости	2643	2411	2215	7269
Проблема социальной безопасности	3865	3421	3112	10398
Проблема гражданской активности и социальной пассивности	2753	2213	1987	6953
Проблема доверия	3680	3321	3119	10120

Обозначенная проблематика не является уникальной, но она позволяет выявить ключевые потоки информационных сообщений, которые влияют на общественное сознание. Это точки социальных трансформаций, которые моделируют социальное взаимодействие через обсуждения в чатах и форумах и определяют механизмы трансформации и тиражирования данных сообщений в будущем.

Если мы будем анализировать контекст публичной риторики представителей различных социальных институтов, то также можем увидеть разнообразие оценок и подходов интерпретации сложившегося положения вещей. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3. Публичная риторика «социальных проблем» представителей различных социальных институтов

Социальные институты	Риторика «социальных проблем»	Пример
Органы власти	Защита и модернизация	Комплексная защита населения в условиях СВО нуждается в модернизации системы социального обеспечения. Для работы социальной защиты населения необходимо модернизировать систему социального обслуживания
	Демографическое воспроизводство	Для защиты интересов страны – необходимо стабилизировать демографические показатели регионов. Демографические проблемы – являются основой социальной стагнации общества в настоящем и стирания нашей страны с лица земли в будущем
	Увеличение продолжительности жизни	Здоровое население – опора общества, продолжительность жизни содействует возможности увеличения трудового потенциала граждан. Увеличение продолжительности жизни – опора экономики страны
	Экологическая безопасность и благополучие	Экотерритории – основа экологической безопасности и благополучия страны. Экологическое благополучие регионов – перспектива развития территории
Некоммерческие организации	Конкретная забота о человеке или группе	Работа с конкретными социальными группами (инвалиды, пенсионеры, женщины в трудной жизненной ситуации, наркомы и т.д.) требует профессиональной подготовки и максимального включения в проблемы граждан. Работа с социальными проблемами в какой-то сфере (экология, здоровье, социальная реабилитация и проч.) делает людей специалистами на все руки, способными решить любой вопрос в своей нише собственными силами или с привлечением других ресурсов (власть, СМИ, волонтеры и т.д.)
	Стратегии решения социальных проблем	Чтобы социальные проблемы какой-то группы или человек решались – надо понимать как работает этот механизм решения любых вопросов и как его запустить через СМИ, социальные сети или официальным путём через органы власти, но без реальной консультации и понимания логики действий – результата не будет. Те, кто сталкиваются с какой-то социальной проблемой, как правило не имеют ни малейшего представления – как её решать, поэтому необходима поддержка некоммерческих организаций и добровольцев для организации процесса решения проблемы или самостоятельного её устранения
	Активизация социальной активности и инициатив населения	Проблема решается, когда находятся не безразличные люди, готовые включиться в социальное поле, приложить личные усилия, чтобы решить вопрос. Без личной инициативы и социальной ответственности граждан – невозможно решить социальные проблемы человека, группы людей, территории или чего-то ещё
СМИ	Проблема как констатация факта	В стране есть проблемы их одномоментно не решить, но постепенно Президент находит рычаги и меняет нашу жизнь к лучшему. Универсальных решений социальных проблем нет. Но есть постепенная последовательная работа, которая меняет установки и возможности всех заинтересованных сторон, что приводит к решению многих социальных вопросов

Социальные институты	Риторика «социальных проблем»	Пример
	Призыв к решению проблемы / кто должен отвечать	<i>Проблемы России – дурачки и дороги. Кто должен отвечать за это? Власть. Так как государственные органы решают кого и как учим и как и кто строит дороги. Социальные проблемы надо решать «с головы», так как рыба гниёт отсюда. Надо находить тех людей, кто понимает причину проблемы и может ее решить</i>
	Проблема как решённая задача	<i>Социальные проблемы в регионе решались через личное участие мэра. Был человек – проблемы решались, не стало такого человека – проблемы множились (о губернаторе Иркутской области – Ю.Н. Ножикове). Проблемы со спортивными секциями для детей решались через личную инициативу предпринимателей – строивших за свой счёт спортивные сооружения в городе</i>
Бизнес	Проблема как создание условий	<i>Для того чтобы социальные проблемы решались – необходимо создавать условия для того, чтобы те кто может помочь – могли это сделать, а не сталкивались с кучей бюрократии и административных преград. Многие социальные проблемы решит бизнес, волонтеры, СМИ, и другие социальные институты, только органам власти для этого надо создать условия и замотивировать всех через открытое взаимодействие и диалог</i>
	Проблема как писк финансирования	<i>Многие проблемы решаются через финансирование. Проблема только в прозрачности распределения выделенных средств и контроле получения непосредственными адресатами. Деньги – это меньшее что можно получить для решения социальных проблем. Большинство из них лежат вне плоскости финансов, а глубже – в социальных устоях, традициях, менталитете и т.д. Поэтому, бизнес даёт деньги, а другие представители общественности влияют на другие процессы социального взаимодействия</i>
	Проблема как личная инициатива и воля	<i>Чтобы представители бизнеса могли решить какую-то социальную проблему – надо чтобы они имели личный мотив. Личная инициатива предпринимателя зачастую решает любой вопрос в аспекте социального регулирования, если ему не все равно</i>

Таким образом, различные социальные институты через разнообразные стратегии обсуждают социальные проблемы. Говорить о том, что одна риторика более удачна или успешна, а другая нет – не корректно, так как стоит учитывать разнонаправленность целевой аудитории, не одинаковые условия возникновения и развития социальных проблем. А также «вирусность» информационного пространства социальных сетей. Это создаёт множество социальных трактовок регулирования социальных проблем.

Выводы

Обобщая дискурс социальных проблем в информационном пространстве можно увидеть не одинаковые акценты в причинно-следственных связях, констатациях проблем, современного их состояния и путей реализации. То, что информационное пространство сети Интернет является открытой площадкой для обсуждения вариантов решения и предложения оптимальных стратегий решения разнообразных проблем не вызывает сомнений, но не позволяет объективно оценивать компетентность и экспертность тех или иных суждений. Хотя

публичная открытость позволяет найти множество тех, кто поддерживает те или иные идеи и способы их решения (доказательством этого служит количество лайков или комментариев под тем или иным сообщением в различных сообществах). Поэтому, дискурс социальных проблем необходимо мониторить и использовать как основу для формирования векторов социального моделирования общественного развития.

Одни социальные институты более регламентированы в обозначении социальной проблематики (например, власть), другие более свободны (например, НКО, СМИ). Но и те и другие в рамках своих возможностей регулирует социальное поле общественного воспроизводства.

Информационное пространство может стать как инструментов регулирования и решения социальных проблем, так и способом их преумножения. Вопрос остаётся лишь за тем – кто и как будет это пространство использовать. Пока эти возможности есть у всех институтов гражданского общества, но вот в полной мере ими пользоваться могут не все. И это, по нашему мнению, создаёт негативные процессы для торможения многих социальных проблем.



Литература

1. Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании // Социология. 2024. № 10. С. 21–25.
2. Ардашев Р.Г. Социальное здоровье молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 57–61.
3. Ардашев Р.Г. Социальное здоровье населения в условиях неопределённости // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 84–86.
4. Ардашев Р.Г. Экспертный анализ информационных сообщений в сми о преступлениях // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 186–189.
5. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.
6. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
7. Баев П.А. Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи // Социология. 2024. № 10. С. 63–67.
8. Баев П.А. Трудовые и профессиональные притязания студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 4. С. 26–29.
9. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // Социология. 2024. № 7. С. 37–42.
10. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
11. Иванов Р.В. Критерии социальной безопасности на фоне современных социальных вызовов в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 12–15.
12. Кузнецова Е.А. Негативные последствия виртуальной социализации молодежи: экспертные оценки // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 273–276.
13. Кузнецова Е.А. Социальная безопасность личности в условиях виртуальной социализации молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 114–117.
14. Кузнецова Е.А. Цифровизация образа жизни молодежи: критерии благополучия // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 227–230.
15. Маслодудова Н.В. Информационный поток в виртуальной среде молодежных сообществ // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 280–283.
16. Маслодудова Н.В. Психологическое здоровье студенческой молодежи в вакууме информационных потоков // Социология. 2025. № 10. С. 20–25.
17. Маслодудова Н.В. Социальное измерение молодежных проблем // Социология. 2025. № 5. С. 37–43.
18. Маслодудова Н.В. Социокультурные особенности информационного пространства // Социология. 2025. № 3. С. 149–155.
19. Полюшкевич О.А. Как просоциальные практики меняют жизненное пространство молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 284–291.
20. Полюшкевич О.А. Моральное измерение просоциальных практик // Социология. 2025. № 11. С. 49–53.
21. Полюшкевич О.А. Просоциальное самоопределение молодежи // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира. Сборник научных трудов Четвёртой международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 366–370.
22. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в развитии человеческого потенциала региона // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 391–393.
23. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики как форма сохранения душевного здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2025. С. 75–80.



24. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики социальной солидарности. Монография. Иркутск, ИГУ, 2025. 309 с.
25. Полюшкевич О.А. Социальная справедливость/несправедливость в современных реалиях // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 171–175.
26. Скуденков В.А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.
27. Скуденков В.А. Социальные условия взаимодействия здоровья и эмоций в социально-психологической практике // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2018. С. 74–80.
28. Скуденков В.А. Социологический подход к эмоциям и здоровью человека в период экономических санкций // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 17–22.
29. Хохлова О. М., Никитина Л.К. Проблемы обеспечения духовной безопасности России в современном обществе // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXII межрегиональной молодёжной научно-практической конференции. отв. ред. П.П. Петухов. Иркутск, 2019. С. 268–275.
2. Ardashev R.G. Social Health of Young People // Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurements. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2024. pp. 57–61.
3. Ardashev R.G. Social Health of the Population in Conditions of Uncertainty // Social Dynamics of the Population and Human Potential. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2024. pp. 84–86.
4. Ardashev R.G. Expert Analysis of Crime Reports in the Media // Development of Expert Institutions in the 21st Century: Theory and Practice. Collection of Scientific Papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 186–189.
5. Baev P.A. Virtualization and Digitalization of Professions and Labor // Sociology. 2024. № 9. Pp. 159–163.
6. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. Pp. 27–31.
7. Baev P.A. Paradoxes of Modern Youth's Labor Values // Sociology. 2024. № 10. Pp. 63–67.
8. Baev P.A. Students' Labor and Professional Aspirations // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2025. № 4. Pp. 26–29.
9. Baev P.A. Labor Values and Orientations of Regional Youth in the Context of Digitalization // Sociology. 2024. № 7. pp. 37–42.
10. Baev P.A. Economic Well-Being of Ideological Attitudes of Young People // Sociology. 2024. № 2. pp. 57–64.
11. Ivanov R.V. Social Security Criteria Against the Background of Modern Social Challenges in Russia // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 12–15.
12. Kuznetsova E.A. Negative Consequences of Virtual Socialization of Young People: Expert Assessments // Development of Expert Institutions in the 21st Century: Theory and Practice. Collection of Scientific Papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 273–276.
13. Kuznetsova E.A. Social Security of an Individual in the Context of Virtual Socialization of Young People // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 114–117.
14. Kuznetsova E.A. Digitalization of Young People's Lifestyle: Well-Being Criteria // Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurements. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2024. Pp. 227–230.
15. Maslodudova N.V. Information Flow in the Virtual Environment of Youth Communities // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2026. Pp. 280–283.
16. Maslodudova N.V. Psychological Health of Student Youth in the Vacuum of Information Flows // Sociology. 2025. № 10. Pp. 20–25.
17. Maslodudova N.V. Social Dimension of Youth Problems // Sociology. 2025. № 5. Pp. 37–43.
18. Maslodudova N.V. Sociocultural Features of the Information Space // Sociology. 2025. № 3. Pp. 149–155.
19. Polyushkevich O.A. How Prosocial Practices Change the Living Space of Young People // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2026. Pp. 284–291.
20. Polyushkevich O.A. Moral dimension of prosocial practices // Sociology. 2025. № 11. Pp. 49–53.
21. Polyushkevich O.A. Prosocial self-determination of youth // Expert institutions in the context of building a safe world. Collection of scientific papers of the Fourth international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 366–370.
22. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in the development of the region's human potential // Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the VI International

SOCIAL PROBLEMS IN THE INFORMATION SPACE

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the solutions to social problems. It analyzes the information space of the social network VKontakte for 2023–2025, examining the topics of social problem discussions by various social institutions. Five key issues are identified that highlight «social problems» in the information space: protection, justice, social security, civic engagement and social passivity, and trust. Their dynamics over the period under review are highlighted, as well as the contexts voiced by representatives of various civil society institutions (government bodies: protection and modernization, demographic reproduction, increasing life expectancy, environmental safety and well-being; non-profit organizations: specific concerns for individuals or groups, strategies for solving social problems, activating social activity and public initiatives; media: problem as a statement of fact, a call to solve the problem / who should be responsible, problem as a solved problem; business: problem as the creation of conditions, problem as a squeak of funding, problem as personal initiative and will). A conclusion is drawn about the potential of the information space for monitoring and solving social problems.

Keywords: social problems, information space, discourse, content analysis, social institutions.

References

1. Ardashev R.G. Mental Health of Young People: Depression and Suicide in the Public Consciousness // Sociology. 2024. № 10. pp. 21–25.

- al scientific and practical conference. Moscow, 2024. Pp. 391–393.
23. Polyushkevich O.A. Prosocial practices as a form of maintaining mental health // *Philosophy of health: an integrative approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2025. pp. 75–80.
 24. Polyushkevich, O.A. Prosocial practices of social solidarity. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University, 2025. 309 p.
 25. Polyushkevich, O.A. Social justice/injustice in modern realities // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 171–175.
 26. Skudnikov, V.A. Features of the social framework of mental health // *Philosophy of health: an integrative approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation. Irkutsk, 2020. pp. 39–43.
 27. Skudnikov V.A. Sociological approach to emotions and human health during the period of economic sanctions // *Philosophy of health: an integrated approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2017. pp. 17–22.
 29. Khokhlova O. M., Nikitina L.K. Problems of ensuring spiritual security of Russia in modern society // *Russian civilization: history, problems, prospects*. Proceedings of the XXII interregional youth scientific and practical conference. ed. P.P. Petukhov. Irkutsk, 2019. pp. 268–275.

Механизмы государственного содействия реализации права на высшее образование в Российской Федерации

Сушко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В статье рассматривается образование как один из важнейших социальных институтов, поскольку оно играет ключевую роль в развитии общества, выступая одной из главных составляющих человеческого капитала, необходимого для развития и стабильного функционирования государства и общества в целом. Важность изучения данного вопроса обусловлено возрастающей ролью государственной поддержки высшего образования в контексте трансформационных процессов российской экономики и необходимости обеспечения конкурентоспособности национальной системы подготовки кадров.

Ключевые слова: право на высшее образование, механизмы государственного содействия, методы и инструменты доступности высшего образования.

Современный этап развития российской системы высшего образования характеризуется масштабными институциональными преобразованиями, направленными на повышение доступности образовательных услуг для различных категорий граждан. Государственные меры поддержки охватывают широкий спектр инструментов – от бюджетного финансирования образовательных организаций до адресной помощи обучающимся. Эффективность этих мер напрямую влияет на качество человеческого капитала страны и ее инновационный потенциал.

Реализация национального проекта «Образование» демонстрирует стратегический подход государства к развитию образовательной сферы. Концентрация ресурсов на ключевых направлениях модернизации, внедрение цифровых технологий, создание современной инфраструктуры – все это требует систематического научного осмысления и оценки результативности предпринимаемых усилий. Необходимость комплексного анализа действующих механизмов государственной поддержки и выявления направлений их совершенствования определяет научную и практическую значимость настоящего исследования.

В условиях динамично меняющейся социально-экономической среды доступность качественного высшего образования становится критическим фактором устойчивого развития общества. Государственная политика в этой сфере приобретает особое значение, поскольку именно она определяет возможности реализации конституционного права граждан на образование и формирует предпосылки для социальной мобильности населения.

Социально-экономическое значение государственной поддержки высшего образования

Государственная поддержка образования представляет собой многоаспектную систему мер, реализуемых органами публичной власти с целью обеспечения конституционного права граждан на образование и создания условий для устойчивого развития образовательной сферы. В научной литературе данное понятие рассматривается как совокупность правовых, организационных, финансово-экономических и институциональных механизмов, направленных на повышение доступности и качества образовательных услуг. Категория государ-



ственной поддержки охватывает широкий спектр инструментов – от прямого бюджетного финансирования образовательных организаций до создания благоприятных условий для развития частно-государственного партнерства в образовательном секторе [1].

Концептуальные основы государственной поддержки образования в России базируются на признании образования ключевым фактором социально-экономического развития общества и важнейшим элементом национальной безопасности. Современная парадигма государственного управления образованием исходит из необходимости балансирования между обеспечением равного доступа к образовательным ресурсам и стимулированием конкуренции между образовательными организациями. Этот подход предполагает дифференциацию форм и методов государственной поддержки в зависимости от специфики образовательных программ, региональных особенностей и потребностей целевых групп обучающихся.

Социальное значение государственной поддержки высшего образования раскрывается через принцип доступности и социальной справедливости. Механизмы распределения бюджетных мест, система льгот для отдельных категорий граждан (сироты, инвалиды, участники социально значимых программ), а также стипендиальное обеспечение выступают инструментами нивелирования имущественного неравенства. Государство, беря на себя значительную часть затрат на обучение, выполняет функцию «социального лифта», позволяя талантливой молодежи из семей с низким уровнем дохода получать качественное образование и улучшать свой социальный статус. Поддержка высшей школы также способствует снижению социальной напряженности, предоставляя молодежи конструктивный вектор самореализации и гарантии трудоустройства.

Однако ключевым условием эффективности этой поддержки является ее сбалансированность. Необходимо, чтобы объем государственного финансирования коррелировал с реальными потребностями экономики, а доступность образования не достигалась за счет снижения качества подготовки специалистов.

Экономический аспект государственной поддержки высшего образования заключается в том, что инвестиции в высшее образование трансформируются в прирост валового внутреннего продукта. Финансирование бюджетных мест, целевое обучение по приоритетным направлениям (IT, инженерия, медицина) позволяют государству регулировать структуру рынка труда, предотвращая кадровый голод в стратегически важных отраслях. Кроме того, система грантов и субсидий вузам стимулирует научно-исследовательскую деятельность, создавая основу для инновационной экономики. С экономической точки зрения, под-

держка образования – это не статья расходов бюджета, а долгосрочная инвестиция с высоким мультипликативным эффектом: квалифицированные специалисты повышают производительность труда, генерируют новые технологии и увеличивают налоговую базу. Стратегическое значение государственной поддержки высшего образования обусловлено необходимостью обеспечения технологического суверенитета России и развития критических отраслей экономики. Целевая подготовка кадров для высокотехнологичных секторов, поддержка фундаментальных и прикладных исследований в университетах, создание инновационной инфраструктуры – эти направления государственной политики формируют предпосылки для прорывного научно-технического развития. Интеграция образовательных организаций в национальную инновационную систему усиливает мультипликативный эффект государственных инвестиций в образование, способствуя трансферу знаний и коммерциализации результатов научных исследований.

Таким образом, государственная поддержка образования представляет собой комплексный институциональный механизм, обеспечивающий реализацию стратегических национальных интересов в сфере развития человеческого потенциала. Социально-экономическое значение этой функции государства определяется ее влиянием на формирование конкурентоспособной экономики знаний и создание условий для устойчивого социального развития российского общества.

Нормативно-правовое регулирование обеспечения доступности высшего образования в РФ

Правовую основу обеспечения доступности высшего образования в Российской Федерации составляет иерархическая система нормативных актов, включающая конституционные положения, федеральные законы, подзаконные акты и программные документы стратегического планирования. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на образование и гарантирует общедоступность и бесплатность на конкурсной основе высшего образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Это фундаментальное положение определяет обязанность государства по созданию организационных и финансовых условий для реализации гражданами права на получение высшего образования независимо от их социального статуса и материального положения [2].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [3] выступает базовым законодательным актом, регулирующим общественные отношения в сфере образования и устанавливающим правовые, ор-



ганизационные и экономические основы функционирования системы высшего образования. Закон определяет принципы государственной политики в области образования, среди которых особое значение имеют принципы обеспечения права каждого человека на образование, недопустимости дискриминации в сфере образования, создания условий для самореализации каждого человека. Нормативные положения закона детализируют механизмы государственной поддержки получения высшего образования, включая установление контрольных цифр приема на обучение за счет бюджетных ассигнований, порядок предоставления образовательных кредитов, систему государственной социальной помощи обучающимся.

Особую роль в правовом регулировании доступности высшего образования играют нормативные акты, определяющие параметры бюджетного финансирования образовательной сферы. Бюджетный кодекс Российской Федерации устанавливает принципы распределения расходных обязательств между уровнями бюджетной системы в части финансового обеспечения высшего образования. Федеральный бюджет на очередной финансовый год и плановый период содержит объемы бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ в сфере образования, определяет приоритеты государственной политики через структуру и динамику финансирования отдельных направлений развития системы высшего образования [4].

Система стратегического планирования в сфере образования включает программные документы различного уровня, определяющие долгосрочные ориентиры развития и конкретные механизмы достижения целевых показателей доступности высшего образования. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» устанавливает комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на модернизацию образовательной инфраструктуры, повышение качества образовательных услуг, расширение возможностей для получения высшего образования различными категориями граждан. Национальный проект «Образование» конкретизирует приоритеты государственной политики через систему федеральных проектов, каждый из которых ориентирован на решение определенного комплекса задач в области обеспечения доступности и качества образования [5].

Региональное законодательство дополняет федеральную нормативную базу положениями, учитывающими специфику социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и региональные особенности системы высшего образования. Законы субъектов РФ устанавливают дополнительные меры социальной поддержки обучающихся, механизмы софинансирования образовательных программ, формы вза-

имодействия региональных органов власти с образовательными организациями. Региональные программы развития образования определяют территориальные приоритеты в части подготовки кадров для экономики региона и создания условий для закрепления выпускников на региональных рынках труда.

Национальные проекты как инструмент государственной политики в сфере поддержки получения высшего образования

Национальные проекты выступают ключевым инструментом реализации стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации, обеспечивая концентрацию ресурсов на прорывных направлениях социально-экономического развития. В сфере образования этот механизм государственного управления позволяет координировать усилия федеральных и региональных органов власти, образовательных организаций, институтов гражданского общества для достижения амбициозных целей модернизации образовательной системы. Программно-целевой подход, лежащий в основе национальных проектов, обеспечивает измеримость результатов через систему ключевых показателей эффективности и создает механизмы ответственности за достижение целевых значений индикаторов [6].

Национальный проект «Образование», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, определяет комплексную повестку трансформации российской системы образования на период до 2024 года с последующей пролонгацией до 2030 года. Целевые ориентиры проекта включают обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение России в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности. Для высшего образования ключевое значение имеет задача формирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, создания условий для раннего развития и самореализации молодых людей.

Структура национального проекта «Образование» включает федеральные проекты, каждый из которых направлен на решение определенного комплекса взаимосвязанных задач. Федеральный проект «Современная школа» закладывает фундамент для качественной подготовки абитуриентов, обеспечивая их готовность к освоению программ высшего образования. Федеральный проект «Успех каждого ребенка» формирует систему ранней профориентации и выявления талантливой молодежи, что способствует осознанному выбору



образовательных траекторий и повышению мотивации к получению высшего образования. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» создает технологическую инфраструктуру для внедрения инновационных образовательных технологий, включая онлайн-обучение и смешанные форматы освоения образовательных программ [7].

Федеральный проект «Молодые профессионалы» ориентирован на модернизацию профессионального образования и создание системы непрерывного обновления профессиональных знаний и навыков, что особенно актуально в контексте интеграции среднего профессионального и высшего образования. Развитие практико-ориентированного обучения, внедрение дуального образования, усиление связи образовательных программ с требованиями работодателей – эти направления способствуют повышению практической значимости высшего образования и трудоустройства выпускников. Федеральный проект «Новые возможности для каждого» расширяет доступ граждан к программам непрерывного образования, включая возможности получения дополнительного профессионального образования и освоения новых компетенций в течение всей жизни.

Механизмы финансирования национального проекта «Образование» предусматривают консолидацию средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников. Объем финансирования проекта составляет значительную часть государственных расходов на образование, что свидетельствует о приоритетном характере задач модернизации образовательной сферы. Распределение средств между федеральными проектами отражает стратегические акценты государственной политики, при этом механизмы софинансирования стимулируют регионы к активному участию в реализации проектных мероприятий и обеспечению достижения целевых показателей на территории субъектов Федерации [8].

Система управления национальным проектом включает многоуровневую структуру координации, обеспечивающую согласованность действий всех участников и оперативное реагирование на возникающие риски и отклонения от плановых траекторий. Проектные офисы на федеральном и региональном уровнях осуществляют мониторинг достижения целевых показателей, координируют взаимодействие исполнителей мероприятий, обеспечивают информационную открытость хода реализации проекта. Регулярная отчетность о ходе реализации национального проекта позволяет оценивать эффективность использования ресурсов и своевременно корректировать планы в соответствии с меняющимися условиями.

Интеграция национального проекта «Образование» с другими национальными проектами усиливает синергетический эффект государствен-

ной политики в сфере человеческого развития. Взаимосвязь с национальным проектом «Наука» обеспечивает согласованность мер по развитию научно-образовательного потенциала страны, поддержке исследовательских университетов, стимулированию научной деятельности молодых ученых. Координация с национальным проектом «Культура» способствует гармоничному развитию личности обучающихся, формированию духовно-нравственных ценностей и культурной идентичности российской молодежи.

Общая характеристика национального проекта «Образование»

Национальный проект «Образование» представляет собой масштабную государственную инициативу, реализуемую в период 2019–2030 годов с целью обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования и воспитания гармонично развитой личности на основе духовно-нравственных ценностей российского народа. Проект охватывает все уровни образования, создавая целостную систему мер по модернизации образовательной инфраструктуры, внедрению инновационных образовательных технологий и повышению качества подготовки кадров. Стратегическая цель проекта заключается в обеспечении вхождения Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству образования, что требует системных преобразований всех сегментов образовательной сферы [9].

Структура национального проекта включает десять федеральных проектов, образующих взаимосвязанную систему мероприятий по ключевым направлениям развития образования: – «Современная школа»; – «Успех каждого ребенка»; – «Поддержка семей, имеющих детей»; – «Цифровая образовательная среда»; – «Учитель будущего»; – «Молодые профессионалы»; – «Новые возможности для каждого»; – «Социальная активность»; – «Экспорт образования»; – «Социальные лифты для каждого».

Федеральный проект «Современная школа» направлен на обновление содержания и модернизацию материально-технической базы общего образования, что создает фундамент для качественной подготовки будущих абитуриентов вузов. Проект предусматривает создание новых мест в общеобразовательных организациях в соответствии с прогнозируемой потребностью и современными требованиями к условиям обучения. Обновление образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами обеспечивает формирование компетенций, необходимых для успешного освоения программ высшего образования и дальнейшей профессиональной самореализации [5].

Федеральный проект «Успех каждого ребенка» формирует эффективную систему выявле-



ния, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи, основанную на принципах справедливости и всеобщности. Ключевые мероприятия проекта включают создание детских технопарков «Кванториум», центров цифрового образования «IT-куб», обновление материально-технической базы организаций дополнительного образования. К 2024 году планировалось обеспечить охват дополнительным образованием не менее 80% детей в возрасте от 5 до 18 лет, что способствует ранней профориентации и формированию устойчивой мотивации к получению высшего образования по приоритетным направлениям научно-технологического развития.

Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» обеспечивает создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, предоставляющей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней. Внедрение целевой модели цифровой образовательной среды в образовательных организациях предусматривает создание условий для развития цифровых компетенций обучающихся, использование современных технологий в образовательном процессе, обеспечение доступа к верифицированному образовательному контенту и цифровым сервисам. Развитие онлайн-образования расширяет возможности получения качественного высшего образования для граждан, проживающих в отдаленных регионах, и создает предпосылки для реализации индивидуальных образовательных траекторий [10].

Федеральный проект «Молодые профессионалы» направлен на модернизацию профессионального образования посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ. Проект обеспечивает обновление содержания и методов обучения по программам среднего профессионального образования с учетом требований международных стандартов WorldSkills и потребностей рынка труда. Создание в субъектах Российской Федерации центров опережающей профессиональной подготовки способствует интеграции среднего профессионального и высшего образования, обеспечивая непрерывность образовательных траекторий и возможности для вертикальной образовательной мобильности.

Федеральный проект «Новые возможности для каждого» формирует систему непрерывного обновления гражданами профессиональных знаний и приобретения новых профессиональных навыков на протяжении всей жизни. Создание системы персональных цифровых сертификатов для обучения по программам дополнительного профессионального образования обеспечивает гражданам возможность выбора образовательных программ в соответствии с индивидуальными потребностями и запросами работодателей. Расширение до-

ступа к программам непрерывного образования способствует адаптации граждан к динамично меняющимся требованиям рынка труда и поддержанию конкурентоспособности на протяжении всей профессиональной карьеры.

Федеральный проект «Экспорт образования» направлен на повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг. Целевым показателем проекта является увеличение количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, а также повышение позиций российских университетов в международных рейтингах. Развитие экспорта российского образования способствует укреплению международного авторитета России, расширению культурного влияния и формированию позитивного имиджа страны на международной арене [11].

Механизм финансирования национального проекта «Образование» предусматривает консолидацию бюджетных средств федерального и регионального уровней, а также привлечение внебюджетных источников финансирования. Общий объем финансирования проекта на период 2019–2024 годов составлял 784,5 миллиарда рублей, включая средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетные источники. Распределение финансовых ресурсов между федеральными проектами отражает приоритеты государственной политики, при этом наибольшие объемы финансирования направлены на проекты, обеспечивающие модернизацию материально-технической базы образования и внедрение цифровых технологий в образовательный процесс.

Система управления национальным проектом включает федеральный и региональные проектные офисы, обеспечивающие координацию деятельности участников проекта, мониторинг достижения целевых показателей и оперативное реагирование на риски. Ответственным за реализацию национального проекта на федеральном уровне выступает Министерство просвещения Российской Федерации, которое координирует деятельность соисполнителей и обеспечивает методическое сопровождение реализации проектных мероприятий в регионах. Таким образом, национальный проект «Образование» представляет собой комплексную систему мер, направленных на модернизацию российской системы образования и создание условий для повышения доступности, и качества образовательных услуг всех уровней.

Оценка результативности реализации национального проекта «Образование»

Оценка результативности реализации национального проекта «Образование» осуществляется на ос-



нове системы целевых показателей, отражающих степень достижения стратегических целей модернизации российского образования. Мониторинг динамики ключевых индикаторов за период 2019–2024 годов позволяет выявить успешные практики реализации проектных мероприятий и определить проблемные зоны, требующие корректировки управленческих решений. Комплексный анализ результативности проекта предполагает оценку как количественных показателей охвата целевых групп мероприятиями проекта, так и качественных изменений в образовательной среде [12].

Анализ динамики целевых показателей свидетельствует о существенном прогрессе в реализации большинства направлений национального проекта «Образование», при этом степень достижения плановых значений индикаторов варьируется в зависимости от специфики федеральных проектов и внешних факторов, влияющих на образовательную сферу. Позиция Российской Федерации в международных исследованиях качества образования улучшилась с 30-го места в 2019 году до 18-го места в 2024 году, что отражает положительное влияние мероприятий проекта на качество образовательных результатов. Вместе с тем достижение целевого показателя вхождения в десятку ведущих стран мира требует дальнейшей интенсификации усилий по совершенствованию содержания образования и методик обучения.

Охват детей в возрасте от 5 до 18 лет дополнительным образованием увеличился с 71,4% в 2019 году до 78,2% в 2024 году, приблизившись к целевому значению 80%. Создание новой инфраструктуры дополнительного образования, включая детские технопарки «Кванториум», центры цифрового образования «IT-куб», спортивные школы и творческие объединения, расширило возможности для выявления и развития талантов детей и молодежи. Особенно значимые результаты достигнуты в развитии технологического и естественнонаучного направлений дополнительного образования, что способствует формированию у обучающихся компетенций, востребованных в условиях цифровой экономики и технологического развития страны [13].

Количество созданных детских технопарков «Кванториум» достигло 321 единицы к концу 2024 года при плановом показателе 340 единиц, что составляет 94,4% от целевого значения. Детские технопарки обеспечили доступ более 500 тысяч детей к программам дополнительного образования технической и естественнонаучной направленности, используя современное высокотехнологичное оборудование и проектные методы обучения. Региональная сеть «Кванториумов» охватила все субъекты Российской Федерации, что способствовало выравниванию образовательных возможностей для детей независимо от места

проживания и создало предпосылки для развития инженерно-технических талантов в регионах.

Количество иностранных студентов, обучающихся в российских образовательных организациях высшего образования, увеличилось с 298,0 тысяч человек в 2019 году до 351,8 тысяч человек в 2024 году. Однако достижение целевого показателя в 425,0 тысяч иностранных студентов оказалось затруднено вследствие геополитических факторов и ограничений международной мобильности в период пандемии COVID-19. Развитие экспорта российского образования требует комплексных мер по повышению международной конкурентоспособности российских университетов, включая продвижение образовательных программ на английском языке, улучшение позиций в международных рейтингах, создание комфортных условий для обучения и проживания иностранных студентов.

Внедрение целевой модели цифровой образовательной среды охватило 71,2% образовательных организаций к 2024 году при целевом показателе 85%. Создание современной цифровой инфраструктуры образования предполагало обеспечение образовательных организаций высокоскоростным интернетом, современным компьютерным оборудованием, доступом к верифицированному цифровому образовательному контенту и электронным сервисам. Цифровизация образовательного процесса расширила возможности для реализации индивидуальных образовательных траекторий, использования смешанных форматов обучения, дистанционных образовательных технологий, что особенно актуально для обеспечения доступности качественного образования в удаленных и труднодоступных территориях [6].

Направления повышения эффективности и перспективы развития национального проекта «Образование»

Совершенствование механизмов реализации национального проекта «Образование» требует системного подхода к устранению выявленных в ходе мониторинга недостатков и усилению эффективности проектных мероприятий с учетом меняющихся социально-экономических условий и новых вызовов развития образовательной сферы. Стратегические направления повышения эффективности проекта должны охватывать как совершенствование управленческих механизмов на федеральном и региональном уровнях, так и содержательное обновление образовательных программ в соответствии с перспективными потребностями экономики и общества.

Усиление координации между федеральными проектами, входящими в состав национального проекта «Образование», и обеспечение их синергетического взаимодействия выступает важным



резервом повышения эффективности использования ресурсов. Интеграция мероприятий федерального проекта «Цифровая образовательная среда» с проектами, направленными на обновление содержания образовательных программ, позволит максимизировать эффекты от внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. Координация федерального проекта «Успех каждого ребенка» с проектом «Молодые профессионалы» обеспечит преемственность программ выявления и развития талантов на разных уровнях образования и создаст целостную систему сопровождения одаренных детей от раннего возраста до профессионального становления [8].

Развитие государственно-частного партнерства в сфере образования представляет значительный потенциал для расширения ресурсной базы модернизации образовательной системы и привлечения экспертизы бизнес-сообщества в разработку содержания образовательных программ. Создание механизмов софинансирования образовательных проектов частными компаниями, заинтересованными в подготовке квалифицированных кадров, позволит увеличить объемы инвестиций в развитие образовательной инфраструктуры и обеспечить соответствие образовательных программ актуальным требованиям рынка труда. Участие работодателей в формировании образовательных программ, организации практической подготовки обучающихся, оценке качества образования усилит практико-ориентированность образования и повысит трудоустройство выпускников [4].

Усиление поддержки талантливой молодежи предполагает создание системы непрерывного сопровождения одаренных детей от раннего выявления способностей до профессионального становления и интеграции в научно-образовательное и производственное сообщество. Расширение сети специализированных образовательных центров для одаренных детей по различным направлениям (математика, естественные науки, технологии, искусство, спорт) обеспечит индивидуальное развитие талантов с учетом специфики каждой предметной области. Увеличение объемов грантовой поддержки талантливых студентов и аспирантов, стимулирование их участия в научных исследованиях и инновационных проектах создаст условия для реализации интеллектуального потенциала молодежи и закрепления молодых талантов в российской науке и образовании. Таким образом, реализация комплекса мер по совершенствованию национального проекта «Образование» обеспечит дальнейшую модернизацию российской системы образования и укрепление ее позиций в глобальном образовательном пространстве.

Таким образом, государственная поддержка высшего образования обретает ключевое социально-экономическое значение в условиях

цифровизации и технологической трансформации, выступая главным механизмом, который позволяет связать потребности общества в самореализации с потребностями экономики в высококвалифицированных кадрах, является фундаментом социальной стабильности и экономического суверенитета, поскольку именно она создает условия для воспроизводства интеллектуальной элиты, внедрения передовых технологий и адаптации рынка труда к вызовам современности [14].

Литература

1. Волкова Н.Н. Государственная поддержка высшего образования: концептуальные основы и механизмы реализации / Н.Н. Волкова. – М.: Дашков и К, 2022. – 248 с.
2. Абанкина И.В. Финансирование высшего образования в условиях реализации национальных проектов / И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина // Вопросы образования. – 2021. – № 3. – С. 24–47.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.01.2025).
4. Завьялова Е.К. Правовое регулирование финансирования высшего образования в Российской Федерации / Е.К. Завьялова. – М.: Норма, 2023. 312 с.
5. Дежина И.Г. Модернизация высшего образования в России: результаты и проблемы / И.Г. Дежина // Экономическая политика. – 2022. – Т. 17. – № 4. – С. 82–103.
6. Гохберг Л.М. Цифровая трансформация российского образования: достижения и перспективы / Л.М. Гохберг, Е.А. Ковалева // Форсайт. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 68–84.
7. Кудрявцева Е.И. Цифровая образовательная среда: проблемы и перспективы развития / Е.И. Кудрявцева, С.М. Авдеева // Информатика и образование. – 2023. – № 6. – С. 112–128.
8. Лешуков О.В. Межрегиональное неравенство в доступности высшего образования / О.В. Лешуков, Е.В. Громов // Вопросы образования. – 2022. – № 4. – С. 163–192.
9. Аверкин М.Г. Национальные проекты как инструмент государственного управления социальной сферой / М.Г. Аверкин, Н.В. Зубаревич // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 2. – С. 31–58.
10. Ларионова М.В. Национальный проект «Образование»: промежуточные итоги и направления развития / М.В. Ларионова // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 135–159.



11. Нефедова А.И. Экспорт российского образования: текущее состояние и перспективы развития / А.И. Нефедова, Д.Ю. Дьячкова // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 7. – С. 195–215.
12. Ендовицкий, Д.А. Оценка результативности национального проекта «Образование»: методология и практика / Д.А. Ендовицкий, Н.В. Сироткина // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – № 2. – С. 62–79.
13. Сергеева, М.Г. Дополнительное образование детей в системе непрерывного образования / М.Г. Сергеева, Т.А. Казначеева // Педагогика. – 2023. – № 8. – С. 171–185.
14. Сушко В.А. Влияние государственной политики на доступность высшего образования в современных условиях // Социология. 2025. № 7. С. 17–23.
15. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Приоритеты социальной политики России в условиях глобальных социальных изменений. Социодинамика. 2024. № 3. С. 76–87.
16. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Возможности и риски для выпускников высших учебных заведений на российском рынке труда // Общество: социология, психология, педагогика, издательство ООО Издательский дом ХОРС. 2023. № 11. С. 35–45.
17. Васильев В.П. Стратегическое планирование в системе государственного управления // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2025. № 3. С. 193–212.

MECHANISMS OF STATE ASSISTANCE TO THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sushko V.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines education as one of the most important social institutions, as it plays a key role in societal development, serving as a key component of human capital necessary for the development and stable functioning of the state and society as a whole. The importance of studying this issue stems from the growing role of state support for higher education in the context of the transformational processes of the Russian economy and the need to ensure the competitiveness of the national training system.

Keywords: the right to higher education, mechanisms of state support, methods and tools for accessibility of higher education.

References

1. Volkova N.N. State Support of Higher Education: Conceptual Foundations and Implementation Mechanisms / N.N. Volkova. – Moscow: Dashkov i K, 2022. – 248 p.
2. Abankina I.V. Financing Higher Education in the Context of the Implementation of National Projects / I.V. Abankina, T.V. Abankina // Voprosy obrazovaniya. – 2021. – № 3. – P. 24–47.
3. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 № 273-FZ (latest revision). [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: January 21, 2025).
4. Zavyalova E.K. Legal regulation of higher education financing in the Russian Federation / E.K. Zavyalova. – Moscow: Norma, 2023. 312 p.
5. Dezhina I.G. Modernization of higher education in Russia: results and problems / I.G. Dezhina // Economic policy. – 2022. – Vol. 17. – № 4. – Pp. 82–103.
6. Gokhberg L.M. Digital transformation of Russian education: achievements and prospects / L.M. Gokhberg, E.A. Kovaleva // Foresight. – 2023. – Vol. 17. – № 1. – Pp. 68–84.
7. Kudryavtseva E.I. Digital educational environment: problems and development prospects / E.I. Kudryavtseva, S.M. Avdeeva // Computer science and education. – 2023. – № 6. – P. 112–128.
8. Leshukov O.V. Interregional Inequality in the Accessibility of Higher Education / O.V. Leshukov, E.V. Gromov // Issues of Education. – 2022. – № 4. – P. 163–192.
9. Averkin M.G. National Projects as an Instrument of Public Administration in the Social Sphere / M.G. Averkin, N.V. Zubarevich // Issues of Public and Municipal Administration. – 2020. – № 2. – P. 31–58.
10. Larionova M.V. National Project «Education»: Interim Results and Development Directions / M.V. Larionova // Bulletin of International Organizations. – 2024. – Vol. 19. – № 1. – P. 135–159.
11. Nefedova A.I. Export of Russian Education: Current State and Development Prospects / A.I. Nefedova, D. Yu. Dyachkova // Higher Education in Russia. – 2023. – Vol. 32. – № 7. – P. 195–215.
12. Endovitsky, D.A. Evaluation of the Effectiveness of the National Project «Education»: Methodology and Practice / D.A. Endovitsky, N.V. Sirotkina // Higher Education in Russia. – 2024. – Vol. 33. – № 2. – P. 62–79.
13. Sergeeva, M.G. Supplementary Education of Children in the System of Continuous Education / M.G. Sergeeva, T.A. Kaznacheeva // Pedagogy. – 2023. – № 8. – Pp. 171–185.
14. Sushko V.A. The Impact of State Policy on the Accessibility of Higher Education in Modern Conditions // Sociology. 2025. № 7. Pp. 17–23.
15. Dekhanova N. G., Kholodenko Yu.A. Priorities of Russia's Social Policy in the Context of Global Social Change. Sociodynamics. 2024. № 3. Pp. 76–87.
16. Dekhanova N. G., Sushko V.A., Kholodenko Yu.A. Opportunities and Risks for Graduates of Higher Education Institutions in the Russian Labor Market // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy, Publishing House ООО Publishing House HORS. 2023. № 11. Pp. 35–45.
17. Vasiliev V.P. Strategic planning in the public administration system // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science. 2025. № 3. P. 193–212.



Социальное самочувствие и социальная безопасность жителей России и Киргизии

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Адилов Айбек Насырович,

доктор юридических наук, профессор, начальник отдела организации научной работы Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева
E-mail: ibek2000@mail.ru

В статье показана взаимосвязь социального самочувствия и социальной безопасности общества. На примере опроса жителей России и Киргизии выявлены аспекты взаимосвязи на более глубоких уровнях: от общих оценок уровня удовлетворенности своей жизнью, до частных ее аспектов (миграция, профессиональная, финансовая и социальная реализация; удовлетворенность жилищными условиями, бытом, социальной инфраструктурой; оценкой уровня безопасности, как на личном, так и на социальном уровне). На основе полученных данных сделан вывод о необходимости мониторинга социального самочувствия и социальной безопасности изучаемых стран для более точного понимания и прогноза развития социальных настроений.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная безопасность, социальная стабильность, социальное развитие, жизненные перспективы.

Современное общество изменчиво и непредсказуемо. Массовое сознание во многом определяет фокус внимания на социально-экономические, культурно-политические и любые другие процессы. На социально-психологическом уровне это приводит к постоянному тревожному состоянию и стрессу. Это касается не только отдельных людей, но и целых социальных групп, да и целых стран.

По данным исследователей [10, 11, 16] – люди постоянно живут в стрессе. Это негативно сказывается на социальном самочувствии граждан. В контексте социальной безопасности общества этот показатель еще более пессимистично воспринимается, так как социальное самочувствие граждан – один из элементов социальной безопасности в самом широком смысле слова.

Социальное самочувствие показывает взаимосвязь ценностей и установок населения с реальными возможностями их реализации в социальном взаимодействии. Социальное самочувствие – это своего рода точка пересечения интересов индивида, группы и всего общества; пересечение интересов предков и потомков (например, может передаваться чувство вины или чувство «изгнания» (еврейский народ на глубинном уровне воспринимает себя изгнанным – в любой точке мира). И вместе с тем, социальное самочувствие – это базовый аспект социальной безопасности. На нем держится соединение интересов личности и группы.

Именно социальное самочувствие запускает реальные повседневные поведенческие практики взаимодействия (формируя социальные, экономические, образовательные, культурные и любые другие притязания и создавая условия для их реализации или ограничивая эти условия). Это то, что регулирует и моделирует социальный контекст и условия развития общественного прогресса. Социальное самочувствие это показатель и одновременно регулятор социальных настроений, которые могут привести к социальной стабильности или к социальной разбалансировке различных социальных институтов (то есть иметь созидательное или разрушительное воздействие). Это требует постоянного мониторинга условий социальной безопасности и особенностей социального самочувствия населения. И как следствие – корректировки социальной политики, социальных условий общественного воспроизводства.



В современном социальном дискурсе возникают темы обеспечения социальной безопасности с позиции разнообразных подходов. Это вопросы социальной адаптации при жизненных кризисах, социальных трансформациях и выборах новых социальных реалий (П.А. Баев [12], О.А. Полюшкевич [13–17], В.А. Скуденков [18]). Вопросы сложных социальных взаимодействий в процессе обеспечения социальной безопасности рассматриваются в ряде других работ (Р.Г. Ардашев, А.Н. Адилев, Н.В. Маслодудова [1–11]). Отдельно рассматриваются вопросы психологической безопасности социального развития (Т.В. Шипунова [19], О.Н. Яницкий [20]), они анализируют стабилизирующие общество факторы (общность языка и культуры, ментальных особенностей и т.д.), а также факторы, вносящие дестабилизацию (массовое общество и массовое потребление, разрушения ценностно-смысловых ориентиров, духовные трансформации и проч.).

Особенности исследования

Полагаем, что изменения социального самочувствия населения – меняют и оценку социальной безопасности общества, вне зависимости от страны. Это положение и стало гипотезой нашего исследования.

Мы опросили 600 человек проживающих в России и 600 человек проживающих в Киргизии. Из опрошенных 60% женщины и 40% мужчины в возрасте от 18 до 65 лет.

Результаты исследования обрабатывались в программе SPSS.

Обсуждение результатов исследования

В результате исследования мы установили, что 45% скорее удовлетворены своей жизнью в России и 52% в Киргизии. Не удовлетворены своей жизнью 35% в России и 30% в Киргизии. Полностью удовлетворены 15% жителей России и 18% жителей Киргизии. Остальные затруднились дать оценку уровня удовлетворенности. Иными словами, практически треть жителей России и Киргизии не удовлетворены своей жизнью, оценивают ее негативно и оценки будущего достаточно пессимистичны. Те, кто удовлетворен и скорее удовлетворен – видят разные варианты, как можно улучшить свое будущее, а те, кто не удовлетворен – не видят перспектив нового, не видят вариантов изменения к лучшему. Это характерно и для жителей России и для жителей Киргизии.

Думают о миграции из страны 35% жителей России и 38% жителей Киргизии. Это еще один показатель того, что в своей стране чуть более трети населения не видят перспектив и ориентиров для себя и своих детей и хотели бы искать лучшего места в других регионах и странах.

Профессиональная реализация, профессиональное признание один из ключевых элементов социального самочувствия. Для большинства людей, профессиональная реализация раскрывается на рабочем месте. Поэтому, уровень удовлетворенности работой становится первичным в оценках социального самочувствия. Полностью удовлетворены своей работой 8% жителей России и 10% жителей Киргизии. Скорее удовлетворены своей работой 32% жителей России и 40% жителей Киргизии, не удовлетворены своей работой – 60% жителей России и 50% жителей Киргизии.

Возможности профессионального роста минимальны. Респонденты, что в России (56%), что в Киргизии (66%) не воспринимают в серьез возможность профессионального роста в будущем. Только менее чем для четверти опрошенных – эта тенденция может присутствовать в будущем (то есть они допускают возможность профессионального роста – 25% в России и 18% в Киргизии). Остальные не смогли охарактеризовать перспективы своего профессионального роста, что также свидетельствует о размытости перспектив развития.

Рынок труда в России и в Киргизии достаточно социально напряжены. Скрытая безработица достаточно сильно влияет на социальные контакты и перспективы социального развития. Рабочая сила нужна, так как не хватает кадров в разных сферах экономики, но в то же время не хватает уровня квалификации имеющегося трудового населения, мигранты не покрывают запросы.

В обеих странах слабое развитие малого и среднего бизнеса. Финансовые поступления идут от крупного бизнеса. А трудовой потенциал, так же, как и образовательный – не восстанавливается. И соответственно, формируется вакуумное пространство.

Оплата труда не устраивает практически всех. Удовлетворенных оплатой труда в России 3%, в Киргизии 5%. Не удовлетворенных – в России 85%, в Киргизии 95%. Остальные респонденты затруднились ответить. Оплата труда – это еще один из элементов социальной безопасности. Если он не удовлетворяется, то безопасность общества стремиться к нулю.

Удовлетворенность своими жилищными условиями также является элементом социального самочувствия и социальной безопасности общества. Удовлетворены своими жилищными условиями 26% жителей России и 25% жителей Киргизии, не удовлетворены 70% жителей России и 65% жителей Киргизии. Остальные затруднились с ответом.

Уровень удовлетворенности бытом, повседневным укладом показывает более позитивные показатели. Это форма повседневного жизненного уклада, особенности социального взаимодействия, которые выстраивает сам человек, в рам-

ках своих представлений и реальных возможностей. Удовлетворены своим бытом 40% жителей России и 55% жителей Киргизии, не удовлетворены 60% жителей России и 45% жителей Киргизии.

Уровень удовлетворенности инфраструктурой в обеих странах достаточно низок. А это созданные государством и другими социальными институтами механизмы для жизни населения (социальная система (больницы, школы, дороги, вывоз мусора и т.д.). Удовлетворены социальной инфраструктурой 15% жителей России и 10% жителей Киргизии. Скорее не удовлетворены 55% жителей России и 45% жителей Киргизии, полностью не удовлетворены 40% жителей России и 45% жителей Киргизии.

Уровень безопасности жизни (криминал, техногенные и природные катастрофы) оценивается не одинаково. В России – уровень безопасности жизни высокий по мнению 18% респондентов, средний – 44%, низкий – 38%. В Киргизии – уровень безопасности жизни высокий по мнению 25% респондентов, средний – 45%, низкий – 30%. Это разные точки восприятия социальных угроз, которые позиционируются через аспекты безопасности жизни.

Интересным моментом выступает соотношение личной и социальной безопасности. Уровень личной безопасности выше в Киргизии, а социальной в России. Жители России оценивают риски личной безопасности как высокие в 36%, средние в 45% и низкие 19%; а социальной безопасности (общества в целом) как высокие 45%, средние 50% и низкие 5%. Жители Киргизии оценивают риски личной безопасности как высокие в 54%, средние в 41% и низкие 5%; а социальной безопасности (общества в целом) как высокие 25%, средние 55% и низкие 20%.

Эти данные фиксируют субъективные оценки низкого уровня благополучия в анализируемых странах. В тоже время, подтверждают, что социальное самочувствие напрямую связано с социальной безопасностью общества. Изменяя отдельные показатели – можно трансформировать фокус внимания населения с негативных моментов на позитивные.

Выводы

Важным моментом выступает механизм изменения социального пессимизма населения в отношении своего будущего и будущего страны. Так как варианты социальной безопасности и повышения социального самочувствия разных социальных групп находятся в пределах позитивных перспектив социального моделирования.

Россия и Киргизия – разные страны, с отличающимися социокультурными, экономическими, политическими и другими сторонами жизни, но процессы формирования оценок социального

самочувствия жителей рассматриваемых стран, а также особенности восприятия социальной безопасности жителей этих стран достаточно близки. Это подтверждает связь социальной безопасности и социального самочувствия вне зависимости от страны анализа данных.

Поэтому, необходимо регулярно проводить мониторинг социального самочувствия населения и формировать связи социальной безопасности и перспектив социального воспроизводства в меняющихся условиях жизни.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
2. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Роль правоохранительных органов в обеспечении социальной безопасности в контексте социокультурных факторов // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 341–345.
3. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
4. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
5. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
6. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
7. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9.
8. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Обеспечение социальной безопасности в условиях деkonsолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 133–137.
9. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в рамках социологических подходов исследования // Социология. 2026. № 2.
10. Ардашев Р. Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации // Деятельность право-



охранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.

11. Ардашев Р.Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети интернет за 2019–2022 гг // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.
12. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
13. Полюшкевич О.А. Патриотическое воспитание и социальная безопасность общества // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества и 30-летию открытия специальности «Социальная работа» в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2025. С. 259–262.
14. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132>
15. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
16. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
17. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 467–471.
18. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84. <https://doi.org/10.20339/AM.2-18.082>
19. Шипунова Т.В. Социальная безопасность в человеческом измерении // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2019. № 32(2), 73–80.
20. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12, № 1. С. 3–35.

SOCIAL WELL-BEING AND SOCIAL SECURITY OF RESIDENTS OF RUSSIA AND KYRGYZSTAN

Ardashev R.G., Adilov A.N.

Irkutsk State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E.A. Aliyev

This article examines the relationship between social well-being and social security in society. Using a survey of residents of Russia and Kyrgyzstan as an example, aspects of this relationship are identified at deeper levels: from general assessments of life satisfaction to specific aspects (migration, professional, financial, and social fulfillment; satisfaction with housing conditions, everyday life, and social infrastructure; assessment of the level of security, both at the personal and social levels). Based on the data obtained, it is concluded that monitoring social well-being and social security in the countries studied is necessary to more accurately understand and predict the development of social sentiment.

Keywords: social well-being, social security, social stability, social development, life prospects.

References

1. Ardashev R.G. Social Security in the Minds of Siberians // Sociology. 2024. № 7. pp. 59–64.
2. Ardashev R. G., Adilov A.N. The Role of Law Enforcement Agencies in Ensuring Social Security in the Context of Sociocultural Factors // I East Siberian Legal Forum. Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 341–345.
3. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 21–27.
4. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security in the context of nonlinear development // Sociology. 2025. № 8. pp. 6–11.
5. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security and social threats in the perceptions of young people // Sociology. 2025. № 1. pp. 26–30.
6. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security of public development // Sociology. 2025. № 7. pp. 6–11.
7. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security: opportunities and threats to adaptive flexibility // Sociology. 2026. № 1. Pp. 6–9.
8. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security in the framework of sociological research approaches // Sociology. 2026. № 2.
9. Ardashev R.G., Adilov A.N. Ensuring social security in the context of deconsolidation of society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2026. Pp. 133–137.
10. Ardashev R. G., Maslodudova N.V. Sociocultural Foundations for Ensuring Social Security by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation // Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions. Collection of Materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 361–363.
11. Ardashev R.G. Ideology of Fear: Analysis of Crime Reports in the Media and the Internet for 2019–2022 // Sociology. 2023. № 6. Pp. 86–93.
12. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. Pp. 27–31.
13. Polyushkevich O.A. Patriotic education and social security of society // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the Year of Defender of the Fatherland and the 30th anniversary of the opening of the specialty «Social Work» in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 2025. Pp. 259–262.
14. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // Humanitarian vector. 2023.



- Vol. 18. № 2. Pp. 124–132. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132>
15. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 28–31.
16. Polyushkevich, O.A. Social Security of Society in the Implementation of Prosocial Practices // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 159–163.
17. Polyushkevich, O.A. Social Risks of Ideological Security // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 467–471.
18. Skudenkov, V.A. Economic Aspirations in the Structure of Patriotism of Student Youth // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2018. № 2. Pp. 82–84. <https://doi.org/10.20339/AM.2-18.082>
19. Shipunova T.V. Social Security in the Human Dimension // Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 2019. № 32(2), 73–80.
20. Yanitsky O.N. Sociology of Risk: Key Ideas // Mir Rossii. 2003. Vol. 12, № 1. Pp. 3–35.

Спорт, патриотизм и личная реализация молодых людей

Корелин Михаил Николаевич,

преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД

E-mail: korelinmn@mail.ru

В статье раскрываются аспекты развития спортивно-патриотического развития отечественного социума. Показывается формирование патриотического сознания среди молодежи в условиях изменяющихся условий. Выделены несколько типов восприятия спортивно-патриотической стратегии, существующей на сегодняшний день в современном обществе (активно-формирующий, пассивно-конструирующий, апатично-формальный), а также разные уровни и формы патриотизма у тех, кто не занимается спортом и спортсменов, что позволило подтвердить гипотезу о том, что спорт усиливает уровень патриотизма у молодых людей и помогает им найти свою личную реализацию.

Ключевые слова: спорт, патриотизм, молодежь, идеология, социальное развитие.

Сегодня актуальным вопросом является укрепление российской государственности и патриотизма среди молодежи. Спортивная деятельность наиболее близко вовлечена в формирование гражданско-патриотических ценностей и нравственно-культурных ориентиров российского общества. Поэтому, спортивно-патриотическое воспитание выступает основой социальной консолидации, гражданской идентичности молодого поколения.

Система спортивно-патриотического воспитания имеет несколько уровней: национальный, региональный и локальный.

Национальный уровень опирается на общие задачи социального моделирования общественно-го развития, строится на идеологии, преемственности поколений, традиций и истории. Это тот уровень, где формируются основные приоритеты и ключевые задачи социального развития общества, формирования патриотизма, гражданской и национальной идентичности граждан.

Региональный уровень включает в себя социокультурные и национально-политические, экономические особенности территорий, их временные и территориальные особенности в исторической перспективе и современных реалиях развития. Этот уровень позволяет учитывать региональную специфику, основанную как на национально-культурных и религиозных особенностях, так и на конкретных социальных стратегических механизмах работы того или иного региона.

Локальный уровень раскрывается в конкретной деятельности на местах, определяемой спецификой организационно-управленческих и административных условий, развитости инфраструктуры, наличия человеческого ресурса (молодежи как социальной группы) и проч. Этот уровень формируется на основе демографических условий и социально-управленческих реалий развития локальных территорий.

Все три уровня требуют согласованности действий, а также включенности в их работу различных социальных институтов (от семьи до армии, от школы до религии, от СМИ до здоровья и т.д.). Одна из ключевых задач для каждого института – это процесс воспитания и преемственности социокультурных основ и интересов, основанных на культивировании спорта и патриотизма.

Меняющиеся современные условия, вызванные развитием цифровизации, виртуализации, глобализации и т.д. позволяют говорить о смещении интересов молодежи с традиционно-



ориентированного подхода к воспитанию, опирающегося на спортивные и патриотические идеалы, на ценности вестернизированного мира, что приводит к обесцениванию традиционной культуры, морали и принятых норм в обществе. Это то, что создает условия для потери ориентиров и внутреннего стержня для формирования морали и нравственности в молодежной среде.

Также, работает еще одна проблемная зона – это готовность молодежи воспринимать спортивно-патриотическую риторику. К ней не всегда готовы, так как достаточно длительное время идеологическая целенаправленная работа не осуществлялась. «Агрессивная» политика может восприниматься как навязывание и не приводит к одобрению и принятию, поэтому, необходимо разрабатывать и внедрять постепенное спортивно-патриотическое воспитание, способствующее мягкому принятию новых условий социального взаимодействия.

В литературе встречаются работы, направленные на спортивные достижения и профессиональную реализацию молодых людей занятых в спорте (Р.Г. Ардашев [1–3], В.Н. Туркова [5–7]), спортивно-патриотическую организацию работы государства в рамках спортивных соревнований и тренировок (П.А. Баев [8, 9], М.Н. Корелин [4, 16, 17], О.В. Мунина [18], А.Э. Муталимов [19], О.А. Роганов и другие [23], Т.Б. Черняновская и другие [28]), просоциальную активность спортивных волонтеров (Р.В. Иванов [21, 22], О.А. Полюшкевич [20]), духовно-нравственную основу жизни через спортивные достижения в контексте культурвитализма (Г.В. Говорухина и другие [10], С.И. Григорьев и другие [11–14]), спорт как социальный и социокультурный феномен (М.Ю. Федоровская [24, 25], Ю.А. Фомин [26], О.М. Хохлова и др. [27]).

Особенности исследования

Исследование проводилось среди молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, 400 человек, занимающихся спортом на профессиональном и полупрофессиональном уровне (респондентов находили через спортивные секции и Федерации спорта в регионе), а также 400 молодых людей, не занимающихся спортом (поиск осуществлялся через высшие учебные заведения). Было опрошено 60% девушек и 40% юношей. Из опрошенных: учатся – 38%, учатся и работают – 35%, только работают – 27%.

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Результаты исследования

В результате исследования мы выявили, что те, кто занимается спортом, воспринимают как естественные процессы, что через спорт усиливается уровень патриотизма (76%), тогда как те, кто не занимает

ся спортом, воспринимают патриотические идеи во время занятий спортом и спортивных соревнований как норму – только в 33%. Спортсмены считают это правильным событием (полагая, что интересы государства совпадают с интересами спортивных соревнований и победы на различных соревнованиях). Тогда как те, кто не занимается спортом – воспринимают это менее воодушевленно, так как считают, что «спорт – должен оставаться спортом», а не нести идеологический отпечаток.

Спортсмены видят более разнообразные стратегии патриотической пропаганды (начиная от государственной символики в спортивной атрибутике, на соревнованиях и тренировках, заканчивая спонсированием организации самих спортивных соревнований). Те, кто не занимается спортом – пропаганду патриотизма видят в информационном сопровождении спортивных соревнований и символике в одежде спортсменов. Это позволяет говорить о разнообразном контексте восприятия реальности и перспектив социального моделирования спортивно-патриотической деятельности.

Мы смогли выделить несколько типов восприятия спортивно-патриотической стратегии, существующей на сегодняшний день в современном обществе.

Первый – активно-формирующий (36%). Он строится на постоянном использовании государственной символики на спортивных соревнованиях и тренировках, фиксации внимания на этом в медийном поле СМИ и сети Интернет. Он позволяет создать общий фон активной включенности и заинтересованности государства в спортивных успехах и развитию патриотизма. Его активно поддерживают и постоянно фиксируют 55% спортсменов и только 22% тех, кто не занимается спортом.

Второй тип – пассивно-конструирующий (44%). Он строится на финансировании спортивных мероприятий, формально-организационном подходе в реализации соревнований, тренировок и прочих процессов, связанных со спортсменами и спортом. Он менее заметен, чем первая стратегия, но более глубоко укореняется в сознание людей, так как не является вычурным и воспринимается как само собой разумеющаяся форма социально-спортивного патриотического настроения. Его активно поддерживают 42% спортсменов и 25% тех, кто не занимается спортом.

Третий тип – апатично-формальный (20%). Патриотическая риторика слабо представлена, не является приоритетом и ориентиром развития. Условия организации спортивных соревнований соблюдаются формально, патриотические атрибуты как правило отсутствуют. Его активно поддерживают 3% спортсменов и 53% тех, кто не занимается спортом.

Данные стратегии фиксируют интересы разных групп молодежи на спортивных соревнованиях и на оценке роли и вклада патриотизма в со-



циальное развитие. Те, кто поддерживает первую и вторую стратегию сами себя считают патриотами, считая свои спортивные достижения продолжением заслуг страны; а те, кто не занимается спортом – их реализация уже помогает укрепить страну и также можно считать патриотической установкой.

Те, кто придерживается третьей стратегии – сами по себе либо не являются патриотами, либо не верят в возможности социального развития и общественного воспроизводства через спортивные достижения. У них нет связи спорт-патриотизм и они не видят самих себя в этих процессах.

Представители первой и второй стратегии видят свою реализацию в спортивных достижениях и деятельности, связанной с около-спортивной тематикой (организация соревнований, формирование сообществ спортивных волонтеров и т.д.). Представители третьей стратегии не имеют четких социальных и профессиональных притязаний и тем более не связывают свое будущее со спортом.

Стоит отметить, что патриотов (или считающих себя таковыми) среди первой и второй групп в два и три раза больше (соответственно), чем среди третьей группы. Это фиксация личных устремлений и социальных ориентиров в дальнейшей личной и социальной жизни через спортивно-патриотическую риторику у представителей первой и второй стратегии и полное отсутствие у представителей третьей стратегии.

Такое состояние взаимозависимости – занятий спортом – патриотических установок и социальной успешности (социальной реализации) – позволяет говорить о том, что если мы усиливаем патриотический контекст в спортивных соревнованиях, то профессиональная деятельность спортсменов получает большую актуальности и больше их мотивирует на успех, а в последующем позволяет найти призвание в спорте или любой другой деятельности. Это то, что регулирует социальные взаимодействия и формирует общие условия социально-патриотической тематики в спортивной сфере и других сферах реализации.

Таким образом, спорт повышает уровень патриотизма у тех, кто им занимается и тех, кто выступает зрителем или болельщиком, а также положительно влияет на личную и социальную реализацию. Те же, кто не занимается спортом, воспринимают патриотическую риторику на спортивных соревнованиях как отрицательный сюжет, который негативно сказывается на всех тех, кто соприкасается со спортивной сферой. При этом, среди не спортсменов меньше непатриотично настроенных молодых людей, которые не видят для себя шансов и возможностей для реализации успешной карьеры или других социальных лифтов.

Нам видится, что связка «спорт – патриотизм и личная реализация» выступают основой увеличения уровня патриотов среди молодежи и должна учитываться при формировании патриотической идеологии государства. Так как эта связь формирует устойчивые связи объединения и развития через реализацию личных амбиций и государственных интересов.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Бессознательные установки на спортивные достижения и профессиональную реализацию среди молодых работников силовых структур // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 28.
2. Ардашев Р.Г. Условия развития спортивных достижений студентов правовых вузов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 104.
3. Ардашев Р.Г. Субъективные представления о значимости спортивных достижений молодежи среди групповых и индивидуальных видов спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 11. С. 29.
4. Ардашев Р. Г., Корелин М.Н. Патриотизм среди студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
5. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Особенности бессознательных стратегий спортивных достижений студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.
6. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
7. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
8. Баев П.А. Мотивы участия студентов в волонтерской работе на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 9. С. 69.
9. Баев П.А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.
10. Говорухина Г. В., Гуслякова Л.Г., Григорьев С.И., Цветков Л. . Культурвитализм как методологическая основа исследования духовно-нравственной составляющей качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). С. 41–47.
11. Григорьев С.И. Культурвитализм – концептуальная основа развития евразийской идеологии: парадигмальные основания эффективности управления и оптимального сочетания



- ния уровня и качества жизни населения // ЦИТИСЭ. 2019. № 3 (20). С. 16.
12. Григорьев С. И., Гуслякова Л.Г., Говорухина Г.В. Культурвитализм – концептуальная основа оценки эффективности управления и оптимального сочетания уровня и качества жизни населения Сибири // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 76–85.
 13. Григорьев С. И., Даровских О.В., Гришина А.С. Культурвитализм и виталистская социология – концептуальная основа анализа современной национально-культурной, производственно-экономической и социально-территориальной дифференциации населения регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1 (199). С. 39–46.
 14. Григорьев С. И., Миронова С.В. Культурвитализм социологии жизненных сил человека и общества – основа осмысления социального качества фантомов современной России // Философские дескрипты. 2016. № 15. С. 1.
 15. Ковалева А. В., Выдрин А.С. Культурвитализм как методологическая основа социологического анализа социальной рекламы // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2 (54). С. 111–114.
 16. Корелин М.Н. Патриотизм в спорте: общественные последствия // Социология. 2026. № 1. С. 20–24.
 17. Корелин М.Н. Патриотизм и спортивная деятельность: оценки молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 37–41.
 18. Мунина О.В. Роль физической культуры и спорта в системе патриотического воспитания молодежи и механизме формирования гражданской идентичности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 171–174. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174
 19. Муталимов А.Э. Спорт как средство эстетического и патриотического воспитания молодежи // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 1. С. 68–73.
 20. Полюшкевич О.А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
 21. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
 22. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.
 23. Роганов О. А., Воронцов П. Г., Шебакина Л.Г., Эртель В.А. Патриотизм и развитие волевых качеств молодежи в спортивно-оздоровительной деятельности вуза // Философия образования. 2016. № 6 (69). С. 151–161.
 24. Федоровская М.Ю. Ретроспективный анализ спорта как социокультурного феномена // Социально-политические науки. 2020. № 1. С. 137–142
 25. Федоровская М.Ю. Спорт как социокультурное явление современности и его ведущие функции // Социодинамика. 2019. № 5. С. 1–14.
 26. Фомин Ю.А. Методологические основы теории спорта или философия спорта? // Теория и практика физической культуры. 2011. № 12. С. 94–98.
 27. Хохлова О. М., Катунцева А.В., Дмитриева Л.Ю. Здоровый образ жизни в многополярном мире как показатель национальной безопасности // Теория и практика физической культуры. 2025. № 8. С. 31.
 28. Чернянская Т. Б., Антонюк С.Д. Массовый спорт как инструмент патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 7–8 (159–160). С. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8159/160-57-63>

SPORT, PATRIOTISM, AND THE PERSONAL REALIZATION OF YOUNG PEOPLE

Korelin M.N.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs

This article explores aspects of the development of sports-patriotic development in Russian society. It demonstrates the formation of patriotic consciousness among young people in a changing environment. Several types of perception of the sports-patriotic strategy currently existing in modern society (active-formative, passive-constructive, apathetic-formal) are identified. Different levels and forms of patriotism are identified among both non-athletes and athletes, confirming the hypothesis that sports enhance patriotism in young people and help them find personal fulfillment.

Keywords: sports, patriotism, youth, ideology, social development.

References

1. Ardashev R.G. Unconscious Attitudes towards Sports Achievements and Professional Realization among Young Law Enforcement Officers // Theory and Practice of Physical Education. 2021. № 3. P. 28.
2. Ardashev R.G. Conditions for Developing Sports Achievements of Law School Students // Theory and Practice of Physical Education. 2022. № 8. P. 104.
3. Ardashev R.G. Subjective Perceptions of the Significance of Youth Sports Achievements in Group and Individual Sports // Theory and Practice of Physical Education. 2021. № 11. P. 29.
4. Ardashev R. G., Korelin M.N. Patriotism among Student-Athletes // Theory and Practice of Physical Education. 2025. № 10.
5. Ardashev R. G., Turkova V.N. Features of unconscious strategies for students' sports achievements // Theory and Practice of Physical Education. 2022. № 9. P. 38.
6. Ardashev R. G., Turkova V.N. Athletes' attitudes toward violation of moral and legal norms at sports competitions in the context of sociological analysis // Theory and Practice of Physical Education. 2023. № 7. P. 65.

7. Ardashev R. G., Turkova V.N. Students' sports achievements in the structure of social success // *Theory and Practice of Physical Education*. 2022. № 12. P. 90.
8. Baev P.A. Motives for students' participation in volunteer work at sports competitions // *Theory and Practice of Physical Education*. 2024. № 9. P. 69.
9. Baev P.A. Sports and Patriotism of Youth // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2025. № 2. P. 30.
10. Govorukhina G. V., Guslyakova L.G., Grigoriev S.I., Tsvetkov L. Culturvitalism as a Methodological Basis for Studying the Spiritual and Moral Component of Quality of Life // *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2016. № 2 (200). P. 41–47.
11. Grigoriev S.I. Culturvitalism – a Conceptual Basis for the Development of Eurasian Ideology: Paradigmatic Foundations of Management Effectiveness and the Optimal Combination of the Standard and Quality of Life of the Population // *CITISE*. 2019. № 3 (20). P. 16.
12. Grigoriev S. I., Guslyakova L.G., Govorukhina G.V. Cultural vitalism – a conceptual basis for assessing the effectiveness of management and the optimal combination of the standard and quality of life of the population of Siberia // *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2018. № 4 (210). P. 76–85.
13. Grigoriev S. I., Darovskikh O.V., Grishina A.S. Cultural vitalism and vitalist sociology – a conceptual basis for the analysis of modern national-cultural, industrial-economic and socio-territorial differentiation of the population of Russian regions // *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2016. № 1 (199). P. 39–46.
14. Grigoriev S. I., Mironova S.V. Cultural vitalism of the sociology of vital forces of man and society – the basis for understanding the SOCIAL QUALITY of PHANTOMS of MODERN Russia // *Philosophical descriptors*. 2016. № 15. P. 1.
15. Kovaleva A. V., Vydrina A.S. Cultural vitalism as a methodological basis for the sociological analysis of social advertising // *Bulletin of the Altai State University*. 2007. № 2 (54). P. 111–114.
16. Korelin M.N. Patriotism in sports: social consequences // *Sociology*. 2026. № 1. P. 20–24.
17. Korelin M.N. Patriotism and sports activity: youth assessments // *Sociology*. 2025. № 8. P. 37–41.
18. Munina O.V. The Role of Physical Culture and Sports in the System of Patriotic Education of Young People and the Mechanism of Forming Personal Civic Identity // *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2020. Vol. 20, issue 2. P. 171–174. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174
19. Mutalimov A.E. Sports as a Means of Aesthetic and Patriotic Education of Young People // *Regional Problems of Economic Transformation*. 2019. № 1. P. 68–73.
20. Polyushkevich O.A. Patriotism and Sports in the Prosocial Activity of Young People // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2025. № 10.
21. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial activity as social capital of volunteers during sports competitions // *Theory and Practice of Physical Education*. 2024. № 7. P. 92.
22. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial practices in sports activities // *Theory and Practice of Physical Education*. 2023. № 2. P. 50.
23. Roganov O. A., Vorontsov P.G., Shebalina L.G., Ertel V.A. Patriotism and the development of volitional qualities of young people in the sports and health activities of a university // *Philosophy of Education*. 2016. № 6 (69). P. 151–161.
24. Fedorovskaya M. Yu. Retrospective Analysis of Sport as a Sociocultural Phenomenon // *Social and Political Sciences*. 2020. № 1. pp. 137–142
25. Fedorovskaya M. Yu. Sport as a Modern Sociocultural Phenomenon and Its Leading Functions // *Sociodynamics*. 2019. № 5. pp. 1–14.
26. Fomin Yu.A. Methodological Foundations of Sport Theory or Philosophy of Sport? // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2011. № 12. pp. 94–98.
27. Khokhlova O. M., Katuntseva A.V., Dmitrieva L. Yu. Healthy Lifestyle in a Multipolar World as an Indicator of National Security // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2025. № 8. P. 31.
28. Chernyanovskaya T. B., Antonyuk S.D. Mass sports as a tool for patriotic education of student youth // *Vestn. Tambov. University. Series: Humanities*. 2016. Vol. 21, issue. 7–8 (159–160). Pp. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8159/160-57-63>



СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯСудебная реформа и кассационное производство: совершенствование
механизмов устранения нарушений**Зайцев Иван Сергеевич,**

студент Сибирского федерального университета

Трофимик Александр Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, старший научный сотрудник, руководитель Экспертно-правового центра ЮИ СФУ

Статья посвящена рассмотрению кассационного производства в уголовном процессе. Проведен анализ нормативно-правовых актов, касающихся данной стадии уголовного судопроизводства, а также теоретической основы.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации у осужденных есть право на пересмотр приговора вышестоящим судом, одной из форм реализации которого является производство в суде кассационной инстанции. Однако статистика поданных и удовлетворенных жалоб позволяет сделать вывод, что данная стадия не совершенна и имеет ряд проблем. В связи с этим автором были проанализированы недостатки кассационного производства, которые возникли по причине несовершенства действующего законодательства и по иным причинам. В результате чего были предложены возможные пути решения. Особое внимание в статье уделяется судебной реформе, произошедшей в 2019 году. Данная реформа значительно изменила порядок и правила рассмотрения кассационных жалоб. Результатом исследования стало обобщение результатов реформы, выделение положительных и отрицательных ее сторон.

Цель исследования: комплексное рассмотрение такой стадии уголовного судопроизводства, как производство в судах кассационной инстанции.

Автором были использованы следующие методы исследования: анализ и синтез, формально-юридический, историко-правовой, сравнительный и статистический.

Ключевые слова: кассационное производство, судебная реформа, уголовный процесс, сплошная и выборочная кассация, кассационная жалоба.

В соответствии с частью 1 статьи 46 Конституции РФ «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод», часть 3 статьи 50 закрепляет право осужденных на пересмотр приговора вышестоящим судом, также, в свою очередь согласно статье 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ постановления судьи и определения суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными [1], [2]. Деление уголовного судопроизводства на стадии, одной из которых является производство в суде кассационной инстанции, и обеспечивает соблюдение принципа законности.

Кассационное производство в уголовном процессе регулируется прежде всего Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно главой 47.1 «Производство в суде кассационной инстанции», а также разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 29.06.2021 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [3]. Существенным признаком данного института является его неокончателность, то есть процессуальные решения, вынесенные судом кассационной инстанции, могут быть обжалованы в вышестоящую инстанцию. Предметом рассмотрения в суде кассационной инстанции, в соответствии со статьей 401.1 является законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу.

Особое значение на формирование института кассации оказала так называемая судебная реформа, произошедшая в 2019 году. 29.07.2018 года был принят Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», который закрепил появление новых судов в Российской Федерации [4]. Кассационные суды в соответствии со статьей 5 были распределены по судебным округам, каждый из которых включает в себя несколько регионов. Как мы видим данное деление не совпадает с административно-территориальным делением государства, что положительно влияет на качество рассматриваемых



решений, а именно позволяет повысить независимость судей. Была также дополнена компетенция кассационных судов – рассмотрение дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

В рамках проведения судебной реформы были приняты также Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ и Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ [5], [6]. Появилась возможность участия в судебном заседании путем использования видеоконференцсвязи, что, несомненно, положительно влияет на права участников, а также изменения коснулись представителей, которые теперь могут осуществлять защиту лица только при наличии высшего юридического образования, однако данные требования не касаются уголовного процесса, так как защитник является адвокатом, который и так должен иметь данное образование.

Наиболее существенным изменением, по нашему мнению, является разделение кассационной процедуры на два вида: сплошную и выборочную кассацию. Верховный суд РФ определил их следующим образом:

- 1) порядок сплошной кассации – это проверка по кассационным жалобам (представлениям) на итоговые судебные решения с назначением судебного заседания суда кассационной инстанции без предварительного решения судьи о передаче кассационных жалобы, представления для их рассмотрения в судебном заседании;
- 2) порядок выборочной кассации – это проверка по кассационным жалобам (представлениям) с предварительным решением судьи о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Введение сплошной кассации призвано обеспечить гарантии справедливого правосудия, однако, по мнению ряда авторов, введение такой процедуры создает ряд проблем. Так, например, А.А. Алиев, относит к проблемам данного изменения большую нагрузку на кассационные суды, отсутствие срока на подачу жалобы, представления в порядке сплошной кассации и возможность на «бесконечную» подачу кассационной жалобы или представления в один и тот же суд [7, с. 128]. Первая и третья проблема действительно значительно ухудшают положение кассационных судов общей юрисдикции, так как, судьи, при соблюдении всех требований к жалобе, представлению, в любом случае должны рассмотреть каждое обращение и вынести по нему решение. А вот вторая проблема была решена Федеральным законом от 24.02.2021 № 15-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым статья 401.3 была дополнена частью 4, в соответствии с которой срок на рассмотрение кассационной жалобы, представления равен 6 месяцев «со дня вступления в законную

силу приговора или иного итогового судебного решения, а для осужденного, содержащегося под стражей, со дня вручения ему копии такого судебного решения, вступившего в законную силу» [8].

В.В. Душа проблемой данной стадии уголовного судопроизводства называет отнесение рассмотрения промежуточных решений об избрании меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей к выборочной кассации [9, с. 159]. То есть, по мнению автора, не совсем понятно, почему данные решения не могут рассматриваться в порядке сплошной кассации. Также В.В. Душа выделяет недочеты связанные с технической составляющей подачи жалобы [9, с. 159]. Действительно, в соответствии со статьей 401.4 УПК РФ лицо, подающее жалобу или представление, обязан приложить к ней «заверенные копии, судебных решений, принятых по данному уголовному делу». Но возникает вопрос о целесообразности данного действия, ведь при подаче кассационной жалобы, представления в суд направляются материалы уголовного дела, содержащие данные судебные решения. Еще одной проблемой, по мнению автора, является увеличение финансовых затрат лиц для участия в судебном разбирательстве (за исключением тех, кто содержится под стражей или отбывает наказание в виде лишения свободы, так как для таких лиц существует возможность дистанционного участия), ведь изменения территориального расположения кассационных судов общей юрисдикции означает необходимость поездки в другой регион [9, с. 159]. Так, например, для обжалования апелляционного решения, вынесенного Красноярским краевым судом заявителю для участия в судебном разбирательстве необходимо приехать в г. Кемерово, где располагается Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, полномочный рассматривать данную жалобу, представление.

Ю.А. Коршунов также выделяется в качестве проблемы большую загруженность кассационных судов, приводя в качестве аргумента то, что в результате реформы суды наделяются полномочиями по рассмотрению «всего массива жалоб на решения нижестоящих судов (то есть мировых судей, районных судов, областных и равных им судов)» [10, с. 72]. Однако существует и обратная точка зрения. Так, А.А. Поддубняк и С.Ф. Феттаева, напротив, считают, что в результате создания новых судов, нижестоящие будут освобождены от большой загруженности в результате передачи полномочий по рассмотрению апелляционных и кассационных жалоб, представлений в соответствующие суды [11, с. 303]. По нашему мнению, данная реформа, с одной стороны действительно снижает нагрузку с районных, областных судов, а с другой стороны увеличивает ее по отношению к апелляционным и кассационным судам.

Рассмотрим также статистику рассмотрения дел в суде кассационной инстанции. В 2018 году в кассационную инстанцию Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации всего было подано 56883 жалобы, представления, в судебном заседании было рассмотрено 186 дел, из них удовлетворены жалобы, представления по 165 делам [12, с. 13]. За 2019 год количество немного снизилось на 5610, 28 и 18 соответственно [13, с. 12]. В 2020 и 2021 гг. количество поданных жалоб, представлений равнялось 39245 и 40463, из них в судебном заседании рассмотрено 245 и 755, удовлетворены жалобы, представления по 152 и 266 делам соответственно [14, с. 14], [15, с. 13]. В 2022 году было подано – 41894 обращения, рассмотрено – 872, удовлетворено – 312 [16, с. 12]. В 2023 году всего было подано 30694 жалобы и представления, из них 745 дел было рассмотрено в судебном заседании, из них были удовлетворены – 286 [17, с. 13]. В 2024 году количество поданных жалоб и представлений составило 26007, в суде было рассмотрено – 775, из них удовлетворены жалобы и представления по 284 делам [18, с. 13]. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что проведенная судебная реформа значительно повлияла на количество жалоб и представлений, непосредственно рассмотренных в судебном заседании. С 2018 года по 2024 год эта цифра увеличилась более чем в 4 раза. Однако, нельзя не обратить внимание на то, что большая часть обращений, поданных в суд, так и осталась без рассмотрения в судебном порядке, в 2018 году процент таких жалоб, представлений был равен 99,67%, в 2019–99,69%, в 2020–99,37%, в 2021–98,13%, в 2022–97,91%, в 2023–97,57%, а в 2024–97,02%. Связано это в первую очередь с нарушением содержания кассационной жалобы или представления, то есть отсутствие необходимых данных в самом тексте. Также большинство обращений не рассматриваются судом, если: не соблюден субъектный состав (перечень лиц, имеющих право на подачу жалобы или представления установлен статьей 402.1, а также пунктом 1 ППВС РФ № 19); пропущен срок обжалования; лицо, подавшее жалобу или представление решило ее отозвать; нарушены правила подсудности. Часть из приведенных нарушений подлежат исправлению, например, содержание и правила подсудности, а часть – нет, например, субъектный состав и срок.

Таким образом основная задача кассационного производства – выявление и исправление фундаментальных нарушений закона, которые могут служить основанием для отмены или изменения приговора, вступившего в законную силу. Проведенная судебная реформа, несомненно, изменила подход к рассмотрению кассационных жалоб, представлений, создала дополнительные гарантии защиты прав граждан на справедливое су-

дебное разбирательство и законность выносимых решений, а также повысило уровень независимости судей при рассмотрении кассационных жалоб, представлений. Однако проблемы данных изменений позволяют сделать вывод о несовершенстве данного института. Существует необходимость в закреплении положений, касающихся снижения нагрузки на кассационные суды, технические особенности подачи жалоб, представлений. А также решение вопроса расширения круга лиц, которым может быть предоставлено право на участие в судебном заседании путем использования видеоконференцсвязи при наличии причин, делающих невозможным очное участие.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 20 февраля 2026 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
3. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19: редакция от 29 июня 2021 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
4. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29.07.2019 № 1-ФКЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ: редакция от 17 октября 2019 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ //



- КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Алиев А.А. Сплошная кассация в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2020. № 4. С. 127–129.
 8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
 9. Душа В.В. Анализ реформы судебной системы и уголовно-процессуального законодательства в части апелляционного и кассационного обжалования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 159–159.
 10. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71–75.
 11. Поддубняк А. А., Феттаева С.Ф. Создание отдельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции: плюсы и минусы // Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 301–306.
 12. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 году // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/27651/> (дата обращения: 05.03.2026).
 13. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2019 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/28771/> (дата обращения: 05.03.2026).
 14. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2020 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/29716/> (дата обращения: 05.03.2026).
 15. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/30794/> (дата обращения: 05.03.2026).
 16. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/32115/> (дата обращения: 05.03.2026).
 17. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/33400/> (дата обращения: 05.03.2026).
 18. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/34221/> (дата обращения: 05.03.2026).

JUDICIAL REFORM AND CASSATION PROCEEDINGS: IMPROVING MECHANISMS FOR ELIMINATING VIOLATIONS

Zaitsev I.S., Trofimik A.G.
Siberian Federal University

The article is devoted to the consideration of cassation proceedings in the criminal process. It analyzes the legal acts related to this stage of criminal proceedings, as well as the theoretical basis. According to the Constitution of the Russian Federation, convicts have the right to have their sentences reviewed by a higher court, and one of the ways to do so is through cassation proceedings. However, the statistics on the number of complaints filed and approved suggest that this stage is not perfect and has several issues. Therefore, the author has analyzed the shortcomings of cassation proceedings, which arise due to the imperfections of the current legislation and other factors. As a result, possible solutions were proposed. The article pays special attention to the judicial reform that took place in 2019. This reform significantly changed the procedure and rules for reviewing cassation appeals. The study resulted in a summary of the reform's outcomes and the identification of its positive and negative aspects.

The purpose of the study is to provide a comprehensive analysis of the stage of criminal proceedings in the courts of cassation.

The author employed the following research methods: analysis and synthesis, formal legal, historical legal, comparative, and statistical.

Keywords: cassation proceedings, judicial reform, criminal proceedings, full and selective cassation, and cassation appeal.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // ConsultantPlus: legal refer-



- ence system. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05.03.2026).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 № 174-FZ: version of 20.02.2026 // ConsultantPlus: legal reference system. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05.03.2026).
 3. On the application of the provisions of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of cassation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019 № 19: as amended on June 29, 2021 // ConsultantPlus: reference legal system. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: March 5, 2026).
 4. On amendments to the Federal Constitutional Law «On the Judicial System of the Russian Federation» and certain federal constitutional laws in connection with the establishment of cassation courts of general jurisdiction and appellate courts of general jurisdiction: Federal Constitutional Law of July 29, 2019 № 1-FKZ // ConsultantPlus: reference legal system. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05.03.2026).
 5. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 28.11.2018 № 451-FZ: version of 17 October 2019 // ConsultantPlus: legal reference system. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05.03.2026).
 6. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 18.07.2019 № 191-FZ // ConsultantPlus: legal reference system. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05.03.2026).
 7. Aliev, A. A. «Continuous Cassation in Criminal Proceedings.» Law and Right. 2020, № 4, pp. 127–129.
 8. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 15-FZ of February 24, 2021. ConsultantPlus: Legal Reference System. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed March 5, 2026).
 9. Dusha, V. V. «Analysis of the Reform of the Judicial System and Criminal Procedure Legislation in Terms of Appeal and Cassation Appeal.» Law and State: Theory and Practice. 2020, № 6 (186). pp. 159–159.
 10. Korshunov Yu.A. Creation of appellate and cassation courts: some results of a large-scale reform // Legal science. 2019. № 4, pp. 71–75.
 11. Poddubnyak A. A., Fettaeva S.F. Creation of separate appellate and cassation courts of general jurisdiction: pros and cons // Legal sciences. 2019. Vol. 5 (71). № 2. pp. 301–306.
 12. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases in the Supreme Court of the Russian Federation in 2018 // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/27651/> (date of access: 05.03.2026).
 13. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases by the Supreme Court of the Russian Federation in 2019 // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/28771/> (date of access: 05.03.2026).
 14. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases by the Supreme Court of the Russian Federation in 2020 // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/29716/> (date of access: 05.03.2026).
 15. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases by the Supreme Court of the Russian Federation in 2021 // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/30794/> (date of access: 05.03.2026).
 16. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases by the Supreme Court of the Russian Federation in 2022 // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/32115/> (date of access: 05.03.2026).
 17. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases by the Supreme Court of the Russian Federation in 2023 // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/33400/> (date of access: 05.03.2026).
 18. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses by the Supreme Court of the Russian Federation in 2024 violations and criminal cases // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/34221/> (date of access: 05.03.2026).



Отношение современной российской молодежи к семье и браку

Заякина Ольга Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: zayakinaolga@mail.ru

В статье рассматривается важность исследования на современном этапе взглядов на брак у современной молодежи. Приводятся результаты социологических исследований и статистических данных, посвященных отношению студентов к браку и семье. Автор отмечает, что для современного этапа характерно откладывание молодыми людьми вступления в брак, а также ориентация большинства студентов на однодетную и двухдетную семью. Понятие «счастливая семья» ассоциируется у студентов с взаимопомощью, поддержкой, любовью, взаимоуважением, спокойствием и гармонией. В статье делается вывод о важности продолжения помощи со стороны государства для семей с детьми. Автор отмечает, что в первую очередь молодым семьям требуется помощь со стороны государства в получении льготной ипотеки, финансовой поддержке для получения образования, выплате пособий семьям с маленьким детьми, в трудоустройстве, развитии инфраструктуры (строительство детских садов, поликлиник).

Ключевые слова: брак, брачные отношения, молодежь, семья, социальная помощь.

Введение

На современном этапе среди социологов ведутся активные дискуссии по поводу изменения восприятия важности семьи и официального брака для молодых людей. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, демографической ситуацией в нашей стране, и ориентацией молодых семей на малодетность. Во-вторых, необходимостью популяризации среди молодежи положительного отношения к браку и семье.

Рассматривая тенденции в развитии института семьи, согласимся с Т.А. Гурко, подчеркивающей тенденцию разделения институтов брака и семьи. Это выражается в широком распространении монородительских (прежде всего материнских) семей, увеличении официально не оформленных супружеских союзов и числа супружеских пар, отказывающихся иметь хотя бы одного ребенка. Для современного этапа развития общества свойственна тенденция появления так называемых нетрадиционных стилей семейных отношений. Изменение отношения к браку было зафиксировано еще в 1966 году антропологом М. Мид посредством наличия двухступенчатого брака: первая ступень – «индивидуальный брак», в который вступают с целью сексуального сожительства и который часто не регистрируют; вторая ступень – «родительский брак», заключаемый с целью рождения детей. По мнению автора, «индивидуальный брак» может служить подготовкой ко второй ступени – к «родительскому браку», который является более прочным [1].

Рассматривая понятие «семья» выделим особо, что семья – это и малая группа, «члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью», и социальный институт, отличающийся «исторически конкретной системой взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [2].

Степень научной разработанности темы

Проблемы отношения молодых людей к семье и браку изучались в отечественной социологической литературе довольно широко. Можно отметить изучение социальных проблем молодой семьи (Н.Г. Слепцова, В.М. Медков, Н.М. Римашиевская и др.), репродуктивных установок молодой

семьи (А.И. Антонов, И.П. Каткова, В.М. Медкова, Б.С. Павлов), ценности брака для молодежи (С.А. Ильиных, И.В. Лашук и др.).

Психолог О. Толстухина отмечает, что отношение к браку за минувшие несколько десятилетий изменилось. Если, еще в конце 90-х годов брак был единственным возможным вариантом серьезных отношений между мужчиной и женщиной, то уже с начала двухтысячных годов «базовые общественные принципы стали меняться: сейчас и мужчина, и женщина могут жить с партнером без регистрации брака, и социум их не осудит», современные женщины стремятся «пожить для себя» [3].

Философ И. Ниесов отмечает, что на современном этапе против улучшения демографического ситуации в России работают два фактора: экономический (высокий уровень инфляции, рост цен) и политический (политические события, санкции против России, нестабильность). В результате, по мнению автора, получается следующая ситуация: семья остается для россиян важной жизненной ценностью, но экономический и политический факторы перекрывают ее. Молодые россияне все чаще отказываются от рождения детей в таких непростых условиях. Не чувствуя уверенность в завтрашнем дне [3].

Методология исследования

С декабря 2024 года по декабрь 2025 года нами было проведено анкетирование двести сорока семи студентов московских ВУЗов. ВУЗы были выбраны по принципу доступности. Опрос студентов проводился методом онлайн-анкетирования с использованием google-форм. В статье мы также использовали данные статистики, результаты социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения. Задачами исследования являлись изучение отношения студентов к идее создания семьи, важности для них семейных ценностей и рождения детей.

Особенности отношения молодежи к семье и браку

Для современного этапа характерно откладывание молодыми людьми вступления в брак. Так, по результатам опроса, больше половины респондентов считают, что наиболее подходящий возраст для вступления в брак 26–30 лет, а каждый третий считает, что наиболее подходящий возраст для брачных отношений 21–25 лет.

В исследовании, проведенном Всероссийским центром изучения общественного мнения, 16 процентов молодых людей от 18 до 24 лет считают, что, если женщина вынуждена совмещать карьеру и семью, то ей лучше иметь партнера, но не заводить детей. Отметим, что в возрастной группе от 45 лет и старше таких всего 1–2 процента [4].

Рождаемость в нашей стране уже в течение нескольких десятилетий остается очень низкой. Суммарный коэффициент рождаемости для достижения простого воспроизводства населения должен составлять два, а лучше быть больше двух. К сожалению, с 1990 по 2025 год, коэффициент два ни разу не был достигнут. Самые большие цифры были зафиксированы в 1990 и в 2015 году (1,89 и 1,76 соответственно)[5].

Как показало проведенное нами исследование, многодетную семью хотят в будущем всего 15 опрошенных нами студентов. Большинство студентов ориентируется на однодетную (26%) и двухдетную семью (45%). Особо выделим, что 14% респондентов вообще не хотят иметь детей, и это факт вызывает сожаление, так как в ценностных ориентирах современной молодежи карьера и личное счастье занимают более важное значение, нежели выполнение функции деторождения.

В анкетировании мы задавали открытый вопрос, что означает для студентов понятие счастливая семья. Респонденты указали, что в их понимании понятие «счастливая семья» ассоциируется с взаимопомощью (18 чел), поддержкой (14 чел), любовью (13 чел), взаимоуважением (8 чел), спокойствием и гармонией (2 чел). Отрадно, что три человека назвали счастливой семьей свою семью.

Отметим, что еще пять лет назад в исследовании, проведенном Агентством «МП. Аналитика», 71% респондентов (мужчины и женщины старше 18 лет) считали, что в России важно принять меры по повышению рождаемости [6].

Студенты, в проведенном нами исследовании, отмечали, что в первую очередь молодым семьям требуется помощь со стороны государства в получении льготной ипотеки, финансовой поддержке для получения образования, выплате пособий семьям с маленькими детьми, в трудоустройстве, развитии инфраструктуры (строительство детских садов, поликлиник).

Отметим, что в нашей стране существует разветвленная система социальной защиты и поддержки молодых семей: пособие по беременности и родам, материнский капитал, субсидии на жилье, региональные выплаты и гранты и т.п. На пресс-конференции «Итоги года с Владимиром Путиным» Глава государства озвучил новые меры поддержки семей. В частности, «из уплаченных 13% НДФЛ в семьях, где доходы меньше полутора прожиточных минимумов (ПМ) на человека, 7% будет возвращаться назад в семью». Он отметил, что государство также будет стремиться к повышению уровня заработной платы в стране, чтобы доходы молодых семей с детьми повышались, а не падали [7].

Выводы

В целом, мы можем констатировать, что для современного этапа характерно откладывание молоды-



ми людьми вступления в брак, а также ориентация на малодетность. Как показали результаты исследований в понимании студентов понятие «счастливая семья» ассоциируется с взаимопомощью, поддержкой, любовью, взаимоуважением, спокойствием и гармонией.

Помощь со стороны государства в решении социальных проблем молодых семей поможет молодежи уверенно смотреть в будущее, при этом, очевидно, что виды помощи должны модернизироваться и ориентироваться на актуальные проблемы молодежи. Президент РФ Владимир Путин на XI Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур констатировал, что для «России приоритет – поддержка семей с детьми, укрепление авторитета института семьи, его ценностей. Ведь наша идентичность и сам национальный характер глубоко укоренены в семье» [8].

Литература

1. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи// СОЦИС. 1995. № 10. С. 95–99.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 75.
3. В отношениях обнаружили брак. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7712466> (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.
4. Семья и брак в России XXI. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka?ysclid=mlez6un8z4815658844> (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.
5. Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? Аналитический обзор. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume>. (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.
6. Проект «МЫ СЧИТАЕМ». Демография и секс: что думают 18+. – URL: <https://m-p-a.ru/proekt-%C2%ABmyi-schitaem%C2%BB.-%C2%ABdemografiya-i-seks-chto-dumayut-18%C2%BB.html> (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.
7. В. Путин: Всё должно выстраиваться вокруг семьи. – URL: <https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-vsyo-dolzno-vystraivatsya-vokrug-semi?ysclid=ml3ozc1u1s820466432> (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

semi?ysclid=ml3ozc1u1s820466432 (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

8. Путин назвал семью главным хранителем культуры. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/09/12/26719766.shtml?ysclid=ml3ox0jsw544643346&utm_auth=false (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

THE ATTITUDE OF MODERN RUSSIAN YOUTH TOWARDS FAMILY AND MARRIAGE

Zayakina O.A.

Moscow International University

The article discusses the importance of studying the views of modern youth on marriage at the current stage. It presents the results of sociological research and statistical data on students' attitudes towards marriage and family. The author notes that the current stage is characterized by young people delaying marriage, as well as the preference of most students for one-child and two-child families. Students associate the concept of «happy family» with mutual assistance, support, love, mutual respect, peace, and harmony. The article concludes that it is important for the government to continue providing assistance to families with children. The author notes that young families primarily need government assistance in obtaining preferential mortgages, financial support for education, benefits for families with young children, employment, and infrastructure development (construction of kindergartens and polyclinics).

Keywords: marriage, marital relations, youth, family.

References

1. Gurko T.A. Transformation of the Modern Family Institution// Sotsis. 1995. № 10. P. 95–99.
2. Kharchev A.G. Marriage and Family in the USSR. M., 1979. P. 75.
3. Marriage was discovered in the relationship. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7712466> (date of access: 24.02.2026). – Text: electronic.
4. Family and Marriage in Russia in the 21st Century. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka?ysclid=mlez6un8z4815658844> (accessed on 24.02.2026). – Text: electronic.
5. Reproductive Plans of Russians: Two in Writing, Three in Mind? Analytical Review. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume>. (accessed on 24.02.2026). – Text: electronic.
6. Project «WE COUNT». Demographics and sex: what 18+ people think. – URL: <https://m-p-a.ru/proekt-%C2%ABmyi-schitaem%C2%BB.-%C2%ABdemografiya-i-seks-chto-dumayut-18%C2%BB.html> (accessed 24.02.2026). – Text: electronic.
7. V. Putin: Everything should be built around the family. – URL: <https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-vsyo-dolzno-vystraivatsya-vokrug-semi?ysclid=ml3ozc1u1s820466432> (accessed on 24.02.2026). – Text: electronic.
8. Putin called the family the main guardian of culture. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/09/12/26719766.shtml?ysclid=ml3ox0jsw544643346&utm_auth=false (accessed on 24.02.2026). – Text: electronic.



Роль институциональных ограничений в формировании рисков социальной адаптации мигрантов в дальневосточных регионах

Ким Александр Сергеевич,

доктор политических наук, профессор высшей школы
социальных и политических наук, Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: aleksakimov206@gmail.com

Цой Марина Александровна,

магистрант Института социально-политических технологий
и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: aniramtsoy@gmail.com

В статье осуществляется социологический анализ влияния институциональных ограничений в сфере трудовой занятости и пребывания мигрантов 2024–2025 гг. на формирование рисков трансформации адаптационных стратегий мигрантов в дальневосточных регионах. Авторы на примере Хабаровского края выявляют мультипликативный эффект федеральных и региональных ограничений в условиях потребности региональной экономики в рабочей силе, состоящий в усилении рисков формирования «серых» сфер занятости, запуска процессов вынужденной маргинализации. Все это, по мнению авторов, требует стабилизации ситуации по эффективной управляемости процессами адаптации и интеграции мигрантов. В статье предлагаются механизмы коррекции региональной миграционной политики в сторону перехода от «политики исключения» к «политике селективного включения», предполагающие соответствующее социально-инфраструктурное и административно-правовое обеспечение.

Ключевые слова: социальная адаптация мигрантов, Дальний Восток, дальневосточные регионы, Хабаровский край, институциональные ограничения, риски социальной адаптации.

Введение

Проблема социальной адаптации мигрантов – одна из важнейших составляющих предметной области социологического исследования миграционных процессов. Фундаментальное значение этой проблемы для социологической науки обусловлено тем, что она характеризует характер и направленность социальных изменений, влияющих на архитектуру общества (социальную структуру и стратификацию) и способность социальных институтов как к обеспечению устойчивости общественной системы, так и к конструктивной трансформации в условиях миграционных процессов. Целью статьи является социологический анализ роли институциональных ограничений в сфере трудовой занятости и пребывания мигрантов в формировании рисков их социальной адаптации в дальневосточных регионах на примере Хабаровского края.

Выбор в качестве теоретических рамок (концептуальной схемы) рассмотрения социальной адаптации мигрантов в дальневосточном регионе структурно-функционального подхода обусловлен следующими обстоятельствами.

1. Вопрос о том, станет ли миграционный поток органичной частью регионального социума или останется «инородным телом», временно восполняющим трудовые ресурсы, имеет жизненно важное значение в дальневосточных регионах России, характеризующихся приграничностью, географической удалённостью и низкой плотностью населения.

2. Для российского Дальнего Востока, выступающего стратегическим форпостом страны, миграция является не просто демографическим ресурсом, а фактором непосредственного влияния на характер, направленность и устойчивость регионального социально-экономического развития, формирование региональной и национальной идентичности.

В рамках структурного функционализма (основоположники – Т. Парсонс [11], Р. Мертон [8]) общество рассматривается как сложная система, стремящаяся к равновесию. Любой новый элемент (мигрант) должен быть «встроен» в эту систему так, чтобы не нарушать её стабильность. С этой точки зрения, успешная адаптация – это не просто достижение личного благополучия отдельного индивида, а минимизация дисфункций, которые могут быть привнесены в систему как им, так и груп-



пой, представителем которой он является. В ракурсе исследования влияния структурных факторов на социальную адаптацию критерием ее успешности выступает институциональная включенность (ролевая адаптация). Речь идет прежде всего о таком показателе как трудовая интеграция, в рамках которой мигрант, занимая вакантную нишу в экономической системе, успешно трансформируется из «чужака» в «эффективную рабочую силу». Следующим ключевым индикатором является соответствие поведения мигранта формальным (правовым) нормам, поскольку отсутствие девиантного поведения свидетельствует о том, что мигрант не является фактором дестабилизации принимающего общества. Важный показатель эффективности адаптации с точки зрения равновесия и устойчивости социальной системы – это доступ мигранта к каналам вертикальной мобильности. Адаптацию можно признать функционально конструктивной, если мигрант использует предоставленную системой возможность повышать социальный статус на основе личных способностей, а не этнической или религиозной принадлежности. Значимым индикатором отсутствия деструктивного воздействия структурных «барьеров» на пути социальной адаптации являются тенденции «встраивания» мигрантов в принимающее общество не сопровождающиеся их маргинализацией и геттоизацией (формированием закрытых анклавов).

В рамках выбранной теоретико-методологической ориентации исследования уместно отметить подход Дж. Берри, согласно которому в условиях региональных ограничений стратегия интеграции становится труднодостижимой. Для интеграции недостаточно желания только мигранта. Регион (принимающее общество) должен быть готов измениться сам. Если местное население или власти не готовы подстраивать свои институты (школы, суды, рынок труда) под нужды культурно отличных групп, интеграция подменяется ассимиляцией (давление с целью отказа от своих корней). Таким образом, социальная адаптация понимается как двусторонний процесс, в ходе которого успешность адаптации мигрантов зависит не только от их усилий, но и от «открытости» институциональной среды принимающего общества [15, р. 9–10]. Следовательно, возможными результатами этого процесса могут стать как законопослушность и интегрированность мигрантов, так и их маргинализация, уход в «социальное подполье».

Социальная адаптация мигрантов в условиях Дальнего Востока России исторически характеризуется высокой степенью зависимости от конъюнктуры рынка труда и специфики регионального законодательства. На данное обстоятельство накладывается глубокая трансформация геополитического и экономического положения России, вызванная проведением специальной военной операции. В целом, в Дальневосточном регионе,

по мнению директора Федерального автономного научного учреждения «Востокгосплан» М. Кузнецова, дефицит трудовых ресурсов в ближайшее время будет нарастать. По состоянию на сентябрь 2024 года количество вакансий относительно размещённых резюме выше в 3 раза (в среднем по России в 2 раза). Дефицит рабочих мест составляет примерно 199 тысяч (почти 20% от общего дефицита по стране). Максимальная необеспеченность наблюдается по техническим кадрам. В условиях ожидаемого сильного роста в обрабатывающей промышленности дефицит сотрудников прогнозируется в ней в более чем 70 тысяч человек до 2030 года. Также присутствует весьма серьезная необеспеченность рабочей силой в строительстве (разница в 38 раз), обусловленная масштабной реализацией мастер-планов по обустройству и модернизации целого ряда городов Дальнего Востока. Кроме того самые значительные перекосы между потребностью и наличием резюме наблюдаются в электроэнергетике и деревообрабатывающей отрасли [3].

На примере Хабаровского края, как одного из самых крупных дальневосточных регионов, можно наблюдать, что миграционные потоки всегда являлись необходимым ресурсом компенсации естественной убыли населения. Между тем, тенденции сокращения населения Хабаровского приобрели устойчивый характер и обусловлены естественной убылью населения, которая не компенсируется миграционными процессами. Высокая смертность в сочетании с низкой рождаемостью, «вымывание» отдельных групп населения в результате миграции привели к деформации возрастной структуры и старению населения. Остается высоким разрыв между общей продолжительностью жизни у женщин и мужчин, что характеризует проблему высокой смертности мужчин в трудоспособных возрастах [6, с. 5].

Тем не менее, несмотря на неблагоприятные демографические процессы, в 2025 году промышленное производство в крае выросло на 18,2%. Основной вклад внесли добыча полезных ископаемых, металлических руд и угля, а также обрабатывающая промышленность, авиастроение, строительство и энергетика. При этом на фоне промышленного подъема многие предприятия, особенно в промышленности и логистике, испытывают кадровый дефицит. Для его преодоления в регионе активно реализуется национальный проект «Производительность труда», способствующий оптимизации трудовых процессов, увеличению выпуска продукции без найма дополнительных работников [12].

В то же время 2024–2025 гг. стали периодом нарастания и обострения следующего противоречия: в условиях дефицита трудовых ресурсов, сохраняющегося практически во всех отраслях экономики региона, вынужденное привлечение работодателями зарубежной рабочей силы на-

толкнулось на резко усилившиеся административные барьеры в сфере услуг и транспорта. Так, Постановлением Губернатора Хабаровского края от 07.11.2024 с 1 февраля 2025 года установлен запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по 6 видам экономической деятельности, включая сферу пассажирских перевозок в городском, пригородном и междугороднем сообщении, такси и арендованных легковых автомобилей с водителем [9]. Однако дефицит водителей в общественном транспорте настолько велик, что сейчас власти обсуждают возможность разрешить иностранцам возить людей по регулярным маршрутам. Будет ли в итоге отменен запрет на работу мигрантов на общественном транспорте – пока непонятно. Однако ранее в правительстве края отмечали, что регион в принципе страдает от дефицита кадров, и поэтому во многие отрасли неизбежно приходится привлекать на работу иностранных специалистов. Большинство иностранных работников приезжают в край из стран СНГ самостоятельно по безвизовому режиму и трудоустраиваются, как правило, на малопривлекательные для российских граждан рабочие места, – объясняли ранее в правительстве региона [4].

Региональные ограничения совпали с вводом в действие с 1 января 2025 года Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ, в соответствии с которым срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девятнадцать суток суммарно в течение одного календарного года [10].

Институциональные ограничения трудовой деятельности создают серьезные риски для социальной адаптации мигрантов, поскольку она способствует не только реализации их персональных планов, но и приспособлению к российским реалиям общественной жизни. В то же время проблемы неэффективности использования человеческого капитала иностранной рабочей силы, ее большой включенности в неформальную занятость препятствуют социальной адаптации и интеграции мигрантов [1, с. 184–185]. При этом институциональные ограничения могут сильно влиять на трансформацию целевых установок приезжих относительно проживания в России, сужая позитивно-адаптационное пространство для тех, кто предрасположен к выбору интеграционной стратегии, и расширяя для тех, кто намерен вернуться, заработав средства любой ценой. Выбравшие Россию для дальнейшего проживания, с одной стороны, готовы к испытаниям и способны идти на определенные издержки. С другой – они претендуют на получение работы, соответствующей их желаниям и навыкам. Наоборот, у тех, кто намерен вернуться, присутствуют целевые установки на мак-

симизацию заработка, вследствие чего они гораздо менее разборчивы в его средствах, предрасположены рассматривать любые предложения и сокращать периоды незанятости. У первой группы мигрантов наблюдаются признаки установок интеграции в российское общество, у второй – признаки вынужденной, инструментальной адаптации к повседневным условиям [1, с. 221].

Когда легальные каналы трудовой деятельности (например, работа водителем автобуса в Хабаровске) перекрываются, стратегия адаптации смещается от интеграционных намерений к инструментальным, ориентированным на непосредственное приспособление к ситуации. Так, с учетом цифровизации сферы транспортных услуг можно прогнозировать, что иностранные работники, вытесненные из легального такси – сервиса, могут использовать арендованные аккаунты в агрегаторах такси, зарегистрированных на граждан РФ или стран ЕАЭС (Киргизия, Армения), на которых запрет не распространяется. Выпадение из правового поля полностью лишает водителя-мигранта юридической защиты, вследствие чего он попадает в кабальную зависимость от посредников и становится объектом вымогательства. Происходит выталкивание мигрантов в «серые» сферы адаптации: они учатся не соблюдать закон, а эффективно его обходить и нарушать.

Под влиянием ограничений трудовой деятельности в сфере производства создается серьезная угроза деструктивной трансформации миграционных процессов. Об этом свидетельствует печальный опыт постиндустриальных стран, в которых в конце XX века пусть и по другим причинам также произошла «деиндустриализация» адаптации мигрантов [7, с. 65–66]. Вынужденный переход из сферы услуг и производственных предприятий (интенсивные контакты с местным населением, пребывание в интернациональных коллективах) в низкостатусные группы сферы строительства и торговли (замкнутые бригады и торговые сообщества) приведет к слому адаптационно-интеграционного механизма. Поскольку сформируется функциональная неграмотность и утратятся языковые навыки, социальная адаптация пойдет вспять – произойдет трансформация мигранта из члена городского сообщества в изолированного временщика, члена замкнутой этнической диаспоры.

Что касается ограничения пребывания безвизовых иностранцев сроком 90 дней в календарном году, то его социальными последствиями станут условия, при которых семьи мигрантов больше не смогут находиться в крае длительное время. Сокращение сроков пребывания делает для взрослых невыгодным изучение русского языка, а для детей обучение в школах станет недоступным, между тем как именно они, находясь в условиях образовательной социализации, выступали «мостиками» интеграции для своих родителей.



Исчезновение семейного компонента преобразует миграцию в «мужскую», она становится маскулинизированной и вахтовой, что повышает уровень агрессии и снижает стимулы к интеграции в принимающее сообщество. Без семейного компонента миграция в крае становится и агрессивной, что повышает конфликтный потенциал в долгосрочной перспективе.

Наложение друг на друга федеральных и региональных ограничений (федеральное введение «правила 90 дней» и региональные запреты на трудовую деятельность мигрантов) в условиях потребности региональной экономики в рабочей силе производит мультипликативный эффект «двойного давления», приводящим к ситуации, в которой мигрант, чувствуя себя временным и нежелательным субъектом, не стремится стать частью населения российского региона. Как следствие, блокируется конструктивная адаптация, при которой Хабаровский край воспринимался бы не как временная рабочая площадка, а не жизненное пространство. В то же время возрастают риски запуска процессов вынужденной маргинализации. Например, мигрант формально числится на стройке (где разрешено), но фактически подрабатывает в такси через аккаунты-двойники. Проявлениями деструктивной адаптации, характеризующейся игнорированием норм и ценностей принимающего общества, является ограничение социального круга мигранта только соотечественниками, покупка продуктов в этнических магазинах («халаль-лавки»), питание в заведениях «этнического общепита» [5, с. 586]. Как показывают теоретические и эмпирические исследования как зарубежных (например, концепция «сегментированной ассимиляции» [13, с. 50–51]), так и отечественных социологов (исследования феномена этнических рынков и повседневных обыденных практик на Востоке России [2, 5, 14]) замыкание внутри диаспоральных общин, формирование этнических сетей являются закономерным следствием маргинализации адаптационных стратегий мигрантов в условиях их «невписывания» в легальные институциональные практики. Так, этнические рынки стали не просто анклавом «этнического бизнеса», но и механизмом экономической и социальной адаптации трансграничных мигрантов, площадкой концентрации их экономической деятельности и социальной организации в принимающем обществе [14, с. 35].

Таким образом, институциональные ограничения 2025 года перевели проблему социальной адаптации мигрантов в Хабаровском крае из плоскости «культуры» в плоскость «безопасности и экономики», способствуя формированию следующих зон долгосрочного адаптационного риска: 1) «серых» сфер занятости; 2) закрытых диаспоральных сообществ и этнических сетей. Все это требует стабилизации ситуации по эффектив-

ной управляемости процессами адаптации и интеграции мигрантов. Именно поэтому в сфере региональной миграционной политики необходим переход от «политики исключения» к «политике селективного включения». Для реализации такого перехода целесообразны разработка и внедрение следующих механизмов, требующих соответствующего социально-инфраструктурного и административно-правового обеспечения.

1. Создание и внедрение регионального миграционного паспорта (сертификата) лояльности на основе балльной системы за знание языка, отсутствие правонарушений и работу в «дефицитных» отраслях, выдача которого дает право на продление срока пребывания свыше 90 дней.

2. Возврат мигрантов в сферу общественного транспорта при условии прохождения ежегодной переаттестации в региональном ГИБДД и центре адаптации.

3. Поддержка со стороны органов региональной и местной власти работодателей, инвестирующих в социально-бытовую адаптацию своих работников.

4. Поддержка «семейной интеграции»: создание условий для долгосрочного пребывания семей квалифицированных сотрудников, работников «дефицитных» отраслей, вовлечение их детей в образовательно-культурное пространство региона.

Все вышеперечисленные меры будут способствовать реализации модели «адаптация через легальную занятость», задающей мигранту траекторию от «чужака» к члену регионального сообщества через легальный труд и социальные гарантии.

Литература

1. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]; отв.ред В. И Мукомель. К.С. Григорьева; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 400 с.
2. Ардалянова А. Ю., Винокурова А.В., Яковлев А.И. Вкус дома, поиск любви и сила веры: повседневные практики мигрантов в дальневосточных городах // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – № 4(9). – 2025. – С. 19–30.
3. Демография Дальнего Востока: разворачивая тренд. <https://www.eastrussia.ru/material/demografiya-dalnego-vostoka-razvorachivaya-trend/> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Дефицит кадров: отмену запрета на работу мигрантов в автобусах обсуждают в крае. <https://www.dvnovosti.ru/khab/2025/07/20/183228/> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Дятлов В. И. «Этнические рынки» – мигрантские локальности в постсоветском городском



- пространстве // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Том 18 (№ 4). – С. 577–592.
6. Киселев С.Н., Полищук Е.В. «Демографическое самочувствие» Хабаровского края в 2023–2024 гг. // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. – 2025. – № 2. – С. 1–6.
 7. Константинов В.В., Зелев М.В. Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 64–70.
 8. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
 9. Об установлении на 2025 год запрета на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности. Постановление Губернатора Хабаровского края от 07.11.2024 № 78. <http://publication.pravo.gov.ru/document/2700202411080002>. (дата обращения: 03.03.2026).
 10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080069> (дата обращения: 05.03.2026).
 11. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
 12. Промышленность набирает обороты как паровоз: рост на 18,2% вывел Хабаровский край в лидеры Дальнего Востока <https://www.pravda.ru/districts/2335113-khabarovsk-krai-economic-growth/> (дата обращения: 09.03.2026).
 13. Хамидулин В.С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее общество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – № 1. – 2016. – С. 49–60.
 14. Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 343 с.
 15. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology. – 1997. – Vol. 46, Iss. 1. – Pp. 5–34.

THE ROLE OF INSTITUTIONAL RESTRICTIONS IN SHAPING MIGRANTS' SOCIAL ADAPTATION RISKS IN THE FAR EASTERN REGIONS

Kim A.S., Tsoy M.A.
Pacific National University

This article provides a sociological analysis of the impact of institutional restrictions on migrant employment and residence in 2024–

2025 on the risks of transforming migrants' adaptation strategies in the Far Eastern regions. Using the example of Khabarovsk Krai, the authors identify the multiplier effect of federal and regional restrictions in the context of the regional economy's labor force demand, which increases the risk of developing «gray» employment sectors and triggering forced marginalization processes. All this, according to the authors, requires stabilization of the situation with regard to the effective management of migrant adaptation and integration processes. The article proposes mechanisms for adjusting regional migration policy toward a transition from a «policy of exclusion» to a «policy of selective inclusion,» presupposing appropriate social, infrastructural, administrative, and legal support.

Keywords: social adaptation of migrants, Far East, Far Eastern regions, Khabarovsk Krai, institutional restrictions, risks of social adaptation.

References

1. Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators: [monograph] / V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva, G.A. Monusova [et al.]; ed. by V.I. Mukomel. K.S. Grigorieva; FNISC RAS. – Moscow: FNISC RAS, 2022. – 400 p.
2. Ardal'yanova A. Yu., Vinokurova A.V., Yakovlev A.I. Taste of Home, Search for Love, and Power of Faith: Everyday Practices of Migrants in Far Eastern Cities // Periphery. Journal of Non-Capital Spaces Research. – № 4 (9). – 2025. – Pp. 19–30.
3. Demography of the Far East: Reversing the Trend. <https://www.eastrussia.ru/material/demografiya-dalnego-vostoka-razvorachivaya-trend/> (accessed 28.02.2026).
4. Personnel shortage: lifting the ban on migrants working on buses is being discussed in the region. <https://www.dvnovosti.ru/khab/2025/07/20/183228/> (accessed 01.03.2026).
5. Dyatlov V. I. «Ethnic markets» – migrant localities in the post-Soviet urban space // Journal of Social Policy Studies. – 2020. – Vol. 18 (№ 4). – Pp. 577–592.
6. Kiselev S. N., Polischuk E.V. «Demographic well-being» of Khabarovsk Krai in 2023–2024. // Bulletin of Public Health and Healthcare of the Russian Far East. – 2025. – № 2. – Pp. 1–6.
7. Konstantinov V.V., Zelev M.V. The Problem of Integration of Migrants into the Host Society in Post-Industrial Countries and in Russia // Polis. Political Studies. – 2007. – № 6. Pp. 64–70.
8. Merton, R. Social Theory and Social Structure / Robert Merton. – Moscow: ACT: ACT MOSCOW: KHANITEL, 2006. – 873 p.
9. On the establishment of a ban on the recruitment of foreign citizens carrying out labor activities on the basis of patents for certain types of economic activity for 2025. Resolution of the Governor of Khabarovsk Krai dated November 7, 2024 № 78. <http://publication.pravo.gov.ru/document/2700202411080002>. (Accessed 03.03.2026).
10. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law of 08.08.2024 № 260-FZ <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080069>. (Accessed 05.03.2026).
11. Parsons, T. The System of Modern Societies / Translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Ed. by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect Press, 1998. 270 p.
12. Industry is gaining momentum like a locomotive: 18.2% growth has made Khabarovsk Krai a leader in the Far East <https://www.pravda.ru/districts/2335113-khabarovsk-krai-economic-growth/> (accessed 09.03.2026).
13. Khamidulin V.S. Theoretical approaches to the study of the problems of immigrant incorporation into the host society // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. – № 1. – 2016. – Pp. 49–60.
14. Ethnic markets in Russia: Bargaining space and meeting place / scientific. ed. V.I. Dyatlov, K.V. Grigoriev. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2015. – 343 p.
15. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology. – 1997. – Vol. 46, Iss. 1. – P. 5–34.



Социальная безопасность и качество жизни в арктических регионах (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)

Мигалов Егор Андреевич,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления
Тюменского индустриального университета
E-mail: emigalow@yandex.ru

Барбакова Елена Викторовна,

старший преподаватель кафедры математики и прикладных
информационных технологий Тюменского индустриального
университета
E-mail: barbakovaev@tyuiu.ru

В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного анализу влияния институциональных дисфункций местного самоуправления на параметры социальной безопасности и качество жизни населения в урбанизированных поселениях Ямало-Ненецкого автономного округа. Актуальность работы обусловлена стратегическим значением Арктической зоны РФ и необходимостью обеспечения устойчивого социального развития регионов – лидеров ресурсодобычи. Эмпирическую базу составили данные официальной статистики, нормативно-правовые акты и результаты анкетного опроса жителей пяти городских округов ЯНАО. На основе системного и институционального подходов выявлены четыре группы проблем муниципального управления: финансово-бюджетная неустойчивость, социально-демографическая дезинтеграция, этнокультурная напряженность, инфраструктурный дефицит. Установлено, что данные дисфункции трансформируются в угрозы социальной безопасности, проявляющиеся в миграционном оттоке населения, снижении институционального доверия, социальной аномии и рисках техногенных катастроф. Предложена типология арктических городов по доминирующим проблемам управления. Разработаны рекомендации по модернизации системы местного самоуправления, включающие внедрение дифференцированных моделей управления, развитие механизмов общественного участия и адресных программ социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная безопасность, качество жизни, местное самоуправление, муниципальное управление, Арктическая зона, Ямало-Ненецкий автономный округ, институциональное доверие, сбережение населения.

Актуальность

Сбережение населения России, повышение качества его жизни и обеспечение социальной безопасности являются приоритетными задачами государственной политики, особенно в регионах, имеющих стратегическое значение для национальной экономики и геополитической устойчивости. Арктическая зона Российской Федерации представляет собой именно такой макрорегион, где решение социальных проблем сопряжено с реализацией долгосрочных планов освоения ресурсной базы и обеспечения обороноспособности страны. [1, с. 67] Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), на долю которого приходится свыше 80% общероссийской и около 20% мировой добычи природного газа, является ключевым звеном российской Арктики. Социальное благополучие его городов – Нового Уренгоя, Ноябрьска, Салехарда, Надыма, Губкинского, Муравленко – выступает фундаментом кадровой стабильности топливно-энергетического комплекса (ТЭК), обеспечивающего не только экономический рост, но и энергетическую безопасность значительной части Евразийского континента. [2, с. 1200].

Однако парадокс современного развития арктических территорий заключается в том, что регионы-доноры, формирующие значительную долю федерального бюджета, сталкиваются с острыми социальными проблемами локального уровня, которые не всегда находят адекватное решение в рамках существующей модели муниципального управления. Системные дисфункции местного самоуправления (МСУ) – от финансовой несостоятельности до неспособности консолидировать разнородные социальные группы – аккумулируют региональные противоречия и трансформируются из локальных управленческих трудностей в факторы макрорегионального риска, угрожающие непосредственно процессам сбережения населения. [3, с. 45].

Цель настоящего исследования заключается в идентификации и комплексном анализе основных институциональных дисфункций местного самоуправления в городах ЯНАО, оценке их воздействия на параметры социальной безопасности и качество жизни, а также в выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию муниципальной политики в арктических условиях. В фокусе внимания находится не столько административно-хозяйственная деятельность му-



ниципалитетов, сколько их роль в обеспечении социальной устойчивости и формировании условий для реализации долгосрочных жизненных стратегий населения.

Теоретической основой исследования выступает синтез институционального подхода и концепции социальной безопасности. Институциональный подход (Д. Норт, О. Уильямсон) позволяет рассматривать местное самоуправление не как изолированный орган власти, а как систему формальных и неформальных правил, структурирующих взаимодействие между государством, бизнесом и населением на локальном уровне. Качество этих правил и практик их реализации определяет, насколько успешно институты МСУ справляются с функциями агрегации интересов, производства общественных благ и поддержания социального порядка [15, 16].

Концепция социальной безопасности трактуется нами как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается устойчивое социальное развитие, достойное качество жизни и сохранение социокультурной идентичности [5, с. 22]. В контексте арктических городов социальная безопасность включает такие параметры, как демографическая устойчивость (преодоление оттока населения), социальная интегрированность (снижение конфликтности между различными группами), институциональное доверие (легитимность власти в глазах граждан), инфраструктурная надежность (безаварийное функционирование систем жизнеобеспечения) [12–14].

Ключевая гипотеза исследования заключается в том, что дисфункции институтов МСУ выступают самостоятельным и значимым фактором, генерирующим угрозы социальной безопасности. Низкое качество муниципальных услуг, неэффективность обратной связи, неспособность решать инфраструктурные проблемы ведут к снижению доверия, росту миграционных настроений, социальной аномии и, в конечном счете, к снижению качества жизни и утрате человеческого капитала – то есть потерям в сбережении населения.

Изученность темы

Проблематика социального развития Арктической зоны РФ в последнее десятилетие привлекает все большее внимание исследователей. Работы В.А. Беляева и А.В. Смирнова закладывают теоретическую основу для анализа социальной безопасности в системе национальной безопасности. [1, с. 67] Исследования Т.И. Заборцевой и К.В. Павлова вводят важное понятие «корпоративного города» в Арктике, где крупный бизнес частично замещает функции муниципальной власти, что ведет к «размыванию ответственности»

и ослаблению институтов МСУ в долгосрочной перспективе. [2, с. 1205].

Социологический анализ вахтовых мигрантов как специфической социальной группы арктических городов представлен в работах В.А. Колосова и М.В. Зотовой, которые фиксируют высокую ротацию кадров (до 30–40% в год) и слабую укорененность приезжего населения [6, с. 73]. Проблемы социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера (КМНС) к урбанизированной среде, а также риски этнокультурной напряженности системно исследуются в коллективных монографиях под руководством О.М. Барбакова. [7] Вопросы устойчивого развития арктических моногородов, включая роль гражданских инициатив и местных сообществ, поднимаются в публикациях А.Н. Петровой и В.С. Селина [8, с. 95]. Исследования В.Н. Иванова и А.В. Костиной демонстрируют прямую корреляцию между качеством муниципального управления и уровнем социальных конфликтов в ресурсодобывающих регионах [9, с. 112].

Вместе с тем, сохраняется исследовательский дефицит работ, рассматривающих дисфункции МСУ не как набор отдельных недостатков, а как системный институциональный фактор, комплексно влияющий на различные аспекты социальной безопасности – от демографического поведения до уровня доверия и межэтнических отношений.

Методология исследования

Методологическую основу работы составляет системный подход, позволяющий рассматривать местное самоуправление как элемент сложной социально-экономической и этнокультурной системы Арктического региона, а также следующие методы исследования:

- теоретический анализ научной литературы по проблемам муниципального управления, социальной безопасности и регионального развития Арктики, позволивший сформировать концептуальную основу исследования;
- нормативно-правовой анализ федерального и регионального законодательства, уставов муниципальных образований ЯНАО, регулирующих вопросы организации и функционирования МСУ;
- статистический анализ данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа ФСГС по ЯНАО за период 2018–2023 гг., включая показатели бюджетной обеспеченности, демографической динамики, состояния жилищно-коммунального хозяйства [10];
- социологический опрос (анкетирование), проведенный авторами в 2023 г. среди населения пяти городов ЯНАО: Салехарда, Нового Уренгоя, Ноябрьска, Надыма и Губкинского. Выбор-



ка составили 800 респондентов, формировалась как квотная, репрезентирующая население по полу, возрасту и типу занятости (работники ТЭК, бюджетной сферы, малого бизнеса, безработные; отдельно выделялась подвыборка представителей КМНС). Анкета включала блоки вопросов, направленных на оценку: а) удовлетворенности деятельности органов МСУ и качеством предоставляемых услуг; б) социального самочувствия и миграционных настроений; в) восприятия межэтнических отношений; г) уровня институционального доверия и готовности к участию в общественных инициативах;

- сравнительно-типологический метод (применен для выявления типов городских поселений ЯНАО по доминирующим проблемам с сфере МСУ и социального развития).

Обработка полученных данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики, корреляционного анализа (оценка связи между удовлетворенностью МСУ и миграционными настроениями) и контент-анализа открытых вопросов анкеты.

Обсуждение

Эффективность местного самоуправления в городах ЯНАО невозможно оценить вне контекста уникального сочетания природных, экономических и социокультурных факторов, образующих особый «арктический вызов» для муниципальной власти. Эти факторы выступают не просто фоном, а активными детерминантами, усиливающими любые управленческие ошибки и трансформирующими их в угрозы социальной безопасности.

Сырьевая монопрофильность и феномен «корпоративного города». Экономика основных центров округа (Новый Уренгой, Губкинский, Надым) в высокой степени зависит от деятельности градообразующих предприятий ТЭК («Газпром добыча Уренгой», «Газпром добыча Надым», «НОВАТЭК»). Это обуславливает формирование модели «корпоративного города», в которой крупный бизнес выступает не только главным налогоплательщиком (обеспечивая до 70–80% доходов местного бюджета через НДФЛ своих работников и отчисления от прибыли), но и фактически замещает социальную инфраструктуру. Как справедливо отмечают Т.И. Заборцева и К.В. Павлов, такая модель ведет к «размыванию ответственности», когда муниципалитет передает часть своих социальных обязательств корпорации, что в долгосрочной перспективе ослабляет институты МСУ, лишает их компетенций и инициативы. [2, с. 1207] Бюджеты муниципальных образований становятся крайне зависимыми не от развития местной экономики, а от конъюнктуры мировых цен на углеводороды и кадровой политики федеральных холдингов.

Этнодемографическая структура. ЯНАО представляет собой территорию совместного проживания коренных малочисленных народов Севера (ненцы, ханты, селькупы), значительная часть которых ведет традиционный образ жизни (оленьеводство, охота, рыболовство), и многонационального «пришлого» населения, сосредоточенного в городах и вахтовых поселках. По данным переписи населения 2020 г, доля КМНС в округе составляет около 9%, однако их культурное и политическое значение намного существеннее. Муниципальная политика вынуждена одновременно решать задачи сохранения традиционного уклада в тундре и успешной адаптации представителей КМНС, переезжающих в города, что порождает сложные управленческие дилеммы и требует особой деликатности [7, с. 112].

Природно-климатические и логистические ограничения. Суровый климат (среднегодовая температура –5, длительная полярная ночь), повсеместное распространение вечной мерзлоты, удаленность от промышленных и культурных центров России многократно (по некоторым оценкам, в 2,5–4 раза) увеличивают стоимость жизни и ведения хозяйственной деятельности. Это усложняет предоставление любых коммунальных услуг – от строительства и содержания жилья до организации систем здравоохранения, образования, транспортного сообщения. Износ объектов коммунальной инфраструктуры, построенных в основном в 1970–1980-е гг., в ряде городов достигает критических 60–70%, а их модернизация требует специальных технологий и капиталовложений, заведомо непосильных для местных бюджетов, формируемых преимущественно за счет НДФЛ [10].

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил структурировать ключевые дисфункции МСУ в городах ЯНАО по четырем взаимосвязанным сферам, каждая из которых генерирует специфические угрозы социальной безопасности (табл. 1).

Результаты авторского социологического опроса позволяют наполнить выявленные дисфункции конкретными количественными и качественными характеристиками, отражающими их восприятие населением.

1. Расхождение в оценке городских проблем как маркер социальной фрагментации. Лишь 23,4% респондентов выразили удовлетворенность деятельностью органов МСУ своего города, в то время как 67,1% оценили ее как недостаточно эффективную. Наиболее критично население оценивает работу муниципалитетов в сферах жилищно-коммунального хозяйства (68% неудовлетворенных) и благоустройства территории (61%). Корреляционный анализ выявил значимую отрицательную связь между



уровнем удовлетворенности МСУ и миграционными настроениями (коэффициент корреляции = -0,47, $p < 0,01$): чем ниже оценка работы

власти, тем выше готовность покинуть территорию.

Таблица 1. Системные проблемы местного самоуправления в городах ЯНАО и их влияние на социальную безопасность

Сфера проблемы	Основные проявления дисфункций	Угрозы социальной безопасности
Финансово-бюджетная	Высокая зависимость доходов МО от отчислений градообразующих компаний ТЭК; ограниченность собственной налоговой базы из-за неразвитости малого и среднего бизнеса; недофинансирование долгосрочных социальных и инфраструктурных программ из-за бюджетной нестабильности	Рост социальной напряженности при любом сокращении бюджетных расходов; низкое качество и доступность социальных услуг, стимулирующие отток наиболее активных групп населения
Социально-демографическая	Дисбаланс половозрастной структуры; высокая ротация «вахтового» населения, не обладающая устойчивыми социальными связями с территорией; маргинализация части оседлой молодежи в условиях «легких» денег и дефицита альтернативной занятости	Размывание социального капитала, низкий уровень общественного доверия и солидарности; рост девиантного поведения; снижение социального оптимизма; сужение долгосрочных жизненных стратегий у постоянных жителей
Этносоциальная	Латентные культурные конфликты и взаимные стереотипы между пришлым населением и КМНС	Рост этнической напряженности, возможность ее политизации; маргинализация части коренного населения в городской среде; утрата уникального культурного кода территории
Инфраструктурно-экологическая	Критический износ объектов ЖКХ, дефицит комфортного современного жилья, низкое качество межпоселенческой транспортной связности, накопленный экологический ущерб	Повышение рисков техногенных аварий и катастроф; снижение привлекательности территории для постоянного проживания; ухудшение здоровья населения

Одним из наиболее показательных результатов опроса стала фиксация принципиально различных взглядов на городское развитие у оседлого и приезжего населения. Для горожан, постоянно проживающих в муниципалитетах, доминирующими остаются вопросы эксплуатации жилищно-коммунального комплекса и состояния общественных пространств: 68% респондентов этой группы указали на изношенность инженерных сетей и неудовлетворительное качество дорог. В то же время среди вахтовых работников, чья жизнь проходит в режиме временного пребывания, преобладает запрос на сервисную и развлекательную сферу – 74% опрошенных здесь главными недостатками считают отсутствие развитой досуговой инфраструктуры и завышенные цены в секторе услуг. Подобная дивергенция восприятия указывает на формирование в границах единой территории двух обособленных «социальных миров», чьи представления о желаемом будущем города не имеют точек соприкосновения.

2. Коммуникативный разрыв между обществом и властью. Исследование выявило крайне низкую интенсивность обратных связей в системе муниципального управления. Подавляющая часть горожан (82%) полностью исключена из практики взаимодействия: они никогда не направляли официальных запросов, жалоб или конструктивных предложений в орган МСУ. Анализ мотивации этой пассивности показывает, что суть проблемы лежит не в от-

сутствии потребности, а в тотальном неверии в результативность такого диалога. Почти половина опрошенных (44%) исходят из презумпции бесполезности любых обращений, а 31% убеждены в возможном решении вопросов «только для своих». Крайне низкая осведомленность о форматах участия (только 7% знакомы с механизмами публичных слушаний) и тотальное недоверие к институтам власти свидетельствуют о том, что местное самоуправление утратило функцию реального посредника и существует лишь как формальная бюрократическая структура.

3. Миграционные настроения как индикатор качества жизни. Тревожным сигналом являются высокие миграционные настроения, особенно среди молодежи – ключевой группы с точки зрения долгосрочного развития и сбережения населения. 44,8% опрошенных в возрасте 18–35 лет рассматривают возможность переезда из округа в ближайшие 3–5 лет. В качестве основных причин потенциального отъезда респонденты называли: неуверенность в завтрашнем дне (52%), невозможность приобрести собственное жилье (47%), неудовлетворительное качество медицинских услуг (41%), отсутствие перспектив для детей (38%).
4. Этносоциальные отношения. В сфере межэтнических отношений зафиксирована латентная напряженность. 57,6% респондентов, относящих себя к КМНС, отметили ощущение

неравенства в доступе к качественным образовательным услугам в городских учреждениях. Со стороны некоренного населения фиксируются стереотипные представления о КМНС как о «льготника» и «иждивенцах». Отсутствие целенаправленной политики по интеграции и межкультурному диалогу на муниципальном уровне создает риски эскалации этих латентных противоречий [7, с. 156].

Значимым итогом исследования выступает доказательство территориальной неоднородности муниципальных проблем в границах ЯНАО. Специфика локальных вызовов и острота управленческих дисфункций варьируется в зависимости от хозяйственного уклада города, что предполагает отказ от унифицированных решений в пользу индивидуализированных стратегий.

Первый тип – индустриальные центры с доминированием вахтового метода (Новый Уренгой, Надым). Здесь главным препятствием для устойчивости выступает несформированность локального сообщества. Значительная доля временного персонала, размещенного в корпоративном жилом фонде и не имеющего долгосрочных жизненных планов, связанных с территорией, препятствует формированию гражданской идентичности. Структуры органов муниципальной власти в этих городах зачастую выполняют сервисную функцию по отношению к градообразующим предприятиям, подчиняя текущую деятельность интересам производства, а не стратегическим задачам по развитию среды для постоянного населения. Как следствие, здесь фиксируется минимальная активность низовых общественных институтов (ТОС) и отсутствие устойчивых гражданских инициатив [8, с. 97].

Ко второму типу относится административный центр – Салехард, ключевой задачей для которого является удержание профессиональных кадров (управленцев, врачей, педагогов) путем обеспечения стандартов жизни, приближенных к крупным городам федерального уровня. Возникает устойчивое противоречие: социальная инфраструктура испытывает усиливающуюся нагрузку, тогда как потенциал ее расширения жестко лимитирован транспортной изоляцией, климатическими условиями и ограниченными мощностями строительного комплекса. Здесь наиболее остро проявляется разрыв между повышающимися запросами населения и реальными ресурсными возможностями муниципалитета.

Третий тип образуют поселения со смешанной структурой экономики с гетерогенным составом жителей (Ноябрьск, Муравленко, Лабытнанги). В таких городах на передний план выходят интеграционные процессы: необходимость согласования интересов различных социальных страт (бывших вахтовиков, работников бюджетной сферы, предпринимателей, обслуживающего персонала).

Приоритетными направлениями становятся диверсификация локальной экономики (поддержка бизнеса, не связанного с ТЭК) и формирование качественной городской среды. Хотя дисфункции МСУ здесь выражены более сбалансированно, они отличаются большей сложностью и многокомпонентностью, требуя системных, а не точечных решений.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дисфункции МСУ в городах ЯНАО не остаются локальными трудностями. Через цепочку причинно-следственных связей они эскалируют, создавая реальные риски для социальной безопасности всего арктического макрорегиона.

1. Демографический и кадровый кризис. Устойчивый отток наиболее активной, образованной и молодой части населения в среднесрочной перспективе ведет к необратимой деградации человеческого капитала. Без квалифицированных кадров невозможно ни дальнейшее освоение ресурсной базы, ни инновационное развитие Арктики, ни обеспечение ее обороноспособности – прямая угроза экономической и национальной безопасности [3, с. 48].
2. Дестабилизация социальной среды. Рост социальной аномии, девиантного поведения, накопление недовольства в моногородах может привести к спонтанным социальным взрывам, способным парализовать работу градообразующих предприятий. Исследование В.Н. Иванова и А.В. Костиной демонстрируют прямую корреляцию между низким качеством муниципального управления и уровнем социальных конфликтов в ресурсодобывающих регионах [9, с. 118].
3. Эскалация этнополитической напряженности. Нерешенные проблемы апатии КМНС к урбанизированной среде, ощущение ими неравенства создают питательную среду для этнонационалистических движений. В условиях геополитической конкуренции в Арктике эти настроения могут быть использованы для дестабилизации ситуации [5, с. 26].
4. Инфраструктурная и экологическая катастрофа. Отложенная модернизация изношенных систем жизнеобеспечения в условиях вечной мерзлоты чревата крупными техногенными катастрофами с трансграничными экологическими последствиями, способными нанести непоправимый урон хрупким арктическим экосистемам [11, с. 374].

Полученные данные позволяют говорить о системном кризисе модели муниципального управления, сложившейся в арктических городах ЯНАО. Традиционная патерналистская парадигма, при которой население выступает пассивным получа-



телем услуг, а власть – их монопольным поставщиком, в арктических условиях полностью исчерпала свой потенциал. Она не способна ни консолидировать разрозненные социальные группы, ни генерировать доверие, ни эффективно решать нарастающие инфраструктурные проблемы.

Для нейтрализации выявленных угроз и перехода к устойчивому развитию арктических городов авторами предлагается комплекс мер.

Первое направление – трансформация институционально-финансовой модели. Назрела потребность в пересмотре законодательных основ функционирования муниципалитетов, расположенных в Арктической зоне. Целесообразно придание арктическим городским округам особого правового статуса, предполагающего расширение предметов ведения и введение механизмов прямого федерального софинансирования капиталоемких инфраструктурных объектов. Необходимо также внедрение повышающих коэффициентов при расчете нормативов отчислений от налоговых поступлений в местные бюджеты, что позволит компенсировать удорожание услуг в экстремальных климатических условиях. Параллельно требуется запуск системы муниципальных преференций для предприятий, не связанных с добычей углеводородов, с целью диверсификации локальной экономики.

Второе направление – формирование действенных каналов обратной связи. Речь идет о переходе от декоративных форм общественного участия к реальному соуправлению. Для этого необходимо институализировать работу общественных советов при главах администраций, наделив их контрольными функциями в части бюджетных расходов. Важным звеном видится поддержка территориального общественного самоуправления через систему малых грантов, позволяющих жителям самостоятельно решать локальные проблемы. Дополнительным инструментом способны стать цифровые платформы типа «Умный Ямал», аккумулирующие предложения граждан и использующие механизмы краудсорсинга для выработки управленческих решений.

Третье направление – адресная работа с различными категориями населения. В отношении вахтового контингента необходимы программы, облегчающие их интеграцию в городскую среду и стимулирующие переход к постоянному проживанию. Для молодежи приоритетом выступает создание альтернативных площадок самореализации, не привязанных к нефтегазовому сектору – речь идет о развитии IT-кластеров, креативных индустрий и образовательных центров нового типа. Что касается коренных малочисленных народов, требуется комплексное сопровождение при получении профессионального образования и трудоустройстве, а также создание этнокультурных цен-

тров, выполняющих роль моста между традиционным укладом и урбанизированной средой.

Четвертое направление – использование зарубежного опыта. Продуктивным представляется изучение практик северных территорий Норвегии, Канады и Финляндии в области устойчивого градостроительства, организации социального обслуживания в экстремальных условиях и механизмов включения аборигенных сообществ в процессы принятия решений [11, с. 374].

Подводя итог, следует констатировать, что система местного самоуправления в городах Ямало-Ненецкого автономного округа действует в обстановке множественных ограничений, порожденных ресурсной специализацией экономики, неоднородностью этнического состава и суровыми природными факторами. Аккумулированные институциональные сбои – финансовая несамостоятельность, неспособность к объединению различных социальных групп, неэффективность в преодолении инфраструктурных проблем – перерастают рамки локальных управленческих неудач и приобретают характер угроз макрорегионального масштаба. Указанные риски, находящие выражение в миграционном оттоке, девальвации социальных норм, межэтнических трениях и аварийном состоянии коммуникаций, ставят под вопрос стабильность не столько самого округа, но и всей Арктической зоны как опорного региона ресурсного и геополитического значения.

Литература

1. Беляев В. А., Смирнов А.В. Социальная безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты // государство и право. 2020. № 8. С. 67–75.
2. Заборцева Т.И. Павлов К.В. Корпоративные города в Арктике: социальная ответственность бизнеса или квазимуниципальное управление? // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 4, С. 1199–1213.
3. Барабков О. М., Белоножко М.Л., Силин А.Н. Социология управления: теоретические и прикладные аспекты. Тюмень: ТИУ, 2020. 248 с.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
5. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества. Иркутск, 2025. С. 21–27.
6. Колосов В. А., Зотова М.В. Вахтовые мигранты в Арктике: социальный портрет и проблемы адаптации // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 70–81.



7. Этносоциологический мониторинг неиндустриального освоения Арктики / О.М. Барбаков, М.Л. Белоножко, Л.Н. Белоножко, А.С. Гюрджинян и др. Тюмень: ТИУ, 2018. 240 с.
8. Петрова А. Н., Селин В.С. Устойчивое развитие арктических моногородов: роль местного сообщества и гражданских инициатив // Арктика: экология и экономика. 2023. № 1 (49). С. 90–102.
9. Иванов В. Н., Костина А.В. Социальные конфликты в ресурсных регионах России: факторы и механизмы регулирования. М.: ИС РАН, 2019. 248 с.
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Муниципальная статистика» по ЯНАО. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обращения: 10.03.2024).
11. Фомичев И.Ю. Современные проблемы освоения Арктики // Вузовская наука: проблемы подготовки специалистов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. Ред. М.Л. Белоножко. Тюмень: ТИУ, 2021. С. 373–375.
12. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9.
13. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
14. Ардашев Р. Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
15. Полюшкевич О.А. Социальная справедливость/несправедливость в современных реалиях // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 171–175.
16. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.

SOCIAL SECURITY AND QUALITY OF LIFE IN THE ARCTIC REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT)

Migalov E.A., Barbakova E.V.
Industrial University of Tyumen

The article presents the results of a sociological study devoted to the analysis of the impact of institutional dysfunctions of local self-government on the parameters of social security and the quality of life of the population in urbanized settlements of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The relevance of the work is due to the strategic importance of the Arctic zone of the Russian Federation and the need to ensure sustainable social development of the regions that are leaders in resource extraction. The empirical base includes official statistics, legal acts, and the results of a questionnaire survey of residents of five urban districts of the Yamalo-Nenets Autonomous

Okrug. Based on a systemic and institutional approach, four groups of municipal management problems have been identified: financial and budgetary instability, socio-demographic disintegration, ethno-cultural tension, and infrastructure deficit. It has been established that these dysfunctions are transforming into threats to social security, manifested in migration outflows, reduced institutional trust, social anomie, and the risks of man-made disasters. A typology of Arctic cities based on their dominant management problems has been proposed. Recommendations have been developed for modernizing the local self-government system, including the introduction of differentiated management models, the development of public participation mechanisms, and targeted social adaptation programs.

Keywords: social security, quality of life, local self-government, municipal administration, Arctic zone, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, institutional trust, population preservation.

References

1. Belyaev V. A., Smirnov A.V. Social Security in the National Security System of the Russian Federation: Theoretical and Legal Aspects // State and Law. 2020. № 8. Pp. 67–75.
2. Zabortseva T. I., Pavlov K.V. Corporate Cities in the Arctic: Social Responsibility of Business or Quasi-Municipal Management? // Economy of the Region. 2021. Vol. 17, № 4, pp. 1199–1213.
3. Barabkov O. M., Belonozhko M.L., Silin A.N. Sociology of Management: Theoretical and Applied Aspects. Tyumen: TIU, 2020. 248 p.
4. North D. Institutions, Institutional Changes, and Functioning of the Economy. Moscow: Nachala, 1997. 180 p.
5. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society. Irkutsk, 2025. pp. 21–27.
6. Kolosov V. A., Zotova M.V. Rotational Migrants in the Arctic: Social Portrait and Adaptation Problems // Sociological Research. 2022. № 5. Pp. 70–81.
7. Ethnopsychological Monitoring of Non-Industrial Development of the Arctic / O.M. Barabkov, M.L. Belonozhko, L.N. Belonozhko, A.S. Gyurjinyan, et al. Tyumen: TIU, 2018. 240 p.
8. Petrova A. N., Selin V.S. Sustainable Development of Arctic Single-Industry Towns: The Role of the Local Community and Civil Initiatives // The Arctic: Ecology and Economy. 2023. № 1 (49). Pp. 90–102.
9. Ivanov V. N., Kostina A.V. Social Conflicts in Resource Regions of Russia: Factors and Regulation Mechanisms. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2019. 248 p.
10. Official website of the Federal State Statistics Service. Section «Municipal Statistics» for the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (date of access: 10.03.2024).
11. Fomichev I. Yu. Modern Problems of Arctic Development // University Science: Problems of Specialist Training: Proc. of the Int. Res. and Pract. Conf. / Ed. M.L. Belonozhko. Tyumen: TIU, 2021. Pp. 373–375.
12. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security: Opportunities and Threats to Adaptive Flexibility // Sociology. 2026. № 1. Pp. 6–9.
13. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. № 7. Pp. 6–11.
14. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. № 8. Pp. 6–11.
15. Polyushkevich O.A. Social Justice/Injustice in Modern Realities // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 171–175.
16. Polyushkevich, O.A. Social Security and Social Tension // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.



Вторичная занятость студентов очной формы обучения как инструмент профессиональной интеграции и развития надпрофессиональных компетенций

Михайловская Светлана Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, Забайкальский государственный университет
E-mail: alecru77@mail.ru

В представленной работе анализируется феномен трудовой занятости студентов очных отделений высших учебных заведений, рассматриваемый как важный фактор их профессионального становления и интеграции в трудовую сферу. Авторами исследуются теоретические основания понятий «профессиональная интеграция» и «вторичная занятость», систематизируются мотивы, побуждающие студентов к совмещению учебы с работой, а также оцениваются позитивные и негативные стороны такого совмещения. Особое внимание акцентируется на концепции транспрофессионализма, которая дает теоретическое обоснование полезности опыта трудовой деятельности, даже если она не соответствует профилю получаемого образования. В статье приводятся эмпирические данные, полученные в ходе опроса студентов Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), представляющих различные уровни высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура). Зафиксированы существенные различия в оценке проблем, сопряженных с вторичной занятостью, и на этой основе предложены дифференцированные стратегии карьерного консультирования для каждой из выделенных групп обучающихся.

Ключевые слова: вторичная занятость, профессиональная интеграция, профессиональная социализация, надпрофессиональные компетенции, транспрофессионализм, мягкие навыки (soft skills).

Проблематика профессиональной адаптации и последующей интеграции студенческой молодежи в структуру трудовых отношений занимает одно из центральных мест в современных педагогических и социологических исследованиях. Высшая школа традиционно ориентирована не только на трансляцию систематизированных знаний, но и на подготовку выпускников к эффективному функционированию в реальных рыночных условиях, формируя у них ценностные ориентации профессии и прикладные компетенции. Вместе с тем в ситуации усиливающейся конкуренции на рынке труда и постоянной трансформации требований со стороны работодателей традиционных форматов обучения, включая производственную практику, оказывается явно недостаточно. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа студентов очных отделений, совмещающих учебную деятельность с трудовой, что в научной литературе описывается термином «вторичная занятость». Цель статьи заключается в проведении комплексного анализа воздействия вторичной занятости на процесс профессионального становления студентов, а также в выявлении и описании трудностей, сопровождающих совмещение работы и учебы, на материале исследования, проведенного среди студентов Забайкальского государственного университета.

Базовой категорией настоящего исследования выступает понятие «профессиональная интеграция». В междисциплинарной перспективе термин «интеграция» трактуется как процесс объединения отдельных элементов в единую целостность [7, с. 201]. Применительно к сфере профессионализации в качестве таких элементов рассматриваются субъект трудовых отношений, с одной стороны, и профессиональное пространство его деятельности – с другой. Согласно позиции О.С. Шкиль, структурными компонентами профессиональной интеграции выступают социальная адаптация, адаптация к профессиональной деятельности, а также психофизиологическое привыкание индивида к условиям трудового коллектива [8, с. 136]. Реализация данного процесса предполагает формирование у студента осознанного отношения к необходимости накопления как когнитивного, так и коммуникативного опыта [3, с. 37].

Вторым ключевым понятием работы является «вторичная занятость». Разделяя точку зрения



В.Р. Волкова, мы определяем данное явление как «совмещение работы и учебы студентов дневной формы образования» [2, с. 181]. К числу определяющих признаков вторичной занятости относятся: возмездный (оплачиваемый) характер выполняемой трудовой деятельности, реализация работы в периоды, свободные от основных учебных занятий, а также необходимость распределения временных и физических ресурсов между первичной (образовательной) и вторичной (трудовой) занятостью [9, с. 11].

Мотивационные механизмы, подталкивающие студентов к выходу на рынок труда, могут быть разделены на две основные группы: внешние и внутренние. К числу внешних факторов относятся структурные изменения, происходящие на рынке труда, упразднение системы обязательного государственного распределения выпускников, а также завышенные требования, предъявляемые работодателями к начинающим специалистам, не имеющим опыта работы [6]. Внутренняя мотивация включает в себя стремление к обретению материальной самостоятельности и независимости от родителей или государства [4], желание сформировать у себя уверенность в будущей профессиональной востребованности [5], а также потребность в социальной автономии и повышении собственного статусного положения в обществе [8; 9].

Основное противоречие, присущее феномену вторичной занятости, заключается в объективной сложности поиска такой работы, которая, во-первых, соответствовала бы будущей квалификации студента и, во-вторых, допускала бы возможность ее успешного совмещения с очным обучением без ущерба для последнего. Вовлеченность в трудовую деятельность в свободное от учебы время неизбежно сокращает ресурсы, необходимые для самостоятельной подготовки к занятиям, что потенциально способно оказывать негативное влияние на текущую академическую успеваемость [1; 12]. Кроме того, работодатели нередко предлагают студентам условия труда, не соответствующие установленным законодательным нормам, пользуясь их уязвимым положением и отсутствием реальной конкурентоспособности на рынке труда [6; 8; 11].

Вместе с тем, несмотря на очевидные недостатки и риски, вторичная занятость обладает значительным позитивным потенциалом. Даже в тех случаях, когда работа не связана напрямую с профилем получаемого образования, она способствует формированию у студента таких значимых качеств, как дисциплинированность, мобильность, навыки эффективного планирования времени (тайм-менеджмента) и способность к продуктивному командному взаимодействию. Для теоретического обоснования полезности подобного опыта в современной науке все чаще привлекается

концепция транспрофессионализма. Данная концепция исходит из того, что современный специалист должен обладать способностью к интеграции различных типов компетенций: профессиональных (hard skills), надпрофессиональных (soft skills) и цифровых (digital skills), что позволяет ему быть гибким и при необходимости менять сферу или род деятельности на протяжении профессиональной карьеры [5, с. 56]. Соответственно, разнообразный трудовой опыт, накапливаемый студентом еще в процессе обучения, способствует лучшей ориентации на рынке труда и активному освоению «мягких навыков», востребованных в любой сфере [3].

С целью выявления и анализа проблем, с которыми сталкиваются работающие студенты, авторами было организовано и проведено эмпирическое исследование в форме анкетирования среди обучающихся Забайкальского государственного университета. Выборочную совокупность составили 120 студентов очной формы обучения, распределенных на три равные группы в зависимости от уровня образования: 40 бакалавров (3–4 курсы), 40 студентов специалитета (3–5 курсы) и 40 магистрантов (1–2 курсы). Разработанная анкета была ориентирована на определение ключевых проблемных зон, связанных с совмещением образовательной и трудовой деятельности, а также на оценку степени остроты каждой из проблем по 5-балльной шкале Лайкерта. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с применением Н-критерия Краскела-Уоллиса, позволяющего выявить значимость различий между тремя независимыми выборками.

Полученные в ходе исследования результаты демонстрируют отчетливую тенденцию к росту вовлеченности студентов во вторичную занятость по мере перехода на более высокие уровни образования. Так, среди бакалавров доля работающих составляет 46,67%, среди обучающихся по программам специалитета – 56,67%, тогда как среди магистрантов этот показатель достигает 63,33%. Одновременно с этим наблюдается увеличение доли тех студентов, чья трудовая деятельность соответствует или хотя бы частично связана с получаемой специальностью: от 42,86% у бакалавров до 63,16% у магистрантов.

Сравнительный анализ оценок проблемных аспектов позволил зафиксировать следующие статистически значимые различия между группами респондентов.

1. Проблема сложностей, возникающих при поиске подходящей работы, наиболее остро воспринимается студентами бакалавриата (средняя оценка 3,37 балла). В группе магистрантов данный показатель существенно ниже и составляет 2,53 балла.

2. Невозможность в полной мере применять полученные в вузе профессиональные знания так-



же оценивается как более значимая проблема для бакалавров (3,57 балла) и студентов специалитета (3,20 балла) по сравнению с магистрантами, у которых средний балл по данному пункту равен 2,50.

3. Юридические риски, связанные с неоформлением трудовых отношений в установленном порядке, нарушением трудовых прав работников и отсутствием социальных гарантий, вызывают наибольшее беспокойство у бакалавров. Средняя оценка значимости этой проблемы в данной группе достигает 4,10 балла, что заметно выше, чем у специалистов (3,40 балла) и магистрантов (3,07 балла).

4. Проблема несправедливой оплаты труда, напротив, демонстрирует противоположную динамику: наибольшую остроту она приобретает для магистрантов (3,43 балла). Данный факт может объясняться наличием у них завышенных зарплатных ожиданий, сформированных в связи с уже имеющимся дипломом бакалавра, которые, однако, вступают в противоречие с объективными ограничениями рынка труда, предлагающего студентам очной формы преимущественно позиции с частичной занятостью и, соответственно, неполной оплатой.

5. Проблема эффективного распределения времени, расстановки приоритетов между учебными и рабочими задачами (тайм-менеджмент) оказалась в равной степени актуальной для представителей всех трех групп. Средние значения оценок по данному параметру находятся примерно на одном уровне (около 3,5 балла), что подтверждает универсальный характер трудностей, связанных с необходимостью совмещения двух интенсивных видов деятельности независимо от этапа профессиональной подготовки.

Проведенное исследование в целом подтверждает исходное предположение о том, что вторичная занятость играет существенную роль в процессах профессиональной интеграции современного студенчества. Включение в трудовые отношения еще на этапе обучения способствует формированию у студентов ценностного отношения к труду, приобщению к действующим нормам профессиональной этики, развитию чувства ответственности и совершенствованию навыков самоорганизации. Даже в тех случаях, когда работа выполняется вне сферы прямой профессиональной подготовки, студент приобретает и развивает транспрофессиональные компетенции, что в конечном счете повышает его общую конкурентоспособность на рынке труда после окончания вуза.

Установленный в ходе анализа факт существенных различий в восприятии проблем вторичной занятости в зависимости от уровня образования позволяет сформулировать ряд рекомендаций, касающихся дифференциации подходов к карьерному консультированию студентов.

1. Для студентов бакалавриата, наиболее остро ощущающих дефицит информации и опыта, приоритетными направлениями поддержки должны стать правовое просвещение (информирование о трудовых правах, рисках неформальной занятости, способах защиты своих интересов) и содействие в поиске первого официального места работы, предъявляющего минимальные требования к опыту.

2. Для студентов магистратуры, уже имеющих определенный опыт работы и столкнувшихся с проблемой несоответствия зарплатных ожиданий реальным предложениям на рынке труда, наиболее актуальными представляются консультации, направленные на корректировку карьерных ожиданий, планирование долгосрочной профессиональной траектории и адекватную оценку собственной стоимости на рынке труда.

3. Для всех категорий студентов вне зависимости от уровня образования необходима организация и проведение специализированных тренингов, ориентированных на развитие навыков тайм-менеджмента, а также системная информационно-разъяснительная работа, направленная на формирование понимания ценности приобретаемых «мягких» навыков и их роли в будущей профессиональной карьере.

Реализация предлагаемого дифференцированного подхода будет способствовать более эффективному согласованию спроса и предложения на молодежном сегменте рынка труда, расширению доступности подходящих вакансий для студенческой молодежи и минимизации потенциально негативных последствий, связанных с совмещением работы с учебой в период получения высшего образования.

Литература

1. Бочкова А. Г., Кравченко Д.Д. Влияние вторичной занятости на успеваемость студентов очной формы обучения // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 2. С. 372–379.
2. Волков В.Р. Вторичная занятость студентов: проблемы и тенденции развития // Вопросы экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 181–185.
3. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э.Э., Лебедева Е.В. Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79. С. 89–107.
4. Иванова Ю. М., Ипполитова Н.В. Опыт социально-профессиональной адаптации студентов организации среднего профессионального образования // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (37). С. 36–41.



5. Кислов А.Г. От опережающего к транспрофессиональному образованию // Образование и наука. 2018. № 1. С. 54–74.
6. Козырева П. М., Смирнов А.И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 15. М.: Новый хронограф, 2017. С. 49–71.
7. Пасовец Ю.М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–199. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12
8. Попов Е. А., Антонович И.В., Ахмедова А.Р., Кода Е.А., Козлова В.А. Вторичная занятость современных студентов (на примере студентов АлтГУ) // Социодинамика. 2023. № 10. С. 10–22.
9. Рыбаков В.А. Вторичная занятость студентов вузов на рынке труда: тенденции и особенности (по результатам опросов студентов гуманитарных вузов г. Москвы) // Теория и практика общественного развития. 2020. С. 84–88. DOI: 10.24158/tipor.2020.8.11.
10. Рябова М. А., Симбирева А.А. Вторичная занятость студента как социальное явление в условиях перехода к рыночной экономике // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 3466–3470. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/971020.htm> (дата обращения: 07.12.2022).
11. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1989. 624 с.
12. Суценко А. Д., Тарасьев А.А., Сандлер Д.Г. Не только опыт вторичной занятости в вузе: роль высшего образования в снижении прекаризации занятости молодых специалистов // Перспективы науки и образования. 2021. № 5 (53). С. 544–559.
13. Цыганенко Н.В. Учебная успеваемость работающих студентов // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 4 (17). С. 41–45.
14. Шкиль О.С. Профессиональная адаптация студентов в контексте компетентностного подхода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 1 (14). С. 137–139.

SECONDARY EMPLOYMENT OF FULL-TIME STUDENTS AS A TOOL FOR PROFESSIONAL INTEGRATION AND THE DEVELOPMENT OF TRANSPROFESSIONAL COMPETENCIES

Mikhaylovskaya S.A.

Transbaikal State University

This paper analyzes the phenomenon of labor employment of full-time university students, considered as an important factor in their professional development and integration into the labor sphere. The authors examine the theoretical foundations of the concepts of 'professional integration' and 'secondary employment,' systematize the motives that drive students to combine studies with work, and al-

so assess the positive and negative aspects of such combination. Special attention is focused on the concept of transprofessionalism, which provides a theoretical basis for the usefulness of work experience, even if it does not correspond to the profile of the education being received. The article presents empirical data obtained from a survey of students at Transbaikal State University (TSU), representing various levels of higher education (bachelor's, specialist, master's). Significant differences in the assessment of issues associated with secondary employment were recorded, and on this basis, differentiated career counseling strategies for each of the identified student groups were proposed.

Keywords: secondary employment, professional integration, professional socialization, supra-professional competencies, transprofessionalism, soft skills.

References

1. Bochkova A. G., Kravchenko D.D. The Impact of Secondary Employment on the Academic Performance of Full-Time Students // Innovative Aspects of Science and Technology Development. 2021. № 2. pp. 372–379.
2. Volkov V.R. Secondary Employment of Students: Problems and Development Trends // Issues of Economics, Law, and Sociology. 2018. № 1. pp. 181–185.
3. Zeer E. F., Symanyuk E.E., Lebedeva E.V. Transprofessionalism as a Predictor of the Subject of Activity's Preadaptation to the Professional Future // Siberian Psychological Journal. 2021. № 79. pp. 89–107.
4. Ivanova Yu. M., Ippolitova N.V. Experience of Social and Professional Adaptation of Students of Secondary Vocational Education Organizations // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2018. № 1 (37). Pp. 36–41.
5. Kislov A.G. From Advancing to Transprofessional Education // Education and Science. 2018. № 1. Pp. 54–74.
6. Kozyreva P. M., Smirnov A.I. Russian Youth in the Labor Market in the Context of the Economic Crisis // Russia under Reform: Yearbook / ed. M.K. Gorshkov. Issue 15. Moscow: Novy Khronograf, 2017. Pp. 49–71.
7. Pasovets Yu.M. Secondary Employment of Students as a Factor in the Professionalization and Social Integration of Youth // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. № 4. Pp. 183–199. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12
8. Popov E. A., Antonovich I.V., Akhmedova A.R., Koda E.A., Kozlova V.A. Secondary Employment of Modern Students (Based on the Example of Altai State University Students) // Sociodynamics. 2023. № 10. Pp. 10–22.
9. Rybakov V.A. Secondary Employment of University Students in the Labor Market: Trends and Features (Based on the Results of Surveys of Students of Humanities Universities in Moscow) // Theory and Practice of Social Development. 2020. Pp. 84–88. DOI: 10.24158/tipor.2020.8.11.
10. Ryabova M. A., Simbireva A.A. Secondary employment of students as a social phenomenon in the context of transition to a market economy // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2017. Vol. 39. pp. 3466–3470. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/971020.htm> (accessed: 07.12.2022).
11. Dictionary of foreign words. 18th ed., reprinted. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 624 p.
12. Sushchenko A. D., Tarasyev A.A., Sandler D.G. Not only the experience of secondary employment at a university: the role of higher education in reducing the precariousness of employment of young specialists // Prospects of Science and Education. 2021. № 5 (53). pp. 544–559.
13. Tsyganenko N.V. Academic Performance of Working Students // Education and Problems of Social Development. 2021. № 4 (17). pp. 41–45.
14. Shkil O.S. Professional Adaptation of Students in the Context of a Competency-Based Approach // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2016. № 1 (14). pp. 137–139.



Правосознание подростков в цифровой среде: экспертные интерпретации и практики профилактики правонарушений

Филиппова Ирина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет
E-mail: filippovaia@tyuiu.ru

Исследование сосредоточено на анализе интерпретаций различных социальных институтов относительно процессов формирования правового сознания подростков в условиях цифровой среды. Методологической базой послужил качественный контент-анализ материалов экспертной дискуссии «Воспитание правосознания у подростков: вызовы вечные и новые», в которой участвовали представители государственных органов, общественных советов, некоммерческих организаций, медиаструктур и специалистов психологической практики. В эпицентре анализа находится интернет как специфическое пространство социализации, интегрирующее образовательный потенциал с рисками девиантного поведения. Особое внимание уделяется влиянию институциональных акторов – семьи, школы, правоохранительных органов и средств массовой информации – на конструирование правовых установок и ориентаций молодежи. Детально рассматривается эффективность спектра профилактических стратегий: от классических запретительных практик до инновационных диалоговых и деятельностных подходов. Эмпирические выводы подчеркивают амбивалентную роль семьи в системе правового воспитания: как первичный и ключевой институт она одновременно проявляет наибольшую институциональную уязвимость. Социологический анализ выявляет, что доминирующая модель воспитания опирается на нормативные стандарты «правильного» подростка, задающие институциональные рамки для стратегий контроля и поддержки. Диагностированные дисфункции – в частности, недостаточный учет автономии подростков и доминирование контроля над кооперативным взаимодействием – сигнализируют о потребности в ревизии парадигмы воспитательной работы.

Ключевые слова: правосознание, цифровая среда, интернет, социализация, профилактика правонарушений, институты, экспертное мнение, подростки, семья.

Введение

В последние годы проблема правового сознания подростков приобретает особую остроту в связи с радикальной трансформацией среды их повседневной социализации. Интернет и социальные сети из вспомогательного канала коммуникации превращаются в ключевое пространство жизни молодёжи, в котором формируются идентичности, практики и ценностные ориентиры. На этом фоне традиционные институты социализации – семья, школа, детские и молодёжные организации – сталкиваются с качественно иными вызовами, связанными с распространением деструктивного контента, криминальных и экстремистских практик, суицидальных сообществ, кибербуллинга и сложных форм информационного влияния. Для российской повестки дополнительную значимость имеет связь данных процессов с вопросами общественной безопасности, профилактики правонарушений и устойчивости правопорядка в условиях продолжающейся цифровизации [16, 17].

Современные зарубежные исследования подчёркивают, что цифровая среда не только расширяет возможности доступа к знаниям и коммуникации, но и повышает риски девиантного поведения, вовлечения в радикальные и криминальные сообщества, а также распространения различных форм зависимостей. В работах, посвящённых цифровой культуре молодёжи и онлайн-рискам, отмечается, что подростки одновременно выступают активными участниками медиапрактик и уязвимой социальной группой, сталкивающейся с широким спектром угроз в интернет-пространстве [12]. При этом исследования цифровых медиа показывают, что многообразие возможностей (самовыражение, обучение, социальное участие) не отменяет опасностей среды, а возрастающая цифровая компетентность сама по себе не снижает, а зачастую даже увеличивает вероятность столкновения с онлайн-угрозами [13].

Отдельный, активно развивающийся блок исследований посвящён проблеме интернет-зависимости и влиянию социальных сетей на когнитивное и эмоциональное развитие подростков. Начиная с классических работ по изучению интернет-аддикции [15] и воздействия интернета на глубину чтения и мышления, в научной литературе активно обсуждаются изменения в структуре внимания, склонность к поверхностному по-



треблению информации и снижению способности к длительной концентрации [5]. Совокупность полученных данных свидетельствует о том, что длительное пребывание в цифровой среде может сопровождаться снижением уровня эмпатии, ростом тревожности и ощущением беспомощности [14]. Эти факторы, в свою очередь, создают дополнительные препятствия для формирования ответственного отношения к правовым нормам и устойчивых правовых установок в подростковом возрасте.

В отечественной литературе проблема правосознания подростков традиционно рассматривается в рамках юридической психологии, педагогики и социологии девиантного поведения [18]. Здесь можно выделить работы, анализирующие структуру и особенности правосознания подростков, его связь с девиантным поведением и правовой социализацией [1]. Исследуются представления несовершеннолетних о праве и справедливости, факторы правового нигилизма и психологические предикторы дефектов правовой социализации [2; 10]. Отдельный блок работ посвящён роли семьи, школы и правоохранительных органов в профилактике правонарушений и воспитании правовой культуры учащихся [9]. На сегодняшний день накоплен значительный массив исследований правового и гражданского воспитания в образовательных организациях, в том числе в контексте обновления нормативно-правовой базы и усиления патриотической составляющей. В них правовое воспитание школьников рассматривается как элемент формирования гражданской идентичности и ценностной лояльности к государству, а также анализируются изменения правовой политики России в сфере патриотического воспитания и трансформация требований к школьным программам [8].

В последние годы активно развивается направление исследований, специально посвящённых рискам цифровой среды: кибербуллинг, интернет-суициду. Психологи и специалисты по медиаисследованиям демонстрируют распространённость кибербуллинга среди российских подростков, а также выявляют его связь с депрессивными состояниями и суицидальными тенденциями [11]. Параллельно накапливаются исследования, описывающие трансформацию преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации наркорынка. В их числе – изучение участия подростков в сетях сбыта наркотиков (так называемых «закладчиков»), а также использование мессенджеров для вербовки несовершеннолетних в противоправную деятельность [7]. На стыке социологии, медиаисследований и криминологии развивается блок работ, описывающих трансформацию институтов социального контроля в цифровую эпоху [19]. В этих исследованиях анализируется, как государственная политика формирует систему «цифрового надзора» и поддержки подростков [6].

Наряду с этим появляются работы, рассматривающие роль родителей и педагогов в регулировании киберсоциализации, совместные форматы выработки правил использования интернета и просветительские практики в образовательной среде [4].

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе качественного контентанализа экспертной дискуссии «Воспитание правосознания у подростков: вызовы вечные и новые» выявить, как ключевые участники системы профилактики описывают правовое воспитание подростков в условиях цифровой среды.

Достижение поставленной цели подразумевает решение следующих задач:

- 1) проанализировать, каким образом эксперты конструируют интернет как среду социализации подростков и источник различных типов рисков;
- 2) выявить представления участников дискуссии о роли семьи, школы, органов внутренних дел, общественных советов, НКО и медиа в формировании правосознания подростков;
- 3) описать репертуар подходов к работе с подростками (запретительные, диалоговые, деятельностные форматы) и связанные с ними ценностные основания правового воспитания;
- 4) зафиксировать обозначенные экспертами дефициты и «слепые зоны» существующей системы профилактики и воспитательной работы в цифровом контексте.

Исследование имеет важное значение как для науки, так и для практики. В научном плане работа углубляет понимание правосознания подростков в эпоху цифровизации. Она показывает, как ключевые участники системы профилактики воспринимают интернет, оценивают риски и возможности цифровой среды, определяют свою роль в воспитательной системе. Для профессионального сообщества и органов власти результаты исследования особенно ценны тем, что позволяют увидеть не только формальные меры, но и скрытые проблемы, пробелы и точки соприкосновения между различными участниками процесса. Выявленные представления, противоречия и проблемные зоны создают важную основу для совершенствования государственной и муниципальной политики в сфере формирования правосознания детей и молодёжи. Это касается как профилактических программ, так и образовательных стандартов, а также механизмов межведомственного взаимодействия.

Методология и методы

Эмпирическим источником для данного исследования стала федеральная экспертная дискуссия «Воспитание правосознания у подростков: вызовы вечные и новые», проведённой ВЦИОМ совместно с платформой «Неравнодушный человек» и Обще-

ственным советом МВД России в июне 2023 года [3]. Запись обсуждения продолжительностью около 1 час 50 минут была преобразована в текстовый формат и подвергнута качественному контент-анализу. Отбору эмпирического материала сопутствовала фиксация статуса и профессионального профиля участников дискуссии, что позволяет трактовать её как поле экспертного взаимодействия, а не «обычную» массовую коммуникацию. В обсуждении приняли участие: председатель профильной комиссии Общественного совета при МВД России (К.В. Абрамов); представители региональных общественных советов МВД, (А.И. Лукаш и Л.Х. Аюбова); практикующий психолог специализирующийся на профилактике аддиктивного поведения у детей и подростков (О.О. Моисеев); сотрудники центрального аппарата МВД России (С.Н. Чебунин и С.А. Звягинцев); региональный журналист и член Общественного совета, занимающийся медийным освещением проблем молодёжи и наркотизации (П.В. Макаров). Такое сочетание управленцев, практиков и представителей широкой общественности задаёт многопозиционную оптику, в которой пересекаются ведомственные, профессиональные и гражданские взгляды на интернет, подростковую среду и задачи правового воспитания.

Аналитическая стратегия строилась как последовательная качественная обработка текста стенограммы с использованием специализированного программного обеспечения. На первом этапе был осуществлён детальный обзор стенограммы с целью отделения собственно содержательных высказываний от сугубо процедурных и организационных реплик (приветствия, технические замечания и т.п.). В анализ включались фрагменты, содержащие оценочные суждения, интерпретации, описания практик и нормативные позиции. На втором этапе в MAXQDA был сформирован стартовый список кодов, который задавался сочетанием теоретических ориентиров и индуктивных наблюдений, возникших при первичном чтении стенограммы. В процессе кодирования схема неоднократно уточнялась: объединялись дублирующие друг друга позиции, разводились чрезмерно широкие коды, внутри которых накапливались разнородные сюжеты, дополнительно фиксировались типичные цитаты для каждой смысловой единицы.

После завершения основного этапа кодирования была проведена агрегация полученных кодов в укрупнённые тематические кластеры, которые структурируют аналитическую часть статьи. Предпринятый дизайн исследования не предполагает статистической репрезентативности и не позволяет делать обобщения на всё население подростков и родителей. Целью анализа является реконструкция конфигурации экспертных смыслов в специфическом поле взаимодействия государственных и общественных институтов, а также выявление того, как участники дискуссии описывают под-

ростковую социализацию и правовое воспитание в условиях усложняющейся цифровой среды.

Результаты

Интернет как среда социализации подростков

В экспертной дискуссии интернет описывается как принципиально новая среда социализации подростков, задающая контуры современного правового воспитания. Отмечается, что для нынешней молодёжи он выступает не дополнительным каналом коммуникации, а основной социальной средой, фактически заменившей традиционные пространства вроде школы, двора и офлайнкружков. Один из экспертов формулирует это так: *«интернет дефакто для молодежи является пространством, в котором они живут... Если для нас это была школа, дом и улица, двор, то теперь это, безусловно, интернет»*.

Цифровая среда в дискуссии последовательно конструируется как амбивалентный феномен – одновременно ресурс и источник рисков. С одной стороны, приводятся данные крупных опросов студенческой молодёжи, свидетельствующие о росте волонёрской активности. По оценкам участников, около двух третей студентов считают себя неравнодушными и участвовали в благотворительных или волонёрских практиках. Интернет даёт молодёжи возможность *«высказать своё честное и открытое мнение, на основе которого будут вырабатываться управленческие решения»*. С другой стороны, специалисты по профилактике употребления психоактивных веществ и представители общественных советов подчёркивают, что интернет стал ключевым концентратором современных угроз. В их оценке, *«интернет – это главная торговая площадка»* в сфере наркотиков, а мессенджеры и анонимные каналы позволяют рекрутировать в эту сферу всё более молодых людей. Решающим мотивом становится образ *«заработка 10 тысяч в день»* и *«лёгких денег»*, поддерживаемый блогерами и медийными фигурами.

Эксперты акцентируют внимание на структурных особенностях цифровой среды. Интернет, по их мнению, не нейтральное пространство свободы, а управляемая алгоритмами, маркетингом и технологиями информационной войны среда. Один участник дискуссии резко заявляет: *«Интернет полностью подчинён законам маркетинга и инфовойны»*, где подростки становятся объектами манипуляции вниманием, эмоциями и поведением. Вводится понятие *«третьей реальности»*, где навыки безнаказанности из игр переносятся в жизнь, стирая грань между виртуальным и реальным. Отдельно разбираются общественные взгляды на допустимый контент. Опросы показывают: большинство граждан за ограничения призывов к экстремизму, информации об оружии и взрывчатке, материалов о суициде, порнографии и жестокости. Однако многие не считают нуж-



ным блокировать данные о финансовых пирамидах и мат. Эксперты отмечают амбивалентность: консенсус по «тяжёлым» угрозам сочетается с толерантностью к контенту, нормализующему цинизм, правовой нигилизм и финансовую безответственность, что усложняет правовое воспитание.

Интернетугрозы для подростков

С точки зрения источника потенциальных рисков интернет описывается как многоуровневое пространство угроз для подростков – от повседневной агрессии до вовлечения в преступную и суицидальную активность. Эксперты предлагают своеобразную «лестницу» рисков: кибербуллинг и троллинг, экономические и криминальные практики, суицидальные «игры» и информационнопсихологические операции.

На базовом уровне фиксируются кибербуллинг, хейт и троллинг, воспринимаемые подростками как «обычное» сетевое поведение, а не как правонарушение. Подчёркивается, что ситуация «*тотальной видимости*» в соцсетях снижает чувствительность к насилию и формирует установку на безнаказанность, создавая вход в более тяжёлые формы девиаций. Следующий уровень связан с экономическими рисками: мошенничеством, хищением персональных данных, вовлечением в схемы «лёгкого заработка». Практики, работающие с подростками, отмечают, что «*желание заработать лёгких денег, и им обещают заработок 10 тысяч в день*» делает молодёжь уязвимой для вербовки через анонимные каналы и мессенджеры.

Наиболее тревожный уровень – целенаправленное вовлечение в криминальные, экстремистские и суицидальные практики. Приводятся кейсы, когда «*самый молодой закладчик... двенадцатилетний подросток*» находит «работу» через Telegram, что демонстрирует низкий порог входа в криминальные роли. Отдельно обсуждаются суицидальные «игры» типа «*синих китов*», описываемые как «*сложная социальнопсихологическая технология*» с «*пятнадцатью шагами преодоления инстинкта самосохранения*», где каждая стадия усиливает зависимость, одиночество и разрыв с семьёй. Важной линией анализа становятся информационнопсихологические операции и использование псевдопатриотических пабликов, которые, «*релостя пророссийскую информацию*», периодически «*закидывают дезинформацию*» и деструктивные сообщения, а также влияние медийных фигур, романтизирующих криминальные заработки и тем самым размывающих границы допустимого поведения.

Межпоколенческий разрыв в цифровой социализации

С позиции социализации семья и родители описываются как одновременно ключевые и проблемные акторы в системе воспитания правосознания под-

ростков в цифровую эпоху. Эксперты ссылаются на опросы, которые показывают, что в массовом сознании именно родители считаются главным субъектом воспитания: около половины респондентов убеждены, что «*прежде всего воспитанием детей должны заниматься оба родителя*». Также значительная доля россиян разделяет ответственность между семьёй и школой. Однако эксперты констатируют, что при переходе к онлайнповедению детей проявляется существенный разрыв между декларируемой ответственностью и реальными практиками.

Психологи и общественные деятели дополняют статистику кейсами, демонстрирующими не только отсутствие компетенций, но и размывание базовых границ допустимого. Приводятся случаи, когда мать «*вместе с дочерью смотрела порнографические фильмы... дочери одиннадцать лет*» под предлогом подготовки к будущим отношениям. Другой кейс, когда родители дарят детям электронные средства доставки никотина, объясняя, что «*у всех друзей уже есть*». В таких примерах семья перестаёт быть барьером для деструктивных практик и, напротив, легитимизирует сексуализированный и аддиктивный контент. Параллельно звучит установка части родителей, что «*нечего ограждать детей от какихто тягот и трудностей жизни*», что в сочетании с признанием собственной некомпетентности фактически означает отказ от активной профилактической позиции.

Эксперты подчёркивают и эмоциональный дефицит родительского участия. В высказываниях экспертов отмечается, что «*с детьми надо разговаривать, с детьми надо общаться... и родителям надо об этом говорить*», однако даже простые слова о любви оказывается для многих родителей затруднительным. На вопрос, говорила ли мать ребёнку, что любит его, она отвечает: «*не знаю, получится у меня или нет*». Эти наблюдения связываются с межпоколенческим контекстом: нынешнее поколение родителей, выросшее в 1990е, «*не добились социализации*», проживая опыт выживания и правового нигилизма, где «*сущностное*» доминировало над «*должным*». В результате семья, формально признаваемая центром воспитания, на практике часто оказывается «слабым звеном» цифровой социализации – опираясь на технический контроль вместо диалога, транслируя противоречивые нормы и не обеспечивая эмоциональной основы для формирования ответственности и эмпатии.

Институциональные акторы: школа, МВД, общественные советы и НКО в экосистеме правового воспитания

Дальнейшее экспертное обсуждение сместилось от семьи к институциональной «экосистеме» правового воспитания, включающей образовательные организации, органы внутренних дел, общественные советы, НКО и медиа. Участники подчёркивают, что профилактика правонарушений и формирование



правосознания подростков не могут быть задачей одного ведомства: речь идёт о совокупности акторов, чьи усилия необходимо согласовывать и взаимно усиливать.

Общественные советы и региональные НКО демонстрируют широкий спектр форматов, ориентированных на живое взаимодействие и вовлечение подростков в социально одобряемую деятельность. Среди инициатив называются «каникулы с Общественным советом», «проверка правосознания», «полицейский Дед Мороз», «студенческий десант», конкурсы сочинений «Если бы я был полицейским», волонтерские акции и летние спортивные проекты на приз участковых и инспекторов по делам несовершеннолетних (ПДН). Отдельный акцент делается на принципе «равный равному», когда активная молодёжь выступает проводником ценностей и норм для сверстников, в том числе состоящих на школьном или ПДН учёте: по наблюдениям практиков, участие в таких форматах меняет отношение подростков к полиции и правовым нормам «даже после одного мероприятия».

Некоммерческие организации, специализирующиеся на профилактике зависимостей и девиантного поведения, описываются как гибкие партнёры государства. В дискуссии приводится пример проекта «Доброволец.Про», формирующего «добровольческие команды», где подростки получают «возможность работать и находить себя в проектной деятельности в плане профилактики употребления психоактивных веществ». НКО также создают аудиовизуальные материалы (фильмы и мультфильмы), используемые в школах и на родительских встречах для обсуждения интернетзависимости и других рисков цифровой среды. В совокупности эти сюжеты показывают, что институциональное поле правового воспитания строится вокруг сетевого взаимодействия школы, МВД, общественных советов и НКО, причём успех профилактики во многом зависит от способности этих акторов выстраивать доверительные, а не сугубо формальные отношения с подростками.

От запретов к диалогу

От описания угроз дискуссия перешла к тому, как именно с подростками следует говорить о праве и рисках в сети. Представители правоохранительных органов подчёркивают необходимость отказа от чисто запретительного языка: «с подростками... нельзя говорить языком запретов... мы не говорим «не делай то и то». Мы показываем, как жить... безопасно». Такой подход переориентирует работу с «опасным контентом» на развитие позитивных моделей цифрового поведения: навыков цифровой гигиены, защиты персональных данных, распознавания фишинга, манипуляций и фейковых источников.

Эксперты в области социальной психологии настаивают, что проблема не сводится к нехватке информации. Информация понимается как «сред-

ство формирования контекста восприятия», а «постоянное нахождение в информационной среде... убивает эмпатию, снижает когнитивные способности... развивает функциональную беспомощность». Отсюда вывод: один, даже насыщенный фактами урок «не взрастит навык»; устойчивые навыки формируются только через повторяющиеся практики и встраивание правового воспитания в повседневную жизнь школы и семьи.

Заметную роль в обсуждении играют эмоциональноценностные компоненты воспитания. Педагоги и психологи подчёркивают, что в работе с «трудной» молодёжью правовое просвещение должно опираться на воспитание духовнонравственных и патриотических ориентиров: «на первом месте состоят духовнонравственные ценности, традиции, развитие патриотических чувств, культура жизнедеятельности». Правосознание, таким образом, понимается как производное от более широких ценностных структур – чувства ответственности, эмпатии, сопричастности к сообществу и государству. Сквозной мотив всех выступлений – необходимость живого диалога с подростками: «с детьми надо разговаривать, с детьми надо общаться» – как в семье, так и на площадках, где вместе присутствуют представители школы, МВД, органов власти, НКО и религиозные лидеры. В этих форматах подросткам предлагается не только выслушать взрослых, но и проговорить собственные страхи, вопросы и опыт столкновения с рисками в сети, что делает правовое воспитание процессом совместного обсуждения, а не одностороннего назидания.

Движение к образу «неравнодушного человека»

Дальнейшая беседа проходила в русле рассмотрения правосознания подростков не как набора юридических знаний, а как элемент более широкой ценностной и гражданской идентичности. Участники дискуссии подчёркивают связь правовой культуры с духовнонравственными, патриотическими и гражданскими основаниями и настаивают, что устойчивое соблюдение норм возможно лишь при их внутреннем принятии. Педагоги и психологи формулируют это так: «основой является воспитание во всём... на первом месте состоят духовнонравственные ценности, традиции, развитие патриотических чувств, культура жизнедеятельности»; правовое просвещение встраивается в этот более широкий воспитательный контекст.

Центральной фигурой обсуждения становится образ «неравнодушного человека» как носителя гражданской ответственности и правосознания. На основе данных мониторинга студенческой молодёжи отмечается, что «последние годы количество неравнодушных людей... увеличивается, волонтерство активно развивается». В такой перспективе правосознание связывается с готовностью к альтру-



истическим действиям, солидарности и участию в решении общественно значимых задач.

Региональные примеры показывают, как этот образ встраивается в конкретные воспитательные программы. В одном из проектов по повышению правовой культуры школьников особый акцент делается на развитии волонёрского движения: «*мы развивали волонёрское движение в рамках проекта*»; часть участников впоследствии становится волонёрами на федеральных площадках, включая крупные форумы и встречи с первым лицом государства. Эти траектории демонстрируют, что правовое воспитание, выстроенное вокруг сотрудничества школы, правоохранительных органов и общественных структур, может переходить в долгосрочные гражданские и профессиональные биографии.

Наконец, в ходе обсуждения подчёркивалась необходимость признания субъектности подростков в процессах обсуждения права и цифровых рисков. В рамках платформ, ориентированных на молодёжь, студентам и школьникам «*дана возможность высказать своё честное и открытое мнение, на основе которого будут вырабатываться решения управленческие*». Это смещает акцент с подростка как объекта воспитательных воздействий на подростка как участника общественного диалога, чьё мнение учитывается при разработке образовательной и молодёжной политики.

Слепые зоны системы профилактики

Завершающий блок дискуссии был посвящён тому, чего существующая система профилактики цифровых рисков подростков не видит или не успевает охватить. На фоне множества инициатив эксперты фиксируют несколько устойчивых недостатков, которые делают работу фрагментарной и частично неэффективной.

Первая и наиболее очевидная проблема – низкая вовлечённость родителей и их отказ от активной профилактической позиции. Данные опросов показывают, что профилактические беседы о рисках интернета ведут лишь 2% родителей, тогда как большинство ограничивается техническими средствами контроля или вовсе ничего не делает. Практики подтверждают это наблюдение: «*потрясающе низкий процент профилактики среди родителей...*», а на попытки вовлечь их в работу многие отвечают: «*у нас нет соответствующих компетенций*». В результате семья, формально считающаяся ключевым институтом социализации, остаётся систематически недоиспользованным ресурсом, и подросток оказывается один на один с агрессивной цифровой средой.

Вторая проблема связана с тем, что значительная часть профилактических усилий адресована уже активной и вовлечённой молодёжи, тогда как наиболее уязвимая группа – пассивные подростки, не включённые ни в школьную, ни в обще-

ственную деятельность, остаётся вне поля зрения. Участники обсуждения говорят о «*части молодежи... которая просто в принципе не охвачена... она пассивна... она и есть зона опасности*», поскольку именно такие подростки чаще всего становятся мишенью для вербовщиков, криминальных структур и деструктивных сообществ.

Третий блок проблем – недостаточная координация между государственными органами и цифровыми платформами. Эксперты указывают, что, например, распространение никотинсодержащих продуктов в интернете фактически «*никак никем не контролируется*», и даже отработанные практики противодействия наркообороту не перекрывают те сегменты рынка, которые уходят в «серые зоны» платформ. При этом владельцы соцсетей пока не несут в полной мере ответственность за модерацию контента, а между ведомствами наблюдается «*перекладывание*» полномочий: «*это не наша ответственность, это Роскомнадзор или Генпрокуратура*», что характеризуется как «*нездоровая история*» и требует более согласованной позиции.

Ещё одна слепая зона связана с медиапрактиками. Журналисты, освещая случаи привлечения подростков к ответственности за распространение наркотиков, нередко «*формируют образ закладчика, вызывая к нему жалость*», акцентируя «*трудную жизненную ситуацию*» и тем самым фактически смягчая восприятие преступного поведения. По наблюдению участников дискуссии, «*такой подход не создаёт негативного образа*» и не даёт подросткам почувствовать необратимость последствий, поскольку тезис о том, что человек «*этим сломал всю жизнь*» себе и своим близким, остаётся за рамками медиаповествования.

Наконец, критикуются методологические ограничения: преобладание разовых, кампанийных мероприятий при отсутствии долгосрочных программ, ориентированных на формирование устойчивых навыков и установок. На фоне «*постоянного напыления*» информационной среды и «*синдрома «Окей, Гугл»*» один урок или акция не способны компенсировать эффект многолетнего пребывания подростка в цифровом контексте, где «*обесцениваются действительно ценные*» вещи и «*придаётся значение ненужному, а ещё лучше вредному*». В такой ситуации работа, ограниченная информированием без изменения практик и регулярной тренировки критического мышления и саморегуляции, неизбежно оказывается недостаточной.

Выводы

Анализ экспертной дискуссии выявляет эволюцию представлений о роли интернета в социализации современных подростков. Участники обсуждения концептуализируют цифровую среду не как пери-



ферийный источник угроз или инструментальное средство, а как фундаментальное пространство первичной социализации молодого поколения. Выработанная экспертами типология цифровых рисков, охватывает спектр от повседневных практик (кибербуллинг, схемы быстрого обогащения) до системных угроз (вовлечение в наркотрафик, деструктивные онлайн-комьюнити). Это сдвигает парадигму профилактики от репрессивных мер к анализу рутинных цифровых привычек подростков. Семья позиционируется как краеугольный институт правового воспитания, однако эмпирические данные подчеркивают её институциональную уязвимость. Родители артикулируют высокую нормативную ответственность, но на практике ограничиваются технологическим надзором, пренебрегая стратегиями постоянного психологического сопровождения детей. Система правового воспитания функционирует в формате межинституционального взаимодействия (школа, правоохранительные органы, общественные советы, НКО), где неправительственные структуры выступают ключевыми посредниками доверия, реализуя инновационные практики через волонтерство, спортивные и проектные форматы. Комплексный подход интегрирует традиционные и цифровые стратегии профилактики, обеспечивая адаптацию к специфике сетевой социальности.

Подходы к правовому и гражданскому воспитанию, артикулируемые экспертами, смещаются от запретительнолекционной модели к многокомпонентной стратегии, опирающейся на диалог, практикоориентированные форматы, эмоциональноценностные основания и образ «неравнодушного человека» как носителя правосознания, гражданской активности и солидарности. Одновременно выявляются системные дефициты: недоиспользованный потенциал семьи, «невидимая» пассивная молодёжь, ведомственная разобщённость, слабое взаимодействие с цифровыми платформами, амбивалентные медиапрактики и преобладание разовых кампаний над долгосрочными программами формирования устойчивых навыков и установок.

Результаты исследования позволяют сделать два ключевых обобщения. Впервые, правосознание подростков в цифровую эпоху в экспертном дискурсе понимается как интегральное образование, включающее знание норм, ценностные ориентации и практики участия, и формирующееся в специфической цифровой среде, структурированной алгоритмами, маркетинговыми логиками и информационными воздействиями. Это требует от исследователей и практиков выхода за рамки узко «юридического» подхода к воспитанию и интеграции правового компонента с гражданским, нравственным и патриотическим воспитанием, а также с развитием волонтерства и молодёжного участия.

Вторых, для политики и практики правового воспитания работа демонстрирует необходи-

мость перехода от фрагментарной, ведомственно разделённой и преимущественно реактивной профилактики к долгосрочным, координированным стратегиям. Такие стратегии должны включать: адресную работу с родителями; целенаправленное включение пассивной молодёжи; институциональное партнёрство школы, правоохранительных органов, общественных советов и НКО; выстраивание ответственности и механизмов взаимодействия с цифровыми платформами; развитие ответственных медиастандартов в освещении подростковой девиации. В этом контексте экспертные дискуссии, подобные проанализированной, могут рассматриваться как важный ресурс для обновления государственной и муниципальной политики в сфере формирования правосознания детей и молодёжи и для проектирования комплексных программ профилактики в условиях доминирования цифровой среды.

Литература

1. Бойкина, Е. Э., Чернов, В.А. Правосознание подростков поколения центиналов: прогностическая оценка // Психология и право. 2021. № 1 (11). С. 135–149. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110111>
2. Ветренко, Р.Н. Психологические предикторы дефектов правовой социализации современных подростков // Российский девиантологический журнал. 2024. № 2. С. 190–203. URL: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-190-203>
3. Воспитание правосознания у подростков: вызовы вечные и новые // Экспертная дискуссия ВЦИОМ «Профразговор» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/ehkspertnaja-diskussija-wciom-profrazgovor-na-temu-vospitanie-pravosoznaniya-u-podrostkov-vyzovy-vechnye-i-novye-sovmestno-s-platformoi-neravnodushnyichelovek-i-obshchestvennym-sovetom-mvd-rossii> (дата обращения: 13.03.2026).
4. Давлетшина, А.М. Роль родителей и педагогов в регулировании киберсоциализации подростков // Молодой учёный. 2025. № 15 (566). С. 116–118. URL: <https://moluch.ru/archive/566/123964> (дата обращения: 13.03.2026).
5. Korte, M. The impact of the digital revolution on human brain and behavior: where do we stand? // Dialogues Clin Neurosci. 2020. № 2 (22). С. 101–111. URL: <https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/mkorte>
6. Корниенко, Д. С., Руднова, Н. А., Смирнова, Я. К., Калимуллин, А. М., Семёнов, Ю.И. Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн активности и роль социальной поддержки // Социальная психология и обще-



- ство. 2025. № 2 (16). С. 78–95. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
7. Кузина, Л.С. Цифровая трансформация преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник ВИ МВД России. 2025. № 4. С. 276–281.
 8. Розенберг, Н. В., Карпова, М.К. Патриотические ценности российской молодёжи: факторы формирования и правовые основания государственных программ // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 76–90.
 9. Сафина, С.Б. Правовое просвещение и правовое воспитание как инструменты формирования правовой культуры // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. 2025. № 4. С. 77–89. URL: <https://doi.org/10.31249/ia-jpravo/2025.04.06>
 10. Хамитова, Г.Ш. Правовой нигилизм молодёжи как социальная проблема российского общества // Успехи современного естествознания. 2007. № 9. С. 73–74. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=11509> (дата обращения: 16.03.2026).
 11. Хломов, К. Д., Давыдов, Д. Г., Бочавер, А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. № 2 (9). С. 276–295. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>
 12. Livingstone, S., Nandi, A., Banaji, S., Stoilova, M. Young adolescents and digital media: uses, risks and opportunities in low- and middle-income countries: a rapid evidence review. London: LSE / GAGE, 2017. 61 с.
 13. Staksrud, E., Ólafsson, K., Livingstone, S. Does the use of social networking sites increase children's risk of harm? // Computers in Human Behavior. 2013. № 29. С. 40–50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.05.026>
 14. Twenge, J. M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood. New York: Atria Books, 2017.
 15. Young, K.S. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder // CyberPsychology & Behavior. 1998. № 1. С. 237–244. URL: <http://dx.doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237>
 16. Ардашев, Р.Г. Суицидальное поведение молодёжи: виртуальное информационное воздействие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 4. С. 393–397.
 17. Ардашев, Р.Г. Киберсталкинг: угроза общественной безопасности // Социология. 2025. № 11. С. 32–36.
 18. Баев, П. А., Кузьминич, С.Д. Духовно-нравственные ориентиры в психологическом портрете студентов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 257–262.
 19. Полюшкевич, О.А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 121–123.

ADOLESCENTS' LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: EXPERT INTERPRETATIONS AND PRACTICES OF DELINQUENCY PREVENTION

Filippova I.A.

Tyumen Industrial University

The study focuses on analyzing interpretations by various social institutions regarding the processes of forming legal consciousness among adolescents in the digital environment. Its methodological foundation is a qualitative content analysis of materials from the expert discussion «Fostering Legal Consciousness in Adolescents: Eternal and New Challenges» involving representatives of state agencies, public councils, non-governmental organizations, media outlets, and psychological practitioners. At the core of the analysis lies the internet as a specific socialization space that integrates educational potential with risks of deviant behavior. Particular emphasis is placed on the influence of institutional actors – family, school, law enforcement agencies, and mass media – on the construction of legal attitudes and orientations among youth. The effectiveness of a spectrum of preventive strategies is examined in detail: from classical prohibitive practices to innovative dialogic and activity-based approaches. Empirical findings highlight the ambivalent role of the family in the legal education system: as the primary and key institution, it simultaneously exhibits the greatest institutional vulnerability. Sociological analysis reveals that the dominant educational model relies on normative standards of the «proper» adolescent, which establish institutional frameworks for control and support strategies. The identified dysfunctions – particularly the insufficient consideration of adolescent autonomy and the dominance of control over cooperative interaction – signal the need for a revision of the educational work paradigm.

Keywords: legal consciousness, digital environment, internet, socialization, crime prevention, institutions, expert opinion, adolescents, family.

References

1. Boykina, E. E., Chernov, V.A. Legal consciousness of adolescents of the centennial generation: a prognostic assessment // Psychology and Law. 2021. № 1 (11). P. 135–149. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110111>
2. Vetrenko, R.N. Psychological predictors of defects in the legal socialization of modern adolescents // Russian Deviantological Journal. 2024. № 2. P. 190–203. URL: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-190-203>
3. Fostering Legal Awareness in Adolescents: Eternal and New Challenges // VTsIOM Expert Discussion «Profrazgovor» [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/ehkspertnaja-diskussija-vciom-profrazgovor-na-temu-vospitanie-pravosoznaniya-u-podrostkov-vyzovy-vechnye-i-novye-sovmestno-s-platformoi-neravnodushnyi-chelovek-i-obshchestvennym-sovetom-mvd-rossii> (Accessed: 13.03.2026).
4. Davletshina, A.M. The Role of Parents and Teachers in Regulating the Cybersocialization of Adolescents // Young Scien-



- tist. 2025. № 15 (566). Pp. 116–118. URL: <https://moluch.ru/archive/566/123964> (accessed: March 13, 2026).
5. Korte, M. The Impact of the Digital Revolution on the Human Brain and Behavior: Where Do We Stand? // *Dialogues Clin Neurosci*. 2020. № 2 (22). Pp. 101–111. URL: <https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/mkorte>
 6. Kornienko, D. S., Rudnova, N. A., Smirnova, Ya. K., Kalimullin, A. M., Semenov, Yu. I. Digital pReferences of older adolescents: Problems of online activity and the role of social support // *Social Psychology and Society*. 2025. № 2 (16). P. 78–95. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
 7. Kuzina, L. S. Digital transformation of crimes related to the involvement of minors in the illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues // *Bulletin of the Foreign Intelligence Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. № 4. P. 276–281.
 8. Rosenberg, N. V., Karpova, M. K. Patriotic Values of Russian Youth: Factors of Formation and Legal Basis for State Programs // *Electronic Scientific Journal «Science. Society. State»*. 2025. Vol. 13, № 2. Pp. 76–90.
 9. Safina, S. B. Legal Education and Legal Upbringing as Instruments for Forming Legal Culture // *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4, State and Law*. 2025. № 4. Pp. 77–89. URL: <https://doi.org/10.31249/ia-jpravo/2025.04.06>
 10. Khamitova, G. Sh. Legal Nihilism of Youth as a Social Problem of Russian Society // *Successes of Modern Natural Science*. 2007. № 9. pp. 73–74. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=11509> (accessed: 16.03.2026).
 11. Khlomov, K. D., Davydov, D. G., Bocharov, A. A. Cyberbullying in the Experience of Russian Adolescents // *Psychology and Law*. 2019. № 2 (9). pp. 276–295. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>
 12. Livingstone, S., Nandi, A., Banaji, S., Stoilova, M. Young adolescents and digital media: uses, risks, and opportunities in low- and middle-income countries: a rapid evidence review. London: LSE / GAGE, 2017. 61 p.
 13. Staksrud, E., Ólafsson, K., Livingstone, S. Does the use of social networking sites increase children's risk of harm? // *Computers in Human Behavior*. 2013. № 29. pp. 40–50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.05.026>
 14. Twenge, J. M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood. New York: Atria Books, 2017.
 15. Young, K. S. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder // *CyberPsychology & Behavior*. 1998. № 1. pp. 237–244. URL: <http://dx.doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237>
 16. Ardashev R. G. Suicidal behavior of young people: virtual information impact // *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2025. Vol. 25. № 4. Pp. 393–397.
 17. Ardashev R. G. Cyberstalking: a threat to public safety // *Sociology*. 2025. № 11. Pp. 32–36.
 18. Baev P. A., Kuzminich S. D. Spiritual and moral guidelines in the psychological portrait of students // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the XII International scientific and practical conference. Irkutsk, 2026*. Pp. 257–262.
 19. Polyushkevich, O. A. Forms of Prosocial Practices in the Virtual World // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Edited by O. A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. Pp. 121–123.



Теоретические и методологические аспекты анализа основных национальных ценностей и политической культуры китайского общества

Чжэн Вэньсинь,

аспирант кафедры политической социологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st073894@student.spbu.ru

Рассматриваются базовые национальные ценности китайского общества в контексте его успешной альтернативной модели развития. Китай сочетает элементы западной культуры с обращением к собственным традициям, используя древние принципы и духовные идеалы для достижения социальной гармонии и укрепления «мягкой силы». Объект исследования – историческая эволюция традиционных национальных ценностей различных этносов Китая и их влияние на духовно-нравственное воспитание; предмет – базисные смыслообразующие компоненты этих ценностей. Цель – определение сущностных черт традиционных ценностей Китая, обоснование их исторической предопределенности и интерпретация их отражения в современных политических процессах. Основная гипотеза: традиционные духовно-нравственные ценности остаются национальным приоритетом, проявляясь во внутренней и внешней политике страны. Методологическую основу составляют диалектико-материалистический и системный подходы, а также комплекс эмпирических и социологических методов. Результаты раскрывают многогранный характер базовых национальных ценностей, их связь с анимистическими и тотемистическими верованиями древнекитайской цивилизации. Показано взаимовлияние конфуцианства, даосизма, буддизма, местных мифов и культов на формирование национального мировоззрения, фундаментальных обычаев и традиций. В заключении отмечено, что ценности, закреплённые в Конституции Китая, определяют основные устремления китайского народа и служат основой для современной внутренней политики в условиях глобальной цифровизации.

Ключевые слова: основные национальные ценности, конфуцианство, даосизм, буддизм, анимистические и тотемные верования, градация основных обычаев и традиций.

Introduction

China has offered the world a successful alternative model of economic development and a special system of political and legal regulation of social relations, thus the PRC seeks to contribute to global cultural diversity. The Communist Party has proclaimed the policy of «governing the state through morality», utilizing ancient principles to serve modernity. China successfully combines elements of Western culture with an appeal to its traditions, finding internal resources for modernization. Confucian ideals of self-improvement, social hierarchy and ritual are considered tools for achieving «great unity» and a «society of social harmony», which actualizes the study of traditional spiritual and moral values of China. As a five-thousand-year-old civilization, China's rich heritage and diverse ethnic traditions play an important role in the formation of national identity. In the context of modernization and globalization, the task of preserving traditional values that serve as the basis for spiritual education and strengthening the country's «soft power» is acquiring particular significance.

Such issues as the essence of national values and their role in the consciousness of citizens and the formation of the social sphere of the state have always been in the center of attention of both Russian and foreign scientists: M.L. Dorzhieva, S.O. Elisheev, I.A. Panteleeva, I.I. Platynyuk, V.M. Rakov, V.N. Roldugina, F.S. Faizullin, Zhang Yaoying, S.N. Shalagina, S.V. Yakovlev and others. The listed scientists considered this phenomenon from the point of view of various approaches provided by social and humanitarian disciplines: philosophy, political science, sociology, pedagogy, psychology, and others. Particularly noteworthy are scientific works based on the study of the mentality of representatives of specific peoples and cultures: Yu.A. Borko (member countries of the European Union), N.V. Volokhova, E.A. Kipevar, M.A. Sevelova (Ancient Greece), N.A. Zelinskaya (Australia), A.I. Ovchinnikov (Russia) and others.)

Methodology and sources

The complexity of interpreting the concept of «national values» is associated with the influence of the historical aspect of the existence of Chinese civilization. Thus, the problem of the uniqueness of ancient myths, folk beliefs, cults and rituals is considered within the framework of the prism of existing religious beliefs (first totemism, animism, and then Confucianism, Taoism



and Buddhism): T.A. Zandanova, P.V. Kuchkovsky, A.V. Chebunin, Chen Meng, O.G. Kobzhitskaya, Hao Ju, L.L. Sukhadolskaya and others.

Certain aspects of the spiritual and moral value orientations of the Chinese (for example, the concept of «guanxi» and its influence on everyday life) were analyzed in the studies of S.D. Gurieva, P.R. Dzhimiev, Lin Chuanzhao, O.V. Smirnova, Ma Kezhou, He Yanli, E.E. Ltsutskaya, S.V. Leontiev, Liu Wei, Yu Wenl, M.V. Silantiev, and others.

Noting the positive focus of the scientific works on the development of general theoretical provisions related to the study of the Chinese national mentality, one can conclude both an insufficient understanding of the history of Chinese civilization in the scientific community and a resulting lack of research revealing Chinese values in accordance with the postulates of Confucianism, Taoism and Buddhism. Additionally, the insufficient scientific development of the topic is associated with difficulties arising in understanding and localizing the beliefs, numerous cults and customs intertwined in Chinese culture. Consequently, the social significance of the problem and its insufficient development determined the choice of this research topic.

The aspiration of human thought to discover a world free from earthly conditions led to the establishment of absolute values existing independently of society. The origins of the concept of national values are found in Ancient Greece, where the fundamental principles that influenced various aspects of local social life were formed [10]. Thanks to this, the triad of absolute values that still exists today was formed – truth, goodness and beauty, developed by Plato [15]. At the same time, each part of the human soul must have its own significance: wisdom is associated with reason, rationality, and a «cool» head [2].

Other thinkers also contribute to the modern interpretation of absolute values, such as Aristotle and Thomas Aquinas. The transformations of the ancient world led to Hellenism preparing the ground for a reassessment of moral values, as a result of which divine categories were placed above traditional concepts. The classical triad of ancient Greek philosophy began to express the attributes of the absolute god in Christianity. In the first half of the 20th century, Bohdan Naurochynsky classified them as absolute values that do not have a common bearer, noting that the world of absolute values is common to different nations. Disputes between people about values always concern vital truths rather than absolute ones. Absolute values appear in spiritual life as sacred goals of individual aspirations and occupy the highest position in the hierarchy [12].

The history of the development of human civilization illustrates the long process of studying values, which forms the basis for the proper functioning of society. Numerous conflicts meant that security issues had to be the focus of attention of authorities and society. Ignoring them ended either in the marginalization

of the state in the international arena (circular disintegration) or in the complete collapse of statehood (division). History also shows the importance of harmony between individual and collective interests, as well as material and spiritual aspirations. An example is the European Renaissance, when science, art, and new spiritual values developed. In these conditions, many sought to obtain relevant knowledge and develop their craft. The values of humanism, respect for individuality, and freedom came to the fore. In contrast, in the New Age, the development of science and social relations largely determines the basic approach to these values.

Taking the example of Chinese civilization, its location and the favorable placement of mountains, rivers, and huge swamps created the impression that it was formed in isolation [4]. However, the term «middle state» (originating in feudal times) suggests the country was considered the center of civilization, with its emperor as the ruler of the world. This thesis is supported by Shang ceramics found in northwestern India (Jemedet Nasr and Mohenjo-Daro), jade discovered in Anyang, and ornamental animal motifs resembling decorative and applied art from Mesopotamia (for example, tigers facing each other). Cowrie shells, highly prized by the Shang and Zhou, may have been brought from Burma or the Maldives. From the south came the tin needed for bronze production – some Shang-era products decorated with Melanesian patterns testify to China's contacts with Southeast Asia. From this, we can conclude that Chinese values developed as a result of interaction with other countries.

Axiology as an independent branch of philosophical research arose in Western science in the late 19th – early 20th centuries to resolve complex issues of philosophy. It was believed that problems like the meaning of life, human motivation, and harmonious relationships did not lend themselves to scientific analysis. Values were then considered an area of special research, a unique way of seeing the world. Immanuel Kant was the first to use this concept in its proper sense. In his opinion, values are requirements addressed to the will and goals facing a person, or the significance of social facts for the individual [13].

As a result, several philosophical concepts emerged.

1. **Objective-idealistic theories** (neo-Kantianism, phenomenology, neo-Thomism, intuitionism), interpreting values as otherworldly entities outside space and time;
2. **Subjective-idealistic theories** (logical positivism, emotivism, linguistic analysis) considering values only as phenomena of consciousness and subjective attitudes;
3. **Naturalistic theories of value** (evolutionary ethics, cosmic theology), interpreting them as an expression of natural needs or laws of nature.

After axiology became an independent branch, it was supplemented with new theories: naturalistic psy-



chologism (J. Dewey), which considers values as objective factors; axiological transcendentalism (G. Rickert), where values are the ideal being of truth and beauty; and personalistic ontologism (M. Scheler), where values form the basis of personality; and the sociological concept (M. Weber), viewing values as social norms. At the turn of the 20th century, authors began to reflect on reality in local and global dimensions. In the mid-1980s, works appeared calling for a respite from the negligence to which civilization has come: pollution, inequality in education and healthcare, and an increase in suicides. Scientists find the sources of many modern problems in misconceptions regarding education and upbringing.

Considering values in Western and Eastern societies, Western culture belongs to the European type where the individual «I» is the most important value. Actions are focused on self-realization, material wealth, and professional recognition. Western philosophy is oriented towards a dynamic way of life, technological development, and the improvement of society. Countries of Western Europe and America have become characterized by getting rid of outdated value systems and structures that ceased to fulfill their functions.

The East and Asia, in contrast, continued to represent harmonious existence with the surrounding world. In Chinese culture, the highest value remains the subordination of man to existing traditions, expressed in the suppression of the individual «I» and a sense of duty to correspond to a cultural standard. As R.R. Gesteland emphasizes, modern China is a reserved civilization where people attach great importance to politeness and prefer to calmly listen to interlocutors, especially elders [11]. Accordingly, in the East, it is not so much individual skills that are valued, but the ability to express them within fixed frameworks.

This is understandable since totemism plays a major role in ancient Chinese beliefs – the belief in a connection between people and totems [6]. This is evidenced by ceramics from Makiajiao identifying images of a turtle and a frog. Another example is the statue of a unicorn (qilin), created about 5,000 years ago. The first emperor Fuxi looked at it when he learned to write, and during the reign of Huangdi, this animal foreshadowed a peaceful life.

With the transition to a settled life, totemism ceased to be primary, though clan names were preserved and sacred ancestors took zoomorphic forms. The dragon occupies an important place in Chinese mythology as a merciful creature bringing good luck. In the Neolithic era, animism spread, attributing reason to heavenly bodies, natural phenomena, and plants. Nature – the sky, sun, rain, and mountains – was considered spiritual, and their favor was sought through worship. Natural disasters were justified as temporary disruptions of the world order. Gradually, ancient messages dating to the Zhou dynasty suggested that the heavens contributed to human moral principles.

The Chinese system of religious syncretism is the result of three philosophical concepts: Confucianism, Taoism and Buddhism. While Confucian principles formed ethics and family relationships, Taoism influenced folk beliefs and rituals. Buddhism proclaimed the salvation of the soul and peace of the dead. These beliefs are united by eclecticism, creating a pantheon of deities divided into:

1. **State** (cult of Heaven, cult of Earth);
2. **National** (Guanyin, Guan Gong);
3. **Local** (territorially limited deities, like Zao Wang, the kitchen god).

In the traditional view, these deities were not unattainable forces free from responsibility. They were expected to fulfill requests, for which they were honored with gifts. The system also includes beliefs associated with good («shen») and evil («gui») spirits. According to the theory of the interdependent principles of «yin» and «yang», the Universe is the product of these two principles [7]. This system of opposing concepts – heaven and earth, fire and water – established a complementary dualism in Chinese tradition where elements complement each other without strict hierarchization.

Confucius established rules and ethical norms for social hierarchy. Moral life was achieved through self-improvement on theoretical and practical levels. Key values include humanity, devotion, and behavior in accordance with rituals, which contributed to human dignity. Confucius considered the traditional family the basis of the ideal state. A husband or father has absolute power but must be guided by virtue. Ceremonial observance was considered educational and essential for maintaining public order.

State institutions were built on family principles; only an enlightened person could become an emperor. His striving for perfection ensured power would not be abused. For Confucius, hierarchy was natural – each person should know their place and functions. States organized on Confucian ideas often showed a reluctance to participate in military actions, which were seen as seeds of chaos. Soldiers were the lowest social group, and military actions were considered a manifestation of weakness. Confucius emphasized that being a good ruler guided by justice was enough to ensure the strength of the state.

Within this movement, five classical canons were developed: the *Book of Songs* (Shi-jing), the *Book of Rites* (Li-tzu), the *Book of Documents* (Shu-jing), the *Book of Changes* (I-jing), and the *Spring and Autumn Annals* (Chun-qiu). Firstly, the *Book of Songs* is a collection of ancient poetry focusing on the lives of citizens during work or fighting. Secondly, the *Book of Rites* describes the ideal model of society, from administrative systems to family norms and «decency». Thirdly, the *Book of Documents* describes the stages of Chinese civilization, from legendary emperors to government decrees of the Shang and Zhou. Fourthly, the *Book of Changes* is a prophetic source helping



understand the human condition. Its basic principle is that all phenomena are subject to continuous change, and a wise person must adapt. The text consists of 64 hexagrams representing situational transitions. Finally, the *Spring and Autumn Annals* provide a historical chronicle of the Lu Dynasty. Knowledge of these texts was a requirement for entry into government service.

Confucian tradition requires proper rituals in social interactions, expressed in the concept of *guanxi* [9]. This refers to personal relationships based on mutual support and respect [5]. If one receives help, they are obliged to compensate for it in the future. Moral obligations are imposed on the stronger party to benefit the weaker partner. Fulfillment of obligations allows one to «save face», while refusal leads to its loss. Loss of face can be caused by theft, insufficient education of children, or high treason. One must also save the face of the «larger self» – the family or group.

Mediation systems were used as early as the Ming Dynasty, where village elders resolved conflicts at a «shenming». During the Qing Dynasty, imperial officials also acted as mediators. Additionally, the principle of «wang en fu yi» («he who forgets benevolence will fail in honesty») harmed business relationships.

The concept of *renqing* refers to emotional relationships among neighbors or classmates. It involves social norms on how to behave when someone is in trouble, requiring sympathy and help. However, the best example of the Chinese mentality is the cult of ancestor veneration. This system includes ideas about the afterlife and respect for historical memory. Ancient rites suggested a person continues to exist as a spirit, needing household items and weapons. The deceased ruler occupied a special place in the hierarchy headed by Shandi. Sacrifices were made to ancestors to count on their intercession. Festivals were often accompanied by noisy celebration, and important decisions required consulting ancestors.

To this day, holidays honor the memory of ancestors. «Qingmingjie» (Festival of Pure Light) is celebrated in April; families gather at cemeteries to decorate graves and make sacrifices. Ritual money is burned to ensure well-being. Each family member pays tribute to the deceased by touching the ground with their forehead. The festival of hungry ghosts falls on the seventh lunar month, when spirits are believed to return home. Within Confucianism, filial piety (*Xiao Jing*) dictates that each person should respect and take care of their parents. These thoughts emphasize harmony, kindness, and modesty.

The second system is Taoism, where the world is in dynamic equilibrium. Yang and yin complement each other. Taoists believe a healthy body is a prerequisite for spiritual states, leading to healing practices like acupuncture. Taoist masters developed exercises imitating animals to get closer to the natural state. Taoist ethics rejects universal norms like good or evil, as they are relative. Taoism emphasizes inner peace to achieve harmony through «wu wei» – activity without

activity, accepting circumstances without resistance. The «zhenren» (true man) is one who has learned the truth of Tao.

The key figure is Lao Tzu. According to him, the world is natural and not created by God. Important scriptures are the *Tao Te Ching* and *Zhuang Tzu*, reflecting on Tao as the source of relativity.

The third tradition is Buddhism. Legend says it was facilitated by Emperor Mingdi's dream of a deity with a golden body [1]. It gradually spread and gained popularity. By the 6th century, Buddhist temples increased, serving as refuges and organizing cultural events. Monks were invited to funerals to facilitate the deceased's entry into heaven. The pantheon expanded to include Maitreya, Amitabha, and Guanyin. These names were associated with hopes for a happy life. A revered text is the *Lotus Sutra* translated by Kumārajīva.

All Buddhist schools share the Four Noble Truths:

1. Suffering is integral to existence;
2. The source of suffering is desire and attachment;
3. Desires can be removed. Following the eightfold path leads to the cessation of suffering.

The concept is based on the bodhisattva – a being who seeks the salvation of others. While traditionally male in India, in China this role is played by the goddess Guanyin, associated with empathy. Another figure is Manjushri, symbolizing wisdom. He is depicted with a sword to penetrate ignorance and a lotus flower symbolizing purity.

Buddhism influences modern Chinese life through habits of saving and investment. The theory of karma suggests every action affects destiny. Chan Buddhism emerged after the arrival of Bodhidharma in 520. According to belief, he meditated for 9 years; where his eyelids fell, tea bushes grew [8]. Chan Buddhists practiced calligraphy and martial arts, while teachers taught literature [17]. They use a balance of meditation and physical activity to develop intuition.

Results and discussion

Chinese political thought is characterized by the idea of harmony being preserved in the relationship between ruling leaders and ordinary citizens. Authority is associated with serving the people and helping them in their daily affairs. As Confucius stated, people perceive the ruler as their heart, and the ruler considers the people as an extension of his body. Political decisions cannot be independent of the principles of «renzheng» (striving for balance) and «dezheng» (adherence to moral standards). Legislative acts are not a gift from God, they represent certain efforts arising from the human experience of wise people. The concept of «datong», which arose more than two thousand years ago in Confucian and Taoist teachings, is translated as «Great Harmony». It has many elements that coincide with various principles of the official ideology of the Communist Party of China. For example,



the Marxist vision of the development of Chinese society is still the highest ideal and can be realized provided that the problem of social inequality is resolved. As early as the 1950s, the People's Republic of China put forward the document «Five Principles of Peaceful Coexistence», which presented the national interests of the state:

- 1) mutual respect for territorial integrity and sovereignty;
- 2) mutual non-aggression;
- 3) non-interference in the internal affairs of other countries;
- 4) equality and mutual benefit;
- 5) peaceful coexistence.

It can be noted that the listed values, first of all, show how the importance of harmony (i.e. the «correct order of things») is emphasized in China's diplomatic strategy. Thus, on December 24, 2002, former Chairman of the PRC Jiang Zemin visited the United States and delivered a famous speech. In his speech, he noted that harmony in the context of international relations means striving for mutual understanding, cooperation and respect for diversity, which will lead to the creation of a world in which different nations and cultures can coexist in conditions of stability. In late 2003, then Prime Minister of China Wen Jiabao, speaking at Harvard University, noted the connection between the concept of harmony and Chinese philosophical traditions. His statements emphasize China's desire to establish an open dialogue with the world community, where differences between states are not only recognized, but also respected.

At the same time, the foreign activities of the Chinese state are based on full respect for the sovereignty of other states. Such views are connected with China's sad historical past. As is well known, after the conclusion of the Anglo-Chinese Treaty in Nanjing in 1842, the «century of humiliation» began. For this reason, entire quarters were created in various Chinese provinces, governed on the basis of European law with the privilege of having a separate currency, customs policy, or implementing military facilities on their territory during 1842–1949. In the last decades of Maoist rule, issues of respect for sovereignty and non-interference in internal affairs were repeatedly mentioned in the framework of the country's interaction with African states. For example, at a conference in Ghana in January 1964, Chinese Prime Minister Zhou Enlai proclaimed the «five principles» on which the Celestial Empire's relations with the countries of the African continent should be based. In addition to respecting their sovereignty and avoiding armed conflicts, they also declared their desire for peaceful resolution of disputes, solidarity and unity among African peoples, and supporting their opposition to imperialism.

Later, already in 1996, at the summit of the Organization of African Unity, the Chairman of the People's Republic of China Hu Jintao spoke about non-interference of the Chinese state in the internal affairs of

African countries, as well as about promoting solidarity and friendship, mutually beneficial economic cooperation and interaction in the international arena to maintain peace. These principles were reproduced in 2003 in Addis Ababa at the 2nd summit of the Forum on China-Africa Cooperation. And three years later, the celebration of the Year of China in Africa was proclaimed, organized on the occasion of the fiftieth anniversary of the establishment of relations with the first African state (Egypt). In this regard, already at the beginning of 2006, the People's Republic of China presented updated four principles of cooperation with the states of the African continent in the form of peaceful coexistence, mutually beneficial economic cooperation, political partnership in the international arena and material support for the development of the continent. Subsequently, in public speeches, Chinese leaders emphasized that the purpose of the Chinese state's presence on the continent was to conduct business, and not to impose its vision of the modern world order, as this is what the West does (for example, democratic rule of law, respect for human rights, the fight against corruption).

According to Lao Tse's Tao Te Ching, «a great state is like a low, downward-flowing stream; it becomes the center to which all small states under heaven strive.».[16] This means that a great country should not seek to control small countries, but rather should focus on humility and building trust. This view also applies to China's foreign strategy, as China views all countries as equal. Powerful countries should not bully small and weak countries, or destroy those that do not conform to their own values. Regardless of size, all countries should learn from each other and strive for peaceful coexistence and mutual development. As for China's relations with its neighbors, the government has pursued a policy of «promoting a harmonious, secure, and prosperous neighboring environment.» For example, the Chinese government has advanced the six-party talks on North Korea's nuclear weapons program and has played a mediating role in resolving U.S.-North Korean disputes.

In the 21st century, the Communist Party's policy documents also emphasize the importance of the «Chinese Dream» (zhongguo meng) in advancing the cultural, social and economic ideals of China's future [14]. The ideology is accompanied by certain values, which act as the basic meaning-forming components of the main national values of Chinese society. They have been described in detail in the works of Chinese scholars and are as follows: «social harmony», «national revival», «mobilization», «socialism», «Marxism», «Confucian renaissance», «freedom», «equality», «justice», «rule of law», «honesty», «democracy», etc. In order to disseminate such value orientations in society, a program was implemented, within the framework of which local authorities organized moral education campaigns, projects for the development of civic responsibility, initiatives aimed at com-



bating various forms of discrimination, as well as educational programs that develop positive qualities among the population. All schools and universities in the country adopted curricula aimed at combating domestic violence, child abuse and other forms of aggression, with an emphasis on such moral principles as respect for the individuality of the individual, etc. The 1980s and 1990s were also a period of expansion of such national values as privatization, privacy, personal identity, etc. Accordingly, it can be concluded that the state is oriented towards the realization of the collective interests of society: the development of education, science, economy, adherence to the principles of socialist ethics, the formation of democratic centralism. Such an emphasis on satisfying the needs of the main groups of the population is consistent with the Confucian doctrine, the only difference with which is that they have gone beyond individuals and interpersonal relationships.

The key value orientations of the Chinese people were presented in Article 3 of the Constitution of the PRC.[3] First of all, it is about achieving positive results of social progress, including a high standard of living for the people, independence of the Chinese state in the global space, as well as the desire to modernize industry, agriculture and national defense. It also emphasizes the need to ensure peace throughout the world, including achieving personal well-being, the health of close friends, relatives, family members, as well as the absence of diseases and disasters, i.e. a decent level of prosperity for the citizens of the PRC. In ancient times, every year the Chinese prayed for peace and security («sui sui ping an»), and today they wish friends and relatives to be safe and sound both at home and abroad («chu ru ping an»).

Another value is harmony, which represents the correct order of things in the universe and the state of balance and inner unity of individuals. Examples include ancient Chinese proverbs such as «Everything is in order in a harmonious family» and «Fortune favors those who live in harmony.» These statements demonstrate that the concept of harmony is closely related to the daily life of the general population, which includes achieving real democracy, the rule of law, honesty and independence of the judiciary, as well as friendliness, energy, peace and balance between man and nature, in which the relationship between people and nature is a single whole in harmony.

Conclusion

Within the framework of this study, the set objectives were successfully achieved. Firstly, the main approaches to the interpretation and conceptualization of the concept of «national values» were revealed, which allowed to form a theoretical framework for the analysis of Chinese society. Secondly, the historical grounds for the opposition of «Eastern» and «Western» value orientations were identified, which contributed to a deeper

understanding of the specifics of the Chinese axiological system. Thirdly, the essence of the formed spiritual and moral traditional values of China was revealed in the context of dominant religious movements such as Confucianism, Taoism and Buddhism, which allowed to identify their influence on the formation of the moral image of the Chinese people. Fourthly, the place of traditional national values in modern Chinese society and their reflection in political decisions and processes, including the foreign policy of the PRC, were determined. It has been established that traditional values such as harmony, duty, sincerity and morality continue to play an important role in forming the ideological basis of «socialism with Chinese characteristics» and determine the strategic directions of the country's development. So, summing up the results of the analysis, it is appropriate to note that the proposed hypothesis has been confirmed – basic values as key meaning-forming components of the main national values of Chinese society, enshrined in the Constitution of China, determine the main aspirations of the Chinese people and form the basis for developing domestic and foreign policy.

Литература

1. Chebunin A.V. The initial period of penetration, spread and Sinification of Buddhism in China // Bulletin of the Buryat State University. – 2019. – № 2. – pp. 20–30.
2. Chen Meng. The mechanism of formation of values that strengthen the consciousness of the Chinese national community // Socialism Research. – 2021. – № 6. – pp. 71–78.
3. Constitution of the People's Republic of China (as amended in 2018). – URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Date of access: 01/18/2023).
4. Grinin L.E. The genesis of the state as an integral part of the process of transition from primitiveness to civilization // Philosophy and society. – 2005. – № 4. – pp. 5–29.
5. Gurieva S.D., Djimiev P.R. The socio-psychological phenomenon of «Guanxi» as a regulatory function of maintaining the social capital of a group of modern Chinese society // Modern management technologies. – 2021. – № 4. – pp. 6–18.
6. Hao Ju. Social and political aspects of the totemic beliefs of the ancient Chinese // Bulletin of the Buryat State University. – 2012. – № 14. – pp. 52–54.
7. Kobzhitskaya O.G. Animistic beliefs of the Chinese // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. – 2009. – № 4. – pp. 35–37.
8. Kuchkovsky P.V. Paradoxes of Chan Buddhism and the connection with Kinism // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. – 2016. – № 1. – pp. 18–21.



9. Lutsкая E.E., Leontiev S.V., Liu Wei. The Chinese system of relations «Guanxi» and its impact on business ethics and organizational behavior // Socio-humanitarian knowledge. – 2017. – № 4. – pp. 282–295.
10. Panteleeva I.A. Socio-cultural determinants of the national unity of the ancient Greek nationalities // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. – 2010. – Vol.23. – № 2. – pp. 91–96.
11. Serikov A.E. Perception of time in Chinese culture // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. – 2016. – № 2. – pp. 50–61.
12. Shalagina S.N. Understanding Absolute Value // Bulletin of Science and Education. – 2017. – № 4. – P. 77–82.
13. Sitkevich N.V. Kant's interpretation of the essential content and nature of values // Manuscript, 2017, № 12, pp. 162–165.
14. Sukhadolskaya L.L. «The Chinese Dream» and China's New Diplomacy // Society and the State in China. – 2016. – № 1. – Vol.46. – pp. 363–370.
15. Volokhova N.V. «Goodness – beauty – truth» as fundamental concepts in Leo Tolstoy's religious and philosophical anthropology // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2013. – № 4. – pp. 125–130.
16. Yin Wenming. Everyone is right, everyone is suitable for their own paradise: National Values and China's Foreign Policy // Jiangsu Social Sciences. – 2022. – № 6. – pp. 164–171.
17. Zadanova T.A. On the formation of the Chan tradition in China // Bulletin of the Buryat State University. – 2010. – № 8. – pp. 261–266.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ANALYSIS OF THE BASIC NATIONAL VALUES AND POLITICAL CULTURE OF CHINESE SOCIETY

Zheng Wenxin

Saint Petersburg State University

The study examines the historical evolution of traditional national values in Chinese society and their impact on spiritual and moral education. Its subject is the core meaning-forming components of China's national values. The research aims to identify the essential features of these values, substantiate their historical predetermination, and interpret their reflection in contemporary political processes. Objectives include analysing approaches to conceptualising national values, identifying the historical grounds for the East–West value dichotomy, revealing the essence of traditional values shaped by dominant religious movements, and determining their place in modern China's social portrait and political decisions. The hypothesis holds that traditional values remain a national priority guiding domestic and foreign policy.

The methodological framework combines dialectical-materialist and systemic approaches, along with a set of empirical and sociological methods. The findings reveal the multifaceted nature of China's basic national values and their development rooted in animistic and

totemic beliefs. The study systematises existing knowledge, highlights the mutual influence of Confucianism, Taoism, Buddhism, and local beliefs on the formation of the Chinese worldview, and demonstrates the ongoing role of traditional values in policy-making. The conclusion emphasises that the values enshrined in China's Constitution underpin the fundamental aspirations of the Chinese people and shape modern domestic policy in the context of global digitalisation.

Keywords: basic national values, Confucianism, Taoism, Buddhism, animistic and totemic beliefs, gradation of fundamental customs and traditions.

References

1. Chebunin A.V. The initial period of penetration, spread and Sinification of Buddhism in China // Bulletin of the Buryat State University. – 2019. – № 2. – pp. 20–30.
2. Chen Meng. The mechanism of formation of values that strengthen the consciousness of the Chinese national community // Socialism Research. – 2021. – № 6. – pp. 71–78.
3. Constitution of the People's Republic of China (as amended in 2018). – URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Date of access: 01/18/2023).
4. Grinin L.E. The genesis of the state as an integral part of the process of transition from primitiveness to civilization // Philosophy and society. – 2005. – № 4. – pp. 5–29.
5. Gurieva S.D., Djimiev P.R. The socio-psychological phenomenon of «Guanxi» as a regulatory function of maintaining the social capital of a group of modern Chinese society // Modern management technologies. – 2021. – № 4. – pp. 6–18.
6. Hao Ju. Social and political aspects of the totemic beliefs of the ancient Chinese // Bulletin of the Buryat State University. – 2012. – № 14. – pp. 52–54.
7. Kobzhitskaya O.G. Animistic beliefs of the Chinese // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. – 2009. – № 4. – pp. 35–37.
8. Kuchkovsky P.V. Paradoxes of Chan Buddhism and the connection with Kinism // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. – 2016. – № 1. – pp. 18–21.
9. Lutsкая E.E., Leontiev S.V., Liu Wei. The Chinese system of relations «Guanxi» and its impact on business ethics and organizational behavior // Socio-humanitarian knowledge. – 2017. – № 4. – pp. 282–295.
10. Panteleeva I.A. Socio-cultural determinants of the national unity of the ancient Greek nationalities // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. – 2010. – Vol.23. – № 2. – pp. 91–96.
11. Serikov A.E. Perception of time in Chinese culture // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. – 2016. – № 2. – pp. 50–61.
12. Shalagina S.N. Understanding Absolute Value // Bulletin of Science and Education. – 2017. – № 4. – P. 77–82.
13. Sitkevich N.V. Kant's interpretation of the essential content and nature of values // Manuscript, 2017, № 12, pp. 162–165.
14. Sukhadolskaya L.L. «The Chinese Dream» and China's New Diplomacy // Society and the State in China. – 2016. – № 1. – Vol.46. – pp. 363–370.
15. Volokhova N.V. «Goodness – beauty – truth» as fundamental concepts in Leo Tolstoy's religious and philosophical anthropology // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2013. – № 4. – pp. 125–130.
16. Yin Wenming. Everyone is right, everyone is suitable for their own paradise: National Values and China's Foreign Policy // Jiangsu Social Sciences. – 2022. – № 6. – pp. 164–171.
17. Zadanova T.A. On the formation of the Chan tradition in China // Bulletin of the Buryat State University. – 2010. – № 8. – pp. 261–266.



Социальные технологии в качестве интегративного механизма: регулирование неопределенности и взаимосвязь субъекта с институтом в профессиональном становлении молодежи

Артамонов Илья Сергеевич,
аспирант, Уфимский университет науки и технологий

В статье анализируется категориальная неопределенность понятия «социальная технология» в контексте карьерного менеджмента молодежи. Обосновывается управленческо-конструктивистская методология, преодолевающая ограничения традиционных деятельностных и процессуальных подходов. Ключевым механизмом воздействия социальных технологий идентифицирован информационный канал, регулирующий информационную асимметрию на рынке труда. Доказано, что результативность социальных технологий детерминирована диалектическим взаимодействием институциональных структур и личностной субъектности. Предложена авторская дефиниция социальных технологий управления карьерой молодежи как целенаправленно организованной системы коммуникаций, имплементируемой институтами для минимизации неопределенности в карьерных переходах.

Ключевые слова: социальные технологии, карьерный менеджмент, молодежь, информационная асимметрия, социальные институты, субъектность, цифровая трансформация.

Введение

Современная практика управления профессиональным развитием молодых специалистов нуждается в действенных инструментах регулирования социальных процессов. Однако фундаментальной проблемой остается отсутствие единого понимания базовой категории – «социальная технология». В рамках социологии управления данный термин характеризуется полисемантичностью, что создает препятствия для разработки эффективных моделей карьерного роста. Традиционные подходы (деятельностный и процессуальный) преимущественно концентрируются на методическом аспекте, оставляя без должного внимания управленческие цели и социально-контекстуальные факторы.

Цель исследования – теоретически обосновать управленческо-конструктивистскую методологию определения социальных технологий и проанализировать их воздействие на карьерные пути молодежи посредством информационного канала.

Актуальность исследования определяется тенденцией к цифровизации трудовых отношений и потребностью в устранении структурных ограничений при трудоустройстве молодых специалистов.

Теоретико-методологические основания исследования

Разработка проблематики карьерного менеджмента молодежи через категорию социальных технологий требует предварительной концептуализации самого понятия. Отсутствие четкой дефиниции препятствует построению работоспособной управленческой модели, учитывая многозначность термина в современной социологической и управленческой литературе.

Первоначально категория «социальная технология», выведенная из более широкого понятия «технология», обозначала механизмы регуляции и управления социальными взаимосвязями. Вельмисова Д.В. определяет социальные технологии как совокупность методов и приемов целенаправленного воздействия на социальные объекты для достижения прогнозируемых результатов [8].

Деятельностный подход в классическом понимании трактует технологию как форму организа-



ции деятельности, акцентируя методы и приемы достижения поставленных задач. Пригожин А.И. в фундаментальной работе «Методы развития организаций» анализирует деятельностный подход, рассматривая технологию как инструмент организации коллективной деятельности [15]. *Процессуальный подход* фокусируется на последовательности операций, формирующих технологический алгоритм [8].

В центре настоящего исследования находится *управленческий подход*, позволяющий компенсировать ограниченность деятельностной и процессуальной перспектив. В данной парадигме социальная технология понимается не как совокупность методов, а как инструмент целенаправленного достижения управленческих задач посредством организации социальных процессов. Савчук Д.А. указывает что социальные технологии являются инструментом формирования управленческих кадров, он акцентирует внимание на их роли в системе государственной службы. Черных А.Б. и Елисеев С.В. рассматривают социальные технологии через призму управленческой эффективности, подчеркивая их инструментальную природу и связь с достижением организационных целей [17, 20].

Существенным дополнением выступает *социоконструктивистская перспектива*. Данная позиция подвергает критике технологический детерминизм, представление об автономном развитии технологий по внутренним закономерностям, и предлагает рассматривать технологии как социально-конструируемые объекты. Пригожин А.И. развивает конструктивистский взгляд на технологии, утверждая, что любые управленческие инновации носят социально обусловленный характер, подчеркивая, что технологии не существуют вне ценностного контекста и всегда отражают интересы определенных социальных групп [16].

Интеграция управленческого и конструктивистского подходов составляет фундамент *управленческо-конструктивистской парадигмы*, применяемой в данном исследовании. В этой перспективе управление карьерой молодежи интерпретируется как акт имплементации подобной программы в социальное пространство через специфические институты.

Для более глубокого теоретического осмысления предмета исследования целесообразно обратиться к концепции сложных социальных систем, разработанной Никласом Луманом [3, 12]. Луман Н. (Luman N.) в работе «Social Systems» (Социальные системы) излагает фундаментальные принципы теории социальных систем, где коммуникация выступает базовой единицей социального. Луман Н., утверждает, что системы воспроизводятся через коммуникацию, а не через действие индивидов. Технологии в системной логике Лумана Н., можно интерпретировать как «коммуника-

тивные структуры, конституирующие организацию» [11, 12].

Применительно к сфере занятости цифровые платформы трудоустройства и государственные порталы представляют собой сложные коммуникационные системы, которые воспроизводят и поддерживают определенный социальный порядок на рынке труда. Данные системы формируют представления участников рынка о его структуре, устанавливают нормативные паттерны взаимодействия между соискателями и работодателями, создают новые возможности и барьеры для молодых специалистов. Вудкок Дж., (Woodcock J.) Грэм М., (Graham M.) указывают, что алгоритмическое управление трансформирует традиционные трудовые отношения [6]. Зубофф С., (Zuboff S.) в своем исследовании раскрывает и показывает, что технологические системы создают новые формы контроля и власти над пользователями [7]. Теория сложных систем акцентирует взаимную обусловленность технологий и социальных систем: они одновременно выступают следствием и причиной социальных трансформаций [11, 16].

Институциональное измерение социальных технологий предоставляет собой аналитический инструментарий для понимания механизмов формирования нормативных рамок функционирования социальных технологий. Институты концептуализируются как стабильные структуры норм, правил и процедур, минимизирующие неопределенность и направляющие поведение акторов социальных отношений. Государственные программы поддержки занятости представляют собой образцы социальных технологий, имплементируемых через институты [14, 19]. В Российской Федерации данная функция реализуется посредством Стратегии реализации молодежной политики на период до 2030 года, задающей нормативные рамки применения социальных технологий в работе с молодежью [13].

Данные технологии регулируют процессы трудоустройства посредством установления специфических правил, обеспечения доступа к ресурсам и формирования ожиданий относительно переходов молодежи в сферу занятости. Ферлонг А., (Furlong A.) и Картмел Ф., (Cartmel F.) в монографии «Young people and social change» (Молодежь и социальные изменения) вводят концепцию «организованной неопределенности» [2]. Данная концепция описывает ситуацию, когда традиционные институциональные пути становятся менее предсказуемыми, что требует от молодых людей разработки индивидуальных стратегий адаптации.

В российском контексте цифровые платформы трудоустройства выступают институциональным ответом на вызовы организованной неопределенности, предоставляя структурированную информацию для снижения транзакционных издержек поиска [9, 14].



Для упорядочивания изложенных теоретических позиций и визуализации ключевых характеристик рассмотренных методологических под-

ходов представляется оправданным проведение сравнительного анализа в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставительный анализ методологических подходов к дефиниции категории «социальная технология» в контексте карьерного менеджмента молодежи

Подход	Основное внимание	Преимущества	Недостатки
Деятельностный	Способ организации деятельности, набор методов и приемов	Практическая направленность, фокус на действиях	Не раскрывает управленческой цели, контекста и механизмов воздействия
Процессуальный	Последовательность операций и шагов для достижения результата	Позволяет стандартизировать и повторять процесс	Может игнорировать уникальность социального контекста, механизмов
Управленческий	Инструмент для достижения заранее определенных целевых показателей	Явно указывает на цель, субъекта управления и результат	Может быть слишком механистичным, игнорировать социальные последствия
Конструктивистский	Технология как социально сконструированный объект, имеющий социальные и исторические корни	Позволяет избежать технологического детерминизма, учитывает контекст	Может недооценивать материальные и технические ограничения
Системный	Технология как система коммуникаций, составляющая организацию	Объясняет, как технологии создают и поддерживают социальный порядок	Абстрактность, сложность практического применения

Управленческо-конструктивистская парадигма, интегрирующая целевую ориентированность управленческого подхода с учетом социального контекста конструктивизма и системной перспективы, демонстрирует наибольшую эвристическую ценность для анализа социальных технологий в сфере управления карьерой молодых специалистов.

Специфика социальных технологий в сфере занятости

Отличие от HR-технологий. Технологии кадрового менеджмента (корпоративные платформы подбора персонала, системы аттестации, программы внутриорганизационного обучения) ориентированы на оптимизацию производительности и управление человеческими ресурсами внутри организаций [17, 20]. Их целевая функция – повышение эффективности действующих сотрудников.

Социальные технологии управления карьерой молодежи, напротив, нацелены на решение проблемы неэффективного входа молодых специалистов на рынок труда. Они воздействуют на формирование всего потока новых работников, трансформируют условия и логику функционирования рынка труда в целом. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: государственные цифровые платформы содействия трудоустройству, национальные стратегии развития цифровой грамотности, программы повышения качества информации о вакансиях. Гневашева В.А. анализирует влияние цифровых платформ на трудоустройство молодежи в регионах России, выявляя как позитивные эффекты, так и струк-

турные ограничения [9]. Портал «Работа России» (trudvsem.ru), управляемый Министерством труда и социальной защиты РФ, представляет собой ключевой инструмент государственной политики в сфере содействия занятости, аккумулирующий информацию о вакансиях и программах поддержки [14].

Предоставление молодому человеку бесплатного доступа к платформе с актуальными вакансиями изменяет его карьерную траекторию не через модификацию мышления, а через открытие новых, ранее недоступных вариантов [14]. Высшее образование в данном контексте рассматривается как социальная технология, выполняющая ключевую функцию минимизации информационной асимметрии на рынке труда [5]. Спенс М., (Spence M.) разработал «теорию сигнализирования» на рынке труда, показав, что образование функционирует как сигнал о продуктивности работника для работодателя.

Для визуализации выявленных различий и систематизации ключевых характеристик различных типов технологических воздействий представим результаты сопоставительного анализа в табличной форме (табл. 2).

Ресурсное измерение социальных технологий. Социальные технологии воздействуют на многообразный спектр внешних ресурсов, детерминирующих карьерные возможности: информационные ресурсы (доступ к данным о вакансиях, спросе на профессии, уровнях вознаграждения, требованиях работодателей [9, 18]), социальные ресурсы (формирование профессиональных сообществ, развитие нетворкинга, обмен опытом [6]), нормативные ресурсы (внедрение профессиональных



норм, ценностных ориентиров и стандартов поведения [13, 19]), технологические ресурсы (доступ

к цифровым платформам, интерфейсам, алгоритмам и инструментариям [7]).

Таблица 2. Сопоставительный анализ социальных технологий управления карьерой молодежи с иными видами технологических воздействий

Тип технологии	Уровень воздействия	Основная цель	Объект воздействия	Пример
Социальная технология (данное исследование)	Макро- и мезоуровень	Регуляция отношений между молодежью и институциональной средой (рынок труда, образование); снижение неопределенности	Молодой человек как субъект, рынок труда, образовательные системы	Государственный портал «Работа России»
HR-технология	Микроуровень (внутри организации)	Оптимизация производительности, управление персоналом, повышение эффективности текущих сотрудников	Сотрудники, процессы внутри одной компании	Внутренняя система оценки персонала, корпоративная LMS
Экономическая политика	Макроуровень	Стабилизация экономики, регулирование занятости на уровне всего рынка	Макроэкономические показатели, уровень безработицы	Изменение налоговой политики для стимулирования найма молодежи

Результаты и обсуждение

Информационный канал как структурное ядро воздействия социальных технологий. Акцент на информационном канале как ключевом механизме влияния социальных технологий на карьерные траектории молодежи соответствует актуальным социально-экономическим реалиям.

Фундаментальной проблемой, решение которой предполагают социальные технологии через указанный канал, выступает информационная асимметрия – ситуация дисбаланса информации, при которой работодатели обладают более полной или качественной информацией по сравнению с соискателями. Акерлоф Г.А., (Akerlof G.A.) впервые системно описал проблему информационной асимметрии на рынках, показав, как неравномерное распределение информации между продавцами и покупателями приводит к рыночным сбоям [1]. Спенс М., (Spence M.) применил эту теорию к рынку труда, показав, как соискатели используют сигналы (образование, сертификаты) для компенсации информационного дефицита [5]. Для молодежи, особенно на начальном этапе карьеры, данная проблема приобретает особую остроту ввиду недостатка жизненного опыта, профессиональных контактов и репутационного капитала. Социальные технологии, особенно в их цифровом воплощении, трансформировались в специализированные инструменты противодействия информационной асимметрии. Их стратегическая функция заключается в сбалансированном распределении информации, минимизации транзакционных издержек поиска и укреплении доверия между акторами рынка труда.

Механизмы воздействия социальных технологий

Прямые механизмы предполагают институциональное создание и поддержку информационных

платформ государственного и частного сектора. В качестве иллюстрации можно привести единый информационный портал «Работа России», аккумулирующий данные о вакансиях и профессиях, пользующихся спросом [14]. Альтернативный механизм – применение технологий больших данных, агрегируемых с онлайн-платформ, для эмпирических исследований и формирования государственной политики в сфере труда. Акерлоф Г.А., (Akerlof G.A.) заложил теоретические основы для понимания того, как сбор и анализ рыночных данных может снижать информационную неопределенность [1].

Опосредованные механизмы включают функционирование высшего образования как института, минимизирующего информационную асимметрию [5]. Выпускник приобретает не только знания, но и транслирует сигнал о своем потенциале работодателю посредством диплома, выступающего «информационным пакетом» о компетенциях.

Цифровизация: дихотомия возможностей и рисков

Цифровые технологии демонстрируют положительное воздействие на процессы трудоустройства. Поиск работы через интернет существенно повышает вероятность нахождения занятости и сокращает продолжительность периодов безработицы [9]. Зинич А.В., Максимов С.Г., Ревякина Ю.Н. в своих исследованиях эмпирически подтверждают, что использование цифровых каналов поиска работы сокращает среднюю продолжительность безработицы среди молодежи на 15–20% [10].

Проблемные аспекты цифровизации. Одновременно цифровизация генерирует новые вызовы: проблема качества информации (низкое качество объявлений о вакансиях на онлайн-платформах может создавать барьеры для социально уязви-

мых соискателей [10]), цифровое неравенство (часть молодежи лишена доступа к необходимым технологиям, что воспроизводит и усиливает существующее социальное неравенство), технологическая асимметрия (алгоритмы, функционирующие как «черные ящики», принимают решения,

воспринимаемые как непрозрачные и потенциально дискриминационные [7]).

Систематизация ключевых аспектов функционирования информационного канала как структурного ядра воздействия социальных технологий представлена в таблице ниже (табл. 3).

Таблица 3. Информационный канал в качестве структурного ядра воздействия социальных технологий

Категория анализа	Содержательная характеристика	Инструменты и примеры
Ключевая проблема	Информационная асимметрия. Ситуация неравномерного распределения информации, при которой работодатели обладают преимуществом в объеме и качестве данных по сравнению с соискателями	Отсутствие у молодежи жизненного опыта, профессиональных контактов и репутации для компенсации недостатка информации о компетенциях
Стратегическая цель	Трансформация информационного поля. Равномерное распределение информации, снижение транзакционных издержек поиска и повышение уровня доверия между участниками рынка труда	–
Прямые механизмы воздействия	Институциональное посредничество. Создание и поддержка специализированных информационных площадок, сбор и анализ данных для регулирования	Государственный портал «Работа России» (вакансии, востребованные профессии). Использование Big Data для разработки государственной политики в сфере труда
Опосредованные механизмы воздействия	Сигнализирование и компетенции. Использование институтов образования и развития навыков для косвенной передачи информации о потенциале работника	Диплом вуза как «информационный пакет» о компетенциях. Развитие цифровой грамотности молодежи
Позитивные эффекты цифровизации	Расширение возможностей трудоустройства. Увеличение вероятности нахождения работы, сокращение периодов безработицы и географическое расширение поиска	Интернет-поиск работы. Алгоритмическое сопоставление кандидатов и вакансий на платформах
Риски и вызовы цифровизации	Новые формы неравенства и неопределенности. Возникновение барьеров, связанных с качеством данных, доступом к технологиям и прозрачностью алгоритмов	Низкое качество объявлений на онлайн-платформах. Цифровое неравенство (отсутствие доступа к технологиям). Технологическая асимметрия (алгоритмы как «черные ящики»)

Концептуализация взаимодействия субъектности молодежи и институциональных условий

Фундаментальной задачей выступает разработка дефиниции, акцентирующей динамическое взаимодействие между активностью молодежи как субъекта карьеры и внешними институциональными условиями.

Субъектность молодежи в условиях неопределенности предполагает, что молодые люди представляют собой не пассивные объекты социальных технологий, а активных, рефлексивных и стратегически мыслящих акторов. Робертс К., (Roberts K.) в своих трудах указывает на рост индивидуальной ответственности за карьерные траектории в условиях постиндустриальной экономики среди молодежи [4]. Ферлонг А., (Furlong A.) и Картмел Ф., (Cartmel F.) дополняют эту идею своей концепцией «индивидуализации рисков», когда структурные проблемы перекалываются на уровень личных стратегий [2]. В условиях «организованных неопределенностей», когда традиционные

карьерные траектории дезорганизуются, молодые люди вынуждены конструировать собственные жизненные стратегии.

Исходя из вышеизложенного были выявлены следующие стратегии адаптации: «подковыривание» (нелинейный переход между статусами «работающий» и «безработный», «учащийся» и «трудоустроенный», позволяющий сохранять гибкость [2]), «портфельные» карьеры (комбинация нескольких видов деятельности (основная работа, фриланс, обучение) как ответ на нестабильность рабочих мест [6]), «лежбечество» (сознательный отказ от стремления к успеху в условиях чрезмерного давления [4]).

Институциональные условия как структурирующий фактор оказывают мощное воздействие. Переходы молодых людей на рынок труда существенно зависят от макроэкономической конъюнктуры в момент завершения обучения. Различные страны характеризуются различными «системами перехода»: универсалистские модели (Швеция, Дания) предполагают интегрированное образование и соц. защиту, тогда как либеральные (Вели-



кобритания, Ирландия) и субпротекционистские (Италия, Испания) модели отличаются меньшими гарантиями и повышенной нестабильностью [2].

Новые институциональные формы, включая цифровые платформы, устанавливают новые правила функционирования рынка труда. Алгоритмическое управление замещает человеческое, формируя новую форму контроля и структурирующего воздействия на карьерные траектории.

Ко-конституция субъектности и институтов. Институты устанавливают рамки, однако субъектность молодого человека определяет, каким образом эти рамки будут приняты, использованы или трансформированы [2]. Одна и та же цифровая платформа может стать для одного молодого человека инструментом приобретения навыков и создания бизнеса, а для другого – источником алгоритмической эксплуатации [7].

Эффективность любой социальной технологии детерминирована способностью молодого человека ее использовать, критически оценивать и адаптировать под собственные цели. Формируются внутренние ресурсы: цифровая компетентность, критическое мышление [9], «способность к карьере» [4].

Для описания данной динамики применяется модель «двойной спирали» [2], введенную Ферлонг А., (Furlong A.) и Картмел Ф., (Cartmel F.) для описания взаимосвязи образования и занятости, предлагающая рассматривать образование и работу как два взаимосвязанных и перманентно влияющих друг на друга процесса. Карьера концептуализируется не как линейный путь, а как непрерывный процесс осмысления и конструирования.

Заключение

На основании проведенного теоретического анализа предлагается следующая авторская рабочая дефиниция: социальные технологии управления профессиональной карьерой молодежи в рамках данного исследования понимаются как целенаправленно организованная система коммуникаций (преимущественно цифровых), имплементируемая институтами (государственными, образовательными, экономическими) для регуляции информационной асимметрии на рынке труда и минимизации неопределенности в карьерных переходах. Данная система воздействует на молодежь посредством информационного, социализирующего и ресурсного каналов, однако ее эффективность обусловлена динамикой взаимовлияния между деятельностной активностью и рефлексивными способностями молодого индивида, обладающего потенциалом к адаптации, практическому применению и в определенных ситуациях – трансценденции установленных институциональных границ и технологических лимитаций.

Предложенная дефиниция интегрирует фундаментальные аспекты данного исследования:

управленческо-конструктивистскую методологию, приоритет информационного канала, диалектику субъектности и институциональных детерминант, а также актуальный цифровой контекст.

Литература

1. Akerlof G.A. The market for «lemons»: Quality uncertainty and the market mechanism // *Uncertainty in economics*. – Academic Press, 1978. – С. 235–251.
2. Furlong A., Cartmel F. Young people and social change. – McGraw-Hill Education (UK), 2006.
3. Luhmann N. Social Systems / transl. by J. Bednarz Jr. with D. Baecker. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 664 p.
4. Roberts K. Youth and Employment in Modern Britain: A Critical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 288 p.
5. Spence M. Job Market Signaling // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1973. – Vol. 87, № 3. – P. 355–374.
6. Woodcock J., Graham M. The Gig Economy: A Critical Introduction. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 224 p.
7. Zuboff S. The age of surveillance capitalism // *Social theory re-wired*. – Routledge, 2023. – С. 203–213.
8. Вельмисова Д.В. Социальные технологии в системе управления: учебно-методическое пособие/ВК Потемкин, ДВ Вельмисова. – СПб.: Изд-во «Инфо-Да», 2020. – 87 с.
9. Гневашева В.А. Цифровизация молодежной занятости // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2025. – № 3 (173). – С. 22.
10. Зинич А.В., Максимова С.Г., Ревякина Ю.Н. Молодежь на рынке труда: влияние цифровизации и неопределенности мира профессий // *Экономика труда*. 2023. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-na-rynke-truda-vliyanie-tsifrovizatsii-i-neopredelennosti-mira-professiy> (дата обращения: 11.03.2026).
11. Луман Н.Л. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство «Логос». 2004. – 232 с.
12. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
13. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Электрон. текст. дан. – М., 2024–2026. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (дата обращения: 12.03.2026).
14. Портал «Работа России» [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной за-



- щиты РФ. – Режим доступа: <https://trudvsem.ru> (дата обращения: 11.03.2026).
15. Пригожин А.И. Методы развития организаций. – М.: МЦФЭР, 2003. – 863 с.
 16. Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 432 с.
 17. Социальные технологии в становлении кадрового потенциала системы государственного управления: дис. д-ра. социол. наук: 22.00.08 / Савчук Д.А. – СПб., 2017. – 317 с.
 18. Федеральная служба государственной статистики. Занятость и безработица в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 11.03.2026).
 19. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.03.2026).
 20. Черных А.Б., Елисеев С.В. Социальные технологии как инструмент управления // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 4–13 (13). – С. 68–70.
 2. Furlong A., Cartmel F. Young people and social change. – McGraw-Hill Education (UK), 2006.
 3. Luhmann N. Social Systems / transl. by J. Bednarz Jr. with D. Baecker. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 664 p.
 4. Roberts K. Youth and Employment in Modern Britain: A Critical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 288 p.
 5. Spence M. Job Market Signaling // The Quarterly Journal of Economics. – 1973. – Vol. 87, № 3. – P. 355–374.
 6. Woodcock J., Graham M. The Gig Economy: A Critical Introduction. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 224 p.
 7. Zuboff S. The age of surveillance capitalism // Social theory re-wired. – Routledge, 2023. – Pp. 203–213.
 8. Velmisova D.V. Social technologies in the management system: a teaching aid / VK Potemkin, DV Velmisova. – St. Petersburg: Info-Da Publishing House, 2020. – 87 p.
 9. Gnevashva V.A. Digitalization of youth employment // Regional problems of economic transformation. – 2025. – № 3 (173). – P. 22.
 10. Zinich A.V., Maksimova S.G., Revyakina Yu.N. Young People in the Labor Market: The Impact of Digitalization and Uncertainty in the World of Professions // Labor Economics. 2023. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-na-rynke-trudovliyanie-tsifrovizatsii-i-neopredelennosti-mira-professiy> (accessed: 11.03.2026).
 11. Luhmann N.L. Society as a Social System. Translated from German by A. Antonovsky. Moscow: Logos Publishing House. 2004. – 232 p.
 12. Luhmann N. Social Systems. Outline of the General Theory / translated from German by A. Antonovsky. – St. Petersburg: Nauka, 2007. – 641 p.
 13. On approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of August 17, 2024 № 2233-r (as amended on May 8, 2025) // ConsultantPlus: reference and legal system. – Electronic text. data. – Moscow, 2024–2026. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (accessed on March 12, 2026).
 14. Portal «Work of Russia» [Electronic resource] // Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. – Access mode: <https://trudvsem.ru> (accessed on March 11, 2026).
 15. Prigozhin A.I. Methods of organization development. – Moscow: MCFER, 2003. – 863 p.
 16. Prigozhin, A.I. Goals and Values. New Methods of Working with the Future. Moscow: Delo Publishing House, ANE, 2010. 432 p.
 17. Social Technologies in the Development of Human Resources in the Public Administration System: Dissertation by Dr. of Sociological Sciences: 22.00.08 / Savchuk, D.A. – St. Petersburg, 2017. – 317 p.
 18. Federal State Statistics Service. Employment and Unemployment in the Russian Federation [Electronic resource]. – Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed: 11.03.2026).
 19. Federal Law «On Education in the Russian Federation» of 29.12.2012 № 273-FZ (as amended on 29.12.2025) [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 11.03.2026).
 20. Chernykh A.B., Eliseev S.V. Social technologies as a management tool // Eurasian Union of Scientists. – 2015. – № 4–13 (13). – P. 68–70.

SOCIAL TECHNOLOGIES AS AN INTEGRATIVE MECHANISM: MANAGING UNCERTAINTY AND THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SUBJECT AND THE INSTITUTION IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE

Artamonov I.S.

Ufa University of Science and Technology

This article analyzes the categorical ambiguity of the concept of «social technology» in the context of youth career management. It substantiates a managerial-constructivist methodology that overcomes the limitations of traditional activity-based and process-based approaches. The key mechanism for the impact of social technologies is identified as an information channel regulating information asymmetry in the labor market. It is demonstrated that the effectiveness of social technologies is determined by the dialectical interaction of institutional structures and individual agency. The author proposes a definition of social technologies for youth career management as a purposefully organized communication system implemented by institutions to minimize uncertainty in career transitions.

Keywords: social technologies, career management, youth, information asymmetry, social institutions, subjectivity, digital transformation.

References

1. Akerlof G.A. The market for «lemons»: Quality uncertainty and the market mechanism // Uncertainty in economics. – Academic Press, 1978. – pp. 235–251.



Анализ родительских представлений о травле (буллинге) в школьной среде и институциональных барьерах его профилактики¹

Васильев Владислав Владиславович,

соискатель научной степени, кафедра социологии и технологии государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
E-mail: dr.vladislav2011@gmail.com

Статья посвящена анализу родительских представлений о травле (буллинге) в школьной среде. На материалах эмпирического исследования родителей учащихся общеобразовательных организаций Свердловской области (N = 421) выявлены когнитивные и институциональные барьеры эффективной профилактики школьной травли. Методология исследования включает частотный анализ, перекрестные таблицы с критерием χ^2 , корреляционный анализ по Спирмену и бинарную логистическую регрессию.

Установлено, что 93,8% родителей относят регулярные насмешки и 94,1% – физическое насилие к проявлениям буллинга, что формирует ядро родительских представлений о травле. При этом косвенные формы агрессии идентифицируются существенно реже: социальную изоляцию ребенка от группы относят к проявлениям травли 67,5% респондентов, а лишь 29,9% корректно классифицируют сценарий длительного игнорирования как буллинг. Выявлена статистически значимая умеренная положительная корреляция ($r = 0,284$; $p < 0,001$) между оценкой оперативности реагирования школьной администрации и эффективностью разрешения конфликтных ситуаций.

Логистическая регрессия продемонстрировала, что статус жертвы травли снижает вероятность легитимации физической самозащиты (OR = 0,648; 95% ДИ: 0,436–0,963; $p = 0,032$). Обнаружен дефицит институциональных механизмов: 27,8% родителей указывают на практическое отсутствие информации о мерах профилактики, при этом предпочтительными каналами коммуникации признаются родительские собрания (65,6%), цифровые мессенджеры (55,6%) и личные беседы с педагогами (50,6%).

Результаты свидетельствуют о необходимости трансформации институциональных практик профилактики с учетом когнитивных специфик родительского восприятия и цифровизации коммуникационных каналов.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, родительские установки, институциональная профилактика, социальная изоляция.

Введение

Проблематика школьной травли (буллинга) приобретает особую актуальность в контексте предотвращения экстремальных форм насилия в образовательной среде. Международные исследования демонстрируют устойчивую корреляцию между переживанием систематической травли в детском и подростковом возрасте и последующей вовлеченностью в девиантное поведение, включая различные формы агрессии и саморазрушающие практики [8, 9]. В отечественном контексте данная проблематика осложняется спецификой институциональных механизмов реагирования и недостаточной теоретической разработанностью механизмов взаимодействия семьи и школы в сфере профилактики насилия.

Социологический анализ буллинга требует учета многоуровневой природы данного феномена. В рамках социо-экологической модели Бронфенбреннера [1] травля рассматривается как результат взаимодействия индивидуальных, микросоциальных (семья, сверстники) и макросоциальных (институциональные нормы, культурные паттерны) факторов. При этом родители выступают ключевыми посредниками между ребенком и образовательной организацией, а их когнитивные схемы восприятия агрессивного поведения детерминируют стратегии реагирования на инциденты травли [2].

Актуальность настоящего исследования обусловлена противоречием между формальной институционализацией профилактических механизмов в образовательных организациях и фактической эффективностью их реализации на уровне межсубъектного взаимодействия.

Недостаточно изученными остаются вопросы структуры родительских представлений о критериях дифференциации буллинга и межличностных конфликтов, адекватности институционального реагирования, а также формирования установок относительно стратегий поведения детей в ситуациях агрессии.

Целью настоящего исследования является анализ родительских представлений о травле (буллинге) в школьной среде, институциональных барьерах профилактики и факторах, детерминирующих легитимацию экстремальных форм самозащиты.

¹ Автор выражает благодарность Свердловскому областному родительскому комитету за предоставление доступа к базе данных и возможность проведения вторичного анализа материалов социологического исследования.



Материалы и методы

Дизайн и выборка. Эмпирическая база исследования сформирована в результате социологического опроса родителей обучающихся общеобразовательных организаций, проведенного в ноябре-декабре 2025 года на территории Свердловской области. Метод сбора данных – анкетный опрос в онлайн-формате с использованием цифровых платформ. Общий объем выборки составил N=421 респондент. Выборка квотная, формировалась по территориальному и социально-демографическому признакам с обеспечением представленности родителей детей начальной, основной и средней школы. Исследование проведено с соблюдением этических норм: данные анонимизированы, персональная идентификация исключена.

Инструментарий. Использовалась анкета, разработанная на основе анализа отечественных и зарубежных исследований по проблематике школьной травли с учетом нормативных определений данного явления.

В рамках настоящей статьи анализируются данные первого тематического блока анкеты, включающего пять взаимосвязанных аспектов: (1) представления о критериях идентификации травли; (2) интерпретация поведенческих сценариев (дифференциация буллинга и межличностных конфликтов); (3) стратегии реагирования на случаи травли; (4) установки относительно допустимости самозащиты с применением силы; (5) оценка информационной политики образовательных организаций и предпочтительных каналов коммуникации.

Статистический анализ. Обработка данных проводилась в программной среде IBM SPSS Statistics 28.0.0.0. Использовались следующие методы: частотный анализ для описания распределения категориальных переменных; перекрестные таблицы с расчетом критерия χ^2 Пирсона для анализа взаимосвязей категориальных переменных; непараметрический корреляционный анализ по Спирмену для оценки связи порядковых переменных; бинарная логистическая регрессия с методом ввода Enter для моделирования факторов, предиктивных относительно легитимации физической самозащиты.

Результаты и обсуждение результатов

Родительские представления о критериях идентификации травли (буллинга): анализ структурных компонентов категоризации. Анализ частотных распределений демонстрирует высокую степень консенсуса среди родителей в отношении ключевых маркеров травли (табл. 1). Однозначно к проявлениям буллинга респонденты относят физическое насилие (толчки, пинки) – 94,1% (n = 396) и регулярные насмешки – 93,8% (n = 395). Данные показатели свидетельствуют о том, что явные, пове-

денчески маркированные формы агрессии составляют ядро родительских представлений о травле и могут рассматриваться как прототипические примеры данного феномена в массовом сознании [5].

Таблица 1. Распределение ответов родителей на вопрос о критериях идентификации травли (буллинга) (N = 421)

Форма поведения	Да, относится к проявлению травли	Нет, не относится
	%	%
Физическое насилие (пинки, толчки)	94,1	5,9
Регулярные насмешки	93,8	6,2
Распространение слухов в интернете	73,4	26,6
Изоляция ребенка от группы	67,5	32,5
Конфликт между детьми	30,4	69,6
Однократная ссора	2,1	97,9

Примечание. Данные получены с помощью процедуры FREQUENCIES, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0.

Существенно реже родители идентифицируют как буллинг косвенные формы агрессии: распространение слухов в интернете относят к проявлениям травли 73,4% (n = 309) респондентов, а социальную изоляцию ребенка от группы – 67,5% (n = 284). Данное обстоятельство представляет методологический интерес, поскольку социальная изоляция концептуализируется в научной литературе как центральный компонент травли, отличающий ее от эпизодических конфликтов [3]. Относительно низкая частота выбора данного варианта может указывать на:

- меньшую когнитивную доступность косвенных форм агрессии для неспециалистов;
- размытость критериев разграничения «конфликта» и «травли» в области реляционной агрессии;
- потенциальный дефицит информированности о психологических механизмах социального исключения.

Наименее ассоциируются с понятием «буллинг» ситуативные взаимодействия: однократная ссора (2,1%) и конфликт между детьми (30,4%). Это свидетельствует о том, что родители в целом разделяют ключевое теоретическое различие между эпизодическим конфликтом (равноправные стороны, ситуативная причина) и систематической травлей (дисбаланс сил, повторяемость, целенаправленность).

Когнитивные барьеры распознавания: дифференциация буллинга и конфликта. Ключевым аспектом эффективной профилактики выступает способность родителей адекватно интерпретировать ситуации агрессивного взаимодействия. Ана-



лиз данных по идентификации различных сценариев поведения (табл. 2) выявляет значительную вариативность в когнитивных схемах родителей.

Таблица 2. Распределение родительских интерпретаций поведенческих сценариев (N = 421)

Сценарий	Травля (буллинг)/ кибербуллинг	Конфликт	Трудно сказать	Всего
	% (n)	% (n)	% (n)	% (n)
Ребенка длительное время не приглашают играть, избегают общения	29,9 (126)	35,2 (148)	34,9 (147)	100,0 (421)
Ребенка регулярно дразнят, как будто «в шутку»	41,1 (173)	38,5 (162)	20,4 (86)	100,0 (421)
Двое детей постоянно спорят и ссорятся	0,3 (1)	94,5 (398)	5,2 (22)	100,0 (421)
В чате класса ребенка регулярно высмеивают, выкладывают фото без согласия	44,3 (186)	32,1 (135)	23,6 (100)	100,0 (421)
Одноклассники поссорились и подрались	0,4 (2)	95,2 (401)	4,4 (18)	100,0 (421)

Примечание. Данные получены с помощью процедуры FREQUENCIES, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0. Проценты рассчитаны по строкам (внутри каждого сценария).

Наиболее тревожным представляется факт низкой идентификации социальной изоляции как формы травли: лишь 29,9% (n = 126) родителей классифицируют ситуацию длительного игнорирования и избегания ребенка как буллинг, тогда как 35,2% (n = 148) рассматривают данный сценарий как обычный конфликт, а 34,9% (n = 147) затрудняются с интерпретацией. Данный феномен может быть концептуализирован как «слепота к реляционной агрессии» – когнитивное искажение, при котором косвенные формы агрессии воспринимаются как менее значимые по сравнению с прямыми физическими проявлениями [7].

Аналогичная тенденция наблюдается при интерпретации вербальных форм агрессии: лишь 41,1% (n = 173) родителей относят систематические насмешки «в шутку» к проявлениям травли, тогда как 38,5% (n = 162) воспринимают их как конфликт, а 20,4% (n = 86) испытывают затруднения с категоризацией.

В отличие от косвенных форм, сценарии, не содержащие признаков систематичности и дисбаланса сил, практически не ассоциируются с травлей: 94,5% (n = 398) и 95,2% (n = 401) респондентов корректно интерпретируют ситуации «двое детей спорят» и «одноклассники подрались» как конфликт, что свидетельствует о сохранении у родителей базового понимания критериев разграничения буллинга и ситуативного взаимодействия.

При этом даже в случае явного кибербуллинга («в чате класса ребенка регулярно высмеивают, выкладывают фото без согласия») лишь 44,3% (n = 186) родителей однозначно идентифицируют ситуацию как травлю, тогда как 32,1% (n = 135) рассматривают ее как конфликт, а 23,6% (n = 100) затрудняются с оценкой. Данный диссонанс между восприятием явных и скрытых форм агрессии имеет важные импликации для профилактики, поскольку реляционная травля и кибербуллинг ассоциируются с более тяжелыми психологическими последствиями для жертв, а их несвоевременное распознавание снижает эффективность раннего вмешательства.

Для эмпирической проверки гипотезы о наличии статистически значимой связи между представлениями родителей об изоляции ребенка от группы как форме буллинга и интерпретацией ими сценария социального исключения был применен метод таблиц сопряженности с расчетом критерия хи-квадрат Пирсона (χ^2) (табл. 3).

Анализ основан на сопоставлении ответов респондентов на два вопроса стандартизированной анкеты.

1. Независимая переменная (считают изоляцию буллингом): вопрос из блока «что, по Вашему мнению, относится к проявлениям травли (буллинга)?» с формулировкой: «*изоляция ребенка от группы*». Варианты кодирования ответов: «да» (n = 284) / «нет» (n = 137).
2. Зависимая переменная (интерпретация сценария «не приглашают играть»): вопрос из блока ситуационных суждений: «*как Вы оцениваете ситуацию, когда ребенка длительное время не приглашают играть, избегают общения?*». Варианты ответов: «травля (буллинг)» / «конфликт» / «трудно сказать».

Статистически значимая взаимосвязь на уровне $p < 0,05$ не выявлена ($\chi^2 = 4,609$; $p = 0,100$), что свидетельствует об отсутствии зависимости между представлениями родителей об изоляции как форме буллинга и ее интерпретацией в ситуационном сценарии. Данный результат подтверждает существование устойчивых когнитивных схем, препятствующих адекватной идентификации реляционной агрессии независимо от того, относят ли родители изоляцию к проявлениям травли.

Таблица 3. Распределение интерпретаций сценария социального исключения («не приглашают играть») в зависимости от того, считают ли родители изоляцию проявлением буллинга (N = 421)

Считают изоляцией буллинг	Интерпретация сценария «не приглашают играть»			Всего
	травля	конфликт	трудно сказать	
Нет (n=137)				
% внутри группы	26,3%	42,3%	31,4%	100%
Да (n=284)				
% внутри группы	31,7%	31,7%	36,6%	100%

Примечание. χ^2 Пирсона = 4,609; df = 2; p = 0,100. Данные получены с помощью процедуры CROSSTABS, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0.

Эффективность и корреляты. Анализ стратегий реагирования родителей на случаи травли демонстрирует доминирование институциональных каналов: при обращении к администрации школы (n = 63) в 73,0% случаев (n = 46) помощь оценивается как неоказанная или частично оказанная, лишь 27,0% (n = 17) респондентов констатируют положительный результат (табл. 4).

Таблица 4. Эффективность школьного реагирования на обращения родителей к администрации образовательного учреждения по случаям травли (N = 421)

Обращение к администрации	Оценка эффективности реагирования		Всего
	не помогло / частично помогло	помогло	
Нет (n=358)			
% внутри группы	83,2%	16,8%	100%
Да (n=63)			
% внутри группы	73,0%	27,0%	100%

Таблица 5. Результаты бинарной логистической регрессии предикторов легитимации физической самозащиты (N = 421)

Переменная	B	S.E	Wald	df	p	Exp(B)	95% ДИ для Exp (B)	
							нижняя	верхняя
Статус жертвы травли (да/нет)	-0,434	0,202	4,617	1	0,032*	0,648	0,436	0,963
Статус агрессора (да/нет)	-0,079	0,087	0,837	1	0,360	0,924	0,779	1,095
Пол ребенка (мальчик/девочка)	0,216	0,204	1,125	1	0,289	1,241	0,833	1,850
Оценка администрации (1–5)	–	–	–	–	–	–	–	–
Константа	0,498	0,388	1,648	1	0,199	1,646	–	–

Примечание. Модель: $\chi^2 = 10,923$; df = 4; p = 0,027; -2 Log likelihood = 569,451; R² Нэглкерка=0,034. Процент правильных предсказаний: 59,6% (при отсечении 0,5). * p < 0,05. Данные получены с помощью процедуры LOGISTIC REGRESSION, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0.

Регрессионная модель статистически значима ($\chi^2 = 10,923$; p = 0,027), однако объясняет ограни-

Окончание

Обращение к администрации	Оценка эффективности реагирования		Всего
	не помогло / частично помогло	помогло	
Всего	344	77	421

Примечание. Точная значимость критерия Фишера = 0,075 (двусторонняя). Данные получены с помощью процедуры CROSSTABS, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0.

Для выявления факторов, ассоциированных с эффективностью институционального реагирования, проведен корреляционный анализ по Спирмену между бинарной переменной, отражающей факт оказания помощи школой в разрешении ситуации, и оценкой оперативности реагирования администрации по 5-балльной шкале.

Установлена статистически значимая умеренная положительная корреляция между указанными переменными (p = 0,284; p < 0,001), что свидетельствует о наличии ассоциации между восприятием родителями оперативности реагирования администрации и оценкой эффективности разрешения конфликтной ситуации. Полученный результат подчеркивает важность не только содержательной, но и временной составляющей институционального реагирования: более высокая оценка скорости реакции школьной администрации сопряжена с большей вероятностью позитивной оценки исхода обращения.

Легитимация экстремальной самозащиты: анализ предикторов. Особый интерес представляет анализ установок родителей относительно допустимости применения физической силы в ситуациях травли как потенциального предиктора эскалации насилия. Для анализа предикторов, влияющих на легитимацию самозащиты с применением физической силы, была построена бинарная логистическая регрессионная модель (табл. 5).

ченную долю дисперсии зависимой переменной (R² Нэглкерка = 0,034). Ключевым предиктором

выступает статус жертвы травли: родители детей, подвергавшихся травле, демонстрируют сниженную вероятность легитимации физической самозащиты ($OR = 0,648$; 95% ДИ: 0,436–0,963; $p = 0,032$). Данный парадоксальный результат может интерпретироваться в рамках теории наученной беспомощности [6]: опыт систематической травли формирует установку на невозможность эффективного сопротивления, транслируемую родителями в виде запрета на физическую самозащиту. Статус агрессора, пол ребенка и оценка администрации статистически значимого влияния на зависимую переменную не оказывают ($p > 0,05$).

Информационные барьеры профилактики.

Анализ информационной политики образовательных организаций выявляет значительный дефицит коммуникации с родителями по вопросам профилактики травли (табл. 6).

Таблица 6. Оценка достаточности информации о мерах профилактики травли ($N = 421$)

Категория оценки	%
Да, информации достаточно	34,9
Информация есть, но ее недостаточно	22,6
Нет, информация практически отсутствует	27,8
Затрудняюсь ответить	14,7
Всего	100,0

Примечание. Данные получены с помощью процедуры FREQUENCIES, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0.

Лишь 34,9% родителей констатируют достаточность информации, тогда как 27,8% указывают на ее практическое отсутствие, а 22,6% – на недостаточность существующих коммуникаций. Данная структура распределения свидетельствует о системном кризисе институциональной коммуникации в сфере профилактики насилия.

Анализ предпочтительных каналов информирования (табл. 7) демонстрирует трансформацию коммуникационных практик в условиях цифровизации.

Таблица 7. Предпочтительные каналы информирования родителей ($N = 421$, множественный выбор)

Канал информирования	Да		Нет	
	n	%	n	%
Родительские собрания	276	65,6	145	34,4
Чаты/каналы класса в мессенджерах	234	55,6	187	44,4
Личные беседы с классным руководителем / администрацией	213	50,6	208	49,4
Официальный сайт школы	161	38,2	260	61,8

Окончание

Канал информирования	Да		Нет	
	n	%	n	%
Школьные мероприятия (встречи, семинары для родителей)	149	35,4	272	64,6
Информационные буклеты/памятки	112	26,6	309	73,4
Электронный дневник	95	22,6	326	77,4
Другое	1	0,2	420	99,8

Примечание. Данные получены с помощью процедуры FREQUENCIES, IBM SPSS Statistics 28.0.0.0.

Традиционный формат родительских собраний сохраняет доминирующее положение (65,6%), однако цифровые мессенджеры (55,6%) и личные беседы с педагогами (50,6%) формируют группу наиболее востребованных каналов коммуникации, охватывающих более половины респондентов. Официальные сайты школ (38,2%) и школьные мероприятия (35,4%) занимают промежуточную позицию, тогда как информационные буклеты (26,6%) и электронный дневник (22,6%) демонстрируют наименьшую востребованность.

Полученная иерархия предпочтений свидетельствует о приоритете интерактивных форм коммуникации (личное общение, оперативные мессенджеры) над формализованными каналами информирования. Данный результат указывает на необходимость диверсификации каналов коммуникации с акцентом на цифровые инструменты, обеспечивающие двустороннюю связь и оперативность взаимодействия, при сохранении традиционных форматов для обеспечения инклюзивности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические и практические выводы.

Выявлена выраженная асимметрия в когнитивных схемах распознавания буллинга: подавляющее большинство родителей корректно идентифицируют явные формы агрессии как проявления травли (физическое насилие – 94,1%, регулярные насмешки – 93,8%), что свидетельствует о сформированности базовых представлений о прототипических маркерах буллинга в массовом сознании. Однако данная высокая степень распознавания прямых форм агрессии сочетается с когнитивной десенсибилизацией родителей к реляционным формам травли. В абстрактном вопросе социальную изоляцию относят к буллингу 67,5% респондентов, однако при оценке конкретного сценария длительного игнорирования лишь 29,9% классифицируют его как травлю. Статистический анализ (критерий χ^2) не выявил значимой связи



между абстрактными представлениями об изоляции и ее интерпретацией в ситуационном контексте ($p = 0,100$), что подтверждает наличие устойчивых когнитивных барьеров («слепоты к реляционной агрессии»), препятствующих адекватной идентификации скрытых форм насилия независимо от декларативных знаний.

Механизмы реагирования образовательных организаций характеризуются низкой эффективностью: в 73,0% случаев обращения к администрации помощь оценивается родителями как неоказанная или частично оказанная. При этом выявлена статистически значимая умеренная положительная корреляция между восприятием оперативности реагирования школьной администрации и эффективностью разрешения конфликтных ситуаций ($p = 0,284$; $p < 0,001$), что подчеркивает важность временного фактора в институциональном вмешательстве.

Информационная политика школ демонстрирует системный дефицит коммуникации: 27,8% родителей указывают на практическое отсутствие информации о мерах профилактики, еще 22,6% считают ее недостаточной. При этом предпочтительными каналами коммуникации признаются родительские собрания (65,6%), цифровые мессенджеры (55,6%) и личные беседы с педагогами (50,6%). Данная структура предпочтений указывает на приоритет интерактивных форм коммуникации над формализованными каналами информирования.

Бинарная логистическая регрессия продемонстрировала, что статус жертвы травли снижает вероятность легитимации физической самозащиты родителями ($OR = 0,648$; 95% ДИ: 0,436–0,963; $p = 0,032$). Данный результат может интерпретироваться в рамках концепции выученной беспомощности: опыт систематической травли формирует установку на неэффективность активного сопротивления, транслируемую в семейные стратегии реагирования.

Рекомендуется провести трансформацию институциональных практик, а именно следующее.

1. Разработка просветительских программ для родителей, направленных на повышение компетентности в распознавании косвенных форм агрессии (социальная изоляция, игнорирование, кибербуллинг) и преодоление когнитивных искажений при интерпретации поведенческих сценариев.

2. Внедрение регламентированных алгоритмов вмешательства с акцентом на оперативность реакции и прозрачность процедур для родителей.

3. Приоритизация интерактивных цифровых инструментов (мессенджеры, онлайн-приемные) при сохранении традиционных форматов для обеспечения инклюзивности.

Реализация данных мер позволит снизить уровень латентности школьной травли, повысить до-

верие к институциональным механизмам защиты и минимизировать риски эскалации конфликтных ситуаций в формы экстремального насилия.

Литература

1. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. – Harvard university press, 1979.
2. Fu R., Paskewich B., Randolph J.A., Bradshaw C.P., Waasdorp T.E. Parent perceptions of school relationships: Considerations of racial-ethnic differences and youth's peer victimization // Journal of family psychology. – 2025. – Т. 39. – № 2. – С. 252.
3. Green D. M., Price D.A., Spears B.A. Persistent bullying and the influence of turning points: learnings from an instrumental case study // Pastoral Care in Education. – 2024. – Т. 42. – № 3. – С. 228–248.
4. Nunnally, J. C., & Bernstein, I. H. (1994). Psychometric theory (3rd ed.). New York: McGraw-Hill.
5. Polanco C., Paskewich B.S., Leff S.S., Waasdorp T.E. Relational peer victimization as a predictor of academic engagement // Journal of child and family studies. – 2023. – Т. 32. – № 7. – С. 1882–1894.
6. Seligman M. E.P. Helplessness. – San Francisco: Freeman, 1975. – С. 166–188.
7. Shih Y.H. Case study of intergenerational learning courses implemented in a preschool: perceptions of young children and senior citizens // Educational Gerontology. – 2024. – Т. 50. – № 1. – С. 11–26.
8. Wang Y. J., Chen I.H. Effect of school bullying on students' peer cooperation: A moderated mediation model // Children. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 11.
9. Yosep I., Mardhiyah A., Suryani S., Mediani H.S., Hazmi H. Experiences of bullying behavior among students in the school: A qualitative study // Environment and Social Psychology. – 2024. – Т. 9. – № 2.

BULLYING AS A PREDICTOR OF EXTREME VIOLENCE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: AN ANALYSIS OF PARENTAL PERCEPTIONS AND INSTITUTIONAL BARRIERS TO PREVENTION

Vasiliev V.V.

Ural Federal University named after B.N. Yeltsin

This article analyzes parental perceptions of bullying in schools. Using data from an empirical study of parents of students in general education institutions in the Sverdlovsk region ($N = 421$), we identify cognitive and institutional barriers to effective school bullying prevention. The study methodology includes frequency analysis, cross-tabulation with the χ^2 test, Spearman correlation analysis, and binary logistic regression.

It was found that 93,8% of parents classify regular teasing and 94,1% classify physical violence as forms of bullying, forming the core of parental perceptions of bullying. However, indirect forms of aggression are identified significantly less frequently: 67,5% of respondents classify a child's social isolation from the group as a form

of bullying, while only 29,9% correctly classify prolonged neglect as bullying. A statistically significant moderate positive correlation ($p = 0,284$; $p < 0,001$) was found between the assessment of the school administration's responsiveness and the effectiveness of conflict resolution.

Logistic regression demonstrated that being a victim of bullying reduces the likelihood of legitimizing physical self-defense ($OR = 0,648$; 95% CI: 0,436–0,963; $p = 0,032$). A deficit in institutional mechanisms was identified: 27,8% of parents indicated a virtual lack of information about preventive measures, while the preferred communication channels were parent-teacher meetings (65,6%), digital messengers (55,6%), and face-to-face conversations with teachers (50,6%).

These results demonstrate the need to transform institutional prevention practices, taking into account the cognitive specifics of parental perceptions and the digitalization of communication channels.

Keywords: bullying, school bullying, parental attitudes, institutional prevention, social isolation.

References

1. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. – Harvard university press, 1979.
2. Fu R., Paskewich B., Randolph J.A., Bradshaw C.P., Waasdorp T.E. Parent perceptions of school relationships: Considerations of racial–ethnic differences and youth's peer victimization // *Journal of family psychology*. – 2025. – T. 39. – № 2. – P. 252.
3. Green D. M., Price D.A., Spears B.A. Persistent bullying and the influence of turning points: learnings from an instrumental case study // *Pastoral Care in Education*. – 2024. – T. 42. – № 3. – pp. 228–248.
4. Nunnally, J. C., & Bernstein, I. H. (1994). *Psychometric theory* (3rd ed.). New York: McGraw-Hill.
5. Polanco C., Paskewich B.S., Leff S.S., Waasdorp T.E. Relational peer victimization as a predictor of academic engagement // *Journal of child and family studies*. – 2023. – T. 32. – № 7. – S. 1882–1894.
6. Seligman M. E.P. *Helplessness*. – San Francisco: Freeman, 1975. – P. 166–188.
7. Shih Y.H. Case study of intergenerational learning courses implemented in a preschool: perceptions of young children and senior citizens // *Educational Gerontology*. – 2024. – T. 50. – № 1. – P. 11–26.
8. Wang Y. J., Chen I.H. Effect of school bullying on students' peer cooperation: A moderated mediation model // *Children*. – 2023. – T. 11. – № 1. – P. 11.
9. Yosep I., Mardhiyah A., Suryani S., Mediani H.S., Hazmi H. Experiences of bullying behavior among students in the school: A qualitative study // *Environment and Social Psychology*. – 2024. – T. 9. – № 2.

Инструменты развития культуры обратной связи в российских компаниях

Волкова Лариса Витальевна,

кандидат социологических наук; доцент кафедры философии и социально-политических технологий ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»
E-mail: volkovasocio@mail.ru

Довгань Вероника Сергеевна,

аспирант кафедры философии и социально-политических технологий ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»
E-mail: dovgan-vs@mail.ru

Работа посвящена исследованию процесса обратной связи в нефтесервисной компании с целью оптимизации бизнес-процессов и повышения производительности труда. На региональном производстве была внедрена новая практика обратной связи – фокус-группы сотрудников из разных подразделений для ретроспективного анализа проектов по разработке и внедрению новых российских технологий. В рамках ретроспективы было проанализировано по одной технологии из трех различных продуктовых линеек. Каждая ретроспектива дала возможность команде увидеть проекты целиком с разных сторон, проанализировать процесс взаимодействия команд и культуру производства, посмотреть на себя со стороны и получить обратную связь от каждого члена команды. В результате новой практики обратной связи были найдены нестандартные решения, узкие места в бизнес-процессах при планировании и выполнении проектов и намечен план по повышению эффективности.

Ключевые слова: производительность труда, обратная связь, управление персоналом, бизнес-процессы, культура производства, ретроспективный анализ.

Введение

Существенной проблемой российской экономики, тормозящей экономический рост, является невысокая производительность труда. По данным TheGlobalEconomy, производительность российских работников составляет около 40% уровня США [1]. Это комплексная проблема, она связана не только с технологиями или инвестициями, но и с институциональной средой и человеческим фактором. Компании, которые внедряли проектные команды, горизонтальные связи, ответственность за результат, эффективную обратную связь, повышали производительность без дополнительных инвестиций.

В современных производственных процессах все более значимыми ценностями становятся инициатива сотрудников, эффективность их работы, заинтересованность в успешной деятельности компании, развитие творческого и R&D потенциала, чувство ответственности за общий результат. Человеческий фактор приобретает особую актуальность, так как во многом именно от сотрудников зависит эффективность бизнес-процессов и в итоге конкурентоспособность бизнеса. Важным инструментом активизации человеческого фактора выступает обратная связь (feedback).

Результаты и обсуждение

Академическое сообщество уделяет значительное внимание исследованию вопросов, связанных с механизмами обратной связи и их встраиванием в организационную культуру [2; 3; 4; 5; 6]. Следует подчеркнуть несколько существенных моментов, которые прослеживаются в современных научных дискуссиях, поскольку проблематика имплементации систем обратной связи сохраняет свою значимость. Исследователи акцентируют внимание на том, что честность при реализации механизмов обратной связи способствует укреплению доверительных отношений и обеспечивает справедливое отношение к каждому члену коллектива [7]. Параллельно с этим, научное сообщество все активнее обращается к персонализированным стратегиям обратной связи, которые принимают во внимание индивидуальные компетенции, профессиональный багаж и потенциал каждого работника [8]. Также исследователи выделяют критическую значимость соблюдения принципов конфиденциальности и беспристрастности при организации процессов обратной связи [9]. Согласно исследованиям Калабиной Е.Г., ключевые механизмы совершенствования



бизнес-системы были сориентированы на достижение финансовых результатов и активное включение сотрудников компании в рабочие процессы. Это обусловлено тем, что формирование бизнес-системы предполагало выстраивание механизмов систематического и непрерывного совершенствования деятельности. Автор подчеркивает: активизация персонала через их предложения и инновационные решения превратилась в эффективный метод оптимизации работы – позволила сократить издержки, ликвидировать проблемные участки производства, которые тормозили общую результативность, а также усилить координацию между различными отделами организации. Под вовлечённостью сотрудников в эволюцию корпоративной бизнес-структуры подразумевался процесс трансформации от простого механизма обратной связи к совершенствованию управленческой бизнес-архитектуры. [10].

На сегодняшний день понятие обратной связи или фидбэк очень обширно и его используют в различных сферах деятельности. Гаськова М.А. отмечает, что обратная связь – это ответная реакция кого-либо или чего-либо на какое-то событие, действие или процесс [11]. Также под понятием «обратная связь клиентов» Щербакова Н.С. подразумевает положительную или отрицательную информацию, переданную компании посредством различных каналов коммуникации, которая позволяет организации улучшить продукт или товар, увеличить производительность и т.д. [12]. Грамотно выстроенная обратная связь становится мощным инструментом развития только тогда, когда применяется целенаправленно и продуманно. Ключевым условием эффективности выступает её структурированность и акцент на конкретных, значимых аспектах деятельности [13]. Сочетание целенаправленного подхода со структурированной подачей информации обеспечивает высокое качество коммуникации между членами команды. Такой формат взаимодействия стимулирует заинтересованность работников в результатах труда и укрепляет их приверженность как непосредственному начальнику, так и компании в целом. Кроме того, правильно организованная обратная связь раскрывает потенциал сотрудников, побуждает их тщательнее относиться к выполнению обязанностей, устранять недочёты и предупреждать их появление впредь, что в совокупности ускоряет достижение стратегических задач организации [14; 15].

Формирование атмосферы непрерывного развития и стимулирование коллектива к профессиональному росту напрямую зависит от выстроенной системы обратной связи в компании, что отмечает в своих исследованиях И.И. Фарафонов. Внедрение практики регулярного диалога между сотрудниками и руководством способствует росту удовлетворённости персонала своей деятельностью, стимулирует их профессиональное совершенствование и, как следствие, увеличивает ре-

зультативность всей организации. Механизм взаимного информирования выступает незаменимым элементом в руководстве персоналом, позволяя справляться с текущими операционными трудностями, характерными для любого коммерческого предприятия, одновременно повышая общую продуктивность рабочих процессов [16]. Этот факт свидетельствует об актуальности темы роли обратной связи в управлении персоналом, а исследования влияния обратной связи выступают для управленца многофункциональным рабочим инструментом в процессах повышения эффективности бизнес-процессов и производительности труда. Возрастает необходимость внедрения новых практик взаимодействия команд для повышения культуры обратной связи, нацеленной на повышение эффективности и производительности.

Целью проведенного исследования стало выявление факторов, влияющих на развитие культуры обратной связи для повышения результатов командной работы на производстве. При подготовке исследования была выдвинута гипотеза о том, что на результативность обратной связи влияют следующие факторы: максимальная горизонтальность взаимодействия участников, минимизация влияния административного ресурса, подчеркнутая заинтересованность руководства услышать мнение сотрудников, создание доверительной непринужденной атмосферы общения. Для проверки гипотезы была выбрана методика фокус-групп, в которых производственные проблемы обсуждались методом ретроспективного анализа. Эта методика была апробирована на базе одного из производственных комплексов нефтесервисной компании для анализа процессов проектирования, разработки, производства и внедрения новых российских технологий.

На этапе планирования было принято решение привлечь руководителя предприятия как участника, а не как судью, чтобы он принял участие на равных с другими участниками, делился своим мнением и наблюдениями, а также признавал собственные ошибки. Также участникам было разъяснено, что новый формат обратной связи – это не способ найти виноватых и наказать за ошибки в процессе выявления слабых сторон, а способ найти реальные проблемы в кросс-функциональном взаимодействии команды, увидеть слепые зоны в бизнес-процессах и взять лучший опыт в новые проекты. Были созданы условия для открытой, безопасной атмосферы и доверительной коммуникации (фокус на фактах и процессах, а не на поиск виноватых) в целях детальной проработки главных этапов проектов, выявления ошибок, фиксации удачных решений и внесения конструктивных предложений в план развития и совершенствования производственных процессов.

Для удобства и повышения эффективности работы (визуального восприятия) команды на этапе



подготовки было уделено внимание обустройству переговорной комнаты с доской, блокнотами, ручками, маркерами, стикерами, закладками, а также использованию виртуальных инструментов для совместного ведения заметок и протоколов. Для формирования отправной точки для конструктивной дискуссии модератор обозначил цели ретроспективного анализа и попросил каждого участника команды поделиться впечатлениями о выполненной работе и проекте в целом, и зафиксировал обратную связь, выделяя значимые вопросы и эмоциональный фон (позитивный – негативный). Стартовал первый этап сбора информации, переходящий в совместное обсуждение выявленных проблем и успешных решений. На этом этапе анализа информации модератор обеспечивал участие всей команды, задавая уточняющие вопросы и помогая каждому увидеть проект целиком, выходя за рамки его функциональных обязанностей.

В процессе открытого обсуждения каждый участник отвечал на вопросы: 1) Что было успешно, что стоит включить в последующие проекты; 2) Что уже не работает, что стоит исключить из проектов и бизнес-процессов; 3) Что стоит оставить неизменным, потому что это приносит результат и достижение целей. Далее все ответы участников были сгруппированы с выделением лидера в каждой категории для дальнейшего формирования плана действий. Для выявления скрытых причин проблем и уже не работающих аспектов, которые были выделены участниками с маркером «исключить», был добавлен метод Исикавы – диаграмма «рыбьей кости» или причинно-следственная диаграмма как инструмент для выявления факторов, негативно влияющих на результаты проекта. Поочередно были проанализированы проблемы, наиболее часто выделяемые участниками по уровням: «рыбья голова» – сформулированная проблема, «хребет с костями» – факторы, влияющие на проблему, «мелкие кости» – второстепенные причины, воздействующие на главные факторы. Участники анализировали влияние каждой причины на результат, выделяя критичные, и разрабатывали меры для устранения выявленных корневых причин. Такой системный подход позволил не пропустить небольшие, но важные факторы, увидеть проблему наглядно и целостно, быстро установить главную причину проблемы, благодаря визуальному представлению информации, а также выявить неожиданные события, способные привести к возникновению проблемы.

При составлении плана действий были определены три самые важные и срочные задачи, исполнители для каждой критичной задачи и установлены четкие сроки реализации (реалистичные и достижимые). Важной заключительной частью ретроспективного анализа стала общая презентация плана, чтобы убедиться, что производственная команда поддерживает его, что он полностью

понятен и доступен каждому участнику. Практика обратной связи завершилась подведением итогов и фиксацией эмоционального состояния команды.

По итогам открытого обсуждения участники определили, какие изменения предстоит внедрить в ближайшем будущем, какие бизнес-решения действенные, а от каких необходимо отказаться; зачем нужна практика обратной связи и как она поможет повысить эффективность работы. Первоначальный фокус на содержательность новой практики обратной связи, ухода от формальностей и «опросов для галочки», а также разъяснение ее пользы для команды, позволило обеспечить открытость и честный диалог на равных. Процесс обратной связи строился на обсуждении функциональных действий участников и несовершенстве бизнес-процессов, а не на обсуждении ошибок личностей. Такая практика была воспринята как приводящая к конкретным решениям, помогла выявить уязвимости в процессах, улучшить взаимодействие между участниками и минимизировать риски возникновения конфликтов. У участников появилась возможность получить конструктивную обратную связь, осознать потребности, трудности и ожидания коллег, понять какие общие ценности объединяют участников и какие цели стоят перед командой.

Было проанализировано по одной технологии из трех различных продуктовых линеек, производимых на предприятии, проведена оценка успехов и сложностей проектов, а также их возможные развилки (что было бы, если). Каждая практика ретроспективного анализа дала возможность командам увидеть процесс разработки и внедрения новых продуктов объемно, со всех сторон, выходя за рамки персональных обязанностей. В результате глубокой совместной работы определены узкие места при планировании и выполнении проектов, успехи, неудачи и повторяющиеся проблемы. На каждую возникающую задачу определен план мероприятий по улучшению. Стоит отметить эффективные техники, которые использовались при обсуждении ключевых бизнес-процессов с ориентацией на рост и обучение. Участники открыто и заинтересованно отвечали на вопросы, что понравилось, чему научились, чего не хватило, о чем мечтали/хотели. Кроме того, для выявления скрытых проблем в команде, в процессе обсуждения был также проведен анализ эмоций – что радовало, что вызывало досаду или раздражение. Это дало возможность представить общий психологический климат в производственном коллективе и выявить демотивирующие факторы.

Выводы

В рамках ретроспективного анализа было проанализировано по одной технологии из трех различных продуктовых линеек. Каждая ретроспектива дала



возможность команде увидеть проекты целиком со всех сторон, проанализировать работу, процесс взаимодействия команд и культуру производства, посмотреть на себя со стороны и получить знания и обратную связь от каждого члена команды, чтобы в будущем применить их для улучшения работы. В результате участниками были найдены нестандартные решения, узкие места в бизнес-процессах при планировании и выполнении проектов и намечен план по повышению эффективности.

В дальнейшем планируется использовать метод ретроспективного анализа для улучшения процессов взаимодействия и интеграции лучших практик в новые проекты. Следующие этапы работы планируется посвятить взаимодействию с заказчиком и владельцем продукта. Структурированный командный анализ проделанной работы будет нацелен на оценку того, насколько достигнутые результаты соответствуют ожиданиям клиента, а также разработку мер для достижения требуемого уровня его удовлетворенности.

Была полностью подтверждена выдвинутая при подготовке исследования гипотеза об исключительной важности создания условий для открытой, безопасной и доверительной коммуникации (фокус на фактах и процессах, а не на поиск виноватых) в целях детальной проработки главных этапов проектов, выявления ошибок, фиксации удачных решений и внесения конструктивных предложений в план развития и совершенствования производственных процессов. Эта информация содержит чрезвычайно ценные данные, которые можно использовать для оптимизации бизнес-процессов, получения целостного представления о компании и улучшения многих аспектов ее деятельности.

Литература

1. TheGlobalEconomy [Электронный ресурс]. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Russia/productivity_relative_to_US/?utm_source
2. Quach D., Gore S., Schlosser E.G. A practical guide to feedback in the workplace: Interpreting and acting on feedback from learners and direct reports. *American Journal of Health-System Pharmacy*. – 2020. – № 77(19). – P. 1552–1555. <https://doi.org/10.1093/ajhp/zxaa155>
3. Lipnevich A. A., Panadero E. A review of feedback models and theories: descriptions, definitions, and conclusions. *Frontiers in Education*. – 2021. – № 6. – P. 720195.
4. Moreno M. L., Santos N.R. D., Pais L.M. Empirical research on multisource feedback in performance appraisal: A literature review. *Psychology: Organization and Work Journal*. – 2021. – № 21(4). – P. 1739–1749.
5. Johnson D. A., Johnson C. M., Dave P. Performance feedback in organisations: understanding the functions, forms, and important features. *Journal of Organizational Behavior Management*. – 2023. – № 43(1). – P. 64–89. <https://doi.org/10.1080/01608061.2022.2089436>
6. Katz I. M., Moughan C. M., Rudolph C. W. Feedback orientation: A meta-analysis. *Human Resource Management Review*. – 2023. – № 33(4). – P. 100986. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2023.100986>
7. Коман Э., Вольф С. Влияние качества обратной связи и доверия на вовлеченность сотрудников: обзор и направления будущих исследований. *Журнал организационного поведения*. – 2020. – № 41(4). – С. 306–321.
8. Матиас Б., Смит Х. Использование обратной связи для стимулирования обучения и производительности: обзор и интеграция теории и исследований. *Журнал бизнеса и психологии*. – 2020. – № 35(4). – С. 417–431.
9. Хейнс Дж., Уильямс С., Карсон Дж. Обратная связь, которая работает: роль конструктивной критики. *Журнал деловой этики*. – 2020. – № 163(3). – С. 439–452.
10. Калабина, Е.Г. Вовлеченность персонала: от обратной связи к развитию бизнес – системы управления организацией (кейс крупной производственной компании Уральского региона) / Е.Г. Калабина // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов в двух томах (18–20 ноября 2021 года, Екатеринбург). – Том 1. – Екатеринбург: УрФУ, 2022. – С. 286–293.
11. Гаськова, М.А. Обратная связь от клиентов как важный инструмент повышения качества продукта или услуги / М.А. Гаськова, Э.Э. Исаинов, А.В. Каминская и др. // Социальный мир: роль молодежи в решении проблем XXI века. – 2020. – С. 69–70.
12. Щербакова, Н.С. Обратная связь как способ улучшения лояльности клиентов страховых компаний / Н.С. Щербакова, В.Д. Иванкив, Ю.А. Михалева // Вестник МИРБИС. – 2022. – № 1 (29). – С. 126–133.
13. Saks, A.M. Transfer of socialisation. In K. Kraiger, J. Passmore, N. R. dos Santos, & S. Malvezzi (Eds.), *The Wiley Blackwell Handbook of the Psychology of Training, development, and Performance Improvement*. – 2015. – 1st ed. – pp. 68–91.
14. Ребрикова, Н.В. Гибкое управление персоналом и эффективность компании [Электронный ресурс] // Экономика. Бизнес. Банки, 2020. – № 7. – С. 138–146. – URL: <http://elbib.fu.ru/art2020/bv2523.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).
15. Sibunruang H., Kawai N. The proactive nature of employee voice: The facilitating role of supervisor developmental feedback. *Journal of Management & Organisation*. – 2023. – № 1–19.



16. Фарафонов, И.И. Обратная связь как ключевой фактор развития бизнеса. Путеводитель предпринимателя. – 2023. – № 16(4). – С. 192–201. <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2023-16-4-192-201>

TOOLS FOR DEVELOPING A FEEDBACK CULTURE IN RUSSIAN COMPANIES

Volkova L.V., Dovgan V.S.

National University of Oil and Gas «Gubkin University»

The paper is devoted to the study of the feedback process in an oil-field service company in order to optimize business processes and increase labor productivity. A new feedback practice was introduced at the regional production facility – focus groups of employees from different departments for a retrospective analysis of projects for the development and implementation of new Russian technologies. As part of the retrospective, one technology from three different product lines was analyzed. Each retrospective gave the team the opportunity to see the entire projects from different angles, analyze the process of team interaction and production culture, look at themselves from the outside and get feedback from each team member. As a result of the new feedback practice, non-standard solutions, bottlenecks in business processes during project planning and execution were found, and a plan for improving efficiency was outlined.

Keywords: labor productivity, feedback, personnel management, business processes, production culture, retrospective analysis.

References

1. TheGlobalEconomy [Electronic resource]. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Russia/productivity_relative_to_US/?utm_source
2. Quach D., Gore S., Schlosser E.G. A practical guide to feedback in the workplace: Interpreting and acting on feedback from learners and direct reports. *American Journal of Health-System Pharmacy*. – 2020. – № 77(19). – P. 1552–1555. <https://doi.org/10.1093/ajhp/zxaa155>
3. Lipnevich A. A., Panadero E. A review of feedback models and theories: descriptions, definitions, and conclusions. *Frontiers in Education*. – 2021. – № 6. – p. 720195.
4. Moreno M. L., Santos N.R. D., Pais L.M. Empirical research on multisource feedback in performance appraisal: A literature review. *Psychology: Organization and Work Journal*. – 2021. – № 21(4). – P. 1739–1749.
5. Johnson D. A., Johnson C.M., Dave P. Performance feedback in organizations: understanding the functions, forms, and important features. *Journal of Organizational Behavior Management*. – 2023. – № 43(1). – P. 64–89. <https://doi.org/10.1080/01608061.2022.2089436>
6. Katz I. M., Moughan C.M., Rudolph C.W. Feedback orientation: A meta-analysis. *Human Resource Management Review*. – 2023. – № 33(4). – P. 100986. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2023.100986>
7. Koman E., Wolf S. The impact of feedback quality and trust on employee engagement: a review and directions for future research. *Journal of Organizational Behavior*. – 2020. – № 41(4). – Pp. 306–321.
8. Mathias B., Smith H. Using feedback to stimulate learning and productivity: a review and integration of theory and research. *Journal of Business and Psychology*. – 2020. – № 35(4). – Pp. 417–431.
9. Haines J., Williams S., Carson J. Feedback that works: the role of constructive criticism. *Journal of Business Ethics*. – 2020. – № 163(3). – Pp. 439–452.
10. Kalabina, E.G. Personnel involvement: from feedback to the development of the business management system of an organization (the case of a large manufacturing company in the Ural region) / E.G. Kalabina // *Russian regions in the focus of change: a collection of reports in two volumes (18–20 November 2021, Yekaterinburg)*. – Volume 1. Yekaterinburg: UrFU, 2022. – pp. 286–293.
11. Gaskova, M.A. Customer feedback as an important tool for improving the quality of a product or service / M.A. Gaskova, E.E. Isbanov, A.V. Kaminskaya et al. // *Social world: the role of youth in solving the problems of the 21st century*. 2020. pp. 69–70.
12. Shcherbakova, N.S. Feedback as a way to improve customer loyalty of insurance companies / N.S. Shcherbakova, V.D. Ivankiv, Yu.A. Mikhaleva // *The Messenger of MIRBIS*. – 2022. – № 1 (29). – Pp. 126–133.
13. Saks, A.M. Transfer of socialisation. In K. Kraiger, J. Passmore, N. R. dos Santos, & S. Malvezzi (Eds.), *The Wiley Blackwell Handbook of the Psychology of Training, development, and Performance Improvement*. – 2015. – 1st ed. – pp.
14. Rebrikova, N.V. Flexible Personnel Management and company efficiency [Electronic resource] // *Economy. Business. Banks*, 2020. – № 7. – pp. 138–146. – URL: <http://elib.fu.ru/art2020/bv2523.pdf> (date of request: 12/20/2025).
15. Sibunruang H., Kawai N. The proactive nature of employee voice: The facilitating role of supervisor developmental feedback. *Journal of Management & Organization*. – 2023. – № 1–19.
16. Farafonov, I.I. Feedback as a key factor in business development. *Entrepreneur's Guide*. – 2023. – № 16(4). – Pp. 192–201. <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2023-16-4-192-201>



Молодежь среднего класса: динамика политических ценностей (на примере г. Омска)

Деревянченко Юрий Иванович,

кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
E-mail: der@bk.ru

В статье рассматриваются изменения политических предпочтений учащейся молодежи среднего класса. Эмпирической базой исследования выступили данные онлайн-опросов студентов вузов г. Омска, проведенных в 2021 и 2024 гг. На основе полученных данных, делается вывод об усилении этатистской модели политического поведения среднего класса и сближении с ней политического поведения низших и высокодоходных слоев.

Ключевые слова: средний класс; молодежь; политические ценности; гражданские практики; общественно-политическое участие.

Введение

Географические и экономические различия регионов России делают российский средний класс крайне неоднородным по составу. Доминирование крупных организаций и государственных компаний/компаний с госучастием на региональных рынках, приводит к концентрации высококвалифицированных рабочих мест, занимаемых представителями среднего класса, в государственном секторе, сырьевых производствах и крупных предприятиях ВПК, что превращает государство в один из главных катализаторов роста провинциального среднего класса. В свою очередь представители среднего класса в регионах стремятся решать существующие проблемы, используя легальные политические институты, опасаясь подвергнуть риску преимущества, которые ему дает существующая система общества. Формы политической активности, нацеленные на развитие институтов гражданского общества, ограничивающих влияние государства, традиционно связываемые с представителями среднего класса, характерны в основном для крупных постиндустриальных городов России и слабо проявляются в регионах.

Социально-экономические реалии Омской области в полной мере демонстрируют условия, необходимые формирования модели политического поведения среднего класса, зависимого от государства – избегание прямых форм политической активности и выражение своих протестных настроений через выборы. Представители среднего класса г. Омска традиционно демонстрируют политическую индифферентность при высоком уровне недовольства, связывая надежды на политические и экономические изменения с государством [1].

Особенности региональной экономики, обусловленные доминированием предприятий нефтехимического комплекса и машиностроительных заводов ВПК, усиливают преобладание молодежи в составе среднего класса, характерное в целом для России [2, с. 25]. При этом представителей среднего класса в студенческой среде существенно больше, чем в целом по городу, поскольку система высшего образования не только служит социальным лифтом, дающим шанс войти в состав среднего класса для представителей социальных низов, но, в тоже время, выступает одним из основных институтов воспроизводства социального статуса для выходцев из средних слоев.



Методы

Изучение политических ценностей молодежи среднего класса, обучающейся в высших профессиональных учебных заведениях г. Омска, проводилось методом онлайн анкетирования. Заполнение анкет реализовывалось с помощью Google Форм. Опрос проводился в два этапа: в декабре 2021 г. и в декабре 2024 г. Отбор респондентов осуществлялся методом стратифицированной выборки по отраслям наук. Всего в исследовании приняло участие 736 человек в 2021 г. и 693 человека в 2024 г. С целью повышения репрезентативности результатов исследования на каждом этапе проводился ремонт выборки для выравнивания долей лиц, обучающихся по отраслям наук. В итоге было сформировано два массива данных ($N = 500$). В процессе пилотажа было обнаружено, что многие респонденты, обучающиеся по направлению «Науки об обществе» (юриспруденция, менеджмент и др.) относят себя к категории «Гуманитарные науки», поэтому при формировании информационного массива эти категории были объединены.

Для обработки данных использовался программный пакет статистического анализа SPSS.

Социально-профессиональные характеристики среднего класса Омска в рамках настоящего исследования определялись в рамках многомерного подхода, предложенного авторским коллективом Института социологии Российской академии наук, на основе четырех показателей:

- образование;
- среднедушевой ежемесячный доход;
- нефизический характер труда;
- самоидентификация.

В работах Н.Е. Тихоновой и других авторов обосновывается использование в качестве нижней доходной границы среднего класса 1,25 медианы доходов, поскольку только начиная с этого уровня, нормой становятся такие неотъемлемые атрибуты среднего класса, как: оплата образовательных, оздоровительных и/или туристических услуг, платные медицинские услуги, активность на рынке жилой недвижимости; в качестве верхнего доходного показателя принадлежности к среднему классу предлагается уровень двух медиан среднедушевого ежемесячного дохода по региону. Так же отмечается оправданность применения высшего образования в качестве критерия при выделении среднего класса, поскольку именно высшее образование является рентоприносящим уровнем образования [3, 4, 5].

При проведении исследования были использованы следующие критерии отнесения к среднему классу.

1. Образование. Для исследования отбирались респонденты, обучающиеся в высших учебных заведениях.

2. Уровень доходов. Доходы представителей среднего класса должны были быть пределах 1,25–2 среднедушевых медианных доходов по региону.

3. Самоидентификация. К категории среднего класса были отнесены респонденты с уровнем самооценки своего социального статуса не ниже 4 баллов по 10-балльной шкале.

Параметр нефизического характера труда не использовался при отборе респондентов в силу незавершенности профессионального образования и отсутствия или временного характера профессиональной деятельности участников исследования.

При расчете порогового критерия отнесения к среднему классу по доходам использовались данные Росстата по среднедушевым медианным доходам за 2020 г. (23992 руб.) и 2023 г. (31693,1 руб.) [6].

Таким образом доходные критерии отнесения к среднему классу в 2020 г. составили 27497,5–48984 руб. в месяц, в 2023 г. – 39616,4–63386,2 руб. в месяц. Для удобства работы с респондентами цифры были округлены до 27–49 тыс. и 40–63 тыс. руб. в месяц.

Результаты и обсуждение

Социальный состав студентов омских вузов с 2021 по 2024 г. не претерпел значительных изменений, однако можно отметить тенденцию к снижению доли представителей высокодоходных слоев (рис. 1).

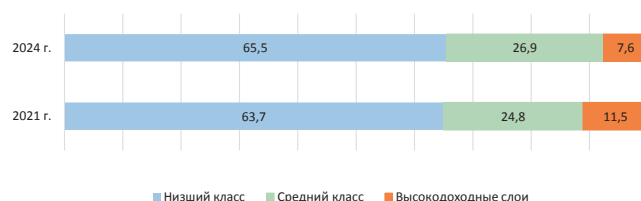


Рис. 1. Социальная состав студентов высших учебных заведений г. Омска (% от результативных анкет)

Однако, среди студентов из среднего класса большинство составляют выходцы из низкодоходных его групп с подушевым доходом 1–1,25 от принятого в исследовании порогового уровня, что свидетельствует о неустойчивом положении среднего класса в Омске.

Политическая активность студенческой молодежи за период 2021–2024 гг. демонстрирует значительное снижение самостоятельных форм политической активности: подписание петиций и участие в митингах и собраниях и очевидный рост активности в рамках избирательной системы: участие в голосованиях и избирательных кампаниях. Также в 3,5–4 раза сократилось количество участвующих в несанкционированных политических мероприятиях (рис. 2).

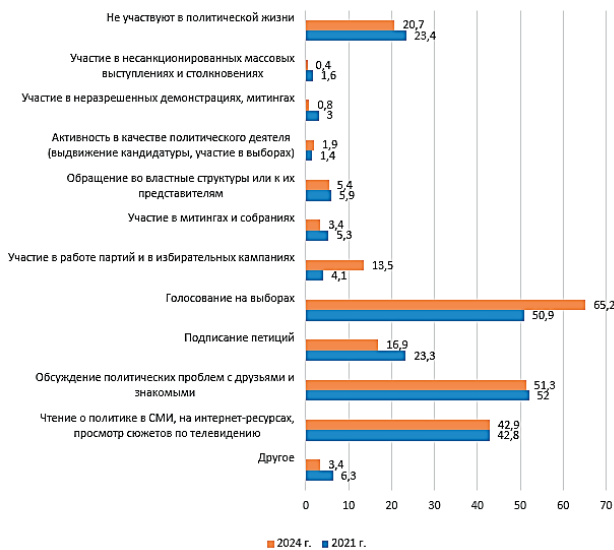


Рис. 2. Основные формы политической активности студентов высших учебных заведений г. Омска (% от результатов анкет)

Количество респондентов, не имеющих выраженной политической позиции или осознанно отказывающихся от политической деятельности практически не изменилось и составляет чуть менее половины респондентов, однако политически инициативная часть молодежи среднего класса в 2024 г. демонстрирует, выраженное изменение политических предпочтений: полное отсутствие готовности к активному выражению несогласия с властью со снижением пассивных форм ее критики и выросшую почти два раза пассивную поддержку власти (32%). Вместе с тем активная поддержка власти молодежью среднего класса по-прежнему отсутствует – как и в прошлом опросе никто из участников не высказал желание поддерживать власть участием в политических мероприятиях (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов студенческой молодежи среднего класса г. Омска на вопрос «Что вы будете делать, если в ближайшее время состоится публичный митинг или демонстрации оппонентов действующей власти и ее сторонников?» (% от результатов анкет)

Это сочетание пассивной поддержки с отсутствием активного включения представляет собой характерный паттерн поведения «государственного среднего класса». Представители среднего класса не возражают против отсутствия политического представительства: пока жизнь приемлема, их неучастие устраивает как их самих, так и государство.

Оценка политической обстановки в стране наглядно демонстрирует разницу положения основных социальных групп: во всех группах наблюдается рост количества молодых людей признающих существующее положение дел в стране благополучным в 1,5–2,5 раза и резкое снижение количества тех, кто оценивает его как критическое. В то-

же время среди респондентов из низшего класса на 7% выросла численность оценивающих политическую обстановку в стране как напряженную, в то время как среди представителей высокодоходных слоев наблюдается обратный процесс – снижение на 6,4% негативных оценок. Восприятие ситуации как напряженной молодежью среднего класса не претерпело значительных изменений, оставаясь в рамках статистической погрешности (рис. 4). Таким образом, можно сделать вывод, что в среднем низшие слои отмечают ухудшение политической ситуации в стране, высокодоходные слои – улучшение, оценка молодежи среднего класса остается неизменной.



Рис. 4. Оценка политической обстановки в стране студентами высших учебных заведений г. Омска (% от результатов анкет)

Одной форм реакции на политические события является миграция: желание уехать в другой регион России или другую страну. Переезд представляет собой не только стремление избавиться от проблем омской действительности или реализацию определенной профессиональной стратегии, но и форму политического протеста, поскольку миграционные настроения гораздо шире распространены среди тех, кто готов посещать митинги против власти, чем среди тех, кто так или иначе выступает за поддержку власти. За период 2021–2024 гг. количество омской молодежи среднего класса планирующих покинуть Омск в ближайшие годы снизилось почти на четверть (рис. 5).

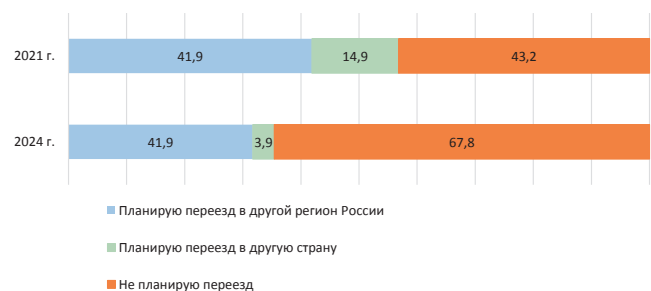


Рис. 5. Распределение ответов студенческой молодежи среднего класса г. Омска на вопрос «Планируете ли Вы переезд из Омска в ближайшие три года?» (% от результатов анкет)

Снижение степени выраженности миграционных намерений очевидно коррелируется с измене-

нием требований к власти – сокращением численности сторонников политических преобразований и возрастанием количества тех, кто считает необходимым экономические изменения (повышения уровня жизни, улучшения условий ведения бизнеса и т.п.) (рис. 6).

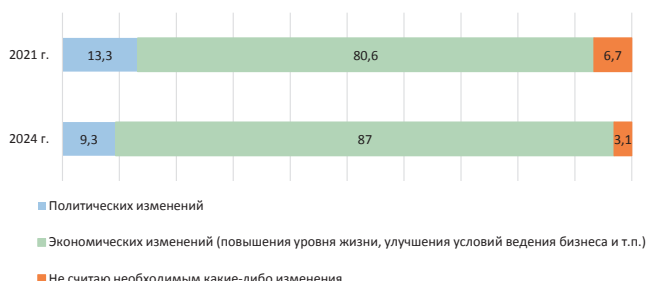


Рис. 6. Распределение ответов студенческой молодежи среднего класса г. Омска на вопрос «Какие политические требования Вы считаете актуальными в современной ситуации?» (% от результатов анкет)

Изменение политических запросов молодежи среднего класса, зафиксированное в исследовании, укладывается в происходящие в России в последние годы процессы расширения привлекательных социальных позиций, обеспечивающих профессиональный рост и более высокий уровень жизни [7]. Поскольку значительная часть этих позиций сосредоточена в государственном секторе, то молодые люди среднего класса, получая профессиональное образование, ориентируются на построение карьеры в органах государственной власти. В 2024 г. наблюдается выравнивание отношения всех слоев общества к карьерным перспективам в органах государственной власти (табл. 1).

Таблица 1. Отношение студентов высших учебных заведений г. Омска к работе в органах государственной власти (% от результатов анкет)

Желание работать в органах государственной власти	Нижний класс		Средний класс		Высокодоходные слои	
	2021 г.	2024 г.	2021 г.	2024 г.	2021 г.	2024 г.
Да	34,6	47,8	52,4	54,5	35,9	51,3
Нет	65,4	44,5	47,6	44,5	64,1	48,7

В 2024 г. запрос на усиление роли государства в общественной жизни, который ранее в большей степени был характерен для представителей среднего класса, возрастает со стороны представителей низшего класса и высокодоходных слоев, в то время как большинство респондентов, относящихся к среднему классу (55,2%) считают необходимым сохранение существующей роли государства (табл. 2).

Сдержанность респондентов среднего класса по отношению к усилению роли государства в условиях апеллирования к государству со стороны, прежде всего низших слоев, вполне объясни-

ма в логике модели «государственного» среднего класса, который воспринимает перераспределение государственных ресурсов как угрозу своим экономическим. Исторический опыт других стран показывает, что в условиях сильного социального расслоения и интенсивной конкуренции средний класс в первую очередь озабочен поддержанием качества жизни и поэтому легко отказывается от демократических ценностей для сохранения своего благополучия [8].

Таблица 2. Отношение студентов высших учебных заведений г. Омска к усилению роли государства в обществе (% от результатов анкет)

Роль государства	Нижний класс		Средний класс		Высокодоходные слои	
	2021 г.	2024 г.	2021 г.	2024 г.	2021 г.	2024 г.
Должна усиливаться	27,8	35,4	32,4	22,4	34,2	44,4
Должна снижаться	39,8	27,8	42,3	22,4	47,4	22,2
Должна оставаться неизменной	32,4	36,7	25,3	55,2	18,4	33,3

Результаты опросов показывают, что в 2024 г. для молодежи среднего класса резко снизилось значение институтов, значимых для эффективного функционирования демократии (табл. 3).

Таблица 3. Важность для общества социально-политических институтов по мнению студенческой молодежи среднего класса г. Омска (оценка по 5-балльной шкале)

Социально-политические институты	2021 г.	2024 г.	Изменение оценки, в баллах
Независимая пресса	4,11	3,44	–0,67
Сильная политическая оппозиция	3,75	3,13	–0,62
Свобода слова	4,39	3,8	–0,59
Свободные и справедливые выборы	4,57	4,04	–0,53
Равенство перед законом	4,62	4,24	–0,38
Права меньшинств	3,74	3,43	–0,31
Суды, защищающие права личности от злоупотреблений со стороны государства	4,51	4,25	–0,26

Наибольшее снижение зафиксировано для институтов, обеспечивающих горизонтальную подотчетность власти (независимая пресса –0,67, политическая оппозиция –0,62, свобода слова –0,59),

тогда как институты вертикальной подотчётности (суды, равенство перед законом) утрачивают значимость медленнее. Эта иерархия деинституционализации симптоматична: молодёжь среднего класса в первую очередь обесценивает те институты, которые ограничивают свободу действий государства в публичной сфере, сохраняя относительную лояльность к институтам, защищающим индивидуальные права в частной сфере. Такая конфигурация ценностей характерна для модели среднего класса, заинтересованного в предсказуемости правил игры для собственного благополучия, но не в контроле над политическими решениями.

Заключение

Проведенное исследование не охватывало все институциональные факторы, определяющие политические предпочтения молодежи среднего класса, однако полученные данные позволяют сделать выводы о том, что для молодежи среднего класса в г. Омске характерны:

- негативная оценка текущей политической ситуации в стране;
- политическая индифферентность и усиление пассивной поддержки власти;
- заинтересованность в экономических изменениях;
- уменьшение миграционных настроений как проявления протестных политических настроений;
- нацеленность на работу в органах государственной власти;
- заинтересованность в сохранении существующей роли государства в обществе;
- снижение оценки значимости институтов эффективного функционирования демократии.

Выявленные тенденции подтверждают тезис о том, что зависимость от государства в сфере экономических возможностей снижает мотивацию к самостоятельному политическому участию. Специфика Омского региона, с его доминированием нефтехимического комплекса и предприятий ВПК, создаёт структурные предпосылки для воспроизводства данной модели.

Принципиально новым результатом исследования является фиксация конвергенции политических установок всех социальных страт в направлении этатизма при различающейся «степени желаемого присутствия государства»: низшие и высокодоходные слои требуют его усиления, средний класс – сохранения текущего уровня. Эта конфигурация указывает на формирование широкого социального консенсуса вокруг государственно-центричной модели.

Литература

1. Деревянченко Ю. И., Руди А.Ш. Средний класс г. Омска: социально-профессиональный портрет и общественно-политическая активность. – Омск: Издательский центр КАН, 2022. – 95 с.

2. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2016. – 368 с.
3. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 14. – № 3. – С. 326–348.
4. Тихонова Н. Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Аникин В.А., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н.Е. Тихоновой. – М.; СПб.: Нестор- История, 2018. – 368 с.
5. Тихонова Н.Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. Социология. Этнология. – 2020. – № 4. – С. 34–56.
6. Медиана среднедушевого денежного дохода (медианный среднедушевой доход) в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
7. Мареева С.В. Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность // Вестник Института социологии. – 2022. – Том 13. – № 2. – С. 159–183.
8. Rueschemeyer D., Huber Stephens E., Stephens J.D. Capitalist Development and Democracy. Polity Press, 1992. 87 pp.

MIDDLE CLASS YOUTH: DYNAMICS OF POLITICAL VALUES (ON THE EXAMPLE OF OMSK)

Derevyanchenko Yu.I.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article examines changes in the political preferences of middle-class students. The empirical basis of the study was data from online surveys of university students in Omsk conducted in 2021 and 2024. Based on the data obtained, a conclusion is made about the strengthening of the statist model of political behavior of the middle class and the convergence of the political behavior of the lower and high-income strata with it.

Keywords: middle class; youth; political values; civic practices; socio-political participation.

References

1. Derevyanchenko Yu. I., Rudi A. Sh. The middle class of Omsk: socio-professional portrait and socio-political activity. – Omsk: Publishing center of the KAN, 2022. – 95 p.
2. The Middle Class in Contemporary Russia. Experience of Long-Term Research / Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir, 2016. – 368 p.



3. Lukyanova A.L. Returns to Education: What the Meta-Analysis Shows // *Economic Journal of the Higher School of Economics*. 2010. Vol. 14. № 3. P. 326–348.
4. Tikhonova N. E., Lezhnina Yu. P., Mareeva S.V., Anikin V.A., Karavai A.V., Slobodenyuk E.D. Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, and Cross-Country Comparisons / N.E. Tikhonova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareeva, V.A. Anikin, A.V. Karavai, E.D. Slobodenyuk; edited by Doctor of Sociological Sciences N.E. Tikhonova. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2018. 368 p.
5. Tikhonova N.E. The middle class in the focus of economic and sociological approaches: boundaries and internal structure (on the example of Russia) // *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2020. № 4. P. 34–56.
6. Median per capita cash income (median per capita income) in Russia as a whole and in the constituent entities of the Russian Federation // Rosstat. Federal State Statistics Service. URL .: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
7. Mareeva S.V. The social status of Russian youth: ideas and reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. № 2. P. 159–183.
8. Rueschemeyer D., Huber Stephens E., Stephens J.D. *Capitalist Development and Democracy*. Polity Press, 1992. 87 pp.

Общество потребления: влияние демонстративного потребления и принципа подражания на принятие решений

Егоров Сергей Андреевич,

Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова
E-mail: Serhegorov@mail.ru

В статье рассматривается общество потребления через призму теории праздного класса Т. Веблена, где «демонстративное потребление» служит средством достижения престижа и укрепления статуса, сопровождаясь расточительством времени и ресурсов. П. Бурдьё развивает эту идею, подчёркивая влияние внутреннего габитуса – системы ценностей, формируемой внешними факторами когнитивного воздействия, ведущего к эффекту «подражания» провозглашенного Г. Зимелем и циклической смене модных тенденций, навязываемых высшим классом. Несмотря на финансовый доход или социальный статус, люди остаются зависимыми от потребительских практик, выражающихся для них в бесконечном внутреннем стремлении к комфортной и модной жизни, образ которой постоянно навязывается и меняется под влиянием тенденций в области культуры, науки, политики и многих других сфер. Посредством глобального промышленного производства создаются и поддерживаются стимулы в потребительских практиках, которые в конечном счёте регулируют отношения и облик общества.

Ключевые слова: общество потребления, демонстративное потребление, престиж, габитус, подражание, модные тенденции, цикличность, социальный статус, промышленное производство, благо.

Введение

Современное общество потребления является комплексной формой социально-экономических отношений, основанных на индивидуальном потреблении реальных и виртуальных товаров и услуг. В условиях переходного периода общества от эпохи модерна к эпохе постиндустриального общества, охватывающего временной интервал от XIX до XXI века, наблюдается ряд инноваций: от паровых двигателей до электрических приводов, а также последующей масштабной автоматизации и цифровизации экономических и производственных процессов.

В этом контексте когнитивный дизайн выступает в качестве инструмента коммуникации, способного адаптироваться к разнообразным изменениям в той или иной сфере. Когнитивный дизайн как феномен приобретает особое значение, поскольку становится ключевым элементом взаимоотношений между производителем и потребителем. Опираясь в своей основе на принципы когнитивной психологии и теории восприятия, включая аспекты эстетики, он формирует сложные концепции в рамках художественно-проектного мышления. Взаимодействие когнитивного дизайна с многими сферами общественной жизни обусловлено глобальной цифровизацией и открытостью информационного веб-пространства и медиасреды, оказывающей существенное влияние на трансформацию традиционных моделей потребления.

Этот процесс способствует формированию новых стимулов потребления. В данной среде когнитивный дизайн выступает посредником, манипулирующим выбором потребителя и его ценностными ориентирами. Он оказывает воздействие на перцептивное поле субъекта, что делает его значимой частью повседневной жизни. Таким образом, весомое влияние когнитивного дизайна как феномена проявляется преимущественно через объективное воздействие материального мира, внедренного в различные сферы общественной жизни.

Обсуждение

Современное общество, тождественное обществу потребления, представляет собой форму общественных отношений, тесно связанную с цифровыми технологиями и промышленным производством и когнитивным дизайном. Ядром когнитивного дизайна является когниция. Когниция как термин

на лат. *cognition* не имеет дословного перевода, поэтому в транслитерированной форме речь идёт о двух латинских словах – «*cognitio*», то есть познание как процесс приобретения знаний и опыта, и «*cogitatio*» – размышление как мыслительный процесс. В понятии когниции подразумевается познавательный процесс или совокупность ментальных мыслительных процессов и чувственного восприятия мира, информацию о котором субъект получает через чувственно-перцептуальные каналы следующих типов: визуальный, основанный на зрительных образах, аудиальный, основанный на слуховых образах, кинестетический, основанный на тактильных ощущениях и дискретный, основанный на абстрактно-логических образах.

Таким образом, когниция отображает сущность «*homo sapiens*» и его интерактивное взаимодействие с окружением для адаптации, самосовершенствования и познания мира [6, с. 81]. Автономно промышленное производство находится в цикле постоянного перепотребления товаров и услуг. Внутри общества идёт конкурентная борьба, так же, как и среди крупных компаний, владеющих брендами, чьё мнение авторитетно и способно кардинально менять модные тенденции. Потребители в этой ситуации боятся утратить свободу самовыражения и идентичность, а компании – потерять прибыль и не удовлетворить повышенный спрос.

Все эти процессы способствуют развитию в обществе феномена демонстративного или показного потребления, которое ведёт к «подражанию», выражающемуся в погоне за престижем как за самоцелью потребления. Это явление характерно для всех слоёв общества и представляет собой культурную норму, особенно для среднего класса. В таких условиях «показное потребление» становится формой выражения высокого социального положения, поскольку высокая цена вещи позволяет идентифицировать её как объект, призванный завоевать престиж [3, с. 34].

Эта характеристика является основой субъективности перепотребления, то есть персональной сути и ценности в огромном перечне товаров и услуг, предоставляемых глобальным рынком посредством различных цифровых каналов, таких как средства массовой информации или Интернет. Эти и другие каналы развивают отрицательно влияющие тенденции. Одной из них является теория «демонстративного потребления», сформированная американским экономистом и социологом Торстейном Вебленом в книге «Теория праздного класса», написанной в 1899 году.

Работая над критериями одноимённой теории, он выделил специфический принцип потребления в целом. Так называемый феномен Т. Веблена формируется из условий, сводимых к возвышению над другими группами потребителей, поскольку с финансовой точки зрения потребитель может

себе это позволить. Хотя это объективно нецелесообразно, оно эффективно в погоне за престижем через сопоставление своей идентичности с идентичностью других [1, с. 80]. Этот принцип проще понять следующим образом: «Приобретаю не потому, что мне это необходимо, а потому, что я могу себе это позволить в отличие от остальных». Так, в практике потребления каждая вещь находит для субъекта объективное оправдание – в цитате: «... мы считаем вещи красивыми, так же, как и полезными, где-то в прямой зависимости от того, насколько велика их цена» [2, 185].

Демонстративное потребление праздного класса в XX веке связано с финансовой олигархией США, которая сформировала институт праздного класса, разделяющий общество на праздный и рабочий классы. Веблен отмечает, что для этого необходим уклад хищения, лёгкий путь к богатству и освобождение от физического труда, а также частная собственность, основанная на соперничестве и конкуренции. Собственность в таком обществе – результат хищения, символ успеха и основа уважения, служащая средством «завистнического сопоставления».

С развитием общества приоритет смещается в сторону расточительства, так как естественные потребности постоянно удовлетворяются промышленным и аграрным производством. В итоге формируется «денежная цивилизация», неспособная создавать материальную культуру. Она одновременно отказывается от физического труда и погружается в постоянную конкурентную борьбу, что ведёт общество к стагнации собственного развития [13].

В современных реалиях после уравнивания всех классов с точки зрения политики общество становится равноправным, но тем не менее экономически стратифицированным на высший, средний и низший классы. Сегодня в большей степени определяется уровень финансового дохода, частной собственности и имущества, которые не являются официальной нормой общественных отношений. Позиция Т. Веблена относительно праздного класса объективно определяет его не ленивым или неподвижным, а непроизвольно расточительным в потреблении собственного времени [2, с. 89].

Трата собственного времени отводится на поддержание идентичности, актуальной для современного общества. Так субъект, придавая идентичности чрезмерное значение, формирует зависимость, усугубляемую социальными сетями, сообществами, блогами и другими формами досуга в интернет-среде. Это вынуждает его пересматривать приоритеты или балансировать между социальным статусом в реальной жизни и виртуальным статусом в киберпространстве, где влияние социальных страт вытесняется технологическими инновациями. Зависимость и приоритеты



объясняются тем, что со временем поддержание авторитета виртуального статуса в сообществе по интересам требует всё больших трат времени и финансов. При этом ценность такого статуса для субъекта становится несоизмеримо высокой, что в конечном счёте может стать полноценной частью повседневной жизни. В общем контексте, вне зависимости от личных увлечений, потребление товаров и услуг, не приносящее пользы субъекту, но направленное на привлечение внимания, можно расценивать как демонстративное потребление.

Стремление субъекта выделяться посредством престижных предметов, создающих ощущение роскоши, состоятельности и прочих атрибутов статуса, формирует парадокс Веблена. Согласно которому величина спроса на товар не снижается с ростом цены, как это обычно отражается в нисходящей кривой спроса, а напротив, может увеличиваться. Т. о, для товаров, приобретаемых с целью поддержания социального престижа, кривая спроса может иметь восходящий характер, то есть, спрос возрастает по мере повышения цены [4].

Показное потребление можно рассматривать как двигатель новых трендов, поскольку оно, вызывая у субъекта ощущение роскоши, формирует повышенный спрос на бренд как символ, а также на его ассоциации с качеством товаров и услуг. При этом заинтересованная противоположная сторона – потребители, неспособные следовать демонстративному потреблению, – подражают ему как в повседневной, так и в корпоративной среде. Однако стоит отметить критический момент парадокса Веблена, а именно – узкий фокус на роскоши и пресачивании стандартов от высшего класса к среднему.

Критический момент концепции заключается в том, что развивающееся конвейерное промышленное производство создаёт изобилие товаров и услуг на рынке, вследствие чего товары роскоши перестают отражать статус субъекта в рамках современной социальной реальности. Дальнейшее развитие концепции осуществил французский социолог и философ Пьер Бурдьё. Он акцентировал внимание на снижении связи между перепотреблением, а также на факторах богатства и социального статуса, которые были актуальны в XX веке, но утратили значимость к XXI веку. Вне концепции этот процесс можно рассматривать как аналогичный переходу от модерна к постмодерну, отражающий в рамках исторического развития преемственность прошлого, положившего начало закономерно формирующемуся будущему.

Согласно П. Бурдьё, желания и предпочтения трансформируются в потребности посредством взаимодействия индивидуального выбора и социальных норм. Предпочтения здесь выступают в качестве «социального оружия», отражающего

и поддерживающего иерархию классов, которая обеспечивает между ними и внутри них социальные разграничения.

Потребление П. Бурдьё рассматривает как многомерное пространство, в основе которого лежит «капитал» субъекта. Основными типами капитала в иерархии являются экономический и культурный. Культурный капитал включает в себя знания и опыт. Высокий уровень экономического и культурного капитала становится доминирующим фактором, определяющим предпочтения в обществе и демонстрирующим превосходство и роскошь высшего класса над средним и низшими слоями.

В теории и на практике в условиях современной социальной реальности культурный капитал корпораций, основанный на знаниях об обществе, его мышлении и принципах убеждения, реализуемых через когнитивный дизайн, выступает в качестве эффективного инструмента стратификации, превосходящего демонстративное потребление, описанное Т. Вебленом. Предпочтения каждого субъекта представляют собой форму критики, направленную на отчуждение от чужих вкусов, присущих всем классам, которые стремятся к авторитету высшей группы. Предпочтения изменяются с целью сохранения уникальности, иногда принимая форму регресса в рамках глобальных модных тенденций [7].

Примером регресса эстетики можно считать моду на джинсовые брюки. Первые джинсовые брюки были известны как «парусиновые брюки», созданные американским торговцем из Сан-Франциско Ливаем Страуссом и его портным Джейкобом Дэвисом в 1853 году. Эти брюки первоначально предназначались для рабочих, занятых на золотодобывающих приисках в США, но со временем претерпели смену статуса от рабочей одежды к элементу повседневного гардероба в 1940-е годы. В послевоенный период джинсы стали символом протеста и стремления к освобождению от традиционных социальных норм. К 1980-м годам, утратив символику протеста, джинсовая одежда приобрела статус повседневной и стала меняться под влиянием модных тенденций [11].

Так, в 1980-х годах преобладал зауженный крой, затем в 1990-х – модели с высокой посадкой, за ними последовали джинсы с низкой посадкой и клёш 2000-х годов. В дальнейшем с периодической сменой тенденций мода колебалась между прямым и зауженным классическим кроем, а к 2025 году вновь актуальными стали модели с низкой посадкой, прямые и чрезмерно свободные брюки с объёмными штанинами. Таким образом, джинсовые брюки стали примером эффекта «просачивания» моды, согласно описанию П. Бурдьё.

Будучи частью обширной материальной культуры, они стали отражать социальные изменения. Эти изменения проявляются в формировании



символов, ассоциирующихся с преобразованиями политической среды, изменении стереотипного мышления и исторического контекста. Через свою концепцию Пьер Бурдьё вводит понятие деформационного изменения субъектов посредством потребления, ведущего к формированию «потребительских классов», лишённых единой идентичности или объединяющего фактора, кроме борьбы за капитал. Эти классы группируются по сочетаниям экономического и культурного капитала, которые влияют на их вертикальное положение и горизонтальную дифференциацию потребностей, отражающую различия и предпочтения внутри схожих групп.

П. Бурдьё рассматривает потребление как возможность достижения «обычного стандарта» или комфортного уровня жизни, обусловленного габитусом субъекта. Габитус – это система ценностей и устойчивая предрасположенность индивида, действующая как призма, формирующая мировоззрение и суждения, а также восприятие мира, основанное на привычках и манере поведения. Привычки потребления задают норму поведения, приемлемую в рамках определённого социального класса потребителей. Габитус, выступая в качестве внутреннего ориентира, самопроизвольно следует собственным нормам и ориентирам, образующимся на основе внешних факторов. Тем временем субъект осознанно выбирает способ демонстрации своего статуса, оперируя знаками и символами, отражающими в первую очередь экономический и культурный уровень потребления в обществе [7].

Всё вышеописанное характеризует субъективную логику показного потребления товаров и услуг. Следование же стереотипам подражания можно рассматривать как самопроизвольную норму потребностей габитуса, сформированную под воздействием общественного мнения. Это позволяет утверждать объективность выбора субъекта с учётом конкретной ситуации, а также субъективность выбора с точки зрения общей логики в рамках потребления. Вне рамок показного потребления теория П. Бурдьё описывает объективную сторону увеличения спроса и формирования сообществ «по интересам» внутри классов общества потребления.

Другим эффектом, дополняющим логику принципа показного потребления Т. Веблена и расширяющим теорию П. Бурдьё, является эффект «подражания», сформулированный немецким философом и социологом Георгом Зиммелем. Эффект подражания в обществе потребления, по Г. Зиммелю, отражает стремление человека к «телеологическому» (от греч. *telos* – цель и *logos* – учение), подразумевающему идеалистическое учение, в соответствии с которым вся история мира это результат целесообразно действующих сил,

направляющих жизнь к предустановленной конечной цели [12].

Этой целью можно считать стремление к единичному, обособленному, личному самовыражению. Так, в книге «Созерцание жизни» 1996 года, Г. Зиммель, описывая глубинное понятие жизни как явление, которое стремится выйти за свои пределы, но сталкивается с противоборствующей силой. Это можно сопоставить с личностью человека и его желаниями. В каждом действии субъекта скрыто нечто, ждущее полного выражения. Через противоречия проявляется единство жизни: внутреннее стремление стремится за пределы видимого. Эта относительность может только ощущаться. Ментально это проявляется как стремление к всеобщему и одновременно единичному. Всеобщее даёт покой, а обособленность придаёт динамику собственным стремлениям [5, с. 266]. В общем счете жизнь субъекта представляет собой стремление к стабильности, единству и равенству наряду с желанием перемен и уникальности. Выражением этой уникальности является подражание. Подражание здесь определяется как психологическое наследие свободного субъекта, чья деятельность целенаправленна, осмысленна и имеет предшествующую основу [5, с. 267].

Подражание освобождает субъекта от выбора и позволяет следовать тенденциям. Оно характерно для личности, действующей целесообразно, но ещё не сформировавшей уникальность. Чувства личности придают стремление к цели, то есть, телеологичность. Желание подражать обеспечивает стабильность, но препятствует развитию уникальности, тормозя формирование индивидуальной идентичности и способствуя становлению однотипного общества потребления. Мода в данном контексте представляет собой цикличное подражание определённому образу и одновременно служит опорой для субъекта при осуществлении выбора. Мода сама по себе вносит разнообразие во временной перспективе, при этом оставаясь стратифицированной по вертикали социальных классов, от высшего к низшему, что согласуется с расширенной версией теории П. Бурдьё, где социальная стратификация определяется экономическим капиталом [5, с. 268].

Исходя из этого, утверждение Г. Зиммеля отражает вечную дилемму между уникальностью и обыденностью, при этом современные социальные институты выступают формой их реализации и достижения общего согласия. В настоящее время выравнивание социальных категорий становится более заметным, а мода утрачивает свою функциональную целесообразность, поскольку воспринимается как искусственная и лишённая органичности. Тем не менее в стремлении поддерживать единство субъект изменяет собственную индивидуальность, следуя модным шаблонам [9].



Эти шаблоны, в конечном счёте проецируемые на личность, делают её похожей на других субъектов общества потребления, создавая внутренний конфликт, порождаемый подражанием и выражающийся в отсутствии чёткого видения собственной идентичности. Роль социальных классов потребления в концепции Г. Зиммеля играет определяющую роль: если высший класс задаёт тенденции в моде и других изменениях, а средний класс адаптируется к ним, то низший класс подражает среднему, что в конечном счёте вынуждает высший класс вносить новые изменения.

Всё это допустимо, поскольку мода касается лишь внешней, поверхностной стороны жизни, где иррациональность не наносит вреда. Согласно философии Г. Зиммеля, мода – это железная маска, скрывающая истинное лицо, а одежда может выполнять эту функцию, разделяя чувства и внешнюю сторону существования. Мода как инструмент, помогающий корректировать фигуру, является важным аспектом для понимания гуманистических действий и восприятий, а также осознания значимости телесности для адекватной оценки своих жизненных возможностей [14].

Таким образом, объективная концепция, в основе которой лежит чрезмерное потребление, сопряжённое с показным и подражающим потреблением, опирается на систему вертикальной иерархии классов, распределённых по экономическому признаку, и горизонтальной дифференциации видов потребления. В основе этой системы – культурный капитал, созданный символами, нормами и ценностями. Это ведёт к последовательному ускорению потребления в ритме модных тенденций, задаваемых высшим классом и распространяющихся до низшего, что вынуждает высшие классы инициировать новые изменения.

Этот бесконечный цикл может регулироваться не только социальной прослойкой кумиров, но и крупными компаниями, чьё влияние велико, а их мнения и инициативы авторитетны. Всё это образует замкнутый круг: модные тенденции распространяются от высших классов к низшим, а итогом смены этих тенденций становится снижение спроса на рынке товаров и услуг. Все перечисленные аспекты в конечном итоге приводят к социальной реальности «общества изобилия» – термину, введённому экономистом Джоном Кеннетом Гэлбрейтом, сторонником теории Т. Веблена. Данный аспект уместен в контексте трансформации социальной реальности общества потребления, однако поскольку в рассматриваемой концепции акцент сделан преимущественно на экономических проблемах, целесообразно анализировать текущие проявления системной стагнации общества.

В историческом контексте понятие «общество изобилия» рассматривается как социально-философский трактат, определяющий *modus vivendi*,

что в переводе с лат. означает «образ жизни». Данное явление представляет собой результат синтеза ранее описанных признаков, таких как непрерывное производство товаров в условиях развитой промышленности, активное применение маркетинговых стратегий для продвижения продукции на рынке и убеждение потребителя в необходимости приобретения товаров под воздействием изменяющихся модных тенденций, внедрения новых технологий и других зачастую убедительных аргументов, поддерживающих высокий уровень перепотребления, что логически ведёт к формированию общества изобилия.

При этом общество находится во власти иллюзии, поскольку для устойчивого развития и процветания необходимо стремление к идеалу «непреходящего всеобщего изобилия».

Основная опасность, с философской точки зрения, в контексте общества изобилия заключается в углублении симулятивного потребления и постоянном производстве материальных и виртуальных благ, которые не способствуют развитию субъекта как личности, стремясь превратить его в шаблонного, пассивного потребителя [10, с. 8–12]. Рост производства и стремление к экономической безопасности остаются ключевыми приоритетами современного общества. Однако экономическое обоснование наращивания выпуска продукции сводится к доминированию в конкурентной борьбе через увеличение темпов роста ВВП. При этом рост не связан с удовлетворением насущных потребностей (борьба с голодом, преодоление кризисов), а ориентирован на удовлетворение привитых обществу потребностей, выходящих за рамки естественных, например, спроса на товары роскоши: деликатесы, дорогую одежду и другие предметы чрезмерного потребления. Эти товары стали новой нормой, и именно на них сегодня ориентируется промышленное производство [10, с. 185–186].

Структурно все изменения в потреблении подчинены циклу, обусловленному динамической сменой глобальных модных тенденций, за которыми следует промышленное производство. Данный процесс объясняется теорией потребительского спроса, основанной на двух ключевых положениях.

1. Потребности не уменьшаются по мере их удовлетворения, так как после естественных потребностей возникают психологические желания, которые невозможно полностью удовлетворить.
2. Желания считаются заданными и неизменными, а задача с точки зрения Дж. Гэлбрейта как экономиста заключается исключительно в поиске способов их удовлетворения, без изучения социальных причин их возникновения [10, с. 189].



На основе изложенных положений возникает проблема ценообразования, решение которой связано с теорией предельной полезности, разработанной в XIX веке экономистами Карлом Менгером, Уильямом Стенли Джевансом и Джоном Бейтсом Кларком. Согласно данной теории, ценность товара определяется дополнительным удовлетворением, получаемым от потребления каждой последующей единицы. Чем выше обыденность товара, например, питьевой воды в условиях развитых стран XXI века, тем более умеренный спрос на данную категорию товаров ограничивает её предельную цену вследствие доступности. Напротив, ограниченная доступность таких товаров, как алмазы, обусловленная высокой стоимостью добычи и обработки, способствует повышению их предельной цены. Для большинства потребителей алмазы являются малодоступными, поэтому удовлетворение от приобретения каждой следующей единицы данного товара существенно велико, что отражается в высокой готовности платить за них.

Таким образом, увеличение доходов индивида в обществе потребления подтверждает закон убывающей предельной полезности, поскольку при низкой цене на товары повседневного спроса потребитель быстро удовлетворяет свои потребности, что приводит к умеренному уровню спроса и, соответственно, к соответствующему объёму производства данных благ [10, с. 191]. В последующем, в силу сложности определения категорий товаров, от теории как объективно точного инструмента отказались в пользу разнообразия ассортимента, а не однотипности количества товаров. Поскольку большой ассортимент формирует у потребителя неограниченный выбор, вследствие чего промышленное производство разнообразных товаров остаётся приоритетом.

В условиях изменяющейся социальной реальности и по мере роста индивидуального дохода потребитель предъявляет требования к новым удобствам и развлечениям помимо удовлетворения базовых потребностей, что обусловлено трансформацией его предпочтений и приоритетов. Несмотря на то что полезность уже приобретённого товара уменьшается согласно принципу «убывающей полезности», это не свидетельствует о снижении значимости данного товара для потребителя в долгосрочной перспективе, поскольку данный процесс зависит от множества внешних, изменяющихся и нестабильных факторов, а также от внутренних хаотичных потребностей [10, с. 194–196].

В конечном итоге Дж. Гэлбрейт утверждает, что несмотря на нестабильность и хаотичность изменяющихся тенденций, спрос на удовлетворение насущных потребностей возрастает, поскольку ассортимент таких товаров расширяется и становится неотъемлемой частью повседневной жизни субъектов общества потребления. Исходя из это-

го, приоритетом промышленного производства является обеспечение товарного изобилия.

Насущность потребностей в повседневной жизни субъекта общества потребления не уменьшается по мере их удовлетворения. Суть насущных потребностей – в их естественном происхождении, идущем от самого субъекта. Следовательно, если потребность была внушена субъекту извне, она не является насущной. Однако она становится таковой в тот момент, когда субъект самостоятельно решает считать её насущной. Исходя из изложенного, если в основе всех процессов лежит воля субъекта, то с объективной точки зрения производство формирует потребности, например, в технологиях или различных материальных товарах, на которые возникает спрос. После появления спроса производство стремится удовлетворить новые потребности, которые оно само и создало. Вместе с тем новые потребности не являются объективной данностью, а представляют косвенный результат деятельности производства.

Другая проблема заключается в том, что потребности могут иметь разную первопричину, в том числе аморальные основания, однако общество стремится найти рациональное обоснование для их удовлетворения. Таким образом формируется цикл, в котором удовлетворение одной потребности порождает возникновение новой [10, с. 197–199]. В этой закономерности промышленное производство выступает в роли наблюдателя со стороны. Так утверждает Джон Мейнард Кейнс в книге «Общая теория занятости, процента и денег», написанной в 1936 году. В своём рассуждении о склонности субъекта к потреблению он упоминает, что сами субъекты, цитата: «могут быть не насыщаемыми: чем выше общий уровень, тем они интенсивнее». Следовательно, чем выше уровень финансового достатка субъекта и чем шире ассортимент, тем больше у субъекта возможность к бесконтрольному потреблению [8, с. 63].

Как отмечает Дж. Гэлбрейт со ссылкой на американского экономиста Джеймса Стембла Дьюзенберри и его труд «Доход, сбережения и теория потребительского поведения» 1949 года, в книге выделяются фрагменты, где говорится, цитата: «Одной из принципиальных социальных целей нашего общества является повышение уровня жизни... Это имеет огромное значение для теории потребления... Стремление получить наилучшие товары начинает жить собственной жизнью. Оно стимулирует рост расходов сильнее, чем сами потребности, на удовлетворение которых нацелены эти расходы» [10, с. 200].

На основании данных суждений можно утверждать, что современное общество потребления формируется не самостоятельно, а исключительно под воздействием системы ценностей и социального статуса. При этом уровень экономического капитала, предоставляющего доступ к пре-



стижным товарам, воспринимается субъектом как абсолютное благо. В рамках данной системы промышленное производство циклично порождает новые потребности, которые абсолютные блага призваны удовлетворять [10, с. 201].

Массовое потребление продукции промышленного производства в реальной и виртуальной среде способствует формированию тенденций, влияющих на внешний облик и моральные устои общества потребления в повседневной жизни. На основе этих тенденций возникают новые типы подражания, которые стимулируют потребление, делая его формой социального взаимодействия и способствуя дальнейшему развитию потребительской культуры.

Заключение

Современное общество и его потребительские практики представляют собой сложную и многогранную структуру, формируемую прежде всего под воздействием процессов, влияющих на повседневный быт обывателей всех классов, а именно: технологических инноваций и социальных изменений. Когнитивный дизайн становится важным инструментом влияния на восприятие товаров и услуг, их предпочтений и стимулов потребления, создавая условия для демонстративного потребления как способа самовыражения и утверждения социального статуса, следуя логике габитуса – как набора чувств, привычек, моделей поведения и, главное, потребления.

Промышленное производство сменяет тенденции, снижая актуальность вещей, создавая потребность приобретать новые вследствие сменяющейся моды, изменяя нормы, статусы и престижность вещей. Этот процесс порождает циклы, в которых удовлетворение одной потребности влечёт за собой возникновение новой, что подчёркивает влияние культурных и экономических факторов на потребительское поведение. Учёт этических аспектов потребления также становится актуальным, поскольку многие потребности могут оказаться ложными или деструктивными: они были сформированы посредством суждений и приоритетов, исходящих из общественного мнения, а не личного опыта.

Таким образом, изучение динамики потребления и его влияния требует в дальнейшем комплексного подхода, который охватывает экономические, культурные и психологические аспекты, создавая основу для более глубокого понимания процессов, происходящих в современном обществе.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. Вступит. статья к.э.н. С.Г. Сорокиной. Об-

- щая редакция д.э.н. В.В. Мотылёва, Москва: Издательство «Прогресс», 1984, 368 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
3. Воля Е.В. Престижное потребление как фактор развития мирового рынка предметов роскоши // Пространство экономики. 2008. № 4–3. 33–36 с.
4. Гладких Т. Парадоксы спроса и предложения: как работают эффекты Веблена и Гиффена // BCS Express. – 2025. – 23 апреля. – URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/paradoksy-sprosa-i-predlozheniia-kak-rabotaiut-effekty-veblena-i-giffena#component2> (дата обращения: 21.02.2026).
5. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М.: Юрист, 1996. 607 с.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
7. Кучеренко Е.А. Теория показного потребления Т. Веблена через призму концепции П. Бурдьё // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 101–103.
8. Кейнс, Дж.М. Экономические возможности наших внуков / Дж.М. Кейнс; Пер. с англ. Д. Шестаков // Вопросы экономики. – 2009 – № 6. – 60–69.
9. Михалева К.Ю. Концепции моды в классической социологической теории: часть первая (г. Спенсер, г. Зиммель, Ж. -г. Тард) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 68–84.
10. Общество изобилия / Джон Кеннет Гэлбрейт [перевод с английского; науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов]. – М.: Олимп-Бизнес, 2018. – 404 с.
11. Рахимов М. История джинсов: как они изменились за 150 лет // Газета.Ru. – 2024. – 26 февраля. – URL: <https://www.gazeta.ru/style/2024/02/26/18331657.shtml> (дата обращения: 23.02.2026).
12. Термин: «Телеологический». Толковый словарь Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=7656> (дата обращения: 25.02.2026).
13. Хамидуллина К.Р. Исследовательская стратегия демонстративного поведения Т. Веблена // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 41–46.
14. Zarebazakabadi, G. George Simmel's philosophy of fashion / Ghazale Zarebazakabadi. – 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/339124470_George_Simmel's_philosophy_of_fashion (дата обращения: 02.03.2026).



CONSUMER SOCIETY: THE INFLUENCE OF CONSPICUOUS CONSUMPTION AND THE PRINCIPLE OF IMITATION ON DECISION-MAKING

Egorov S.A.

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)

The article examines consumer society through the lens of T. Veblen's theory of the leisure class, where «conspicuous consumption» serves as a means of achieving prestige and reinforcing status, accompanied by the squandering of time and resources. P. Bourdieu expands on this idea, highlighting the impact of internal habitus – a system of values shaped by external cognitive influences – leading to the «imitation» effect declared by G. Simmel, and the cyclical change of fashion trends imposed by the upper class. Regardless of financial income or social status, individuals remain dependent on consumer practices, expressed in an endless internal drive for a comfortable and fashionable life, the image of which is constantly imposed and altered by trends in culture, science, politics, and many other areas. Global industrial production creates and sustains incentives in consumer practices that ultimately regulate the relationships and appearance of society.

Keywords: consumer society, conspicuous consumption, prestige, habitus, imitation, fashion trends, cyclicity, social status, industrial production, well-being.

References

1. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. Translated from English. Introductory article by Candidate of Economic Sciences S.G. Sorokina. Edited by Doctor of Economic Sciences V.V. Motylev. Moscow: Progress Publishers, 1984. 368 p.
2. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. Moscow: Progress, 1984. 367 p.
3. Volya E.V. Prestigious consumption as a factor in the development of the global market for luxury goods // Space of Economics. 2008. № 4–3. pp. 33–36.
4. Gladkikh, T. Paradoxes of Supply and Demand: How the Veblen and Giffen Effects Work // BCS Express. – 2025. – April 23. – URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/paradoksy-sprosa-i-predlozheniya-kak-rabotaiut-effekty-veblena-i-giffena#component2> (accessed: 21.02.2026).
5. Simmel G. Selected Works. Volume 2. Contemplation of Life. Moscow: Yurist, 1996. 607 p.
6. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankratz Yu.G., Luzina L.G. A Brief Dictionary of Cognitive Terms / Edited by E.S. Kubryakova. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University, 1996. 245 p.
7. Kucherensko E.A. The Theory of Conspicuous Consumption of T. Veblen through the Prism of the Concept of P. Bourdieu // Theory and Practice of Public Development. 2013. № 8. pp. 101–103.
8. Keynes, J.M. Economic Possibilities for Our Grandchildren / J.M. Keynes; transl. from English by D. Shestakov // Voprosy Ekonomiki. – 2009. – № 6. – pp. 60–69.
9. Mikhaleva K. Yu. Concepts of Fashion in Classical Sociological Theory: Part One (H. Spencer, G. Simmel, J.-G. Tarde) // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2011. № 3. pp. 68–84.
10. The Affluent Society / John Kenneth Galbraith [translated from English; scientific editor of the Russian edition S.D. Bodrunov]. – Moscow: Olimp-Business, 2018. 404 p.
11. Rakhimov M. The History of Jeans: How They Changed Over 150 Years // Gazeta.Ru. 2024. February 26. URL: <https://www.gazeta.ru/style/2024/02/26/18331657.shtml> (accessed: 23.02.2026).
12. Term: «Teleological.» Ushakov's Explanatory Dictionary. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=7656> (accessed: 25.02.2026).
13. Khamidullina K.R. The Research Strategy of Conspicuous Behavior of T. Veblen // Izvestiya Saratov University New Series. Series Sociology. Political Science. 2015. № 1. pp. 41–46.
14. Zarebazakabadi, G. George Simmel's Philosophy of Fashion / Ghazale Zarebazakabadi. – 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/339124470_George_Simmel's_philosophy_of_fashion (accessed: 02.03.2025).



Трансформация рынка занятости в период реформы цифровизации: региональный аспект

Иванов Роман Викторович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: history2002@bk.ru

В статье рассматриваются направления трансформации занятости в Российских регионах под влиянием процессов цифровизации. В первой части статьи на основе анализа государственной программы «Труд и занятость» выявляются проблемы, возникающие на рынке труда – обесценивание традиционных профессий, рост безработицы, нелегальная занятость, и как следствие дефицит квалифицированных сотрудников в отдельных регионах, на примере ситуации в Иркутской области.

Во второй части статьи выявляются положительные и отрицательные направления, проявляющиеся в результате практического применения реформы цифровизации в России на основе регионального опыта. Актуализируется экономическая сущность занятости населения в использовании труда для достижения экономических целей и улучшения жизни людей.

Ключевые слова: цифровизация, рынок занятости, цифровые технологии, специалисты, трансформация.

Введение

Актуальность цифровой трансформации на рынке труда в России в эпоху развития цифровизации связана с необходимостью повысить качество образования и развить программы профессиональной подготовки, сфокусированные на цифровых навыках. Выявление новых цифровых навыков у работников создает условия для более эффективного взаимодействия работодателей и сотрудников. Влияние цифровых технологий на рынок занятости проявляется в различных формах.

Цель статьи: выделить направления трансформации рынка труда и занятости в условиях цифровизации на региональном уровне.

Задачи, поставленные в статье:

- определить и проанализировать социальные и экономические основы рынка труда и занятости населения;
- определить понятие и провести оценку влияния цифровизации на показатели рынка труда в Иркутской области;
- определить проблемы и предложить направления совершенствования рынка труда и занятости Иркутской области.

В работе над статьей, теоретическую основу исследования составили труды современных отечественных ученых Г.И. Абдрахмановой, А. Акмямедовой, Г.Д. Данилина, П. Экяева, Г.Г. Меликьян, А.В. Швецова, А.Р. Байчерова и других, исследовавших проблемы трансформации рынка труда в эпоху цифровизации. Обращаясь к феномену цифровизации ученые, исследователи Ярославского государственного педагогического университета Л.Н. Данилова, Т.В. Ледовская, Н.Э. Сольнин, А.М. Ходырев считают что, как в отечественной так и в зарубежной науке отсутствует обоснованное и конкретное понимание цифровизации [7]. Анализировались вопросы социальной безопасности Р.Г. Ардашев, А.Н. Адилов [20, 21], новых условий цифровизации и просоциального поведения (О.А. Полюшкевич [22–24], П.А. Баев [25–29]).

В процессе написания статьи использованы логический, системно-структурный методы, метод сравнительного анализа, горизонтальный метод анализа, метод статистического анализа. Статистические данные предоставляют информацию о численности занятого населения, безработице, распределении занятости по отраслям и другим социально-экономическим характеристикам; ана-

лиз отчетности организаций включает анализ отчетности и статистических данных от работодателей и организаций в регионе (данные о количестве работников, их заработной плате, типах трудовых контрактов и других характеристиках занятости); непосредственное наблюдение и анализ ситуации на рынке труда в регионе; анализируются вакансии, объявления о работе, спрос и предложение рабочей силы, а также другие факторы, влияющие на занятость и безработицу; разработка статистических и эконометрических моделей для прогнозирования занятости в регионах на основе исторических данных и факторов, влияющих на трудовую ситуацию.

Основная часть

Разработка таких моделей позволяет определить тенденции и прогнозировать изменения в занятости в будущем. Она способствует экономическому росту, снижению безработицы и повышению уровня благополучия государства и общества в целом.

Оценивая влияние цифровизации на улучшение качества жизни людей в России на фоне современных вызовов в экономической и политической сферах, исследователи Т.О. Графова и С.А. Сагайдак высказывают точку зрения о созидательной и стимулирующей роли экономических и политических угроз в купе с эффектом применения «технологических инноваций стимулируют рост цифровой экономики» [6, с. 58].

При этом важно отметить, что обеспечение полной занятости населения в современных условиях не представляется возможным, что объясняется тем, что научно-технический прогресс одновременно является как фактором, способствующим повышению занятости и экономическому росту в целом, так и фактором возникновения безработицы. По данным Всемирного экономического форума на период с 2023 по 2028 год – «44% профессиональных навыков работников будут обесценены в результате технологического прогресса» [4].

Исследователи Дудина К.К., Куликова Г.А., оценивая динамику развития рынка занятости отмечают, что «рынок испытывает дефицит квалифицированных кадров в IT, инженерии и производстве» [8, с. 67]. Это позволит людям приобрести компетенции, необходимые для работы в цифровом мире и получить доступ к формальному рынку труда.

Под влиянием цифровизации профессиональные навыки с точки зрения работодателей значительно уступают так называемым гибким навыкам (soft skills). Соотношение между ними по результатам исследований составляет: «85% – успех в работе приносит использование гибких навыков, 15% – использование профессиональных навыков» [1, с. 29].

Цифровизация влияет на неофициальную занятость и может увеличить теневую экономику, уровень безработицы, повлиять на выбор профессий – появление принципиально новых специальностей или частичный отказ от традиционных специальностей. По данным исследователей Института McKinsey Global уже в 2030 году «375 миллионов работников, составляющих 14% мировой рабочей силы» [11] вынуждены будут искать новую профессию и переподготовку под влиянием цифровизации.

В результате цифровые технологии стимулируют появление на рынке труда большего количества возможностей для неофициальной, скрываемой занятости, как указывают исследователи Катульский Е.Д., Щипанова Д.Г., Гурина Е.А. и Арбаев Г.Э., оценивая динамику роста неформальной занятости, к конкретным представителям которой относятся: «самозанятые, фермеры, члены домохозяйств, помогающих в семейном бизнесе» [10, с. 203].

В Иркутской области развиваются цифровые технологии и инновации, растут затраты организаций на внедрение цифровых технологий, увеличивается оборот организаций, специализирующихся в области информации и связи.

На повышение числа, занятых в области в том числе оказало влияние и рост занятых в области информации и связи, но влияние на занятость в данном случае незначительное, так как в Иркутской области выявлен существенный рост занятости в сфере строительства и транспортировки, а также наибольшая востребованность профессий в данных направлениях.

Высокие квалификационные требования и конкурсный отбор гарантируют профессионализм кадров и благоприятные условия труда, заключающиеся в стабильной заработной плате и соблюдении требований Закона о государственной гражданской службе и Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах государственной гражданской службы Иркутской области».

По состоянию на 2025–26 год на рынке занятости в Иркутской области существует дефицит именно среди квалифицированных работников. В Иркутске есть учебные заведения, готовящие специалистов для государственной гражданской службы. Многие молодые люди становятся государственными служащими, потому что их привлекает стабильность и возможность карьерного роста.

В соответствии с целями государственной программы «Труд и занятость»: снижение коэффициента напряженности на рынке труда, снижение удельного веса рабочих мест, на которых по результатам специальной оценки условий труда установлены вредные и опасные условия труда, снижение уровня зарегистрированной безработицы; в Иркутской области выявлен высокий уро-



вень производственного травматизма и неблагоприятные условия труда на рабочих местах.

Задачи Государственной программы «Труд и занятость», реализуемой в 2019–2024 годах:

- модернизация условий и охраны труда на предприятиях, расположенных на территории Иркутской области, и, как следствие, снижение уровня производственного травматизма и профессиональной заболеваемости;
- содействие занятости населения и социальная поддержка безработных;
- обеспечение реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637, для социально-экономического развития и улучшения демографической ситуации в Иркутской области;
- повышение эффективности государственного управления в сфере труда и занятости населения.

Повышение налогов оказывает негативное влияние на экономическую активность и способствует уклонению от уплаты налогов в неформальном секторе экономики. Значимой угрозой является нестабильность экономической ситуации в стране, осложнение международных отношений. Также для рынка труда в Иркутской области характерно нежелание молодёжи осваивать трудовые профессии и получать образование. В целом в России всего треть молодого обучается в вузах.

Такая ситуация наблюдается не только в Иркутской области, это связано с заработной платой, предлагаемой молодым людям, а также со сложностями трудоустройства сразу после окончания учебного заведения. «При этом происходит сокращение в разрыве между заработной платой работников, проживающих в центре, и трудовыми доходами работников периферии» [14, с. 390].

Также для Иркутской области характерно отсутствие информирования населения и работодателей через СМИ, Интернет, средства наглядной агитации и т.д. Многие люди, оставшись без работы, просто не знают, как действовать дальше.

В центры занятости обращается только часть безработных. Остальные пытаются справиться своими силами. Однако, как указывает исследователь М.Г. Рустамова, цифровизация формирует новые вызовы и требования и прежде всего актуализируется проблема развития системы поддержки в сообществах, «коммуникации и работы в команде» [12, с. 107].

Агитация помогла бы большему количеству людей узнать о возможности обратиться в Центр занятости. Это позволило бы сделать ситуацию на рынке труда более прозрачной. Было бы проще составлять статистические данные. Как от-

мечает современный исследователь рынка труда А.И. Бексултанова цифровизация стимулирует разработку «поддерживающих методик и практик» для стабилизации структуры занятости [2, с. 81].

Что касается безработицы, цифровизация может создавать как новые возможности на рынке труда (например, в сфере информационных технологий), так и уничтожать традиционные рабочие места из-за автоматизации и цифровой трансформации. Исследователи В.М. Шаповал, М.А. Раевский акцентируют внимание на создании под влиянием цифровизации «новых профессиональных областей» [18, с. 153] и развитие у специалистов принципиально иных навыков.

Среди современных исследователей оценка проблемы безработицы под влиянием цифровизации на краткосрочный период демонстрирует процесс «развития структурной безработицы», как считают Е.В. Рытова и Е. Харковска и лишь «среднесрочной и долгосрочной перспективе рынок труда может приспособиться к процессам цифровизации» [17, с. 187].

В зоне риска на рынке в российских регионах находятся профессии, которые, как указывают в своих исследованиях в 2025–26 годов М.Л. Ермакова и Н.А. Дикун занимаются монотонной работой с повторяющимися алгоритмами, «такие как водители, продавцы, бухгалтеры, охранники и т.д.» [9, с. 36].

Выводы

К положительным направлениям цифровизации на региональный рынок труда Иркутской области можно отнести эффекты, как:

- увеличение занятости путем привлечения специалистов ИТ-сферы в регион, развития образования в данной сфере;
- создание новых профессий, ранее не существовавших (специалист по облачным сервисам, разработчик приложений, менеджер социальных сетей и др.), как отмечают исследователи Ч. Уссаев и К. Атаниязова: «цифровизация не только разрушает старые профессии, ... появляются профессии, в области программирования, кибербезопасности, анализа данных, управления системами искусственного интеллекта и другие» [15, с. 107];
- использование электронных площадок для выявления талантливых сотрудников, оценивая ожидания работодателей отечественные исследователи А.В. Швецова и А.Р. Байчерова акцентируют внимание на том что в целом в современной России существует потребность не только в работниках, знающих и умеющих, но тех, «кто способен креативно мыслить, быть профессионалом в нескольких областях, гово-



рять на иностранных языках, саморазвиваться и самосовершенствоваться» [19, с. 35].

Оценивая отрицательные направления, возникающие под непосредственным влиянием цифровизации для рынка труда в России современные авторы А.А. Халидов, Э.М. Магомадов, А.А. Амирова, исследуя факторы, препятствующие устойчивому развитию цифровых технологий указывают на: «запаздывание в принятии и внедрении цифровых инноваций, несущественная инвестиционная активность и отсутствие достаточного уровня цифровой квалификации среди населения» [16, с. 35].

Для Иркутской области среди отрицательных сторон цифровизации в сфере занятости включают:

- развитие и рост инновационных и нелегальных форм занятости, «благодаря цифровой трансформации популяризируется онлайн-формат или гибридный формат работы» [3];
- сокращение рабочих мест среднего уровня квалификации в периоды спадов в ходе внедрения труд сберегающих технологий, данную точку зрения подтверждают исследования З.А. Годоевой, утверждающей что цифровая трансформация фатально влияет на рабочих со средним уровнем квалификации вплоть до их исчезновения [5, с. 643];
- неравномерное распределение цифровых навыков по направлениям и отраслям.

Применение предложенных направлений и мер поможет создать благоприятные условия для снижения роста неформальной занятости в Иркутской области в условиях развития цифровизации, будет способствовать развитию занятости в результате развития образования и навыков населения в сфере цифровых технологий, привлечению высококвалифицированных специалистов в регион,

В период 2022–2025 гг. в Иркутской области выявлено также увеличение количества занятых в экономике и числа работников в организациях области, наибольшее увеличение занятых выявлено в отрасли строительства, транспортировки и хранения. Также увеличилось число занятых в области информации и связи, но это не оказывало существенного влияния на рост занятости в регионе.

По данным Центра опережающей профессиональной подготовки на 2025–26 год, в Иркутской области дефицит профессий наиболее остро проявляется «в производстве, электроэнергетике, здравоохранении и образовании» [13].

В качестве направлений совершенствования рынка труда и занятости в эпоху цифровизации в Иркутской области предложено увеличение затрат на обучение цифровым компетенциям и переподготовку кадров, повысить качество образования и развить программы профессиональной

подготовки, сфокусированные на цифровых навыках, создать меры поддержки бизнеса по открытию специальных образовательных школ, кружков, специализирующихся на IT-направлениях, развитие сотрудничества Иркутской области с другими регионами для обмена опытом, знаниями и технологиями и другие.

Предложенные направления позволят предупредить рост неформальной занятости в Иркутской области в условиях развития цифровизации, будут способствовать развитию занятости в результате развития образования и навыков населения в сфере цифровых технологий, привлечению высококвалифицированных специалистов в регион, повышению уровня занятости и снижению безработицы населения в Иркутской области.

Литература

1. Анашенков И.В. Влияние цифровизации экономики на востребованность компетенций на современном рынке труда России // Вестник Академии знаний. 2025. № 6 (71). С. 28–30.
2. Бексултанова А.И. Цифровизация и ее влияние на рынки труда // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104–5. С. 79–81.
3. Белорусов А.С. Кузнецова В.А. Надточий Ю.Б. Влияние цифровой трансформации на рынок труда в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 6 (часть 1) С. 28–36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3492> (дата обращения: 26.03.2026).
4. Всемирный экономический форум 2023. Отчет о будущем рабочих мест 2023 года: Отчет-обзор (май 2023). [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf]. (дата обращения: 09.03.2026).
5. Годоева З.А. Влияние цифровизации на рынки труда: методология анализа и оценка // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 5. С. 640–648.
6. Графова Т.О., Сагайдак С.А. Цифровизация экономики и ее влияние на развитие рынка труда // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2024. № 3 (56). С. 54–60.
7. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солянин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.
8. Дудина К.К., Куликова Г.А. Влияние цифровизации на структуру и динамику российского рынка труда // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Инфор-



- мационные технологии. 2025. № 2 (26). С. 64–68.
9. Ермакова М.Л., Дикун Н.А. Влияние цифровизации экономики на рынок труда регионов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2025. № 2. С. 31–41.
 10. Катульский Е.Д., Щипанова Д.Г., Гурина Е.А., Арбаев Г.Э. Современные тенденции развития российского рынка труда // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1. С. 198–212.
 11. Маника Дж., Потерянные и появившиеся рабочие места: Переходы в рабочей силе в период автоматизации / Дж. Маника, М. Чуй, М. Миремади, Дж. Бугин, К. Джордж, П. Уилмотт, М. Дьюхерст // McKinsey Global Institute 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.voced.edu.au/content/ngv:78297]. (дата обращения: 11.03.2026).
 12. Рустамова М.Г. Влияние цифровизации на трансформацию рынка труда / В сборнике: VI Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям. Сборник статей конференции. Екатеринбург, 2024. С. 105–108.
 13. Сайт Центра опережающей профессиональной подготовки: Аналитическая справка: Кадровый рынок Иркутской области по данным портала «Работа в России». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://copp38.ru/sites/default/files/2025-12/Аналитическая%20справка_Работа%20в%20России_ноябрь%202025%20г.pdf. (дата обращения: 26.03.2026).
 14. Тагаров Б.Ж. Влияние цифровой экономики на занятость населения в условиях экономического неравенства между территориями // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 3. С. 388–395.
 15. Уссаев Ч., Атаниязова К., Акмурадова Г. Влияние цифровизации на рынок труда: трансформация профессий и изменение спроса на навыки // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 2. № 10–1. С. 106–109.
 16. Халидов А.А., Магомадов Э.М., Амирова А.А. Цифровизация экономики и ее влияние на рынок труда // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 18. № 12 (153). С. 30–36.
 17. Харковская Е., Рытова Е.В. Влияние цифровизации на безработицу на рынке труда / В сборнике: Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. Сборник трудов всероссийской научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях. 2020. С. 182–187.
 18. Шаповал В.М., Раевский М.А., Комар В.О. Влияние цифровизации на рынок труда / В сборнике: Детерминанты развития экономики и общества в условиях глобальных изменений. Сборник статей II международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 151–156.
 19. Швецова А.В., Байчерова А.Р. Влияние цифровизации на рынок труда // Colloquium-Journal. 2021. № 10–2 (97). С. 34–36.
 20. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Обеспечение социальной безопасности в условиях деkonsolidации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 133–137.
 21. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
 22. Полюшкевич О.А. Просоциальное самоопределение молодежи // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира. Сборник научных трудов Четвертой международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 366–370.
 23. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
 24. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики и качество жизни // II Международная научная конференция «Качество жизни населения промышленных территорий в эпоху неопределенности». Набережные Челны, 2024. С. 751–755.
 25. Баев П.А. Социальные последствия цифровизации труда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 4. С. 387–392.
 26. Баев П.А. Трудовые трансформации в условиях виртуализации общества: вызовы и перспективы // Социология. 2025. № 6. С. 30–34.
 27. Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
 28. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // Социология. 2024. № 7. С. 37–42.
 29. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.

TRANSFORMATION OF THE EMPLOYMENT MARKET DURING THE DIGITALIZATION REFORM: A REGIONAL ASPECT

Ivanov R.V.
Irkutsk State University

The article examines the directions of employment transformation in Russian regions under the influence of digitalization processes. In the first part of the article, based on the analysis of the state program



«Labor and Employment», problems arising in the labor market are identified – the depreciation of traditional professions, rising unemployment, illegal employment, and as a result, a shortage of qualified employees in certain regions, using the example of the situation in the Irkutsk region.

The second part of the article identifies the positive and negative trends that appear as a result of the practical application of digitalization reform in Russia based on regional experience. The economic essence of employment of the population is actualized in the use of labor to achieve economic goals and improve people's lives.

Keywords: digitalization, employment market, digital technologies, specialists, transformation.

References

1. Anashenkov I.V. The Impact of Digitalization of the Economy on the Demand for Competencies in the Modern Russian Labor Market // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025. № 6 (71). Pp. 28–30.
2. Beksultanova A.I. Digitalization and its Impact on Labor Markets // *Trends in the Development of Science and Education*. 2023. № 104–5. Pp. 79–81.
3. Belorusov A.S., Kuznetsova V.A., Nadtochiy Yu.B. The Impact of Digital Transformation on the Labor Market in Russia // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. № 6 (Part 1) Pp. 28–36. [Electronic resource]. Access mode: <https://vael.ru/ru/article/view?id=3492> (date accessed: 26.03.2026).
4. World Economic Forum 2023. The Future of Jobs Report 2023: Overview Report (May 2023). [Electronic resource]. Access mode: [https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf]. (Date accessed: 09.03.2026).
5. Godoeva Z.A. The Impact of Digitalization on the Labor Market: Methodology of Analysis and Assessment // *Current Issues of Modern Economics*. 2023. № 5. pp. 640–648.
6. Grafova T.O., Sagaydak S.A. Digitalization of the Economy and Its Impact on the Development of the Labor Market // *Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2024. № 3 (56). Pp. 54–60.
7. Danilova L.N., Ledovskaya T.V., Solynin N.E., Khodyrev A.M. Main Approaches to Understanding Digitalization and Digital Values // *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020. Vol. 26, № 2. Pp. 5–12.
8. Dudina K.K., Kulikova G.A. The Impact of Digitalization on the Structure and Dynamics of the Russian Labor Market // *Bulletin of the Educational Consortium Central Russian University. Information Technologies*. 2025. № 2 (26). Pp. 64–68.
9. Ermakova M.L., Dikun N.A. The Impact of Digitalization of the Economy on the Regional Labor Market // *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*. 2025. № 2. pp. 31–41.
10. Katulsky E.D., Shchipanova D.G., Gurina E.A., Arbaev G.E. Modern Trends in the Development of the Russian Labor Market // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2023. № 1. pp. 198–212.
11. Manyika J., Jobs Lost and Gained: Labor Force Transitions in the Age of Automation / J. Manyika, M. Chui, M. Miremadi, J. Bughin, K. George, P. Wilmott, M. Dewhurst // McKinsey Global Institute 2017 [Electronic resource]. Access mode: [<https://www.voced.edu.au/content/ngv:78297>]. (Accessed: 11.03.2026).
12. Rustamova M.G. The Impact of Digitalization on the Transformation of the Labor Market / In the collection: VI International Scientific Conference on Interdisciplinary Research. Collection of conference papers. Ekaterinburg, 2024. pp. 105–108.
13. Website of the Center for Advanced Professional Training: Analytical report: The personnel market of the Irkutsk region according to the portal «Work in Russia». [Electronic resource]. Access mode: https://copp38.ru/sites/default/files/2025-12/Аналитический%20справка_Работа%20в%20России_ноябрь%202025%20г.pdf. (Accessed: 26.03.2026).
14. Tagarov B. Zh. The Impact of the Digital Economy on Employment in the Context of Economic Inequality between Territories // *Bulletin of the Baikal State University*. 2019. Vol. 29. № 3. pp. 388–395.
15. Ussaev Ch., Ataniyazova K., Akmuradova G. The Impact of Digitalization on the Labor Market: Transformation of Professions and Changing Demand for Skills // *Symbol of Science: International Scientific Journal*. 2024. Vol. 2. № 10–1. pp. 106–109.
16. Khalidov A.A., Magomadov E.M., Amirova A.A. Digitalization of the economy and its impact on the labor market // *Economy and management: problems, solutions*. 2024. Vol. 18. № 12 (153). Pp. 30–36.
17. Kharkovska E., Rytova E.V. The impact of digitalization on unemployment in the labor market / In the collection: Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade. Collection of papers of the All-Russian scientific and educational-practical conference. In 3 parts. 2020. Pp. 182–187.
18. Shapoval V.M., Raevsky M.A., Komar V.O. The impact of digitalization on the labor market / In the collection: Determinants of the development of the economy and society in the context of global changes. Collection of articles of the II international scientific and practical conference. Moscow, 2024. Pp. 151–156.
19. Shvetsova A.V., Baichero A.R. The Impact of Digitalization on the Labor Market // *Colloquium-Journal*. 2021. № 10–2 (97). Pp. 34–36.
20. Ardashev R.G., Adilov A.N. Ensuring Social Security in the Context of Deconsolidation of Society // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects*. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2026. Pp. 133–137.
21. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // *Sociology*. 2025. № 7. Pp. 6–11.
22. Polyushkevich O.A. Prosocial self-determination of youth // Expert institutions in the context of building a safe world. Collection of scientific papers of the Fourth International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 366–370.
23. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 28–31.
24. Polyushkevich O.A. Prosocial practices and quality of life // II International scientific conference «Quality of life of the population of industrial territories in the era of uncertainty». Naberezhnyye Chelny, 2024. Pp. 751–755.
25. Baev P.A. Social consequences of the digitalization of labor // *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2025. Vol. 25. № 4. Pp. 387–392.
26. Baev P.A. Labor transformations in the context of the virtualization of society: challenges and prospects // *Sociology*. 2025. № 6. Pp. 30–34.
27. Baev P. A., Kopalkina E.G. Labor guidelines of young people: virtual conditions // *Sociology*. 2024. № 5. Pp. 31–38.
28. Baev P.A. Labor Values and Orientations of Regional Youth in the Context of Digitalization // *Sociology*. 2024. № 7. Pp. 37–42.
29. Baev P.A. Virtualization and Digitalization of Professions and Labor // *Sociology*. 2024. № 9. Pp. 159–163.



Социальные архитектуры в социологии управления: четырехслойная модель и диагностический протокол анализа управляемости

Калмыков Николай Николаевич,

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России
E-mail: kalmykov@kalmykovnn.ru

Статья посвящена объяснению управляемости социальных процессов через конфигурацию социальной среды, а не только через институты и управленческие решения. Цель – представить социоархитектоническую модель социальных архитектур как инструмент социологии управления и минимальный диагностический протокол выявления межслоевых дисбалансов. Методологически исследование основано на концептуальном моделировании и операционализации четырехслойной структуры среды (институциональный, пространственный, нормативно-семиотический, цифровой слои) и механизма перехода от среды к паттернам и траекториям. В результате предложены критерии когерентности архитектурной конфигурации, рабочая группировка вариантов социальных архитектур по доминирующему слою и протокол диагностики (слой – признаки – данные – управленческие выводы), продемонстрированный на мини-кейсе цифровой образовательной среды. Практическая значимость работы заключается в интерпретации управления как редизайна распределения возможностей и ограничений среды, включая цифровые правила и метрики.

Ключевые слова: социология управления; социальные архитектуры; социальная среда; социальное пространство; управляемость; когерентность; диагностика; цифровое управление; четырехслойная модель; редизайн среды.

Введение

Данная статья представляет собой развитие социоархитектонического подхода в социологии управления и выносит в самостоятельную публикацию один из элементов более широкой исследовательской программы – аналитическую модель социальных архитектур и диагностический протокол их анализа. В отличие от диссертационного исследования, статья фокусируется исключительно на теоретико-методологической модели и ее применимости для анализа управляемости социальных процессов.

Управляемость социальных процессов в социологии управления чаще всего описывается через институты, нормы, организационные структуры и инструменты директивного воздействия. В условиях усложнения социальной среды и ускорения институциональных, технологических и культурно-нормативных изменений возрастает роль косвенных («средовых») механизмов координации: устойчивые эффекты воспроизводятся через конфигурации условий доступа и участия, распределение возможностей и ограничений, каналы коммуникации и интерпретации, контуры обратной связи, механизмы легитимации, а также цифровые интерфейсы и метрики.

Проблема состоит в том, что при анализе управляемости нередко фиксируются отдельные инструменты и решения, однако причинные источники устойчивых паттернов и траекторий остаются неясными. В результате управленческие вмешательства оказываются точечными, а эффекты – ограниченными и нередко сопровождаются обходными практиками.

Слабость исключительно институциональных или нормативных объяснений проявляется в тех ситуациях, когда формально корректные правила не дают ожидаемого результата из-за несогласованности инфраструктуры, символических рамок допустимости или цифровых процедур. Поэтому для задач социологии управления принципиально важно сместить фокус с отдельных регуляторов на конфигурацию среды, в которой распределяются возможности действия, издержки участия и режимы обратной связи. В этой логике управление рассматривается не только как регулятивное воздействие, но и как редизайн конфигурации среды, задающей вероятностное поле социальных практик.

Цель исследования – представить модель социальных архитектур как инструмента социологии

управления и предложить диагностический протокол, позволяющий выявлять межслойные дисбалансы и проектировать модульные вмешательства.

Метод и методология – концептуальное моделирование и операционализация на основе синтеза теорий социального пространства и практик, институционального анализа управленческих режимов и исследований цифрового управления. Методологическая процедура включает: (1) концептуализацию объекта «социальная архитектура»; (2) выделение слоев и наблюдаемых признаков; (3) построение механизма перехода от среды к паттернам и траекториям; (4) конструирование диагностического протокола и критериев когерентности.

Разработка модели опирается на ряд предыдущих исследований автора, посвященных анализу управляемости и институциональных механизмов в государственной и социокультурной сфере [1–3].

Тем самым статья не пересказывает диссертационное исследование, а выносит в самостоятельный формат его теоретико-методологическое ядро: модель социальной архитектуры, механизм перехода от среды к траекториям и диагностический протокол, ориентированный на управленческое применение.

Научная новизна заключается в: (1) операциональном определении социальной архитектуры как управленчески значимой конфигурации среды; (2) формализации четырехслойной модели; (3) описании причинного механизма перехода от среды к траекториям; (4) разработке минимального диагностического протокола и рабочей группировки вариантов архитектур по доминирующему слою.

Материалы и методы исследования

Статья не ставит задачу построения формального классификатора по режимам координации, многоуровневой модели микро–мезо–макроконфигураций или интегральной диагностической методологии как самостоятельного предмета исследования. В центре внимания находятся базовая четырехслойная модель среды и ее применение к задачам социологии управления.

Подходы к социальному пространству исходят из того, что пространство является социально производимым порядком, связанным с практиками, распределением ресурсов и воспроизводством правил [4, 5]. Теории практик показывают, что устойчивость порядка обеспечивается повторяемыми схемами действия и условиями их осуществимости, включая материальные и символические компоненты, а также габитуальные структуры поведения акторов [6, 7].

Институциональный анализ задает язык правил, ограничений и стимулов: институциональные

режимы меняют вероятности действий, распределяют санкции и формируют «стоимость» участия [8, 9]. В организационной социологии подобные режимы рассматриваются также через взаимодействие акторов и систем коллективного действия [10]. Вместе с тем схемы учета и классификаций, повышающие управляемость и измеримость, могут порождать непреднамеренные эффекты и стимулы к обходу [11, 12].

Цифровизация усиливает процедурную сторону управления: интерфейсы, алгоритмы отбора и метрики обратной связи становятся самостоятельными архитектурными механизмами распределения возможностей и ограничений [13–16]. Это требует включения цифрового слоя в социологический анализ управляемости.

Тем самым институциональный анализ, теория практик и исследования цифрового управления задают важные, но частичные ракурсы. Первый фиксирует правила и стимулы как рамку действия, второй – воспроизводимые схемы действия и габитуальные структуры, третий – процедурную силу платформенных интерфейсов и метрик. Однако эти подходы используют разные единицы анализа и потому не исчерпывают задачу объяснения управляемости социальных процессов. Для этого требуется модель, позволяющая рассматривать институциональные, практические и цифровые измерения как взаимосвязанные элементы единой конфигурации среды.

Социальная архитектура определяется как проектируемая и воспроизводимая конфигурация многослойной социальной среды, которая через распределение возможностей и ограничений, режимов доступа и участия, правил интерпретации и обратной связи задает вероятностное поле сценариев целевых групп и формирует устойчивые паттерны взаимодействия. В рамках данной статьи социальное пространство рассматривается как наблюдаемая конфигурация отношений, доступов и ограничений, социальная среда – как совокупность условий действия, а социальная архитектура – как проектируемая конфигурация этих условий, значимая для управляемости социальных процессов.

Архитектура понимается как конфигурация условий, а не статичный «каркас»; ее эффекты носят эмерджентный характер и зависят от межслойной когерентности либо дисбалансов. В этом смысле социальная архитектура может рассматриваться как сеть гетерогенных элементов среды – институтов, артефактов, инфраструктур и цифровых процедур, совместно формирующих режимы действия [17].

Результаты и обсуждение

Такое понимание важно в управленческом отношении: архитектура выступает не только объектом



описания, но и объектом проектирования и целенаправленного вмешательства. Она задает те условия, которые делают одни практики вероятными и воспроизводимыми, а другие – затратными, маргинальными или конфликтными. Архитектуры динамичны и коэволюционируют с действиями акторов; несогласованность слоев может усиливать контрконтроль и обходные практики, тогда как их когерентность повышает предсказуемость и устойчивость управленческих эффектов.

В целях диагностики и сопоставимости вводится четырехслойная модель.

1. Институциональный слой – правила, процедуры, режимы санкционирования, регламенты доступа [8, 9].
2. Пространственный слой – материальная организация среды, инфраструктура, барьеры и каналы доступа.
3. Нормативно-семиотический слой – рамки легитимации, коды допустимости, интерпретационные ожидания [18].
4. Цифровой слой – интерфейсы доступа, правила видимости, алгоритмические режимы ранжирования, метрики и контуры обратной связи [13–16].

Ключевой объект анализа – согласованность слоев: дисбалансы (например, несоответствие институциональных целей цифровым метрикам или инфраструктурным возможностям) могут повышать вероятность имитационных либо стратегически адаптационных практик и обходов и тем самым увеличивать издержки контроля.

Среда не детерминирует поведение напрямую; она структурирует вероятности и «стоимость» действий. Понятие аффордансов позволяет описать, какие действия становятся доступными и экономичными в конкретной конфигурации [19]. На этой основе стабилизируются паттерны как повторяемые практики [7]. На уровне траекторий проявляются накопительные эффекты: устойчивые последовательности включенности/исключения, воспроизводство преимуществ и ограничений, закрепление режимов участия.

В предлагаемой модели управляемость определяется тем, насколько архитектура поддержи-

вает воспроизводимые паттерны и поведенческие стратегии акторов, согласованные с целями управления, и минимизирует структурные стимулы к обходу.

Тип исследования – теоретико-методологическое исследование в области социологии управления, направленное на концептуализацию и операционализацию аналитической модели социальных архитектур. Предлагаемый диагностический протокол предназначен для выявления конфигуративных условий воспроизводства социальных практик и их возможной управленческой трансформации.

Диагностика социальных архитектур направлена на выявление свойств конфигурации и степени межслоевой когерентности.

Единица анализа: архитектурная конфигурация (система/подсистема/режим), например режим доступа к услуге или режим цифровой видимости.

Критерии когерентности (минимальный набор): согласованность стимулов; предсказуемость процедур и санкций; прозрачность и подотчетность процедур (особенно цифровых) [13]; символическая легитимация [18]; совместимость инфраструктуры и регламентов. Эти критерии выбраны потому, что именно они позволяют связать описание среды с управленческим решением: показать, где архитектурная конфигурация поддерживает целевые практики, а где сама порождает барьеры, конфликты интерпретации и стимулы к обходу.

Протокол диагностики (этапы): (1) картирование слоев; (2) выявление распределения возможностей/ограничений; (3) фиксация паттернов; (4) реконструкция траекторий; (5) формулирование диагноза и точек вмешательства. Диагностика в данном случае выступает не только способом описания конфигурации, но и инструментом выбора точек управленческого вмешательства.

Результаты представлены в форме модели, рабочей группировки вариантов архитектур и операционализации.

Рабочая группировка вариантов архитектур (основание: доминирующий слой) (табл. 1).

Таблица 1. Рабочая группировка вариантов социальных архитектур и управленческий фокус

Тип архитектуры	Доминирующий слой	Ключевые признаки	Типовые риски	Управленческий фокус
Институционально-доминирующая	Институциональный	высокая формализация, санкционирование, сложные процедуры доступа	рост издержек контроля; имитационность при слабой поддержке иных слоев	упрощение процедур; согласование стимулов и инфраструктуры
Пространственно-инфраструктурная	Пространственный	барьеры/каналы доступа; территориальная асимметрия; «стоимость участия» задается инфраструктурой	невидимые исключения; закрепление неравенств доступа	повышение доступности; перенастройка маршрутов/точек сервиса

Тип архитектуры	Доминирующий слой	Ключевые признаки	Типовые риски	Управленческий фокус
Нормативно-семиотически-доминирующая	Нормативно-семиотический	сильная легитимация и рамки допустимости; символические санкции	разрыв «норма – практика»; слабая исполнимость без процедур	согласование правил и коммуникации; работа с легитимацией
Цифрово-процедурная	Цифровой	регуляция через интерфейсы, ранжирование, метрики; автоматизация обратной связи	непрозрачность; воспринимаемая несправедливость; контроль	подотчетность процедур; ревизия метрик и правил видимости [13]

Примечание: рабочая группировка предназначена для первичного диагноза и выбора модульной стратегии изменений.

Источник: составлено автором.

Операционализация слоев: ключевой инструмент – матрица «слой – признаки – данные – управленческие выводы». Она применяется на этапе первичного диагноза архитектурной конфигурации и позволяет соотносить наблюдаемые признаки среды с типом управленческого вмешательства. Практическая ценность матрицы заключается в том, что она переводит абстрактное описание среды в набор наблюдаемых индикаторов и тем самым делает возможным выбор конкретного модуля вмешательства – регулятивного, инфраструктурного, коммуникационного или цифрового.

В качестве иллюстрации применимости диагностического протокола используется модельный пример цифровой образовательной среды университета. Мини-кейс основан на типовых регламентах и правилах функционирования систем управления обучением (Learning Management System, LMS), применяемых в университетской практике, а также на общедоступных принципах цифровой организации учебного процесса. Пример носит демонстрационный характер и предназначен для иллюстрации применения диагностического протокола.

Диагностика мини-кейса разворачивается в несколько шагов. Сначала картируются институциональные, пространственные, нормативно-семиотические и цифровые элементы среды: локальные регламенты обучения, правила оценивания и допуска, инфраструктурные условия участия, интерфейсы и метрики LMS. Затем выявляется распределение возможностей и ограничений: какие формы активности считаются значимыми, какие каналы обратной связи доступны, какие барьеры создаются для участников с различными ресурсами доступа.

На следующем этапе фиксируются паттерны: ориентация на действия, которые оптимизируют показатели активности, перенос части коммуникации в неформальные каналы и появление стратегий адаптации к цифровым процедурам. Это позволяет реконструировать траектории включенности и исключения: одни группы получают устойчивые преимущества за счет более благоприятного сочетания цифровых и инфраструктурных усло-

вий, другие сталкиваются с накоплением ограничений.

В результате выявляется конфигурация типа «цифрово-процедурная» с дисбалансом: цифровые метрики и правила доступа доминируют при недостаточной инфраструктурной и нормативно-семиотической поддержке. В качестве точек вмешательства предлагаются модульные меры: ревизия метрик и правил допуска, усиление прозрачности и подотчетности процедур [13], инфраструктурные компенсации доступа и коммуникационный модуль легитимации правил (апелляции, пояснение критериев справедливости).

Мини-кейс не заменяет эмпирическую верификацию; его функция – показать перевод диагностических выводов в управленческие решения и требования к данным для полноценного исследования. В полном эмпирическом дизайне материалом для такой диагностики выступали бы регламенты, интерфейсы платформ, цифровые логи, документы, наблюдение и интервью.

Предложенная модель дополняет существующие подходы к анализу управляемости социальных процессов. В отличие от институционального анализа, фокусирующегося преимущественно на правилах и формальных институтах, социоархитектонический подход рассматривает управляемость как результат конфигурации среды, включающей институциональные, пространственные, символические и цифровые элементы. В отличие от теорий социальных практик, где основной единицей анализа выступают повторяющиеся действия акторов, предложенная модель акцентирует внимание на условиях, в которых такие практики становятся вероятными. Наконец, по сравнению с исследованиями платформизации и цифрового управления, цифровой слой интерпретируется не как внешний технологический фактор, а как один из структурных элементов социальной архитектуры, сопоставимый с институциональными и пространственными компонентами.

Ограничения статьи связаны с теоретико-методологическим характером результата: диагностика фиксирует вероятностные эффекты и конфигуративные условия, а причинные выводы требуют динамических данных, сопоставления



случаев и/или оценки изменений до/после вмешательства.

Выводы

Обосновано понимание социальных архитектур как проектируемых конфигураций многослойной среды, причиннозначимых для управляемости социальных процессов. Показано, что четырехслойная модель (институциональный, пространственный, нормативно-семиотический, цифровой слои) позволяет выявлять межслойные дисбалансы как источники имитационности, обходных практик и роста издержек контроля. Предложен механизм перехода от среды к паттернам и траекториям, связывающий дизайн среды с воспроизводством устойчивых практик и накопительных эффектов включенности и исключения. Разработан диагностический протокол и критерии когерентности, обеспечивающие перевод теоретической модели в управленческое решение; тем самым управление интерпретируется как редизайн распределения возможностей и ограничений среды, включая цифровые правила и метрики. Вклад статьи в социологию управления состоит в смещении аналитического фокуса от изолированных инструментов воздействия к конфигурации среды как носителю управленческого эффекта, а перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенной модели, последующей разработкой более детализированных классификационных схем и созданием индикаторных конструкций когерентности для различных управленческих контекстов.

Литература

1. Борщевский Г.А., Калмыков Н.Н. Современные приоритеты профессионального развития государственных гражданских служащих // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 4. С. 550–569. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-4-550-569.
2. Калмыков Н.Н., Кацаурова С.Ю. Состояние российской культуры: тренды, проблемы, решения // *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 1. С. 149–168. DOI: 10.18334/ce.11.1.37270.
3. Калмыков Н.Н., Краснопольский И.А. Кадровый резерв в системе государственной службы: эффективность и возможности // *Лидерство и менеджмент*. 2016. Т. 3. № 4. С. 221–231. DOI: 10.18334/lim.3.4.37367.
4. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984.
5. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991.
6. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
7. Schatzki T.R. *Social Practices: A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
8. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
9. Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
10. Crozier M., Friedberg E. *Actors and Systems: The Politics of Collective Action*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
11. Bowker G.C., Star S.L. *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
12. Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.
13. Diakopoulos N. Accountability in algorithmic decision making // *Communications of the ACM*. 2016. Vol. 59. № 2. P. 56–62. DOI: 10.1145/2844110.
14. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. New Haven: Yale University Press, 2018.
15. Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 14–29. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1154087.
16. van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
17. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
18. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books, 1967.
19. Gibson J.J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Psychology Press, 2014. DOI: 10.4324/9781315740218.

SOCIAL ARCHITECTURES IN MANAGEMENT SOCIOLOGY: A FOUR-LAYER MODEL AND A DIAGNOSTIC PROTOCOL FOR THE ANALYSIS OF GOVERNABILITY

Kalmykov N.N.

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The paper explains governability in social processes through the configuration of the social environment rather than through institutions and managerial decisions alone. It aims to present a socio-architectonic model of social architectures as a tool of management sociology and a minimal diagnostic protocol for detecting cross-layer imbalances. The study employs conceptual modelling and operationalization of a four-layer environmental structure (institutional, spatial, normative-semiotic, digital) and the mechanism of transition from environment to patterns and trajectories. The results include coherence criteria for architectural configurations, a working grouping of architectural variants based on the dominant layer, and a di-



agnostic protocol (layer – indicators – data – managerial implications) illustrated via a mini-case of a digital educational environment. The practical contribution lies in interpreting governance as a redesign of the distribution of environmental opportunities and constraints, including digital rules and metrics.

Keywords: management sociology; social architectures; social environment; social space; governability; coherence; diagnosis; digital governance; four-layer model; environmental redesign.

References

1. Borshchevsky G.A., Kalmykov N.N. Modern priorities of professional development of state civil servants // *Ars Administrandi (Art of Management)*. 2017. T. 9. № 4. С. 550–569. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-4-550-569.
2. Kalmykov N.N., Katsaurova S. Yu. The state of Russian culture: trends, problems, solutions // *Creative Economy*. 2017. T. 11. № 1. С. 149–168. DOI: 10.18334/ce.11.1.37270.
3. Kalmykov N.N., Krasnopol'sky I.A. Personnel reserve in the system of state civil service: efficiency and opportunities // *Leadership and Management*. 2016. T. 3. № 4. С. 221–231. DOI: 10.18334/lm.3.4.37367.
4. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984.
5. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991.
6. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
7. Schatzki T.R. *Social Practices: A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
8. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
9. Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
10. Crozier M., Friedberg E. *Actors and Systems: The Politics of Collective Action*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
11. Bowker G.C., Star S.L. *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
12. Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.
13. Diakopoulos N. Accountability in algorithmic decision making // *Communications of the ACM*. 2016. Vol. 59. № 2. P. 56–62. DOI: 10.1145/2844110.
14. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. New Haven: Yale University Press, 2018.
15. Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 14–29. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1154087.
16. van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
17. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
18. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books, 1967.
19. Gibson J.J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Psychology Press, 2014. DOI: 10.4324/9781315740218.

Оценка «S»-фактора в методиках ESG-рейтингования российских компаний в устойчивом развитии

Николаев Даниил Дмитриевич,

аспирант, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: nikolaevdd09@mail.ru.

Использование разнородных определений терминов и методик приводит к ситуациям, при которых одна и та же компания может одновременно рассматриваться как социально ответственная в устойчивом развитии и как демонстрирующая низкий уровень устойчивости. Данное противоречие ставит под сомнение не только объективность ESG-рейтингов, но и саму возможность их использования в качестве достоверного инструмента измерения вклада компаний в устойчивое развитие общества.

В статье автором конкретизировано понятие и классифицированы индикаторы методик оценки «S»-фактора ESG по трем направлениям социального воздействия: внутреннему, внешнему локальному и внешнему глобальному. Исследована корректность оценки фактора «S» в актуальных методиках ESG-рейтингования российских компаний с точки зрения устойчивого развития. Проанализированы актуальные методики ESG-рейтингования по направлениям социального воздействия.

Выявлена зависимость между количеством оцениваемых параметров внутренней социальной устойчивости компании и степенью соответствия методики оценки целям устойчивого развития, что позволило сформулировать выводы для дальнейших исследований в области оценки социального фактора в ESG-повестке российских компаний. Перспективы изучения данной темы связаны с развитием объективности и достоверности оценки социального фактора деятельности компаний, а также повышения релевантности методик ESG-рейтингования российских компаний по целям устойчивого развития.

Ключевые слова: социальный фактор ESG («S»-фактор), ESG в устойчивом развитии, методика ESG-рейтингования, оценка «S»-фактора.

Введение

В 2006 году разработанные Принципы ответственного инвестирования ООН (UN PRI) легли в основу ESG-концепции, ставшей инструментом интеграции деятельности частных компаний в повестку устойчивого развития. В практике ESG-оценки компаний внимание, как правило, в равных долях сосредоточено на экологических показателях, поддающихся количественному измерению, на формальных аспектах корпоративного управления и оценке социального фактора. При этом риски корпоративного управления и экологические риски не являются автономными по отношению к социальному фактору. Напротив, они в значительной степени детерминированы качеством социального взаимодействия внутри организации и за её пределами [1]. Экологические нарушения, управленческие ошибки, коррупция и другие проблемы, как правило, имеют в своей основе человеческий фактор – особенности организационного поведения, системы мотивации, ценностных установок и социальных норм. Деятельность бизнеса изначально встроена в систему социальных отношений, норм и институтов, определяющих рамки легитимного поведения, поэтому факторы «E» и «G» не могут быть эффективно реализованы без соответствующего уровня социальной вовлечённости, профессиональной компетентности сотрудников, развитой корпоративной культуры и доверия со стороны стейкхолдеров.

Признание социального фактора в качестве базового элемента ESG-концепции, актуализирует вопрос не только его значимости, но и корректности методик его оценки. Если социальный фактор действительно выступает фундаментом реализации экологических и управленческих практик, то методика его измерения должна быть соотносима с более широкими целями устойчивого развития, выходящими за рамки корпоративных интересов. В противном случае ESG-оценка рискует ограничиться формальной фиксацией отдельных параметров, не отражающих реального воздействия бизнеса на общество.

В этой связи особую значимость приобретает анализ того, в какой мере используемые в ESG-рейтинговании параметры оценки социального фактора ориентированы на достижение целей устойчивого развития, а не на фиксацию краткосрочных социально-экономических и социально-экологических эффектов. С социологической

точки зрения принципиально важно определить, оценивают ли применяемые при оценке параметры структурные изменения, направленные на достижение целей устойчивого развития, либо они преимущественно направлены на демонстрацию краткосрочных результатов, не оказывающих долгосрочного воздействия на развитие общества. Расхождение между анализируемыми параметрами в рамках оценки «S»-фактора и фактическим содержанием целей устойчивого развития может существенно ограничивает аналитическую достоверность ESG-оценок.

В данной статье автор преследует цель анализа фактора «S» в актуальных методиках ESG-рейтингования российских компаний, применяемых авторитетными российскими экспертными структурами. Решаются следующие задачи: 1) проанализировать оценку «S»-фактора в актуальных методиках ESG-рейтингования российских компаний; 2) классифицировать индикаторы в методиках ESG-рейтингования для оценки «S»-фактора; 3) диагностировать методики оценки «S»-фактора с точки зрения соответствия индикаторов целям устойчивого развития.

Научный обзор

ESG-рейтинги сегодня занимают важное место в глобальной повестке устойчивого развития, выступая инструментом независимой оценки деятельности компаний. По информации, предоставленной международной аудит-консалтинговой корпорацией KPMG, на глобальном рынке функционируют около 160 агентств, занимающихся либо непосредственным формированием ESG-рейтингов, либо сбором и распространением аналитики на основе соответствующих данных [2]. Российский рынок также демонстрирует вовлечённость в данный процесс. Оценки в сфере ESG-повестки предоставляются как традиционными кредитными агентствами, так и различными организациями нефинансового и финансового сектора.

ESG-рейтинги в России за последние 2–3 года превратились из нишевого инструмента в крупную индустрию оценивания корпоративного устойчивого развития [3]. Это связано с ростом спроса со стороны инвесторов и уходом ряда международных рейтинговых агентств в начале 2022 г. В то же время на рынке возник значительный спектр методик с разной степенью прозрачности, предметами и целями оценки.

Несмотря на кажущуюся очевидность смыслов, закладываемых в концепцию ESG, рейтинговые агентства используют разные определения и наборы параметров для оценки ESG-факторов, что создает проблему формирования универсального теоретико-методологического подхода к оценке социального фактора.

«Национальное кредитное агентство» рассматривает ESG как совокупность трех компонентов – экологии, социальной ответственности и корпоративного управления. Рейтинговое агентство «НРА» интерпретирует ESG через призму практического вклада компаний в достижение ЦУР, интеграции экологических и социальных факторов в деятельность Организации, а также зрелости практик корпоративного управления, учитываемых институциональными инвесторами и финансирующими организациями в своих инвестиционных стратегиях и кредитных политиках. Рейтинговый консорциум RAEX в методике присвоения ESG-рейтинга определяет ESG как комплекс факторов устойчивого развития, относящихся к управлению экологическими, социальными и корпоративными рисками, нивелирование которых позволяет достичь более устойчивого развития объекта рейтингования.

Аналогичная проблема прослеживается и при анализе определений «S»-фактора концепции ESG. Так, «Национальное кредитное агентство» рассматривает фактор S как сокращение от термина Social, определяя его как социальную ответственность организации и обозначая в методике как «социальный компонент». «Национальное рейтинговое агентство» расширяет данную трактовку, связывая фактор «S» с влиянием деятельности организации на социальную составляющую устойчивого развития организации, а также с управлением возникающими социальными рисками организации [4]. В методологии агентства «Эксперт РА» акцент смещается преимущественно на риск-ориентированный подход, где социальный фактор рассматривается через призму рисков, связанных с нарушением прав человека либо нанесением ущерба интересам общества [5]. В материалах Банка России социальный фактор представлен в обобщённом виде и рассматривается как одна из трёх ключевых составляющих ESG-рейтинга наряду с экологическими и управленческими аспектами [6]. Анализ определений ключевых операторов рынка ESG-рейтингования показывает, что термин «социальный фактор» в ESG-концепции также не является единым, а варьируется от общего понимания социальной ответственности до детализированной оценки влияния деятельности организаций на общество и управления социальными рисками.

Проведенный обзор актуальных российских исследований ESG-концепции показывает, что российская научная дискуссия об ESG в большей степени ориентирована на экономическую теорию и теорию корпоративного управления. ESG рассматривается как инструмент управления рисками [7], повышения инвестиционной привлекательности [8] и реализации регуляторных требований [9]. В результате социальный фактор ESG трактуется преимущественно как управленческая или отчетная категория, а не как социологическое



явление, связанное с воспроизводством социальной устойчивости и формированием социального капитала. Данная проблема указывает на необходимость дальнейшего осмысления «S»-фактора именно в рамках социологической теории и концепции устойчивого развития.

В рамках данной статьи предлагается следующая классификация векторов деятельности компаний в рамках «S»-фактора реализации концепции ESG. Социальное воздействие компании в рамках ESG проявляется через три взаимосвязанных вектора, каждый из которых отражает различные уровни влияния на общество и достижение целей устойчивого развития. Первый вектор связан с внутренней устойчивостью организации. Высокая оценка «S»-фактора означает, что компания способствует укреплению доверия и социальной сплочённости среди работников, формирует ценностно-нормативную основу корпоративной культуры и повышает способность организации воспроизводить устойчивые институциональные модели. Второй вектор отражает влияние деятельности компании на локальные сообщества и ближайшее окружение, включая социальную поддержку семей сотрудников, взаимодействие с партнёрами и вклад в развитие местных сообществ. С социологической точки зрения данный вектор формирует социальный капитал, снижает вероятность возникновения конфликтов и укрепляет горизонтальные и вертикальные связи, необходимые для стабильной деятельности компании. Третий вектор проявляется на макроуровне, где деятельность компании способствует глобальной устойчивости, а также поддержке целей устойчивого развития – справедливому распределению ресурсов, снижению социальных и институциональных рисков, а также формированию доверия к экономическим и социальным институтам общества в целом.

Методология исследования

Для целей настоящего исследования были отобраны методики ESG-рейтингования рейтинговых агентств «Эксперт РА», «Национальное Рейтинговое Агентство» и «Национальные Кредитные Рейтинги», поскольку они в наибольшей степени отражают ключевые подходы в российской ESG-оценке. Выбранные агентства имеют развитую методологическую базу, а также рассматриваются Банком России в качестве ключевых при анализе российского рынка ESG-рейтингования [6]. Их методики различаются: 1) по целям рейтингования; 2) структуре и набору показателей; 3) способам интерпретации социального фактора, что позволяет провести сравнительный анализ оценки «S»-фактора с точки зрения устойчивого развития. Другие методики ESG-оценки российских компаний не были включены в анализ в силу их ограниченной распростра-

нённости, фрагментарности раскрываемых данных либо концептуального сходства.

В качестве алгоритма оценки вышеперечисленных методик ESG-рейтингования в части их соответствия целям устойчивого развития использован следующий метод расчета.

1. Выписаны все факторы, учитываемые в расчете методик ESG-рейтингования агентств.
2. Для каждого фактора выполнена оценка воздействия компании на общество с точки зрения устойчивости развития и присвоен соответствующий коэффициент – значение «0» для сиюминутных благ, не имеющих долгосрочного положительного социального эффекта и значение «1» для факторов, имеющих долгосрочный положительный социальный эффект. Также следует отметить, что оценка выставлена для каждого оцениваемого параметра фактора «S».
3. Для каждой методики вычислено итоговое зна-

чение по формуле $\frac{\sum_{N}^i X_i}{N}$, где X_i – оценка i-го

фактора, учитываемого агентством в методике оценки «S»-фактора, N – кол-во факторов, учитываемых агентством в методике оценки «S»-фактора.

Для анализа методик оценки «S»-фактора ESG с точки зрения направленности социального воздействия применен следующий метод оценки.

1. Для каждой методики ESG-оценки создана матрица оценки вектора воздействия.
2. В матрицу внесены все параметры, учитываемые рейтинговым агентством в оценке «S»-фактора ESG-рейтингования, и три вектора воздействия.
3. Для каждого параметра выполнена оценка воздействия компании на общество по направленности вектора воздействия компании и присвоен соответствующий коэффициент: значение «1» для подходящих граф и значение «0» для неподходящих граф.
4. По итогам оценки подведен итог, вычисляе-

мый по формуле $\frac{\sum_{N}^i X_i}{N}$, где X_i – i-ый параметр,

учитываемый агентством при оценке «S»-фактора, N – кол-во параметров, учитываемых агентством при оценке «S»-фактора.

Итоговая матрица имеет следующий вид (табл. 1).

Таблица 1. Матрица оценки «S»-фактора по направленности социального воздействия

Оцениваемый в методике параметр фактора S	Внутренняя устойчивость компании	Внешнее локальное воздействие	Вклад в устойчивое развитие общества
Параметр 1	1	0	0

Оцениваемый в методике параметр фактора S	Внутренняя устойчивость компании	Внешнее логическое воздействие	Вклад в устойчивое развитие общества
Параметр 2	0	1	0
...	...	...	...
ИТОГО	... %	... %	... %

В проведенном исследовании были рассмотрены:

- 1) методика присвоения ESG-рейтингов компаниям и финансовым институтам (вер.3.2), утвержденная 19.04.2024 Рейтингового агентства «Эксперт РА» («РАЭК-Аналитика») [5];
- 2) методология присвоения ESG-рейтингов (некредитных рейтингов, оценивающих подверженность организаций экологическим и социальным рискам бизнеса, а также рискам корпоративного управления), вер. 5.0, утвержденная 14.12.2023 г. Национального рейтингового агентства (НРА) [4];
- 3) методология присвоения ESG-рейтингов от 26.06.2024 г. [10] Кредитного рейтингового агентства «Национальные Кредитные Рейтинги» (НКР);

В рамках исследования было выполнено сравнение обобщенных параметров, оцениваемых в составе «S»-фактора при ESG-рейтинговании.

В методике агентства «Эксперта РА» при оценке «S»-фактора учитываются следующие параметры: охрана здоровья и охрана труда, привлечение и удержание талантов, разнообразие и инклюзивность, предоставление социальных льгот, соблюдение прав человека, воздействие на местные сообщества, а также социальные риски цепочек поставок. Рейтинговое агентство «НРА» выделяет сопоставимые аспекты, акцентируя внимание на системе мотивации персонала, политике равенства, охране труда, а также на взаимодействии с обществом, клиентами и другими контрагентами. Аналогичный подход применяет агентство «НКР», оценивающее систему мотивации, разнообразие и равенство, охрану труда и технику безопасности, а также взаимодействие с контрагентами и обществом. В модельной методике Банка России социальный фактор рассматривается через четыре направления: систему мотивации персонала, политику равенства, охрану труда и технику безопасности, а также взаимодействие с клиентами и обществом.

После анализа ключевых параметров, включаемых в методики оценки социального фактора ESG различными рейтинговыми агентствами, следующим этапом исследования является рассмотрение алгоритмов вычисления и агрегирования «S»-фактора. Исследование используемых процедур расчета позволяет выявить методологические различия между подходами, определить принци-

пы интеграции отдельных параметров в комплексный показатель и оценить вес отдельных параметров. Анализ включил изучение порядка агрегирования показателей и применения весовых коэффициентов. Далее представлен обзор алгоритмов расчета «S»-фактора в методиках Эксперта РА, НРА, и НКР с указанием ключевых особенностей и специфики их подходов.

Результаты

Методика ESG-оценки рейтингового агентства «Эксперт РА»

Оценка ESG-рейтинга формируется по формуле (формула 1):

$$F_{ESG} = \frac{F_E + F_S + F_G}{3},$$

где F_{ESG} – рейтинговый функционал ESG – рейтинга;

F_E – Рейтинговый функционал по фактору E

F_S – Рейтинговый функционал по фактору S

F_G – Рейтинговый функционал по фактору G

Важно подчеркнуть, что рейтинговое агентство «Эксперт РА» применяет данный показатель в качестве инструмента оценки эффективности управления ESG-рисками. При этом итоговая рейтинговая позиция определяется посредством агрегирования оценок по каждому из трёх ключевых направлений: экологическому («E»), социальному («S») и управленческому («G»).

Особенностью используемой методики является структурирование рейтингового анализа на две ключевые категории: «базовые индикаторы», охватывающие риски, характерные для большинства оцениваемых компаний, и «специфические индикаторы», отражающие риски, актуальные преимущественно для одного или нескольких отраслевых сегментов. Идентификация таких отраслей и соответствующих факторов риска осуществляется с учётом положений международных стандартов финансовой отчётности (IFRS), а также в соответствии с рекомендациями Совета по стандартам в сфере устойчивого развития (SASB). Следует также отметить, что в рамках методики «Эксперт РА» фактор «S» трактуется как «Социальная политика» и вычисляется как сумма оценок каждого параметра с учетом заданного весового коэффициента. Оценка каждого параметра при этом находится в диапазоне от 0 до 100% и является среднеарифметическим от выставленных оценок.

При оценке социального фактора ESG рейтинговое агентство «Эксперт РА» учитывает следующие индикаторы (без учета субфакторов¹).

1. Охрана здоровья и охрана труда: оценивается результативность реализуемых компанией мер и программ, направленных на поддержа-

¹ Субфактор – составной параметр, оцениваемый агентством «Эксперт РА» при расчете «S»-фактора

ние безопасных условий труда, а также анализируется степень полноты раскрытия информации о выявленных профессиональных рисках и предпринимаемых действиях по их снижению.

2. Привлечение и удержание талантов: оценивается уровень развития и эффективность реализуемых корпоративных программ, направленных на привлечение и сохранение талантливых специалистов, а также наличие механизмов выявления соответствующих рисков и стратегии их снижения.
3. Разнообразие и инклюзивность: анализируются эффективность программ по поддержанию разнообразия и инклюзивности в трудовом коллективе, наличие мероприятий по трудоустройству людей с ограниченными возможностями и поддержке соответствующих инициатив.
4. Социальные льготы: рассматривается степень развития корпоративной политики, направленной на обеспечение работников дополнительными социальными льготами, выходящими за рамки установленных законодательством норм, и оцениваются полнота и разнообразие предоставляемого социального пакета.
5. Права человека: исследуется степень сформированности корпоративных норм в сфере прав человека, включая приверженность объекта рейтингования принципам недопущения дискриминации, соблюдения равного вознаграждения за труд и признания права сотрудников на объединение в профессиональные союзы.
6. Местные сообщества: оцениваются корпоративная политика и программы, направленные на развитие отношений с местными сообществами, а также вопросы идентификации и управление рисками, связанными с таким взаимодействием.
7. Социальные риски цепочек поставок: анализируется политика компании в области социального взаимодействия с поставщиками, организация процессов мониторинга их социальной ответственности, выявление рисков, связанных с поставками, и реализация мер по их минимизации.

Методика ESG-оценки рейтингового агентства «Национальное рейтинговое агентство» («НРА»)

ESG-рейтинг в методике «НРА» определяется как выраженное публичное независимое внешнее мнение о профиле рейтингуемого лица (организации или эмитента) – количественных и качественных характеристиках его деятельности в области устойчивого развития на дату присвоения ESG-рейтинга, а также об управлении и подверженности рейтингуемого лица рискам устойчивого развития на горизонте от одного до трех лет.

Оценка ESG-рейтинга рассчитывается как среднеарифметическое компонент E, S и G. Оценка «S»-фактора выполняется на основе анализа следующих параметров.

1. Система мотивации персонала: изучается существующая система мотивации персонала сотрудников (материальная и нематериальная), способствующая повышению производительности труда и сохранению численности сотрудников; в рамках оценки учитываются требования законодательства РФ, в частности – ТК РФ.
2. Политика равенства: оценивается политика обеспечения равного отношения к сотрудникам вне зависимости от пола, возраста, расы, цвета кожи национальности, языка, происхождения, вероисповедания, имущественного, семейного, социального или должностного положения, места жительства, наличия инвалидности, политических или иных убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам.
3. Охрана труда: диагностируется регламентация и периодичность проводимых организацией мероприятий по защите жизни и здоровья сотрудников от воздействия неблагоприятных факторов. Организация охраны труда должна соответствовать установленным законодательством РФ требованиям с целью исключения или максимального сокращения производственных заболеваний, травм, несчастных случаев на производстве.
4. Взаимодействие с обществом и третьими лицами: оценивается приверженность организации принципу социальной ответственности во взаимодействии с внешней средой.
5. Взаимодействие с клиентами и иными контрагентами: анализируется политика взаимоотношения с клиентами, обеспечение качества, безопасности и доступности оказываемых услуг.

Итоговая оценка «S»-фактора по методике «НРА» формируется по формуле:

$$ESG_S = \frac{1}{M} \sum_{j=1}^M E_j,$$

где

ESG_S – Итоговая балльная оценка рейтинга по компоненте E;

E_j – балльная оценка по i-му релевантному элементу компоненты S;

M – Количество релевантных элементов по компоненте S;

Методика ESG-оценки рейтингового агентства «Национальное Кредитное Агентство» («НКА»)

Оценка ESG-рейтинга рассчитывается как среднеарифметическое компонент E, S и G с учетом весовых коэффициентов, указанных в таблице 2.

Таблица 2. Весовые коэффициенты расчета ESG-рейтинга по методике агентства «НKP»

	Нефинансовые компании	Финансово- кредитные компании	РМОВ
Экологическая компонента (E)	30–50%*	20%	30%
Социальная компонента (S)	80% минус вес E-компоненты	40%	40%
Управленческая компонента (G)	20%	40%	30%

*зависит от оценки группы субфакторов «Уровень воздействия на окружающую среду» экологической компоненты для РЛ

Термин «ESG-рейтинг» в методике агентства «НKP» представляет собой некредитный рейтинг и отражает экспертную оценку ООО «НKP» в отношении степени соответствия текущей деятельности и стратегических ориентиров оцениваемого субъекта целям устойчивого развития. В эту оценку включаются такие аспекты, как охрана и восстановление природной среды, соблюдение принципов социальной ответственности, а также развитие корпоративного управления, направленных на достижение указанных целей.

Оценка «S»-фактора анализирует следующие обобщенные показатели.

1. Система мотивации персонала: анализу подлежит действующая система стимулирования персонала, направленная на рост эффективности труда и удержание кадров, в том числе специалистов высокой квалификации.
2. Разнообразие и равенство: соотношение полов и возрастов в штате, выявляя возможные значительные отклонения от среднестатистических показателей по России. Подобные расхождения могут указывать на отсутствие равного отношения к сотрудникам вне зависимости от пола и возраста. Также агентство оценивает наличие признаков гендерного неравенства в уровне заработной платы.
3. Охрана труда и техника безопасности: оценка участия компании в обеспечении производственной безопасности и охраны труда. Оперативное внедрение мер по снижению травматизма на рабочих местах способствует минимизации корпоративных рисков и повышает безопасность персонала.
4. Взаимодействие с контрагентами и обществом: диагностика влияния компании на социально-экономическое развитие регионов её присутствия, учитывая инвестиции в инфраструктурные и социальные инициативы, а также благотворительные затраты.

В методике ESG-рейтингования агентства «Эксперт РА» в части фактора «S» выявлен ряд

проблем, для которых при оценке были выставлены значения «0». При оценке «S»-фактора деятельности компании, агентство уделяет много внимания отчетности:

- Оцениваемая организация предоставляет отчётные данные о достигнутых показателях в области охраны труда и обеспечения промышленной безопасности.
- Компания публикует информацию о реализованных практиках и инициативах, направленных на улучшение условий труда.
- Регулярно раскрываются сведения о ходе и результатах программ, направленных на развитие принципов инклюзивности и разнообразия.
- Обеспечивается доступ к данным по итогам проведённых проверок, касающихся как заявленных инцидентов, так и иных случаев.
- Представлены сведения о доле сотрудников, включённых в коллективные договоры и соглашения.
- Объект рейтинга ежегодно фиксирует объём финансовых затрат, направленных на поддержку и развитие местных сообществ.

По мнению автора, отчетность напрямую не способствует формированию долгосрочного социального эффекта или побуждению общества к устойчивому развитию. При этом в методике оценки указаны смежные субфакторы (например, «Объект рейтинга выделяет бюджет на мероприятия по охране труда и промышленной безопасности»), которые действительно содержательно раскрывают инициативы (В отличие от «Объект рейтинга отчитывается о результатах мероприятий по охране труда и промышленной безопасности.»), реализуемые компанией, для достижения целей устойчивого развития общества.

Также среди оцениваемых методикой агентства «Эксперт РА» факторов автор выделяет следующие субфакторы.

- Объект рейтинга имеет доступный карьерный портал на сайте с возможностью откликнуться на вакансию.

- Наличие политик в сфере социальных льгот сверх гарантированных законодательством.
- Объект рейтинга предоставляет дополнительную помощь/льготы своим сотрудниками и их семьям.
- Наличие случаев социальных нарушений в СМИ в цепочке поставок.

Вышеперечисленные социальные субфакторы, оцениваемые методикой «Эксперт РА», обозначают помощь и заботу компании о сотрудниках, соискателях и партнерах. Однако, данные меры, скорее обозначают предоставление ситуационных благ, а не культивирование устойчивого социума.

Таким образом, методика ESG-рейтингования агентства «Эксперт РА» по итогам анализа автором, набрала 76,14% в части соответствия целям устойчивого развития.

Анализ векторов направленности оценки социального воздействия в методике «Эксперт РА» показал следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3. Матрица анализа оценки «S»-фактора с точки зрения направленности социального воздействия методики «Эксперт РА»

	Внутренняя устойчивость компании	Внешнее локальное воздействие	Вклад в устойчивое развитие общества
Оцениваемые в методике параметры фактора «S»	44,6%	41,9%	13,5%

При анализе методики оценки социального фактора рейтинговым агентством «НКР» («Национальные Кредитные Рейтинги»), автор указал значения «0» для следующих субфакторов.

- Соотношение численности мужчин и женщин.
- Гендерный разрыв в заработной плате.

Само по себе гендерное равенство и расширение прав женщин является одной из целей устойчивого развития, однако при оценке данного параметра в деятельности компании следует учитывать отраслевые особенности – условия труда, среднерыночные показатели и др.

Также автор присвоил значение «0» для субфактора «Израсходовано средств на мероприятия по улучшению условий по охране труда в расчёте на 1 работника, тыс. руб.», т.к. количество израсходованных средств не позволяет оценить эффективность данных мероприятий. Вместе с тем следует отметить, что эффективность данных мероприятий может быть косвенно отражена через другие оцениваемые факторы – например, оценка уровня производственного травматизма (что в свою очередь способствует появлению долгосрочного положительного социального эффекта).

Таким образом, методика ESG-рейтингования агентства НКР по итогам анализа автором, набра-

ла 80,00% в части соответствия целям устойчивого развития.

Анализ векторов направленности оценки социального воздействия в методике агентства «НКР» показал следующие результаты (табл. 4).

Таблица 4. Матрица анализа оценки «S»-фактора с точки зрения направленности социального воздействия методики НКР

	Внутренняя устойчивость компании	Внешнее локальное воздействие	Вклад в устойчивое развитие общества
Оцениваемые в методике параметры фактора S	64,3%	14,3%	21,4%

При анализе методики оценки социального фактора рейтинговым агентством «НРА» («Национальное Рейтинговое Агентство»), автор указал значения «0» для следующих субфакторов.

- Оценка вовлеченности сотрудников.
- Раскрытие информации о среднесписочной численности персонала.
- Раскрытие информации об использовании социальных льгот.

Вышеперечисленные субфакторы по аналогии с методикой агентства «Эксперт РА» оценивают наличие различной отчетности, что не способствует устойчивому развитию социума. Данные параметры оценки компании следует отнести к категории параметров, рассматриваемых при оценке G-фактора.

Также автор присвоил значение «0» следующим субфакторам, оцениваемым методикой агентства «НРА» при оценке социального фактора.

- Наличие программ поддержки / материальной помощи.
- Благотворительность.

Данная оценка субфакторов обусловлена тем, что предоставление поддержки (в т.ч. материальной) для уязвимых слоев общества действительно влияет на представителей социума, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, но не стимулирует его к устойчивому развитию в долгосрочной перспективе.

Аналогично методике агентства «НКР», агентство «НРА» при оценке социального фактора деятельности компании уделяет внимание вопросу гендерного баланса, рассматривая следующие субфакторы.

- Гендерный баланс: соотношение мужчин и женщин по категориям сотрудников.
- Соотношение средних зарплат мужчин и женщин на предприятии.

Вышеперечисленные параметры относятся к целям устойчивого развития, но такая оценка не всегда объективна ввиду наличия отраслевых

особенностей. Для оценки данных субфакторов также присвоены значения «0».

Методика ESG-рейтингования агентства НКР по итогам анализа автором, набрала 86,39% в части соответствия целям устойчивого развития.

Анализ векторов направленности оценки социального воздействия в методике агентства «НКР» показал следующие результаты (табл. 5).

Таблица 5. Матрица анализа оценки «S»-фактора с точки зрения направленности социального воздействия методики агентства «НРА»

	Внутренняя устойчивость компании	Внешнее локальное воздействие	Вклад в устойчивое развитие общества
Оцениваемые в методике параметры фактора S	66,1%	15,3%	18,6%

Так, итоги анализа методик оценки «S»-фактора выглядят следующим образом (рис. 1).

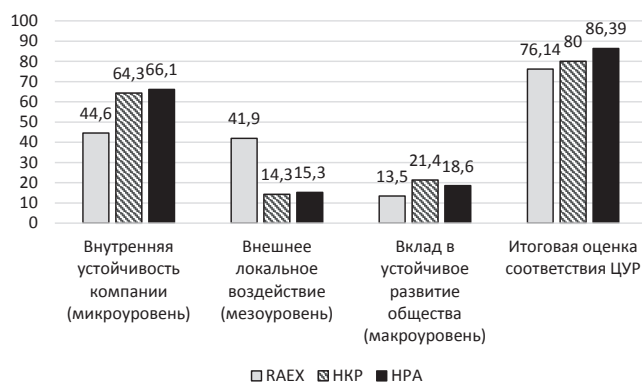


Рис. 1. Результаты анализа методики оценки «S»-фактора

В процессе анализа методик оценки «S»-фактора в ESG-рейтинговании российских компаний при рассмотрении графика для всех анализируемых методик была выявлена корреляция между количеством оцениваемых параметров внутренней социальной устойчивости компании и степенью соответствия методики анализа «S»-фактора целям устойчивого развития (рис. 2).

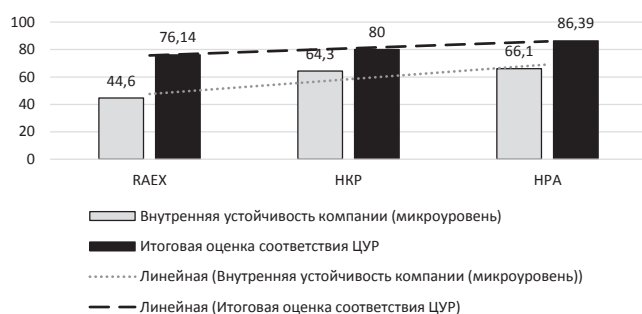


Рис. 2. Корреляция значений оценки параметра внутренней устойчивости компании и итоговой оценки соответствия методики анализа «S»-фактора целям устойчивого развития

Следует отметить, что согласно столбчатой диаграмме, указанной на рисунке 2, при росте доли оценки внутренней устойчивости компании возрастает оценка соответствия методики целям устойчивого развития.

Заключение

Рассмотрена проблема оценки «S»-фактора в актуальных методиках ESG-рейтингования российских компаний с точки зрения устойчивого развития. Анализ показал, что современная практика ESG-рейтингования характеризуется методологической разнородностью – в отсутствии единых определений ключевых понятий, различии целей рейтингования и используемых подходов к оценке «S»-фактора.

Разработана классификация индикаторов «S»-фактора в методиках ESG-рейтингования по трем ключевым векторам развития. Первый вектор связан с внутренней устойчивостью компании, второй вектор отражает внешнее локальное влияние, третий вектор проявляется на макроуровне и характеризуется глобальным вкладом компании в достижение целей устойчивого развития.

Проанализирована направленность индикаторов «S»-фактора, которые диагностируются в актуальных методиках ESG-рейтингования российских компаний. Анализ показал, что во всех рассматриваемых методиках (агентств «Эксперт РА», «НКР», «НРА») абсолютное большинство оцениваемых индикаторов имеют внутреннюю направленность (см. рис. 2).

Проведенное диагностирование актуальных методик оценки «S»-фактора с точки зрения целей устойчивого развития показало соответствие на уровне от 76,14 до 86,39%, что в свою очередь говорит о неполном соответствии методик оценки социального фактора ESG принципам устойчивого развития.

Выявлена корреляция между количеством оцениваемых параметров внутренней социальной устойчивости компании и степенью соответствия методики оценки целям устойчивого развития. Зависимость переменных говорит о том, что рост внутренней социальной устойчивости компании позволяет судить о повышении уровня соответствия деятельности компании целям устойчивого развития.

Литература

1. Шишова Ж.А. Возрастание роли социального фактора в рамках применения концепции ESG в кризисных условиях // ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, 2022, № 4 (138), с. 47–52.
2. Issues with ESG Ratings and How Structured Data Can Help // IRIS CARBON URL: <https://iriscarbon.com/issues-with-esg-ratings-and-how-structured-data-can-help/> (дата обращения: 15.01.2026).

3. Глобальный пересчет: как в последние годы изменилась система ESG-рейтингов в России // Forbes URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/551537-global-nyj-perescet-kak-v-poslednie-gody-izmenilas-sistema-esg-rejtingov-v-rossii> (дата обращения: 15.01.2026).
4. Методология присвоения ESG-рейтингов // Национальное рейтинговое агентство (НРА) URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/12/metodologija-prisvoenija-esg-rejtingov-versija-5.0_vernaja-1.pdf (дата обращения: 22.01.2025).
5. Методика присвоения ESG-рейтингов компаниям и финансовым институтам // Рейтинговое агентство RAEX URL: https://raex-rr.com/files/methods/RAEX_ESG_methodology.pdf (дата обращения: 22.01.2025).
6. МОДЕЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ESG-РЕЙТИНГОВ. Доклад для общественных консультаций // Банк России URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
7. Стоянова А. Д., Трофимец В.Я., Матрохина К.В. Методический подход к рейтинговой оценке компаний Арктической зоны на основе показателей устойчивого развития // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2024. – № 6. – С. 149–162. DOI: 10.25018/0236_1493_2024_6_0_149.
8. Белик И. С., Дуцинин А.С., Никулина Н.Л. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // Управление. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-esg-faktorov-na-finansovoe-sostoyanie-i-investitsionnuyu-privlekatelnost-rossijskih-publicnyh-kompaniy> (дата обращения: 16.01.2026).
9. Носко П.А. Анализ методологий присвоения ESG-рейтингов на российском рынке: вопросы прозрачности и конвергенции // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. № 2(6).
10. Методология присвоения ESG-рейтингов // Кредитное рейтинговое агентство НКР URL: https://ratings.ru/upload/iblock/b4c/rv480nhunt-c5a1xmg65eudfagefqh2u/ESG_methodology_260624.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

ASSESSMENT OF THE «S»-FACTOR IN THE METHODOLOGIES OF ESG-RATING OF RUSSIAN COMPANIES IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Nikolaev D.D.

Ufa University of Science and Technology

The use of disparate definitions of terms and methodologies leads to situations in which the same company can simultaneously be considered socially responsible in sustainable development and demonstrating low levels of sustainability. This contradiction calls into question not only the objectivity of ESG ratings but also their

very use as a reliable tool for measuring companies' contribution to the sustainable development of society.

In this article, the author defines the concept and classifies the indicators for assessing the ESG «S» factor across three social impact areas: internal, external local, and external global. The validity of assessing the «S» factor in current ESG rating methodologies for Russian companies from a sustainable development perspective is examined. Current ESG rating methods are analyzed by social impact area.

A correlation was identified between the number of assessed parameters of a company's internal social sustainability and the degree to which the assessment methodology aligns with sustainable development goals. This allowed for drawing conclusions for further research on assessing the social factor in the ESG agenda of Russian companies. Further research opportunities in this area include improving the objectivity and reliability of assessing the social factor in company performance, as well as enhancing the relevance of ESG rating methods for Russian companies in relation to sustainable development goals.

Keywords: ESG social factor («S»-factor), ESG in sustainable development, ESG rating methodology, «S»-factor assessment.

References

1. Shishova Zh.A., The Growing Role of the Social Factor in the Application of the ESG Concept in Crisis Conditions // STATE SERVICE, 2022, № 4 (138), pp. 47–52.
2. Issues with ESG Ratings and How Structured Data Can Help // IRIS CARBON URL: <https://iriscarbon.com/issues-with-esg-ratings-and-how-structured-data-can-help/> (accessed: 15.01.2026).
3. Global Recalculation: How the ESG Rating System in Russia Has Changed in Recent Years // Forbes URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/551537-global-nyj-perescet-kak-v-poslednie-gody-izmenilas-sistema-esg-rejtingov-v-rossii> (Accessed: 01.15.2026).
4. Methodology for Assigning ESG Ratings // National Rating Agency (NRA) URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/12/metodologija-prisvoenija-esg-rejtingov-versija-5.0_vernaja-1.pdf (Accessed: 22.01.2025).
5. Methodology for assigning ESG ratings to companies and financial institutions // RAEX Rating Agency URL: https://raex-rr.com/files/methods/RAEX_ESG_methodology.pdf (accessed: 22.01.2025).
6. Model methodology of ESG ratings. Report for public consultation // Bank of Russia URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (accessed: 25.01.2025).
7. Stoyanova A.D., Trofimets V. Ya., Matrokhina K.V. Methodological approach to the rating assessment of Arctic zone companies based on sustainable development indicators // Mining information and analytical bulletin. – 2024. – № 6. – P. 149–162. DOI: 10.25018/0236_1493_2024_6_0_149.
8. Belik I.S., Dutsinin A.S., Nikulina N.L. Influence of ESG factors on the financial condition and investment attractiveness of Russian public companies // Manager. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-esg-faktorov-na-finansovoe-sostoyanie-i-investitsionnuyu-privlekatelnost-rossijskih-publicnyh-kompaniy> (date of access: 16.01.2026).
9. Nosko P.A. Analysis of methodologies for assigning ESG ratings on the Russian market: issues of transparency and convergence // Modern world economy. Vol. 2. 2024. № 2 (6).
10. Methodology for assigning ESG ratings // Credit Rating Agency NCR URL: https://ratings.ru/upload/iblock/b4c/rv480nhunt-c5a1xmg65eudfagefqh2u/ESG_methodology_260624.pdf (accessed on 26.01.2025).

Управление трудовым потенциалом нефтегазовых предприятий в условиях глобальной неопределенности

Шестаков Сергей Александрович,

профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
E-mail: shestakovsa@tyuiu.ru

Осуховский Глеб Владимирович,

аспирант Тюменского индустриального университета
E-mail: osuhovskiy@yandex.ru

В статье исследуется трансформация подходов к управлению трудовым потенциалом нефтегазовых предприятий Евразийского экономического союза в условиях нарастающей глобальной неопределенности. На основе анализа статистических данных и результатов авторского социологического опроса 120 менеджеров и специалистов российских и казахстанских компаний выявлена корреляция между волатильностью энергетических рынков и ростом социальной напряженности в нефтегазодобывающих регионах. Систематизированы ключевые социальные риски, угрожающие безопасности евразийского пространства. Предложена трехуровневая модель антикризисного управления трудовым коллективом, интегрирующая стратегическое партнерство с государством, тактические инструменты гибкого управления персоналом и оперативные меры психологической поддержки сотрудников. Обосновано, что инвестиции в человеческий капитал и социальную стабильность являются необходимым условием устойчивого развития нефтегазового комплекса и энергетической безопасности ЕАЭС.

Ключевые слова: социальная безопасность, нефтегазовый комплекс, управление трудовым потенциалом, глобальная неопределенность, Евразийский экономический союз, кадровый дефицит, антикризисное управление, человеческий капитал.

Актуальность

Социальная безопасность евразийского пространства неразрывно связана с устойчивостью ключевых отраслей экономики, среди которых нефтегазовый сектор занимает стратегическое положение. Энергетическая безопасность и, как следствие, социальная стабильность таких стран, как Россия, Казахстан и других, напрямую зависят от эффективности управления нефтяными предприятиями. Глобальная неопределенность, вызванная волатильностью цен на энергоресурсы, санкционным давлением и переходом к «зеленой» экономике, актуализирует проблемы управления социальными процессами на предприятиях ТЭК.

Актуальность темы обусловлена совокупностью факторов геополитического, экономического и социального характера, оказывающих системное влияние на евразийское пространство. Согласно данным Евразийской экономической комиссии, в 2023 г. доля топливно-энергетических ресурсов в совокупном ВВП стран ЕАЭС составила 27,3%, а в экспортных доходах – превысила 58% [1, с. 15]. Эта статистика подтверждает тезис о критической зависимости социально-экономического благополучия региона от конъюнктуры нефтегазового рынка. Особенно остро эти вопросы встают в период социальной нестабильности и возникновения множества угроз социальной безопасности общества [14–18].

Н.В. Зубаревич отмечает, что «моногорода нефтегазовой специализации в России и Казахстане демонстрируют признаки социальной уязвимости – даже незначительное сокращение численности персонала на градообразующих предприятиях на 5–7% приводит к росту региональной безработицы на 2–3 процентных пункта и запускает цепную реакцию социальной деградации» [2, с. 78]. Особую тревогу вызывает демографическая ситуация: по данным Росстата, за 2022–2023 гг. миграционный отток из ключевых нефтегазодобывающих регионов (ХМАО, ЯНАО) превысил 45 тыс. человек, преимущественно высококвалифицированной молодежи [3].

Мировой энергетический переход усугубляет системные риски. Как подчеркивает К. Садовничий, «до 2030 г. нефтегазовые компании Евразии столкнутся с двойным вызовом – необходимостью цифровой трансформации при одновременном сокращении инвестиций в традиционные проек-



ты. Это потребует переобучения до 40% персонала и может привести к потере до 1,2 млн рабочих мест в соответствующих отраслях» [4, с. 34].

Цель нашего исследования – выявить социальные риски нефтегазовых компаний Евразийского региона, угрожающие социальной безопасности, и разработать практические механизмы их минимизации.

В процессе разработки кадровой стратегии для предприятий ТЭК, как отмечается в современных исследованиях, необходимо учитывать долгосрочное стратегическое развитие компаний, выявлять ключевые особенности формирования системы управления кадрами, а также проводить сравнительный анализ опыта управления человеческим капиталом на различных предприятиях отрасли [5, с. 373]. Особое внимание уделяется факторам риска, обоснованию их важности и актуальности для обеспечения устойчивости организаций.

Методология исследования

Для решения поставленных задач в исследовании использован комплекс взаимодополняющих методов: теоретический анализ научной литературы и нормативно-правовых документов; статистический анализ данных (Евразийской экономической комиссии, Росстата и Бюро национальной статистики Казахстана); метод анкетирования (онлайн-опрос с использованием Google Forms); методы описательной статистики и корреляционного анализа для обработки эмпирических данных.

Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетирования 120 менеджеров и специалистов компаний нефтегазового сектора России и Казахстана, проведенного авторами в период с сентября 2023 по апрель 2024 года. Выборка формировалась методом «снежного кома» с последующей стратификацией по ключевым параметрам.

Инструментарий исследования включал анкету, состоящую и четырех блоков: 1) социально-демографические характеристики респондента; 2) оценка влияния внешних факторов (санкции, волатильность цен, энергопереход) на стабильность занятости и социально-психологический климат; 3) оценка управленческих практик компании в условиях кризиса (кадровая политика, информирование, социальная поддержка); 4) личностное восприятие неопределенности (уровень стресса, лояльность, карьерные планы).

Обработка данных осуществлялась с использованием пакета статистических программ SPSS, а также применением методов описательной статистики, частотного анализа, анализа таблиц сопряженности, расчета критерия χ^2 (хи-квадрат) для выявления значимых различий между группами респондентов. Для оценки внутренней согласованности вопросов, измеряющих уровень соци-

альной напряженности, использовался коэффициент α -Кронбаха (значение 0,87, что свидетельствует о высокой надежности шкалы).

Характеристика выборки

1. География: Россия (72% респондентов) – ХМАО, ЯНАО, Тюменская область, Казахстан (28%) – Атырауская, Мангистауская области, г. Нур-Султан.

2. Компании: ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Татнефть», АО «НК «КазМунай-Газ», АО «Эмбамутанайгаз», а также сервисные и подрядные организации нефтегазового сектора.

3. Должностной уровень: линейные специалисты (48%), руководители среднего звена (32%), топ-менеджмент (7%), обслуживающий вспомогательный персонал (13%).

4. Возраст: до 30 лет – 24%, 31–40 лет – 41%, 41–50 лет – 23%, старше 50 лет – 12%.

5. Стаж в отрасли: менее 3 лет – 15%, 3–7 лет – 28%, 8–15 лет – 34%, более 15 лет – 23%.

Нефтегазовый комплекс является градо- и регионообразующей отраслью для многих стран Евразии. Социально-экономическое благополучие целых регионов, таких как Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономных округ (Россия) и Атырауская область (Казахстан), критически зависит от стабильности работы нефтяных компаний. В условиях кризиса социальные проблемы предприятий трансформируются в системные угрозы национальной безопасности на макроуровне. Исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН выявили прямую корреляцию между стабильностью нефтегазового сектора и показателями социального самочувствия. В регионах с диверсифицированной экономикой индекс социальной напряженности не превышает 0,35 балла, тогда как в нефтезависимых субъектах достигает 0,67 баллов по 1-балльной шкале [6, с. 92].

К основным социальным рискам относятся:

- массовое высвобождение персонала и рост безработицы в моногородах, ведущий к депопуляции и социальной напряженности [7, с. 45];
- снижение качества человеческого капитала: «кадровое голодание», приводит к потере уникальных компетенций, накопленных десятилетиями [8, с. 112];
- рост социально-трудовой конфликтности и протестных настроений, что отмечается в исследованиях Института социологии РАН [8, с. 112];
- ухудшение социально-психологического климата в коллективах, рост стресса и профессионального выгорания среди оставшихся работников [8, с. 112];
- миграционный отток высококвалифицированной молодежи из нефтедобывающих регионов в столичные агломерации, что усиливает дис-

баланс в пространственном развитии ЕАС [9, с. 117].

Нарастающая волатильность мировых цен на энергоносители, санкционное давление и структурная перестройка глобальных цепочек создания стоимости формируют качественно новую среду для евразийских нефтегазовых компаний. По оценкам Центра стратегических разработок, реализация климатической повестки ЕС может привести к сокращению экспортной выручки стран ЕАЭС на 18% к 2020 г., что создаст дополнительные риски для финансирования социальных программ [10, с. 56].

Результаты исследования

Проведенное анкетирование позволило получить детализированную картину социально-психологического климата и управленческих проблем в нефтегазовых компаниях в условиях глобальной неопределенности.

На вопрос «Ощущаете ли Вы влияние глобальной неопределенности (санкции, волатильность цен, энергопереход) на стабильность Вашей компании / Вашего рабочего места?» распределение ответов оказалось следующим: 68% респондентов ответили: «Да, влияние ощущается сильно»; 24% – «скорее да, чем нет»; 5% – «скорее нет, чем да»; 3% – «не ощущается».

При этом уровень обеспокоенности значительно различался в зависимости от страны: среди казахстанских респондентов доля выбравших вариант «сильно ощущается» составила 76% против 65% среди российских ($\chi^2 = 4,21$, $p < 0,05$). Это может объясняться большей зависимостью экономики Казахстана от экспортных поставок и транзитных рисков.

В качестве основных источников беспокойства респонденты отметили: возможное сокращение заработной платы или премиальной части (62%); неопределенность долгосрочных карьерных перспектив (58%); риск попадания под сокращение (41%); ухудшение условий труда из-за оптимизации издержек (37%); необходимость осваивать новые технологии без достаточной поддержки (29%).

Результаты показали, что 68% респондентов отмечают рост уровня стресса и тревожности в коллективе (сумма ответов «значительно вырос» и «скорее вырос»). При распределении по возрастным группам наиболее высокий уровень тревожности зафиксирован в группе 31–40 лет (37%), что объясняется максимальной социально-экономической ответственностью данной категории (ипотечные кредиты, наличие детей).

На вопрос о частоте конфликтов на рабочем месте 57% констатируют усиление конфликтов между подразделениями на фоне организационных изменений. При этом наиболее конфликтными зонами названы: взаимодействие между

производственными и сервисными подразделениями (отметили 43%); взаимодействие между «старыми» и «новыми» сотрудниками (28%); вертикальные конфликты «руководитель-подчиненный» (21%).

Анализ распределения ответов на вопрос «Как изменилась психологическая атмосфера в Вашем коллективе за последние 1–2 года?» представлен в табл. 1.

Таблица 1. Динамика психологической атмосферы в коллективах (в% от числа опрошенных)

Параметр	Улучшилась	Не изменилась	Ухудшилась	Затрудняюсь ответить
Уровень взаимопомощи	12	34	48	6
Открытость коммуникации	8	29	58	5
Доверие к руководству	7	24	63	6
Готовность брать ответственность	15	31	47	7

Респонденты оценили эффективность антикризисных мер, предпринимаемых их компаниями. Наиболее часто упоминаемыми мерами стали: оптимизация затрат (включая сокращение социальных программ) – 71%; заморозка найма – 58%; пересмотр системы оплаты труда (сокращение премий, бонусов) – 52%; оптимизация численности персонала (сокращение) – 31%.

При этом удовлетворенность информированием о планах компании оказалась крайне низкой: только 23% респондентов согласны с утверждением «Руководство открыто информирует сотрудников о текущей ситуации планах». На вопрос «Знаете ли Вы, какие критерии используются при принятии решений о сокращении/оптимизации?» утвердительно ответили лишь 18%.

Анализ факторов, снижающих мотивацию, позволил построить следующий рейтинг (табл. 2).

Таблица 2. Основные факторы демотивации (множественный выбор, %)

Фактор	%
Неопределенность будущего компании	67
Отсутствие карьерных перспектив	61
Снижение уровня оплаты труда	58
Рост нагрузки без компенсации	52
Непрозрачность решений руководства	47
Отсутствие обучения и развития	38

Критически важным индикатором выступает готовность сменить работу. На вопрос «Рассматриваете ли Вы возможность смены работы в ближайшие



1–2 года?» распределение ответов оказалось следующим: 34% – «да, активно ищу варианты»; 28% – «скорее да, чем нет, присматриваюсь»; 21% – «скорее нет»; 17% – «нет, меня все устраивает».

Таким образом, 62% респондентов находятся в активном или пассивном поиске альтернативных вариантов трудоустройства. Наиболее высокая готовность к смене работы зафиксирована в возрастной группе до 30 лет (81%) и среди специалистов с высоким уровнем цифровых компетенций (IT-специалисты, инженеры-технологи) – 76%.

При этом среди респондентов, отметивших низкий уровень информированности о планах компании, доля готовых сменить работу составила 78%, тогда как среди удовлетворенных информированием – только 34%. Это подтверждает значимость коммуникационной прозрачности как фактора удержания персонала.

Обсуждение

Обобщенные результаты опроса позволили верифицировать перечень управленческих проблем, представленных в таблице 3.

Таблица 3. Ключевые управленческие вызовы и их последствия для социальной безопасности

Управленческий вызов	Влияние на предприятие	угроза социальной безопасности региона
Необходимость быстрой оптимизации издержек	Сокращение социальных программ, заморозка найма	Рост социальной напряженности, снижение уровня жизни
Двойная нагрузка на сотрудников после сокращений	Снижение производительности труда, рост травматизма	Ухудшение здоровья нации, нагрузка на систему здравоохранения
Дефицит кадров для цифровой трансформации	Отставание в технологическом развитии	Потеря конкурентных позиций странами ЕАЭС на мировом рынке
Демотивация ключевых специалистов	«Утечка мозгов» в другие отрасли / регионы	Ослабление научно-технического потенциала

Для противодействия выявленным угрозам предлагается модель управления, основанная на принципах опережающего реагирования и социального партнерства. Как показывают современные исследования, для эффективного управления человеческим капиталом в энергетике необходимо применение методов предиктивного анализа и цифровых технологий, позволяющих оценивать индекс состояния персонала и прогнозировать его изменение с использованием математического аппарата [11, с. 45].

Успешные практики компаний демонстрируют эффективность вовлечения персонала в управление безопасностью через инструменты поведен-

ческих аудитов и обратной связи, что позволяет не только снижать риски травматизма, но и повышать общую вовлеченность. Использование форсайт-технологий для прогнозирования требуемых компетенций позволяет компаниям своевременно готовить кадровый резерв к изменениям.

Предлагаемая модель включает три уровня управления.

1 уровень. Стратегический: партнерство с государством обществом:

- разработка совместных с органами власти программ переподготовки кадров для моногородов, ориентированных на диверсификацию экономики;
- создание региональных фондов стабилизации занятости при участии компаний ТЭК для поддержки высвобождаемых работников;
- реализация инфраструктурных и социальных проектов, повышающих качество жизни в нефтедобывающих регионах, что соответствует целям программ пространственного развития ЕАЭС [12, с. 102].

2 уровень. Тактический: гибкое управление внутри компании:

- внедрение системы гибких форм занятости (удаленная работа, вахтовый метод) для критически важных специалистов;
- развитие программ внутреннего аутсорсинга и перераспределения сотрудников между проектами для сохранения компетенций;
- внедрение корпоративной системы мониторинга социального самочувствия персонала с использованием цифровых платформ и регулярных анонимных опросов;
- создание систем непрерывного обучения, включая развитие цифровых и управленческих компетенций;
- обеспечение прозрачности кадровых решений через регулярные коммуникационные сессии руководства с коллективом.

3 уровень. Оперативный: поддержка индивидуального сотрудника:

- программы психологической поддержки и стресс-менеджмента, включая создание специализированных служб и «телефонов доверия»;
- индивидуальные карьерные треки и планы развития навыков;
- программы оздоровления и профилактики профессионального выгорания;
- прозрачная система внутренней коммуникации, разъясняющая сотрудникам цели, планы компании и критерии принятия решений в период неопределенности.

Выводы

Устойчивое развитие Евразийского пространства невозможно без обеспечения социальной безопас-



ности, ключевым элементом которой является стабильность нефтегазового сектора [13]. Проведенное эмпирическое исследование подтверждает, что в условиях глобальной неопределённости традиционные управленческие подходы, ориентированные на краткосрочную экономию, исчерпали себя. Социальные риски, генерируемые в недрах корпораций, напрямую угрожают стабильности целых регионов и энергетической безопасности стран ЕАЭС.

Результаты анкетирования специалистов нефтегазовых компаний России и Казахстана выявили тревожные тенденции: 68% респондентов фиксируют рост уровня стресса, 62% готовы сменить работу, а уровень доверия к руководству снизился у 63% опрошенных. Наиболее уязвимыми группами являются молодые специалисты до 30 лет и сотрудники в возрасте 31–40 лет, несущие максимальную нагрузку.

Предложенная трехуровневая модель управления, интегрирующая стратегическое партнерство, тактическую гибкость и индивидуальную поддержку, позволяет перейти от реактивной борьбы с последствиями кризисов к проактивному формированию устойчивого и адаптивного трудового потенциала. Ключевыми элементами эффективного управления выступают: прозрачность коммуникации, инвестиции в развитие персонала, внедрение цифровых инструментов мониторинга социального самочувствия и программы психологической поддержки.

Литература

1. Доклад о состоянии и развитии экономик государств – членов Евразийского экономического союза в 2023 г. / Евразийская экономическая комиссия. М., 2024. 187 с.
2. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Либроком, 2023. 264 с.
3. Демография: официальная статистика / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
4. Садовничий К.А. Глобальный энергетический переход и его последствия для топливно-энергетического комплекса России // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 5. С. 32–40.
5. Фомичев И.Ю. Современные проблемы освоения Арктики / В сб.: Вузовская наука: проблемы подготовки специалистов. Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. Ред. М.Л. Белоножко. Тюмень, 2021. С. 373–375.
6. Социальное самочувствие и качество жизни населения в регионах Российской Федерации / Под ред. А.В. Тихонова; Ин-т соц.-экон. Про-

блем народонаселения РАН. М.: Экон-Информ, 2023. 180 с.

7. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2023. 256 с.
8. Тихонова Н.Е. Социальные ресурсы и социальные риски в современной России // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 110–120.
9. Войченко А.О. Формирование отраслевой кадровой стратегии для предприятий топливно-энергетического комплекса // Инновации и инвестиции. 2023. № 8. С. 115–121.
10. Стратегические ориентиры долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года / Центр стратегических разработок. М., 2022. – 112 с.
11. Бессонова О.Э. Управление человеческими ресурсами в условиях экономической нестабильности: опыт компаний ТЭК // Экономика и управление народным хозяйством. 2022. № 6. С. 45–55.
12. Фомичев И. Ю., Цыганенко Н.Д., Павлова И.В. Современные профсоюзы: новые качества старых функций // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 4. С. 101–113.
13. Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. 01.01.2024). // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
14. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9.
15. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
16. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
17. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в развитии человеческого потенциала региона // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 391–393.
18. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики социальной солидарности. Монография. Иркутск, ИГУ, 2025. 309 с.

MANAGING THE LABOR POTENTIAL OF OIL AND GAS ENTERPRISES IN A GLOBAL UNCERTAIN ENVIRONMENT

Shestakov S.A., Osuhovskiy G.V.
Industrial University of Tyumen

The article examines the transformation of approaches to managing the labor potential of oil and gas enterprises in the Eurasian Economic Union in the context of increasing global uncertainty. Based on the analysis of statistical data and the results of a sociological survey conducted by the author among 120 managers and special-



ists of Russian and Kazakh companies, a correlation was identified between the volatility of energy markets and the growth of social tension in oil and gas-producing regions. The key social risks that threaten the security of the Eurasian space were systematized. A three-level model of anti-crisis management of the workforce has been proposed, which integrates strategic partnership with the government, tactical tools of flexible personnel management, and operational measures of psychological support for employees. It has been substantiated that investments in human capital and social stability are a necessary condition for the sustainable development of the oil and gas complex and energy security.

Keywords: social security, oil and gas complex, labor potential management, global uncertainty, Eurasian Economic Union, staff shortage, anti-crisis management, human capital.

References

1. Report on the state and development of the economies of the member states of the Eurasian Economic Union in 2023 / Eurasian Economic Commission. Moscow, 2024. 187 p.
2. Zubarevich N.V. Social development of Russian regions: problems and trends of the transition period. – 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Librokom, 2023. 264 p.
3. Demography: official statistics / Federal State Statistics Service. – Moscow, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
4. Sadovnichy K.A. Global energy transition and its consequences for the fuel and energy complex of Russia // *World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67, № 5. pp. 32–40.
5. Fomichev I. Yu. Current Problems of Arctic Development / In the collection: *University Science: Problems of Specialist Training. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* / Ed. M.L. Belonozhko. Tyumen, 2021. pp. 373–375.
6. Social Well-Being and Quality of Life of the Population in the Regions of the Russian Federation / Ed. A.V. Tikhonov; Institute of Soc.-Economic Population Problems, Russian Academy of Sciences. Moscow: Econ-Inform, 2023. 180 p.
7. Zubarevich N.V. *Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow: Independent Institute of Social Policy, 2023. 256 p.
8. Tikhonova N.E. Social Resources and Social Risks in Modern Russia // *Sociological Research*. 2023. № 4. P. 110–120.
9. Voychenko A.O. Formation of an industry-specific HR strategy for fuel and energy sector enterprises // *Innovations and Investments*. 2023. № 8. P. 115–121.
10. Strategic guidelines for the long-term development of the Russian Federation with low greenhouse gas emissions until 2050 / Center for Strategic Research. Moscow, 2022. – 112 p.
11. Bessonova O.E. Human resource management in conditions of economic instability: the experience of fuel and energy companies // *Economy and Management of the National Economy*. 2022. № 6. P. 45–55.
12. Fomichev I. Yu., Tsyganenko N.D., Pavlova I.V. Modern trade unions: new qualities of old functions // *News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2021. № 4. Pp. 101–113.
13. Treaty on the Eurasian Economic Union (as amended on 01.01.2024). // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://parvo.gov.ru> (date of access: 10.03.2026).
14. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security: Opportunities and Threats to Adaptive Flexibility // *Sociology*. 2026. № 1. Pp. 6–9.
15. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // *Sociology*. 2025. № 7. Pp. 6–11.
16. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // *Sociology*. 2025. № 8. Pp. 6–11.
17. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in the development of the region's human potential // *Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the VI International scientific and practical conference*. Moscow, 2024. Pp. 391–393.
18. Polyushkevich O.A. *Prosocial practices of social solidarity*. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University, 2025. 309 p.

Искусственный интеллект в социокультурном механизме управления информационным противоборством в условиях стратегической неопределенности: сущность, угрозы и опасности

Сельская Полина Дмитриевна,

ассистент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: polina88.07@inbox.ru

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры информационной культуры цифровой трансформации Московского государственного лингвистического университета
E-mail: Gostevan@inbox.ru

В статье обосновывается актуальность проблемы для обеспечения национальной безопасности страны; обобщаются теоретические и правовые основы феномена «искусственный интеллект» (ИИ); представляются факты приоритета российских ученых в разработке данного технического феномена; определяются системные общественные угрозы и опасности ИИ в информационном противоборстве; оценивается эффективность имеющихся отечественных технологий ИИ; показываются результаты конкретного социологического исследования указанной проблемы; предлагаются рекомендации по развитию технологий ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, информационное противоборство, угрозы, опасности, пути профилактики, правовые основы, российский приоритет, эффективность, технологии ИИ, социологическое обеспечение, управление.

Актуальность проблемы обусловлена несколькими системными обстоятельствами: а) ИИ – инновационная цифровая технология, неорганизованное применение которой создает в обществе особые опасности и угрозы; б) в условиях войны, цифровизации (роботизации) информационных потоков в организациях, социально-экономической нестабильности, роста уровня преступности и терроризма возросло значение формирования положительных коллективных отношений в обществе средствами ИИ; в) ИИ становится эффективным средством профилактики разрушающих конфликтов в организациях; г) средствами ИИ как разрушаются, так и создаются традиции нравственности, патриотизма, солидарности; д) ИИ способствует оперативности в работе системы управления обществом в условиях скорости и радикальности социально-экономических перемен; е) ИИ способствует созданию технологий подделки свойств личности (дипфейки), что повышает уровень эффективности информационно-психологических воздействий противника на наше население и другими.

Цель работы – обоснование путей профилактики угроз, рисков и опасностей, возникающих в обществе в ходе реализации технологий ИИ.

Задачи статьи:

- проанализировать имеющиеся знания о сущности и содержании ИИ в социокультурном механизме управления информационным противоборством;
- оценить эффективность отечественной практики применения технологии ИИ в информационном противоборстве;
- разработать, обосновать и предложить структурам федеральной власти рекомендации по профилактике угроз, рисков и опасностей связанных с реализацией ИИ.

Исследование проводилось с 15 октября 2025 г. по 25 января 2026 года.

Методы исследования: *теоретические*: содержательный анализ документов, синтез, моделирование; *эмпирические*: опрос экспертов, наблюдение, вторичный анализ других научных гуманитарных исследований.

Опрашивались преподавательский состав, слушатели Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Военного универси-



тета им. князя Александра Невского МО РФ, слушатели заочного обучения Академии управления МВД РФ, осуществляющие профессиональную деятельность в 59 субъектах России. Эксперты (N = 216 чел.).

Результаты исследования

«Искусственный интеллект» – в настоящее время объективная реальность. Результаты анализа научной литературы [6, 7, 10, 12] позволяют определить его как программную цифровую систему, **с помощью которой человек решает задачи, которые по сложности затруднительны естественному (биологическому) сознанию (АНГ)**. Априори, наименование этой категории «интеллектом» в компьютерной технологии спорное, не соответствующее основам научных знаний, что обуславливается неоднозначным ее определением даже в психологии. Там она трактуется как «качество психики», «комплекс свойств личности», «способность личности познания естественного мира» и по-другому. Вероятно, адекватно этот феномен необходимо определять как программно-цифровая нейросеть.

До создания же «искусственной психики» у человека еще нет ни знаний, ни материалов, ни средств, ни технологий. И вряд ли в обозримом будущем она будет разработана, хотя достижения в сфере бионики позволяют на это надеяться. Т.е. «искусственный интеллект» – это неудачное название, которое в ближайшей перспективе будет изменено и, возможно, будет называться как, например, «технология программного цифрового **обеспечения** деятельности человека». Как, впрочем, это случилось с категорией «цифровая экономика», которую сейчас редко можно увидеть в научных и других публикациях.

Очевидно, что в деятельности человека ИИ лишь помогает понять технологию эффективной работы, но он не может изменить врожденные качества человека (психологические состояния, процессы, образования, свойства). Конечно, взаимодействие естественного (человеческого) и машинного (искусственного) «интеллекта» обеспечивает эффективное совершенствование как деятельности человека, так и техники.

Развиваться же самостоятельно ИИ без человека (естественного интеллекта) не может. Разрешение на это дает разработчик. Более того, и развитие естественного интеллекта управляется тоже человеком (наставником, руководителем, учителем, родителем ...). В этой связи, очевидное заблуждение или провокация – утверждение о том, что ИИ нивелирует функции институтов общества (политика, экономика, образование, семья и другие), создает новые угрозы, риски, опасности для человечества. Провокация состоит в том, что, например, злоумышленник, совершая преступление, может оправдать его «деятельностью» противни-

ка (врага, недруга, преступника) с использованием ИИ. Этим в настоящее время пытаются пользоваться, например, недобросовестные продавцы квартир, противники (оппоненты, враги) в информационном противоборстве, террористы и экстремисты. Очевидно, что ореол «чуда» ИИ создается мошенниками специально. Цель – создание высокооплачиваемых рабочих мест, увеличение бюджетного финансирования и другое.

Некоторые ученые определяют «интеллект» как способность человека к разработке новых знаний, решению задач, адаптации к новым ситуациям, к творческой деятельности. Но и это утверждение не свободно от критики, т.к. этот феномен имеет социально-психологические основы. Интеллект не может определяться без свойств человека (темперамент, способности, направленность, характер), состояний (подъем, радость, воодушевление..., паника, грусть...), процессов (мышления, познания, наблюдения, осязания...), образований (знаний, умений, навыков, традиций, убеждений, мировоззрения). В этой связи название этого программного продукта как «интеллект» (разум) ненаучное. Правильное определение ИИ может быть следующим: Это созданная человеком **система технологий** имитации **машинами** (компьютерами, программными агрегатами) разнообразной естественной деятельности человека. Т.е., ИИ не заменяет человека, а является средством его деятельности. А «война машин», «саморазвитие компьютеров» **без человека** – сказка, выдумка, страшилка мошенников, стремящихся к получению нетрудовых доходов. Например, ИИ сам не станет и не способен вымогать деньги у жертвы, а вот как средство преступления злоумышленника – да.

Между тем, в настоящее время как средство деятельности так называемый ИИ стал обыденностью жизни. С его помощью можно обрабатывать большие массивы данных и там находить нужную информацию (выбрать лучший маршрут движения; переводить тексты на разные языки, легко и быстро оплачивать покупки в магазинах; использовать «интернет вещей» в жилом доме; регулировать расход материальных средств; обучаться решению ранее незнакомых задач, диагностировать состояние здоровья; создавать автономный роботизированный транспорт и многое другое).

Конечно, ИИ – это феноменальное достижение человеческого разума. Оно позволяет углублять, расширять границы производительности труда в любом известном виде деятельности. Априори, этому способствовали новые возможности современной техники. Так, за последние 35 лет производительность компьютеров увеличилась в миллионы раз. Например, если раньше какая-либо задача решалась за десять лет, то сейчас – за десятки доли секунды [13, с. 77].

Специалисты в сфере информационных технологий разделяют ИИ по степени полезности чело-

веческой деятельности на типы: слабый – решает конкретные задачи (голосовой помощник, распознавание лиц, генерация речи); сильный – способен быстро решать сложнейшие задачи, определенные человеком, порой посильные только большим коллективам исследователей; сверхсильный – по заданию человека разрабатывает новые системы и алгоритмы познания, преобразования [11, с. 34].

Результаты исследования показывают, что основы систем ИИ разрабатывались советскими учеными [8, с. 161]. За рубежом (к сожалению, в России продолжают следовать поговорке: «нет пророка в своем Отечестве») почитают Андрея Николаевича Колмогорова [математик, один из крупнейших учёных XX века (1903–1987), академик Академии наук СССР] и Владимира Игоревича Арнольда (Советский и российский математик, автор работ в области топологии, теории дифференциальных уравнений, теории особенностей гладких отображений и теоретической механики. Ученик А.Н. Колмогорова). Когда американские ученые создали новую архитектуру нейросетей, назвали ее в честь советских ученых (Теорема Колмогорова-Арнольда). Из этой теоремы сделан вывод, что самостоятельных универсальных искусственных нейросетей не может существовать без человека («естественного интеллекта»). Вывод: не надо бояться роботов, «неуправляемого искусственного интеллекта», необходимо опасаться их создателей, как не следует бояться атомной энергии, но остерегаться людей, которые умеют ее использовать.

Очевидно, что типы ИИ (программного обеспечения) можно классифицировать по видам деятельности: лингвистический, логико-математический, музыкальный, художественный, военный, правоохранительный, транспортный, экологический, образовательный и многие-многие другие, т.к. в соответствии с Общероссийским классификатором профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016–2025, принятым и введенным в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, в России около 450 профессий (видов деятельности) [4].

Безусловно, как и любая другая технология, вид орудия труда, ИИ «заимствован» у природы (бионика) и внедрен в жизнь. Известно, что нейрон (нервная клетка) – структурная единица мозговой ткани, которая формирует нервную систему организма. Она (клетка) принимает извне, обрабатывает, сохраняет, передает информацию с помощью электрических и химических сигналов. **Контакт между двумя нейронами** или между нейроном и, например, мышечной клеткой (синапс), позволяет обеспечить **связь** и передачу энергии. Каждый синапс имеет вес – числовой коэффициент, который определяет взаимосвязь между ней-

ронами. Чем выше вес, тем более важной является связь. Поэтому «нейросеть» в ИИ – это структура, состоящая из искусственных нейронов, объединённых в слои, через которые последовательно проходит информация. На вход подаются данные (например, картинка), нейроны их обрабатывают, и на выходе получается результат (например, текстовая подпись к этой картинке). Всё это – алгоритмическая имитация того, как нейроны взаимодействуют в мозге человека. Только вместо электрических импульсов тут – числа, а вместо сигналов – веса и функции активации.

Поэтому не правы те, кто считает «нейросеть» сознанием, разумом, нечто живым. Это просто математическая модель. Она ничего не знает и ничего не чувствует. Это не интеллект и не разум! Более того, нейросеть (ИИ) не делают ничего «разумного», с ее помощью человек только выявляют статистические закономерности (связи, отношения), распознает закономерности в данных. Например, в таблице с миллионами строк «невооруженный» этой технологией человек запутается, «утонет в рутине», а с помощью нейросети – определит шаблон (особенность, сходство). Поэтому с помощью технологии ИИ решаются задачи со многими неизвестными, где человек без нее относительно бессилен: распознавание конкретных лиц в больших массах людей, машинный перевод текстов на более чем 7000 языков, генерация изображений из текста и наоборот. Нейросеть – это не Бог, не живое и не совершенное существо, а инструмент, калькулятор, работа которых основана на подражании естественным мозговым процессам (бионика), работающих с большими массивами данных, на основе которых они могут осуществлять стратегические прогнозы, классифицировать, генерировать новые знания. У этого «железа» нет человеческих потребностей, по которым бы оно «переживало», мотивировала бы его на саморазвитие. Не может ИИ самостоятельно решать задачи для человека без его воли. Т.е., его работу регулирует человек создающий, разрабатывающий или ставящий задачи по созданию программ, стремящийся к достижению совершенства окружающих его условий.

Результаты наблюдения практики показывают, что уже произошел значительный скачок в возможностях человека с помощью ИИ анализировать сложные структуры данных и реализовывать их результаты в различных видах деятельности, значительно повышая уровень их эффективности. Объективно он повышает и уровень «эффективности» различной преступной деятельности; проведения противником информационно-психологических операций против России; создания новых видов и образцов военного разрушительного оружия, основанного, на остающихся потаенными, физических свойствах; гибридных



войн, где в центре находятся информационно-психологические операции.

Известно, что уже в настоящее время ИИ помог обеспечить разработку новейших традиционных и нетрадиционных средств ведения войны. Из первой группы это, например, ракетные системы «Орешник», «Буревестник», подводный аппарат (торпеда) «Посейдон». Из второй – это лучевое оружие [(лазеры: химический, электрический, ядерный (с ядерной накачкой) и со свободными электронами)]; световое (источники некогерентного света вызывают временное ослепление, ухудшение самочувствия людей, наблюдаются явления, предшествующие эпилептическим припадкам); электромагнитное (СВЧ излучения нарушает работу головного мозга и центральной нервной системы, создают помехи для радиоэлектронных средств противника); плазменное (поражает в атмосфере боевые блоки баллистических ракет, самолеты, вертолеты, крылатые ракеты...); психотронное (созданы методики управления сознанием людей: экстрасенсорная перцепция; телепатия; ясновидение (дальновидение); психокинез; телекинез); информационное; геофизическое (вызывает стихийные бедствия: ливни, цунами, землетрясения); инфразвуковое (вызывает состояние тревоги, страха, ужаса, паники, а при больших уровнях нарушаются психомоторные функции, появляется состояние, предшествующее эпилептическому припадку, а в некоторых случаях могут приводить к летальному исходу); радиологическое (использование радиоактивных веществ для поражения личного состава: порошки, растворы с подобранными интенсивностью излучения и периодом полураспада); аннигиляционное [превращение электромагнитной частицы (электрона) с античастицей (позитроном) в фотонную (световую) или квантовую энергию]; астероидное (использования астероидов, находящихся в свободном космическом полете на естественных орбитах, для поражения больших площадей на территории противника); генетическое [рекомбинация дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) – носителя генетической информации, позволяющая получить бактериологические средства, способные вызвать в короткие сроки тяжелые эпидемии в стане противника]; этническое (поражает специальными агентами одни этнические группы населения, и бывает безопасными для других) и т.п.

События, связанные с нанесением Россией ракетных ударов по украинским войскам «Орешником», массовым применением беспилотных средств в боевых условиях, пленением американцами президента Венесуэлы с применением инновационных световых и электромагнитных средств, показывают на их опасность и необходимость системного пересмотра как тактики и стратегии ведения боевых действий, так и обеспечения общей общественной безопасности.

История человечества показывает, что новые средства войны (производства) обществом всегда воспринимались как опасность. Будь то метательное (лук, арбалет, праща, катапульта, требушет) и огнестрельное оружие или лопата, соха, плуг, трактор. Между тем, от них человек получал больше пользы, чем вреда. Поэтому, очевидно, что для человека созидającego, честного системных угроз от непосредственно ИИ нет или они ничтожны, т.к. появляются только по воле человека, создаются им, а не «сознательными машинами». Угрозы в сфере применения ИИ могут возникать только от неумелого или преднамеренно нарушаемого человеком позитивного управления.

Результаты анализа научной литературы, наблюдений практики позволяют определить множество угроз и опасностей, которые создает человек-злоумышленник или непрофессионал с помощью ИИ. Число их групп может быть соизмеримо с количеством потребностей личностей или созданных в соответствии с объективными законами общества (управления, существования, развития) федеральным органам власти (законодательными, исполнительными, судебными) и институтами гражданского общества, в настоящее время работающим по 34 направлениям [14, с. 12].

Известно, что в современном обществе основной ценностью является информация. Получаемая противником (преступниками) с использованием ИИ в компьютерной (цифровой) среде информация, с одной стороны, может быть использована для проведения информационно-психологических операций для дезорганизации различных видов деятельности государства, разрушения конституционных основ, создания условий для «цветных революций», разжигания региональных, мировых войн; с другой, она облегчает профилактику угроз правам и свободам человека, способствует организации их защиты. Например, ИИ в настоящее время реализуется в системе «интернета вещей», что позволяет применять технологии: «умный дом» (средства: камеры, датчики движения, замки, термостаты, кондиционеры, вентиляторы); «умный город» (светофоры, приборы видеонаблюдения, экологический контроль, освещение); «контроль здоровья» (носимые устройства: кардиостимуляторы, фитнес-браслеты, часы); «логистика» (отслеживание местоположения грузов, регулирование микроклимата в грузовых отсеках, профилактика повреждений); «безопасность» (видеонаблюдения с распознаванием лиц, обнаружение чрезвычайных ситуаций) и многие другие. Очевидно, что все они, с одной стороны, обеспечивают повышение эффективности труда, экономят материальные и трудовые человеческие ресурсы; с другой, создают опасность разрушения традиционных правовых, трудовых, управленческих и иных отношений в коллективах (обществе),



что объективно увеличивает количество сложных конфликтов.

Безусловно, как и любое усовершенствование средств производства, ИИ обуславливает появление общественных *профессиональных угроз*: сокращение рабочих мест, исчезновение части профессий, нивелирование многих умений и навыков человека в повседневной деятельности, разрушение традиционных отношений и традиций.

Точная классификация профессиональных угроз возможна с привязкой к человеческим потребностям, которые и определяют виды деятельности. Кроме того она должна соответствовать объективному закону управления обществом: актуализированную потребность необходимо удовлетворять специально созданным органом управления. Если учесть тот факт, что в настоящее время в России на основании Указа Президента РФ созданы федеральные органы исполнительной власти, насчитывающие около 75 министерств, служб и агентств [3], то количество показателей классификации может быть соизмеримое с этой цифрой. Их систематизация и конкретизация возможно по видам национальной безопасности России: демография, экономика, образование, оборона, политика и т.п. [2].

Очевидно, что профилактика этих угроз и опасностей – это комплексная проблема, которая должна разрешаться на всех уровнях законодательной, исполнительной и судебной власти, для чего уже сейчас необходимо создавать специализированные управленческие структуры.

Россия как геополитический центр мира в условиях стратегической неопределенности условий и путей развития остается объектом информационно-психологических воздействий агрессивных стран Запада, которые, как показывает практика, активно применяют технологии ИИ. Это отмечают в своих трудах В.А. Черных в контексте информационной защиты сознания населения в системе подготовки мобилизационных людских ресурсов [14, с. 10]; К.И. Короткий в сфере укрепления семейного сознания студенческой молодежи [10, с. 57]; П.Д. Сельская в области социокультурных особенностей современного информационного противоборства [12, с. 84]; Т.С. Демченко в технологии информационной защиты молодежи [8, с. 121]; С.В. Кокшаров в деятельности органов внутренних дел по защите российских традиционных ценностей в массовых информационных коммуникациях [9, с. 101]; Э.Д. Кубанов в информационной защите личности от экстремизма и терроризма [11, с. 36]; А.А. Гостев в правовой защите земельной собственности [6, с. 69]; Е.В. Чеплухов в организации управления органом внутренних дел Российской Федерации [13, с. 79] и другие.

Результаты эмпирического исследования социотехнической системы «искусственный интеллект» показывают, что органы власти (законо-

дательная, исполнительная, судебная) запаздывают с организацией ее регулирования, что позволяет мошенникам и другим злоумышленникам, обладающим знаниями, умениями и навыками (компетенциями) компьютерного программирования, совершать массовые правонарушения, криминальные деяния и долгое время оставаться вне административной и уголовной ответственности. Например, более 83% экспертов указали на недостаточный уровень правового регулирования искусственного интеллекта в России (рис. 1).



Рис. 1. Оценка экспертами уровня правового регулирования искусственного интеллекта в России

Результаты опроса показали, что в отличие от сложившегося мнения об опасности ИИ, около 80% экспертов считают ИИ благом для повседневной жизни (рис. 2).

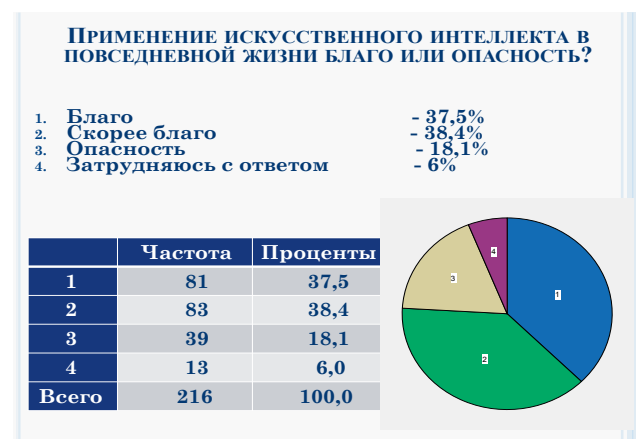


Рис. 2. Мнение экспертов о полезности искусственного интеллекта в повседневной деятельности

Мнение экспертов разделилось при оценке значения ИИ в профилактике конфликтности и преступности в обществе (рис. 3).

Так около 54% экспертов думают, что ИН повышает уровень конфликтности в обществе, а около 46% – снижает уровень общественной напряженности. Результаты наблюдения практики показывают, что вторая часть экспертов, вероятно, в большей степени точна. Например, как сказано

выше, ИИ значительно облегчает жизнь населению («интернета вещей», «умный город», «контроль здоровья», «логистика», «безопасность»), что обеспечивает разрешение противоречий в самой распространенной сфере жизнедеятельности человека – бытовой.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОВЫШАЕТ УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ИЛИ СНИЖАЕТ?

1. Повышает - 34,7%
2. Скорее повышает - 19,4%
3. Снижает - 27,8%
4. Скорее снижает - 18,1%

	Частота	Проценты
1	75	34,7
2	42	19,4
3	60	27,8
4	39	18,1
Всего	216	100,0

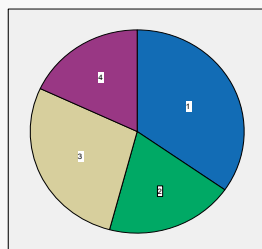


Рис. 3. Мнение экспертов о значении искусственного интеллекта в профилактике конфликтности и преступности в обществе

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ОБЛЕГЧАЕТ ВАШУ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗАТРУДНЯЕТ?

1. Облегчает - 30,1%
2. Безусловно, облегчает - 53,7%
3. Затрудняет - 9,3%
4. Затрудняюсь ответить - 6,9%

	Частота	Проценты
1	65	30,1
2	116	53,7
3	20	9,3
4	15	6,9
Всего	216	100,0

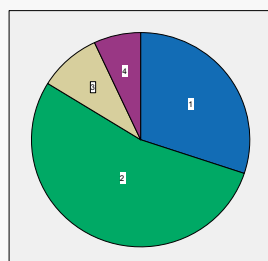


Рис. 4. Мнение экспертов о значении искусственного интеллекта в профессиональной деятельности

Как видно на рисунке 4 эксперты почти единодушно отмечают, что ИИ значительно облегчает их профессиональную деятельность. Этот факт доказывает, что он частично снижает уровень профессиональных угроз и опасностей.

Мнение экспертов (рис. 5) отличается от критических суждений в реализации технологий ИИ в России и пессимизма «либеральной» части российских специалистов, которую можно часто наблюдать в средствах массовой информации. Почти все опрошенные специалисты оценили уровень эффективности применения ИИ в России как высокий и средний.

Оказывается, что российские специалисты не разделяют утверждений «паникеров» об опасности ИИ, его «способности» самостоятельно развиваться и покорять человечество (рис. 6).

ОЦЕНИТЕ УРОВЕНЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

1. Высокий - 45,8%
2. Средний - 39,4%
3. Скорее средний - 6,9%
4. Затрудняюсь с ответом - 7,9%

	Частота	Проценты
1	99	45,8
2	85	39,4
3	15	6,9
4	17	7,9
Всего	216	100,0

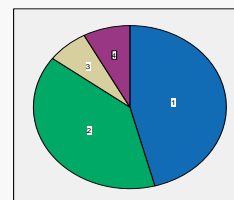


Рис. 5. Оценка экспертами эффективности отечественной практики применения технологий искусственного интеллекта

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СПОСОБЕН САМОСТОЯТЕЛЬНО РАЗВИВАТЬСЯ?

1. Да - 6%
2. Нет - 25,9%
3. Скорее нет - 61,1%
4. Затрудняюсь с ответом - 6,9%

	Частота	Проценты
1	13	6,0
2	56	25,9
3	132	61,1
4	15	6,9
Всего	216	100,0

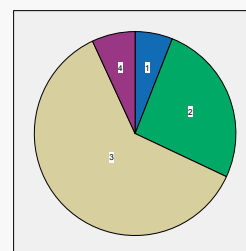


Рис. 6 Мнение экспертов о возможности самостоятельного развития искусственного интеллекта

«Искусственный интеллект» - это разум или технология?

1. Технология - 25,9%
2. Скорее технология - 55,1%
3. Да, искусственный разум - 12,5%
4. Скорее разум - 4,2%
5. Затрудняюсь с ответом - 2,3%

	Частота	Проценты
1	56	25,9
2	119	55,1
3	27	12,5
4	9	4,2
5	5	2,3
Всего	216	100,0

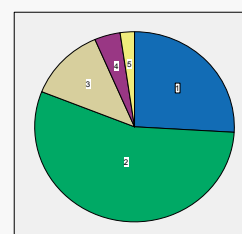


Рис. 7. Мнение экспертов о сущности искусственного интеллекта

Значительное число экспертов (80%) сомневается в точности названия феномена «искусственный интеллект» (рис. 7). Это не искусственный «разум», а, вероятно, цифровая технология (средство) работы с большими данными.

Именно поэтому большинство экспертов редко испытывают опасность от реализации в стране технологий ИИ (рис. 8).

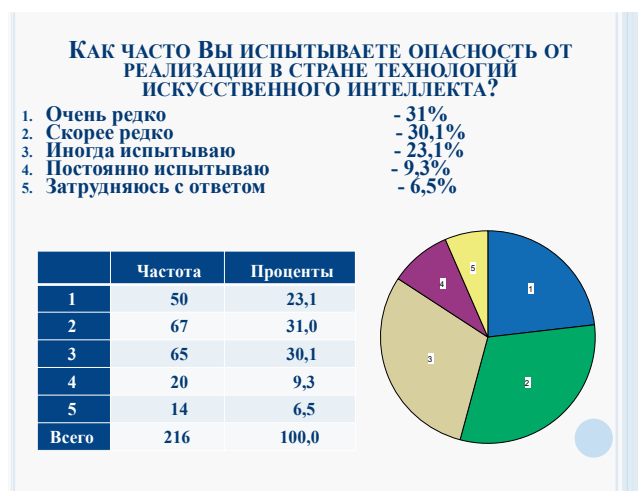


Рис. 8. Свидетельства экспертов об опасностях реализации технологий искусственного интеллекта

Заключение

В настоящее время социально-экономическая ситуация в стране остается сложной, угрожающей ее национальной безопасности. Массовое сознание подвергается информационно-психологическим воздействиям противника с использованием ИИ.

На Западе не скрывают своих намерений нанести России «стратегическое поражение». Их цель – обезлюдить и разделить Россию, методами «прямого» (военного) и «непрямого» воздействий, получить доступ к нашим природным ресурсам.

Очевидно, что в настоящее время надежная защита страны невозможна без разработки и использования новых цифровых технологий (ИИ).

Предпринимаемые государством меры по развитию ИИ в условиях социально-экономической неопределенности перестают быть компанейскими.

В России сферу ИИ регулируют различные федеральные структуры и документы. Это включает законодательные акты, стратегии и программы, а также органы, ответственные за реализацию мер в этой сфере. В настоящее время в России реализуются программы по развитию искусственного интеллекта (ИИ) в разных сферах: государственной политике, бизнесе, науке и образовании. В стране разработаны и реализуются Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года [1], Федеральный проект «Искусственный интеллект» [2]. Уже создан Альянс в сфере искусственного интеллекта, который объединил более 800 российских компаний. Проблема постоянно обсуждается на форумах с участием всех органов власти.

Однако в стране еще нет единой теоретической, правовой и организационной конструкции развития ИИ.

В этой связи предлагаются практические рекомендации федеральным органам власти.

I. Структурам, обладающим правом законодательной инициативы, предложить:

- для эффективного правового обеспечения разрешения вышеуказанной проблемы разработать Кодекс информационных технологий (ИИ);
- в соответствии с основным законом общественного управления создать специальную федеральную организационную структуру исполнительной власти, регуливающую разработку и реализацию ИИ;
- совершенствовать правовые условия работы сил и средств институтов гражданского общества по контролю деструктивного применения ИИ.

II. Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:

- с целью повышения уровня эффективности защиты общественного сознания отдать распоряжение организациям СМИ, кино, социальных сетей о совершенствовании содержания (контента) выпускаемой информационной продукции с использованием ИИ.

III. Министерству науки и образования РФ, Министерству просвещения РФ предложить:

- для социологического обеспечения работы федеральных органов власти в сфере развития ИИ разработать программу новой отрасли науки: социология искусственного интеллекта;
- в ходе государственной аттестации выпускников образовательных организаций рекомендовать ввести показатель «уровень развитости компетенций ИИ»;
- направления исследований паспорта научных специальностей 5.4.7 – социология управления дополнить пунктами:
организация системы использования ИИ;
общественный контроль управления ИИ;
мотивация структур власти на развитие и применение ИИ.

IV. гуманитарным вузам предложить организовать социологические исследования по направлениям:

- ИИ: пути реализации в сфере национальной безопасности государства;
- правовое обеспечение реализации ИИ в сфере образования;
- общественный контроль реализации технологий ИИ;
- институты гражданского общества в системе контроля ИИ;
- показатели оценки работы федеральных органов исполнительной власти в реализации ИИ.

Литература

1. Указ от 10 октября 2019 года № 490 «Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года».

2. Указ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 08.03.2025).
3. Указ от 11 мая 2024 года № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»
4. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 мая 2025 г. № 423-ст.
5. Федеральный проект «Искусственный интеллект» / (https://digital.tatarstan.ru/file/digital/File/FP_Iskusstvennyj_intellekt.pdf?ysclid=mkjsu3lwfs402794926).
6. Гостев А.А. Сделки с землей: анализ правовых норм и практики / Сборник материалов конференции «Роль общественной экспертизы законодательства как формы взаимодействия государства и гражданского общества» (г. Москва, 9 декабря 2009 г.). – М.: Общественная палата Российской Федерации. Межкомиссионная рабочая группа по организации экспертной деятельности, 2009. – С. 66–74.
7. Гостев А.Н. Социотехнические системы: профилактика безопасности в условиях военных угроз // Журнал высоких гуманитарных технологий. 2025. № 4 (11). С. 6–21.
8. Демченко Т.С. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография. М.: СГА, 2013, 198 с.
9. Кокшаров С.В. Система российских массовых информационных коммуникаций: регулирование органами внутренних дел // Вестник Академии права и управления, № 2 (67) 2022. С. 97–107.
10. Короткий К.И. Студенческая семья: технология информационной защиты // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 10. С. 42–52.
11. Кубанов Э.Б. Экстремизм и терроризм в России: социолого-управленческий аспект // Вестник Академии права и управления. № 2. 2021. С. 29–40.
12. Сельская П.Д. Современное информационное противоборство: социокультурная обусловленность / Гостев А.Н. // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 81–86.
13. Чеплухов Е.В. Организация управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75–85.
14. Черных В.А. Совершенствование государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис... канд. политич. наук. М, 2003, 27 с.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SOCIO-CULTURAL MECHANISM OF INFORMATION WARFARE MANAGEMENT IN CONDITIONS OF STRATEGIC UNCERTAINTY: ESSENCE, THREATS AND DANGERS

Selskaya P.D., Gostev A.N.

Moscow Pedagogical State University, Moscow State Linguistic University

The article substantiates the relevance of the problem for ensuring the national security of the country; summarizes the theoretical and legal foundations of the phenomenon of «artificial intelligence» (AI); presents the facts of the priority of Russian scientists in the development of this technical phenomenon; identifies systemic social threats and dangers of AI in information warfare; evaluates the effectiveness of existing domestic AI technologies; shows the results of a specific sociological study of the specified problems; recommendations on the development of AI technologies are offered.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, information warfare, threats, dangers, ways of prevention, legal framework, Russian priority, efficiency, AI technologies, sociological support, management.

References

1. Decree № 490 of October 10, 2019, «National Strategy for AI Development through 2030».
2. Decree № 400 of July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation.» Website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed March 8, 2025).
3. Decree № 326 of May 11, 2024, «On the Structure of Federal Executive Bodies.».
4. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of May 16, 2025, № 423-st.
5. Federal Project «Artificial Intelligence» / (https://digital.tatarstan.ru/file/digital/File/FP_Iskusstvennyj_intellekt.pdf?ysclid=mkjsu3lwfs402794926).
6. Gostev A.A. Land Transactions: Analysis of Legal Norms and Practice / Collection of materials from the conference «The Role of Public Expertise of Legislation as a Form of Interaction between the State and Civil Society» (Moscow, December 9, 2009). – М.: Civic Chamber of the Russian Federation. Inter-Commission Working Group on the Organization of Expert Activities, 2009. – Pp. 66–74.
7. Gostev A.N. Sociotechnical Systems: Security Prevention in the Context of Military Threats // Journal of High Humanitarian Technologies. 2025. № 4 (11). Pp. 6–21.
8. Demchenko T.S. Management of information and psychological protection of a social organization: monograph. Moscow: SGA, 2013, 198 p.
9. Koksharov S.V. The system of Russian mass information communications: regulation by internal affairs bodies // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 2 (67) 2022. Pp. 97–107.
10. Korotkiy K.I. Student family: information protection technology // Alma Mater (Bulletin of the Higher School). 2025. № 10. Pp. 42–52.
11. Kubanov E.B. Extremism and terrorism in Russia: sociological and managerial aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 2 2021. Pp. 29–40.
12. Selskaya P.D. Modern information warfare: socio-cultural determination / Gostev A.N. // Social and humanitarian knowledge. 2025. № 4. Pp. 81–86.
13. Cheplukhov E.V. Organization of management of the internal affairs body of the Russian Federation: sociological aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). Pp. 75–85.
14. Chernykh V.A. Improving public administration of the training of human mobilization resources in the interests of ensuring military security of the Russian Federation: author's abstract. diss... cand. political sciences. Moscow, 2003, 27 p.



Барьеры и перспективы интеграционного потенциала ЕАЭС: эмпирические результаты социологического исследования и практические рекомендации

Суржиков Даниил Дмитриевич,
студент, СЗИУ РАНХиГС
E-mail: surzhikov.dd@yandex.ru

На основе смешанной методологии (контент-анализ СМИ, официальных документов и отчетов ЕЭК за 2020–2026 гг. и экспертный опрос) с дополнением свежих официальных данных Евразийской экономической комиссии автор выявляет ключевые барьеры интеграции ЕАЭС: экономическую асимметрию, правовую фрагментацию, сохранение внутренних ограничений и внешних мер третьих стран. Несмотря на рост взаимной торговли, совокупного, расчетов в национальных валютах, вступление в силу полноформатного соглашения о свободной торговле с Ираном и завершение ратификации временного соглашения с Монголией, социокультурный потенциал остается недооцененным. Подробно анализируются страновые различия в медиа-дискурсе и экспертных оценках, влияние санкций как «стресс-теста» на уровень доверия и формирование социальной солидарности. Через призму теории социального капитала и конструктивистского подхода показывается, как барьеры тормозят переход от «интеграции верхов» к органической солидарности. Предложены 18 конкретных рекомендаций с четкими сроками, ответственными исполнителями и ожидаемыми эффектами. Статья актуальна для социологов, изучающих постсоветские сообщества в условиях геополитической турбулентности и цифровизации. Ключевые слова: ЕАЭС, барьеры интеграции, социальный капитал, контент-анализ, экспертные оценки, евразийская солидарность, социокультурный разрыв.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграционный потенциал, интеграция, перспективы ЕАЭС, Россия, евразийская солидарность.

Введение

Эмпирический этап исследования интеграционного потенциала ЕАЭС (2020–2026) выявил фундаментальное социологическое противоречие: официальные данные Евразийской экономической комиссии демонстрируют впечатляющий прогресс: взаимная торговля достигла 95 млрд долларов по итогам 2025 года, доля расчетов в национальных валютах выросла до 93% по состоянию на декабрь 2025 года, полноформатное соглашение о свободной торговле с Ираном вступило в силу 15 мая 2025 года, а временное соглашение с Монголией ратифицировано четырьмя странами и готово к вступлению в силу в ближайшие месяцы. Однако экспертные оценки и медиа-дискурс фиксируют устойчивые структурные барьеры, которые не позволяют перейти от экономической координации к глубокой социальной солидарности.

Методология исследования сочетает качественно-количественный контент-анализ (1072 источника: стратегические документы ЕЭК, реестр ограничений, стенограммы заседаний Высшего Евразийского экономического совета, публикации СМИ всех стран-участниц, отчеты международных институтов) с целевым экспертным онлайн-опросом (эксперты из России, Беларуси, Казахстана). Хотя экспертная выборка мала и нерепрезентативна (многие эксперты отказались по политическим), она отражает реальные позиции государственных служащих, бизнеса, дипломатов и академического сообщества. Данные верифицированы свежими отчетами ЕЭК на февраль–март 2026 года [2], [3].

Актуальность темы в марте 2026 года обусловлена несколькими факторами: председательство Казахстана, утверждение дорожной карты «Евразийский экономический путь» до 2045 года (декабрь 2025), ратификация новых внешних соглашений и продолжающееся влияние санкций. Цель статьи – не только представить актуализированные эмпирические результаты, но и углубить социологический анализ барьеров через призму теории социального капитала и конструктивизма [1], [14], показать динамику восприятия интеграции в разных странах и предложить развернутый пакет практических рекомендаций, способных повысить уровень доверия и перейти от «интеграции верхов» к органической солидарности.



Методология и ограничения исследования

Исследование построено на смешанной стратегии: параллельный сбор количественных (частотный и тональный анализ) и качественных (интерпретация нарративов) данных. Единицы анализа включали ключевые темы («экономика», «барьеры», «перспективы», «технологии», «инфраструктура», «социокультура»), тональность (позитивно / нейтрально / негативно) и страновые кластеры. Для обработки использовалась парсинговая программа, дополненная ручной качественной кодировкой. Ограничения остаются значимыми: нерепрезентативность экспертной выборки, влияние политической конъюнктуры (отказы респондентов), субъективность интерпретации медиа-дискурса. Однако сочетание методов с официальной статистикой ЕЭК позволяет выявить зоны консенсуса и расхождений между формальной повесткой и реальными социальными оценками. Особое внимание уделено динамике после 2022 года, когда санкции превратили ЕАЭС в «антикризисный буфер» и одновременно усилили риски вторичных санкций для партнеров.

Результаты исследования

Результаты контент-анализа: тональность, темы и страновые различия в динамике 91% проанализированных материалов сохраняют нейтральный тон (фактическое описание событий), 7% – позитивный (акцент на росте и новых соглашениях), 2% – негативный (критика барьеров и асимметрии). Доминирующие темы – «экономика» (торговля, ВВП, расчеты в нацвалютах) и «перспективы» (соглашения с Ираном и Монголией, цифровизация). Барьеры упоминаются значительно реже перспектив, что указывает на «витринный» характер официального и медийного дискурса.

Становые и временные различия стали еще более выраженными.

Беларусь и Россия – наиболее позитивный тон и детальный разбор барьеров (устойчивость к санкциям, рост торговли до 95 млрд долларов).

Казахстан – нейтрально-положительный нарратив с фокусом на председательстве 2026 года, цифровизации и диверсификации (но с упоминаниями транспортных ограничений и асимметрии).

Армения – негативный сдвиг после 2022 года (опасения потери суверенитета, риски вторичных санкций, стремление к ЕС).

Кыргызстан – самый позитивный тренд (рост строительства +32,7% в 2025 году, миграционные выгоды, но инфраструктурные барьеры).

Международные СМИ (Sputnik, Anadolu) дают самое высокое нормализованное освещение интеграции. После 2022 года санкции усилили роль ЕАЭС как буфера (параллельный импорт, расчеты в нацвалютах до 93%), но обострили геополитические противоречия. Топ-барьеры по частоте упо-

минаний (все страны): технические регламенты и фитосанитария, госзакупки с локальными предпочтениями, двойное налогообложение, энергетические споры (особенно Беларусь–Россия), транспорт и логистика. Для Армении дополнительно – страхование и трудовая миграция; для Казахстана – двойные налоги российских компаний. Реестр ЕЭК на октябрь 2025 года фиксировал 280 внешних ограничительных мер третьих стран.

Результаты экспертного опроса: субъективные оценки и социологическая интерпретация Эксперты (кандидаты и доктора наук, финансисты банковского сектора, чиновники министерств экономики и иностранных дел, руководители международных компаний) характеризуют текущие отношения как «динамично развивающиеся, но глубоко противоречивые». Экономические преимущества очевидны: общий рынок с населением 183–190 млн человек, упрощенная миграция, кооперация в IT и агротехе, антисанкционный буфер (расчеты в нацвалютах 93%). Однако риски доминируют в оценках: инфляционные перекосы из-за несогласованной денежно-кредитной политики, различия в налоговых системах, инфраструктурная неготовность, рост ксенофобии на фоне миграции, слабая вовлеченность малого бизнеса и граждан («интеграция верхов»).

Перспективные сферы, по мнению респондентов: цифровизация (Единое цифровое пространство), транспортные коридоры («Север-Юг», «Восток-Запад», сопряжение с «Одним поясом – одним путем»), энергетика и образование (особенно после отказа от Болонской системы). Уровень доверия оценивается как «прагматичный» и напрямую зависит от личного позитивного опыта взаимодействия. Политическая обстановка (СВО, санкции, «культура отмены») стала главной причиной отказов экспертов участвовать. Социологически это подтверждает тезис о низком социальном капитале: экономическая взаимозависимость растет, но эмоциональное и ценностное доверие остается слабым.

Ключевые выводы: социологический анализ барьеров и динамики

Двойственность состояния интеграции: объективный экономический прогресс (95 млрд долларов торговли в 2025 году, 93% расчетов в нацвалютах, вступление в силу соглашения с Ираном) сочетается с «верхушечной» моделью, где выгоды ощущают элиты и крупный бизнес, а широкие слои населения остаются в стороне.

Структурные барьеры как главный ограничитель: экономическая асимметрия, правовая фрагментация, сохранение 34 внутренних ограничений и 280 внешних мер создают высокие транзакционные издержки и подрывают доверие.



Социокультурный разрыв как системная проблема: через призму теории социального капитала[14] видно, что общее историческое прошлое не автоматически конвертируется в современные сети доверия и идентичность. Образовательные и гуманитарные обмены носят точечный характер.

Сдвиг после 2022 года: санкции выступили «стресс-тестом», ускорив де-долларизацию и цифровизацию, но обострив геополитические риски (многовекторность Армении и частично Казахстана).

Неопределенность долгосрочной траектории: возможны три сценария – стагнация, прагматическая консолидация и глубокая интеграция с элементами политического союза. Наиболее реалистичен второй при условии активизации социокультурного измерения.

Заключение и социологическая значимость

Интеграционный потенциал ЕАЭС остается значительным (95 млрд долларов торговли, 93% расчетов в нацвалютах, новые соглашения с Ираном и Монголией, рост ВВП), но его реализация упирается в необходимость качественного перехода от «интеграции правительств» к «интеграции рынков и обществ». Эмпирические данные подтверждают: барьеры носят не только экономический, но и глубоко социальный характер, тормозя формирование общей идентичности и социального капитала. В марте 2026 года, на фоне председательствования Казахстана и новой стратегии до 2045 года, предложенные рекомендации могут стать практическим инструментом для органов ЕАЭС и национальных правительств.

Социология здесь выступает не только диагностическим, но и прогностическим инструментом: регулярный мониторинг уровня доверия и восприятия интеграции позволит корректировать политику и предотвращать центробежные тенденции. Без решения выявленных барьеров и активизации социокультурного измерения ЕАЭС рискует остаться полезным, но ограниченным форматом координации. Полная реализация потенциала возможна только через целенаправленную работу по выстраиванию доверия, снятию повседневных барьеров для бизнеса и граждан и формированию позитивной, обращенной в будущее общей евразийской идентичности. Дальнейшие исследования целесообразно направить на репрезентативные кросс-национальные опросы, углубленный анализ роли цифровизации в формировании солидарности и сравнительный анализ ЕАЭС с другими региональными объединениями.

Литература

1. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о про-

блемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 94–112.

2. Декларация «Евразийский экономический путь» и дорожная карта (декабрь 2025) URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/451/10390/>
3. ЕЭК. Макроэкономический доклад – 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf
4. Отчет об устойчивом развитии Евразийского банка развития за 2024. URL: https://eabr.org/upload/iblock/b6e/Otchet_EABR_0910_compressed.pdf
5. Годовой отчет Евразийского банка развития 2024. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/f86/GO2024-publichnaya-versiya.pdf>
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск, 1998. – Вып. 1. – С. 105–123.
7. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации: [монография] / Э. Гидденс. – 2-е изд. – Москва: Академический проект, 2005. – 528 с.
8. Глазьев С. О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. – 2007. – № 5. – С. 3–20.
9. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»: [офиц. документ] // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Договор о Евразийском экономическом союзе: [офиц. документ]: от 29 мая 2014 г. (в ред. от 2025 г.) // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 10.03.2026).
11. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. Реферативный сборник. – Москва, 1989. – С. 41–64.
12. Парсонс Т. Система современных обществ: [монография] / Т. Парсонс; пер. с англ. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
13. Портанский А.П. Год планеты. Экономика, политика, безопасность. Ежегодник. – Москва: Идея-Пресс, 2018. – Вып. 2018.
14. Путнам Р. Боуллинг в одиночку: крах и возрождение американского сообщества: [монография] / Р. Путнам; пер. с англ. – Москва: Новое издательство, 2015. – 512 с.

BARRIERS AND PROSPECTS OF THE INTEGRATION POTENTIAL OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: EMPIRICAL RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Surzhikov D.D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Using a mixed methodology (content analysis of media, official documents, and EEC reports for 2020–2026, and an expert survey), supplemented with recent official data from the Eurasian Economic Commission, the author identifies key barriers to EAEU integration: economic asymmetry, legal fragmentation, and the persistence of internal restrictions and external measures imposed by third countries. Despite the growth of mutual trade, aggregate payments in national currencies, the entry into force of a full-fledged free trade agreement with Iran, and the completion of ratification of an interim agreement with Mongolia, the sociocultural potential remains underestimated. A detailed analysis is provided of cross-country differences in media discourse and expert assessments, the impact of sanctions as a «stress test» on trust levels, and the formation of social solidarity. Through the lens of social capital theory (Putnam, Coleman) and a constructivist approach, it is shown how barriers hinder the transition from «integration of the elite» to organic solidarity. Eighteen specific recommendations are proposed, each with a clear timeline, designated implementers, and expected impact. The article is relevant to sociologists studying post-Soviet societies in the context of geopolitical turbulence and digitalization. Keywords: EAEU, integration barriers, social capital, content analysis, expert assessments, Eurasian solidarity, sociocultural divide.

Keywords: EAEU, integration potential, integration, EAEU prospects, Russia, Eurasian solidarity.

References

1. Konyshov V.N., Sergunin A.A., Subbotin S.V. Social constructivism on security issues // Theories and problems of political research. 2016. № 3. 2. Pp. 94–112.
2. Declaration «Eurasian Economic Path» and roadmap (December 2025). URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/451/10390/>
3. EEC. Macroeconomic Report 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf
4. Sustainable Development Report of the Eurasian Development Bank for 2024 URL: https://eabr.org/upload/iblock/b6e/Otchet_EABR_0910_compressed.pdf
5. Annual Report of the Eurasian Development Bank 2024. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/f86/GO2024-publichnaya-versiya.pdf>
6. Wallerstein I. World-System Analysis // Time of the World. Almanac of Modern Research in Theoretical History, Macrosociology, Geopolitics, Analysis of World Systems and Civilizations / edited by N.S. Rozov. – Novosibirsk, 1998. – Issue. 1. – P. 105–123.
7. Giddens E. The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structurization: [monograph] / E. Giddens. – 2nd ed. – Moscow: Academicheksky proekt, 2005. – 528 p.
8. Glazyev S. On the Strategy of Economic Development of Russia // Voprosy ekonomiki. – 2007. – № 5. – P. 3–20.
9. Declaration on the Further Development of Economic Processes within the Framework of the Eurasian Economic Union until 2030 and for the Period up to 2045 «Eurasian Economic Path»: [official document] // Eurasian Economic Commission. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/> (date of access: 10.03.2026).
10. Treaty on the Eurasian Economic Union: [official. [document]: from May 29, 2014 (as amended in 2025) // Eurasian Economic Commission. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (date of access: March 10, 2026).
11. Luhmann N. Social Systems: An Outline of a General Theory // Western Theoretical Sociology of the 1980s. A Collection of Abstracts. – Moscow, 1989. – Pp. 41–64.
12. Parsons T. The System of Modern Societies: [monograph] / T. Parsons; trans. from English. – Moscow: Aspect Press, 1997. – 270 p.
13. Portansky A.P. Year of the Planet. Economy, Politics, Security. Yearbook. – Moscow: Idea-Press, 2018. – Issue 2018.
14. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: [monograph] / R. Putnam; trans. from English. – Moscow: New Publishing House, 2015. – 512 p.

Нейросети: управляемость и человекоцентричность в процессах медицинской диагностики

Юдин Валерий Игоревич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: udin00@mail.ru

В статье рассматриваются возможности применения нейросетей как новой технологии, способной изменить привычный образ государственного управления, социального взаимодействия и профессиональной деятельности в сфере здравоохранения. На примере взаимодействия пользователей с моделями нейросетей-трансформеров по вопросам первичной медицинской диагностики, автор проводит научный эксперимент, сравнивая выводы и рекомендации искусственного интеллекта с экспертным мнением. Рассматривая вопросы эффективности и безопасности нейросетей, автор рассуждает о таких важных качествах искусственного интеллекта, как его управляемость и человекоцентричность.

Ключевые слова: нейросеть, нейронная сеть, трансформер, искусственный интеллект, управляемость, государственное управление, медицина, медицинская диагностика, инновация, цифровизация, gpt-чат.

Введение

Нейросети с каждым днем все глубже и глубже проникают в реалии государственного управления, различных отраслей науки, в частности, в медицинской области для управления здравоохранением, поддержки клинических решений, медицинской визуализации, скрининга заболеваний и раннего прогнозирования заболеваний, анализа медицинских записей/литературы и управления больницами и т.д. Искусственный интеллект может анализировать медицинские изображения и информацию для скрининга и прогнозирования заболеваний и помогать врачам в постановке диагноза. В области медицины ИИ может применяться для управления здравоохранением, поддержки клинических решений, медицинской визуализации, скрининга заболеваний и раннего прогнозирования заболеваний, анализа медицинских записей/литературы и управления больницами и т.д.

В Москве запущен проект системы поддержки принятия врачебных решений, который помогает на основе жалоб пациентов на самочувствие перед посещением доктора принять наиболее вероятный диагноз [19]. ИИ может анализировать медицинские изображения и информацию для скрининга и прогнозирования заболеваний и помогать врачам в постановке диагноза [4].

Эти вопросы находятся в центре внимания руководства страны, руководителей федеральных министерств и ведомств, а также непосредственно руководителей всей системы отечественного здравоохранения. Так например, в декабре 2024 года на международной конференции AI Journey российские ученые представили Президенту Российской Федерации В.В. Путину первое смарт-кольцо, созданное для контроля за здоровьем пользователей на основе рекомендаций ИНС GigaChat, которая, как заверили разработчики, была «дообучена на медицинских данных» и успешно «сдала экзамен по специальности «Лечебное дело» [17]. Высочайший уровень, на котором была представлена данная технология, свидетельствует о государственной важности развития искусственного интеллекта с целью охраны здоровья граждан.

Остановимся подробнее на вопросах управляемости процессами применения нейросетей в медицине, которые используются в данной отрасли с самыми разными целями, включая вопросы



обеспечения технологической безопасности. Одним из первых случаев применения искусственного интеллекта в современной медицинской диагностике считается сегментация объектов медицинского изображения в 1991 году и выявление рака молочной железы на маммограммах в 1994 году посредством сверхточной нейронной сети. В 2018 году была создана человеко-машинная система визуализации молочной железы и точность обнаружения сегментации и классификации масс в маммографии составила более 92% [1]. На основе большого числа обследований и показаний рентгенологов в составе обучающих множеств удалось снизить рабочую нагрузку рентгенологов на 17% [7]. ИИ внес большой вклад в раннее выявление, оценку заболеваний и оценку эффективности лечения в области анализа медицинских изображений для таких заболеваний, как рак поджелудочной железы [3], заболевания печени [10], рак молочной железы [2], заболевания грудной клетки [6] и неврологические опухоли [8]. Нейросети с видео- и аудио-функциями позволяют точно выявлять расстройства аутистического спектра (РАС) у детей с точностью 82,5% при скрининге [5].

В настоящее время значительное число профессиональных медицинских запросов к нейросетям как к инструментам для создания инноваций лежит в области геномной инженерии и молекулярной биологии. Так, например, важным направлением является разработка инноваций в молекулярной медицине и фармакологии, одной из задач которых является предсказание структуры белка по последовательности аминокислот, что помогает понимать свойства отдельных белков и изучать их. Нейросеть AlphaFold обеспечивает высокую точность и эффективность в структурной биологии [9], ставшая прототипом для многих нейросетей.

Отдельной задачей для нейросетей является поиск решений по наиболее критичным с точки зрения уровня смертности заболеваниям, например, сердечно-сосудистого профиля. Диагностика, наблюдение за состоянием пациента и помощь искусственного интеллекта в процессе оперативных вмешательств уже стали реальностью.

Однако, важным является вопрос, связанный с трудностями понимания технического языка и специфической терминологии, трудных для понимания пользователей, которые находятся за пределами данной сферы. Отсутствие междисциплинарных специалистов, работающих на стыке искусственного интеллекта и медицины, затрудняет перевод между двумя областями науки и увеличивает время разработки приложений [11].

Вторым не менее важным и дискуссионным аспектом применения нейросетей в медицине яв-

ляется процесс генерации, для реализации машинного обучения нейросетей должны быть задействованы сотни и тысячи историй болезней, включая подробные результаты исследований пациентов. «Несмотря то, что медицинские данные не отвечают многим критериям, необходимым для эффективного обучения нейросетей, они уже сегодня демонстрируют высокую эффективность в решении целого ряда медицинских задач – от диагностики заболеваний до прогнозирования результатов лечения и разработки новых лекарственных препаратов» [14]. Общедоступная, генеративная нейросеть в итоге не может обладать достоверностью экспертных систем на основе баз знаний. Они называются генеративными, т.е. они могут сами «придумывать» какие-то тексты по аналогии с использованием операций математической логики, что иногда может привести к выдаче недостоверных, но весьма правдоподобных ответов. Это может нести в себе угрозы для здоровья и жизни человека.

В-третьих, возникает этический вопрос: искусственный интеллект все еще не готов к пониманию и генерации (или хотя бы к имитации) таких важных профессиональных качеств врача как сострадание и человеколюбие по отношению к пациенту.

Таким образом, в каждой из отраслей применение нейросетей сталкивается как с вдохновляющими перспективами, так и с трудностями и вызовами специфического и общего порядка. К ним, в первую очередь, относятся нехватка квалифицированных и креативных управленческих кадров [18], вопросы конфиденциальности данных и сложности интеграции уже существующих в отрасли алгоритмов и систем [12]. Одним из наиболее значимых вызовов, по нашему мнению, является проблема управляемости нейросетями.

Методология и методы исследования

Необходимо отметить, что, несмотря на бурный прогресс нейросетей, вопросы их управляемости, как и в целом управляемости технологиями искусственного интеллекта, до сих пор достаточно не изучены. В настоящее время нет даже четко определенных для той или иной сферы деятельности критериев и признаков управляемости нейросетей, хотя данный термин применим к системам управления научного, технологического и организационного характера. Справедливым будет утверждение, что нейросети также могут быть рассмотрены как системы – управления, прогнозирования, проектирования оптимизации. Применительно к государственному управлению нейросеть может быть применена как система управления общественным мнением.



Согласно М.В. Рубцовой, управляемость – это качество управляющих и управляемых субъектов и связей между ними, позволяющее им организовать общественную жизнь, используя институты управления [16]. Таким образом, управляемость является качественной характеристикой любой системы, и свидетельствует о той или иной мере ее эффективности и безопасности. В этой связи полагаем важным поиск и разработку критериев управляемости [20] применительно к нейросетям, в первую очередь, в жизненно важных сферах, к которым, безусловно относятся как государственное управление, так и медицина.

Управляемость нейросети представляет собой способность воздействовать на нее человеком или другим внешним управляющим агентом [15]. Управляемость выступает важной характеристикой нейросети, так как некоторая неопределённость в ее поведении может привести к непредсказуемым последствиям для конечных пользователей.

В этой связи стоит отметить еще одну, не очевидную на первый взгляд, опасность – возможность доминирования публичного сервисно-цифрового аспекта в сознании граждан, когда они могут превратиться из активных субъектов управления нейросетью в послушных ее пользователей, как минимум, рискуя собственной жизнью. Согласно В.В. Зотову и Л.А. Василенко, «являясь основным трендом в современном обществе, цифровизация публичного пространства может привести к снижению человеко-ориентированности в процессах принятия общественно значимых решений» [13]. В первую очередь, речь идет о вовлеченности граждан в публичное управление, но, рассматривая этот вопрос шире, можно предположить и снижение уровня осознанности и ответственности человека за собственную жизнь, здоровье и интересы, которая может быть «переложена на плечи» цифрового ассистента, а точнее, внешнего управляющего агента, стоящего за ним.

В 2023 году в России был разработан проект предварительного национального стандарта «Искусственный интеллект. Управляемость автоматизированных систем искусственного интеллекта» [15]. В нём описываются особенности управляемости и процесс управления, но не предопределяется, кто или что осуществляет управление.

Следует отметить отличие назначения профессионально разработанных систем искусственного интеллекта в области медицины от общедоступных генеративных нейросетей общего назначения. Именно к ним обращаются граждане с целью проверки действий врача или вместо посещения кабинета врача.

В связи с этим целью научного эксперимента стало выявление управляемости трех моделей нейросетей-трансформеров, доступных для свободного применения российскими гражданами. Управляемость в данном аспекте понимается автором как способность нейросети выступать консультантом пользователя по вопросам первичной медицинской диагностики, проявляется на уровне управляемости трех моделей нейросетей-трансформеров.

Критериями управляемости были выбраны различные аспекты пациентоориентированности, структурированные в два блока.

1. Адекватная медицинская трактовка описанного пользователем состояния, адекватность информации о заболевании и вариантах лечения (посещение врача, лечение), допущение дифференциальной диагностики.
2. Этика построения взаимодействия с пациентом: эмоциональная поддержка, пациентоориентированный диалог с пользователем, общую грамотность.

Эксперимент заключался во взаимодействии граждан с моделями нейросетей трансформеров ChatGPT, ChatGPT4 | Midjourney и ChatGPT4 по пяти вопросам первичной медицинской диагностики согласно различной симптоматике, в большей или меньшей степени характерных для конкретного заболевания, озвученной условными гражданами. Для оценки первого блока критериев были привлечены пять экспертов – специалисты с высшим медицинским образованием соответствующих специальностей. Второй блок критериев оценивался непосредственно автором статьи. Все оценки даны по пятибалльной системе (5 – наилучшая, 1 – самая низкая оценка).

Результаты эксперимента

Реакция нейросетей на вопросы экспериментатора приведены в таблице 1 все ответы нейросети приведены с сохранением орфографии и пунктуации.

Таблица 1. Ответы моделей нейросетей-трансформеров на запрос по тематике стоматологии и гастроэнтерологии

Текст запроса: у меня дырка в зубе, зуб периодически болит, больно накусывать, иногда припухает десна. Какой диагноз?	Текст запроса: у меня ощущение тошноты, изжоги после приёма пищи, неприятный привкус во рту, ноющая боль в проекции желудка. Каков диагноз?
Ответы моделей нейросетей-трансформеров на запрос по тематике стоматологии Responses from transformer neural network models to a request related to dentistry	Ответы моделей нейросетей-трансформеров на запрос по тематике гастроэнтерологии Responses of transformer neural network models to a request on the topic of gastroenterology



Продолжение

Текст запроса: у меня дырка в зубе, зуб периодически болит, больно накусывать, иногда припухает десна. Какой диагноз?	Текст запроса: у меня ощущение тошноты, изжоги после приёма пищи, неприятный привкус во рту, ноющая боль в проекции желудка. Каков диагноз?
ChatGPT: По вашему описанию, у вас скорее всего есть кариозный процесс в зубе, возможно с образованием зубного абсцесса. Рекомендуется обратиться к стоматологу для установления точного диагноза и назначения соответствующего лечения	ChatGPT: По вашему описанию можно предположить, что у вас возможно рефлюкс-эзофагит, который характеризуется возвращением содержимого желудка в пищевод из-за нарушения работы нижнего эзофагального сфинктера. Это может привести к ощущению изжоги, тошноты, неприятному привкусу во рту и болям в проекции желудка. Однако, для назначения лечения рекомендуется обратиться к гастроэнтерологу или терапевту для проведения осмотра и необходимых обследований
ChatGPT4 Midjourney: Привет! К сожалению, симптомы, которые ты описываешь, могут быть признаками зубной кариеса, который привел к образованию дырки в зубе. Возможно, инфекция распространилась внутрь зуба и вызвала воспаление десен. Как правило, такие симптомы обычно говорят о необходимости профессиональной консультации и лечения. Стоматолог, вероятно, осмотрит зуб, возможно, сделает рентген, чтобы определить степень поражения решить, как лучше всего лечить эту проблему. Возможно, это потребует удаления пораженной ткани и пломбирования зуба. Не стоит заниматься самолечением или ждать, что боль пройдет сама собой. Важно своевременно обратиться к специалисту, чтобы сохранить зубное здоровье. Помимо лечения проблемы, стоматолог также может дать советы по уходу за зубами, чтобы предотвратить подобные проблемы в будущем. Надеюсь, что моя информация будет полезной! Я всегда здесь, если у тебя есть еще вопросы или что-то нужно прояснить	ChatGPT4 Midjourney: Привет! Симптомы, которые ты описываешь, могут быть связаны с различными проблемами желудочно-кишечного тракта, но одной из наиболее вероятных причин может быть гастрит. Гастрит – это воспаление слизистой оболочки желудка, которое может быть вызвано различными факторами, включая инфекции, стресс, неправильное питание и др. Симптомы гастрита включают тошноту, изжогу, неприятный привкус во рту, боль или дискомфорт в области желудка. Питание, богатое жирами, острое или кислотное, алкоголь, курение могут усугублять симптомы гастрита. Важно обратиться к врачу для диагностики и лечения. Врач, скорее всего, проведет осмотр, может быть назначит анализы крови и другие исследования для определения причины симптомов. Лечение, как правило, включает в себя рекомендации по диете, приему лекарств для снижения воспаления и защиты слизистой оболочки. Не стоит игнорировать эти симптомы, так как воспаление желудка может привести к серьезным осложнениям. Важно следовать рекомендациям врача, избегать раздражающих продуктов и стрессовых ситуаций. Если у тебя есть дополнительные вопросы или нужна еще какая-то информация, не стесняйся спрашивать! Я здесь, чтобы помочь
ChatGPT4: Я не могу поставить точный диагноз, так как не являюсь врачом, для диагностики необходимо осмотреть зуб и, возможно, сделать рентгеновский снимок. Однако, основываясь на вашем описании, можно предположить несколько возможных проблем: 1. Кариес – дырка в зубе может указывать на кариес. Это разрушение ткани зуба, вызванное кислотами, которые продуцируются бактериями в процессе их жизнедеятельности. Если кариес глубокий, он может вызвать боль при жевании или нажмие. 2. Пульпит – если боль постоянная, может усиливаться ночью, это может указывать на воспаление нерва зуба. Пульпит требует лечения под местной анестезией. Без лечения может привести к развитию осложнений. 3. Пародонтит – если припухает десна, это может быть признаком воспаления тканей, окружающих зуб, что может указывать на пародонтит. Это заболевание требует срочного лечения, так как может привести к потере зуба и распространению инфекции. Важно понимать, что все вышеуказанные состояния требуют визита к стоматологу. Только врач может поставить точный диагноз и назначить соответствующее лечение. Задержка с обращением к врачу может привести к усугублению ситуации и более сложному и дорогому лечению	ChatGPT4: Описанные симптомы могут быть признаками ряда желудочно-кишечных заболеваний, без обследования и консультации с врачом невозможно точно определить их причину. Вот несколько состояний, которые могут объяснить ваши симптомы: 1. Гастрит – воспаление слизистой оболочки желудка, которое может вызывать боль в области желудка, тошноту, изжогу и неприятный вкус во рту. 2. Рефлюкс-эзофагит (ГЭРБ) – заброс содержимого желудка в пищевод, что может вызвать изжогу, тошноту и неприятный привкус во рту. 3. Язвенная болезнь – язвы на слизистой желудка или двенадцатиперстной кишки могут вызывать ноющую боль в желудке, а также изжогу и тошноту. 4. Функциональные расстройства пищеварительной системы, такие как диспепсия, также могут вызывать схожие симптомы. Чтобы получить соответствующее лечение, необходимо обратиться к врачу. Врач может назначить ряд исследований, таких как анализы крови, УЗИ брюшной полости, эндоскопию желудка и/или двенадцатиперстной кишки (ФГДС) для оценки состояния слизистой, а также проверить наличие инфекции <i>Helicobacter pylori</i> , которая часто ассоциируется с гастритом и язвенной болезнью. Важно своевременно обратиться к специалисту, поскольку некоторые из этих состояний могут прогрессировать и привести к серьезным осложнениям
Комментарий эксперта: Верный первоначальный диагноз: хронический пародонтит. ChatGPT пытается с большой долей вероятности указать диагноз, но ответ представляется размытым и обобщенным, не соответствующим классификации болезней, соответственно, не может быть принят как верный. Рекомендательная часть ответа верна, она сводится к необходимости посещения специалиста для постановки точного диагноза и назначения лечения.	Комментарий эксперта: Верный первоначальный диагноз: гастрит. ChatGPT предполагает неверный диагноз, ответ лаконичен и беден, несмотря на дополнительную информацию. Важно, что ответ содержит рекомендацию посетить врача, но постановка неверного предварительного диагноза в дальнейшем может создавать почву для недопонимания или даже конфликта между врачом и пациентом. ChatGPT4 Midjourney даёт объёмный развернутый ответ, богатый профессиональной терминологией, диагноз поставлен верно. Описана возможная патология, ее патогенез, клинические проявления процесса,



Текст запроса: у меня дырка в зубе, зуб периодически болит, больно накусывать, иногда припухает десна. Какой диагноз?	Текст запроса: у меня ощущение тошноты, изжоги после приёма пищи, неприятный привкус во рту, ноющая боль в проекции желудка. Каков диагноз?
ChatGPT4 Midjourney даёт более объёмный ответ, профессиональная терминология также имеет недочёты и может быть подвергнута критике со стороны врача. Сеть предполагает возможную патологию, описывает процесс развития заболевания, а также возможные дальнейшие процедуры у врача, рекомендуя его незамедлительное посещение. ChatGPT4 с первых слов говорит о том, что не может поставить точный диагноз, и приводит перечень возможных состояний с их кратким описанием, соответствующих описанным симптомам. Также рекомендует обращение к врачу для уточнения диагноза	дальнейшая тактика врача при данной нозологии. Также рекомендуется его незамедлительное посещение, есть предупреждение о возможных осложнениях. ChatGPT4 отказывает в постановке уточнённого диагноза, ссылаясь на необходимость срочного обращения к врачу, приводит перечень распространённых патологий желудочно-кишечного тракта с их кратким описанием, одним из возможных заболеваний указывается гастрит. ИНС также приводит перечень процедур и исследований, способных помочь в диагностике

Дискуссии и обсуждение результатов эксперимента

Резюмируя комментарии экспертов, оценим все три ИНС по двум блокам критериев управляемости. Несомненным достоинством всех ИНС, участвующих в эксперименте, можно считать рекомендации незамедлительного обращения к врачу для более детального обследования. Часть диагнозов была поставлена ИНС верно, часть – нет. Особую тревогу вызывает положительно ошибочный диагноз, который успокаивает «пациента», симптомы которого свидетельствуют о возможности онкологического заболевания. Также принципиальным моментом является отсутствие в двух ИНС возможности допущения дифференциальной диагностики. Все три ИНС не делают попытки вступить в диалог с пользователями, что всегда происходит при медицинской диагностике в кабинете любого врача – это, с нашей точки зрения, является принципиальной недоработкой.

Оценивая структуру и полноту ответа, отметим, что первая ИНС давала достаточно короткие ответы, не предполагая разные диагнозы и даже не описывая подробно тот единственный диагноз, который она установила на основании запроса. Вторая ИНС также предполагает в каждом запросе только один диагноз, но описывает его причины и последствия чуть более подробно, а также предупреждает о предстоящих (которые, вероятно, назначит врач) методах инструментальной и клинической диагностики.

Третья модель, ChatGPT4, предполагала сразу несколько диагнозов, предложенные ей ответы были более структурированными и полными. Что касается эмоциональной поддержки, которую, согласно принципу пациентоориентированности, должен оказывать врач больному, то наиболее выраженной эмпатия оказалась только у одной ИНС,

но и ей мы снизили балл за излишнюю фамильярность. Две другие ИНС «вели себя» эмоционально сдержанно, отвечая, впрочем, без негатива и запугиваний.

Общая грамотность не вызывает серьезных нареканий, так как явных орфографических или стилистических ошибок замечено не было. Однако две ИНС допустили несколько ошибок в пунктуации, не выделив запятыми с одной или другой стороны вводные конструкции, а также «запутавшись» с пробелами и тире, не согласовав род и число некоторых прилагательных и существительных. Все три нейросети в избыточном количестве использовали вероятностные вводные слова и конструкции («возможно», «скорее всего», «вероятно» и т.д.), что заставляет воспринимать их рекомендации более осторожно, не быть в них уверенными.

Профессиональная этика может быть оценена на основании критерия «самостоятельности» и врачебной состоятельности нейросети, которые в данном случае недопустимы. Однако, ни одна из трех моделей не претендует на единственно верную истину в своих ответах, все модели настоятельно рекомендуют обратиться к врачу в каждом их запросов.

По итогам оценки составим сводную таблицу условных показателей управляемости моделей нейросетей-трансформеров ChatGPT, ChatGPT4 | Midjourney, ChatGPT4, по тем критериям, которые проявляются на уровне пользователя таблица 2.

Согласно результатам, наилучшие показатели управляемости, за счет продемонстрированной попытки дифференциальной диагностики в четырех случаях из пяти, продемонстрировала третья ИНС ChatGPT4. И тем не менее, управляемость всех трех ИНС оцениваются нами на основе полученных баллов не очень высоко: ChatGPT – ниже средней, ChatGPT4 | Midjourney – средняя, ChatGPT4 – выше средней.



Таблица 2. Сводные показатели критериев управляемости моделей нейросетей-трансформеров ChatGPT, ChatGPT4 / Midjourney, ChatGPT4

Показатели	ChatGPT	ChatGPT4 / Midjourney	ChatGPT4
Адекватная медицинская трактовка описанного пользователем состояния (предполагаемый диагноз)	2,2	3,6	2,8
Адекватность информации о заболевании и вариантах лечения (посещение врача, терапия)	5	4,8	4,8
Допущение дифференциальной диагностики	0	0	4
Эмоциональная поддержка	2/5	4/5	2/5
Пациентоориентированный диалог с пользователем	0/5	0/5	0/5
Общая грамотность	4/5	4/5	5/5
ИТОГО:	13,2/30	16,4/30	18,6/30
х/5*1 – оценка по пятибалльной шкале от первого специалиста, х/5*2 – оценка по пятибалльной шкале от второго специалиста и т.д.			

Заключение

Нейросети являются перспективной наукоёмкой цифровой технологией, развитие которой открывает широкие возможности, позволяющие форсировать и автоматизировать рутинные процессы, ускоряя тем самым научно-технический прогресс. Тем не менее, в каждой из отраслей есть свои ограничения и нюансы, которые надо учитывать при разработке и внедрении нейросетей как для научных целей, так и государственного управления, включающего в себя возможность безопасного и осознанного использования нейросетей гражданами. В этой связи вопросы управляемости нейросетями остаются остро актуальными, требуют дополнительных исследований, контроля использования и государственного урегулирования.

Литература

1. Al-Antari MA, Al-Masni MA, Choi MT, Han SM, Kim TS. A Fully Integrated Computer-Aided Diagnosis System for Digital X-Ray Mammograms via Deep Learning Detection, Segmentation, and
2. Classification. *Int J Med Inform* (2018) 117:44–54. doi: 10.1016/j.ijmedinf.2018.06.003.
3. Arieno A, Chan A, Destounis SV. A Review of the Role of Augmented Intelligence in Breast Imaging: From Automated Breast Density Assessment to Risk Stratification. *AJR Am J Roentgenol* (2019) 212(2):259–70. doi: 10.2214/AJR.18.20391.
4. Korn RL, Rahmanuddin S, Borazanci E. Use of Precision Imaging in the Evaluation of Pancreas Cancer. *Cancer Treat Res* (2019) 178:209–36. doi: 10.1007/978-3-030-16391-4_8.
5. Lei, Y., Yin, M., Yu, M., Yu, J., Zeng, S., Lv, W., Li, J., Ye, H., Cui, X., & Dietrich, C., 2021. Artificial Intelligence in Medical Imaging of the Breast. *Frontiers in Oncology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fonc.2021.600557>.
6. Natraj, S., Kojovic, N., Maillart, T., & Schaer, M., 2023. Video-audio neural network ensemble for comprehensive screening of autism spectrum disorder in young children. *PLOS ONE*, 19. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0308388>.
7. Qin C, Yao D, Shi Y, Song Z. Computer-Aided Detection in Chest Radiography Based on Artificial Intelligence: A Survey. *BioMed Eng Online* (2018) 17(1):113. doi: 10.1186/s12938-018-0544-y.
8. Rodriguez-Ruiz A, Lang K, Gubern-Merida A, Teuwen J, Broeders M, Gennaro G, et al. Can We Reduce the Workload of Mammographic Screening by Automatic Identification of Normal Exams With Artificial Intelligence? A Feasibility Study. *Eur Radiol* (2019) 29(9):4825–32. doi: 10.1007/s00330-019-06186-9.
9. Villanueva-Meyer JE, Chang P, Lupo JM, Hess CP, Flanders AE, Kohli M. Machine Learning in Neurooncology Imaging: From Study Request to Diagnosis and Treatment. *AJR Am J Roentgenol* (2019) 212(1):52–6. doi: 10.2214/AJR.18.20328.
10. Zhang, H., Lan, J., Wang, H., Lu, R., Zhang, N., He, X., Yang, J., & Chen, L., 2024. AlphaFold2 in biomedical research: facilitating the development of diagnostic strategies for disease. *Frontiers in Molecular Biosciences*, 11. <https://doi.org/10.3389/fmolb.2024.1414916>.
11. Zhou LQ, Wang JY, Yu SY, Wu GG, Wei Q, Deng YB, et al. Artificial Intelligence in Medical Imaging of the Liver. *World J Gastroenterol* (2019) 25(6):672–82. doi: 10.3748/wjg.v25.i6.672.
12. Барсукова Е.А., Поморцев А.В., Дьяченко Ю.Ю., Матосян М.А., Белоглядова И.А. Комплексный (систематический) обзор литературы о применении искусственного интеллекта в медицинской визуализации // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 6. 2023. С. 198–202.
13. Василенко В.И. и др. Трансформационные процессы в системе допуска к государственной тайне России: монография / под ред. А.А. Прохожева. М.: Проспект, 2010. 591 с.



13. Зотов В.В., Василенко Л.А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023 № 3. С. 26–47. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47.
14. Иванова А.А. Нейросети как прорывной инструмент медицины будущего. // International Journal of Professional Science. 2024. № 6–2. С. 48–56. EDN: IPANAQ
15. Пояснительная записка к проекту предварительного национального стандарта «Искусственный интеллект. Управляемость автоматизированных систем искусственного интеллекта (ISO/IEC CD TS 8200, IDT)» // https://bigdata.msu.ru/media/media/upload_editor/2023/06/19/41d8948f2cdd7d6e630f14d67fe3813430bf9e8b.pdf (дата обращения: 12.03.2026).
16. Рубцова М.В. Управляемость как основополагающая социолого-управленческая категория // Вестник Томского государственного университета. № 320. 2009. С. 53–57.
17. Сбер построил в умное кольцо сдавшую экзамен по лечебному делу нейросеть // <https://tass.ru/ekonomika/22644869> (дата обращения: 15.03.2024).
18. Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции: международный семинар «Динамическое социально-экономическое развитие России в контексте мировых целей тысячелетия». Василенко Л.А. и др. (ред.). М.: Проспект, 2004.
19. Твердунов Е.М., Куликова О.В., Пиневич Е.В. Исследование влияния нейронных сетей на развитие медицины // Нанотехнологии: наука и производство. 2024. С. 19–24. EDN: MVFEPT.
20. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. EDN: VSDAAV

NEURAL NETWORKS: CONTROLLABILITY AND HUMAN-CENTRICITY IN MEDICAL DIAGNOSTIC PROCESSES

Yudin V.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the possibilities of using neural networks as a new technology that can change the usual image of public administration, social interaction and professional activity in the field of healthcare. Using the example of user interaction with transformer neural network models on primary medical diagnostics, the author conducts a scientific experiment comparing the conclusions and recommendations of artificial intelligence with expert opinion. Considering the issues of efficiency and security of neural networks, the author discusses such important qualities of artificial intelligence as its controllability and human-centricity.

Keywords: neural network, transformer, artificial intelligence, manageability, public administration, medicine, medical diagnostics, innovation, digitalization, gpt chat.

References

1. Al-Antari MA, Al-Masni MA, Choi MT, Han SM, Kim TS. A Fully Integrated Computer-Aided Diagnosis System for Digital X-Ray Mammograms via Deep Learning Detection, Segmentation, and Classification. *Int J Med Inform* (2018) 117:44–54. doi: 10.1016/j.ijmedinf.2018.06.003.
2. Arieno A, Chan A, Destounis SV. A Review of the Role of Augmented Intelligence in Breast Imaging: From Automated Breast Density Assessment to Risk Stratification. *AJR Am J Roentgenol* (2019) 212(2):259–70. doi: 10.2214/AJR.18.20391.
3. Korn RL, Rahmanuddin S, Borazanci E. Use of Precision Imaging in the Evaluation of Pancreas Cancer. *Cancer Treat Res* (2019) 178:209–36. doi: 10.1007/978-3-030-16391-4_8.
4. Lei, Y., Yin, M., Yu, M., Yu, J., Zeng, S., Lv, W., Li, J., Ye, H., Cui, X., & Dietrich, C., 2021. Artificial Intelligence in Medical Imaging of the Breast. *Frontiers in Oncology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fonc.2021.600557>.
5. Natraj, S., Kojovic, N., Maillart, T., & Schaer, M., 2023. Video-audio neural network ensemble for comprehensive screening of autism spectrum disorder in young children. *PLOS ONE*, 19. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0308388>.
6. Qin C, Yao D, Shi Y, Song Z. Computer-Aided Detection in Chest Radiography Based on Artificial Intelligence: A Survey. *BioMed Eng Online* (2018) 17(1):113. doi: 10.1186/s12938-018-0544-y.
7. Rodriguez-Ruiz A, Lang K, Gubern-Merida A, Teuwen J, Broeders M, Gennaro G, et al. Can We Reduce the Workload of Mammographic Screening by Automatic Identification of Normal Exams With Artificial Intelligence? A Feasibility Study. *Eur Radiol* (2019) 29(9):4825–32. doi:10.1007/s00330-019-06186-9.
8. Villanueva-Meyer JE, Chang P, Lupo JM, Hess CP, Flanders AE, Kohli M. Machine Learning in Neuro-oncology Imaging: From Study Request to Diagnosis and Treatment. *AJR Am J Roentgenol* (2019) 212(1):52–6. doi: 10.2214/AJR.18.20328.
9. Zhang, H., Lan, J., Wang, H., Lu, R., Zhang, N., He, X., Yang, J., & Chen, L., 2024. AlphaFold2 in biomedical research: facilitating the development of diagnostic strategies for disease. *Frontiers in Molecular Biosciences*, 11. <https://doi.org/10.3389/fmolb.2024.1414916>.
10. Zhou LQ, Wang JY, Yu SY, Wu GG, Wei Q, Deng YB, et al. Artificial Intelligence in Medical Imaging of the Liver. *World J Gastroenterol* (2019) 25(6):672–82. doi: 10.3748/wjg.v25.i6.672.
11. Barsukova E.A., Pomortsev A.V., Dyachenko Yu.Yu., Matosyan M.A., Beloglyadova I.A. Comprehensive (systematic) review of the literature on the use of artificial intelligence in medical imaging // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. № 6. 2023. Pp. 198–202.
12. Vasilenko V.I. et al. Transformation processes in the system of access to state secrets of Russia: monograph / edited by A.A. Prokhozhev. Moscow: Prospect, 2010. 591 p.
13. Zotov V.V., Vasilenko L.A. Digital transformation of public administration: unity of service-digital and social-network aspects // *Issues of public and municipal administration*. 2023, № 3. Pp. 26–47. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47.
14. Ivanova A.A. Neural networks as a breakthrough tool for future medicine. // *International Journal of Professional Science*. 2024. № 6–2. pp. 48–56. EDN: IPANAQ
15. Explanatory note to the draft preliminary national standard “Artificial Intelligence. Controllability of automated artificial intelligence systems (ISO/IEC CD TS 8200, IDT)” // https://bigdata.msu.ru/media/media/upload_editor/2023/06/19/41d8948f2cdd7d6e630f14d67fe3813430bf9e8b.pdf (accessed: 12.03.2026).
16. Rubtsova, M.V. “Controllability as a Fundamental Sociological and Managerial Category.” *Bulletin of Tomsk State University*, № 320, 2009, pp. 53–57.
17. Sberbank Embeds a Neural Network That Passed a Medical Exam in Its Smart Ring. <https://tass.ru/ekonomika/22644869> (Accessed: March 15, 2024).

18. Russia's Dynamic Development Strategy: The Unity of Self-Organization and Management. Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference: International Seminar "Dynamic Socioeconomic Development of Russia in the Context of the Millennium Development Goals." Vasilenko, L.A., et al. (eds.). Moscow: Prospect, 2004.
19. Tverdunov, E.M., Kulikova, O.V., Pinevich, E.V. A Study of the Impact of Neural Networks on the Development of Medicine // Nanotechnology: Science and Production. 2024. pp. 19–24. EDN: MVFEPT.
20. Tikhonov A. V., Bogdanov V.S. From "Smart Regulation" to "Smart Management": The Social Problem of Digitalizing Feedback // Sociological Research. 2020. No. 1. pp. 74–81. EDN: VSDAAV

Символическое конструирование и нарративы риска «ледового шелкового пути»: социологический анализ на основе политических и медиатекстов

Ван Цзэлинь,
студент, СПбГУ
E-mail: ldyk251017@126.com

Предметом исследования является символическое конструирование и нарративы риска в контексте Ледового шелкового пути. Объектом исследования выступают политические и медиатексты, посвященные арктическим проектам России и Китая, включая публикации в ведущих международных СМИ – BBC, The Guardian, Arctic Today. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как геополитические риски освоения Арктики, медийные стратегии формирования общественного мнения, социологический анализ дискурсивных практик и символических конструкций в нарративах угроз. Особое внимание уделяется взаимодействию культурных и политических измерений в российско-китайском партнерстве по развитию Северного морского пути, противопоставлению западных интерпретаций арктических инициатив как источников глобальных рисков, а также эволюции представлений о безопасности и сотрудничестве в период с 2016 по 2024 год. Исследование также затрагивает роль медиа в конструировании образа Ледового шелкового пути как геостратегического вызова. Методология включает социологический анализ политических и медиатекстов с использованием дискурс-анализа для выявления символических конструкций и доминирующих нарративов риска. Новизна исследования заключается в комплексном социологическом анализе нарративов риска Ледового шелкового пути на основе политико-медиатекстов 2016–2024 годов. Основными выводами проведенного исследования являются выявление доминирующих западных дискурсов геополитических угроз в Арктике, роль символического конструирования в формировании негативного восприятия российско-китайских арктических проектов и механизмы медийного воздействия на общественное сознание. Особым вкладом автора является демонстрация, как публикации в BBC и The Guardian систематически конструируют риски, противопоставляя стратегическое партнерство России и Китая угрозам глобальной безопасности, международного порядка и экологической стабильности в Арктике. Это обогащает теорию кросс-культурных нарративов, подчеркивает практическую ценность дискурс-анализа для геополитических исследований и предлагает новые подходы к пониманию медиапрактик в условиях многополярного мира.

Ключевые слова: «Ледовый шелковый путь», Арктика, символическое конструирование, нарративы риска, китайский дискурс, геополитика, экология, дискурс-анализ, медиа, международное сотрудничество.

Актуальность темы обусловлена возрастающим стратегическим и экономическим интересом Китая к Арктике и проекту «Ледового шелкового пути» (ЛШП). В последние годы Китай активно расширяет свое присутствие в Арктическом регионе, мотивируя это климатическими изменениями, которые способствуют сокращению площади полярных льдов и открывают новые возможности для логистики и добычи природных ресурсов. Арктика богата углеводородами и другими минеральными ресурсами, которые играют ключевую роль в энергетической безопасности стран, включая Китай.

«Ледовый шелковый путь» рассматривается Китаем и Россией как важнейший международный транспортный коридор, который соединяет Западную часть России с Дальним Востоком через Северный морской путь (СМП). Этот проект имеет долгосрочную перспективу развития инфраструктуры и экономического сотрудничества с упором на освоение арктических ресурсов и расширение торговых маршрутов между Европой и Азией. Интерес Китая к Арктике и ЛШП также поддерживается стремлением к усилению дипломатического влияния в регионе, хотя нынешняя геополитическая напряженность несколько снижает активность Пекина в продвижении собственных амбиций.

Китай официально позиционирует себя как «приарктическое государство», что, несмотря на отсутствие прямого выхода к Арктике, служит инструментом легитимации его влияния в регионе и расширения экономического и политического сотрудничества с арктическими странами. Проект «Ледовый шелковый путь» входит в концепцию китайской инициативы «Один пояс, один путь» и служит важным элементом реализации взаимовыгодного партнерства России и Китая в условиях глобальной экономической турбулентности и переориентации геополитических интересов [4].

Теоретико-методологические основы анализа проекта «Ледовый шелковый путь» и арктической тематики можно опираться на классическую концепцию социального конструирования реальности Питера Бергера и Томаса Лукмана. Согласно им, реальность создается и поддерживается через язык, символы и социальные взаимодействия. Пространство Арктики в этом ключе воспринимается не как объективно неподвижная природная зона, а как социально сконструированное про-



странство, обретающее смысл и значение через дискурсы, политические заявления и медийные тексты. Язык и символы формируют Актуальность темы обусловлена возрастающим стратегическим и экономическим интересом Китая к Арктике и проекту «Ледового шелкового пути» (ЛШП). В последние годы Китай активно расширяет свое присутствие в Арктическом регионе, мотивируя это климатическими изменениями, которые способствуют сокращению площади полярных льдов и открывают новые возможности для логистики и добычи природных ресурсов. Арктика богата углеводородами и другими минеральными ресурсами, которые играют ключевую роль в энергетической безопасности стран, включая Китай.

Научная новизна исследования состоит в том, что проект «Ледовый шелковый путь» впервые анализируется в социологической логике символического конструирования, где Арктика и Северный морской путь рассматриваются как социально сконструированные пространства, формируемые через политические и медийные дискурсы. В работе выявлены и сопоставлены нарративы возможностей и рисков, показана их конфликтная динамика и роль в легитимации присутствия Китая в Арктике как «приарктического государства». На основе дискурс- и контент-анализа систематизированы ключевые символы, метафоры и риторические стратегии официального китайского дискурса, а также международные и академические контрнарративы, что позволило обосновать понимание «Ледового шелкового пути» как арены символической борьбы за интерпретацию Арктики в современном международном пространстве.

«Ледовый шелковый путь» рассматривается Китаем и Россией как важнейший международный транспортный коридор, который соединяет Западную часть России с Дальним Востоком через Северный морской путь (СМП). Этот проект имеет долгосрочную перспективу развития инфраструктуры и экономического сотрудничества с упором на освоение арктических ресурсов и расширение торговых маршрутов между Европой и Азией. Интерес Китая к Арктике и ЛШП также поддерживается стремлением к усилению дипломатического влияния в регионе, хотя нынешняя геополитическая напряженность несколько снижает активность Пекина в продвижении собственных амбиций.

Китай официально позиционирует себя как «приарктическое государство», что, несмотря на отсутствие прямого выхода к Арктике, служит инструментом легитимации его влияния в регионе и расширения экономического и политического сотрудничества с арктическими странами. Проект «Ледовый шелковый путь» входит в концепцию китайской инициативы «Один пояс, один путь» и служит важным элементом реализации взаимовыгодного партнерства России и Китая в условиях

глобальной экономической турбулентности и переориентации геополитических интересов [4].

Теоретико-методологические основы анализа проекта «Ледовый шелковый путь» и арктической тематики можно опирать на классическую концепцию социального конструирования реальности Питера Бергера и Томаса Лукмана. Согласно им, реальность создается и поддерживается через язык, символы и социальные взаимодействия. Пространство Арктики в этом ключе воспринимается не как объективно неподвижная природная зона, а как социально сконструированное пространство, обретающее смысл и значение через дискурсы, политические заявления и медийные тексты. Язык и символы формируют восприятие Арктики, задают рамки актуальных проблем, возможностей и вызовов, включая вопросы экологии, безопасности и международного сотрудничества.

В теоретико-методологическом отношении исследование «Ледового шелкового пути» опирается на уже сформировавшийся корпус работ, рассматривающих этот проект как часть широкой геэкономической и геополитической стратегии Китая и России в Арктике, а также как инструмент символического конструирования нового типа евразийской взаимозависимости. Жучкова Т.А. анализирует «Ледовый шелковый путь» как перспективное направление российско-китайского стратегического партнерства, связывая дискурсы Арктики с энергетической и транспортной повесткой и подчеркивая важность символического ресурса маршрута для легитимации проектов в сфере ТЭК и логистики [2]. Гуан Сяогуан, Ли Чжэньфу, Чэнь Чжо и Дин Чхаоцзюнь, опираясь на модели GTAP, показывают экономические эффекты «полярного/ледового шелкового пути» для Китая и арктических государств, тем самым задавая макроэкономический контекст для анализа риск-нарративов и их влияния на восприятие проекта как «зоны возможностей» или «зоны уязвимости» [7].

Важным аспектом является то, что социальное конструирование включает процессы хабиитуализации (опривычивания) и седиментации (осаждения) опыта, что означает постепенную институционализацию определенных смыслов и практик, связанных с Арктикой и «Ледовым шелковым путем». Эти процессы создают устойчивые нарративы, которые влияют на восприятие и поведение как государственных акторов, так и широкой общественности.

В рамках символической политики государства используют образы, метафоры и нарративы для легитимации своих внешнеполитических инициатив. В случае с «Ледовым шелковым путем» и Арктикой Китай и Россия конструируют образы, подчеркивающие технологический прогресс, сотрудничество и безопасность. Эти символы служат инструментом нарративной власти – с их помощью усиливается легитимность стратегии, формиру-



ются общественные и международные ожидания, смягчаются конфликты и создаются партнерские дискурсы. Например, использование метафоры «Шелковый путь» трансформирует традиционный торговый маршрут в современный инновационный проект, имеющий глобальное значение [1].

Таким образом, в социологическом анализе важно учитывать, как политические и медиатексты создают, воспроизводят и трансформируют символические значения Арктики и «Ледового шелкового пути», формируя одновременно и нарративы возможности, и нарративы риска. Этим обеспечивается динамика восприятия региона как пространства геополитического соперничества и экономических перспектив в глобальной политической повестке.

Методология исследования опирается на комплексный подход, включающий два взаимодополняющих вида дискурс-анализа: контент-анализ и нарративный анализ, что позволяет охватить как количественные характеристики текстового корпуса, так и качественные аспекты символического конструирования рисков. Контент-анализ был проведен на выборке политических и медиатекстов (около 150 единиц), отобранных по принципу релевантности и репрезентативности: включены официальные документы (белые книги Китая по арктической политике, стратегические декларации РФ), публикации в ведущих СМИ России (РИА Новости, ТАСС, «Коммерсантъ»), Китая (Xinhua, Global Times) и Запада (BBC, The Guardian, Arctic Today), а также экспертные статьи за период 2018–2025 гг., содержащие ключевые маркеры «Ледового шелкового пути» (Ice Silk Road, Polar Silk Road). Для контент-анализа разработан оригинальный классификатор, где смысловые единицы текста (риск, возможность, партнерство, Арктика) определены через индикаторы: лексические (например, «угроза», «шанс», «сотрудничество»), синтаксические (модальности типа «может привести к», «гарантирует») и семантические кластеры (экологические риски – таяние льдов, загрязнение; геополитические – санкции, милитаризация); кодирование осуществлялось вручную с использованием NVivo для обеспечения межкодирующей надежности (Каппа > 0,8). Нарративный анализ проводился на основе собранных нарративных данных из экспертных интервью.

В текстовую выборку исследования входят официальные политические документы Китая, касающиеся Северного морского пути (СМП), включающие стратегические планы и соглашения, отражающие позицию Пекина на тему освоения арктического маршрута. Значительную часть составляют публикации в ведущих китайских государственных СМИ, таких как «Жэньминь жибао» и «Синьхуа», которые транслируют официальные нарративы и символику развития СМП и интеграции в международные транспортные коридоры.

Для обеспечения всестороннего анализа дополнительно рассматриваются академические статьи и материалы международных медиа с высоким уровнем экспертности, включая BBC, The Guardian, Arctic Today и другие, что помогает проследить восприятие и интерпретацию китайской политики Арктики на глобальной арене.

Особое внимание уделяется анализу того, как совместные российско-китайские инициативы по развитию Северного морского пути и «Ледового шелкового пути» представлены как символы технологического прогресса, международного сотрудничества и стратегической стабильности. Например, политические документы подчеркивают усиление ледокольного флота, цифровизацию логистики, упрощение таможенных процедур и развитие инфраструктуры как ключевые компоненты сотрудничества. Медийные тексты активно используют нарративы ускорения грузоперевозок, сокращения времени транзита и выгодного геополитического позиционирования, формируя позитивную символику, которая одновременно конструирует риски, связанные с климатическими изменениями и международной конкуренцией [6].

Таким образом, методологический подход, основанный на дискурс- и контент-анализе выбранных политических и медиатекстов, дает возможность выявить механизмы символического конструирования арктического пространства и «Ледового шелкового пути», а также подробно рассмотреть нарративы риска и возможностей в современном международном контексте.

Нарратив «пути сотрудничества» подчеркивает партнерство Китая с Россией и другими странами, акцентируя внимание на мирном, взаимовыгодном развитии. Центральным политическим символом также выступает идеология «мирного развития», разграничивающая инициативу от геополитической конфронтации и подчеркивающая стабильность и безопасность [3].

Риторические стратегии в китайских политических и медиатекстах активно используют метафоры открытости, устойчивости и совместного выигрыша. Образ «открытого пути» символизирует свободный доступ и включенность всех заинтересованных сторон, делая акцент на транспарентности и совместном формировании выгод. Метафора «устойчивости» связана не только с экологической ответственностью, но и с экономической стабильностью и долгосрочностью развития арктических маршрутов. Идея «совместного выигрыша» представляет Ледовый шелковый путь как платформу для сотрудничества, противостоянию односторонним интересам и созданию мультиполярного экономического пространства.

Главной целью символического конструирования является легитимация участия Китая в Арктике, что особенно важно ввиду отсутствия у страны прямого арктического берега и противоречий



с другими арктическими государствами. Через нарративы и символы Китай стремится закрепить статус приарктической державы и закрепить свое место в международном арктическом сообществе. Второй ключевой целью является интеграция проекта «Ледового шелкового пути» в более широкую стратегическую концепцию «Пояса и пути», что позволяет связать арктическую инициативу с глобальной внешнеполитической и экономической программой Китая, усиливая ее стратегическую значимость и международное признание.

Таким образом, китайский дискурс выстраивает «Ледовый шелковый путь» как символ новой эры международного сотрудничества, технологического прогресса и мирного развития, используя для этого множество метафор и нарративов, которые помогают формировать позитивное восприятие проекта как внутри Китая, так и на международной арене.

Контрнарративы и рискованные дискурсы в международных и академических интерпретациях, касающихся «Ледового шелкового пути» и арктического региона, формируют комплекс критических взглядов, которые балансируют и часто противостоят официальным китайским нарративам. В первую очередь, это геополитические опасения, связанные с милитаризацией Арктики и борьбой за контроль над стратегическими ресурсами. Военный рост в регионе рассматривается как фактор эскалации напряженности, который порождает взаимное недоверие и риск конфликтов, особенно в контексте расширения военно-технических возможностей, двойного гражданского и военного использования инфраструктуры и конкуренции за территориальные претензии. Это воплощается в образах Арктики как арены геополитического соперничества, где ресурсы становятся предметом военного противостояния, а расширение военного присутствия усугубляет экологические риски и социальные напряженности.

Вторым важным направлением контрнарративов являются экологические риски: таяние арктических льдов, угроза биоразнообразию и ухудшение состояния экосистем при попытках активного освоения региона. Климатические изменения, которые способствуют расширению доступа к ресурсам, одновременно создают угрозы природной среде, что усиливает критику экономической экспансии. Экологические опасения включают возможные аварии и загрязнения, разрушение привычных условий жизни коренных народов, а также неустойчивое развитие, что вызывает резонанс в научном и медийном поле.

Ключевой конфликт смыслов развивается между двумя стратегическими нарративами: «инфраструктура сотрудничества», которая подчеркивает технологический прогресс, региональную интеграцию и мирное развитие, и «инструмент влияния», который трактует проект как средство усиления

китайского и российского влияния, расширения военной мощи и контроля над ресурсами. Эти противоборствующие дискурсы параллельно функционируют в международном медиа-пространстве и научных публикациях, формируя поляризованные взгляды на проект.

Механизмы формирования контрнарративов включают активное использование международных медиа и академических платформ для выражения критики, анализа рисков и прогноза негативных сценариев развития. Также важную роль играют экспертные отчеты, сравнительный анализ законодательных и военных инициатив, экологические исследования и общественные дискуссии, где на основе данных мониторинга и прогнозов формируются обоснованные сомнения и предупреждения о возможных опасностях. Эти процессы создают информационное поле, в котором символическое конструирование проекта «Ледового шелкового пути» сталкивается с вызовами, заставляя принимать во внимание многомерность и противоречивость концепций развития Арктики.

Динамика взаимодействия дискурсов вокруг «Ледового шелкового пути» характеризуется сложным перекрестным влиянием между официальным китайским дискурсом и внешней критикой, что отражается в постоянном диалоге и адаптации риторики. Китайский официальный дискурс активно реагирует на международные опасения, стремясь сбалансировать имидж «ответственной державы», которая учитывает экологические и социальные риски, с реализацией собственных стратегических интересов в Арктике и Северном морском пути. Например, Китай позиционирует «Ледовый шелковый путь» как экологически более чистый маршрут по сравнению с традиционными транспортными путями, подчеркивая сокращение выбросов углерода, и акцентирует внимание на безопасном и мирном сотрудничестве с Россией и другими странами региона [5].

При этом китайская сторона не скрывает своих амбиций по расширению влияния и развитию инфраструктуры, что отражается в упоминании развития ледокольного флота, цифровизации логистики и создании совместных проектов в рамках «Пояса и пути». Конфликты и разногласия с Россией и другими арктическими участниками в основном касаются технических и регуляторных вопросов, при этом Пекин активно продвигает концепцию интернационализации Арктики, противопоставляя ее исключительно националистическим моделям и подчеркивая готовность к диалогу и совместному управлению рисками.

Возможности для диалога и совместного регулирования рисков заключаются в признании необходимости комплексного подхода к устойчивому развитию Арктики, где экологические, экономические и политические интересы могут быть интегрированы в рамках многостороннего сотрудниче-

ства. Это предполагает совместные научные исследования, создание регулирующих механизмов и обмен опытом по минимизации рисков, а также формирование международных стандартов для безопасного судоходства и охраны окружающей среды. Такие инициативы находятся в русле общих трендов глобального управления Арктикой, где баланс между национальными интересами и глобальной ответственностью становится ключевым фактором успешного партнерства.

Таким образом, взаимодействие дискурсов представляет собой динамичный процесс, в котором официальный китайский нарратив адаптируется под воздействием внешних вызовов, стремясь сохранить положительный имидж и одновременно продвигать стратегические цели, в то время как международные и академические критики формируют конструктивный, но жесткий контроль за развитием «Ледового шелкового пути» и арктической политики в целом.

«Ледовый шелковый путь» является ареной символической борьбы за интерпретацию Арктики, на которой сталкиваются различные дискурсы и интересы. Китайский официальный нарратив стремится формировать Арктику как пространство новых возможностей, сотрудничества и мирного развития, используя мощные символы и метафоры, которые легитимизируют его участие в регионе и интегрируют инициативу в глобальную стратегию «Пояса и пути». В то же время международные и академические контрнарративы акцентируют внимание на рисках милитаризации, экологических угрозах и конфликте смыслов между инфраструктурным сотрудничеством и геополитическим влиянием.

Социологическое значение этого анализа заключается в том, что политика, медиа и знание выступают в роли активных сил, которые не просто отражают, а непосредственно создают социальные «реальности» Арктики и «Ледового шелкового пути». В этих процессах язык, символы и дискурсы конструируют значения, формируют идентичности и задают рамки восприятия региона как объекта международного интереса и управления. Именно через символическое конструирование и нарративы риска становится возможным понять сложную динамику политических отношений и медийных стратегий в Арктике, а также выявить механизмы формирования общественного и международного мнения по этому крайне актуальному и многомерному вопросу.

Таким образом, анализ символических нарративов вокруг «Ледового шелкового пути» раскрывает важные аспекты современного политико-коммуникационного пространства, способствуя более глубокому пониманию процессов взаимодействия государств и представлений об Арктике в условиях глобальных вызовов и трансформаций.

Литература

1. Вансович И.Э. Концепция социального конструирования реальности в творчестве П. Бергера и Т. Лукмана. – 2016. – С. 292–293.
2. Жучкова Т.А. Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. Учредители: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина. – 2022. – № 12. – С. 59–67.
3. Николаев Н.А. Промежуточные итоги развития европейского вектора китайской инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Современная Европа. – 2024. – № 3 (124). – С. 196–208. DOI: 10.31857/S0201708324030161. EDN: YWPSFO.
4. Синьсинь Ф., Малашенков Б.М. Проект «Ледовый Шелковый путь», его преимущества и возможности // Дискуссия. – 2022. – № 4 (113). – С. 32–40. DOI: 10.46320/2077-7639-2022-4-113-32-40. EDN: YYNHUV.
5. Хейфец Б.А. Северный морской путь – новый транзитный маршрут «Одного пояса – одного пути» // Международная жизнь. – 2018. – № 7. – С. 67–87. EDN: XZPEXB.
6. Хунцзе Ч. Стратегия Северного морского пути Китая: сотрудничество и конкуренция // Символ науки. – 2016. – № 4–4. – С. 230–234.
7. Liu T. et al. Trade strategy with the countries along the Ice Silk Road: a Rabin model-based perspective // Maritime Policy & Management. – 2024. – Vol. 51. – № 6. – P. 995–1012.

SYMBOLIC CONSTRUCTION AND RISK NARRATIVES OF THE «ICE SILK ROAD»: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS BASED ON POLITICAL AND MEDIA TEXTS

Wang Zelin

St. Petersburg State University

The subject of the research is the symbolic construction and risk narratives in the context of the Ice Silk Road. The object of the research includes political and media texts dedicated to the Arctic projects of Russia and China, including publications in leading international media – BBC, The Guardian, Arctic Today. The author thoroughly examines aspects of the topic such as geopolitical risks of Arctic development, media strategies for shaping public opinion, sociological analysis of discursive practices and symbolic constructions in threat narratives. Special attention is paid to the interaction of cultural and political dimensions in the Russian-Chinese partnership for the development of the Northern Sea Route, the juxtaposition of Western interpretations of Arctic initiatives as sources of global risks, as well as the evolution of perceptions of security and cooperation from 2016 to 2024. The research also addresses the role of media in constructing the image of the Ice Silk Road as a geostrategic challenge. The methodology includes sociological analysis of political and media texts using discourse analysis to identify symbolic constructions and dominant risk narratives. The novelty of the study lies in the comprehensive sociological analysis of risk narratives of the Ice Silk Road based on political and media texts from 2016 to 2024. The main findings of the conducted study are the identification of dominant Western discourses of geopolitical threats in the Arctic, the role of symbolic construction in shaping negative perceptions of Russian-Chinese Arctic projects, and the mechanisms of



media influence on public consciousness. A particular contribution of the author is the demonstration of how publications in BBC and The Guardian systematically construct risks, contrasting the strategic partnership of Russia and China with threats to global security, international order, and ecological stability in the Arctic. This enriches the theory of cross-cultural narratives, underscores the practical value of discourse analysis for geopolitical studies, and offers new approaches to understanding media practices in a multipolar world.

Keywords: «Ice Silk Road», Arctic, symbolic construction, risk narratives, Chinese discourse, geopolitics, ecology, discourse analysis, media, international cooperation.

References

1. Vansovich I.E. The concept of social construction of reality in the works of P. Berger and T. Lukman. – 2016. – pp. 292–293.
2. Zhuchkova T.A. Problems of economics and management of the oil and gas complex // Problems of economics and management of the oil and gas complex. Founders: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University). – 2022. – № 12. – pp. 59–67.
3. Nikolaev N.A. Interim results of the development of the European vector of the Chinese initiative «Ice Silk Road» // Modern Europe. – 2024. – № 3 (124). – Pp. 196–208. DOI: 10.31857/S0201708324030161. EMAIL address: YWPSFO.
4. Xinxin F., Malashenkov B.M. The Ice Silk Road project, its advantages and opportunities // Discussion. – 2022. – № 4 (113). – Pp. 32–40. DOI: 10.46320/2077-7639-2022-4-113-32-40. REDN: YYHVUV.
5. Kheifets B.A. The Northern Sea Route – a new transit route of «One belt – one Road» // International Life. – 2018. – № 7. – pp. 67–87. EDN: XZPEXB.
6. Hongjie Ch. China's Northern Sea Route Strategy: cooperation and competition // A symbol of science. – 2016. – № 4–4. – pp. 230–234.
7. Liu T. et al. Trade strategy with countries located along the Icy Silk Road: a Perspective based on the Rabin Model // Maritime Policy and Management. – 2024. – Volume 51. – № 6. – pp. 995–1012.

Динамика религиозности в современном обществе: между секуляризацией и десекуляризацией

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Предмет статьи – изменения религиозности в современных обществах при одновременном действии секуляризационных траекторий и процессов обратного «возврата» религии в публичное и повседневное пространство. Актуальность задана ростом мировоззренческого плюрализма, усложнением границ между религиозным, духовным и светским, а равно неоднородностью религиозных практик у разных поколений. Научная новизна связана с аналитическим разведением трех уровней динамики: институционального (положение религиозных организаций), культурно-нормативного (языки легитимации в публичной сфере) и индивидуального (идентичность, практики, «гибридные» формы веры и нерелигии). Цель – предложить согласованную схему интерпретации наблюдаемого «движения маятника» между секуляризацией и десекуляризацией без подмены эмпирики заранее заданной теорией. Методы: анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление подходов, классификация концептов, логико-аналитический разбор аргументации. Источниковая база охватывает российские публикации 2021–2025 гг., включающие теоретические дискуссии о постсекулярном, обзоры религиозно-нерелигиозного разнообразия и результаты исследований молодежной религиозной идентичности. Практическая польза – ориентиры для прикладной диагностики религиозных изменений в исследованиях общественного мнения, образовательной и молодежной политики.

Ключевые слова: религиозность, секуляризация, десекуляризация, постсекулярность, секуляризм, нерелигия, духовность, религиозная идентичность, молодежь, публичная сфера.

Введение

Рост доли самоописаний «неопределенной» веры, расширение поля нерелигиозных самоидентификаций, политизация традиций и параллельное появление частных «конструкторов веры» формируют нестабильную картину религиозных изменений. На уровне институтов заметны колебания между приватизацией религии и ее деприватизацией; на уровне культуры усиливается конкуренция языков легитимации – от строго светских до религиозно мотивированных; на уровне индивидуальных практик распространяются смешанные режимы принадлежности, когда религиозные символы сосуществуют с нерелигиозными установками. В этих условиях линейные модели «угасания» религии и столь же линейные модели «возрождения» утрачивают объяснительную силу, поскольку фиксируют лишь один слой динамики.

Цель исследования – разработать аналитическую интерпретацию динамики религиозности в современном обществе как совмещенного действия секуляризации и десекуляризации с выделением устойчивых механизмов, признаков и границ применимости основных теоретических языков.

Задачи исследования:

- 1) систематизировать современные трактовки секуляризации, десекуляризации и постсекулярного и определить, какие эмпирические индикаторы соотносятся с каждой трактовкой;
- 2) описать структуру религиозно-нерелигиозного разнообразия на уровне индивидуальных идентичностей и практик, выделив типы смешанных режимов;
- 3) определить, каким образом молодежные группы участвуют в религиозных и секуляризационных процессах, и какие параметры пригодны для сопоставления регионов и поколений.

Научная новизна: предложена трехуровневая схема анализа (институциональный, культурно-нормативный, индивидуальный уровни), позволяющая согласовать дискуссии о постсекулярном с данными о религиозной идентичности и с наблюдаемой дифференциацией нерелигиозности без сворачивания многообразия к единственной «генеральной» теории.

Материалы и методы

Источниковый корпус составили работы, в которых фиксируются разные линии описания религиозной



динамики и предлагаются сопоставимые единицы анализа. Л.В. Денисова, А.А. Морозов [1] обсуждают границы применимости понятий «постсекулярное общество» и «постсекуляризм» для России, выдвигая трактовку постсекулярного как коммуникативного режима и показывая, почему часть наблюдаемых изменений не сводится к секуляризации либо десекуляризации. Е.А. Кублицкая [2] анализирует длительные мониторинговые ряды по молодежи мегаполиса и описывает совместную динамику религиозных и секуляризационных показателей. А.К. Култаев [3] рассматривает десекуляризацию через усиление влияния ислама в общественной жизни постсоветского государства и вводит аналитическую процедуру выявления антисекуляризационной реакции. А.И. Кырлежев [4] реконструирует дискуссию о «постсекулярном», связывая ее с судьбой секуляризма и с изменением статуса религии в публичной сфере и в жизненном мире индивидов. Е.Д. Руткевич [5] описывает рост нерелигиозного разнообразия и предлагает различение религиозного, духовного и светского как взаимосвязанных, но не тождественных планов сознания. Е.Д. Руткевич [6] развивает пост-секулярную перспективу через анализ современного мировоззренческого разнообразия и показывает напряжения между «никакими», духовными альтернативами и традиционными религиями. Д.Ю. Сакович [7] сопоставляет западные и российские теоретические линии секуляризации и демонстрирует неодинаковость траекторий модернизации и религиозных трансформаций. Н.А. Селиверстова, Ю.А. Зубок [8] исследуют религиозную идентичность молодежи через связи смыслов, саморегуляции и жизненных выборов, задавая операциональные индикаторы для анализа индивидуального уровня. М.Ю. Смирнов [9] проблематизирует «постсекулярность» как категорию описания и аргументирует необходимость уточнения понятийного аппарата секуляризации. Е.В. Шахова, Д.К. Щеглова, А.С. Кашенко, В.М. Максимова [10] представляют эмпирическое исследование молодежной религиозной идентичности в приграничных регионах, применяя шкалу центральности религиозности и описывая вариативность вовлеченности в общины.

Применены анализ научных публикаций и понятий, сравнительное сопоставление подходов, классификация уровней и индикаторов религиозной динамики, логико-аналитический разбор аргументации. Эти процедуры направлены на достижение цели статьи — построение согласованной интерпретации разнородных наблюдений без смешения уровней описания и без подмены эмпирических различий терминологической унификацией.

Результаты

Динамика религиозности в современном обществе описывается как наложение нескольких процес-

сов, различающихся по носителям, механизмам и индикаторам. Первый слой связан с институциональными преобразованиями: изменениями места религиозных организаций в публичной сфере, режимами взаимодействия религии и государства, формами межконфессиональной конкуренции и сотрудничества. Второй слой относится к культурно-нормативным изменениям: какие формы аргументации признаются легитимными в публичных дискуссиях, где проходит граница между «светским» языком и религиозно мотивированными основаниями. Третий слой относится к индивидуальным идентичностям и практикам: принадлежность, опыт, повседневные практики, интенсивность религиозной вовлеченности, а равно форматы нерелигии и духовности.

Разведение секуляризации, десекуляризации и постсекулярного по типу наблюдаемого материала

Секуляризация в современном описании распадается на несколько измерений: отделение функциональных сфер от религии, возможный спад практик и верований, приватизация религии как «дела частного». На этом фоне десекуляризация фиксируется не как простое «обратное движение», а как набор сценариев деприватизации, политизации традиций и усиления религиозной видимости в общественном пространстве. При попытке свести все наблюдения к одной траектории возникает методическая ошибка: публичная активность религиозных институтов не совпадает с ростом личной религиозности, а ослабление регулярной практики не исключает культурной значимости религиозных символов.

Материал, в котором постсекулярное трактуется как коммуникативный режим, позволяет отделить изменения языка публичного взаимодействия от изменений личной веры. В этой оптике фиксируются формы диалога и столкновения мировоззренческих групп, а также новые режимы согласования норм в публичных дискуссиях. Именно поэтому часть эмпирически наблюдаемых явлений — реконфессионализация, демаргинализация религии, межконфессиональная кооперация — плохо сводится к «успеху» секуляризации либо к «успеху» десекуляризации: речь идет о перестройке форм публичной коммуникации и правил признания аргументов [1]. Данный вывод поддерживается критикой концепта постсекулярного общества как универсального описания «новой эпохи»: при отсутствии строгих эмпирических критериев «перехода» термин теряет диагностическую точность и превращается в метку для разнородных фактов [9]. На уровне теоретической сравнительности сопоставление западных и российских траекторий подчеркивает неодинаковость механизмов: модернизация не задает единой линии, а исторические разные режимы секуляризации дают разные «остатки» религиозности и разные формы ее публичной артикуляции [7].

Религиозно-нерелигиозное разнообразие как самостоятельный объект анализа

Эмпирическое усложнение религиозности требует перехода от бинарных классификаций «верующий/ неверующий» к многомерным описаниям. В современной картине растет нерелигиозное разнообразие, понимаемое как спектр типов нерелигиозного сознания и идентичности, не исчерпывающийся атеизмом. Вводится различие религиозного, духовного и светского как трех линий смыслообразования, которые способны сосуществовать в одном сознании и формировать смешанные конфигурации жизненных ориентаций [5]. Такая рамка позволяет интерпретировать случаи, когда религиозная принадлежность декларируется как культурная идентичность, а практическая вовлеченность остается низкой; или когда интерес к духовным практикам существует без связи с конфессией. Аналитический результат заключается в следующем: рост нерелигиозных самоописаний не означает исчезновения религиозной проблематики из повседневности; он переводит ее в режим конкуренции с духовными альтернативами, культурными формами «заместительной религии» и индивидуальными «конструкторами веры» [6]. Внутри такого разнообразия секуляризация и десекуляризация выступают не как взаимоисключающие процессы, а как разные режимы перераспределения символического и нормативного влияния между религией, духовностью и светскими основаниями.

Молодежь как индикатор совместной динамики религиозных и секуляризационных процессов

Мониторинговые данные по молодежным группам мегаполиса показывают, что религиозные и секуляризационные показатели движутся не синхронно: изменение самоидентификаций, участие в общинах, интенсивность практик и отношение к религиозным нормам образуют неоднородные траектории. Длительное наблюдение позволяет фиксировать не «смену эпох», а чередование фаз: периоды усиления интереса к религиозной тематике могут соседствовать с ростом дистанцирования от институциональной религии, а увеличение доли неопределенных верующих сочетается с сохранением символической значимости религиозной традиции [2]. На уровне индивидуальных механизмов религиозная идентичность выступает как ресурс смысловой саморегуляции: она связана с представлениями о жизненных целях, семье, образовании и трудовой этике, причем связи не сводятся к прямой зависимости «больше религиозности – больше нормативности», а проявляются через тип жизненных стратегий и устойчивость смысловых ориентаций [8]. Данный пласт результатов уточняет: религиозность в молодежной среде целесообразно измерять не только самоописанием, но и структурой вовлеченности, регулярностью практик и значимостью религии в принятии решений.

Региональные исследования дополняют картину, показывая вариативность религиозной вовлеченности в зависимости от социальной среды, миграции, культурного плюрализма и форм религиозного воспитания. На материале приграничных регионов фиксируется преобладание самоотнесения к «религиозным» при одновременной дифференциации по уровню центральности религиозности и по типам участия в общественной жизни; религиозные практики адаптируются к молодежным интересам и формам повседневной активности [10]. Это согласуется с теоретическими описаниями постсекулярной ситуации как возвращения религиозности и духовности в жизненный мир индивидов при сохранении плюралистического устройства публичной сферы [4].

Десекуляризация как усиление религиозного влияния и как реакция на предшествующую секуляризацию

Десекуляризация на постсоветском пространстве получает специфическую форму, когда усиление религиозного влияния связывается с переоценкой советского опыта принудительной секуляризации и с поиском культурной и политической опоры в религиозной традиции. В анализе исламизации в Кыргызстане десекуляризация описывается как антисекуляризационная реакция общества на предшествующие практики вытеснения религии; для выявления данной реакции предложена процедура «отказ – предпочтение», ориентированная на диагностику смены нормативных ориентиров в публичной и повседневной жизни [3]. Это расширяет сравнительную рамку: десекуляризационные процессы не тождественны росту личной религиозности, поскольку включают институциональные и культурные преобразования, меняющие видимость религии, ее социальное влияние и формы общественной мобилизации.

Сводная схема интерпретации динамики религиозности

Полученные положения допускают интеграцию в виде аналитической схемы, где каждый термин привязан к своему типу эмпирических наблюдений. Секуляризация описывает перераспределение функций и норм между религиозными институтами и автономными сферами, а равно возможное снижение регулярных практик. Десекуляризация фиксирует деприватизацию религии, усиление ее публичной видимости и мобилизационный потенциал традиций. Постсекулярное пригодно для описания изменений коммуникативных режимов и правил публичного сосуществования мировоззренческих позиций, когда религиозные и нерелигиозные языки легитимации входят в устойчивую конкуренцию и согласование, не сводимое к «победе» одной стороны [1; 4; 9]. Многомерное описание религиозности и нерелигии через различие религиозного, духовного и светского снимает ложные дихотомии



и дает операциональные основания для эмпирических сопоставлений поколений и регионов [5; 6; 10].

Обсуждение

Сопоставление подходов показывает устойчивое расхождение между теоретическими языками, ориентированными на «эпохальные» тезисы, и эмпирическими исследованиями, фиксирующими смешанные режимы идентичности и практик. Позиции, критикующие постсекулярность как категорию описания «нового общества», выигрывают в требовательности к критериям и в защите диагностической строгости понятий. Вместе с тем отказ от постсекулярного словаря обедняет описание тех явлений, где решающим становится не «уровень веры», а форма публичного взаимодействия мировоззренческих групп и институциональные правила признания аргументов. Следовательно, спор целесообразно переводить из плоскости «существует/не существует» в плоскость «какой объект описывается данным понятием и по каким индикаторам он распознается».

Ограничение линейных моделей секуляризации связано с неодинаковостью траекторий в разных обществах и с тем, что один и тот же эмпирический признак допускает разные интерпретации. Например, рост публичной видимости религии при низкой регулярной практической вовлеченности поддерживает тезис о деприватизации традиции, но не подтверждает рост личной религиозности. Аналогично, расширение нерелигиозных самоописаний не ведет к исчезновению религиозной проблематики, а меняет формы присутствия: духовные практики, культурная идентичность, ситуативная принадлежность, «гибридные» мировоззрения. Отсюда следует требование к методике: измерение религиозности через один показатель приводит к ошибочным обобщениям, поскольку разные уровни (институты, публичные нормы, индивидуальные практики) развиваются с разной скоростью и по разным механизмам.

Исследовательские лакуны просматриваются в двух направлениях. Первое – слабая сопоставимость индикаторов между работами: теоретические дискуссии оперируют крупными категориями, эмпирические исследования – частными шкалами и локальными выборками; связка между ними часто остается не проговоренной. Второе – недостаточная разработанность типологий смешанных режимов религиозного, духовного и светского на материале массовых данных, где требуются устойчивые критерии классификации, пригодные для повторения в разных регионах и возрастных группах. В результате перспективной линией выглядит построение «мостов» между уровнями анализа: от понятийного аппарата к конкретным индикаторам (частота практик, центральность религиозности, структура участия в общинах, форматы нере-

лигиозной идентичности) и обратно – от эмпирики к уточнению терминов.

Заключение

По первой задаче выполнена систематизация понятий секуляризации, десекуляризации и постсекулярного через привязку к разным типам наблюдаемого материала: институциональные преобразования, культурно-нормативные режимы публичной легитимации, индивидуальные идентичности и практики.

По второй задаче раскрыта структура религиозно-нерелигиозного разнообразия как спектра типов, где религиозное, духовное и светское образуют смешанные конфигурации, а рост нерелигиозных самоописаний сочетается с сохранением религиозной символики и с расширением духовных альтернатив.

По третьей задаче обосновано использование молодежных групп как чувствительного индикатора совместной динамики религиозных и секуляризационных процессов: мониторинговые ряды и региональные исследования фиксируют неоднородные траектории самоидентификации, вовлеченности в общины и центральности религиозности, что требует многомерных измерителей при межрегиональных и межпоколенческих сопоставлениях.

Литература

1. Денисова Л. В., Морозов А. А. Постсекуляризм в современной России: опасности и перспективы // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 100–109.
2. Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп Московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103–115.
3. Култаев А. К. Десекуляризация в современном Кыргызстане: исламизация общества // Вестник КРСУ. 2025. Т. 25, № 3. С. 149–156. DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-3-149-156.
4. Кырлежев А. И. «Постсекулярное»: возобновление дискуссии // Философия религии: аналитические исследования. 2024. Т. 8, № 1. С. 20–36. DOI: 10.21146/2587-683X-2024-8-1-20-36.
5. Руткевич Е. Д. (Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 54–78.
6. Руткевич Е. Д. О современном мире, (не)религиозном разнообразии и постсекулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 58–76.
7. Сакович Д. Ю. Теоретическое осмысление секуляризации на Западе и в России: сравнительный анализ // Гуманитарий Юга России. 2025.

- Т. 14, № 5. С. 140–153. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.10.
8. Селиверстова Н. А., Зубок Ю.А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 127–144. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10. EDN: ORQFED.
 9. Смирнов М.Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134–152. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134.
 10. Шахова Е., Щеглова Д., Кащенко А., Максимова В. Религиозная идентичность молодежи приграничных регионов Сибири: воспитание и практики участия в религиозных сообществах в условиях новой постсекулярной реальности // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 65–83. DOI: 10.14258/SSI(2025)3-03.

THE DYNAMICS OF RELIGIOUSNESS IN CONTEMPORARY SOCIETY: BETWEEN SECULARIZATION AND DESECULARIZATION

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

This article examines changes in religiosity in modern societies, with secularization trajectories and the reverse «return» of religion to public and everyday life simultaneously operating. This topic is relevant given the growing ideological pluralism, the increasingly complex boundaries between the religious, spiritual, and secular, and the heterogeneity of religious practices across generations. The scientific novelty lies in the analytical distinction between three levels of dynamics: institutional (the status of religious organizations), cultural-normative (languages of legitimation in the public sphere), and individual (identity, practices, «hybrid» forms of faith and non-religion). The goal is to propose a coherent framework for interpreting the observed «pendulum swing» between secularization and desecularization without substituting predetermined theory for empirical evidence. Methods: analysis of scientific publications, comparative comparison of approaches, classification of concepts, logical and analytical analysis of arguments. The source base cov-

ers Russian publications from 2021–2025, including theoretical discussions of the post-secular, reviews of religious and non-religious diversity, and the results of studies on youth religious identity. Practical benefits include providing guidelines for the applied diagnosis of religious change in public opinion research, education, and youth policy.

Keywords: religiosity, secularization, desecularization, postsecularity, secularism, non-religion, spirituality, religious identity, youth, public sphere.

References

1. Denisova, L. V., Morozov, A.A. Post-secularism in Modern Russia: Dangers and Prospects // Research Result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9, № 2. pp. 100–109.
2. Kublitskaya, E.A. Dynamics of the Post/De/Secularization Process Among Youth Groups of the Moscow Metropolis // Research Result. Sociology and Management. 2022. Vol. 8, № 3. pp. 103–115.
3. Kultayev, A.K. Desecularization in Modern Kyrgyzstan: Islamization of Society // Bulletin of KRSU. 2025. Vol. 25, № 3. pp. 149–156. DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-3-149-156.
4. Kyrlezhev, A. I. «Post-secular»: Renewing the Discussion // Philosophy of Religion: Analytical Studies. 2024. Vol. 8, № 1. pp. 20–36. DOI: 10.21146/2587-683X-2024-8-1-20-36.
5. Rutkevich, E. D. (Non-)religious Diversity and the Relationship between the Religious, Spiritual, and Secular in the Consciousness of Modern Man // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12, № 3. pp. 54–78.
6. Rutkevich, E.D. On the Modern World, (Non-)religious Diversity, and the Post-Secular Perspective // Scientific Result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9, № 2. pp. 58–76.
7. Sakovich, D. Yu. «Theoretical Understanding of Secularization in the West and in Russia: A Comparative Analysis» // Humanitarian of the South of Russia. 2025. Vol. 14, № 5. pp. 140–153. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.10.
8. Seliverstova, N. A., Zubok, Yu. A. «Religious Identity in the Semantic Self-Regulation of Young People» // Research Result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9, № 2. pp. 127–144. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10. EDN: ORQFED.
9. Smirnov, M. Yu. «Permanent Secularization or Post-Secular Society?» Contemporary Transformations of Religion from the Perspective of Research Reflection // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2023. № 3. pp. 134–152. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134.
10. Shakhova E., Shcheglova D., Kashchenko A., Maksimova V. Religious Identity of Young People in Siberian Border Regions: Education and Practices of Participation in Religious Communities in the Context of the New Post-Secular Reality // Society and Security Insights. 2025. Vol. 8, № 3. pp. 65–83. DOI: 10.14258/SSI(2025)3-03.



Особенности взаимодействия государства и бизнеса в образовательной сфере

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассматриваются особенности взаимодействия государства и бизнеса в образовательной сфере. Выделяются шесть моделей государственно-частного партнерства в сфере образования: модель инфраструктурного государственно-частного партнерства; инвестиционно-управленческого участия; инновационно-кадрового партнерства; корпоративного образования; сетевого взаимодействия; цифрового партнерства и даются общие характеристики, особенности реализации в регионах Российской Федерации. Анализируются механизмы государственно-частного партнерства в сфере образования в Российской Федерации. Рассматривается Топ-10 субъектов Российской Федерации по накопленному опыту реализации проектов ГЧП, а также по состоянию развития нормативно-институциональной среды. Обозначаются основные перспективы развития взаимодействия государства и бизнеса в образовательной сфере.

Ключевые слова: государство, бизнес, образовательная сфера, межсекторное взаимодействие.

Современная государственная социальная политика все чаще опирается на механизмы партнерства государства и бизнеса как на способ повышения эффективности управления общественными ресурсами. Ключевое значение ГЧП состоит в «консолидации частных и государственных (муниципальных) ресурсов, т.е. как только государственные ресурсы вовлекаются в проект – он тут же становится социально значимым. В сфере образования такая логика обусловлена сложностью и многоуровневостью задач, стоящих перед обществом, – развитием конкурентоспособного человеческого капитала, обновлением материально-технической базы и внедрением инновационных подходов в учебный процесс. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов государство заинтересовано в привлечении частных инвестиций и управленческих решений, которые позволяют ускорить развитие образовательной системы и повысить ее способность адаптироваться к требованиям цифровой экономики. А также в условиях формирования новых жизненных смыслов в современном обществе [9, 10].

Образовательная среда исследовалась В.Н. Алексеевым [1] как сфера формирования гражданской компетентности, О.А. Полюшкевич [6], В.А. Решетниковым и В.С. Федчиным [7] как механизм социального образования, А.В. Волоховым [2] как рынок онлайн образования, И.А. Журавлевой [3–5] как стратегия развития нового качества знаний, В.М. Филиповым [8] как создание и развитие отраслевых базовых кафедр и проч.

Для бизнеса участие в образовательных проектах выходит за рамки классического понимания корпоративной социальной ответственности. Инвестиции в образование все чаще рассматриваются как элемент долгосрочной стратегии развития, направленной на формирование квалифицированных кадров, соответствующих потребностям рынка труда, и укрепление собственных конкурентных преимуществ. Комплексные преобразования в образовании последних лет и проблема повышения качества человеческого капитала делают взаимодействие государства и бизнеса неотъемлемым элементом общего контура развития всей социальной сферы. Вовлечение предпринимательского сектора способствует формированию устойчивых связей между системой образования и производством, что позволяет согласовывать подготовку специалистов с реальными запро-

сами экономики и снижать разрыв между обучением и практикой.

Если рассматривать модели государственно-частного партнерства, то в рамках теоретического анализа нами были выделены шесть ключевых вариантов, ориентированных на решение различных задач в системе образования. Данные модели отражают разнообразие форм взаимодействия государства и бизнеса и позволяют адаптировать механизмы ГЧП к специфике образовательных проектов различного уровня и масштаба.

- Модель инфраструктурного государственно-частного партнерства.
- Модель инвестиционно-управленческого участия.
- Модель инновационно-кадрового партнерства.
- Модель корпоративного образования.
- Модель сетевого взаимодействия.
- Модель цифрового партнерства.

Модель инфраструктурного государственно-частного партнерства в образовательной сфере относится к числу наиболее проработанных и институционально закреплённых форм взаимодействия государства и бизнеса. Ее содержание сводится к тому, что частный инвестор берет на себя задачи строительства, реконструкции или эксплуатации образовательных объектов – детских садов, школ, колледжей и университетов, тогда как государство обеспечивает стабильность проекта и выступает заказчиком социально значимого результата. Спецификой государственно-частного партнерства в сфере образования является необходимость осуществлять одним концессионером двух видов деятельности: деятельность по строительству / реконструкции объекта образования, деятельность по оказанию образовательных услуг. Данная модель позволяет совместить публичный интерес в обеспечении доступности и качества образования с возможностями бизнеса по привлечению инвестиций, внедрению инновационных решений и использованию современных управленческих подходов. Дополнительным фактором востребованности инфраструктурного ГЧП остается состояние материально-технической базы образования. На основе статистических данных отмечено существенное недофинансирование российской системы образования со стороны государства и, как следствие, неудовлетворительное (неработоспособное) техническое состояние имущества образовательных организаций.

Концессионные соглашения, лежащие в основе инфраструктурного партнерства, задают долгосрочный формат взаимодействия, при котором частный партнер отвечает за создание или модернизацию объекта, его эксплуатацию и техническое обслуживание на протяжении установленного срока. Государство, в свою очередь, обеспечивает возврат инвестиций через арендные или компенсационные механизмы и осуществляет контроль

за соответствием проекта социальным стандартам. В рамках реализации ГЧП государство, достигая общественно значимых результатов при снижении прямой бюджетной нагрузки, усиливает управленческую составляющую, поскольку оно получает более полную возможность исполнения таких функций, как контроль, регулирование, соблюдение общественных интересов. Такой подход позволяет ускорить обновление образовательной инфраструктуры, особенно в регионах, где сохраняется дефицит современных и функциональных учебных пространств.

Характерной особенностью инфраструктурной модели выступает выраженный мультипликативный социальный эффект. Инвестиции в образовательные объекты способствуют созданию рабочих мест, стимулируют развитие смежных отраслей, формируют более комфортную городскую среду и укрепляют социальную стабильность. Для бизнеса участие в подобных проектах открывает возможности долгосрочных и предсказуемых вложений, снижает рыночные риски и обеспечивает дополнительные репутационные преимущества. В то же время устойчивость инфраструктурного ГЧП в значительной степени зависит от качества нормативно-правового регулирования, прозрачности процедур отбора партнеров и способности сторон выстраивать доверительные отношения, что позволяет рассматривать данную модель не только как экономический, но и как социально-управленческий инструмент модернизации образовательной системы.

Модель инвестиционно-управленческого участия отражает современную тенденцию к разнообразию форм государственно-частного взаимодействия в образовательной сфере и ориентирована на передачу частным структурам отдельных управленческих функций, не затрагивающих непосредственно педагогическую деятельность. Такой формат сотрудничества дает образовательным организациям возможность сосредоточиться на ключевой миссии – обучении и воспитании, тогда как бизнес берет на себя выполнение специализированных задач, требующих профессиональной экспертизы, технологических решений и экономической эффективности.

Передача частному сектору функций аутсорсинга, IT-поддержки, организации питания, охраны или технического обслуживания образовательных учреждений способствует снижению издержек и повышению качества сопутствующих услуг. В отличие от традиционной бюджетной модели обслуживания, частный оператор работает в конкурентной среде и несет репутационные риски, что стимулирует его к постоянному совершенствованию стандартов работы. При этом государство сохраняет контроль за соблюдением социальных требований, безопасностью и соответствием услуг установленным образовательным нормам,



формируя систему контрактных обязательств, обеспечивающих баланс интересов сторон. Так, например, «эффективное решение задач информатизации учебного процесса и управления им в муниципальном образовательном учреждении (МОУ) в соответствии с Государственной программой «Информационное общество» требует, как правило, привлечения сторонней помощи в форме IT-аутсорсинга».

Особое значение в инвестиционно-управленческой модели приобретают инновационные технологии, прежде всего процессы цифровизации образовательной среды и инфраструктуры. Привлечение частных IT-компаний позволяет внедрять современные системы управления, электронные журналы, цифровые платформы и аналитические сервисы, повышающие прозрачность и управляемость школ и вузов. Цифровизация не только модернизирует отдельные управленческие функции, но и в целом трансформирует систему управления образовательной организацией, делая ее более адаптивной и ориентированной на стратегическое развитие. В социальном аспекте данная модель способствует укреплению доверия между государством и бизнесом, показывая, что частный капитал может эффективно работать в интересах общества без утраты социальной направленности образования. Эффективность такого взаимодействия во многом определяется прозрачностью конкурсных процедур, четкостью договорных условий и готовностью сторон к долгосрочному партнерству, основанному на взаимной ответственности и профессиональной компетентности.

Модель инновационно-кадрового партнерства отражает стратегический сдвиг в понимании образования как ключевого фактора формирования человеческого капитала и инновационного потенциала экономики. В рамках данной модели взаимодействие государства и бизнеса выходит за пределы инфраструктурных и управленческих задач и смещается в сторону содержательного обновления образовательного процесса. Частный сектор выступает не только потребителем подготовленных специалистов, но и полноценным участником их формирования – от участия в разработке образовательных программ до включения в сам процесс обучения. Государство, в свою очередь, обеспечивает нормативное и институциональное сопровождение, создавая условия для гибкой адаптации системы образования к меняющимся требованиям рынка труда.

Совместная разработка профессиональных стандартов и образовательных программ позволяет согласовать содержание обучения с реальными компетенциями, востребованными в конкретных секторах экономики. Участие бизнеса в этом процессе повышает прикладной характер подготовки, формируя у обучающихся не только теоретическую базу, но и готовность к профессиональ-

ной деятельности в современных условиях. Анализируя развитие социального партнерства вузов и работодателей, отмечает, что одной из ключевых форм такого взаимодействия является совместная деятельность по разработке основных профессиональных образовательных программ (ОПОП), позволяющая конкретизировать требования к... профессиональным компетенциям выпускников». Особое значение в этой связи приобретает дуальное образование, при котором «учебный процесс организуется следующим образом: параллельно с обычными занятиями в вузе, колледже или ином профессиональном учебном заведении (общеобразовательная подготовка) учащиеся ходят на работу на конкретное предприятие или фирму, где приобретают практический опыт (профессиональная подготовка). Такая форма сотрудничества способствует ранней профессиональной социализации молодежи, укрепляет связи между образованием и работодателями и снижает риск несоответствия квалификации выпускников запросам рынка труда.

Инновационно-кадровое партнерство обладает выраженным долгосрочным социально-экономическим эффектом. Оно способствует росту производительности труда, стимулирует внедрение технологических новаций и формирует культуру непрерывного образования. Для государства данная модель становится инструментом обновления образовательной политики, а для бизнеса – механизмом воспроизводства профессиональных сообществ и укрепления кадрового потенциала отраслей. В результате такое сотрудничество объединяет интересы всех участников и превращает образование в системный ресурс устойчивого развития и конкурентоспособности экономики.

Развитие корпоративного образования в России тесно связано с институционализацией взаимодействия образовательных организаций и работодателей. Крупные компании, располагающие необходимыми ресурсами и практическим опытом, создают базовые кафедры, обеспечивают их материально-техническую оснащенность и привлекают собственных специалистов к преподавательской и наставнической деятельности. Как отмечается в исследованиях, «создание и развитие деятельности базовых кафедр является эффективным инструментом интеграции образовательной, научно-исследовательской и производственной сред» [8]. Такой подход позволяет выстраивать устойчивую систему подготовки кадров, ориентированную на воспроизводство профессиональных компетенций и корпоративных ценностей внутри организации. В отличие от традиционных форм взаимодействия, корпоративное образование объединяет образовательную и производственную логику, сокращая разрыв между теорией и практикой.

В более широком контексте данная модель выступает формой социального партнерства, поскольку согласует интересы государства, бизнеса и образовательных учреждений. Государство получает действенный инструмент подготовки специалистов для приоритетных отраслей, бизнес – возможность выстраивать долгосрочные кадровые стратегии, а система образования – доступ к современным технологиям и реальным производственным практикам, что повышает ее актуальность и устойчивость.

Модель сетевого взаимодействия представляет собой современный формат интеграции различных субъектов – государства, бизнеса, образовательных организаций и некоммерческого сектора – на основе объединения ресурсов, компетенций и управленческих механизмов для «повышения эффективности интеграционных процессов в сфере науки, образования и бизнеса. Данная форма сотрудничества развивается в рамках кластеров, технопарков, инжиниринговых и ресурсных центров, формирующих единую экосистему, в которой образовательная деятельность тесно связана с научными исследованиями, технологическим предпринимательством и практико-ориентированным обучением.

В пространстве сетевого взаимодействия преобладают горизонтальные связи, основанные на взаимной выгоде, открытом обмене знаниями и коллективной ответственности участников. В.Н. Алексеев подчеркивает, что сетевое взаимодействие, «основанное на добровольном объединении ресурсов, является более перспективным направлением в организации сети образовательных учреждений» [1], поскольку оно расширяет доступ к инфраструктуре, позволяет распределять компетенции между партнерами и ускоряет внедрение инновационных образовательных решений. Такая модель способствует активному трансферу технологий, развитию проектного обучения, формированию научно-образовательных консорциумов и лабораторий, работающих на стыке академической и прикладной науки. В результате происходит переход от иерархических форм управления к партнерским, где ключевую роль играют координация, доверие и совместная инновационная деятельность, а образование рассматривается как фактор территориального развития и конкурентоспособности.

Модель цифрового партнерства отражает новый этап взаимодействия государства и бизнеса, обусловленный цифровой трансформацией образовательной сферы. Данная тенденция во многом связана с тем, что «наиболее быстро развивающимся направлением в сфере онлайн-образования являются технологии EdTech» [2]. В рамках такого партнерства частные EdTech-компании интегрируются в образовательную систему, обеспечивая реализацию программ с использованием цифровых платформ, онлайн-сервисов и аналитических инструментов. Бизнес отвечает за технологическую

инфраструктуру, программные решения и методическую поддержку, тогда как государство формирует нормативные условия и обеспечивает равный доступ к цифровым образовательным ресурсам для различных социальных групп.

Применение EdTech-платформ позволяет «обеспечить возможность граждан обучаться по индивидуальной учебной траектории в течение всей жизни – в любое время и в любом месте» [3]. В школьной и университетской практике цифровые партнерства способствуют развитию виртуальных лабораторий, интерактивных курсов, систем онлайн-мониторинга успеваемости и адаптивных моделей обучения. Частный сектор, участвуя в данных процессах, получает доступ к массивам образовательных данных, что позволяет разрабатывать решения, ориентированные на реальные запросы системы образования и рынка труда.

На основе анализа научной литературы по рассматриваемой проблематике представляется возможным выделить ключевые механизмы реализации государственно-частного партнерства, которые систематизированы и представлены в таблице 1.

Таблица 1. Механизмы государственно-частного партнерства в сфере образования в Российской Федерации

№ п/п	Наименование группы	Механизмы реализации
1.	Финансово-экономические механизмы	- совместное финансирование проектов (софинансирование, лизинг, концессии, гранты); - механизмы целевых капиталов (эндаумент-фонды в образовании); - государственные гарантии и налоговые льготы для инвесторов
2.	Организационно-управленческие механизмы	- создание проектных офисов, управляющих компаний и консорциумов; - внедрение процедур проектного управления в рамках ГЧП; - контроль эффективности и мониторинг результатов
3.	Нормативно-правовые механизмы	- типовые соглашения, регламенты взаимодействия; - участие бизнеса в разработке образовательных стандартов и программ
4.	Кадрово-образовательные механизмы	- дуальное обучение (на базе предприятий); - корпоративные стажировки и практики; - программы целевой подготовки специалистов
5.	Инновационно-технологические механизмы	- создание совместных лабораторий, инжиниринговых и исследовательских центров; - внедрение новых технологий обучения, цифровых платформ, симуляторов; - участие бизнеса в цифровой трансформации образовательных процессов



Итак, инфраструктурная модель базируется на концессиях и соглашениях ГЧП, в рамках которых частный партнер осуществляет строительство или модернизацию объектов и отвечает за их жизненный цикл, тогда как государство устанавливает требования к доступности и качеству образовательных услуг. Инвестиционно-управленческая модель ориентирована на передачу непедagogических функций на аутсорсинг, что позволяет повысить управляемость и операционную эффективность образовательных организаций. Инновационно-кадровое партнерство обеспечивает связь образовательных программ с потребностями рынка труда через дуальные форматы обучения и участие работодателей в подготовке кадров. Корпоративное образование реализуется посредством создания базовых кафедр и развития наставничества, способствуя интеграции обучения и производственной практики. Сетевое взаимодействие формирует кластеры и консорциумы, направленные на трансфер знаний и совместную инновационную деятельность [11–14]. Цифровое партнерство, в свою очередь, предполагает интеграцию EdTech-платформ и аналитических инструментов, расширяя возможности индивидуализации образовательных траекторий и повышая адаптивность системы образования.

Анализ особенностей реализации государственно-частного партнерства в сфере образования в субъектах Российской Федерации

Для понимания текущей ситуации в сфере развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации, в том числе применительно к образовательной сфере, был проведен анализ аналитических материалов Министерства экономического развития Российской Федерации¹.

В Российской Федерации на конец 2024 г. «заключено 25 соглашений о ГЧП, МЧП», при этом именно образование аккумулирует наибольшее их количество по сравнению с другими отраслями. Данная особенность принципиально отличает образовательную сферу от транспорта и жилищно-коммунального хозяйства, где доминируют концессионные модели. Подобное распределение отражает специфику образовательной инфраструктуры как социально значимой, но слабо коммерциализируемой сферы, в которой возврат инвестиций не может быть обеспечен исключительно за счет пользовательских платежей. В связи с этим требуется активное участие публичной стороны в формировании финансовой модели и гарантировании спроса. Для социальных отраслей, включая образование, характерен более продолжительный

средний срок соглашений – около 22 лет, что обусловлено длительным жизненным циклом объектов и необходимостью долгосрочной эксплуатационной ответственности частного партнера.

Анализ структуры источников финансирования показывает, что проекты социальной направленности в целом характеризуются меньшей долей прямого бюджетного софинансирования по сравнению с транспортными, однако при этом остаются более зависимыми от публичных обязательств, чем коммунальные или промышленные инициативы. В образовательных проектах это выражается в применении таких инструментов, как плата публичной стороны за доступность объекта, а также комбинированные финансовые модели, сочетающие внебюджетные инвестиции с капитальными грантами. Информационно-аналитический обзор «О развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации», подготовленный Минэкономразвития РФ, указывает на необходимость дальнейшего совершенствования правовой конструкции ГЧП для повышения инвестиционной привлекательности социальных проектов, что косвенно свидетельствует об институциональной уязвимости образовательной сферы в рамках действующего регулирования.

Очевидным становится и тот факт, что соглашения ГЧП в образовании реализуются преимущественно на региональном и муниципальном уровнях, где сосредоточены основные полномочия по управлению сетью образовательных организаций. Существенным является и наблюдение о том, что «соглашения о ГЧП, МЧП реализуются преимущественно в сфере образования», что подтверждают данные Министерства экономического развития Российской Федерации за 2024 год (рис. 1).



Рис. 1. Сферы реализации проектов ГЧП (МЧП) в 2024 г. (в %)²

При этом в большинстве субъектов Российской Федерации практика государственно-частного партнерства носит фрагментарный характер: наличие

¹ Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2024 год [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://economy.gov.ru/material/file/download/c35da2a561ed12ff8b27199065ea5ef3/rejting_subektov_rf_po_gchp_zh_2024_god.pdf (дата обращения: 28.01.26).

² Информационно-аналитический обзор «О развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://economy.gov.ru/material/file/download/11d5eaf8d570a776c43b299caba83479/obzor_o_razvitiu_gchp_v_rossii.pdf (дата обращения: 28.01.26).

одного или нескольких соглашений не формирует устойчивого портфеля проектов и не приводит к появлению системного эффекта. Подобная ситуация может рассматриваться как результат дефицита проектной экспертизы, ограниченного опыта структурирования социальных проектов ГЧП и осторожного отношения региональных органов власти к принятию долгосрочных бюджетных обязательств, связанных с реализацией таких инициатив.

Ключевой вывод, который делают аналитики Минэкономразвития РФ в отношении развития государственно-частного партнерства, связан с наличием институциональных барьеров, сдерживающих внедрение ГЧП в образовательной сфере. К числу таких барьеров относятся сложность и длительность конкурсных процедур, недостаточная правовая определенность механизмов государственной поддержки, а также слабая защищенность частной инициативы на предпроектной стадии. Предлагаемые изменения законодательства, включая введение понятий капитального гранта и минимальной гарантированной доходности, уточнение понятия платы концедента, рассматриваются как особенно значимые именно для образовательных проектов, где инвестиционные риски не компенсируются за счет рыночной доходности и требуют дополнительных гарантий со стороны публичного партнера.

Для анализа более актуального состояния развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации были рассмотрены современные аналитические данные. В качестве основного источника использован «Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2024 год», подготовленный Министерством экономического развития РФ. Указанный рейтинг сформирован «на основании Методики расчета показателя «Уровень развития государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации», утвержденной приказом Министерства от 19 декабря 2019 г. № 816», что обеспечивает сопоставимость результатов и позволяет оценивать динамику развития ГЧП на региональном уровне.

Методика рейтинга опирается на три взаимосвязанных фактора:

- «Динамика реализации проектов ГЧП в отчетном году (2024).
- Накопленный опыт реализации проектов ГЧП в предшествующие годы (до 2024 г.).
- Состояние нормативно-институциональной среды».

Это позволяет рассматривать полученные результаты не как формальное ранжирование регионов, а как отражение устойчивых структурных различий в моделях реализации государственно-частного партнерства. Рейтинг в данном случае фиксирует не только количественные показатели, но и специфику институциональных подходов

субъектов Российской Федерации к формированию и сопровождению портфеля проектов ГЧП.

Социальная инфраструктура, включая школы, детские сады, студенческие кампусы и объекты дополнительного образования, в наибольшей степени реализуется через концессионные соглашения и контракты жизненного цикла. Так, высокие позиции г. Санкт-Петербург во многом обусловлены не только масштабными транспортными инициативами, но и вводом «в эксплуатацию 5 общеобразовательных школ с общим объемом инвестиций свыше 12 млрд руб.», что свидетельствует о сформированной практике включения образовательных объектов в региональный портфель ГЧП. Схожий подход демонстрирует Пермский край, входящий в число регионов-лидеров и использующий механизмы ГЧП для создания студенческого кампуса, что одновременно усиливает образовательную инфраструктуру и повышает инвестиционную привлекательность территории.

Следует отметить, что регионы, активно развивающие образовательные проекты в формате ГЧП, получают дополнительные преимущества за счет сочетания высокой социальной значимости и долгосрочного характера соглашений. В отличие от краткосрочных проектов в сфере услуг, образовательные объекты предполагают длительные сроки эксплуатации, стабильные бюджетные обязательства и более четкое распределение рисков, что положительно отражается при расчете приведенного объема инвестиций. Анализ накопленного опыта до 2024 года позволяет выделить еще одну важную тенденцию для образовательной сферы: регионы-лидеры – Москва, Санкт-Петербург, Пермский край, Московская и Нижегородская области – обладают выраженной «институциональной памятью» реализации сложных проектов, что снижает транзакционные издержки при подготовке новых соглашений и повышает воспроизводимость успешных практик ГЧП (табл. 2).

Таблица 2. Топ-10 субъектов Российской Федерации по накопленному опыту реализации проектов ГЧП

№	Субъект РФ	Оценка накопленного опыта, баллы	Объем инвестиций по проектам ГЧП (план), в млн руб.	Объем инвестиций по проектам ГЧП (факт), в млн руб.
1	г. Москва	100,0	1 178 168	346 228
2	г. Санкт-Петербург	54,2	307 593	187 500
3	Пермский край	47,8	525 021	165 590
4	Московская область	44,4	392 274	153 575
5	Нижегородская область	40,6	380 685	140 689

Окончание

№	Субъект РФ	Оценка накопленного опыта, баллы	Объем инвестиций по проектам ГЧП (план), в млн руб.	Объем инвестиций по проектам ГЧП (факт), в млн руб.
6	Самарская область	30,5	276861	105753
7	Республика Саха (Якутия)	25,0	218934	86597
8	Ленинградская область	21,4	283636	74072
9	Республика Татарстан	20,3	206208	70122
10	Республика Башкортостан	18,2	191117	62986

В образовательной сфере это проявляется в стандартизации проектных решений, использовании типовых концессионных моделей и более предсказуемом взаимодействии между публичным партнером и инвестором. В Москве, где преобладают «иные формы ГЧП», образовательные проекты часто интегрируются в программы комплексного развития территорий или механизмы льготной аренды, что позволяет решать задачи обеспеченности школами без прямого увеличения капитальных бюджетных расходов.

Состояние нормативно-институциональной среды, выступающее третьим фактором рейтинга, имеет для образования особую значимость, поскольку социальные проекты особенно чувствительны к качеству контрактного управления. Как отмечается в аналитических материалах, «в рамках данного фактора оценивается работа органов власти, включая их открытость для инвесторов, а также готовность оказывать консультационную и финансовую поддержку проектам ГЧП». Высокие позиции Амурской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Челябинской области и Республики Татарстан свидетельствуют о наличии в этих регионах специализированных команд, занимающихся развитием ГЧП, прозрачных процедур и устойчивых каналов коммуникации с инвесторами (табл. 3). В подобных условиях образовательные проекты получают дополнительные преимущества за счет сокращения сроков согласования и снижения рисков досрочного расторжения соглашений по инициативе публичной стороны. Вместе с тем характерно, что высокий уровень нормативно-институциональной среды не всегда напрямую трансформируется в высокую динамику реализации проектов, что подчеркивает зависимость образовательных инициатив от бюджетных приоритетов и демографической ситуации в регионах.

Итоговый рейтинг за 2024 год позволяет зафиксировать выраженную асимметрию между

регионами-лидерами и субъектами с низкой активностью в сфере ГЧП. Для второй и третьей групп характерна ситуация, при которой нормативная база формально сформирована, однако образовательные проекты либо отсутствуют, либо реализуются в крайне ограниченных объемах, что снижает их вклад в интегральную оценку. Это указывает на более глубокую структурную проблему: развитие ГЧП в образовании требует не только институциональной готовности, но и наличия долгосрочной региональной стратегии развития образовательной сети, согласованной с демографическими тенденциями и потребностями рынка труда.

Таблица 3. Топ-10 субъектов Российской Федерации по состоянию развития нормативно-институциональной среды

№	Субъект РФ	Оценка среды, баллы	Показатель открытости	Показатель дисциплины	Показатель обеспеченности
1	Амурская область	100,0	58	100	80
2	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	98,7	58	100	77
3	Челябинская область	98,2	67	79	80
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	97,9	54	100	79
5	Калужская область	97,4	82	100	49
6	Республика Татарстан	97,3	59	100	73
7	Пермский край	96,8	53	100	78
8	Ленинградская область	95,2	50	100	77
9	Воронежская область	94,6	50	100	76
10	Свердловская область	93,2	41	100	82

В целом данные рейтинга за 2024 год свидетельствуют о том, что государственно-частное партнерство в образовании развивается преимущественно в тех субъектах Российской Федерации, где социальные проекты органично встроены в общую инвестиционную политику и поддерживаются зрелой системой управления. Высокие позиции в рейтинге связаны не столько с количеством заключенных образовательных соглашений, сколько с их масштабом, качеством контрактного сопровождения и способностью регионов обеспечивать



баланс между социальной значимостью и финансовой устойчивостью проектов. Это делает сферу образования важным, но одновременно требовательным элементом региональных моделей ГЧП.

В связи с выявленными тенденциями представляется целесообразным перейти к анализу наиболее эффективных проектов государственно-частного партнерства в сфере образования, реализованных в Российской Федерации в последние годы.

- Строительство и эксплуатация школ по модели ГЧП в Санкт-Петербурге.
- Строительство региональных школ «ПроШкола» (Белгородская область, Республика Бурятия).
- Межвузовский ИТ-кампус мирового уровня «НЕЙМАРК» (Нижегородская область).
- Межвузовский кампус «Парма» (Пермский край).
- Центры образования естественно-научной и технологической направленности «Точка роста» (Иркутская область).

Петербургский кейс наглядно показывает, каким образом концессионная модель может быть встроена в региональную образовательную политику не в виде разрозненных проектов, а через пакетное формирование портфеля объектов, что снижает транзакционные издержки на стадии подготовки и повышает управляемость реализации. По сообщениям органов власти города, «построенные по концессионным соглашениям новые школы – государственные учебные заведения, оснащенные «под ключ»». Такой формат способствует укреплению институционального доверия: публичная сторона сохраняет контроль над доступностью и соблюдением стандартов, а частный партнер отвечает за сроки строительства, качество работ и эксплуатационные параметры. При этом структура рисков смещается в сторону рисков строительства и жизненного цикла объекта, что делает контрактное управление одной из ключевых управленческих компетенций региона.

Проекты группы «ПроШкола» демонстрируют иной тип образовательного ГЧП, основанный на массовом тиражировании модели «школьной концессии» в межрегиональном масштабе. Здесь ключевым ресурсом становится не уникальность архитектурных решений, а стандартизированная схема подготовки, финансирования и ввода объектов. «Сейчас в портфеле группы компаний ПроШкола – 60 концессионных соглашений на строительство 62 школ». В Самарской области, например, запланировано одновременное строительство сразу трех школ с заранее определенной мощностью по количеству мест. В 2024–2025 гг. также фиксируется ввод новых школ в различных регионах по концессионным соглашениям с «ПроШколой», что подтверждает переход от единичных кейсов к потоковой реализации проектов.

Для органов государственной и муниципальной власти важным преимуществом становится снижение барьеров входа для субъектов с ограниченной проектной экспертизой, однако одновременно возрастает зависимость от качества типовой контрактной модели и финансовой дисциплины, поскольку системные ошибки начинают воспроизводиться серийно.

Нижегородский ИТ-кампус «НЕЙМАРК» иллюстрирует расширение образовательного ГЧП от школьной инфраструктуры к уровню высшего образования и городской инновационной экосистемы. В конце 2022 года губернатор Нижегородской области «Глеб Никитин подписал концессионное соглашение о создании в Нижнем Новгороде межвузовского ИТ-кампуса мирового уровня». Формируемая инфраструктура включает учебные корпуса, объекты проживания и общественные пространства, что позволяет связать образовательные услуги с развитием городской среды. В данном случае возрастает значение финансового закрытия и управления строительным циклом, поскольку проект крупнее, функционально сложнее и более чувствителен к внешним факторам, включая инфляцию строительных материалов. Социальный эффект также приобретает иной характер: он измеряется не только количеством учебных мест, но и способностью региона удерживать молодежь, повышать привлекательность для высокотехнологичных компаний и создавать каналы социальной и профессиональной мобильности через образование.

Проект пермского межвузовского кампуса «Парма» показателен тем, что объединяет университеты, инвесторов-концессионеров и органы региональной власти в единую институциональную конфигурацию. «Строительство межвузовского кампуса в Перми является частью одного из прорывных проектов «Камская долина – экосистема будущего». Планируемый объем инвестиций по проекту – 28,6 млрд руб., в том числе капитальный грант, состоящий из средств федерального и краевого бюджетов, – 19,7 млрд руб.». Региональные и деловые источники указывают на создание отдельной проектной компании, что типично для распределения рисков через SPV и формирования более прозрачного финансового контура. Для образовательной сферы здесь принципиален сдвиг целевых ориентиров: ГЧП начинает решать задачи не только восполнения дефицита площадей, но и повышения конкурентоспособности вузов, интеграции научных исследований и подготовки кадров под потребности региональной экономики, в результате чего качество контрактного управления приобретает стратегический, а не исключительно строительный характер.

Центры «Точка роста» в Иркутской области представляют собой проект модернизации школьной инфраструктуры в логике федерального про-



екта «Современная школа», в котором ключевое значение имеет координация действий публичной стороны и внешних исполнителей через регламентированную «дорожную карту». В отличие от классических форм ГЧП, партнерство здесь реализуется через институциональное разделение функций: министерство образования региона утверждает перечень площадок, типовое положение и систему индикаторов, а также назначает ответственных лиц, тогда как федеральный оператор обеспечивает методическое и организационно-техническое сопровождение, а также верификацию проектных материалов. Такой подход позволяет обеспечить управляемость проекта и сопоставимость результатов на региональном уровне.

Социальный эффект данного проекта в 2024 году выражается в следующих количественных показателях.

- «Численность обучающихся общеобразовательной организацией, осваивающих два и более учебных предмета с использованием средств обучения и воспитания Центра «Точка роста» – 10518 человек.
- Численность обучающихся общеобразовательной организации, осваивающих дополнительные общеобразовательные программы технической и естественно-научной направленности с использованием средств обучения и воспитания Центра «Точка роста» – 2629 человек.
- Доля педагогических работников центра «Точка роста», прошедших обучение по программам из реестра программ повышения квалификации – 100,0%»¹.

Итак, проведенный анализ особенностей реализации государственно-частного партнерства в сфере образования в субъектах Российской Федерации выявил выраженную асимметрию развития. Регионы-лидеры последовательно наращивают портфель проектов за счет накопленной проектной экспертизы и сформированной нормативно-институциональной среды, тогда как в большинстве субъектов практика ГЧП по-прежнему носит точечный и фрагментарный характер.

Отдельное внимание было уделено анализу наиболее успешных проектов ГЧП в сфере образования. Концессионная «пакетная» модель Санкт-Петербурга обеспечивает ввод школ «под ключ» и переносит на частного партнера риски строительства и управления жизненным циклом объектов. Тиражируемая модель «ПроШколы» опирается на стандартизацию подготовки и финансирования проектов, снижая транзакционные издержки, но одновременно усиливая зависимость от качества типового контракта. Кампусные проекты

«НЕЙМАРК» и «Парма» расширяют рамки ГЧП до уровня городской инновационной экосистемы, где ключевое значение приобретают финансовое закрытие, капитальные гранты и управление сложной многофункциональной инфраструктурой. Проект «Точка роста», в свою очередь, демонстрирует квази-партнерский формат, основанный на регламентированной дорожной карте, внешнем сопровождении и достижении измеримых образовательных результатов.

Литература

1. Алексеев В.Н. Сетевое взаимодействие субъектов образовательной деятельности как условие формирования гражданской компетентности обучающихся // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 121–128.
2. Волохов А.В. Мировой рынок онлайн-образования: тенденции и перспективы: дис. канд. экон. наук / А.В. Волохов: Москва, 2025. 221 с.
3. Журавлева И.А. Окно возможностей дистанционного обучения // Социология. 2024. № 7. С. 6–11.
4. Журавлева И.А. Креативность реализации образовательных механизмов «ШКОЛА-ВУЗ» // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 159–164.
5. Журавлева И.А. Государственная политика в сфере управления качеством образования (на примере Иркутской области) // Социология. 2025. № 7. С. 84–92.
6. Полюшкевич О.А. Социальное образование как технология социальных лифтов // Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений. Научно-методические материалы: К 25-летию социологического образования в России. Иркутск, 2014. С. 96–99.
7. Решетников В.А., Полюшкевич О.А., Федчин В.С. Основные направления социального образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52–58.
8. Филиппов В.М. Функционирование и развитие отраслевых базовых кафедр // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4. С. 625–627.
9. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
10. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международ-

¹ О создании центров образования естественно-научной и технологической направленности «Точка роста» в 2024 году: Распоряжение Министерства образования Иркутской области от 28.11.2023 г. № 55–1576-мр // Консорциум Кодекс: справочная правовая система.



ной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.

11. Пружинин А.Н. Корпоративное образование в России в условиях социальной интеграции // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 910–913.
12. Пружинин А.Н. Корпоративное обучение в многополярном мире // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 318–320.
13. Пружинин А.Н. Нормативно-правовое регулирование корпоративного обучения и развития человеческого капитала // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, 2023. С. 284–287.
14. Пружинин А.Н. Корпоративное обучение в современном бизнесе // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 11. С. 88–90.

CHARACTERISTICS OF GOVERNMENT-BUSINESS INTERACTION IN EDUCATION

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

This article examines the specifics of government-business interaction in education. Six models of public-private partnership in education are identified: infrastructure public-private partnership; investment and management participation; innovation and personnel partnership; corporate education; network interaction; and digital partnership. General characteristics and implementation specifics in the regions of the Russian Federation are provided. The mechanisms of public-private partnership in education in the Russian Federation are analyzed. The top 10 constituent entities of the Russian Federation are considered based on accumulated experience in implementing PPP projects, as well as the state of development of the regulatory and institutional environment. The main prospects for the development of government-business interaction in education are outlined.

Keywords: government, business, education, intersectoral interaction.

References

1. Alekseev V.N. Network interaction of subjects of educational activity as a condition for developing civic competence of students // Modern problems of science and education. 2013. № 6. pp. 121–128.
2. Volohov A.V. Global online education market: trends and prospects: dis. cand. sciences (Econ.) / A.V. Volohov: Moscow, 2025. 221 p.
3. Zhuravleva I.A. Window of opportunity for distance learning // Sociology. 2024. № 7. pp. 6–11.
4. Zhuravleva I.A. Creativity in the implementation of educational mechanisms «SCHOOL-UNIVERSITY» // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the VII International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 159–164.
5. Zhuravleva I.A. State Policy in the Sphere of Education Quality Management (on the Example of the Irkutsk Region) // Sociology. 2025. № 7. Pp. 84–92.
6. Polyushkevich O.A. Social Education as a Technology of Social Elevators // Social Education in Modern Russia: Shifting Paradigms and Searching for New Solutions. Scientific and Methodological Materials: For the 25th Anniversary of Sociological Education in Russia. Irkutsk, 2014. Pp. 96–99.
7. Reshetnikov V.A., Polyushkevich O.A., Fedchin V.S. Main Directions of Social Education // Sociodynamics. 2016. № 4. Pp. 52–58.
8. Filippov V.M. Functioning and development of industry basic departments // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. № 4. P. 625–627.
9. Ardashev R.G. Virtualization in the New Meaningful Life Orientations of Russians // Global and Regional Impacts in the System of Modern Societies. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 130–134.
10. Ardashev R.G. New Meanings in the Consciousness of Young People: The Influence of Virtuality // In Search of Social Truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 152–156.
11. Pruzhinin A.N. Corporate education in Russia in the context of social integration // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 910–913.
12. Pruzhinin A.N. Corporate training in a multipolar world // Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches). Proceedings of the International scientific and practical conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, 2023. pp. 318–320.
13. Pruzhinin A.N. Normative and legal regulation of corporate training and human capital development // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, 2023. pp. 284–287.
14. Pruzhinin, A.N. Corporate Training in Modern Business // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2023. № 11. pp. 88–90.



Физическая культура и спорт как фундаментальные детерминанты устойчивого развития современного общества: медико-биологические, психосоциальные и экономические императивы

Ибрагимов Али Закир оглы,

преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Ibrahimov_66_98@mail.ru

Никифоров Никита Юрьевич,

преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Prorok63_00@mail.ru

Лилеев Никита Александрович,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikitalileev11@yandex.ru

Гурбанов Тимур Мушфигович,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: gurbanov-2025@mail.ru

В работе проводится комплексный анализ роли массового спорта и физической культуры как фундаментальных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации. На основе данных Всемирной организации здравоохранения, статистики Министерства здравоохранения РФ, а также отечественных и зарубежных аналитических обзоров, авторы рассматривают физическую активность не просто как элемент досуга, а как критически важный инструмент формирования здорового общества.

В центре исследования находится взаимосвязь между уровнем вовлеченности населения в занятия спортом и показателями общественного здоровья. Особое внимание уделяется переходу от реактивной модели здравоохранения (лечение уже возникших заболеваний) к превентивной, где регулярная физическая нагрузка выступает главным средством профилактики неинфекционных заболеваний и снижения смертности.

В социальном аспекте анализируется способность спорта выступать мощным консолидирующим фактором, формировать у молодежи созидательные ценностные ориентиры и служить инструментом психологической разгрузки в условиях глобальной нестабильности.

Авторы приходят к выводу, что достижение этой стратегической цели невозможно лишь за счет государственного финансирования и инфраструктурных проектов. Ключевым условием успеха называется ментальная трансформация общества: формирование личной ответственности гражданина за собственное здоровье и восприятие физической активности как неотъемлемой составляющей жизненного успеха, высокого интеллекта и экономического благополучия в XXI веке.

Ключевые слова: физическая активность, гиподинамия, общественное здоровье, экономика спорта, нейропластичность, проект «Демография».

Введение

В условиях современных глобальных вызовов и демографических трансформаций вопрос сохранения и укрепления человеческого капитала приобретает статус приоритетной национальной задачи [1]. На фоне стремительной урбанизации и цифровизации общества наблюдается парадоксальная ситуация: технологический прогресс, призванный улучшить качество жизни, спровоцировал пандемию гиподинамии, ставшую катализатором роста хронических неинфекционных заболеваний [2]. В этом контексте физическая культура и спорт (ФКиС) перестают восприниматься исключительно как сфера досуга или профессиональных достижений, трансформируясь в фундаментальный инструмент обеспечения национальной безопасности и социально-экономической устойчивости государства [3].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью коренного пересмотра парадигмы общественного здравоохранения. Традиционная реактивная модель, ориентированная на борьбу с уже манифестировавшими патологиями, демонстрирует свою экономическую неэффективность и ограниченность перед лицом современных патогенных факторов образа жизни. Назрела необходимость перехода к превентивной стратегии, где регулярная физическая активность (ФА) выступает базовым и наиболее доступным средством профилактики, позволяющим не только продлить биологическое долголетие, но и существенно повысить качество жизни населения [4].

Особый научный и практический интерес представляет взаимосвязь между уровнем спортивной вовлеченности граждан и макроэкономическими показателями. Физическое здоровье нации сегодня рассматривается как ключевой экономический актив. Существует прямая корреляция между функциональным состоянием организма работника и его производительностью труда, когнитивными способностями и стрессоустойчивостью [5]. Таким образом, инвестиции в спортивную инфраструктуру и популяризацию активного образа жизни следует трактовать не как социальные расходы, а как вложения с высоким мультипликативным эффектом, выражающимся в снижении нагрузки на бюджет фонда обязательного медицинского

страхования и минимизации потерь ВВП от дней временной нетрудоспособности [3].

Кроме того, в эпоху глобальной нестабильности и социальных потрясений спорт выполняет важнейшую функцию социальной инженерии. Он выступает мощным консолидирующим фактором, способным формировать созидательные ценностные ориентиры, особенно в молодежной среде, и служить эффективным инструментом психологической разгрузки общества [1].

В настоящей работе ставится цель проанализировать механизмы достижения стратегического ориентира государства, а именно вовлечения 70% населения в систематические занятия спортом. В основе исследования лежит гипотеза о том, что достижение данного показателя невозможно исключительно административными методами. Требуется глубокая ментальная трансформация общества, в ходе которой ФА станет восприниматься гражданином не как навязанная обязанность, а как осознанная необходимость и неотъемлемый атрибут успешной, конкурентоспособной личности XXI века.

Медико-биологический аспект: движение как лекарство

Концепция «Движение – это лекарство» («Exercise is Medicine»), признанная мировым научным сообществом, базируется на доказанной способности мышечной деятельности влиять на биохимию тела на клеточном уровне [4]. Регулярная аэробная и анаэробная нагрузка выступает мощным стимулятором ангиогенеза, способствуя росту новых капилляров и улучшению микроциркуляции крови, что является фундаментальной профилактикой ишемических состояний [6]. Более того, работающая мышца выполняет функцию эндокринного органа, выделяя в кровь миокины – специфические белки, которые обладают противовоспалительным эффектом и играют ключевую роль в профилактике метаболического синдрома и диабета второго типа за счет повышения чувствительности тканей к инсулину. Таким образом, спорт воздействует не на симптомы, а на этиологию заболеваний, корректируя метаболические нарушения задолго до их клинического проявления [7].

Российские кардиологи и врачи по спортивной медицине подчеркивают, что регулярные аэробные нагрузки (бег, плавание, езда на велосипеде) снижают риск развития ишемической болезни сердца на 30%, а инсульта – на 27% [8]. Механизм этого воздействия глубок: упражнения улучшают эндотелиальную функцию сосудов, способствуют снижению уровня липопротеинов низкой плотности («плохого» холестерина) и нормализации артериального давления [9].

Острая проблема современности – метаболический синдром и диабет 2-го типа. Мышцы явля-

ются главным потребителем глюкозы в организме. При активной работе повышается чувствительность клеток к инсулину. Исследования показывают, что 150 минут умеренной активности в неделю (стандартная рекомендация ВОЗ) снижают риск развития диабета на 26–40% [7].

Особое внимание следует уделить нейробиологическому эффекту физической культуры, который напрямую связан с упомянутой выше когнитивной производительностью работника. Исследования показывают прямую зависимость между уровнем физической активности и выработкой нейротрофического фактора мозга (BDNF), который отвечает за нейропластичность, способность к обучению и защиту нейронов от дегенерации [10]. В условиях информационной перегрузки и высокого уровня стресса регулярные тренировки становятся инструментом «психогигиены», способствуя утилизации гормонов стресса (кортизола и адреналина) и выработке эндорфинов и серотонина [5]. Это позволяет рассматривать массовый спорт как действенную немедикаментозную стратегию профилактики депрессивных состояний и тревожных расстройств, масштабы которых приобретают характер эпидемии.

Критически важным аспектом является влияние физической активности на процессы старения и продолжительность активной жизни. Речь идет о предотвращении саркопении – возрастной потери мышечной массы и силы, которая является главным предиктором старческой немощи и потери автономности [11]. Поддержание мышечного корсета и плотности костной ткани через силовые нагрузки является залогом сохранения функциональной независимости пожилых граждан, что напрямую снижает нагрузку на системы социального обеспечения и патронажного ухода [12]. Следовательно, стратегическая цель по вовлечению 70% населения в спорт – это не просто статистический показатель, а биологический императив, необходимый для сохранения генофонда и обеспечения демографической безопасности государства через увеличение не просто продолжительности жизни, а именно продолжительности здоровой и трудоспособной жизни.

В условиях высокой урбанизации растет уровень тревожных расстройств. Физическая нагрузка, согласно исследованиям отечественных и зарубежных физиологов, способствует утилизации гормонов стресса – кортизола и адреналина. Одновременно происходит выброс эндорфинов, серотонина и дофамина [13].

Мета-анализ 2024 года (218 исследований и 14170 участников), проведенный Хотелом и соавт. в Австралии, показал, что физическая активность в 1,5 раза эффективнее в лечении легкой и средней депрессии, чем консультации психотерапевта или медикаменты [14]. В России психоло-



ги все чаще включают «двигательную терапию» в протоколы лечения выгорания.

Российский контекст: от ГТО к национальным целям

Российская модель развития массового спорта представляет собой уникальный синтез советского наследия и современных управленческих практик, ориентированных на повышение качества человеческого капитала. Если в предыдущих разделах мы рассматривали физиологическую и когнитивную базу, то в данном блоке необходимо проанализировать административно-нормативные механизмы, призванные трансформировать научное понимание пользы спорта в конкретные государственные императивы.

Советская система физического воспитания, краеугольным камнем которой был комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), служила мощным инструментом социальной мобилизации. Созданная в 1931 году, она не только формировала прикладные навыки, но и создавала единое нормативное пространство физического развития нации. Современный этап, начавшийся с Указа Президента РФ в 2014 году о возрождении комплекса ГТО, не является слепым копированием советских практик. Это модернизированная «нормативно-тестирующая» основа системы физического воспитания населения. В отличие от идеологизированного предшественника, современный ГТО делает ставку на добровольность и систему личных стимулов: от знаков отличия, дающих преференции при поступлении в вузы, до корпоративных бонусов для сотрудников [15]. Таким образом, государство пытается вернуть моду на физическую культуру, используя узнаваемый исторический бренд, но наполняя его новым функциональным содержанием.

Стратегия-2030 и национальные проекты

Ключевым вектором развития является «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года», которая неразрывно связана с национальным проектом «Демография» [16] и федеральным проектом «Спорт – норма жизни» [17]. Именно в этих документах зафиксирована амбициозная цель, о которой упоминалось выше: увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70% к 2030 году. Этот количественный показатель является прямым ответом на демографические вызовы (старение населения, снижение рождаемости) и экономическую потребность в повышении производительности труда. Российская стратегия подразумевает переход от модели «спорта высших достижений» как витрины государства

к модели «массового спорта» как фундамента национальной безопасности [18].

Реализация поставленных целей потребовала пересмотра градостроительной и инфраструктурной политики. Если в 2010-х годах акцент делался на строительстве крупных имиджевых объектов (наследие Олимпиады и Чемпионата мира по футболу), то текущий приоритет – создание инфраструктуры «шаговой доступности». Это включает в себя программы строительства ФОКов (физкультурно-оздоровительных комплексов) открытого типа, многофункциональных спортивных площадок во дворах и парковых зонах, а также использование цифровых технологий для навигации граждан по спортивным объектам («умные» спортплощадки с QR-кодами и методиками тренировок) [6]. Логика проста: снижение барьеров входа (временных, логистических, финансовых) напрямую коррелирует с массовостью вовлечения [3].

Важной новацией российского подхода стало внедрение механизма «социального налогового вычета» за фитнес-услуги, заработавшего с 2022 года. Это демонстрирует переход государства от декларативных призывов к финансовому стимулированию здорового образа жизни. Параллельно с этим происходит ренессанс корпоративного спорта. Крупные российские холдинги и госкорпорации интегрируют спортивные KPI в свои программы социальной ответственности и управления персоналом, осознавая прямую зависимость между здоровьем сотрудников и снижением издержек по листам нетрудоспособности [19]. Возрождаются спартакиады трудовых коллективов, что создает дополнительную социальную среду для регулярных занятий.

Таким образом, в России формируется комплексная экосистема, где историческая преемственность комплекса ГТО сочетается с цифровизацией, налоговыми льготами и инфраструктурной перестройкой. Успех этой стратегии будет определяться тем, насколько эффективно удастся конвертировать государственные инвестиции в реальное изменение поведенческих паттернов населения, превратив спорт из досугового увлечения в ежедневную гигиеническую норму.

Выводы

Анализ показывает, что развитие сферы физической культуры и спорта переросло рамки узкопрофильной отраслевой задачи и трансформировалось в национальный приоритет, напрямую влияющий на качество человеческого капитала. Современная модель управления отраслью демонстрирует отход от точечного строительства объектов к созданию всеобъемлющей спортивной экосистемы. В этой парадигме физическая культура становится вездесущей: она интегрируется в городскую среду через доступную инфраструктуру дворов и парков,



проникает в цифровую реальность через сервисы и приложения, и закрепляется в трудовых буднях через корпоративные программы.

Глобальная цель реализуемых стратегий лежит в плоскости ментальной перестройки общества – тотальной «спортизации» образа жизни граждан. Успех государственной политики в области ФКиС будет определяться тем, насколько глубоко ценности активного образа жизни укоренятся в повседневной культуре. Физическая культура должна перестать восприниматься как эпизодическая активность и стать базовой потребностью, такой же естественной, как сон или питание. Именно этот переход от «спорта высших достижений» к «спорту как норме жизни» для каждого гражданина станет главным показателем оздоровления нации.

Литература

1. Долматова Т.В. Роль физической культуры и спорта в контексте социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вестник спортивной истории. – 2017. – № 3(9). – С. 10–23. – EDN YNEJJX.
2. Максимов С. А., Гончаров М.В., Шальнова С.А. [и др.]. Региональные условия проживания как фактор риска хронических неинфекционных заболеваний пожилого населения в субъектах России // Профилактическая медицина. – 2025. – Т. 28, № 9. – С. 47–55. – DOI 10.17116/profmed20252809147. – EDN AZFXII.
3. Данилова А. М., Сличенко Д.А., Швецова Ю.А., Красильников А.Н. Спорт, физическая культура: их влияние на развитие национальной экономики // OlymPlus. Гуманитарная версия. – 2019. – № 1(8). – С. 64–68. – EDN WOTHPG.
4. Bagheri N, Bagheri R, Mesinovic J, et al. Effects of Resistance Training on Muscular Adaptations and Inflammatory Markers in Overweight and Obese Men. *Med Sci Sports Exerc.* 2025;57(3):600–612. doi:10.1249/MSS.0000000000003592
5. Nowacka-Chmielewska M, Grabowska K, Grabowski M, Meybohm P, Burek M, Małeckі A. Running from Stress: Neurobiological Mechanisms of Exercise-Induced Stress Resilience. *Int J Mol Sci.* 2022;23(21):13348. doi:10.3390/ijms232113348
6. Цветков Д.В. Особенности развития и размещения учреждений спорта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2011. – № 2. – С. 59–61. – EDN OPQSPB.
7. Basereh A, Khoramipour K, Hosseini N, et al. Redox-sensitive miRNAs and Humanin could mediate effects of exercise and astaxanthin on oxidative stress and inflammation in type 2 diabetes. *Sci Rep.* 2025;15(1):40113. doi:10.1038/s41598-025-23914-y
8. Кырнац М. Д., Демчук Е.Е. Роль спорта и физической активности в профилактике сердечно-сосудистых заболеваний // Наука-2020. – 2024. – № 5(72). – С. 74–79. – EDN NFCXOQ.
9. Мишина И. Е., Астафьева А.Н., Малкова М.С. [и др.]. Ключевые аспекты физической активности и её роль в первичной профилактике сердечно-сосудистых заболеваний с позиций доказательной медицины // Вестник Ивановской медицинской академии. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 5–9. – EDN ETYSIB.
10. Birinci YZ, Pancar S, Şimşek H, Soylu Y, Konuk K, Şahin Ş. Time-dependent comparison of serum BDNF responses following high-intensity interval exercise and moderate- and low-intensity continuous exercise in healthy young men. *Sci Rep.* 2026;16(1):6821. doi:10.1038/s41598-026-37728-z
11. И. Е. Плещев, В.Н. Николенко, Е.Е. Ачкасов [и др.] Влияние физических упражнений и нутритивной поддержки на пациентов пожилого и старческого возраста с саркопеническим ожирением / // *Acta Biomedica Scientifica.* – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 14–25. – DOI 10.29413/ABS.2024–9.3.2. – EDN HAMPYA.
12. Плещев И. Е., Николенко В.Н., Ачкасов Е.Е., Шкрёбо А.Н. Индивидуально-типологические особенности физического статуса и компонентного состава тела мужчин пожилого возраста с саркопенией, сочетающейся с сопутствующими заболеваниями // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 70–74. – DOI 10.14300/mnnc.2023.18017. – EDN WPLKGR
13. Берняев С.Д. Влияние интенсивных тренировок на уровень гормонов стресса у легкоатлетов // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 2(83). – С. 757–761. – EDN XRPNHB.
14. Noetel M., Sanders T., Gallardo-Gómez D., Taylor P, del Pozo Cruz B, van den Hoek D et al. Effect of exercise for depression: systematic review and network meta-analysis of randomised controlled trials. *BMJ* 2024; 384 doi: https://doi.org/10.1136/bmj-2023-075847
15. Мулюкова Д. А., Николаев П.П., Грязнов С.А. Сравнительный анализ комплекса «Готов к труду и обороне» в СССР и современной России // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105–11. – С. 66–69. – DOI 10.18411/trnio-01–2024–539. – EDN SXAXNU.
16. Великая Н. М., Тартыгашева Г.В. Национальный проект «Демография» и перспективы демографического роста глазами экспертного сообщества // Социальная политика и социология. – 2021. – Т. 20, № 3(140). – С. 43–50. – DOI 10.17922/2071–3665–2021–20–3–43–50. – EDN ZKSFXE.

17. Закревская Н. Г., Комева Е.Ю., Артюшкина А.А. Социальный проект «спорт-норма жизни» как средство популяризации активного образа жизни и массового спорта // Вестник Института экономики и социальных технологий. – 2025. – № 1. – С. 103–112. – EDN PXIQGW.
18. Ибрагимов А. З., Титова А.С., Каракчиев Д.А., Гурбанов Т.М. Физическая культура и спорт как многофункциональный инструмент укрепления здоровья // Социология. – 2025. – № 12. – С. 151–156. – EDN VVATCO.
19. Кравчук Т. А., Сусикова Т.С., Ломовцев Д.Ю., Ленков Д.А. Результаты внедрения социального налогового вычета на физкультурно-оздоровительные услуги, предоставляемые фитнес-центрами в субъектах Российской Федерации // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 9(162). – С. 87–94. – EDN JWCJIE.

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS FUNDAMENTAL DETERMINANTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY: BIOMEDICAL, PSYCHOSOCIAL, AND ECONOMIC IMPERATIVES

Ibragimov A.Z., Nikiforov N.Yu., Lileev N.A., Gurbanov T.M.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

This paper provides a comprehensive analysis of the role of mass sports and physical culture as fundamental factors in ensuring sustainable socio-economic development of the Russian Federation. Based on data from the World Health Organization, statistics from the Ministry of Health of the Russian Federation, as well as domestic and foreign analytical reviews, the authors consider physical activity not just as an element of leisure, but as a critically important tool for shaping a healthy society.

The research focuses on the relationship between the level of public involvement in sports and public health indicators. Particular attention is paid to the transition from a reactive healthcare model (treatment of existing diseases) to a preventive one, where regular physical activity is the main means of preventing noncommunicable diseases and reducing mortality.

From a social perspective, the article analyzes the ability of sport to act as a powerful consolidating factor, to form creative value orientations among young people and to serve as a tool for psychological relief in the context of global instability.

The authors conclude that achieving this strategic goal is impossible only through government financing and infrastructure projects. The key condition for success is the mental transformation of society: the formation of a citizen's personal responsibility for their own health and the perception of physical activity as an integral component of life success, high intelligence and economic well-being in the 21st century.

Keywords: physical activity, physical inactivity, public health, sports economics, neuroplasticity, Demography project.

References

1. Dolmatova T.V. The role of physical culture and sports in the context of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation // Bulletin of Sports History. 2017. № 3(9). Pp. 10–23.
2. Maksimov S. A., Goncharov M.V., Shalnova S.A., et al. Regional living conditions as a risk factor for chronic non-communicable diseases of the elderly population in the subjects of Russia // Preventive medicine. 2025. Vol. 28, № 9. pp. 47–55. DOI 10.17116/profmed20252809147.
3. Danilova A.M., Slichenko D.A., Shvetsova Yu. A., Krasilnikov A.N. Sports, physical culture: their impact on the devel-

opment of the national economy // OlymPlus. The humanitarian version. 2019. № 1(8). Pp. 64–68.

4. Bagheri N, Bagheri R, Mesinovic J, et al. Effects of Resistance Training on Muscular Adaptations and Inflammatory Markers in Overweight and Obese Men. *Med Sci Sports Exerc.* 2025;57(3):600–612. doi:10.1249/MSS.0000000000003592
5. Nowacka-Chmielewska M, Grabowska K, Grabowski M, Meybohm P, Burek M, Malecki A. Running from Stress: Neurobiological Mechanisms of Exercise-Induced Stress Resilience. *Int J Mol Sci.* 2022;23(21):13348. doi:10.3390/ijms232113348
6. Tsvetkov D.V. Features of development and placement of sports facilities // *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law.* 2011. № 2. pp. 59–61.
7. Basereh A, Khoramipour K, Hosseini N, et al. Redox-sensitive miRNAs and Humanin could mediate effects of exercise and astaxanthin on oxidative stress and inflammation in type 2 diabetes. *Sci Rep.* 2025;15(1):40113. doi:10.1038/s41598-025-23914-y
8. Kirnats M. D., Demchuk E.E. The role of sports and physical activity in the prevention of cardiovascular diseases // *Science-2020.* 2024. № 5(72). Pp. 74–79.
9. Mishina I. E., Astafieva A.N., Malkova M.S., et al. Key aspects of physical activity and its role in the primary prevention of cardiovascular diseases from the standpoint of evidence-based medicine // *Bulletin of the Ivanovo Medical Academy,* 2019. Vol. 24, № 3. pp. 5–9.
10. Birinci Y.Z, Pancar S, Şimşek H, Soylu Y, Konuk K, Şahin Ş. Time-dependent comparison of serum BDNF responses following high-intensity interval exercise and moderate- and low-intensity continuous exercise in healthy young men. *Sci Rep.* 2026;16(1):6821. doi:10.1038/s41598-026-37728-z
11. Pleshchev I. E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Preobrazhenskiy Ya. I., Gridin L.A., Shkrebko A.N., Tsoller M.V. The effect of exercise and nutritional support on elderly and senile patients with sarcopenic obesity. *Acta Biomedica Scientifica.* 2024. № 9(3). Pp. 14–25. <https://doi.org/10.29413/ABS.2024-9.3.2>
12. Pleshchev I. E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Shkrebko A.N. Individual and typological features of the physical status and component composition of the body of elderly men with sarcopenia combined with concomitant diseases. *Medical News of North Caucasus.* 2023. № 18(1). Pp. 70–74. DOI – <https://doi.org/10.14300/mnnc.2023.18017> (In Russ.)
13. Bernyaev S.D. The effect of intensive training on the level of stress hormones in athletes // *Bulletin of Science.* 2025. Vol. 1, № 2(83). pp. 757–761.
14. Noetel M., Sanders T., Gallardo-Gómez D., Taylor P, del Pozo Cruz B, van den Hoek D et al. Effect of exercise for depression: systematic review and network meta-analysis of randomised controlled trials. *BMJ* 2024; 384 doi: <https://doi.org/10.1136/bmj-2023-075847>
15. Mulyukova D. A., Nikolaev P.P., Gryaznov S.A. Comparative analysis of the complex «Ready for labor and defense» in the USSR and modern Russia // *Trends in the development of science and education.* 2024. № 105–11. pp. 66–69. DOI 10.18411/trnio-01–2024–539.
16. Velikaya N. M., Tartygasheva G.V. The national project «Demography» and the prospects of demographic growth through the eyes of the expert community // *Social Policy and Sociology.* 2021. Vol. 20. № 3(140). pp. 43–50. DOI 10.17922/2071–3665–2021–20–3–43–50.
17. Zakrevskaya N. G., Komeva E. Yu., Artyushkina A.A. The social project «sport is the norm of life» as a means of popularizing an active lifestyle and mass sports // *Bulletin of the Institute of Economics and Social Technologies.* 2025. № 1. pp. 103–112.
18. Ibragimov A. Z., Titova A.S., Karakchiev D.A., Gurbanov T.M. Physical culture and sport as a multifunctional tool for health promotion // *Sociology.* 2025. № 12. pp. 151–156.
19. Kravchuk T. A., Susikova T.S., Lomovtsev D. Yu., Lenkov D.A. The results of the introduction of a social tax deduction for physical education and wellness services provided by fitness centers in the subjects of the Russian Federation // *Global scientific potential.* 2024. № 9(162). Pp. 87–94.



Городские тротуары и фонари

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Городские фонари – ночные стражи города. По их бесперебойной работе и уровню освещения темных улиц определяют степень цивилизованности городов в стране и страны в целом. А еще одним показателем выступает степень защищенности дорог и тротуаров. Это поняли еще древние римляне, поднимавшие вопрос на небывалую высоту. Такую высоту, до которой средневековая Европа столетиями подняться не могла. Тротуары и фонари – соседи и помощники друг для друга. Без них нельзя себе представить город, хотя деревню можно. Для социологии они – яркие маркеры социального благополучия и заботы властей о народе.

Ключевые слова: город, улица, тротуар, фонарь.

Улицы – это многофункциональные пространства, вмещающие тротуары для людей и дороги для машин. Она характеризуется способностью объединять разные пространства: проезжую часть и тротуар, спонтанные парковки, магазины, учреждения, вход во двор дома и летние веранды кафе. Подход Джейкобса к социальной дезорганизации был сосредоточен на «улицах и их тротуарах, основных общественных местах города» и что они «являются его наиболее важными органами, потому что они обеспечивают основные визуальные сцены» [1]. Улица – классическая дорога с тротуаром или пешеходная дорога. *Тротуар* (от франц.) – специальная дорожка для пешеходов из досок, асфальта и т.п. по краям улицы.

Наблюдательным пунктом для американского этнографа Митчелла Дюнье в середине 1990-х годов послужил обычный городской тротуар на Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке. В течение 5 лет он работал уличным продавцом журналов, начинал помощником, а позже поднялся по служебной лестнице и стал заведовать столиками продавцов журналов, пока они отсутствовали. Он руководит теми, кто раньше промышлял торговлей наркотиками, занимался попрошайничеством или существовал только на пособие.

В своей книге «Тротуар» [2] он дает групповой портрет нескольких бедных чернокожих мужчин, которые зарабатывают на жизнь, продавая подержанные товары, попрошайничеством, собирая книги и журналы. По словам Дюнье, книжный столик на тротуаре привлекает широкий круг браузеров и читателей, поощряет взаимодействия между людьми, которые иначе никогда бы не проявились. «Десятки людей извлекают выгоду из Booksellers 'Row: наблюдатели за столиками, которые следят за товарами, когда продавцу нужно облегчиться, владельцы мест, которые ночью охраняют места с первоклассными продажами, и грузчики, которые доставляют товары на склады и обратно. Некоторые из мужчин зарабатывают до 120 долларов за 12-часовой рабочий день» [3].

Привлечение «городского дна» к легальной торговле книгами многим исправила судьбу и стала средства улучшения городской жизни. «Тротуар находится в лучших традициях включенного наблюдения. Если бы я все еще преподавал, я бы хотел, чтобы все мои ученики прочитали эту книгу», – сказал Уильям Фут Уайт, автор знаменитой «Street Corner Society». По словам Саскии Сассен, «Дюнье, должно быть, один из выдающихся этно-



графов нашего времени: он делает видимым то, что обычно остается под водой, когда мы воспринимаем мир на уровне улиц. Это глубокая, сложная, трогательная книга, которая вырывает вас из вашего собственного жизненного опыта в этом мире и уводит в другой» [4].

Тротуары, улицы, дорожные знаки и т.д. служат своеобразными сигналами. Они предупреждают или направляют нас. Город состоит из множества соприкасающихся и переходящих друг в друга специализированных «зон», в каждой из которых свои ценности, нормы поведения, свое отношение к пешцам и людям [5].

В городах чаще всего балконы делают висячими для того, чтобы не занимать площадь тротуара. Тротуар – крыльцо расположенного на первом этаже магазина или парадной двери жилого здания. Если он есть, то обувь всегда останется чистой, чисто будет в магазине и квартире. Тротуар – малые подмостки большого города. Площадь – это даже не подмостки, а почти вся сцена. Тротуар – это маленькая площадь. Но ее можно расширить, превратив тротуар в пешеходную зону.

Городской тротуар – бесконечная лента зонтиков и плащей, выставочный зал для витрин магазинов и магазинчиков, офисных зданий и домашних окон.

Чем опасен тротуар? Может выскочить автомобиль, может обрызгать прохожего, можно поскользнуться, столкнуться в толпе, застрять в пробке, нанюхаться выхлопных газов, столкнут на проезжую часть, пробираться сквозь разбитый асфальт и лужи.

Что можно делать на тротуаре? Торговать с рук или из палатки, ожидать транспорт, гулять или передвигаться, голосовать машину, ожидать возможности двигаться по переходу, кататься на самокате или велосипеде, заезжать автомобилисту, парковать машину, сделать пешеходную зону, разместить уличным музыкантам и торговцам

«Тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз», – Н.В. Гоголь, «Невский проспект».

Тротуар – общее, коллективное условие существования. Пешеходы – хозяева тротуаров – малая городская толпа, в отличие от большой, например, многолюдной демонстрации на главной улице или площади города. Тротуар как и улица – это еще и река асфальта, протекающая по городскому пространству, ограниченная зданиями (рис. 1).

А можно и другую метафору придумать: проезжая часть улицы – река, тротуар – набережная реки. Тротуары окаймляют городские улицы, сдерживая бешеные потоки ревуших автомобилей,

спасая незащищенных пешеходов. Самая большая проблема мегаполисов – автомобили, припаркованные на тротуарах. Самовольные парковки показывают недостаток уважения к людям. Париж снизил количество парковок на 10 тыс. мест, чтобы освободить место для велодорожек.



Рис. 1

Тротуар – элемент *инфраструктуры* для городской мобильности, а фонари на тротуарах – точки покоя в этом потоке пешеходного движения. Фонари как маяки, свет которых ориентирует и людей, и машины, направляя и управляя движением. Светофор – это лишь видоизмененный фонарь переменного освещения. Под асфальтом пролегают километры кабелей и труд, которые запечатали под тротуар только потому, что к ним так легче добраться ремонтным бригадам.

Трудно поверить, но уличные фонари и ночное освещение города всегда являлось вопросом политическим для городских властей. Это вопрос борьбы с преступностью и вандализмом, привлекательности города для бизнеса и туристов, общественного спокойствия, безопасного передвижения товаров и людей, количества стражи на улицах. Древние египтяне и жители Средиземноморья для освещения употребляли оливковое масло.

Первые свечи из пчелиного воска и говяжьего сала появились в Средние, а первые уличные фонари, в которых использовали обыкновенные свечи и масло, установили в Лондоне в 1417 г. В XVI веке жителей Парижа обязали держать светильники у окон, которые выходят на улицу.

Первое упоминание уличного освещения в России появилось при правлении Петра I. Свечи заменили керосином, а в XIX веке – газом. В 1873 г. Лодыгин сконструировал угольную лампу накаливания. Через несколько лет Эдисон продемонстрировал электрическую лампочку.

Современное уличное освещение управляется сложными компьютерными программами. Но и сегодня в городах уличное освещение выходит из строя из-за старых электрических сетей и недостаточного финансирования.

Городское освещение стимулировало развитие экономики, открыв ночное время для покупок, увеселений, молодежных тусовок, работы баров и ресторанов, театров и кинотеатров. Электричество расширило и дневную сферу развлечений и досуга, особенно детского (рис. 2).



Рис. 2. Помпеи – перекресток и боковые тротуары

Когда-то в городе никаких тротуаров не строилось, повсюду господствовал пешеход. Они стали возникать с проникновением гужевого транспорта и были сведены к минимуму в эпоху появления транспорта автомобильного.

Известно, что Римская империя была щедра на строительство инфраструктуры на завоеванных территориях. Они построили акведуки, мосты, туннели и сеть дорог. Первые римские дороги – тогда просто выровненные и утрамбованные полосы земли, соединявшие населенные пункты, – появились примерно в 500 году до н.э. Позже начали сооружать дороги с гравийным покрытием, вымощенные камнями наподобие плитки.

Римские дороги были предназначены для перемещения пешком, верхом, а также на колесницах или колясках-карементах, запряженных лошадьми или мулами. Многослойные дороги строили прямыми для удешевления ремонта. Вдоль полотна улицы пролегли колеи для повозочного транспорта, которые одновременно служили желобами для слива дождей. Во время мощных потоков воды улицу легко можно перейти и вступить на безопасный тротуар.

Однако вымощенные дороги можно было встретить только в городах. В черте города были построены дороги, выложенные тротуарной плиткой. На улицах Помпеи сохранились «зебры»-переходы из возвышающихся над полотном дороги гладких камней. Тротуары по обеим сторонам улиц довольно высокие – 60 см над уровнем самой

дороги. Такими их сделали, чтобы обезопасить пешеходов.

Тротуарный бордюр служил как бы направляющей для колес повозки, клиренс которой был таким, что если лошадь понесет, то она не смогла перескочить через бордюр и покалечить людей. В период расцвета Римской империи в 113 провинциях насчитывалось не меньше 370 крупных дорог, а общая протяженность транспортных артерий, связывавших города огромного государства, составляла около 400 тыс. км.

Литература

1. Ranasinghe P. Jane Jacobs' framing of public disorder and its relation to the 'broken windows' theory // *Theoretical Criminology*, (2012), 16 (1), p. 68.
2. Duneier M. *Sidewalk*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
3. Jacobs A. *Adventures in a Book Trade: A social scientist studies Manhattan's curbside booksellers* // *The New York Times*. April 2, 2000.
4. Источник: <https://us.macmillan.com/books/9780374527259>
5. Фетисова Т.А. *Культура города* // Новая литература по культурологии. Дайджест 2. М.: ИНИОН, 1995. С. 79–93.

CITY SIDEWALKS AND STREETLIGHTS

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology»

Streetlights are the city's night guards. Their uninterrupted operation and the level of illumination on dark streets determine the level of civilization in cities and the country as a whole. Another indicator is the level of security of roads and sidewalks. This was understood even by the ancient Romans, who raised the issue to unprecedented heights – a level that medieval Europe could not reach for centuries. Sidewalks and streetlights are neighbors and helpers to each other. It is impossible to imagine a city without them, though a village is possible. For sociologists, they are clear markers of social well-being and the authorities' concern for the people.

Keywords: city, street, sidewalk, streetlight.

References

1. Ranasinghe P. "Jane Jacobs' Framing of Public Disorder and Its Relation to the 'Broken Windows' Theory" // *Theoretical Criminology*, (2012), 16 (1), p. 68.
2. Duneier M. "Sidewalk." New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.
3. Jacobs A. "Adventures in a Book Trade: A Social Scientist Studies Manhattan's Curbside Booksellers" // *The New York Times*. April 2, 2000.
4. Source: <https://us.macmillan.com/books/9780374527259>
5. Fetisova T.A. "City Culture" // *New Literature on Cultural Studies. Digest 2*. Moscow: INION, 1995. pp. 79–93.

Влияние трансформации семейных ценностей на рождаемость в современной России

Кулямина Ольга Сергеевна,

кандидат экономических наук, заведующая междисциплинарной научно-исследовательской лабораторией, Российский государственный социальный университет
E-mail: KuljaminaOS@rgsu.net

Бронникова Евгения Михайловна,

кандидат экономических наук, эксперт I категории междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории, Российский государственный социальный университет
E-mail: BronnikovaEM@rgsu.net

Поворина Елена Васильевна,

кандидат экономических наук, эксперт I категории междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории, Российский государственный социальный университет
E-mail: PovorinaEV@rgsu.net

Традиционные ценности семьи и крепкого брака претерпевают изменения под влиянием общемирового тренда индивидуализма, расширения прав женщин, стремления к самореализации. Трансформация семейных ценностей не может не оказывать влияния и на репродуктивное поведение. Тенденция спада рождаемости наблюдается как в России, так и в большинстве развитых стран. Авторы рассматривают статистические данные по количеству браков, разводов и численности родившихся на 1000 человек населения в России и в мире, о структуре семейных ячеек, а также по распределению проживания детей по брачному состоянию родителей и численности родившихся вне зарегистрированного брака. Общемировые тенденции свидетельствуют о снижении числа человек в домохозяйстве, росте количества одиноких людей, а также предпочтении сожительства без официальной регистрации брака. В России же наблюдается тенденция роста числа рождений вторых и последующих детей, а также подачи заявлений о регистрации рождения детей совместно обоими родителями, не состоящими в браке. Это позволяет предполагать, что ценность официального брака снижается, однако женщины рожают детей и вне официального оформления отношений. Статус родителя-одиночки в нашей стране дает ряд преференций и льгот. На совокупный коэффициент рождаемости оказывает влияние целый ряд факторов, в связи с чем представляется необходимым продолжать исследования с целью объективной оценки влияния традиционных семейных ценностей на рождаемость.

Ключевые слова: семья, брак, сожительство, рождаемость, семейные ячейки, семейное положение, репродуктивное поведение.

Введение

Семья – это один из базовых институтов общества, и именно в ней формируются ценностные ориентации в социальных отношениях и усваиваются социальные нормы. В условиях глобальных изменений в обществе институт семьи претерпевает значительные изменения, разрушаются прежние представления о семье и браке, забывается основная функция семьи, которая состоит в рождении и воспитании детей, происходит переосмысление стереотипов и ценностей. При этом стоит отметить, что именно ценностная сфера является определяющей в развитии любого общества.

Одним из мировых трендов, согласно докладу ООН, является расширение репродуктивных прав и возможностей женщин, увеличение численности экономически независимых женщин, повышение доступности образования и занятости [10], что не может не оказывать влияния на рождаемость и ведет к трансформации ценностей.

Вопросы изменения семейных установок с учетом рисков депопуляции приобретают особую актуальность. В этой связи анализ влияния снижения ценности института брака на рождаемость в современной России, а также в мировой практике, позволит выявить основные тренды и предложить направления поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Методика

При проведении исследования применялась совокупность научных методов исследования, к которым относятся метод поиска источников, анализа документов, сравнительный анализ, динамический метод и метод формулирования выводов.

Метод поиска источников позволил собрать статистические данные по количеству браков, разводов и численности родившихся на 1000 человек населения в России и в мире, структуре семейных ячеек, распределению проживания по брачному состоянию родителей и численности родившихся вне зарегистрированного брака.

Сравнительный анализ направлен на изучение закономерностей, причин и условий, определяющих изменение социальных процессов во времени, позволил сопоставить статистические данные исследуемых стран с целью выявления сходств

и различий в динамике брачности, рождаемости и размеров домохозяйств и других показателей в России и зарубежных странах.

Применение метода сравнительного анализа расширяет территориальные границы исследования, способствует плодотворному использованию опыта разных регионов и стран.

При помощи динамического метода был проведен анализ изменений значений изучаемых статистических показателей с целью выявления сходств и различий в анализируемых странах.

Метод формулирования выводов позволил оценить влияние трансформации традиционных ценностей на показатели рождаемости в России, рассмотреть и обобщить основные тенденции в брачном поведении людей.

Результаты

В Российской Федерации вопросы поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей являются ключевыми, а важнейшим приоритетом государственной политики выступают дети. Значимость института семьи в реализации государственной политики была подтверждена и провозглашением 2024 года Годом семьи [16].

Несмотря на принимаемые Правительством Российской Федерации меры по восстановлению и укреплению института семьи [5], демографическая ситуация в России в последнее десятилетие характеризуется снижением рождаемости. Если в 2013 году в Российской Федерации рождаемость составляла 13,2 родившихся на 1000 человек населения, то к 2023 году этот показатель понизился практически на треть – до 8,6 родившихся на 1000 человек [6].

Тенденция снижения рождаемости характерна не только для Российской Федерации, но и для других развитых стран. Так, например, в странах ЕС в целом рождаемость снизилась с 10 родившихся на 1000 человек населения в 2012 году до 8,2 родившихся на 1000 человек населения в 2023 году (рис. 1).

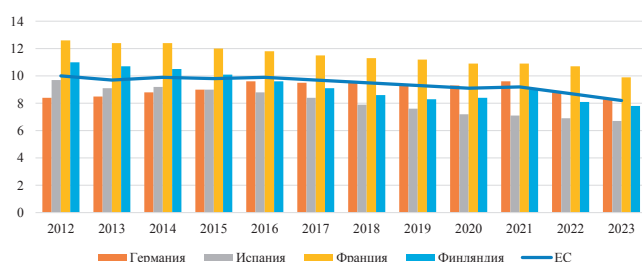


Рис. 1. Численность родившихся на 1000 человек населения в некоторых странах ЕС [7]

Источник: составлено по данным Живорождение и общий коэффициент рождаемости / Евростат. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00204/default/table?lang=en&category=t_demo.t_demo_fer (дата обращения: 21.03.2025).

Одной из европейских стран, в которой рождаемость сохранилась на том же уровне, является Германия, при этом за последнее десятилетие до 2021 года рождаемость даже повышалась, но затем вновь снизилась до уровня 2012 года (8,4 родившихся на 1000 человек населения в 2012 году и 8,3 в 2023 году).

В современном мире такие традиционные ценности как стабильность и нерасторжимость брака утратили свою значимость. Молодое поколение абсолютно спокойно воспринимает возможность развода и заключение нового брачного союза. Несомненно, такие изменения могут оказать влияние на количество рождений, но здесь справедливо нужно отметить, что развод не означает прекращение репродуктивной функции. При вступлении в новый брачный союз часто принимается решение о рождении совместного ребенка. Статистические данные о количестве разводов в России свидетельствуют о том, что за последние два десятилетия этот показатель остается на том же уровне. При этом стоит отметить, что в последние годы на каждые 10 браков приходится около 7 разводов.

Однако сопоставляя данные о количестве браков и разводов на 1000 человек населения, представленные на рис. 2, с численностью родившихся на 1000 человек населения, можно отметить, что темпы снижения рождаемости отличаются от темпов изменения количества браков и разводов. Это может свидетельствовать о том, что брачное состояние напрямую не оказывает влияния на репродуктивные планы.

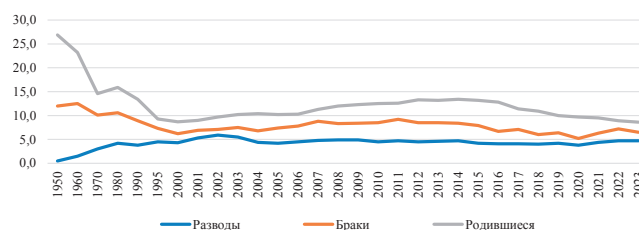


Рис. 2. Количество браков, разводов и численность родившихся на 1000 человек населения в России [6]

Источник: составлено по данным Демография / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2025).

Соотношение количества браков и разводов в странах ОЭСР также демонстрирует неблагоприятную ситуацию в институте семьи (рис. 3). В последние десятилетия почти во всех странах ОЭСР отмечается рост количества разводов при снижении количества браков. Так, например, менее 2 браков на 1000 человек в 2020 году приходилось в Ирландии, Италии, Португалии и Испании. Однако в других странах (например, Венгрии, Латвии, Литве и Турции) этот показатель выше почти в три раза и составляет около 6 на 1000 человек. В среднем по ОЭСР коэффициент брачности составляет 3,7.

Показатели разводимости в большинстве стран ОЭСР выше, чем в 1970 году, а в некоторых странах показатели разводимости увеличились в два и более раза (Бельгия, Греция, Израиль, Корея, Люксембург, Нидерланды и Португалия) [19].

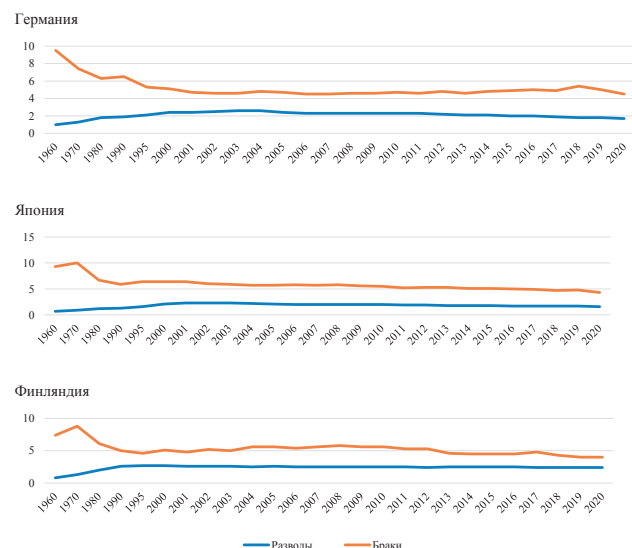


Рис. 3. Количество браков и разводов на 1000 человек населения в некоторых странах ОЭСР [19]

Источник: составлено по данным OECD Family Database / Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-family-database.html> (дата обращения: 25.11.2025).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что традиционное представление о семье как о стабильной и нерасторжимой ячейке общества меняется не только в России, но и в мире, при этом ценность брака снижается при возрастающей тенденции к индивидуализации.

Стоит отметить, что отношение к браку как к временному, нестабильному состоянию может приводить к тому, что супруги откладывают решение о рождении не только второго и последующих детей, но и первого ребенка. Одному родителю, как правило, тяжелее растить ребенка, в том числе и материально. Вместе с этим, результаты переписи населения 2020(2021) года в России свидетельствуют о том, что на протяжении последних десятилетий растет доля неполных семей с детьми [3]. Так, в 2002 году полные семьи составляли 39,7% семей с детьми, а в 2021 году их доля уже сократилась до 20,7%. При этом, как отмечают Прокофьева Л.М. и Корчагина И.И. [11] (табл. 1), среди всех семей с детьми неполные семьи матерей-одиночек составляют 37,7% (в 2002 году – 31,7%). В два раза возросла за последние годы доля отцов-одиночек, по данным переписи 2021 года она составила 8,2% среди домохозяйств с детьми. Две трети домохозяйств состоят из одного или двух человек, а полных семей с детьми в России лишь пятая часть (20,7%) из всех домохозяйств.

Таблица 1. Структура семейных ячеек в России по типам и возрасту детей, переписи 2002, 2010 и 2020 (2021) г., % [11]

Типы семейных ячеек	2002 г.		2010 г.		2020 (2021) г.	
	Все семейные ячейки	Семейные ячейки с детьми	Все семейные ячейки	Семейные ячейки с детьми	Все семейные ячейки	Семейные ячейки с детьми
Супруги без детей	27,7	—	30,5	—	31,0	—
Супруги с детьми	46,4	64,2	42,2	60,7	37,3	54,1
В том числе:						
До 18 лет*	35,3	48,9	28,6	41,2	26,9	39,1
18 лет и более	11,1	15,3	13,6	19,5	10,4	15,0
Мать/отец с детьми	25,9	35,8	27,3	39,3	31,7	45,9
В том числе:						
До 18 лет*	15,2	21,0	13,9	20,0	16,9	24,5
18 лет и более	10,7	14,8	13,4	19,3	14,8	21,4
Мать с детьми	22,9	31,7	24,0	34,6	26,0	37,7
До 18 лет*	13,6	18,8	12,3	17,7	13,7	19,9
18 лет и более	9,3	12,9	11,7	16,9	12,3	17,8
Отец с детьми	3,0	4,1	3,3	4,7	5,7	8,2
До 18 лет*	1,6	2,2	1,6	2,3	3,2	4,6
18 лет и более	1,4	1,9	1,7	2,4	2,5	3,6
Все семейные ячейки	100	100	100	100	100	100

* в число детей в возрасте до 18 лет не включаются состоящие в браке и имеющие детей.

Источник: составлено по данным Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения. Демографическое обозрение. 2023. 10(2), 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>

По данным переписей населения в России доля супругов с детьми с 2002 года сократилась к 2020 (2021) году на 9,1% (в основном за счёт снижения доли супругов с несовершеннолетними детьми), а доля семей с одним родителем в структуре семейных ячеек возросла с 25,9% в 2002 году до 31,7% в 2020 (2021) году (рис. 4).

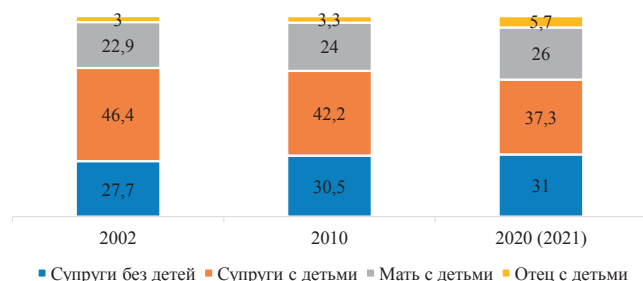


Рис. 4. Структура семейных ячеек в России по переписи 2002, 2010 и 2020 (2021) гг., % [11]

Источник: составлено по данным Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения. Демографическое обозрение. 2023. 10(2), 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>

Средний размер домохозяйств и структура семей по России неоднородны, и в различных субъектах имеются свои особенности. Так, например, больше всего неполных семей в столице и Санкт-Петербурге (54,2% и 51,5% соответственно), а меньше всего – в Ингушетии, Дагестане и Чечне (от 16,8 до 24,3%). Национальные традиции наложили свой отпечаток и на то, что как в Ингушетии, так и в Чечне доля отцов-одиночек выше, чем в среднем по России. В среднем по России на каждые 100 одиноких отцов приходится 430 одиноких матерей, в то время как в Ингушетии 100 одиноких отцов на 160 одиноких матерей, а в Чечне – 100 на 190.

Еще одна тенденция, выявленная в ходе последней переписи населения в России, – это увеличение доли детей в возрасте 18 лет и старше, совместно проживающих с родителями (или одним из них), в 2021 году 28% супругов жили с совершеннолетними детьми, в то время как в 2002 году их доля составляла лишь 24%. То есть, достигнув совершеннолетия, дети все реже стремятся к самостоятельной жизни и предпочитают оставаться с родителями, а не создавать свои семьи.

В странах ОЭСР средний размер домохозяйств варьируется в диапазоне от 1,7 человек в Литве и 1,8 в Эстонии до 3,5 в Коста-Рике и 3,6 в Мексике в 2024 году. Наиболее распространенным типом домохозяйств являются семейные пары, как с детьми, так и без них, доля варьируется в диапазоне от 28% в Латвии, 37% в Словакии, 57% в Португалии и Новой Зеландии и до 65% в Израиле. Порядка половины семейных пар в странах ОЭСР имеют детей, в Коста-Рике, Израиле и Мексике эта доля достигает 70%. Также высока доля семей

без детей – около трети в Великобритании и США, согласно данным 2021 года. Доля неполных семей в среднем составляет 10%, например, в Мексике их доля составляет более 11%, тогда как в Японии не превышает 3% [19].



Рис. 5. Распределение проживания детей 0–17 лет по семейному положению родителей в 2023 г. [19]

Источник: составлено по данным OECD Family Database / Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-family-database.html> (дата обращения: 25.11.2025).

В среднем по ЕС 83% детей проживают с обоими родителями, в странах ОЭСР – 82,1% от общего числа детей (рис. 5). В Литве доля детей, проживающих с обоими родителями, составляет менее 70%, в Греции, Турции, Польше, Корее и Словении их доля доходит до 90%. Сожительство становится более распространенным явлением. Доля детей, проживающих с родителями, не состоящими в зарегистрированном браке, последние годы растет, в Польше она составляет 33,0%, в Эстонии – 31,2%, в Болгарии – 27,5%. С одним родителем проживают более 30% детей в Литве, а во Франции, Мексике, Норвегии и США – 25% [19].

Планомерно растет доля детей, проживающих с сожителями (рис. 6). Наибольший прирост доли детей, проживающих с родителями, не состоящими в зарегистрированном браке, наблюдается в Португалии на 17,2% до 22,9%, Болгарии – на 15,6% до 27,5%, Словении – на 13,3% до 31,8% в 2023 году, что является максимумом среди стран ОЭСР.

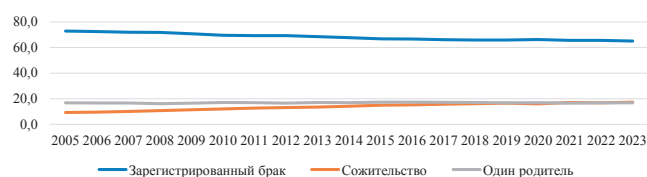


Рис. 6. Условия проживания детей в странах ОЭСР с 2005 по 2023 г. [19]

Источник: составлено по данным OECD Family Database / Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-family-database.html> (дата обращения: 25.11.2025).

Приведенные данные о соотношении количества браков и разводов, а также структуры семейных ячеек в России свидетельствуют о том, что период одинокого материнства становится одним из этапов жизненного пути для растущего числа российских женщин. Помимо этого, необходимо отметить и достаточно высокую долю детей, рожденных вне брака (матерями-одиночками,

сожительствующими вне официального брака) (рис. 7). В 2022 году по данным Росстата вне брака родились более 297 тысяч детей, что составляет 22,8% от общего числа родившихся. Чаще всего вне брака рожают женщины в возрасте от 30 до 34 лет – на их долю приходится 73 386 таких детей [4].

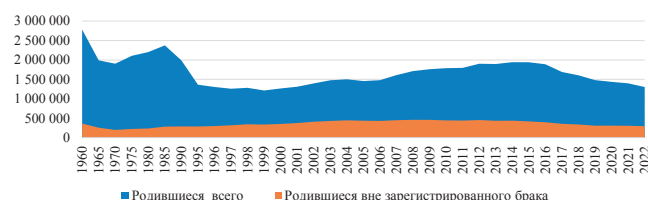


Рис. 7. Численность родившихся по брачному состоянию матери в России, чел. [6]

Источник: составлено по данным Росстат. Демография / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2025).

Доля детей, рожденных вне брака, в начале 2000-х годов достигала 30% в то время, как в 1990 году она не превышала 15%. Несмотря на наметившийся тренд к снижению, доля детей, рожденных вне брака, все еще остается высокой и превышает 20%. Данная ситуация обусловлена более поздним возрастом вступления в брак, большим количеством разводов, а также распространением так называемого «гражданского» брака, когда пара не оформляет отношения официально.

Все больше детей рождается вне брака и в странах ОЭСР, где доля внебрачных рождений в 2020 году возросла до 40%. Исключение составляет только Япония, где эта доля остается стабильно низкой.

Доля родившихся вне зарегистрированного брака от общего числа рождений в зарубежных странах в 2014–2023 годах представлена на рис. 8 [18].

Если рассматривать мировую практику, то наблюдается достаточно высокая доля рождений детей вне брака. Так, по данным на 2020 год в Мексике она достигает 70,4%, Исландии – 69,4%, в Дании – 54,2%, в Великобритании – 49%, в США – 40,5%. Наименьшее значение отмечается в Японии – 2,4% и Греции – 13,8% [14].

В 2023 году наибольшая доля детей, родившихся вне брака, отмечалась в Болгарии – 59,7%, при этом в период с 2014 года не была ниже 58,4%. В 2022 году во Франции наблюдалась доля рожденных вне брака на уровне 65,2%, что является максимальным значением в рассматриваемом периоде. В Италии зафиксирован существенный прирост рождений вне брака на 15,2% до 40,5%. В Венгрии же наоборот отмечается снижение на 22,8% в 2023 году по сравнению с уровнем 2014 года.

Согласно мировым тенденциям, внебрачные дети и родители-одиночки становятся новой нормой семьи. В среднем в мире 80% от обще-

го числа родителей-одиночек составляют матери. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна, Африке южнее Сахары домохозяйства с матерями-одиночками наиболее распространены и составляют 9,5% и 8,8% от всех домохозяйств соответственно. В Европе и Северной Америке их доля составляет 6,9%, что немного выше общемирового уровня [20] (рис. 8).

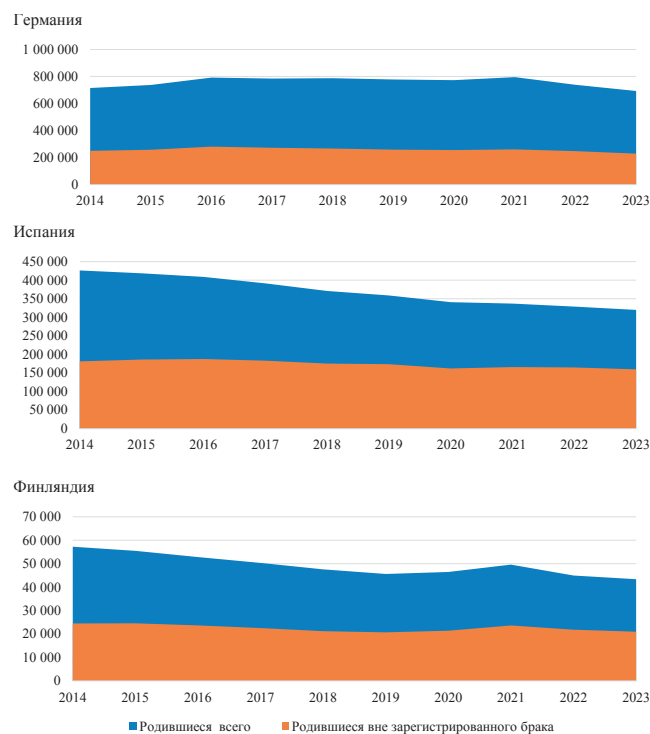


Рис. 8. Численность родившихся по брачному состоянию матери в Германии, Испании, Финляндии, чел. [18]

Источник: составлено по данным Live births by mother's age and legal marital status / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_fagec/default/table?lang=en&category=demo.demo_fer (дата обращения: 19.03.2025).

Несмотря на то, что в России по-прежнему высока доля детей, рожденных вне брака, можно отметить, что с 2013 года доля детей, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, превышает долю детей, зарегистрированных по заявлению только матери (рис. 9).

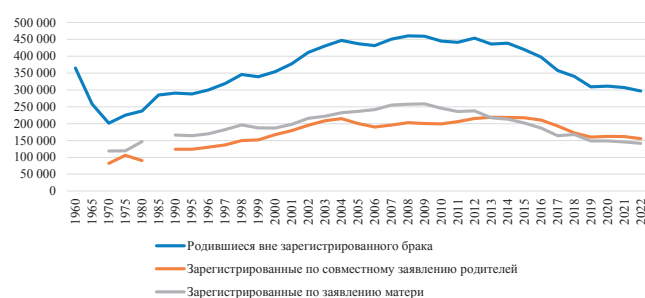


Рис. 9. Численность родившихся вне зарегистрированного брака в России, чел. [6]

Источник: составлено по данным Демография / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2025).

В этом случае можно говорить о том, что оба родителя берут на себя ответственность за ребенка, но при этом не вступают в брак, не создают традиционную семью. Это может быть связано с тем, что активно ведется государственная поддержка, выплачиваются пособия матерям-одиночкам, для них предусмотрены налоговые и трудовые льготы. Можно предположить, что в последние годы институт брака напрямую не оказывает влияние на рождаемость.

В подтверждение наметившихся тенденций в мировой практике наблюдается рост числа домохозяйств, состоящих из одного человека. Такая «эпидемия одиночества» особенно характерна для стран Европы и Северной Америки, где люди имеют сравнительно высокий уровень дохода. В таких странах как Швеция, Дания и Литва доля таких домохозяйств превышает 50% [17; 20].

Если для развитых стран характерны домохозяйства, состоящие из 1–3 человек, то для развивающихся стран наиболее распространенным типом домохозяйств являются нуклеарные семьи и расширенные домохозяйства, в которых наряду с родителями и детьми проживают другие родственники (бабушки, дедушки, дяди, тети или другие родственники).

Обсуждение

Мировой фокус направлен на гендерное равенство, благополучие, предоставление возможностей непрерывного обучения и производительной занятости. Это накладывает отпечаток на брачное поведение и отношение женщин к институту семьи и планированию рождения детей [10].

Снижение рождаемости обусловлено целым комплексом причин, в число которых входит и то, что в современных условиях семья перестает выполнять свою основную функцию. Еще в конце 20 века ученые указывали на то, что на фоне происходящих изменений во всех сферах жизни под влиянием различных факторов ценность семьи снижается, происходит переориентация, а, возможно, и полное замещение традиционных семейных ценностей (стабильный брак, нерасторжимость брака, материнство, отцовство, несколько детей, уважение и почтение старших, любовь, взаимопомощь и взаимоподдержка, верность, ответственность, семейные традиции [15]) на внесемейные ценности, отражающие стремление человека к индивидуальным достижениям вне семьи, прежде всего – к достижению высокого социального статуса. Все больше людей отдают предпочтение самореализации вне семьи, в профессии и социально-статусной сфере [13].

Зачастую в представлениях современной молодежи традиционная семья – это нечто консервативное, противоречащее индивидуальности и не-

ординарности, о которых много говорят в социальных сетях и интернет-пространстве.

Браженская Н.Е. и Османов М.М. отмечают: «Личность приобретает новые качества, исходя из виртуальной репрезентации себя, кроме того, жизнь в цифровом пространстве ведет к снижению качества взаимодействия членов семьи» [1]. Снижается понимание семьи как ценности, вступление в брак и создание семьи вызывает у молодых людей двойственные чувства. Изменение представлений о ценности семьи характеризуют и высокий процент разводов, высокий процент незарегистрированных браков, рост числа неполных семей, чайдфри и малодетность, упрощение состава семей [9].

Согласно мнению исследователей, в настоящее время трансформируются принципы формирования семьи. С одной стороны, сохраняется представление о семье как о доминирующей, базовой ценности, что в большей степени характерно для старшего поколения. С другой – наличие семьи и зарегистрированного брака не является необходимым условием для рождения детей, взгляды на традиционную семью становятся свободными, практикуется сожительство, ослабевают нормы брачной рождаемости, таких взглядов придерживается молодое поколение.

Наблюдается противоречивость механизма социального регулирования внебрачного репродуктивного поведения в ценностно-нормативном и установочном компоненте. Ценностно-нормативный компонент общественного сознания рассматривает семью как базовую доминирующую ценность. Однако на уровне внутренних установок наличие официально зарегистрированного брака перестает рассматриваться в качестве обязательного основания для рождения детей.

Можно выделить ряд причин внебрачных рождений. Одной из них являются распавшиеся сожительства. В данном случае мужчина отказывается от участия в жизни женщины в период беременности или после родов.

Также причинами являются страх одиночества и избегание супружества. Женщины старшей возрастной группы зачастую принимают решение родить ребенка для себя без создания семейной ячейки и без непосредственного участия отца ребенка в его воспитании. При этом у женщин может быть различная мотивация. Для одних рождение ребенка является способом избежать одиночества, однако ценность традиционной семьи и брака остается высокой, они могут считать, что ситуация носит временный характер и в дальнейшем готовы создать семью. Для них высока ценность, как родительства, так и супружества.

Для других рождение вне брака является избеганием супружества, при этом отмечается высокая степень удовлетворенности внебрачным мате-



ринством, ценность родительства высока наряду с обесцениванием супружества.

Создание даже неполной семьи значительно повышает уровень самооценки и оценки женщины в социальной среде. Семья способствует самореализации личности наряду с такими внесемейными ценностями «интересная работа» и «материально обеспеченная жизнь».

Еще одной причиной внебрачных рождений является желание получать государственную поддержку и льготы в статусе матери-одиночки. Часто наблюдаются внебрачные рождения после распада семьи, где уже есть дети. Женщина в новом союзе готова рожать, но пара может отказаться от официальной регистрации брака.

Внебрачные рождения рассматриваются как самостоятельная тенденция, которая набирает обороты в связи с трансформацией семейных ценностей.

Таким образом, можно говорить о том, под влиянием множества факторов происходит трансформация семейных ценностей, возникает новая система ролей мужчин и женщин, меняется традиционная форма брака и семьи и реализация гендерных ролей в семье и родительстве [13, что в свою очередь оказывает влияние и на динамику показателей рождаемости.

Ослабление норм брачной рождаемости, где главным условием является зарегистрированный брак, ведет к тому, что полноценная семья больше не является доминирующей ценностью. Однако, данный тренд не означает отказ от традиционных семейных ценностей, а свидетельствует о трансформации современного общества в сторону индивидуализма [2; 8; 12].

Заключение

Можно сказать, что в современном обществе ослабевают нормы брачной рождаемости. В России значительная доля одиноких матерей и высокая разводимость не являются показателями кризиса семьи, а свидетельствует о том, что современные россиянки предпочитают формировать индивидуальный жизненный путь и не рассматривают период одинокого материнства как длительный или окончательный этап брачно-партнерской и семейной биографии.

Наряду с этим развод не означает прекращение детородной функции, женщины формируют новый союз, в котором готовы рожать последующих детей, причем на практике союз не обязательно официально регистрируется. Отказ от оформления отношений позволяет претендовать на государственную поддержку и различные льготы.

Выявленные тенденции требуют дальнейших глубинных исследований с целью выявления мотивации женщин к деторождению, имеющихся препятствий и возможных государственных мер,

способствующих сохранению семейных ценностей и стимулированию рождаемости в долгосрочной перспективе.

Необходимо повышать авторитет семейных ценностей в глазах людей и, по возможности, перестроить соотношение семейных и внесемейных ценностных ориентаций, вернув семейным ценностям утраченный ими приоритет. Также следует активно поддерживать не только матерей-одиночек, но и полные семьи, что способно сподвигнуть союзы к регистрации брака и рождению как первых, так и последующих детей.

Литература

1. Браженская Н.Е., Османов М.М. Трансформация семейных ценностей в условиях цифрового общества // Образование и право. 2021. № 6. С. 126–131.
2. Внебрачная рождаемость как социальная проблема / М.В. Гомонова, А.С. Горбачкий, Е.Ю. Денисова и др. // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 109–112. URL: <https://moluch.ru/archive/502/110458/> (дата обращения: 12.03.2025).
3. Всероссийская перепись населения 2020 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 22.03.2025).
4. Демографический ежегодник России. 2023 / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
5. Демография / Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (дата обращения: 01.03.2023).
6. Демография / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2025).
7. Живорождение и общий коэффициент рождаемости / Евростат – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00204/default/table?lang=en&category=t_demo.t_demo_fer (дата обращения: 21.03.2025).
8. Каримова З.Х. Внебрачное репродуктивное поведение как объект социолого-демографического исследования. автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.03 / Уфим. гос. авиац.-техн. ун-т. Уфа, 2007. 24 с.
9. Клинова М.Н. Современная российская семья: основные тренды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2018. № 1(197). С. 20–24.
10. Прогресс женщин мира в 2019–2020 годах. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2019/Progress-of-the-worlds-women-2019-2020-ru.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).



11. Прокофьева Л. М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения. Демографическое обозрение. 2023. 10(2). 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>
12. Степашкина В.А., Данилова В.Н. Анализ современных тенденций в представлениях о ценности брака и семьи у мужчин и женщин // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 61–64. DOI 10.31483/r-100002
13. Токмакова М.А. Методология исследования соотношения семейных и внесемейных ценностных ориентаций: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1999. 30 с.
14. Трое в лодке, не считая собаки / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5988321> (дата обращения: 12.03.2025).
15. Тронь О.С. Семейные ценности как важный фактор традиционных ценностей российского общества // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 815–819.
16. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 01.03.2023)
17. Distribution of households by household size / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_lvph03__custom_15861611/default/table?lang=en (дата обращения: 20.02.2025).
18. Live births by mother's age and legal marital status / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_fagec/default/table?lang=en&category=demo.demo_fer (дата обращения: 19.03.2025).
19. OECD Family Database / Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-family-database.html> (дата обращения: 25.11.2025).
20. People in the EU – statistics on household and family structures / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_

household_and_family_structures&oldid=375234
(дата обращения: 20.02.2025).

THE IMPACT OF THE TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES ON FERTILITY IN MODERN RUSSIA

Kulyamina O.S., Bronnikova E.M., Povorina E.V.

Russian State Social University

Traditional values of family and strong marriage are undergoing change under the influence of the global trend of individualism, women's empowerment, and the pursuit of self-fulfillment. This transformation of family values inevitably influences reproductive behavior. A declining birth rate is observed both in Russia and in most developed countries. The authors examine statistical data on the number of marriages, divorces, and births per 1,000 people in Russia and globally, the structure of family units, and the distribution of children's residence by parents' marital status and the number of births outside of marriage. Global trends indicate a decline in the number of people in households, an increase in the number of single people, and a preference for cohabitation without formal marriage registration. In Russia, however, there is a trend toward an increase in the number of second and subsequent births, as well as joint applications for birth registration by both unmarried parents. This suggests that the value of formal marriage is declining, yet women are having children outside of formal relationships. Single parenthood in our country offers a number of benefits and privileges. The total fertility rate is influenced by a number of factors, making it necessary to continue research to objectively assess the impact of traditional family values on fertility.

Keywords: family, marriage, cohabitation, fertility, family units, marital status, reproductive behavior.

References

1. Brazhenskaya N.E., Osmanov M.M. Transformation of Family Values in the Digital Society // Education and Law. 2021. № 6. pp. 126–131.
2. Out-of-wedlock Births as a Social Problem / M.V. Gomonova, A.S. Gorbatsky, E. Yu. Denisova, et al. // Young Scientist. 2024. № 3 (502). pp. 109–112. URL: <https://moluch.ru/archive/502/110458/> (accessed: 12.03.2025).
3. 2020 All-Russian Population Census / Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed: 22.03.2025).
4. Demographic Yearbook of Russia. 2023 / Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (accessed March 12, 2025)
5. Demography / National Projects. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (accessed March 1, 2023).
6. Demography / Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 12.03.2025).
7. Live births and crude birth rate / Eurostat – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00204/default/table?lang=en&category=t_demo.t_demo_fer (accessed 21.03.2025).
8. Karimova Z. Kh. Extramarital reproductive behavior as an object of sociological and demographic research. Abstract of the dissertation ... candidate of sociological sciences: 22.00.03 / Ufa State Aviation Technical University. Ufa, 2007. 24 p.
9. Klintsova M.N. Modern Russian family: main trends // News of higher educational institutions. North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2018. № 1 (197). Pp. 20–24.
10. Progress of the World's Women in 2019–2020. Available at: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2019/Progress-of-the-worlds-women-2019-2020-ru.pdf> (accessed 23.03.2025).
11. Prokofieva L. M., Korchagina I.I. Demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population census data. Demographic Review. 2023. 10 (2). 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>
12. Stepashkina V.A., Danilova V.N. Analysis of modern trends in ideas about the value of marriage and family among men and

- women // Sociocultural and psychological problems of the modern family: current issues of support and assistance. Collection of materials of the VII International scientific and practical conference. Cheboksary, 2021. pp. 61–64. DOI 10.31483/r-100002
13. Tokmakova M.A. Methodology for studying the relationship between family and extra-family value orientations: abstract of the dissertation ... candidate of sociological sciences: 22.00.04 / Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, 1999. 30 p.
 14. Three in a boat, not counting the dog / Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5988321> (accessed 12.03.2025).
 15. Tron O.S. Family Values as an Important Factor in Traditional Values of Russian Society // Psychology of the 21st Century: Challenges, Searches, Development Vectors. Collection of materials from the V All-Russian symposium (with international participation) dedicated to the 145th anniversary of the penal system and the 90th anniversary of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. pp. 815–819.
 16. Decree of the President of the Russian Federation of 22.11.2023 № 875 «On holding the Year of the Family in the Russian Federation». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (accessed 01.03.2023).
 17. Distribution of households by household size / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_lvph03_custom_15861611/default/table?lang=en (accessed 20.02.2025).
 18. Live births by mother's age and legal marital status / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_fagec/default/table?lang=en&category=demo.demo_fer (accessed 19.03.2025).
 19. OECD Family Database / Organization for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-family-database.html> (accessed 25.11.2025).
 20. People in the EU – statistics on household and family structures / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_household_and_family_structures&oldid=375234 (accessed 20.02.2025).

Финансовая грамотность и налоговая культура молодежи

Палашенко Егор Викторович,

ассистент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: ypalashchenko@list.ru

В статье анализируются вопросы формирования и трансформации с 1990 по настоящее время финансовой грамотности и налоговой культуры молодежи. Проводится учет социокультурных, социально-исторических и политических условий, влияющих на финансовые установки и налоговые представления. Рассматриваются особенности финансового мышления и финансовой культуры современных молодых людей. В результате эмпирического исследования выявлены три уровня финансовой грамотности (высокий, средний и низкий), на основе которых формируются жизненные сценарии, позволяющие выделить разнообразные финансовые стратегии современных молодых людей, определяющие их финансовую грамотность и налоговую культуру.

Ключевые слова: финансовая грамотность, налоговая культура, молодежь, финансовая независимость, финансовая зависимость, налоговая мораль.

Вопросы налоговой культуры в налоговых взаимоотношениях граждан и государства выступают одной из стратегических задач финансового просвещения россиян. Это способствует более глобальному развитию финансовой грамотности населения. Особенно, если мы говорим о молодежи, то закладываем варианты будущего развития общества.

Последнее десятилетие стало показательным в плане повышения общего уровня осведомленности молодежи о финансовой культуре, финансовой грамотности и как следствие налоговой культуре. Молодые люди стали больше интересоваться вопросами финансового поведения с целью более независимого положения в семье и обществе. Это не могло не коснуться и налоговых платежей, отношения к исполнению налоговых обязательств и проч.

В исследовании финансовой грамотности, проведенного Банком России¹, молодые люди больше интересуются финансовыми вопросами, финансовым планированием, готовы изучать работу финансовых рынков для того чтобы иметь «пассивный доход», чтобы «не зависеть от родственников» и т.д. Чтобы понимать, как распределяются налоги, для чего они нужны и как функционирует государство в целом. Это серьезный финансово-осознанный сдвиг сознания молодых людей.

Стоит отметить, что финансовая грамотность (которая указывается в стратегиях экономического развития РФ как приоритетная цель), не является конечной точкой. Это инструмент формирования финансовой культуры населения. Финансовая культура опирается на ценности и мировоззрение, установки и стереотипы, поведенческие практики граждан в финансовой сфере. Также как и налоговая культура – это принципиальное отношение к налогам (на ценностно-мировоззренческом уровне) как инструменту финансовой и социальной стабильности общества. То есть важны не только знания и навыки, но и ценности и установки при выборе определенного финансового и налогового поведения, при формировании финансового и налогового мышления.

В современной социологической, как и экономической литературе нет определения финансовой культуры, также как и налоговой культуры. Финансовую культуру можно понимать как часть культуры, влияющую на ценности и нормы,

¹ Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/szpp/fin-literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 11.03.2026).



практики и инструменты финансового поведения в определенный социально-исторический период. Также как и налоговую культуру можно рассматривать как часть финансовой культуры, позволяющую оценивать налоги как естественную норму общественно стабильного развития, нарушение налоговых норм (в виде неуплаты налогов) как нарушение социального взаимодействия налоговых институтов и других финансовых институтов общества.

В процессе экономической социализации происходит усвоение экономических норм и правил поведения, того, что создает определенные рамки того, что приемлемо, а что недопустимо, законно и не законно и т.д. Это система жизненных приоритетов, которая помогает выстраивать жизненные ориентиры и определяет ключевые точки личного развития.

Внешние условия социально-экономического развития создают определенные рамки – что может влиять на приоритеты финансового мышления и поведения, субъективную оценку правильности или не правильности законов, определяющих налоги, отчисления, выплаты и проч. Это то, что формирует отношение как к справедливому или не справедливому финансово-экономическому положению вещей в обществе.

При этом, именно молодежь может выступить той силой, которая меняет определенные сложившиеся порядки (в силу динамичности, активности, мобильности). Это же касается и финансового поведения и финансовой культуры, налоговой культуры и проч. Так как она ищет варианты для более комфортного, удобного и эффективного способа финансовой социализации в новых условиях, пробуя, в том числе нелегальные практики финансовой стабилизации собственного положения в обществе. Для одних такая стратегия поведения становится временным решением, для других – постоянным. Это то, что определит новую систему социальной стратификации и условий финансовой и налоговой социализации новых поколений молодежи.

Становление налоговой культуры молодежи происходило в несколько этапов, соотносимых с развитием финансовой грамотности молодых людей.

1990–2000 годы – период слома старых технологий, поиска новых моделей, внедрение рыночных механизмов для изменения условий жизни, приватизация и прочие процессы выживания в условиях слома социальной системы. Уход от налогов в этот период воспринимался естественным решением, так как не ясно насколько устойчиво работает предприятие и как налоги могут отразиться на его эффективности.

2001–2008 годы – стабилизация социально-экономических ориентиров, понимание приоритетов и технологий экономического и налогового

взаимодействия. Налоговые взаимоотношения стали развиваться в более открытом ключе, стабильность социально-экономического положения создала импульс для развития новых принципов налогового сознания (примером этого является появившийся в это время слоган – «заплати налоги и спи спокойно»).

2009–2013 годы – время проверки социального и экономического партнерства со странами запада, регулирование социальных технологий совместного производства и регулирование финансовой культуры через прозападные ценности. Налоговая система начинает более открыто функционировать, жестко преследуя тех, кто уклоняется от уплаты налогов.

2014–2019 годы – время переоценки западных моделей и апробация российских механизмов развития, политика импортозамещения и поддержки отечественных производителей. Выход в новые социально-экономические реалии показал новые приоритеты развития российского бизнеса, что стало для выхода их тени тех, кто уклонялся от налогов и более открытого ведения бизнеса, кто использовал «серые» схемы.

2020 год и по настоящее время – время цифрового поворота, расширение финансовых виртуальных инструментов (начиная от онлайн банкинга, заканчивая возможностью работы на бирже обывателям; виртуальной и удаленной занятости и проч.). Для налоговых органов, большая цифровая открытость стала инструментом более тотального контроля не только юридических, но и физических лиц по выплатам налогов, что стало серьезным приростом в местные бюджеты и большей стабильности развития в целом.

Для россиян – это время стало временем апробации новых форм работы, нового финансового мышления и формирования налоговых отношений, где каждый несет свою ответственность за то, что происходит в его жизни и жизни близких. Поэтому и понимание финансовой грамотности нами подразумевалось такое, которое предполагало наличие знаний и навыков в финансовой сфере, позволяющее понимать существующие особенности финансово-экономического развития, использовать их в своих целях и регулировать свое мышление и поведение в зависимости от происходящих в обществе изменений (Р.Г. Ардашев [1, 2], А.Н. Адилов [3–5], О.А. Полюшкевич [17–21]). Важно не просто знать финансовые стороны жизни, но и уметь пользоваться этим знанием (О.Е. Кузина и А.Я. Абдураманов [13]). При этом, важны ценностные рамки и ориентиры, позволяющие выбирать способ заработка и принципы траты денег (П.А. Баев [7–12], В.А. Скуденков [23–25], Е.В. Чернышева и А.А. Иванова [26]).

Налоговая культура выступает одним из элементов финансовой грамотности. Где знания и представления, могут тесно переплетаться

с личными мотивами и стратегиями (платить или не платить налоги) и реализовываться в различные жизненные стратегии, позволяющие увидеть взаимосвязь между финансовой грамотностью, налоговой культурой и жизненной стратегией (П.А. Баев [6], Е.В. Палащенко [14–16], А.Г. Санина [22]).

Взаимодействие этих параметров позволило определить фокус внимания нашего исследования – финансовая грамотность и налоговая культура молодежи.

Особенности исследования

Объектом исследования стали молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, так как именно они обладают большей мобильностью в построении жизненных стратегий и жизненных перспектив, они находятся на этапе активной финансовой социализации и готовы более мобильно подстраиваться под меняющиеся условия финансово-активного поведения в изменчивом мире.

В исследовании приняло участие 1200 человек, 55% женщин и 45% мужчин, с разным уровнем образования (среднее – 15%, среднеспециальное – 35%, высшее – 40%, ученая степень – 10%). Опрос проводился через онлайн анкетирование. Результаты анализировались в программе SPSS.

Также мы провели 18 экспертных интервью, позволивших выделить ключевые характеристики развития финансовой грамотности и налоговой культуры среди молодежи. Каждое интервью длилось 1,5–2 часа. Результаты транскрибировались и далее анализировались в программе Atlas.ti.

Анализ результатов исследования

Все опрошенные молодые люди имеют деньги, которыми они могут самостоятельно распоряжаться. Для 41% источником этих денег выступают родственники или опекуны, для 9% социальные выплаты (стипендии, гранты, субсидии), для 30% – это подработка, совмещаемая с учебой и для 20% это занятость. Девушки в два раза чаще, чем юноши получают финансовую поддержку от родственников (85% и 48% соответственно). При этом, подработка на треть более выражена у девушек, чем у юношей (62% и 45% соответственно). Но при полной занятости, молодые люди в два раза зарабатывают больше, чем девушки (75% и 36% соответственно).

Из опрошенных молодых людей, подработкой в офлайн заняты 45%, онлайн – 55%. Гендерные отличия не принципиальны. К офлайн подработке зачастую относят работу официантов, разносчиков еды, нянь, репетиторов и проч. К онлайн подработке чаще относили занятость на маркетплейсах, smm-продвижении, копирайтинге и т.д.

Из полностью работающих молодых людей, занятых в офлайн – 62%, в онлайн – 38%. Офлайн

деятельность в 32% связана с работой по специальности обучения (как правило первые 2–3 года после получения диплома), 38% связана с работой «по знакомству», только в 50% связана с полученным ранее образованием, что требует дополнительного обучения или переобучения. И 30% никак не связана с полученным ранее образованием и не требует дополнительного фундаментального обучения, ограничивается получаемыми гибкими навыками (soft skills), часто опирается на коммуникативные, эмпатичные и другие личные характеристики человека. Или же определяется дополнительными знаниями, получаемыми через краткосрочные курсы, не требующими особых знаний в классическом образовании (сфера красоты (мастер по маникюру, визажист, стилист и проч.).

Уровень обучения не влияет ни на источник доходов, ни на характер занятости, ни форму занятости (полная занятость или подработка, офлайн и онлайн).

Кредитами и кредитными картами пользуются 82% молодых людей. Чем старше молодой человек, тем большее количество кредитов у него было или есть.

В целом, продуктами и услугами банков пользуются все опрошенные (100% – банковскими картами, 86% онлайн банкинг, платежными терминалами – 56% и т.д.).

Финансовая грамотность выяснялась нами по апробированной методике методологии Организации экономического сотрудничества и развития¹ и фиксировалась через решение задач финансово-экономической направленности.

Высокий уровень (21%) выявлен у тех, у кого финансовые задачи и операции в повседневной жизни имеют профессиональный уровень или выведены на уровень хобби, который приносит доходы (например, ведение своего блога в финансовой сфере).

Налог воспринимается этой группой как рабочий эффективный механизм функционирования государства. Налоги необходимо платить иначе сама система разрушится. Те, кто уклоняется от уплаты налогов должны понести серьезное публичное наказание (для назидания другим).

Средний уровень (46%) финансовой грамотности наблюдается у тех, кто вовлечен в финансовые операции, несет ответственность за себя и членов семьи. Они более осторожны, расчетливы и стараются не предпринимать рискованных действий, скорее не верят рекламе банков и финансовых организаций, но при этом, 65% представителей этой группы имеют кредиты и другие финансовые обязательства.

Налги для них показатель контроля государства. Они более гибки в оценках правильности

¹ OECD/Infe toolkit for measuring financial literacy and financial inclusion. URL: <https://www.oecd.org/financial/education/2018-INFE-FinLit-MeasurementToolkit.pdf>.



и нелегитимности действий тех, кто уклоняется от уплаты налогов. Так как считают, что раз придумали какую-то обходную схему, позволяющую не платить, то уже молодцы. Мы видим не знание, во-первых, современных финансовых возможностей и как следствие пользоваться чем-то новым (из-за страха мошенничества), во-вторых, налоговая культура не воспринимается представителями этой группы как обязательная норма (следствие предыдущих периодов социально-экономического развития общества).

Низкий уровень (34%) характерен для тех, у кого нет работы и минимальный уровень образования, они находятся на иждивении у родственников, хотят быстро разбогатеть, не работать и жить в удовольствие. Помимо этого, часто критикую тех, кто чего-то достигает, считая, что эти люди этого не достойны и если бы звезды им благоволили, то и они сами также могли бы.

Восприятие налогов идет в негативном ключе, что государство обворовывает всех. И платить налоги не надо – тогда всем будет хорошо.

Таким образом, тем, у кого средний и низкий уровень финансовой грамотности не хватает базовых знаний в финансовой сфере, нет понимания необходимости налогов, их распределения. Часто присутствует потребительская, инфантильная позиция (*весь мир мне должен, а я никому ничего не должен*).

Большинство знаний о финансовом положении вещей к молодым людям приходит от родителей (56%), от друзей (15%), от независимых источников в сети Интернет (29%). Эти знания могут быть чрезмерно стереотипными или устаревшими (если опыт родителей воспринимается некритично, то он будет попросту не актуален), не соответствовать реальному положению вещей, руководствоваться слухами или изначально быть фейковым материалом для организации какой-либо мошеннической схемы (Интернет, друзья).

Отношение к налогам, к легитимным и не легитимным практикам налогового поведения также является фиксацией основных элементов экономического поведения и мышления, финансовой грамотности и культуры молодых людей. Налоговая культура, налоговая мораль, налоговое поведение – это результат усвоенных знаний о финансовой грамотности и готовность применять эти знания на практике, преломленные через собственные ценности и реальные жизненные перспективы.

Это формирует потребность качественной и системной просветительской подготовки молодежи, через публичные лекции, мастер-классы. А также внедрение в общественное сознание новой модели финансового грамотного молодого человека, разбирающегося в финансовых и налоговых вопросах современности. А это реализуется через конструирование финансово компе-

тентного героя фильмов и сериалов, способного стать примером для обывателей. Не финансового афериста или мошенника (как часто сегодня показываются финансово успешные люди), а именно притягательный образ компетентного человека, который на уровне своей профессиональной деятельности (в банке, финансовым аналитиком на крупных предприятиях, в органах власти, разрабатывающих новые модели развития – своим примером показывает, как финансовые знания можно применять и как это меняет жизнь простых людей и страны в целом). Это стратегическая задача, которая требует внимания и готовности идти на встречу новому.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
3. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
4. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
5. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
6. Баев П.А. Неуплата налогов как показатель трансформации экономического сознания трудящейся молодежи // Социология. 2025. № 9. С. 39–43.
7. Баев П.А. Социальные последствия цифровизации труда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 4. С. 387–392.
8. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.
9. Баев П.А. Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи // Социология. 2024. № 10. С. 63–67.
10. Баев П.А. Трудовые трансформации в условиях виртуализации общества: вызовы и перспективы // Социология. 2025. № 6. С. 30–34.
11. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // Социология. 2024. № 7. С. 37–42.
12. Баев П.А. Трудовые ценности разных поколений // Социология. 2024. № 8. С. 82–86.
13. Кузина О. Е., Абдураманов А.Я. Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи // Мониторинг об-



- щественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 71–97. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3048>.
14. Палащенко Е.В. Неуплата налогов предпринимателями и процессы дезинтеграции общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 489–493.
 15. Палащенко Е.В. Неуплата налогов предпринимателями и процессы дезинтеграции общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 489–493.
 16. Палащенко Е.В. Неуплата налогов: критерий социального неравенства // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 246–249.
 17. Полюшкевич О.А. Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 702–704.
 18. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
 19. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 84–89.
 20. Полюшкевич О.А. Правовая культура и ментальные установки современников // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 367–369.
 21. Полюшкевич О.А. Как просоциальные практики меняют жизненное пространство молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 284–291.
 22. Санина А.Г. Уклонение от уплаты налогов как социальный феномен и проблема управленческой практики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 5. № 23. С. 73–76.
 23. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
 24. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
 25. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
 26. Чернышева Е. В., Иванова А.А. Влияние финансовой культуры на финансовое поведение граждан // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 68. С. 219–234.

FINANCIAL LITERACY AND TAX CULTURE OF YOUNG PEOPLE

Palashchenko E.V.
Irkutsk State University

This article analyzes the development and transformation of financial literacy and tax culture among young people from 1990 to the present. It considers the sociocultural, sociohistorical, and political conditions that influence financial attitudes and tax perceptions. It examines the characteristics of financial thinking and financial culture among modern young people. The empirical study identified three levels of financial literacy (high, medium, and low), which form the basis for life scenarios that allow us to identify the diverse financial strategies of modern young people that determine their financial literacy and tax culture.

Keywords: financial literacy, tax culture, youth, financial independence, financial dependence, tax morality.

References

1. Ardashev R.G. Irrational Space of Legal Concepts of Russians // Mission of Confessions. 2020. Vol. 9. № 2 (43). Pp. 255–258.
2. Ardashev R.G. Irrationality of Public Opinion: Fears of Interacting with Government Representatives // Mission of Confessions. 2020. Vol. 9. № 3 (44). Pp. 340–344.
3. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. № 8. Pp. 6–11.
4. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // Sociology. 2025. № 1. Pp. 26–30.
5. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. № 7. Pp. 6–11.
6. Baev P.A. Tax Non-Payment as an Indicator of the Transformation of Economic Consciousness of Working Youth // Sociology. 2025. № 9. Pp. 39–43.
7. Baev P.A. Social Consequences of Labor Digitalization // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2025. Vol. 25. № 4. Pp. 387–392.
8. Baev P.A. Virtualization and Digitalization of Professions and Labor // Sociology. 2024. № 9. Pp. 159–163.
9. Baev P.A. Paradoxes of Labor Values of Modern Youth // Sociology. 2024. № 10. Pp. 63–67.

10. Baev P.A. Labor Transformations in the Context of Virtualization of Society: Challenges and Prospects // *Sociology*. 2025. № 6. Pp. 30–34.
11. Baev P.A. Labor Values and Orientations of Regional Youth in the Context of Digitalization // *Sociology*. 2024. № 7. Pp. 37–42.
12. Baev P.A. Labor Values of Different Generations // *Sociology*. 2024. № 8. Pp. 82–86.
13. Kuzina O. E., Abduramanov A. Ya. Financial literacy, financial culture and financial autonomy of young people // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2025. № 6. pp. 71–97. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3048>.
14. Palaschenko E.V. Tax evasion by entrepreneurs and the processes of social disintegration // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 489–493.
15. Palaschenko E.V. Tax evasion by entrepreneurs and the processes of social disintegration // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 489–493.
16. Palaschenko, E.V. Tax Evasion: A Criterion of Social Inequality // *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions*. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2024. pp. 246–249.
17. Polyushkevich, O.A. The Struggle Between Justice and Fairness in the Public Consciousness of Russians // *Social Injustice in the Sociological Dimension: Challenges of the Modern World*. Collection of materials. 2018. pp. 702–704.
18. Polyushkevich, O.A. Trust in Legal Institutions // *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice*. Proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. pp. 96–103.
19. Polyushkevich O.A. Legal Norms in Public Assessments // *State, Civil Society and Law: Theoretical and Applied Issues of Correlation and Development*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. pp. 84–89.
20. Polyushkevich O.A. Legal Culture and Mental Attitudes of Contemporaries // *I East Siberian Legal Forum*. Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 367–369.
21. Polyushkevich O.A. How Prosocial Practices Change the Living Space of Young People // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects*. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2026. Pp. 284–291.
22. Sanina A.G. Tax Evasion as a Social Phenomenon and a Problem of Management Practice // *Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2006. Vol. 5. № 23. Pp. 73–76.
23. Skudenzov V.A. The Role of Economic Sanctions in Changing the Quality of Life and Socioeconomic Aspirations of Russians (using the Irkutsk Region as an Example) // *Sociology*. 2018. № 3. Pp. 250–255.
24. Skudenzov V.A. Social Symbols of Cash in Everyday Life // *Sociology*. 2019. № 2. Pp. 280–283.
25. Skudenzov V.A. Transformation of Life Goals of Young People under the Influence of Economic Sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. № 1. Pp. 341–344.
26. Chernysheva E. V., Ivanova A.A. The Influence of Financial Culture on the Financial Behavior of Citizens // *Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2024. № 68. Pp. 219–234.

Мужское одиночество в пространстве цифровой социальности (на примере социальных сетей и онлайн-игр)

Попов Максим Юрьевич,

ст. преподаватель, Институт социальных наук ИГУ
E-mail: PopovMU-13.02@yandex.ru

Татарин Яков Михайлович,

студент, Институт социальных наук ИГУ
E-mail: striymudrec@gmail.com

В статье рассматривается влияние коммерциализации и алгоритмизации цифровых платформ на структуру межличностных связей, а также на формирование практик мужской социализации. Показано, что в условиях ускорения экономической и информационной глобализации (конец XX – первая четверть XXI вв.) значимая часть коммуникации переносится в платформенные среды, где взаимодействия все чаще организуются по логике монетизации внимания. На основе сравнительного качественного анализа функциональных механизмов социальных сетей и многопользовательских онлайн-игр обосновано, что социальные сети преимущественно воспроизводят слабые, эпизодические связи, тогда как онлайн-игры задают режимы кооперации и повторяющихся взаимодействий, способствующие формированию устойчивых групп. Сделан вывод о том, что платформенная коммерциализация социальных сетей выступает фактором усиления мужского одиночества как социального явления, тогда как кооперативные игровые практики могут выполнять частичную компенсаторную функцию при одновременном наличии рисков аддиктивного поведения.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, платформенная коммерциализация, алгоритмизация, социальные сети, онлайн-игры, мужская социализация, мужское одиночество.

Ускорение экономической и информационной глобализации, связанное с развитием цифровых технологий и массовым распространением интернет-коммуникаций, в конце XX – начале XXI вв. привело к структурной перестройке повседневной социальности и в результате расширился объем опосредованных контактов, выросла роль «слабых связей», а формирование устойчивых сообществ во многом стало зависеть от инфраструктуры цифровых платформ. В рамках дискуссий о кумулятивном взаимодействии глобализации и цифровизации подчеркивается, что технологические инновации не только расширяют коммуникационные возможности, но и изменяют социальные последствия экономических процессов, переопределяя формы солидарности и социального участия [1]. В этих условиях мужское одиночество целесообразно рассматривать как социальное явление, связанное с дефицитом устойчивых дружеских и поддерживающих связей у мужчин, а не только как индивидуально-психологическое переживание [5; 6].

Проблематика трансформации социализации и межличностных коммуникаций в цифровой среде представлена в работах, посвященных новым формам социализации и виртуальным коммуникационным практикам молодежи (например, М.С. Чванова, М.С. Анурьева, И.А. Киселева; Т.И. Шульга) [2; 3]. Вопросы роли социальных сетей в конструировании опыта общения, включая эффект усиления одиночества при росте онлайн-контактов, анализируются в эмпирических исследованиях, фиксирующих неоднозначность связи между интенсивностью сетевого взаимодействия и субъективным благополучием [5]. Социологическая рефлексия одиночества как общественного феномена представлена в работах, где одиночество трактуется как результат изменений институциональной среды и структуры социальных связей; также раскрывается его гендерная специфика и зависимость от нормативных ожиданий, адресованных мужчинам (Г.М. Тихонов; А.С. Сачкова) [6; 7]. При этом сравнительный анализ социальных сетей и онлайн-игр как конкурирующих сред социализации, особенно в связи с логикой коммерциализации платформ остается разработанным фрагментарно, что задает исследовательскую нишу настоящей статьи.

Эмпирическая база включает: (1) качественный сравнительный анализ платформенных ме-



ханизмов коммуникации (структура ленты, рекомендательные алгоритмы, метрики публичного признания, сценарии группового взаимодействия, инструменты монетизации) в социальных сетях и в многопользовательских онлайн-играх; (2) вторичный анализ опубликованных данных опросов и отраслевых отчетов о практиках использования цифровых сервисов в России (ВЦИОМ, 2024; Asstrum Entertainment, 2025) [8; 9]. Выбранная стратегия позволяет сопоставить институциональную логику платформ и типы социальности, которые они воспроизводят.

Современное общество, сочетает в себе два взаимосвязанных, но противоположных процесса – это растущая легкость и доступность общения между людьми, даже на разных концах света и вместе с тем, беспрецедентный рост социальной отчужденности индивидов. Такие социальные сети как Telegram, ВКонтакте и др. позволяют внушительно расширить каналы общения за счет возможности обмена различной информацией. Тем не менее, многие пользователи сталкиваются со сложностями формирования устойчивых и качественных социальных связей [1]. Современное общение в соцсетях все больше становится пространством не для живого общения и взаимодействия людей, а площадкой для продаж и доступа к клиентам, бизнес структуры, через рекламу и блогеров, и различных алгоритмов для охвата в социальных сетях, все больше поглощают сетевое пространство, превращая его в поток кратких, поверхностных взаимодействий, которые не способствуют построению стабильных социальных связей, только предлагая их видимость. Такая подмена реального общения, становится платформой для одиночества и общения ради общения.

В аналитических отчетах социальные медиа определяются как информационные сервисы, предназначенные для обмена пользовательским контентом по принципу сетевого взаимодействия; при этом аудитория и активности фиксируются в логике измеримой вовлеченности (DAU/MAU, средняя длительность пользования и др.). Данные характеристики не являются нейтральными: они задают институциональные стимулы к удержанию внимания и росту времени пребывания на платформе. Коммерциализация социальных сетей проявляется в том, что коммуникативные практики встраиваются в экономику внимания через рекомендательные ленты, системы уведомлений и публичные метрики (лайки, просмотры, репосты), они подталкивают пользователей к регулярному производству контента и конкуренции за видимость. В результате взаимодействие с другими людьми все чаще принимает форму краткосрочных реакций и поверхностного обмена сигналами признания, тогда как условия для углубленных диалогов и длительного взаимного участия оказываются институционально вторичными [3].

В контексте российского общества, наиболее четко можно увидеть эту логику на примере самых распространенных платформ – это: ВКонтакте, Телеграм, и TikTok и др. Каждая из этих платформ, на сегодняшний день, функционирует скорее, как пространство для потребления контента, а не для построения взаимоотношений. Где ВКонтакте постепенно эволюционирует в обширный медиа-хаб, где персонализированная лента и видеоконтент постепенно вытесняют личные взаимоотношения на периферию. Телеграм, который изначально был ориентирован на приватные коммуникации, постепенно превратился в поставщика потока бесконечной информации из ленты каналов, и однотипных новостных заголовков, где пользователь уже не участник диалога, а пассивный наблюдатель и потребитель информации. К визуальной демонстративности, можно отнести и TikTok, который построен на коротких клипах, что фактически исключает возможность установления стабильных социальных связей [3].

Сходным образом работают и специализированные сервисы знакомств, такие как Tinder, Badoo или Pure, которые в публичной риторике позиционируются как инструменты для поиска романтических, и реже дружеских отношений – на практике подчиняются коммерческой логике удержания внимания пользователя. Интерфейс этих платформ, можно сказать, что имеет сходное строение с TikTok, основанное на механике бесконечной ленты и «свайпа» – нравится или не нравится. И это закономерно превращает общение в рыночный процесс, где человек уже не индивид со своими чувствами и переживаниями, а набор характеристик, указанных в анкете или даже «товар» в каталоге. Эта логика существенно снижает вероятность нахождения и формирования качественных, глубоких и доверительных связей с будущим партнером ввиду того, что сама концепция этих соцсетей мотивирует пользователей сосредотачиваться на кратковременной оценке визуальной привлекательности, а не на содержательном взаимодействии [4].

И воспроизводится эта коммерческая структура социальных сетей через тщательно выстроенные алгоритмы, формирующие и направляющие потоки контента, который вызвал бы самые быстрые и яркие эмоциональные реакции, что побуждают пользователя к продолжительному пребыванию в приложении. В результате мы имеем то, что вся коммуникация конвертируется в набор реакций, лайков и коротких реплик, что создают ощущение включенности, но очень редко приводят к возникновению настоящей дружбы или доверительных отношений. Платформы, деятельность которых ориентирована на визуальную составляющую, усиливают тенденцию к демонстративности, где главная цель – показать привлекательность, успешность, иными словами «продать

себя подороже» [5]. В такой среде индивиды взаимодействуют прежде через образы, а не личный опыт и понимание того, что важно разделять картинку на экране и человека, стоящего за ней.

Говоря уже о самом феномене мужского одиночества в парадигме социальных сетей и в целом цифровых платформ уровень межличностной отчужденности возрастает, даже при учете того, что социальные сети предоставляют, поистине, беспрецедентные возможности для общения. Связано это во многом с тем, что современные социальные сети представляют собой именно коммерческие платформы, задача которых удержать внимание самого пользователя. У них нет цели создания условий для глубоких и устойчивых социальных связей [2]. Коммуникация в этих средах структурируется не потребностями людей в качественном общении, а логикой рынка и алгоритмами, что были выстроены и оптимизированы под показатели вовлеченности.

Для мужской социализации важен фактор нормативной сдержанности в проявлении уязвимости и запросов на поддержку так как гендерные ожидания повышают барьеры к самораскрытию и к инициированию «слабых» контактов в «сильные» дружеские связи [6; 7]. В этих условиях доминирование демонстративных форм самопрезентации и публичного сравнения в социальных сетях усиливает разрыв между числом онлайн-контактов и наличием реальных поддерживающих отношений. Следовательно, социальные сети в их текущей коммерциализированной конфигурации выступают фактором воспроизводства мужского одиночества как дефицита устойчивых социальных связей.

Дополнительным источником отчужденности выступают алгоритмы персонализации опыта каждого отдельного пользователя, которые создают некую информационную «капсулу» и опыт, переживаемый пользователем в этой капсуле в большей степени, не соответствует действительности, а соответствует только тому, что хочет видеть сам пользователь, и он оказывается окружен не людьми, а только контентом, где коммуникационные привычки формируются в условиях постоянного переключения между кратковременными стимулами, что непременно сокращает пространство для длительных разговоров и заметно усложняет процесс установления новых, стабильных социальных контактов.

Особое значение имеют визуально-ориентированные платформы и сервисы коротких видео, где самопрезентация и соревновательность за внимание концентрируются вокруг образа, стиля потребления и символического статуса. В таких средах социальная поддержка чаще оформляется как «аудиторное одобрение», а не как взаимные обязательства и участие.

Проведенный анализ показал, что в условиях ускоренной экономической и информационной

глобализации цифровые платформы выступают не нейтральными средствами коммуникации, а институциональными средами, которые структурируют повседневную социальность через метрики вовлеченности, алгоритмическую персонализацию и коммерциализацию внимания. Социальные сети и сервисы знакомств воспроизводят преимущественно режим взаимодействия, основанный на краткосрочных реакциях, демонстративной самопрезентации и конкуренции за видимость, вследствие чего коммуникативные практики смещаются от взаимного участия и длительных диалогов к обмену сигналами признания (лайки, просмотры, репосты) и потреблению контента. Алгоритмическая «капсулизация» опыта усиливает фрагментацию коммуникации и снижает вероятность формирования устойчивых поддерживающих связей и через рост числа онлайн-контактов не трансформируется в рост доверительных отношений и взаимных обязательств. Тем самым цифровая коммуникация увеличивает объем опосредованных контактов и «слабых связей», однако институционально ослабляет условия для конвертации этих связей в устойчивые сообщества и долговременную социальную поддержку.

В рамках мужской социализации указанные платформенные механизмы оказываются сопряжены с действием гендерных нормативных ожиданий (сдержанность, требование самостоятельности, ограниченное самораскрытие), которые повышают барьеры к артикуляции потребности в поддержке и к переводу «слабых» контактов в «сильные» дружеские отношения. В результате коммерциализированная конфигурация социальных сетей и родственных им сервисов функционирует как фактор воспроизводства мужского одиночества, ввиду того, что она поддерживает иллюзию включенности через постоянную связность и публичное одобрение, но не обеспечивает институциональных условий для формирования устойчивых, взаимных и поддерживающих связей. Следовательно, мужское одиночество в анализируемом контексте должно рассматриваться прежде всего как следствие трансформации структуры социальных связей и логики платформенной социализации, а не как индивидуально-психологическая особенность отдельных мужчин.

На этом фоне особенно интересно выглядит феномен онлайн-игр и в целом игрового комьюнити. Совсем недавно видеоигры считались асоциальным (культура хикка) или нишевым хобби, которое часто сопрягалось со стереотипами об изоляции и недостатке реального общения. Но со временем и развитием крупных онлайн-проектов и внутриигровых сообществ игры стали обособленной и полноценной социально-культурной средой, даже вне непосредственного игрового процесса, создавая общие интересы и темы для обсуждения и в реальной жизни. В них структура взаимо-



действия строятся на необходимости кооперации, распределении ролей и совместного достижения целей, что заставляет игроков чувствовать себя частью живого и постоянного социума, где основа общения выстроена как взаимодействие через устойчивые коммуникации.

Настоящая статья направлена также и на анализ парадокса цифровой социальности: почему то, что должно было помочь людям в нахождении общего языка и развитии межличностных отношений, оказывается гораздо менее эффективным в формировании дружеских связей, тогда как онлайн-игры, напротив, чаще всего только способствуют появлению качественных межличностных отношений и как некогда маргинальное хобби стало значимым социальным пространством.

По данным ВЦИОМ, 22% россиян играют в видеоигры, а среди молодежи 18–23 лет доля игроков достигает 59%; при этом гейминг описывается как преимущественно «мужское» увлечение (среди мужчин текущих игроков заметно больше) [8]. Отраслевое исследование Astrum Entertainment показывает, что для значимой части игроков важен именно социальный компонент: «мультиплеер и социальное взаимодействие» отмечены как важный аспект игры 38% респондентов [9]. Эти данные подтверждают, что игровые практики обладают выраженным коммуникативным потенциалом и способны поддерживать социальные связи.

Игры, и в особенности онлайн-игры уже давно стали полноценным социальным пространством, там возможны различные форматы общения. Уже несколько игровых поколений, различные формы, онлайн-игр сменяют друг друга, и каждый раз обретают все большую популярность на рынке, вовлекая все большее количество игроков, разных возрастов. По данным ВЦИОМ за 2024 год, в России уже 22% населения регулярно играли в видеоигры, а в молодежной среде, в странах СНГ игроками с играми знакомы практически все. Согласно исследованию компании «Astrum Entertainment» 38% геймеров, отмечают социальное взаимодействие в играх, как наиболее важный фактор для поиска игры, и значимость этого фактора постоянно растет [9]. В той или иной форме, подавляющее количество онлайн игр, предлагает различные формы командного взаимодействия между игроками. Игровой процесс в таких играх построен таким образом, что игроки могут объединяться в команды, как естественным, так и искусственным, предлагаемым игрой путем. Только в команде, в самоорганизованной, стихийной группе игроков, или в устойчивой группе «интернет-приятелей», возможно выполнение игровых задач, которое требует от этой группы командного взаимодействия, распределения ролей и организации сотрудничества.

Взаимодействие игроков в различных онлайн-играх, построение коммуникации, конфликты

в игре, сложности в прохождении тех или иных моментов, все это тренирует различные коммуникативные навыки. Часто в онлайн-играх присутствуют различные формы взаимодействия в команде, что развивает навыки командной работы, для игроков важно грамотно распределять роли, выстраивать общую тактику и помогать друг другу. Возможность общаться в текстовых и голосовых чатах развивает навык умения слушать других и грамотно и лаконично раскрывать свою идею. Так или иначе, в таких играх часть кто-то из игроков всегда будет принимать на себя роль лидера, капитан команды в киберспортивном «шутере», или глава гильдии в «MMORPG», все они принимая на себя роль игрового лидера вырабатывают навыки мотивации, улаживания конфликтов и споров, принятие решений и так далее. Также различные онлайн-игры, часто помогают развить чувство эмпатии, взаимная симпатия игроков, сложные игры, где геймплей строится на психологии, помогают развить навыки понимания эмоций других людей [10].

В сравнении с социальными сетями, с их коммерческой логикой, демонстративностью, отчуждением, сетевые игры, построенные на различных формах кооперативного взаимодействия, и конфликта игровых команд, как способствуют созданию и закреплению новых социальных связей, так и укреплению старых, уже когда-то сложившихся. В процессе игры, игроки в команде получают стойкое ощущение принадлежности к чему-то большему, игроки вместе переживают множество различных игровых ситуаций, радуются победам, обсуждают ошибки, хвалят друг друга за эффективные действия, обсуждают стратегии победы, распределяют игровые роли. Такое постоянное взаимодействие, создает отличную среду для формирования устойчивых социальных связей, как в пространстве онлайн игр, так и за их пределами, так как популярные игры создают вокруг себя культурную среду. Совместная игра, создает среду для позитивного эмоционального взаимодействия, игроки чувствуют взаимное доверие и принадлежность к общей команде.

Также важно отметить, то что социальные игровые связи очень устойчивы, различные формы объединения пользователей в игре, внутренние такие как: «кланы», «гильдии», «сквады» и т.д., и внешние, например игровые форумы, согласно внутренним исследованиям MMORPG и кооперативных игр, устойчиво существуют годами, там всегда рады «новичкам», часто игроки после успешной командной игры, со случайными игроками, продолжают онлайн-общение и вне игры, а также продолжают коммуникацию и в оффлайн-пространстве.

В отличие от социальных сетей, многопользовательские онлайн-игры изначально организованы вокруг совместной деятельности: коман-



да, распределение ролей, общая цель и повторяемость взаимодействий формируют условия для устойчивых групп (кланы, гильдии, постоянные составы). Игровая коммуникация функциональна и контекстуальна: обмен информацией и поддержка участников встроены в достижение результата, а значит, имеют практическую ценность и закрепляются регулярностью контактов. Исследования игровых практик подчеркивают их потенциал как среды социального научения и групповой кооперации, особенно в молодежных сообществах [11; 12].

Однако, онлайн-игры не являются универсальным «решением» проблемы одиночества: высокая вовлеченность может сопровождаться рисками аддиктивного поведения и вытеснением офлайн-активностей, что требует отдельного анализа и профилактических стратегий [13] и тем не менее, как социальная практика, кооперативный гейминг способен выступать пространством формирования доверия, взаимных ожиданий и «прикладной» поддержки, что особенно значимо при дефиците офлайн «третьих мест» и сокращении традиционных каналов мужской дружбы [14].

Игровая среда способна стать местом безопасного проявления эмоций для мужчины, согласно актуальным исследованиям психологов, одной из основных психологических проблем у мужчин, является проявление эмоций, так как многие эмоции принято подавлять. В игровом пространстве, среди «своих», есть возможность безопасно проявить эмоции, отдохнуть от рабочей рутины, дать выход негативным эмоциям, не задевая окружающих. В игровой среде, мужчина может почувствовать допустимость и возможность поддерживать друг друга в команде, просить помощи, делиться радостью, радоваться победам, также в таких онлайн командах легко проявляет себя «синдром попутчика», что тоже может послужить способом для выхода сложных эмоций.

Проведенный анализ показал, что многопользовательские онлайн-игры в современной конфигурации представляют собой не «нишевое хобби», а устойчивую социально-культурную среду, в которой воспроизводятся регулярные формы групповой коммуникации и коллективной кооперации. Социальность здесь институционально встроена в саму структуру практики, где командные режимы, распределение игровых ролей, необходимость согласования действий вместе с повторяемостью взаимодействий формируют предпосылки для долговременных объединений (кланы, гильдии, постоянные составы) и поддерживают длительные коммуникационные цепочки. Тем самым игровой опыт не ограничивается эпизодическим контактом, он задает режим регулярного совместного участия и закрепляет отношения через общий результат, общие правила и общую ответственность.

Эмпирические данные, приведенные в блоке, подтверждают масштабы и социальную значи-

мость явления так как фиксируется высокая распространенность игровой практики, особенно среди молодежи, а также значимая доля игроков, для которых ключевым мотивом выступает именно социальное взаимодействие. Следовательно, игровые сообщества обладают выраженным коммуникативным потенциалом и выполняют функцию поддержания социальных связей. Дополнительно показано, что в рамках игровой кооперации формируются и тренируются прикладные коммуникативные компетенции, как например, командная работа, лидерство, навыки переговоров и урегулирования конфликтов, а также практики взаимной поддержки в условиях совместной задачи. Повторяемость совместных ситуаций (победы/неудачи, обсуждение ошибок, распределение обязанностей) закрепляет доверие и устойчивость внутригрупповых отношений.

Одновременно анализ фиксирует ограничение данного ресурса, а именно то, что высокая вовлеченность в гейминг потенциально сопряжена с рисками аддиктивного поведения и вытеснения офлайн-активностей, что требует отдельной проблематизации и профилактической оптики. Тем не менее в пределах рассматриваемого материала установлено, что кооперативный гейминг функционирует как пространство формирования долговременных связей и взаимных ожиданий, а также как среда «прикладной» поддержки, где эмоциональные реакции и запрос на помощь могут проявляться в относительно безопасном формате внутри «своего» круга. Таким образом, онлайн-игры и игровые сообщества обоснованно трактуются как значимое социальное пространство, способное воспроизводить устойчивые формы межличностной коммуникации и коллективной принадлежности.

Проведенный сравнительный анализ показал, что ускорение экономической и информационной глобализации в конце XX – начале XXI вв. закрепило трансформацию повседневной социальности расширился объем опосредованных контактов и возросла роль «слабых связей», тогда как воспроизводство устойчивых сообществ в значительной степени стало зависеть от инфраструктуры цифровых платформ и их институциональной логики. В рамках выбранной методологической стратегии (качественный сравнительный анализ платформенных механизмов коммуникации и вторичный анализ данных ВЦИОМ и отраслевых отчетов) установлено, что цифровые сервисы различаются по типам социальности, которые они воспроизводят, и по условиям формирования устойчивых межличностных связей [8; 9].

Анализ социальных сетей и сервисов знакомств показал, что их архитектура организована вокруг метрик вовлеченности и экономики внимания, что задает устойчивые стимулы к удержанию пользователя и конкуренции за видимость. Ин-



ституциональные механизмы (рекомендательные ленты, уведомления, публичные метрики признания, бесконечная прокрутка и др.) структурируют коммуникацию как поток краткосрочных реакций и поверхностного обмена сигналами одобрения. В результате рост числа онлайн-контактов не преобразуется в рост взаимных обязательств и поддерживающих отношений, а формируется как разрыв между расширением сети опосредованных связей и дефицитом устойчивой социальной поддержки [3; 4]. Следовательно, коммерциализованная конфигурация социальных сетей и сервисов знакомств выступает фактором воспроизводства дефицита устойчивых связей, а не механизмом их систематического формирования.

В отношении мужского одиночества установлено, что оно должно рассматриваться прежде всего, как социальное явление, связанное с трансформацией структуры связей и институциональных условий коммуникации, а не как индивидуально-психологическая характеристика отдельных мужчин. Гендерные нормативные ожидания (сдержанность в выражении уязвимости, требование автономности, ограничения самораскрытия) повышают барьеры к запросу поддержки и затрудняют перевод «слабых» контактов в «сильные» дружеские связи. В этих условиях платформенные механизмы демонстративной самопрезентации и публичного сравнения усиливают несоответствие между внешней «связанностью» и реальным наличием поддерживающих отношений, что институционально закрепляет риск социальной отчужденности.

Одновременно анализ игрового комьюнити и многопользовательских онлайн-игр показал, что кооперативный гейминг воспроизводит иной режим цифровой социальности или как устойчивые формы групповой коммуникации, формируются за счет повторяемости взаимодействий, совместной деятельности и распределения ролей. Командная структура, общие цели и регулярные сценарии кооперации создают предпосылки для долговременных объединений (гильдии, кланы, постоянные составы) и поддержания взаимных ожиданий и доверия. Эмпирические данные (распространенность игрового опыта, высокая доля игроков, для которых значим социальный компонент) подтверждают социальный потенциал игровых практик как ресурса поддержания связей, в том числе в среде молодежи и при преимущественно мужской вовлеченности в гейминг [10; 11]. Таким образом, онлайн-игры выступают значимым социальным пространством, способным частично компенсировать дефицит устойчивых связей в условиях сокращения офлайн-каналов дружбы и дефицита «третьих мест» [14].

Полученные результаты имеют ограничение: анализ фиксирует институциональную логику платформ и типы воспроизводимой социальности,

однако не подменяет собой индивидуальные траектории пользователей и не исключает рисков высокой вовлеченности в игровые практики (включая аддитивные паттерны и вытеснение офлайн-активностей). Перспективным направлением дальнейших исследований является операционализация различий «сильных» и «слабых» связей в цифровых средах, эмпирическая проверка механизмов конвертации контактов в устойчивую поддержку, а также анализ того, при каких условиях игровые сообщества становятся ресурсом профилактики мужского одиночества, а при каких они являются фактором социальной изоляции.

Литература

1. Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-36-46. URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/6546> (дата обращения: 19.02.2026).
2. Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселева И.А. Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. Вып. 9 (167). С. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-sotsializatsii-studencheskoy-molodezhi-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 19.02.2026).
3. Шульга Т.И. Социализация личности в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 19.02.2026).
4. Корниенко Д.С., Чурсина А.В., Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. Взаимосвязь использования социальных сетей с удовлетворенностью жизнью и одиночеством у подростков // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 3. DOI: 10.21702/rpj.2022.3.13. URL: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/1279> (дата обращения: 19.02.2026).
5. Михайлова А.И. Осмысление феномена одиночества как социального явления // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2013. № 2. С. 77–83. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-odinochestva-kak-sotsialnogo-yavleniya>
6. Тихонов Г.М. Феномен одиночества: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3 (23). С. 92–100. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen>



- odinochestva-gendernyy-aspekt (дата обращения: 19.02.2026).
7. Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Гендерная специфика переживания одиночества и доверия к себе и другим в юношеском возрасте // Психолого-педагогические исследования. 2025. Т. 17. № 4. С. 97–112. [Электронный ресурс] DOI: 10.17759/psyedu.2025170406. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2025_n4/Sachkova_Semenova (дата обращения: 19.02.2026).
 8. ВЦИОМ. Гейминг по-русски [Электронный ресурс]. 04.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geiming-po-russki> (дата обращения: 19.02.2026).
 9. Astrum Entertainment. Чем живут геймеры из России: итоги опроса российских геймеров об их игровых привычках и предпочтениях [Электронный ресурс]. 09.04.2025. URL: <https://astrum-entertainment.ru/news/44-all-about-russian-gamers>
 10. Как работает социальность в играх и почему она так важна [Электронный ресурс]. 09.04.2025. URL: <https://trashbox.ru/topics/200362/kak-rabotaet-socialnost-v-igrah-i-pochemu-ona-tak-vazhna>
 11. Козлов Н. С., Лахтин А.Ю. Игровая технология как средство социально-психологической адаптации студентов первого курса к обучению в вузе // МНКО. 2010. № 6–1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-tehnologiya-kak-sredstvo-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-studentov-pervogo-kursa-k-obucheniyu-v-vuze> (дата обращения: 19.02.2026).
 12. Галкин Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-opyt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya> (дата обращения: 19.02.2026).
 13. Кочетков Н.В. Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 148–163. [Электронный ресурс] DOI: 10.17759/sps.2016070311. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2016_n3/sps_2016_n3_kochetkov.pdf (дата обращения: 19.02.2026).
 14. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества [Текст] / Рэй Ольденбург; [пер. с англ. А. Широкаковой]. – 2-е изд. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 454, [1] с., [4] л. ил., портр.: 22 см.; ISBN 978-5-444-80927-3.

MALE LONELINESS IN THE DIGITAL SOCIAL SPACE (BASED ON SOCIAL NETWORKS AND ONLINE GAMES)

Popov M.Yu., Tatarinov Ya.M.

Institute of Social Sciences, ISU

The article examines how the commercialization and algorithmic governance of digital platforms reshape interpersonal ties and practices of male socialization. Against the background of accelerated economic and informational globalization (late 20th century – first quarter of the 21st century), a substantial share of communication moves to platform environments where interactions are increasingly organized by the logic of attention monetization. Based on a comparative qualitative analysis of functional mechanisms of social networks and multiplayer online games, the paper argues that social networks predominantly reproduce weak and episodic ties, whereas online games structure cooperation and repeated interactions that facilitate more stable group formation. The study concludes that platform commercialization of social networks acts as a factor intensifying male loneliness as a social phenomenon, while cooperative gaming practices may partially compensate for the deficit of offline male companionship, although they also carry the risk of addictive patterns.

Keywords: globalization, digitalization, platform commercialization, algorithmic governance, social networks, online games, male socialization, male loneliness.

References

1. Chumakov, A.N. «Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction.» *Voprosy Filosofii* (Problems of Philosophy), 2021, № 8, pp. 36–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-36-46. Available at: <https://pq.iphras.ru/article/view/6546> (accessed on 19 February 2026).
2. Chvanova, M.S., Anureva, M.S., Kiseleva, I.A. «New Forms of Socialization of Student Youth in the Internet Space.» *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2017. Vol. 22. Issue. 9 (167). pp. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-sotsializatsii-studencheskoy-molodezhi-v-internet-prostranstve> (accessed: 19.02.2026).
3. Shulga T.I. Socialization of the individual in the context of digitalization [Electronic resource] // *Psychological and pedagogical research*. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (accessed: 19.02.2026).
4. Kornienko D.S., Chursina A.V., Kalimullin A.M., Semenov Yu.I. The relationship between the use of social networks, life satisfaction and loneliness in adolescents // *Russian Psychological Journal*. 2022. Vol. 19. № 3. DOI: 10.21702/rpj.2022.3.13. URL: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/1279> (date of access: 19.02.2026).
5. Mikhailova A.I. Understanding the Phenomenon of Loneliness as a Social Phenomenon // *Scientific Notes of the Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*. 2013. № 2. pp. 77–83. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-odinochestva-kak-sotsialnogo-yavleniya>
6. Tikhonov G.M. The Phenomenon of Loneliness: Gender Aspect // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2015. Issue 3 (23). Pp. 92–100. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinochestva-gendernyy-aspekt> (accessed: 19.02.2026).
7. Sachkova M.E., Semenova L.E. Gender Specificity of the Experience of Loneliness and Trust in Oneself and Others in Adolescence // *Psychological and Pedagogical Research*. 2025. Vol. 17. № 4. Pp. 97–112. [Electronic resource] DOI: 10.17759/psyedu.2025170406. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2025_n4/Sachkova_Semenova (accessed: 19.02.2026).
8. VTsIOM. Gaming in Russian [Electronic resource]. 04.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geiming-po-russki> (accessed: 19.02.2026).



9. Astrum Entertainment. What Russian gamers do: results of a survey of Russian gamers about their gaming habits and pReferences [Electronic resource]. 09.04.2025. URL: <https://astrum-entertainment.ru/news/44-all-about-russian-gamers>
10. How sociality works in games and why it is so important [Electronic resource]. 04/09/2025. URL: <https://trashbox.ru/topics/200362/kak-rabotaet-socialnost-v-igrah-i-pochemu-ona-tak-vazhna>
11. Kozlov N. S., Lakhtin A. Yu. Gaming technology as a means of socio-psychological adaptation of first-year students to studying at a university // MNKO. 2010. № 6–1. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-tehnologiya-kak-sredstvo-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-studentov-pervogo-kursa-k-obucheniya-v-vuze> (date of access: 19.02.2026).
12. Galkin D.V. Computer games as a phenomenon of modern culture: an interdisciplinary study // Humanitarian informat-ics. 2007. № 3. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-opyt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya> (date of access: 19.02.2026).
13. Kochetkov N.V. Social and psychological aspects of online gaming addiction and methods of its diagnostics // Social Psychology and Society. 2016. Vol. 7. № 3. Pp. 148–163. [Electronic resource] DOI: 10.17759/sps.2016070311. URL: https://psy-journals.ru/journals/sps/archive/2016_n3/sps_2016_n3_kochetkov.pdf (accessed: 19.02.2026).
14. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other «party» places as the foundation of community [Text] / Ray Oldenburg; [translated from English by A. Shirokanova]. – 2nd ed. – Moscow: New Literary Review, 2018. – 454, [1] p., [4] p. ill., port.: 22 cm; ISBN 978-5-444-80927-3.

Количественные изменения в языке европейского естествознания

Сиверцев Евгений Юрьевич,

канд. филос. наук, доцент, ст. преподаватель кафедры
философии науки и техники, Санкт-Петербургский
государственный университет
E-mail: emden1914@yandex.ru

История европейского естествознания является, помимо всего прочего, историей поиска адекватного лексикона. Этот поиск прошел несколько этапов. На каждом из этапов изменялось количество используемых в науке слов. Причем изменялось в сторону, противоположную той, что была на предыдущем этапе: после увеличения количества слов шло сокращение и наоборот. Причина подобных изменений состоит в соперничестве двух тенденций: стремления охватить научным взором как можно больше явлений с одной стороны и стремления получить как можно более детальную и верифицируемую информацию с другой. В рамках настоящей статьи исследуется сам процесс смены языковых тенденций в науке, а также предлагается анализ современного употребления языка в научных поисках. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта, рассматривается его влияние на современный научный лексикон.

Ключевые слова: лексикон, адаптация, экономия мышления, эмпирические термины, теоретические термины, модель, искусственный интеллект.

Если рассматривать историю европейского естествознания, то невозможно не обратить внимания на одну тенденцию: научные рассуждения постоянно стремятся стать все короче и короче, стремятся использовать как можно меньше слов на одну условную единицу полезной (т.е. практически применимой) информации.

Причин стремления к подобному сокращению много, не последняя из них – биологическое начало человека. Оно активно поддерживает стремление человека к уменьшению количества используемых слов.

Одним из важнейших свойств живого организма является адаптация. Адаптация (от лат. adaptation – приспособление) – это приспособление живых организмов к окружающей среде на основе координации функций клеток, органов и систем. Термин «адаптация» широко используется для обозначения самых разнообразных приспособительных процессов: от адаптации рецепторов к действию раздражителей до адаптации народа, проживающего в определенных климатических условиях [1, с. 14–15].

Живые организмы действуют в соответствии с т.н. «фиксированным шаблоном действия». Этот термин применяется для описания инстинктивной поведенческой последовательности, которая в высокой степени стереотипна и характерна для вида. Шаблоны фиксированного действия производятся внутренним механизмом высвобождения, «защитым» в нейронную сеть, производятся в ответ на знаковый стимул [2].

Способность к адаптации и «фиксированный шаблон действия» вырабатывают у живого организма стандарты действия в каждой конкретной ситуации. Все происходит по простому и потому вполне надежному алгоритму: воздействие А – реакция В; воздействие С – реакция D; воздействие Е – реакция F. Т.е. на каждое воздействие есть готовая схема реакции.

Реагирование по заранее имеющемуся стандарту не обязательно ведет к позитивному для организма результату, но сам организм этого не знает: если результат действия не привел к адаптации (приспособлению) к изменившимся условиям, но организм при этом не погиб, организм продолжает действовать. Действовать до такого результата, который позволит эту цепочку действий прекратить и перейти к другой цепочке.

Важно заметить, что реакция (если схема присутствует в «фиксированном шаблоне действия») никогда не выбирается сознательно, реакция про-



исходит автоматически. Этот автоматизм создает живому организму нечто вроде «зоны комфорта»: у меня нет выбора, значит, нет риска выбрать неверный шаг, с меня также снята вся ответственность за происходящее.

В применении к человеку адаптация и «фиксированный шаблон действия» оказываются способностью действовать по схеме «воздействие среды – реакция» [3, с. 268]. Как отметили У. Леви и Р. Бакстер, поскольку энергопотребление мозга велико, ему выгодно иметь такие нейроны, которые работают наиболее эффективно – передают только полезную информацию и затрачивают при этом минимум энергии [4].

Проиллюстрируем сказанное обращением к некоторым эпизодам истории европейской науки. Тенденция к уменьшению количества слов, применяемых в научном познании, проступает там довольно явно.

В эпоху Античности слов, по видимости, мало (фюсис, космос, архе, идея, Бог и т.п.) [5, с. 181]. Но не очень много слов произнесенных (написанных). Каждое из сказанных слов имплицитно содержит в себе потенциальное множество слов, необходимых для раскрытия содержания сказанного. Т.е. Античность, в общем, многословна.

Также многословно и Средневековье. Но в эпоху позднего Средневековья масса слов, применяемых для познания мира, становится критичной. Как таковая, критичность не осознается, но начинают возникать проекты знания с экономным лексиконом. Общие принципы устройства мира начинают принимать эмпирически-материальные очертания. Например, структурообразующей и основополагающей основой всех видимых предметов и событий мира становится не некое интеллигильное, многословно описываемое начало мира, а такой эмпирически воспринимаемый феномен, как свет [6, с. 73–87].

На заре научной революции XVII–XVIII веков продолжает доминировать тенденция к сокращению лексикона: слов нужно как можно меньше, они должны быть лишь инструкцией к действию. Вспомним индуктивный метод Ф. Бэкона. Предложенные им «Таблицы присутствия, отсутствия и степеней, т.е. определенные способы учета изучаемых свойств у отдельных предметов данного класса» предлагают искать некое свойство, не зная заранее, есть оно в исследуемом объекте, или нет. Если свойство есть – исследователь получил «плодоносный» результат, если свойства нет – результат считается «светоносным» [7, с. 285–286].

Казалось бы, европейская наука уверенно встала на путь избавления от излишка слов, используемых в исследовании. Но почему-то сразу пойти этим путем не удалось.

По мере осознания методологии, предложенной Ф. Бэконом (а также Дж. Локком, Т. Гоббсом и т.п.) все более становится ясным, что свойств, по-

тенциально присутствующих в объекте, слишком уж много. Исследователь (особенно претендующий на практическое применение полученных результатов) начинает выходить из «зоны комфорта».

Естественным образом возникает тенденция к поиску объективных и всеобщих ограничителей поиска. Эти ограничители формируются синхронической (коммуникация между учеными-современниками, взаимодействие внутри научного сообщества в один и тот же исторический период) и диахронической (коммуникация через время, то есть преемственность между поколениями ученых) коммуникацией [8]. Но в те времена они предстают перед мысленным взором в виде неких феноменов, главная задача которых – сориентировать познание в нужном направлении, а также избавить его от всего онтологически и эмпирически лишнего.

Основные положения индуктивного метода были сформулированы Ф. Бэконом в «Новом Органоне» 1620 г. [9]. В 1637 г. выходят «Рассуждения о методе» Р. Декарта [10]. Формируется некий эскиз фундаментального ограничителя свободы познания – концепция «интеллектуальной интуиции». Т.е. по истечении весьма короткого по историческим меркам периода времени (17 лет) возникает некий эскиз фундаментального ограничителя свободы познания – уже названная «интеллектуальная интуиция».

Примерно через полвека «интеллектуальная интуиция» преобразуется Г.В. Лейбницем в «предрасположенность» разума, в способность разума формулировать и понимать высшие бытийные категории («Я», «тождество», «бытие», «восприятие»), а также использовать всеобщие и необходимые математические истины [11]. Вторая половина XVIII века обогащает науку априорными формами чувственности и рассудка (И. Кант [12]), в первой половине XIX века разум становится абсолютным основанием всего сущего (Г.В.Ф. Гегель [13]).

Можно ли предполагать, что единственной причиной временного отхода от пути уменьшения слов в научном лексиконе явилось осознание того факта, что свойств, потенциально присутствующих в изучаемом объекте, слишком много?

Человеческое существование не сводится к биологическому началу, а человеческая реакция на воздействие среды не является непосредственной. Человеческая реакция обусловлена феноменом, который имеет очень разные названия и очень разные версии рассмотрения. Мы возьмем одну из ранних и наиболее понятных версий – то, что И.П. Павлов назвал «второй сигнальной системой». Под последней понимается прежде всего *речь* с «ее базисом или базальным компонентом – кинестетическими раздражениями речевых органов. Этим вводится новый принцип нервной деятельности – отвлечение и вместе обобщение бесчисленных сигналов предшествующей системы, в свою очередь опять же с анализированием



и синтезированием этих первых обобщенных сигналов» [14].

Вторая сигнальная система – основной инструмент научного исследования. Именно ее наличие предоставляет свободу выбора: человек может выбирать множество вариантов действия в одной и той же ситуации, может заранее моделировать развитие ситуации, может рассчитывать большое количество факторов, которые могут повлиять на ситуацию.

Вместе с тем, вторая сигнальная система выходит за рамки необходимого, что ведет к «распылению» мысли в процессе научного исследования. Вторая сигнальная система предоставляет информацию, которая по своему количественному и качественному разнообразию существенно превосходит тот объем, который нужен для решения возникшей научно-исследовательской задачи. Вторая сигнальная система вводит в научный оборот чрезвычайно большое количество слов. Немалая часть этих слов не только не нужна в процессе исследования, но даже препятствует результативности его осуществлению.

Когда избыточность становится очевидной, даже критичной для научного поиска, осуществляются попытки как-то систематизировать научный лексикон, т.е. привести все актуальное и потенциальное знание к конечному и обозримому множеству понятий. Такие понятия называются *категориями*. Однако, какое бы из известных нам учений о категориях мы не взяли, их всегда будет много (у Аристотеля десять, у Канта двенадцать, а сколько категорий у Гегеля – исследователи до сих пор к единому мнению прийти не могут). Это значит, что категоризация знания не приводит к ожидаемому результату, количество слов не сокращается. Скорее даже возрастает: в науку входят дискуссии о предпочтительности той или иной системы категорий.

Осознание (пока еще не рефлексированное, не осознающее себя в качестве такового) избыточности слов в науке происходит в первой трети XIX века. Это время, когда всеевропейская популярность Г. В. Ф. Гегеля сменяется быстрым распространением позитивизма.

Что произошло? Ответов на данный вопрос существует огромное количество, рискнем предложить и такой. Если у Р. Декарта, Г. В. Лейбница и И. Канта разум обращался сам к себе с целью отыскания в самом себе инструмента истинного исследования *сущего*, то у Гегеля разум обращается сам к себе с целью исследования самого себя. В знаменитой паре суждений «все действительно разумно» и «все разумное действительно» термин «действительное» излишен и в качестве субъекта (первое суждение), и в качестве предиката (второе суждение). И тогда получается тавтология: «разумное разумно». Разумное разумно во всех измерениях времени (как бы послед-

нее не понималось) и на протяжении всех мыслимых пространств. Как и всякая тавтология, фраза «разумное разумно» абсолютно истинна и абсолютно бесполезна. При этом для своего пояснения она требует огромного количества слов.

Имплицитное осознание этого обстоятельства становится одной из причин возвращения европейской мысли к пути развития, направляемому «фиксированным шаблоном действия» и стремлением к экономии энергии мозга.

Первые позитивисты не ставили сознательной целью сократить словарный запас науки. Но их теоретическая деятельность имела и такие последствия. Из научного употребления изымаются слова, не имеющие прямого и однозначного эмпирического эквивалента. Но слова, имеющие, если можно так выразиться, «комплексный» эмпирический эквивалент (закон, теория, число, геометрическая фигура, причина и т.п.) в научном лексиконе сохраняются. Способ существования их содержания представляет собой мысленную модель. Причем модель эта компактна и мысленно контролируема.

Следующий этап сокращения словарного запаса науки наступает с формированием неопозитивизма. Количество слов, необходимых в научном исследовании, сокращается до словаря физики: «физический язык является универсальным языком науки, т.е. каждый язык любой отдельной научной дисциплины может быть эквивалентно переведен в данный физический язык ... Этот тезис является тезисом *единства науки*» [15].

Предложенным Р. Карнапом [15] идеям созвучно направление в методологической мысли, которое можно условно назвать «антитеоретизм». Самые известные здесь имена – Ф. Рамсей (1903–1930 гг.) и У. Крейг (1918–2016 гг.).

Ф. Рамсей предлагает создать некое подобие словаря, при помощи которого можно теоретические термины переводить на язык эмпирии. Когда такой словарь создан, надо тексты, содержащие теоретические термины, перевести в тексты, состоящие исключительно из терминов наблюдения [16, с. 212–236].

Подход У. Крейга несколько иной. Он полагает следующее. Если основной словарь некоей теории Т можно разделить на множество теоретических терминов (Vt) и эмпирических терминов (Vo) то это значит, что существует общий метод конструирования подтеории То с альтернативным множеством аксиом и теорем, выразимым только в словаре Vo. Отсюда следует, что в контексте практического использования Т и То могут считаться эмпирически эквивалентными [17].

На первый взгляд складывается впечатление, что идеи Ф. Рамсея, У. Крейга и их единомышленников не сокращают словарь науки, а наоборот – делают его большим и громоздким. Но на самом деле это касается только слов *сказанных* (напи-

санных). Эмпирические термины (к которым предлагается свести научный язык) представляют лишь самих себя и более ничего. Они в высшей степени эксплицитны, имеют остенсивное значение (т.е. отсылают только к своему эмпирическому эквиваленту). Теоретические же термины потенциально содержат в себе немалое количество слов, необходимых для их экспликации. Таким образом, при видимом увеличении словаря науки, в сущности происходит его сокращение.

Проблема антитеоретизма лежит в иной плоскости. На это обращает внимание К.Г. Гемпель (1905–1997 гг.). В своей статье 1952 г. «Основания формирования понятий в эмпирической науке» [18] К.Г. Гемпель ставит вопрос о лексиконе науки и об удалении из него терминов, не имеющих эмпирических эквивалентов. Он формулирует т.н. «Дилемму теоретика». Вывод из нее категоричен: «если теоретические термины и законы выполняют свое назначение, то они не нужны. Если же они не выполняют свое назначение, то они тем более не нужны» [19].

Дальнейшие рассуждения К.Г. Гемпеля показывают, что теоретические термины являются не только и не столько символизацией уопостигаемых и весьма неоднозначно понимаемых (быть может, даже не имеющих онтологического статуса) сущностей, а играют роль звена, устанавливающего логические и онтологические связи между эмпирически фиксируемыми явлениями. Без них невозможна индукция, т.е. предсказание поведения системы в тех или иных условиях. А такое предсказание – это одна из важнейших задач науки. «Применение научных теорий для предсказания и объяснения эмпирических данных включает не только дедуктивный вывод... но также требует и индуктивных процедур, некоторые из которых стали бы невозможны, если бы теоретические термины были бы элиминированы» [19]. Иными словами, теория, записанная только лишь эмпирическими терминами, не является полным эквивалентом этой же теории, содержащей еще и теоретические термины.

«Антитеоретисты» пытаются окончательно удалить из языка слова, не имеющие эмпирического эквивалента и не включенные в состав логических тавтологий. Более того, и среди слов, которые традиционно считались словами, если и не имеющими эмпирические эквиваленты, то хотя бы однозначно и четко моделируемыми, проводится ревизия. Однако, как показал К.Г. Гемпель, полное освобождение от теоретизирования противоречит основной задаче науки – созданию дедуктивных схем развития того или иного фрагмента реальности.

Заканчивая разговор о неопозитивизме, обратим внимание на следующее. Предыдущие этапы развития науки удалили из научного лексикона большое количество слов. Неопозитивизм увеличи-

чивает это «множество удаленного», в числе прочего добавляет туда слова, обозначающие то, что традиционно принято называть *причиной* некоторого явления (события, процесса). Наука оставляет вне своего внимания причины *возникновения*, причины именно такого *устройства*, причины именно такого *протекания* данного явления (события, процесса).

С неизбежностью возникает вопрос: как наука может обойтись без причин? Но причина это совсем не обязательное звено практикоориентированного научного исследования. Знание причин не участвует напрямую в процессе решения той или иной научно-практической задачи. Когда хирург-травматолог лечит перелом большеберцовой кости, его интересует устройство кости (анатомия, физиология), интересуют современные методы диагностики и лечения. А вот к чему хирург совершенно равнодушен – это к истории происхождения кости: появилась ли она в результате эволюции, или ее сотворил Ахурамазда.

Этап, который переживает сегодняшняя наука, наследует отказ от поисков причины и пытается вообще освободить науку от слов. Т.е. перейти к такой научно-исследовательской и практически применяющей деятельности, когда возникающая задача (проблема) не формулируется в словах, а сразу попадает в механизм, где происходит ее решение, и решение тут же осуществляется на практике.

Главным инструментом решения задач в современной науке становится *искусственный интеллект* (вернее, не подлинный искусственный интеллект, появление которого еще только ожидается, а то, что мы сейчас так именуем – нейросети, большие языковые модели и т.п.).

Современный искусственный интеллект, как мы знаем, обладает такими качествами, как рекурсивность (способность перенастраивать себя в зависимости от результата каждой осуществленной операции) а также может проходить обучение с подкреплением (когда система, снабженная искусственным интеллектом, научается принимать оптимальные решения через взаимодействие со средой).

Как конкретно может происходить научное исследование с использованием искусственного интеллекта, но с минимальным использованием слов?

Очевидно, исследование должно пройти четыре (возможно, лишь три) этапа.

Первый этап. В устройство ИИ (пусть это будет нейросеть) подаются формализованные и эмпирически фиксируемые параметры *решения* возникшей проблемы.

Второй этап. В нейросеть вводятся все формализованные характеристики сущего, которые могут послужить для решения проблемы.



Третий этап (в некоторых случаях он может быть пропущен). Если нейросеть, проверив всю имеющуюся информацию, приходит к выводу, что данных недостаточно, при этом она знает, какие физические деяния должен совершить человек, она дает точные инструкции для манипуляций, которые должен провести человек с эмпирическими объектами. Результаты, полученные в финале этих манипуляций, формализуются и вводятся в нейросеть. В методологии науки такие манипуляции называются *экспериментом*.

Четвертый этап. Нейросеть предлагает решение. Решение заключается в рекомендации выбора тех фрагментов сущего, на которые надо воздействовать, чтобы получить описанное в первом пункте решение проблемы. Кроме того, описывается и методика воздействия на выбранные фрагменты.

Если действия по предложенным нейросетью решениям приводят к запланированному результату, то задача считается решенной, если действия не привели к необходимому результату – включается механизм рекурсии, происходит возвращение к начальным условиям и весь процесс повторяется. Только на входе будут несколько иные данные. На каждом новом этапе решения проблемы система учитывает реакцию внешней среды

Для примера можно привести решение задачи по избавлению человека от болезни, сопровождающейся повышением температуры тела, а также различными респираторными симптомами.

Первый этап. Вводится задача нормализации температуры тела и освобождения от респираторных симптомов.

Второй этап. Вводится максимально широкая информация о больном: как фиксируемые симптомы болезни, так и данные по его организму, особенностям жизни (анамнез) и проч.

Третий этап. Нужно установить особенности реакции организма данного человека на некоторые биохимические раздражители. Нейросеть выдает список раздражителей, инструктирует по методике тестирования, потом учитывает полученные результаты.

Получив всю информацию, нейросеть исследует зависимости между заданными параметрами (используя данные как из базы, так и полученные на третьем этапе) и предлагает конкретные действия, которые надо совершить, чтобы прийти к результату, введенному на первом этапе.

Если действия привели к искомому результату, то на этом работа заканчивается. Если действия к этому результату не привели – все повторяется сначала, только поиск в базе данных производится с учетом уже полученного опыта.

Выводы

С самых первых шагов европейского естествознания в нем присутствовало стремление ми-

нимализировать умственные, временные, физические и прочие затраты, стремление сделать научное исследование как можно менее громоздким, стремление как можно быстрее перейти от постановки проблемы к ее решению.

Попытки сделать это носили, большей частью, негативный характер и, в частности, состояли в том, чтобы убрать из научного лексикона слова, которые следует считать излишними. Но всякий раз удачное, как казалось, удаление лишнего сужало диапазон возможных решений (перекрываются пути для интуиции, творческой фантазии, снижалась свобода моделирования). Потому вновь возникали системы с большим количеством слов, немалая часть которых требовала, в свою очередь, многословного пояснения.

Положить конец таким колебаниям может активное использование в научных исследованиях такого инструмента, как искусственный интеллект в его современных формах генеративных нейросетей, больших языковых моделей и пр.

ИИ работает вообще не со словами. Он работает с множествами формализованных данных. Эти множества сопоставляются в статике и в динамике, моделируется поведение этих множеств и их взаимовлияние в определенных условиях (условия тоже задаются формализованными данными). Также формируются однозначно понимаемые схемы действий, необходимых для получения заранее запланированного результата.

Соответствующим образом решается, например, и поставленная К.Г. Гемпелем проблема теоретических терминов как звеньев, устанавливающих логические и онтологические связи между эмпирически фиксируемыми явлениями. Место умопостигаемой, доступной лишь теоретическому разуму модели связи эмпирических явлений занимает статистика динамики связей тех или иных процессов, выраженная в эмпирических закономерностях. Причем она совершенно не обязательно доводится до сведения исследователя. Статистика учитывается прежде всего самим искусственным интеллектом для преобразования системы под поставленную перед ИИ задачу.

Литература

1. Нормальная физиология: курс лекций / В.И. Кузнецов [и др.], под ред. В.И. Кузнецова. 4-е изд. Витебск: ВГМУ, 2017. 611 с.
2. Aldana E., Dickens J., Otlora-Luna F. Ethological description of a fix Oscar Pez-Rondned action pattern in a kissing bug (Triatominae): vision, gustation, proboscis extension and drinking of water and guava // Journal of Ethology. 2018. № 36 (2). P. 107–116.
3. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Принципы обучения, основанные на психо-

- логии. Джон Б. Уотсон. Психология как наука о поведении. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 704 с.
4. Levy W., Baxter R. Energy Efficient Neural Codes // *Neural Computation*. 1996. № 8. P. 531–543.
 5. Вольф М.Н. Ранняя греческая философия в поисках объяснительного принципа: монография. Новосибирск: Офсет ТМ, 2021. 193 с.
 6. Гроссетест Р. Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2003. 328 с.
 7. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1. Сост., общ. ред. и вступит. статья А. И. Субботина. М., «Мысль», 1977. 567 с.
 8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр; пер. А.М. Сухотин; под редакцией Р.О. Шор. М.: Издательство Юрайт, 2020. 303 с.
 9. Бэкон Ф. Новый Органон / Пер. С. Красильщикова; ред. Е.А. Крылова. М.: Рипол-Классик, 2021. 364 с.
 10. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. М.: АН СССР, 1953. 273 с.
 11. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Ред. И.С. Нарский; пер. с фр. П.С. Юшкевича. М.: Мысль, 1983. 686 с.
 12. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. 655 с.
 13. Гегель Г. Наука логики в 3 ч. Часть 3. Учение о понятии / Г. Гегель; переводчик Б.Г. Столпнер. М.: Издательство Юрайт, 2025. 246 с.
 14. Павлов И.П. Проба физиологического понимания симптомологии истерии. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 36 с.
 15. Carnap R. A Basic System of Inductive Logic. Part I // in: *Studies in Inductive Logic and Probability* / Ed. by R.C. Jeffrey. Berkeley: University of California Press, 1971. P. 34–165.
 16. Ramsey F.P. The Foundations of Mathematics and Other Logical Essays / Ed. by R.B. Braithwaite. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1931. 340 p.
 17. Craig W. On Axiomatizability within a System // *Journal of Symbolic Logic*. 1953. Vol.18. Is. 1. P. 30–32.
 18. Hempel C.G. Fundamentals of Concept Formation in Empirical Science // *International Encyclopedia of Unified Science*. 1952. Vol. 2. № 7. 93 p.
 19. Гемпель К.Г. Логика объяснения / Пер. с нем. О.А. Назаровой. Л., М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 240 с.

QUANTITATIVE CHANGES IN THE LANGUAGE OF EUROPEAN NATURAL SCIENCE

Sivertsev E.Yu.

Saint Petersburg State University

The history of European natural science is, among other things, a history of the search for an adequate lexicon. This search has

gone through several stages. At each stage, the number of words used in science changed, and it changed in the direction opposite to that of the previous stage: an increase in the number of words was followed by a reduction, and vice versa. The reason for such changes lies in the rivalry between two tendencies: the aspiration to encompass as many phenomena as possible within the scientific gaze, on the one hand, and the aspiration to obtain the most detailed and verifiable information, on the other. This article examines the process of shifting linguistic tendencies in science and offers an analysis of the contemporary use of language in scientific inquiry. Particular attention is paid to the role of artificial intelligence and its influence on the modern scientific lexicon.

Keywords: lexicon, adaptation, economy of thought, empirical terms, theoretical terms, model, artificial intelligence.

References

1. *Normal Physiology: A Course of Lectures* / V.I. Kuznetsov [et al.], edited by V.I. Kuznetsov. 4th ed. Vitebsk: VSMU, 2017. 611 p.
2. Aldana E., Dickens J., Otlora-Luna F. Ethological description of a fix Oscar Pez-Rondned action pattern in a kissing bug (*Triatominae*): vision, gustation, proboscis extension, and drinking of water and guava // *Journal of Ethology*. 2018. № 36 (2). P. 107–116.
3. *The Main Directions of Psychology in Classical Works. Behaviorism. E. Thorndike. Learning Principles Based on Psychology. John B. Watson. Psychology as a Science of Behavior*. Moscow: ООО Издательство АСТ-ЛТД, 1998. 704 p.
4. Levy W., Baxter R. Energy Efficient Neural Codes // *Neural Computation*. 1996. № 8. Pp. 531–543.
5. Wolf M.N. Early Greek Philosophy in Search of an Explanatory Principle: Monograph. Novosibirsk: Ofset TM, 2021. 193 p.
6. Grosseteste R. Works. Moscow: Editorial URSS, 2003. 328 p.
7. Bacon F. Works in Two Volumes. 2nd corr. and add. ed. Vol. 1. Comp., general editorship and introduction, article by A.L. Subbotina. Moscow, «Mysl'», 1977. 567 p.
8. Saussure F. Course of General Linguistics / F. Saussure; trans. A.M. Sukhotin; edited by R.O. Shor. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 303 p.
9. Bacon F. New Organon / Trans. S. Krasilshchikov; ed. E.A. Krylov. Moscow: Rippol-Classic, 2021. 364 p.
10. Descartes R. Discourse on the Method with Applications. Dioptrics, Meteors, Geometry. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 273 p.
11. Leibniz G.V. New Essays on Human Understanding // Works: In 4 vols. Vol. 2 / Ed. I.S. Narsky; trans. from French by P.S. Yushkevich. Moscow: Mysl, 1983. 686 p.
12. Kant, I. Critique of Pure Reason / Translated from German by N.O. Lossky. Moscow: Nauka, 1999. 655 p.
13. Hegel, G. The Science of Logic in 3 Parts. Part 3. The Doctrine of the Concept / G. Hegel; translator B.G. Stolpner. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 246 p.
14. Pavlov, I.P. A Test of the Physiological Understanding of the Symptomology of Hysteria. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1932. 36 p.
15. Carnap, R. A Basic System of Inductive Logic. Part I // in: *Studies in Inductive Logic and Probability* / Ed. by R.C. Jeffrey. Berkeley: University of California Press, 1971. pp. 34–165.
16. Ramsey F.P. The Foundations of Mathematics and Other Logical Essays / Ed. by R.B. Braithwaite. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1931. 340 p.
17. Craig W. On Axiomatizability within a System // *Journal of Symbolic Logic*. 1953. Vol.18. Is. 1. P. 30–32.
18. Hempel C.G. Fundamentals of Concept Formation in Empirical Science // *International Encyclopedia of Unified Science*. 1952. Vol. 2. № 7. 93 p.
19. Hempel K.G. Logic of explanation / Transl. with him. O.A. Nazarova. L., M.: House of Intellectual Books, Russian Phenomenological Society, 1998. 240 p.



Алгоритмическая видимость и визуально-шаблонная идентичность: конструирование социальной идентичности в контенте Xiaohongshu о «контроле фигуры» и «расслабленности»

Тянь Шэн,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: txs949561708@gmail.com

В статье на материале контента Xiaohongshu, связанного с «контролем фигуры» и «расслабленностью», рассматривается, каким образом визуальная социальная платформа формирует социальную идентичность в повседневных публикациях. Теоретическую основу составляют теория социальной идентичности, теория самопрезентации и теория различения; вместе с исследованиями алгоритмической идентичности, самопрезентации, интерактивного признания и тревоги идентичности они позволяют выстроить аналитическую схему «визуальный шаблон – платформенная видимость – интерактивное признание». Эмпирический корпус включает 240 заметок, собранных по четырем ключевым словам, после чего была проведена вторичная кодировка явной семантики заголовков. Результаты показывают, что группа телесной регуляции и группа регуляции состояния имеют разные шаблонные структуры: в первой преобладают демонстративно-мотивационный, результативно-отчетный и инструктивно-коррекционный типы, акцентирующие верифицируемую самодисциплину; во второй – рекомендательно-терапевтический и атмосферно-эстетический типы, выводящие на первый план наблюдаемую непринужденность. Дальнейшее сопоставление показывает, что платформа вознаграждает эти шаблоны неравномерно: смешанные формы выражения, сочетающие методичность и легкость, чаще попадают в слой высокой вовлеченности. Тем самым статья показывает, что в Xiaohongshu социальная идентичность проявляется не столько через прямую декларацию позиции, сколько через устойчивую организацию образов, рекомендательных механизмов и интерактивной обратной связи, а также через повторяемые практики публичного самопредъявления.

Ключевые слова: Xiaohongshu, социальная идентичность, визуальный шаблон, алгоритмическая видимость, самопрезентация, контроль фигуры, расслабленность.

Введение

На визуально-ориентированных социальных платформах конструирование социальной идентичности осуществляется преимущественно не через развернутую аргументацию, а посредством быстро распознаваемых визуальных сигналов, речевых интонаций и интерактивных откликов, закрепляющихся в практике повседневного просмотра. Пользователь воспринимает не абстрактную позицию, а сочетание обложки, телесной позы, сценической организации, цветового решения и заголовка. В этих элементах постепенно оформляется порядок, определяющий желательный образ жизни, состояние, удаивающееся признание, и субъектов, обретающих устойчивую видимость. В российских исследованиях сходные процессы описываются через категории самопрезентации, сетевой идентичности и визуальных практик цифрового тела [9, 11, 13, 14].

В предыдущей статье автора показано, что распространение контента, связанного с социальной идентичностью, разворачивается по когнитивной и аффективной траекториям, а в китайском интернет-контексте институциональные и платформенные условия выступают значимой предпосылкой, влияющей на активацию идентичности, формы ее выражения и пути циркуляции. В предыдущей работе введен «институционально-платформенный структурный уровень» как контекстная переменная, объясняющая, как рекомендательные механизмы, распределение трафика и контент-модерация изменяют видимость идентичностного контента и способы его распространения [1]. Если первая статья фокусировалась на коммуникативных цепочках в событийных ситуациях, то в настоящем исследовании внимание смещено к формированию идентичности в повседневном контенте без опоры на ярко выраженные публичные события.

Xiaohongshu выбрана в качестве объекта наблюдения, поскольку платформа объединяет визуальный характер публикаций, рекомендательную логику и склонность к шаблонизации. Предшествующие исследования показывают, что идентичность на Xiaohongshu постоянно формируется под совместным воздействием алгоритмических рекомендаций, поведенческих данных и системы профилирования; платформа предоставляет ре-



судьбы для самоопределения, одновременно дисциплинируя пользователя через логику трафика, границы допустимого высказывания и систему санкций, связанных с видимостью [2]. Лайки, сохранения и комментарии выступают не только техническими показателями, но и явными знаками группового признания [3]. Контент на Xiaohongshu не может быть интерпретирован исключительно как фиксация повседневности: он представляет собой пространство, в котором идентичность распознается, оценивается и воспроизводится.

«Контроль фигуры» и «расслабленность» выступают двумя удобными аналитическими входами для изучения конструирования идентичности. Первый акцентирует самодисциплину, постоянную оптимизацию и доказуемое телесное преобразование, второй – спокойствие, эмоциональную устойчивость и образ жизни с низким уровнем стрессогенности. На уровне тегов они предстают как маркеры стиля жизни, однако фактически уже оформились в два отчетливо различимых сценария идентичности. Задача статьи заключается не в определении того, какой из типов контента пользуется большей популярностью, а в выявлении того, каким образом они организуются в распознаваемые, воспроизводимые и подлежащие оценке визуальные шаблоны.

Обзор литературы и теоретические основания

Состояние исследований

Существующие исследования Xiaohongshu систематизируются по трем направлениям. Первое сосредоточено на самопрезентации и театрализованном выражении. Xiaohongshu выступает пространством демонстрации, конструируемым посредством образов, тегов, символов и эмоционального труда. Самопрезентация обретает форму «идеализированной фронтальной сцены»: визуальная структура, знаки образа жизни и эмоциональная интонация создают зрелище, подлежащее не только наблюдению, но и воспроизведению; пользователь приближается к желаемому образу, укрепляя идентичность в ответ на внешние ожидания [4]. Аналогичный ракурс представлен в российской литературе, где социальные сети анализируются как канал самопрезентации, а визуальный контент – как среда конструирования образа «я» [9, 10, 13, 14].

Второе направление исследует роль алгоритмов и платформенной структуры. Алгоритмическая идентичность на Xiaohongshu складывается под воздействием сбора данных, вмешательства в информационный поток и системы профилирования; алгоритм предоставляет ресурсы для самоопределения и одновременно дисциплинирует пользователя [2].

Третье направление образуют исследования интерактивной обратной связи, реляционных практик и давления идентичности. Лайки, сохра-

нения и комментарии трактуются как количественно выраженное групповое признание, тогда как непрозрачность правил распределения трафика и алгоритмическое наблюдение побуждают к подстройке, тревоге и самоцензуре [3, 5]. Данные наблюдения соотносятся с исследованиями идентификационных стратегий и алгоритмической фильтрации [11, 17, 18].

Названные исследования создают основу для настоящей работы, однако между ними сохраняется пробел: они редко рассматривают «визуальный шаблон», «платформенную видимость» и «конструирование социальной идентичности» как звенья единой аналитической цепи. Имеющиеся работы зафиксировали театрализованное выражение, алгоритмическую дисциплину и интерактивное признание, но не объяснили, каким образом эти механизмы повседневно собирают идентичность в устойчивые шаблоны. Недостаточно изученным остается перформативное измерение – то, как идентичность не просто обозначается, а разыгрывается и подтверждается в повторяемых действиях. В связи с этим в качестве более сфокусированного среза избраны именно «контроль фигуры» и «расслабленность».

Теоретические основания

Обращение к теории социальной идентификации позволяет утверждать, что индивид осмысляет себя и свое отличие от других, опираясь на групповые границы. В социальных медиа идентичность проявляется не только в прямой самокатегоризации, но и в формах выражения, доступных быстрому распознаванию. «Контроль фигуры» и «расслабленность» значимы как маркеры, приобретшие в платформенной среде отчетливый групповой характер: первый сопряжен с самодисциплиной и непрерывной оптимизацией, второй – со спокойствием и состоянием внутреннего баланса. Идентичность в социальных медиа может быть рассмотрена как форма самокатегоризации, закрепляемая в повторяемых коммуникативных образцах [11, 12, 16].

Дополнительную рамку задает теория самопрезентации. На визуальной платформе пользователь выстраивает сцену самопредъявления. Обложка, степень телесной видимости, сцена, реквизит, заголовки и теги образуют канал восприятия. Для Xiaohongshu характерно, что изображение выступает инструментом организации идентичности. Значимым оказывается перформативное измерение: пользователь многократно воспроизводит узнаваемый образ, подтверждая его телом, интонацией, сценой и визуальными деталями. Идентичность закрепляется в повторяемости акта самопредъявления и в его считываемости другими [6, 13, 14].

Завершает теоретическую конструкцию обращение к концепциям различения, вкуса и телесного капитала. Телесная репрезентация, жизненные

сцены и предпочтение определенной атмосферы соотносятся с позицией в поле и набором вкусовых различий. «Контроль фигуры» демонстрирует способность инвестировать в себя и поддерживать контроль; «расслабленность» акцентирует способность трансформировать давление в стиль, а порядок – в легкость. Для анализа визуальнотелесного измерения такого самопредъявления существенное значение имеют исследования цифрового лица, цифрового тела и влияния сетевых образов на восприятие тела [13, 14, 15].

Теоретическая рамка

На основе изложенных теоретических оснований предлагается интерпретационная рамка, адаптированная для анализа визуального контента Xiaohongshu. Данная рамка развивает введенную ранее платформенную структурную переменную, переводя цепочку «социальная идентичность – распространение» в конкретный платформенный процесс: «визуальный шаблон – платформенная видимость – интерактивное признание». Как отмечалось в предыдущей статье, институциональноплатформенный структурный уровень в китайском интернете влияет на видимость идентичностного контента, порог его активации, формы выражения и циркуляции [1]. Применительно к Xiaohongshu данный уровень конкретизируется через рекомендательные механизмы, логику ранжирования, вес интеракций и границы допустимого высказывания.

Конструирование идентичности структурируется как три последовательных уровня. Первый – производство визуального шаблона: пользователь выражает «контроль фигуры» или «расслабленность» через устойчивые сочетания образа и текста (способ предъявления тела, элементы доказательности, выбор сцены, построение атмосферы, интонация заголовка). На этом уровне идентичность обретает перформативную форму. Второй – усиливающая роль алгоритмической видимости: платформа через рекомендации и сортировку делает одни шаблоны заметнее других. Третий – интерактивное признание и самокоррекция: лайки, сохранения и комментарии переводят шаблон в измеримую форму признания, в рамках которой пользователь усваивает способы самопредъявления, легче получающие отклик. Таким образом, платформа закрепляет не только содержание идентичности, но и допустимые способы ее исполнения.

Методология исследования

Исследовательская стратегия основана на сочетании описательной статистики и визуального контент-анализа. Эмпирический корпус составили 240 заметок Xiaohongshu по четырем ключевым словам – «#контроль_фигуры», «#чек-ин_похудения», «#расслабленность», «#эмоциональная_стабиль-

ность» (по 60 публикаций на каждое). Для каждой подборки сформированы сбалансированные подгруппы по высокому, среднему и низкому уровню вовлеченности. Выборка не является репрезентативной для всей платформы, но позволяет зафиксировать структуру видимого контента в заданных условиях отбора.

На количественном этапе проведена вторичная кодировка. Поскольку материал, поддающийся устойчивому сопоставлению, представлен преимущественно заголовками, ключевыми словами и показателями вовлеченности, первичная классификация строилась на основе явной семантики заголовков с последующей привязкой к тематической группе. Выделено шесть типов шаблонов: демонстративно-мотивационный, результативно-отчетный, инструктивно-коррекционный, рекомендательно-терапевтический, атмосферно-эстетический и смешанный. Дополнительно кодировались элементы доказательности, тип сцены, интонация заголовка и доминирующий идентификационный маркер. Комментарии использовались как вспомогательный материал и не служили основой для выводов.

Статистический анализ ориентирован на три группы связей: соответствие между ключевыми словами и типами шаблонов; распределение шаблонов по уровням вовлеченности; частотное распределение элементов доказательности и типов сцены внутри тематических групп. Цель процедуры – обеспечение эмпирической опоры для вопросов о том, каким образом образ организует идентичность, почему одни формы легче попадают в поле видимости и как видимость преобразуется в признание.

Анализ и аргументация

От контентного тега к шаблону идентичности: две разные траектории

Результаты кодировки позволяют объединить четыре ключевых слова в две группы. Первая, связанная с телесной регуляцией, включает «контроль фигуры» и «чек-ин похудения»; вторая, относящаяся к регуляции состояния, включает «расслабленность» и «эмоциональную стабильность». В выборке из 240 публикаций на каждую группу приходится по 120 единиц. Общее распределение шести типов шаблонов неравномерно: рекомендательно-терапевтический тип представлен 96 публикациями (40,0%), демонстративно-мотивационный – 59 (24,6%), результативно-отчетный – 40 (16,7%), атмосферно-эстетический – 24 (10,0%), инструктивно-коррекционный – 18 (7,5%), смешанный – 3 (1,3%). При этом внутренние шаблонные структуры по отдельным ключевым словам демонстрируют отчетливые различия (табл. 1).

Анализ распределения внутри каждого ключевого слова показывает, что «#контроль_фигуры» преимущественно формируется за счет



демонстративно-мотивационного и инструктивно-коррекционного типов, совокупная доля которых составляет 88,3% (63,3% и 25,0% соответственно). «#чек-ин_похудения» строится вокруг результативно-отчетного типа, достигающего 55,0%, при этом демонстративно-мотивационный тип дает еще 35,0%, тогда как смешанный и инструктивный типы представлены незначительно. В свою очередь, «#эмоциональная_стабильность» целиком относится к рекомендательно-терапевтическому типу, тогда как «#расслабленность» распределяется между рекомендательно-терапевтическим (60,0%) и атмосферно-эстетическим (40,0%) типами. Из этого следует, что «контроль фигуры» тяготеет к телесной оптимизации и демонстрации образа, а «чек-ин похудения» – к фиксации процесса и доказательству результата; «эмоциональная стабильность» ориентирована на совет и увещание, а «расслабленность» в большей степени выполняет эстетизирующую и атмосферную функцию.

Таблица 1. Распределение ключевых слов и типов визуальных шаблонов (n; % по строке)

Ключевое слово	Демонстративно-мотивационный	Результативно-отчетный	Инструктивно-коррекционный	Рекомендательно-терапевтический	Атмосферно-эстетический	Смешанный
#контроль_фигуры	38 (63.3%)	7 (11.7%)	15 (25.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)
#чек-ин_похудения	21 (35.0%)	33 (55.0%)	3 (5.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)	3 (5.0%)
#расслабленность	0 (0.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)	36 (60.0%)	24 (40.0%)	0 (0.0%)
#эмоциональная_стабильность	0 (0.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)	60 (100.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)

Примечание: проценты рассчитаны внутри каждого ключевого слова.

Таким образом, социальная идентичность на платформе конструируется не столько через прямое проговаривание позиции, сколько через относительно устойчивые шаблонные формы. Группа телесной регуляции организует идентичность вокруг «доказуемой самодисциплины», тогда как группа регуляции состояния – вокруг «наблюдаемой непринужденности». В первом случае содержание считается как план действия, во втором – как желаемое жизненное состояние. Оба варианта не могут быть сведены к нейтральной классификации контента: они представляют собой сценарии идентичности, которые на платформе многократно воспроизводятся и усиливаются.

«Доказуемая самодисциплина» и «наблюдаемая непринужденность»: структурные различия шаблонов

Для группы телесной регуляции характерна выраженная ориентированность на доказательность.

Из 120 публикаций этой группы 45 содержали явные элементы доказательства (37,5%), среди которых преобладали данные о результате (29 случаев); тренировочные признаки и пищевые практики встречались реже. В группе регуляции состояния лишь 10 публикаций имели явные признаки доказательности, преимущественно в форме советов и методов (табл. 2а). Различия фиксируются и по сценическим признакам: для группы телесной регуляции более характерны сигналы фитнеса и еды за столом (11 публикаций), для группы регуляции состояния – домашние и улично-путешественные сцены (18 публикаций) (табл. 2б).

Таблица 2а. Распределение тематических групп и элементов доказательности (n; % по строке)

Тематическая группа	Без явных доказательств	Данные о результате	Тренировка	Питание	Совет / метод	Множественные доказательства
Телесная регуляция	75 (62.5%)	29 (24.2%)	9 (7.5%)	3 (2.5%)	1 (0.8%)	3 (2.5%)
Регуляция состояния	110 (91.7%)	0 (0.0%)	1 (0.8%)	0 (0.0%)	9 (7.5%)	0 (0.0%)

Примечание: проценты рассчитаны внутри каждой тематической группы.

Таблица 2б. Распределение тематических групп и типов сцены (n; % по строке)

Тематическая группа	Абстрактно / без сцены	Фитнес	Стол / еда	Дом / быт	Улица / поездка	Рабочее пространство
Телесная регуляция	107 (89.2%)	6 (5.0%)	5 (4.2%)	2 (1.7%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)
Регуляция состояния	101 (84.2%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)	12 (10.0%)	6 (5.0%)	1 (0.8%)

Примечание: проценты рассчитаны внутри каждой тематической группы.

Таким образом, двум группам шаблонов соответствуют разные формы организации «передней сцены». Группа телесной регуляции конструирует идентичность доказуемой самодисциплины через видимый результат и непрерывную оптимизацию, тогда как группа регуляции состояния – идентичность наблюдаемой непринужденности через демонстрацию спокойствия и чувства границы. В первом случае акцент сделан на способности, во втором – на состоянии. Различие между ними проявляется не только на уровне тем, но и на уровне перформативных режимов: в одном случае субъект демонстрирует способность к контролю и измеримому усилию, в другом – способность выглядеть спокойным и внутренне собранным, что согласуется с исследованиями визуальной само-

презентации и телесного образа в социальных сетях [13, 14, 15].

При этом между данными группами не существует простой оппозиции. Смешанный тип, представленный тремя публикациями, все из которых находятся в слое высокой вовлеченности, указывает на то, что на Xiaohongshu преимущество получает не чисто аскетическая модель самоконтроля и не полная свобода расслабления, а скорее «усилие, которое не выглядит тяжелым», и «стабильность, которая кажется естественной». Именно такие смешанные формы ближе всего к предпочтительному для платформы промежуточному режиму.

От видимости к признанию: как интерактивная обратная связь закрепляет шаблоны

Распределение по уровням вовлеченности демонстрирует связь между типом шаблона и признанием (табл. 3). Инструктивно-коррекционный тип наиболее отчетливо тяготеет к высокому уровню вовлеченности: из 18 публикаций 12 (66,7%) относятся к верхнему слою. У демонстративно-мотивационного типа в высокий слой попадает лишь 20,3%, тогда как 39,0% приходится на низкий; атмосферно-эстетический тип распределен рассеянно, с долей низкой вовлеченности 45,8%. Смешанный тип, представленный тремя публикациями, во всех случаях находится в слое высокой вовлеченности.

Таблица 3. Распределение типов визуальных шаблонов и уровней вовлеченности (n; % по строке)

Тип визуального шаблона	Высокий	Средний	Низкий
Демонстративно-мотивационный	12 (20.3%)	24 (40.7%)	23 (39.0%)
Результативно-отчетный	13 (32.5%)	12 (30.0%)	15 (37.5%)
Инструктивно-коррекционный	12 (66.7%)	4 (22.2%)	2 (11.1%)
Рекомендательно-терапевтический	31 (32.3%)	36 (37.5%)	29 (30.2%)
Атмосферно-эстетический	9 (37.5%)	4 (16.7%)	11 (45.8%)
Смешанный	3 (100.0%)	0 (0.0%)	0 (0.0%)

Примечание: проценты рассчитаны внутри каждого типа шаблона.

Различия в типах интеракции между группами телесной регуляции и регуляции состояния соответствуют их шаблонным структурам. Медиана сохранений у «#чек-ин_похудения» достигает 142,5, заметно превосходя остальные ключевые слова; у «#контроль_фигуры» медианы лайков и коммен-

тариев составляют 112,5 и 43,5 соответственно; у «#эмоциональной_стабильности» медиана комментариев выше, чем у «#расслабленности», однако по сохранениям она ниже. Контент телесной регуляции легче превращает просмотр в сохранение, тогда как контент регуляции состояния – в проекцию на себя. Сохранение выступает здесь не только практическим действием, но и знаком приписываемой данному способу выражения будущей полезности.

Анализ комментариев подтверждает эту направленность. Из 1463 закодированных комментариев 1142 (78,1%) относятся к категории «признание»; «повторение / запрос метода» составляют 175, «антидисциплинарная реакция» – 64, «самопроекция» – 35, «дисциплинирующее высказывание» – 23. Комментарии образуют пространство признания, однако в двух группах контента оно принимает разные формы: в телесной регуляции преобладают вопросы о методах и рационах, в регуляции состояния – реплики проекции и солидарности («у меня так же», «очень понимаю»).

Интерактивная обратная связь, таким образом, выступает не только индикатором распространения, но и механизмом тренировки. Как показывают предшествующие исследования, неопределенность правил трафика и алгоритмическое наблюдение побуждают пользователя к корректировке собственного выражения в процессе поиска признания [5]. Платформа не просто усиливает существующие идентичности, но обучает пользователей тому, какие изображения, заголовки и атмосфера соответствуют образу «идеального я». Интерактивное признание санкционирует удачные способы исполнения идентичности: чем чаще определенный образ получает отклик, тем естественнее он воспринимается как «правильная» форма присутствия на платформе. В этом контуре шаблон постепенно закрепляется, а социальная идентичность начинает восприниматься как само собой разумеющаяся. В более широкой перспективе данный процесс может быть описан как выработка идентификационных стратегий в алгоритмически отфильтрованной среде [17, 18].

Заключение

На материале контента Xiaohongshu о «контроле фигуры» и «расслабленности» в статье показано, каким образом социальная идентичность на визуальной платформе конструируется посредством шаблонных форм выражения, алгоритмической видимости и интерактивной обратной связи. Два рассматриваемых типа контента оформились в две устойчивые модели визуальной идентичности: первая акцентирует доказательность, самодисциплину и проверяемую телесную регуляцию, вторая – атмосферность, состояние и наблюдаемую непринужденность. В данном контексте речь идет не просто

о двух типах контента, но о двух режимах перформативного самопредъявления.

В отличие от предыдущей статьи, сосредоточенной на событийном распространении, настоящая работа переводит структурные платформенные условия в конкретную среду Xiaohongshu. В предшествующем исследовании показано, что рекомендательные механизмы, распределение трафика и контент-модерация изменяют видимость идентичностного контента и траектории его распространения [1]. Настоящая статья уточняет данный вывод: на визуальной платформе действие структуры проявляется в формировании и отборе шаблонов. Некоторые сочетания образа и текста легче попадают в рекомендательную ленту и преобразуются посредством лайков, сохранений и комментариев в своего рода «стандартный ответ». Конструирование социальной идентичности происходит не только в публичных событиях и конфликтах мнений, но и в повторении, сортировке и подражании повседневным образам.

Преимущество на платформе получает не чистая самодисциплина и не чистое расслабление, а их соединение. Смешанные образцы, многочисленные, но все без исключения попавшие в слой высокой вовлеченности, указывают на тенденцию: Xiaohongshu тяготеет не к крайнему усилию, а к «усилию, которое выглядит неутомительным», не к полному отсутствию метода, а к «стабильности, которая выглядит естественно». Идеальное «я», конструируемое платформой, одновременно наделяет пользователя ресурсами и дисциплинирует его, предоставляя опоры для идентичности и обучая тому, как предъявлять себя для обретения большей видимости и приемлемости.

Новизна статьи раскрывается в трех аспектах. Во-первых, обсуждение идентичностного распространения переносится из событийной ситуации в повседневную платформенную практику, а темы «контроля фигуры» и «расслабленности» интерпретируются как визуализированные и шаблонизированные формы идентичности. Во-вторых, теория социальной идентичности, теория самопрезентации и логика различения соединяются с алгоритмической видимостью и интерактивным признанием в единую аналитическую цепь, формируя рамку «визуальный шаблон – платформенная видимость – интерактивное признание». В-третьих, единицей анализа выступает шаблон, что позволяет выделить не только две основные траектории – «доказуемую самодисциплину» и «наблюдаемую непринужденность», – но и распознать смешанную форму «усилия, которое не выглядит тяжелым», обладающую платформенным преимуществом. В сопоставлении с российскими работами это дает возможность точнее связать повседневные платформенные практики с проблемами

самокатегоризации, визуального самопредъявления и алгоритмического отбора [13, 16, 17, 18].

Необходимо учитывать ряд ограничений, присутствующих в проведенном исследовании. Кодировка опирается преимущественно на явную семантику заголовков, показатели вовлеченности и сценические маркеры, что позволяет сопоставлять структурные различия между шаблонами, но не исчерпывает визуальной детали изображений. Выборка отражает «высоковидимые формы выражения» на Xiaohongshu, а не общее распределение всего массива публикаций; контент, удаленный, ограниченный в показе или не попавший в рекомендательный поток, представлен недостаточно. Структура аудитории платформы ограничивает возможности внешнего обобщения: основными авторами и значимой частью аудитории выступают молодые женщины [2, 4]. Выводы наиболее адекватно объясняют шаблоны идентичности именно в этой группе высокой видимости. Комментарии играли вспомогательную роль; дальнейшие исследования могут быть углублены за счет расширения охвата комментариев, детального описания визуальных переменных и межплатформенных сравнений, что согласуется с российскими исследованиями сетевой идентичности молодежи и визуального самопредъявления [12, 14, 15].

Вместе с тем из проведенного анализа следует, что в китайских визуальных социальных медиа социальная идентичность не существует как фиксированная сущность до медиума, а непрерывно формируется в точке пересечения образного шаблона, платформенной видимости и интерактивного признания, превращаясь в повседневную реальность, подлежащую распознаванию, воспроизведению и одновременно выступающую инструментом дисциплинирования. В этой среде идентичность каждый раз заново подтверждается актом публикации, распознаванием со стороны аудитории и повторяемостью способа самопредъявления [11, 16, 17, 18].

Литература

1. Батурина Н. В., Зацепина О. А. Влияние социальной сети Instagram на восприятие образа тела у молодых женщин // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7. С. 57–61. DOI: 10.24158/spp.2021.7.9.
2. Ганюшкина Е. С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 2. С. 84–89. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-2-84-89.
3. Гримов О. А. Самопрезентация личности в социальных сетях // Социология. 2013. № 2. С. 59–66.



4. Карпова М. К., Мони́на М.А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 158–167.
5. Лисенкова А.А. Идентификационные стратегии и практики в пространстве социальных сетей // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1. С. 35–41. DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.4.
6. Лисенкова А.А. Самокатегоризация как форма идентичности в социальных медиа // Ценности и смыслы. 2017. № 3 (49). С. 28–34.
7. Орех Е. А., Сергеева О.В. Цифровое лицо и цифровое тело: новые явления в визуальном контенте социальных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 2. С. 137–145.
8. Старцев А. А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Идентичность и идентификация личности в социальных сетях // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 4. С. 76–87. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87.
9. Сюй Юаньюань. Исследование алгоритмического конструирования идентичности молодых пользователей Xiaohongshu с точки зрения индивидуализации: дис. ... канд. филол. наук. – Шанхай: Шанхайский университет иностранных языков, 2025.
10. Тихонов О.В. Виртуальная идентичность: аспект визуальной самопрезентации индивида в пространстве социальных сетей // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 133–135.
11. Фленина Т.А. Сетевая идентичность в самосознании российской молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 178. С. 76–79.
12. Хуан Цянь. Исследование медиатизированной репрезентации «идеального тела» женщин на Xiaohongshu: дис. ... канд. филол. наук. – Чунцин: Юго-Западный университет, 2023.
13. Цзян Сюэ. Исследование спектакуляризированной самопрезентации молодых пользователей Xiaohongshu: дис. ... канд. филол. наук. – Баодин: Хэбэйский университет, 2024.
14. Чжу Юаньцзюэ. Ожидание и отклонение: анализ тревоги идентичности пользователей Xiaohongshu в логике grounded theory // Научно-техническая коммуникация. 2025. № 9. С. 121–127.
15. Чжэн Биньбинь. Получение и конфликт: инструментальное взаимодействие и реляционные практики пользователей Xiaohongshu // Исследования новых медиа. 2024. № 20. DOI: 10.16604/j.cnki.issn2096-0360.2024.20.008.
16. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.
17. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday, 1959. 304 p.
18. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // In: Austin W.G., Worchel S. (eds.). The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. Pp. 33–47.

ALGORITHMIC VISIBILITY AND VISUALLY-TEMPLATED IDENTITY: CONSTRUCTION OF SOCIAL IDENTITY IN XIAOHONGSHU CONTENT ABOUT «FIGURE CONTROL» AND «RELAXATION»

Tian Sheng

St. Petersburg State University

This article examines how the visual social platform Xiaohongshu constructs social identity in everyday posts based on content related to «figure control» and «relaxation.» The theoretical framework combines social identity theory, self-presentation theory, and the theory of distinction. In addition, studies on algorithmic identity, self-presentation, interactive recognition, and identity anxiety are used to develop an analytical scheme: «visual template – platform visibility – interactive recognition.» The empirical material consists of 240 posts collected using four keywords and subjected to a secondary coding of the explicit semantics of the titles. The results show that the group focused on body regulation and the group focused on state regulation have differing template structures: the first is dominated by demonstrative-motivational, result-reporting, and instructive-corrective types that emphasize verifiable self-discipline; the second is characterized by recommendation-therapeutic and atmospheric-aesthetic types that highlight observable effortless-ness. Further comparison reveals that the platform rewards these templates unevenly: mixed forms of expression that combine systematic approaches with ease more frequently reach high engagement levels. Thus, the article demonstrates that on Xiaohongshu, social identity is revealed not so much through direct statements, but rather through the consistent organization of images, recommendation mechanisms, interactive feedback, and recurring practices of public self-presentation.

Keywords: Xiaohongshu, social identity, visual template, algorithmic visibility, self-presentation, figure control, relaxation.

References

1. Baturina N.V., Zatssepina O.A. The influence of Instagram social network on the perception of body image among young women // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2021. № 7. Pp. 57–61. DOI: 10.24158/spp.2021.7.9
2. Ganyushkina E.S. The impact of social network filtering algorithms on the formation of public opinion // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2024. № 2. Pp. 84–89. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-2-84-89
3. Grimov O.A. Self-presentation of a person in social networks // Sociology. 2013. № 2. Pp. 59–66.
4. Karpova M.K., Monina M.A. Social networks as a special channel of individual self-presentation // Science. Society. State. 2018. Vol. 6, № 1 (21). pp. 158–167.
5. Lisenkova A.A. Identification strategies and practices in the space of social networks // Russian Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9, № 1. Pp. 35–41. DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.4
6. Lisenkova A.A. Self-categorization as a form of identity in social media // Values and Meanings. 2017. № 3 (49). Pp. 28–34.
7. Orekh E.A., Sergeeva O.V. Digital face and digital body: new phenomena in the visual content of social networks // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2015. № 2. Pp. 137–145.
8. Startsev A.A., Grishanin N.V., Kirillina N.V. Identity and identification of the individual in social networks // Communicology. 2018. Vol. 6, № 4. Pp. 76–87. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87
9. Xu Yuanyuan. Study of algorithmic construction of identity in young Xiaohongshu users from the perspective of individualiza-

- tion. Diss. ... Cand. Philol. Sci. Shanghai: Shanghai International Studies University, 2025.
10. Tikhonov O.V. Virtual identity: the aspect of visual self-presentation of an individual in the space of social networks // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. № 3. Pp. 133–135.
 11. Flenina T.A. Network identity in the self-consciousness of Russian youth // Herald of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2015. № 178. Pp. 76–79.
 12. Huang Qian. Study of the mediatized representation of the «ideal body» of women on Xiaohongshu. Diss. ... Cand. Philol. Sci. Chongqing: Southwest University, 2023.
 13. Jiang Xue. Study of spectacularized self-presentation of young Xiaohongshu users. Diss. ... Cand. Philol. Sci. Baoding: Hebei University, 2024.
 14. Zhu Yuanjue. Expectation and deviation: analysis of user identity anxiety on Xiaohongshu in the logic of grounded theory // Scientific and Technical Communication. 2025. № 9. Pp. 121–127.
 15. Zheng Binbin. Acquisition and conflict: instrumental interaction and relational practices of Xiaohongshu users // New Media Studies. 2024. № 20. DOI: 10.16604/j.cnki.issn2096-0360.2024.20.008
 16. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.
 17. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday, 1959. 304 p.
 18. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // In: Austin W.G., Worchel S. (eds.). The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. Pp. 33–47.

Пространство социальной свободы в философии Мэриам Талос

Честнейшин Николай Васильевич,

канд. филос. наук, доцент кафедры истории, экономики и права, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: n.chestnejshin@narfu.ru

Честнейшина Диана Анатольевна,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: d.chestnejshina@narfu.ru

В статье представлен критический анализ социальной теории свободы современного американского философа Мэриам Талос, труды которой почти неизвестны отечественным исследователям и читателям, но довольно активно обсуждаются в зарубежных философских публикациях. Цель работы – раскрыть ключевые положения концепции Талос, изложенной в монографии «Социальная теория свободы» (2016), через реконструкцию ее полемики с предшественниками и анализ позитивных форм и условий реализации свободы. Методологической основой статьи являются сравнительно-философский анализ и приемы логико-контекстуальной реконструкции. В статье показано, что Талос выстраивает свою концепцию в русле экзистенциально-феноменологической традиции, подвергая критическому пересмотру идеи И. Канта, Дж.С. Милля Ж.П. Сартра, и других мыслителей. Демонстрируется, что согласно подходу Талос, свобода представляет собой не врожденную метафизическую данность или отсутствие внешних ограничений, а специфическое отношение, реализуемое в социальном пространстве. В статье систематизированы основные условия свободы (способность к самоопределению, воображение, наличие социальных ограничений, нейтральная объективация) и формы ее реализации в социальном пространстве (конструирование «Я», микросоциальная свобода и солидарность). Делается вывод о том, что теория М. Талос позволяет преодолеть дихотомию «индивид – общество», представляя свободу как социальное достижение, основанное на активном взаимодействии людей и социальных структур.

Ключевые слова: свобода, солидарность, самоопределение, объективация, социальная идентичность, феноменология, экзистенциализм.

Введение

Мэриам Талос (Mariam Thalos) – современный американский философ, наиболее известная своими работами в области эпистемологии, философии науки и социальной философии. В книге «Социальная теория свободы» («A Social Theory of Freedom», 2016) она обращается к классической проблеме свободы человека, и предлагает новую оригинальную концепцию, направленную на выявление условий возможности реализации свободы в социальном пространстве. В зарубежных публикациях в основном активно обсуждаются идеи М. Талос, связанные с критикой редукционизма и проблемой единства науки, тогда как ее теория свободы удостоилась только нескольких обзоров и обсуждений в публицистике [См., напр.: 3,4,5,7,9]. В нашей стране работы М. Талос по всей видимости почти не известны, они не переводились и не публиковались, а какие-либо исследования, посвященные ее концепциям, фактически отсутствуют в отечественных изданиях, поэтому представляется интересным обратиться к трудам данного автора, в которых предлагается новый взгляд на природу человеческой свободы.

Цель данной статьи – раскрыть ключевые особенности социальной теории свободы в философии Мэриам Талос. Задачи: проанализировать критическую рецепцию концепций свободы, представленных в работах М. Талос; определить основные условия и формы реализации свободы в ее социальной философии.

Подход, реализуемый М. Талос, вписывается в рамки традиции философии экзистенциализма, которая по ее определению, является частью феноменологии [см. 10, с. 5]. Именно феноменология, по ее мнению, позволяет дать полное описание опыта человеческой свободы, в отличие от аналитического подхода, который безразличен к онтологии и не может описать опыт от первого лица, тогда как «свобода – это то, что проявляется в опыте, и ее трудно найти, когда на жизнь смотришь с точки зрения третьего лица» [10, с. 6].

Критическая рецепция классических теорий свободы

В ходе изложения своей концепции М. Талос вступает в полемику с целым рядом теорий свободы. Одним из главных объектов критики американского философа является «негативная концепция свободы», в соответствии с которой свобода понимается как отсутствие ограничений. Такой подход демон-



стрируется идеями Дж.Ст. Милля и Ж.Ж. Руссо, которые противопоставили свободу и общество, но это противопоставление объявляется ложным, поскольку «тщательный анализ опыта свободы с помощью феноменологической методологии показывает, что социальные структуры различного рода сами по себе являются проявлением и осуществлением человеческой свободы, и что многие социальные конструкции работают на ее дальнейшее укрепление и расширение» [10, с. 245]. Современный вариант негативной концепции она обнаруживает в идеях ирландского политического философа Филипа Петтита (Philip Noel Pettit), который сводит свободу к отсутствию властной структуры, способной вмешиваться в жизнь человека. Талос на это возражает тем, что «свобода проявляется не в отсутствии поля власти; напротив, свобода проявляется только на фоне поля сил, противодействующим усилиям человека» [10, с. 245].

Важной чертой позиции М. Талос является дистанцирование от полемики в современной аналитической философии между компатибилистами и инкоматибилистами, поскольку она считает, что свобода не является чисто метафизическим понятием и тема свободы вообще не зависит от вопросов связанных с детерминизмом, свободой воли и свободой выбора. Эта независимость обосновывается тем, что свобода и свобода воли не тождественные понятия, поскольку «быть свободным не означает иметь возможность подчинять мир своей воле. Это не вопрос того, чтобы быть субъектом действия. Собаки являются субъектами действия, когда подчиняют мир своей воле по приказу хозяина-человека. Рабы делают это еще лучше. Но они не свободны» [10, с. 149].

Нормативная концепция свободы, которая связывается с И. Кантом и неокантианцами тоже оказывается объектом критики М. Талос. С одной стороны, она признает близость нормативизма со своей концепцией, так как и в том, и другом случае свобода понимается через способность к самоопределению. Но, с другой стороны, для нее оказывает неприемлемым априоризм Канта, поскольку она считает, что в таком случае свобода оказывается чем-то врожденным и потому рациональное «Я» по определению оказывается обречено быть свободным, тогда как с позиции Талос «свобода является достижением» [10, с. 89].

В сфере социальных наук М. Талос ведет спор с теорией рационального выбора и максимизации полезности, которая сводит человеческое действие к механическому расчету, лишая субъекта способности к творческому формированию ценностей, созиданию смысла. Опираясь на идеи Джона Сёрла, который отмечал, что «если мои поступки действительно полностью вызваны моими убеждениями и желаниями и я не могу с ними справиться, то у меня нет выбора, а рациональность никоим образом не может повлиять на мое поведение»

[2, с. 168], М. Талос полагает, что подлинный выбор означает действие на основании предварительного самоопределения. Поэтому модели Homo economicus, т.е. человека экономического, целеустремленного и максимизирующего прибыль, она противопоставляет Homo filiatius, т.е. человека, связанного социальными узами, для которого принадлежность к группам и социальная идентичность выступает важнейшими «фильтрами» рациональности. В этом американский философ находит союзников и среди экономистов, в частности ссылается на индийского экономиста Амартия Сена (Amartya Kumar Sen), который раскрывает взаимосвязь свободы и рациональности через способность к «метаранжированию», то есть указывает, что у человека есть «возможность выбирать – или «развивать» – предпочтения, которые он предпочел бы иметь» [8, с. 12], выстраивать порядок предпочтений (выбирать предпочтения относительно предпочтений) на основе «соответствующей идентичности в любой конкретной ситуации выбора» [10, с. 175].

Самым главным объектом критики, как ни странно, оказывается концепция свободы Жана Поля Сартра, знаменитого философа экзистенциалиста. Как отмечалось выше, Талос сама определяет свою философскую позицию как экзистенциально-феноменологическую и прямо указывает, что опирается на идеи Ж.П. Сартра, Симоны де Бовуар и Мориса Мерло-Понти. Тем не менее, несмотря на общий фундамент Талос, указывает на целый ряд ошибок, присущих, на ее взгляд, пониманию свободы Сартром. Во-первых, она полагает, что формулируемая Сартром в «Бытии и ничто» аксиома «свобода создается только при наличии бытия Для-себя» [1, с. 463] является метафизической, «глубоко укоренной в различии между *вещью самой по себе* и *вещью для себя*» [10, с. 29], тогда как свобода, согласно ее трактовке, не может быть осмыслена в терминах метафизики, для нее различие между субъектом и объектом является логическим, а не метафизическим. Свобода, согласно Талос, вообще не является метафизическим предметом, она является «логическим термином», значение которого определяется через соотношение различных фактов друг к другу, «точнее, они должны рассматриваться в соотношении друг с другом очень конкретным субъектом» [10, с. 4].

Во-вторых, Талос отвергает положение Сартра о том, что «человек не может быть то свободным, то рабом – он полностью и всегда свободен или его нет [1, с. 452]», так как для нее социальная несвобода – это реальный факт, подтверждаемый опытом: «мы, люди не всегда свободны; иногда мы являемся рабами [10, с. 11]». В-третьих, если Сартр видел свободу в праве оставаться ничем, избегать объективации, то Талос разграничивает разрушительную и нейтральную объективацию,

последняя создает «возможности для осуществления реальной свободы», а именно любовь, дружба и социальная солидарность предоставляют человеку «безопасные гавани», где он может примерять различные идентичности под объективирующим, но любящим взглядом Другого. Кроме того, у Сартра свобода укоренена в Ничто, что приводит к пониманию человеческого «Я» как постоянного беглеца, тогда как у Талос свобода заключается «в использовании условий и возможностей для буквального создания чего-то из себя» [10, с. 67]. Наконец, Сартр, по словам Талос, совершает подмену понятий, сосредотачиваясь на свободе искусственно определенного «Я», в то время как реальная свобода касается «существа присутствующего перед Другими, существа-в-мире, которого можно встретить на улице и на рынке» [10, с. 41].

Условия и формы реализации свободы

Уже в критических замечаниях Талос задаются исходные формулировки ее собственной теории свободы, которая не случайно названа социальной теорией свободы, поскольку именно социальное пространство оказывается главной сферой реализации свободы человека. Главными условиями возможности реализации свободы в концепции Талос являются строгие субъективные и объективные параметры, основанные на понимании свободы как логической, а не метафизической связи между внутренними стремлениями человека и набором, относящихся к нему социальных ожиданий.

Первым условием свободы выступает способность воображения и эпистемическая открытость, так как человек не может надеяться сделать то, что не может себе представить, «субъект должен видеть выбранный курс жизни как реальный» [10, с. 105], ему необязательно жить в недетерминированном мире, главное чтобы он смог концептуализировать открытые варианты как реальные для себя и действовать исходя из этой веры.

Вторым условием является наличие поля власти и социальных ограничений, так как по утверждению Талос «ограничения позволяют считать движения человека действиями, а не бессмысленными взмахами» [10, с. 97]. В этой связи она проводит аналогию с языком, где любой язык содержит определенные правила, человек, не знающий языка, не стеснен этим и, казалось бы, имеет полную свободу выражения, но фактически он не имеет возможности выразить свои мысли, а знание языка и его грамматических правил, наличие строгих ограничений дает человеку огромные возможности, и, следовательно, обеспечивает его свободу.

Третье условие – это способность к самоопределению, в том числе способность выносить суждения о собственных качествах, которые могут противоречить навязанным суждениям со стороны более влиятельных в социальном отношении

Других. В этом аспекте свобода определяется как «расстояние между желаемым суждением и тем, которому оно противоречит» [10, с. 91].

Четвертым важнейшим условием свободы является наличие «нейтральной объективации», так как, согласно Талос, свобода невозможна в изоляции, для формирования «Я» необходим взгляд Другого, само «развитие личности происходит в контексте объективации со стороны Других» [10, с. 197]. Нейтральность означает, что взгляд Другого не должен упразднить и дегуманизировать субъективность, а наоборот он должен позволять человеку видеть свое отражение и формировать собственную идентичность.

К основным формам свободы и сферам ее реализации в теории Талос относятся, во-первых, *социальное конструирование «Я»*, оно выступает как фундаментальная форма свободы и осуществляется через принятие, отклонение или радикальное переопределение социальных ярлыков. Эта формы свободы требует сложных и болезненных социальных переговоров, в результате которых «человек конструирует себя, а также договаривается о своем социальном пространстве» [10, с. 77].

Второй формой свободы и соответствующим ей пространством являются *любовь и дружба*, как «безопасные гавани» или «микросоциальная свобода». Здесь любимый человек предоставляет субъекту защищенное пространство для экспериментов по примерке новых качеств или идентичностей без риска немедленного публичного осуждения: «любовь – это место, где мы позволяем другим видеть нас такими, какими мы хотим быть» [10, с. 209].

Наконец, третьей формой свободы является *солидарность* или «макросоциальная», политическая свобода. Солидарность определяется как «готовность к действию, основанная на концепции «Мы»» [10, с. 216]. В этой форме свободы индивиды добровольно связывают свои судьбы, начинают действовать как единая команда и таким образом формируют множественного субъекта, это понятие заимствуется у Маргарет Гилберт, которая определяет его как «совокупность или сумма воли, посвященных, как единое целое, определенному «делу», будь то продвижение цели или принятие предложения или принципа» [6, с. 409]. Вместе с тем Талос указывает, что здесь речь должна идти не о едином сознании множественного субъекта, а об общем сознании и то, только в метафорическом смысле, такое сознание задает неявные границы для индивидуального разума. Исходя из определения свободы как дистанции между личными стремлениями и социальными ожиданиями, она утверждает, что полное погружение в общее сознание лишает свободы так как «нельзя свободно выбрать жизнь, которая соответствует всем социальным ожиданиям» [10, с. 92]. С дру-



гой стороны, Талос указывает, что для угнетенных групп вернуть права быть субъектом, а не объектом в социальном мире возможно только посредством объединения и формирования общего сознания. Признавая наличие противоречия между индивидуальной автономией и солидарностью, она все же находит возможность для их согласования. При условии, что агент, руководствуясь внутренними мотивами, принимает обязательства выполнять решения коллектива, с которым себя идентифицирует его личная свобода не уничтожается. Таким образом, свободный выбор коллектива и принадлежности становится высшим проявлением свободы в социальном пространстве.

Заключение

Подводя итоги следует отметить, что главными отличительными чертами теории свободы М. Талос является стремление раскрыть сущность свободы не через конструирование идеальных условий и абстрактных субъектов действия, а через обнаружение основных форм и условий свободы в реальных практиках и непосредственном опыте свободного действия и его переживания человеком. Это, в свою очередь, позволяет по-новому посмотреть на природу человеческой автономии, которая осуществляется не вопреки обществу, а с помощью грамотно выстраиваемых социальных связей и структур. В данной теории объективно существующие противоречия в контексте реализации свободы не игнорируются и не затушевываются, а становятся фундаментом для раскрытия возможности ее реализации. Наиболее значимой для самой Талос, но вместе с тем и менее защищенной от критики, представляется ее идея о том, что свобода должна быть осмыслена не в рамках метафизики (онтологии), а логики, но при этом главное определение свободы как «дистанции между личными стремлениями и социальными ожиданиями» содержит явную «пространственную» метафору, и поэтому получается, что выражено «метафизическим языком». Тем не менее, именно данная идея позволяет сформировать оригинальный подход к пониманию свободы и при этом сохранить связь как с классическими, так и современными теориями свободы.

Литература

1. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
2. Сёрль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
3. Cat J. The Unity of Science // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-unity/> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Daniel S. Brooks In Defense of Levels: Layer-cakes and Guilt by Association // Biological Theory. 2017. July. 12 (4) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/318594236_In_Defense_of_Levels_Layer_Cakes_and_Guilt_by_Association (дата обращения: 01.03.2026).
5. Epstein B. Social Ontology // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/social-ontology/> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Gilbert M. On social facts. New York: Routledge, 1989. 521 pp.
7. Lin H. Bayesian Epistemology // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-bayesian/> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Sen A.K. Rationality and Freedom. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 736 pp.
9. Tahko T.E. Fundamentality // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/fundamentality/> (дата обращения: 01.03.2026).
10. Thalos M. A Social Theory of Freedom. New York: Routledge, 2016. 278 pp.

THE SPACE OF SOCIAL FREEDOM IN THE PHILOSOPHY OF MARIAM TALOS

Chestneishin N.V., Chestneishina D.A.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

This article presents a critical analysis of the social theory of freedom developed by contemporary American philosopher Mariam Talos, whose works are virtually unknown to Russian researchers and readers but are actively discussed in foreign philosophical publications. The aim of the work is to reveal the key provisions of Talos' concept, set out in the monograph *Social Theory of Freedom* (2016), through a reconstruction of her polemics with her predecessors and an analysis of the positive forms and conditions for the realization of freedom. The methodological basis of the article is comparative philosophical analysis and methods of logical-contextual reconstruction. The article shows that Talos builds his concept in line with the existential-phenomenological tradition, critically revising the ideas of I. Kant, J.S. Mill, J.P. Sartre, and other thinkers. It demonstrates that, according to Talos' approach, freedom is not an innate metaphysical given or the absence of external constraints, but a specific relationship realized in social space. The article systematizes the basic conditions of freedom (the ability to self-determination, imagination, the presence of social constraints, neutral objectification) and the forms of its realization in social space (construction of Self, microsocial freedom, and solidarity). The conclusion is made that M. Talos' theory allows us to overcome the «individual – society» dichotomy by presenting freedom as a social achievement based on the active interaction of people and social structures.

Keywords: freedom, solidarity, self-determination, objectification, social identity, phenomenology, existentialism.

References

1. Sartre, J.-P. Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. Moscow: Respublika, 2000. 639 pp.
2. Searle, J. Reason in Action. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. 336 pp.



3. Cat J. The Unity of Science // [Electronic resource]. Access mode: <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-unity/> (access date: 03/01/2026).
4. Daniel S. Brooks In Defense of Levels: Layer-cakes and Guilt by Association // Biological Theory. 2017. July. 12 (4) // [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/318594236_In_Defense_of_Levels_Layer_Cakes_and_Guilt_by_Association (access date: 03/01/2026).
5. Epstein B. Social Ontology // [Electronic resource]. Access mode: <https://plato.stanford.edu/entries/social-ontology/> (access date: 03/01/2026).
6. Gilbert M. On social facts. New York: Routledge, 1989. 521 pp.
7. Lin H. Bayesian Epistemology // [Electronic resource]. Access mode: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-bayesian/> (access date: 03/01/2026).
8. Sen A.K. Rationality and Freedom. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 736 pp.
9. Tahko T.E. Fundamentality // [Electronic resource]. Access mode: <https://plato.stanford.edu/entries/fundamentality/> (access date: 03/01/2026).
10. Thalos M. A Social Theory of Freedom. New York: Routledge, 2016. 278 pp.

К поиску этических оснований современного образования: идеи С.Л. Франка, С.И. Гессена, М. Бубера

Широкова Елена Валерьевна,

аспирант ГБУ ДПО Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования имени
К.Д. Ушинского
E-mail: shirolena@mail.ru

В данной статье совершается попытка поставить проблему этических оснований современного образования, которая требует философского вопрошания. Необходимость выявления присутствующих современному образованию ценностей и трудность концептуального выстраивания его этических оснований в межкультурном диалоге направляют наше внимание к идеям философов первой половины XX века. Так, философские идеи М. Бубера, С.И. Гессена и С.Л. Франка могут служить, по мнению автора статьи, исходным пунктом для такого поиска в силу актуальности этих идей в современной ситуации образования. Исходя из анализа этих концепций, обнаруженные этические основания были рассмотрены применительно к проблематике, поднятой международной инициативой «Образование человека в третьем тысячелетии».

В итоге, выработана гипотеза относительно этического основания идеалов и ценностей современного образования, ценность которой видится в ее способности открыть перспективу выхода из тупика в ориентации образования в современных политических, этнических, культурных и религиозных противоречиях.

Ключевые слова: этические основания образования, центростремительная сила личности, центробежные культурные содержания, непосредственное самобытие, трансцендирование вовнутрь, духовная реальность, всеединство.

Задача философского поиска в целях выстраивания этических оснований образования представляется особо значимой перед вызовом «дегуманизирующих тенденций» и ««вымывания» смыслов образования, отмечаемым учеными в современном мире [14].

Мы можем рассмотреть, какие аспекты дегуманизации высвечиваются, на примере их обсуждения в международной инициативе «Образование человека в третьем тысячелетии» (Human education in the third millennium). Выделим их на основе материалов Декларации глобальной инициативы [14] и круглого стола «Образование человека в третьем тысячелетии: проблемы, цели и ценности образования в современном мире», проведенного в 2021 году на базе РГПУ им. А.И. Герцена [8].

Прежде всего, это коммерциализация и менеджизация образования, превращение человека в инструмент/винтик экономики, потребителя товаров и услуг, в объект управления, и, как следствие, приводящая к потере человечности, ««человеческого измерения» в образовании».

Кроме того, развитие науки, технологий и искусственного интеллекта ставит остро вопрос о формировании осознанного, ответственного, этически выверенного отношения к результатам человеческой деятельности. С этой точки зрения, ученые – участники глобальной инициативы отметили недостаток ценностей в позициях современной образовательной политики и необходимость утверждения ценности открытости, дружбы, взаимного признания и уважения в образовании, а сверх того – формирования ответственности за жизнь человечества и всего живого в целом.

В качестве исходной идеи, в Декларации [14] признается: «Не существует образования без явно или неявно представленной концепции человека и общества» (Декларация, п. 13). Это заявление подразумевает требование анализировать явно представленные и выявлять неявно представленные антропологические концепции, лежащие в основаниях образовательных стратегий и теорий. В неразрывной связи с этими концепциями находятся, по нашему мнению, и представления об этических основаниях, ценностях и соответственно – целях образования.

В глобальной Декларации как способ преодоления негативных процессов утверждается, что при проектировании образования необходима постановка вопросов: «Что значит быть челове-

ком?», «Какое человечество мы развиваем?» (Декларация, п. 16).

Выбор международного сообщества в решении данного вопроса осуществлен в пользу человека активного, самостоятельного, свободного и ответственного, с «этической и духовно наполненной внутренней жизнью, связанной с отношением к самому себе, преобразованием себя, само-трансцендированием и фундаментальной открытостью по отношению к другим» (Декларация 19).

Развитие духовно наполненного внутреннего мира человека и его сообщаемости с Другим предельно актуально сегодня, когда благодаря искусственному интеллекту, как мы видим, может порождаться текстовая, звуковая и визуальная информация, наполненная несколькими уровнями смысла. Существование в такой реальности может приводить человека к практически полной ведомости (зомбированности) или провоцировать уход из этой реальности. Утрата прежнего значения семьи, рода, нации, бывших в прошлом традиционными опорами индивидуальной жизни, обостряет необходимость внимания к «человеку внутреннему», к укоренённости человека в духе.

В рамках круглого стола по обсуждению Декларации российскими мыслителями и практиками педагогики были сформулированы следующие тезисы как отвечающие на проблемы современного образования:

- необходимость ориентации на человекомерность образовательной системы, на «Большое время» М. Бахтина, а также идеал образованного человека в проблематизации задач современного образования (А.И. Макаров);
- объединение субъектов образования: преподавателей и обучающихся для реализации реального (уникального, не стандартизированного) образования через содержательно и эмоционально насыщенную визуализацию, персонафикацию и диверсификацию образовательной практики (С.В. Борисов);
- стимулирование роста активности в образовании и социуме (В.В. Сериков);
- в свете человеческой субъектности, отстаивание прав «неопределённого» в человеке, сдвиг акцентов с инструментальных подходов (дискурса компетенций), на сферы интерсубъективного и «внутреннего»: чувства, воли, отношений, творчества, мышления, а главное, мотивации и чувства ответственности (М.Н. Кожевникова);
- поддержка спонтанности, способности к генерации собственных ценностей и смыслов (А.Г. Асмолов);
- создание среды и учёт опыта решения острых проблем школьной жизни в качестве фактора преодоления агрессии и подготовки к жизни взрослых, решению проблем в обществе, в мире (О.Е. Лебедев);

- опора на взаимное ценностное постижение взрослого и ребенка (А.В. Кирьякова) [8].

Подводя итог анализу дискуссии в рамках круглого стола, можем констатировать, в целом, согласованность позиций российских ученых и международного сообщества в росте значимости активности, самостоятельности личности, её ответственности перед собою, обществом и миром, способностей к осуществлению осознанного выбора и действия в ситуациях неопределённости, а также к разрешению конфликтов. В то же время, очевиден выраженный запрос на защищенное проявление в образовании своего «внутреннего» (спонтанного, неопределённого, интимного, духовного), что требует проектирования образования на основе значительного числа степеней свободы, делающих возможным смыслопорождение и формирование духовной укоренённости личности.

Так очерченный современный запрос в глубинных этических основаниях образования обнаруживает для нас необходимость философского осмысления концепции «внутреннего» человека, а также духовных оснований и этических координат его реализации в образовании.

Рассмотрение философских идей первой половины XX века в этом ключе представляется наиболее перспективным по нескольким причинам. Это было время колоссальных социальных потрясений и потери иллюзий о «человеке просвещённом», а также достигнутого уже высокого уровня философствования (философских систем И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля и др.). Кроме того, это было время поиска ответов на вызов: «Бог мертв», предъявленный Ф. Ницше, и на критическую проповедь христианства Л. Толстого. В связи с этим, философия этого времени начала отталкиваться от богословия с первых позиций в общественном сознании и сделалась основанием для формирования идеологического сознания XX века. Наконец, дегуманистические тенденции первой половины XX века во многом определили напряжённость философского осмысления места и значения человека в мире, его духовного призвания, ведущих его ценностей. Глядя под углом зрения перечисленных проблем на сто лет назад, можно понять, насколько важными для нас сегодня могут оказаться идеи, порожденные философами перед лицом тех вызовов.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть основные значимые философские концепции означенного периода. Мы рассмотрим в предложенном ракурсе философские идеи Мартина Бубера, Сергея Гессена и Семена Франка. Выбор философов обусловлен их опытом философствования в условиях слома эпох и сохранения собственной человечности и интереса к человеку в условиях дегуманизации, воцарившейся в окружающей действительности. Мысль и судьба философа становятся целостным образом собственно



«человеческого» измерения и его этических координат.

Несмотря на то, что философские идеи Мартина Бубера и Сергея Иосифовича Гессена достаточно часто становятся основанием для совершенствования педагогического процесса [1, 5, 7], концептуальные истоки этих идей остаются вне поля зрения современного образования, не говоря уже о наследии Семёна Людвиговича Франка. В рамках нашего исследования мы полагаем, что выходом из гуманистического кризиса образования является признание трансцендентного характера сущности человека и рассмотрение внутреннего человека в его существенных отношениях с другими, миром и Абсолютом.

Стоит отметить также, что указанные философы в своем личностном становлении происходили из еврейских семей, живущих в России и Австро-Венгрии, различные духовные и культурные устои в противоречивом существовании формировали их детство и юность, что не могло не сказаться на обостренном восприятии проблематики духовного единства человечества.

Мартин (Мордехай) Бубер (1878–1965) родился в Вене в еврейской семье из Западной Украины, свою самую известную работу «Я и Ты» написал в 1923 году. Бубер увлекся философией после чтения Сёрена Кьеркегора и Фридриха Ницше. На волне нацистского преследования покинул Европу и поселился в Палестине. Был сторонником единого арабо-еврейского государства на основе фундаментальной открытости друг к другу, представителей разных религиозных верований.

Основная философская идея Мартина Бубера [3] – это идея, что человек по своей сущности является познающим и его познание полноценно, если в основе его лежит сущностное (любящее, принимающее) отношение, выраженное в формуле Я-Ты, в отличие от Я-Оно. Причем под Ты понимается всякое живое существо от растения до Бога. В момент встречи Я-Ты и возникает живое чувство и знание. Вынос за скобки Бога в современных интерпретациях философии диалога приводит к сведению я-ты к психологии эмпатии и потере трансцендентного измерения сущности человека.

Истоки мировосприятия Семёна Людвиговича Франка (1877–1950) помимо сложного личностного пути из еврейской общины в принятие православия, движения от марксизма к позиции христианского философа, можно увидеть в глубоком постижении философской и теологической традиций, фундаментальном освоении диалектики Гегеля, в признании ученичества у Николая Кузанского, развитии философских идей всеединства Владимира Соловьева, в противоречивом восприятии «Бытие и время» Хайдеггера, в развитии философии культуры с Максом Шелером и Людвигом Бинсвангером, с представителями русского зарубежья. Наиболее системно и последовательно это

мировосприятие раскрыто в труде «Непостижимое» [13].

Онтология «Непостижимое» (1939) представляет собой многостраничный труд, Франк ставил своей целью обосновать всеединство бытия, в смысле укоренённости всех форм бытия в едином бытии или Непостижимом. Введение понятия «Непостижимое» восходит к последованию Николаю Кузанскому и осмыслению кантианской трансценденции [15].

Философ исследует на основе принципа антимистического монодуализма (через двойное отрицание) самооткровение Непостижимого в трех сферах бытия [13, 9]. В каждом случае происходит усмотрение единства между сферами сущего – предметного мира, человеческого существования и Божественного. Иначе говоря, цель работы – синтетическая, восстановить в разделённых частях бытия первичное всеединство, абсолютное бытие. Такая цель, сложившаяся и под влиянием социальных и внутрифилософских факторов (вызовы преодоления критики Канта, русского нигилизма, «кумира культуры») на другом, конечно, уровне осмысления актуальна и сегодня.

Влияние Хайдеггера прослеживается на оформлении понятия «непосредственное самобытие» как потенциального, незамкнутого, незавершенного, изначально не знающее «Я» [13]. Введя понятие непосредственного самобытия, философ опирается на непосредственность переживания духовной реальности как непобедимой, всепобеждающей силы. Самочевидность такого опыта для Франка не может быть поколеблена никакими «фактами», никакими эмпирическими истинами [13, с. 445–486].

Непосредственное самобытие получает определенность через трансцендирование вовне (Я-Ты, Мы) и трансцендирование вовнутрь (выход в духовную реальность и через нее в всеединство и объективность).

Всеединство по Франку подразумевает внутреннюю связь всех существ, как видимых и невидимых, эмпирических и трансцендентных, «признание укорененности человека и мира (в их изначальной глубинной сущности) в Непостижимом [13, с. 354–405].

Представляется, что перевод взгляда с реальности как предметной действительности, приводящей к опредмечиванию и человека, на Непостижимое, но реальное в своем непосредственном усмотрении, в этическом дискурсе позволяет сосуществовать и обогащаться, не разрушая, уникальным идентичностям различных мифологических, этнических, религиозных верований и ценностных представлений, лежащих в основе современного самосознания.

Таким образом, онтология С.Л. Франка, утверждая Непостижимое как реальность, формирует поле связности и всеобщей коммуникации в форме



сообщества как соборного единства «Мы» [12, с. 47].

Как Мартин Бубер Семён Франк говорит о встрече Я – Ты, но в отличии от Бубера, утверждающего принципиальное «между», Франк говорит о внутреннем присвоении «Ты». Как «наша мысль, наша духовность есть плод общения и немыслима вне последнего» [12, с. 53].

Франк расширяет представление о ««Мы» как первичной, исконной формы бытия, непосредственной и неразложимой, источника жизни и крови в форме ««жизненно формирующих сил» родителей и предков [12, с. 52].

В результате выделения «Мы» как первичной социальной структуры [11], прочитываемой как вне-, доисторической, исторической и пост-исторической, есть возможность помыслить энергию связности национального самосознания и патриотизма. Аналог киплиговского «Мы с тобой одной крови, ты и я!» как раз и является почвой для общественного воспитания, но должен быть познан в своей энергичности, а значит разрушительности в случае ценностной ограниченности сообщества, отсутствия абсолютного измерения.

Диалог Я-Ты Бубера и Франка как трансцендирование Я-Ты отражает динамику познания Другого и самопознания в Любви, близкое современному прочтению само-трансценденции как предмета психологии смысла В. Франкла, экзистенциальной психологии, но в психологии уходит из поля рассмотрения духовное надчеловеческое основание, диалог с Богом или Непостижимым в философии Франка.

Трансцендирование вовнутрь как погружение в духовную реальность может быть прочитано как источник центростремительной силы, которую вводит в педагогический словарь Сергей Иосифович Гесен (1887–1950) в своем труде «Основы педагогики. Введение в прикладную философию».

Гесен начал работать над этим произведением еще в процессе лекций для педагогов в Советской России, многие страницы пронизаны верой в воплощение идей на родине, чего, к сожалению, так и произошло. Труд являет собой систематически проработанную концепцию нравственного образования, формирует поле философского осмысления и порождает как вопросы, так и перспективы для развития теории образования в этико-правовом контексте. Каковы же они?

Гесен, опираясь на этику долга И. Канта, трактует проявление категорического императива как следование призванию, направленность личности на сверхлические цели. Только пронизанность действий сверхлическим формирует целостность личности, которая может быть отражена в биографии/предании. Личностная биография может состояться, если можно проследить «путь последовательного достижения все большей свободы в осуществлении выдвигаемых в виде *предстоящего им дол-*

га нравственных задач» [4, с. 74]. Идея личности, ее призвание обозначено «индивидуальным законом», свидетельствующим о сверхлическом начале, через устремление к которому и формируется личность человека. Исполнение призвания – это осуществление свободы, порожденной долгом: «будь свободен» означает «будь самим собою», но подлинный смысл «будь самим собою» есть – «стремись к высшему, чем ты» [4, с. 78].

Оставляя читателю самому определять, что есть ««сверхлическое» и какова природа ««долга» и ««призвания», Гесен выстраивает концепцию нравственного образования на равновесии ««центростремительной силы личности» (осознанности и верности долгу-призванию) и ««центробежных сил внешнего культурного содержания» как путь систематического и последовательного усиления центростремительной силы личности, постепенно роста ее внутренней свободы [4, с. 84].

Свобода всегда ограничена в материальном мире и полноценно реализуема только в духе. В этом случае Свобода как вечная ценность через обращение вовнутрь в непосредственного самобытия способна порождать этически выверенные правила и уставы, – это принцип, который необходимо учитывать и представлять в образовании и осмыслять в образовательных концепциях.

Свободное воспитание Руссо в осмыслении Гессена претерпевает трансформацию: «отменить принуждение – это прежде всего ... воспитать в нем внутреннюю силу свободы» [4, с. 85]. В критике идей Руссо Гесен определяет этические ограничения образования, чрезвычайно актуальные сегодня в информационно насыщенном пространстве детства.

Образование должно дать возможность ребенку испытать и принять свое призвание, свой долг, свою миссию. Т.е. первоначальная аноμία (по Гесену) (подверженность управлению) ребенка, это еще не знающее себя «Я», которое в адекватных условиях приятия самоосознается и формируется в способность самоопределяться и формировать мир вокруг, что называется творчеством, любовью, внутренне понятым долгом.

В тоже время, если «ребенка окружает чрезмерно широкая периферия культурных впечатлений, разлагающая еще только зарождающуюся в нем центростремительную силу личности» и предлагаемый ребенку внешний материал превосходит способность его усвоения, неизбежно формируются надломленные, безличные люди.

С другой стороны, изолирование, ограниченность внешнего культурного давления (по разным основаниям, в том числе, в виде самоограничения в удобных информационных нишах, несформированности критического мышления) приводит к обеднению личности, к «самобытности некультурного в своей самоуверенности самоучки» [4, с. 86].



Таким образом, применяя принцип Гессена к современной ситуации, в которой мы практически не можем ограничить ребенка во внешнем информационном давлении, обостряющемся влиянием ИИ на образовательную практику, мы можем и должны способствовать формированию его центристской силы в творческой реализации сверхличных задач, благодаря которым и происходит, с одной стороны, его самоопределение, осознание призвания, стремление к высшему, а с другой стороны, формируются инструментальные возможности.

Огромная заслуга Гессена в этико-правовом развитии образования. Он формулирует его минимум, как возможность на основе образования отстаивать свое право, свою личность. Вместо отвлеченного равенства необходимо «равенство шансов для каждого», или «равенство исходного пункта» [4, с. 195]. В такой трактовке это позднее утверждается в теории справедливости Джона Ролза [10].

Для того, чтобы в современном образовании цели самоопределения и творческой реализации сверхличных задач были реализуемы, в соответствии с концепцией Гессена необходимы: поддержка автономии учителя и учительских сообществ, правовые гарантии работы учителя внутри самой школы, школы в государстве, материальное благосостояние учителя, реализация «трудового» принципа в преподавании значительного числа предметов (с возможностью применения экономического эффекта от производительного труда для развития материально-технической базы школы) [4, с. 153].

Следуя идеям Фихте и Ушинского о национальном образовании, Гессен определяет национальную свободу как свободу родной речи, проблему национального образования – проблемой языка обучения [4, с. 347]. Именно родной язык, в котором «откристаллизовались достижения, надежды и ожидания культурного творчества народа» есть естественная среда, через посредство которой и самая культура усваивается как «прирожденная» [4, с. 346].

Философ утверждает, что каждая нация, как личность, возрастая к Свободе, творчески проживая наследие предков и обогащая предание и осознание долга существования, включается в человечество, взаимно проникаясь в друг друга. Истинный космополитизм и истинный национализм совпадают, если признается необходимость творческой реализации общего и для нации и для всего человечества задания/долга.

Оставаясь в рамках научного дискурса, философ не определяет содержание сверхличных целей, т.е. блага, но неявно опирается на связность людей и народов во всеединстве, характерной для русской философской мысли этого периода.

За последнее столетие в России представления о благе и долге динамично менялись от спасения собственной души через утверждение свободы во всеобщем равенстве и возвеличивания труда и до свободы как процесса и результата индивидуального успеха и благосостояния. Обретение свободы, таким образом, является ведущей вневременной ценностью, трактуемой в соответствии с общественными идеалами эпохи. В концепции Гессена заложена свобода как следование призванию, сверхличному долгу.

Светский характер современного образования сложился на основе веры человечества в науку, ее способность рационального объяснения действительности, и на человека как «причину самого себя» (А.Г. Асмолов) [8], в котором сверхличное – это только соблюдение правил общежития, золотого правила морали. Гессен исходил из трансцендентного характера долга и свободы, открытости и чуткости человека к тому, что выше его.

Таким образом, концепция нравственного образования С.И. Гессена, соответствуя, в целом, современным представлениям об образовании, высвечивает проблематику сверхличного как источника центристской силы личности и открывает перспективы использования принципа равновесия центристской силы личности и центробежного влияния культуры для этически обоснованного выстраивания современного образования. Реализация этого диалектически оформленного принципа в полной мере соответствует принципу золотой середины Никомаховой этики Аристотеля [2].

Образ учителя на примере Сократа по Гессену выстроен на основе диалога Я-Ты по Буберу и Франку. Такой учитель, не вкладывая ничего своего в души своих учеников (не «зачиная в них»), только помогает им стать самими собой («помогал родам их духа») [4, с. 379–380].

Таким образом, этико-правовая концепция образования С. Гессена может быть в полной мере соотнесена в онтологии С. Франка и философией диалога М. Бубера как взаимодополняющие друг друга философские системы.

Подводя итог проведенному исследованию идей философов, важных для этических оснований современного образования, приходим к следующим положениям, которые требуют более глубокого уточнения и могут служить гипотезой для дальнейшего рассмотрения этических оснований современного образования в свете философских идей первой половины XX века.

1. Исходя из кантианской трактовки долга и понимания его как призвания С.И. Гессен формирует концепцию нравственного образования как движения к Свободе и целостности личности (автономии) через аномию детства и гетерономию отрочества в процессе творческой реализации сверхличных задач.



2. Этическим регулятором в организации образования должно быть равновесие центроостремительной силы растущей личности и центробежных культурных содержаний.
3. Философия диалога М. Бубера и онтология С.Л. Франка восполняют концепцию нравственного образования С.И. Гессена обоснованием источника долга и сверхличностных задач в форме встречи Я-Ты, которая по разному интерпретируется философами: то как трансцендирование вовнутрь (в духовную реальность) и вовне (Я-Ты и Мы), то как живой призыв к Богу.
4. По мнению С.И. Гессена, автономия личности является целью образования. Достижение автономии предполагает равенство первого шанса, способность человека на выходе из школы отстаивать себя и свои права.
5. В тоже время, если свобода воли реализуется вне трансцендентных оснований, то происходит замыкание/зазеркаливание человеческого мира на себя, что в итоге, приводит к его саморазрушению, что неоднократно было продемонстрировано в XX веке.
6. Абсолютной ценностью современного образования может быть признана Свобода в ее самораскрывающемся трансцендентном характере, принципиально незамкнутом на личности, в том числе на нации или человечестве как коллективной личности. Признание этой ценности ведущей является значимым условием становления и укорененности внутреннего человека, укрепления его центроостремительной силы.
7. Доверие Ребенка/Отрока к Учителю базируется на признании самоценности самобытия и темпоритма его самораскрытия обеими сторонами и должно быть защищено от вмешательства не только искусством учителя, но и его автономией, обеспеченной этико-правовым устоем образовательной организации и системы образования в целом.
8. В соответствии с философскими идеями С.Л. Франка и М. Бубера многонациональное и поликультурное содержание современного мира получает возможность рассматриваться в образовании как укорененное в едином источнике (Непостижимом, Боге) и познаваться через красоту и полноту предания (по Гессену).

Таким образом, философские идеи М. Бубера, С.И. Гессена и С.Л. Франка в поиске этических оснований современного образования представляются актуальными. Включенные в современный дискурс о человеке и перспективах его существования эти концепции задают вектор дальнейшего историко-философского исследования этических воззрений первой половины XX века с целью вы-

явления возможных путей преодоления кризисных моментов в образовании.

Литература

1. Абрамова Л.Г. Философско-педагогическая концепция С.И. Гессена / Л.Г. Абрамова; Российский гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2007. – 310 с.
2. Аристотель. Этика: сборник / Аристотель; перевод с древнегреческого Э. Радлова, Т. Миллер. – Москва: АСТ, 2021. – С. 3–295.
3. Бубер М. Два образа веры. М.: Издательство АСТ, 1999. – 592 с.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию/ Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
5. Данилкина Н.В. Концепция образования в философии С.И. Гессена: дис. ... канд. философских наук: 09.00.03 / Данилкина Наталья Валерьевна; [Место защиты: Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта]. – Калининград, 2010. – 154 с.
6. Канышева О.А. Духовные основания сознания в философии С.Л. Франка // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 50–65.
7. Курцвайль Ц. Мартин Бубер и современная педагогическая мысль [Электронный документ] // Педагогический клуб Новая еврейская школа. URL: <https://old.ort.spb.ru/nesh/njs6/kurts6.htm> (дата обращения: 04.12.2025).
8. Образование человека в третьем тысячелетии: проблемы, цели и ценности образования в современном мире /М.Н. Кожевникова, А.Г. Асмолов, С.В. Борисов, Е.В. Брызгалина, С.В. Иванова, А.В. Кирьякова, О.Е. Лебедев, А.И. Макаров, В.М. Монахов, Л.Т. Ретюнских, В.М. Розин, И.Б. Романенко, В.В.. Круглый стол, СПб, РГПУ им. А.И. Герцена [Электронный документ] // Ценности и смыслы. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-cheloveka-v-tretem-tysyacheletii-problemy-tseli-i-tsennosti-obrazovaniya-v-sovremennom-mire-kruglyy-stol-sankt> (дата обращения: 26.03.2025).
9. Плотников Н.С. СЛ. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии – 1995 – № 9 – С. 169–185.
10. Ролз, Джон. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. – Изд. 2-е. – Москва: URSS, 2010. – 534 с.
11. Тесля А. Семён Франк в поисках «мы» [Электронный документ]/Андрей Тесля. Медиа-проект s-t-o-l.com. URL: <https://s-t-o-l.com/obshchestvo-i-tsennosti/49370-semyen-frank-v-poiskakh-my/> (дата обращения: 26.11.2025).



12. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. – 511 с.
13. Франк С.Л. Сочинения / С.Л. Франк; – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 247–796.
14. Global declaration / Human Education in the 3rd millennium. [Электронный документ] URL: <https://humaneducation.net/declaration> (дата обращения: 26.03.2025).
15. Obolevitch T. The Eastern Christian Tradition in Modern Russian Thought and Beyond. Leiden; Boston: Brill, 2022. – 241 p.

TO THE SEARCH FOR ETHICAL FOUNDATIONS OF MODERN EDUCATION: IDEAS OF S.L. FRANK, S.I. HESSEN AND M. BUBER

Shirokova E.V.

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky

This article attempts to address the ethical foundations of modern education, which requires philosophical inquiry. The need to identify the values inherent in modern education and the difficulty of conceptualizing its ethical foundations in an intercivilizational dialogue direct our attention to the ideas of philosophers from the first half of the 20th century. According to the author, the philosophical ideas of M. Buber, S.I. Hessen, and S.L. Frank can serve as a starting point for this search due to their relevance in the current educational landscape.

Based on the analysis of these concepts, the identified ethical foundations were examined in relation to the issues raised by the international initiative «Human Education in the Third Millennium».

As a result, a hypothesis has been developed regarding the ethical justification of the ideals and values of modern education, which is valuable because it offers a way out of the current political, ethnic, cultural, and religious conflicts in education.

Keywords: ethical foundations of education, centripetal force of personality, centrifugal cultural contents, immediate self-being, inward transcendence, spiritual reality, and all-unity.

References

1. Abramova L.G. Philosophical and Pedagogical Concept of S.I. Hessen / L.G. Abramova; I. Kant State University of Russia. – Kaliningrad: I. Kant State University of Russia, 2007. – 310 p.
2. Aristotle. Ethics: Collection / Aristotle; Translation from Ancient Greek by E. Radlova, T. Miller. – Moscow: AST, 2021. – Pp. 3–295.
3. Buber M. Two Images of Faith. Moscow: AST Publishing House, 1999. – 592 p.
4. Hessen S.I. Fundamentals of Pedagogics. Introduction to Applied Philosophy / Ed. and compiled by P.V. Alekseev. – M.: «Shkola-Press», 1995. – 448 p.
5. Danilkina N.V. The concept of education in the philosophy of S.I. Hessen: dis. ... Cand. of Philosophical Sciences: 09.00.03 / Danilkina Natalya Valerievna; [Place of protection: Russian State University named after Immanuel Kant]. – Kaliningrad, 2010. – 154 p.
6. Kanysheva O.A. Spiritual foundations of consciousness in the philosophy of S.L. Frank // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. – 2024. – № 1. – Pp. 50–65.
7. Kurzweil C. Martin Buber and modern pedagogical thought [Electronic document] // Pedagogical club New Jewish school. URL: <https://old.ort.spb.ru/nesh/njs6/kurts6.htm> (accessed 04.12.2025).
8. Human education in the third millennium: problems, goals, and values of education in the modern world / M.N. Kozhevnikova, A.G. Asmolov, S.V. Borisov, E.V. Bryzgalina, S.V. Ivanova, A.V. Kiryakova, O.E. Lebedev, A.I. Makarov, V.M. Monakhov, L.T. Retyunskikh, V.M. Rozin, I.B. Romanenko, V.V. Round table, St. Petersburg, Herzen State Pedagogical Univ. [Electronic document] // Values and meanings. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-cheloveka-v-tretyem-tysyacheletii-problemy-tseli-i-tsennosti-obrazovaniya-v-sovremennom-mire-kruglyy-stol-sankt> (date of access: 26.03.2025).
9. Plotnikov N.S. S.L. Frank on M. Heidegger. On the history of Heidegger's perception in Russian thought // Voprosy filosofii. – 1995. – № 9. – pp. 169–185.
10. Rawls, John. A Theory of Justice / J. Rawls; trans. from English, scientific ed. and preface by V.V. Tselishchev. – 2nd ed. – Moscow: URSS, 2010. – 534 p.
11. Teslya A. Semyon Frank in Search of «We» [Electronic document] / Andrey Teslya. Media project s-t-o-l.com. URL: <https://s-t-o-l.com/obshchestvo-i-tsennosti/49370-semyen-frank-v-poiskakh-my/> (date of access: 26.11.2025).
12. Frank S.L. Spiritual Foundations of Society. Moscow: Republic, 1992. – 511 p.
13. Frank S.L. Works / S.L. Frank; – Minsk: Harvest, Moscow: AST, 2000. – pp. 247–796 p.
14. Global declaration / Human Education in the 3rd millennium. [Electronic document] URL: <https://humaneducation.net/declaration> (accessed: March 26, 2025).
15. Obolevitch T. The Eastern Christian Tradition in Modern Russian Thought and Beyond. Leiden; Boston: Brill, 2022. – 241 p.

Богословские взгляды Пола Ван Бюрена в контексте теологии смерти Бога

Бабкин Вячеслав Сергеевич,

аспирант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет
E-mail: vyachesl4vbabkin@yandex.ru

Цель исследования – анализ и интерпретация богословских идей Пола Ван Бюрена, осмысление их как невольного элемента концепции «смерти Бога», которая выросла из ницшеанской констатации секуляризации новоевропейского общества и культуры и стала новой и важной темой в теологии второй половины XX века.

Научная новизна заключается в исследовании подходов к пониманию и интерпретации богословских позиций Ван Бюрена. В результате представлены ранее не исследованные и малоизвестные отечественной науке аспекты его мышления, отличающиеся оригинальностью подхода, глубиной анализа и актуальностью рассматриваемых вопросов в контексте современной теологии. Продемонстрирован своеобразный подход к христианскому учению, ставящий во главу угла этический компонент. Отмечается связь восточнохристианской патристики с современным протестантским богословием, зачастую не предполагаемая и как следствие упускаемая из виду.

В результате взгляды Пауля Ван Бюрена подчеркивают необходимость переосмысления христологии с акцентом на человеческий и исторический опыт Иисуса, что позволяет более полно воспринять его значимость как Спасителя, который понимает и сопереживает человечеству в его страданиях и нуждах, что близко более поздней «слабой теологии» Джона Капуто.

Ключевые слова: теология смерти Бога, христианская вера, завет, секуляризм, Иисус, богословие.

Введение

Теология смерти Бога представляет собой совокупность идей различных теологов и философов, которые стремятся объяснить рост секуляризма и отказ от традиционных верований в Бога. Они утверждают, что Бог либо перестал существовать, либо каким-то образом повлиял на веру.

Хотя философы времен Фридриха Ницше иногда использовали фразу «Бог мёртв», чтобы выразить растущее неверие в Бога, данная концепция приобрела популярность в конце 1950-х и 1960-х годов, а затем снова утратила свою актуальность.

Движение «Смерть Бога» иногда называют теотанатологией, от греческих слов *theos* (Бог) и *thanatos* (смерть). Основными сторонниками этой радикальной теологии были христианские богословы, такие как Габриэль Ваханян [15], Пол Ван Бюрен, Доротея Зёлле, Уильям Гамильтон, Джон Робинсон [14], Томас Дж. Дж. Альтицер [13], Марк К. Тейлор, Джон Д. Капуто, Питер Роллинз и раввин Ричард Л. Рубинштейн.

Доктор Ван Бюрен изучал философский метод лингвистического анализа исходя из того, что он считал проблемой осмысленных утверждений о Боге, существование которого нельзя подтвердить органами чувств.

Исключив «разговоры о Боге», то есть об осуществимых трансцендентных темах, он построил свою веру на этическом поведении, сосредоточив внимание на историческом Иисусе из Назарета [16, с. 111–126].

Будучи профессором Университета Темпл, он был одним из трех главных американских христианских богословов, связанных с движением «Смерть Бога» в 1960-х годах, хотя сам он дистанцировался от этого термина. «Так называемое движение за смерть Бога – это журналистская выдумка», – заявил доктор Ван Бюрен в интервью 1974 года. – «Оно упустило из виду важные вопросы, которые нужно было обсудить в то время, например, имеет ли христианское послание смысл в современном мире».

В своей книге «Секулярное значение Евангелия: на основе анализа его языка» (Macmillan, 1963) доктор Ван Бюрен заявил, что «пытался найти совершенно нетрансцендентный способ толкования Евангелия». Он добавил, что именно в этом подходе можно найти смысл [16, с. 19].

Однако другие богословы критиковали как методологию, так и подход, использующийся в этом



направлении. Один из основных контраргументов критиков заключался в том, что если лишить веру всего, что связано с мистическим и божественным, то от религии останется очень мало.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что исследование взглядов Ван Бюрена способствует более глубокому пониманию диалога между религиозными и секулярными мировоззрениями. В условиях возрастающего скептицизма к традиционным верованиям его мысли о необходимости секулярного языка в богословии могут помочь в поиске путей нахождения единства между верой и научным знанием.

Цель исследования позволила сформулировать ряд задач:

- 1) Исследовать критику Поля Ван Бюрена в отношении традиционных метафизических утверждений о Боге и обосновать необходимость их исключения для формирования более актуального и человеческого языкового представления о вере;
- 2) Определить, как современные секулярные религии и исторический контекст влияют на понимание религиозных понятий, сосредотачиваясь на необходимости выразить евангельские истины без обращения к метафизике;
- 3) Исследовать историческое развитие христологии от ранних учений до современных интерпретаций, акцентируя внимание на их влиянии на восприятие роли Иисуса в современном христианстве.

В ходе исследования были применены такие методы и приемы как, сравнение, наблюдение, критический анализ.

Теоретической и информационной базой исследования послужили работы Л.Н. Бровко [1], Л.Л. Ватуевой [4], В.И. Добренкова [6], Ф. Ницше [7], Ю.Р. Селиванова [10], К. Ясперса [12], П.В. Бюрена

Практическая значимость работы Пауля Ван Бюрена заключается в ее способности затронуть глубокие и необходимые дискуссии о роли христианства и понимании веры в современном секулярном контексте. Ван Бюрен предлагает новаторский подход, который акцентирует внимание на человеческом опыте Иисуса и его взаимодействии с миром, что становится особенно актуальным для современных христиан, стремящихся к живой и актуальной вере.

Основная часть

Пол Ван Бюрен, автор работы «Секулярное значение Евангелия» (1963), считает, что любые метафизические утверждения, включая слово «Бог», «дезориентируют» и их необходимо «исключить из словаря», заменив их на высказывания о челове-

ке. «Язык христианской веры – это язык верующего, который «постигает» Евангелие», – утверждал Ван Бюрен, подчеркивая, что религиозные понятия всегда отражают язык той или иной исторической эпохи и в современном обществе должны выражаться секулярным языком.

Он отмечал, что слово «Бог» употребляется как цель человеческого опыта, как истина о человеке и мире, являясь ключом к пониманию жизни, однако само понятие «Бог» является неverifiedируемым и, следовательно, бессмысленным. Задача современного теолога заключается в том, чтобы выразить евангельские сюжеты о жизни и смерти Иисуса без использования слова «Бог» и обращения к метафизике [16, с. 78–79].

По мнению Ван Бюрена, «человеком во Христе» становится тот, кто проникся свободой Иисуса, что подразумевает «свободу от себя» и «свободу ради других вплоть до самой смерти». Посвящение себя служению ближним становится единственным подлинным призванием христианина. Тезис о «смерти Бога» Ван Бюрен интерпретирует как «затмение» слова «Бог», выводя религию на уровень этики.

Он подчеркивает, что центральной темой библейского свидетельства является Завет, а самооткровение Яхве через Иисуса Назарянина имеет глубокий исторический и динамичный характер.

Иисус предстает совершенным человеком, воплощающим волю Бога, проявляя послушание наглядным образом. Патристические тексты склонны игнорировать человеческий опыт Иисуса, отдавая приоритет божественной природе. Ван Бюрен выделяет подобное предпочтение среди трудностей христологии той эпохи.

Современное богословие подчеркивает активность Иисуса в мирских делах и призыв служить ближним. Ван Бюрен концентрируется на человеколюбии, лежащем в основе христианской жизни, представляя Иисуса не пассивным откликом Бога, а воплощением надежды на спасение. Рассказ включает Завет, охватывающий каждого, и ориентированный на служение окружающему миру. Подобный гуманистический угол зрения смещает внимание с божественности в сторону опыта человека, акцентируя внимание на живом измерении христологии.

Исследования, переплетаемые темой теологической смерти Бога, выявляют стремление богословия XX века реконструировать историческую основу христианской веры, выявляя социально ориентированные вызовы.

Идея освобождения индивида, предлагаемая Ван Бюреном, совпадает с глубинными изменениями, затрагивающими традиционные каноны и формирующими новые восприятия сакрального в эпоху постсекулярности. Выстраивая строгий анализ лексико-семантической базы, богослов стремится преобразовать содержание божествен-



ного, вкрапляя в него современные политические, культурные и экзистенциальные измерения. Первоисточники Ван Бюрена представляют собой своеобразный памятник, обращённый к обновлению догматических систем по образу социально-исторических изменений. В результате вера обретает иное качественное измерение, вмещающее лучшие наработки гуманистической мысли, призванное формировать новые практики индивидуального и коллективного опыта.

Автор подчеркивает уникальное проявление свободы воли Иисуса, способное радикально менять отношение окружающих. Решительности исполнить миссию хватило не всем апостолам: у многих вера ослабла после ареста Мессии, точка опоры отошла от внешних исторических оснований, выстроенных вокруг Христа [16, с. 125]. Личность и выбор Иисуса раскрывают Завет Яхве. Следование воле Творца выдвигает служение в ранг судьбы. Осознание переменчивого и глубокого божественного действия ведёт к новому уровню чтения Писания.

Современникам среди богословов предстоит учитывать историческую личность во взаимосвязи с обновляющей мощью пасхального опыта. Пасхальные откровения преобразуют образ Иисуса, выявляя полное слияние Божией воли с космосом, всепроникающей сетью единения, удерживающей и всепрощающей творение. Пауль Ван Бюрен уделяет особое внимание работе с историческими источниками: расширяется диапазон восприятия синергии Спасителя с верующими, благодаря чему исследование заостряется на сложных взаимоотношениях веры с вызовами секулярного мира. Диалог явлений прошлого с современным окном убеждений получает статус ведущей методологии богословского анализа, понуждая расширение горизонтов духовного сознания. В итоге формируется новая парадигма отражения Иисуса, учитывающая глубокую интеграцию взаимосвязей духовной вселенной, охватывающей время и пространство, земное и небесное.

Ван Бюрен определяет задачу адаптации языка христологии. Сохраняя за учением актуальность, раскрывает историческую перспективу, демонстрирует уникальность Иисуса в качестве человека и спасающего. Доктрина Воплощения, двойственности природы выступает как основа восприятия сущности человека и свободы, подаренной Христом.

Принять историю из Назарета откровением, изменяющим взгляд на мир и близких, Ван Бюрен требует не только путем интеллектуального согласия, но и через проникновенное соучастие с реальностью человеческого бытия. Рассмотрение рождения Христа позволяет взглянуть на рождественские нарративы иначе: спорные с точки зрения исторической фактичности, они обретут

смысл глубокого призыва ценить человеческую жизнь, уважать свободу.

Глубина и смысл человеческого опыта превосходят рамки скрупулёзного объективизма; именно эта заявка формирует непринуждённый мост между традиционным христианским взглядом и современной парадигмой осмысления. Иисус обретает статус не единичного исторического персонажа, но трансформирующей силы, реализующейся сквозь гуманистический принцип свободы и любви. Божественность его проявляется именно через практику, способную переосмыслить современный гуманизм посредством христианской этики.

Критика символического обозначения понятия «Бог» как человеческого достоинства акцентирует внимание на потере значения. Эмпиризм вызывает отчуждённость от христианской онтологии; разрыв расширяется, отчуждая традиции от общественного мышления. Множество эпистемологических вызовов осложняет диалог о сверхъестественном; святость уходит в небытие, а слово обесценивается в символ.

Ввод языка веры в структуру христианской жизнедеятельности меняет абстрактные догматы; из концептов возникают практики, мировоззренческие и поведенческие ориентиры. Религия оживает в переживаниях, отрешённых от догм; она формирует отношение к иррациональному, присутствующему в повседневной действительности. Тесное единство мыслей, чувств, волевых действий бережёт христианство от распадавшихся смыслов и размывания сути. Смена философского подхода к понятию веры ведёт к активизации религиозного сознания и чётко выраженной позиции в жизненных ситуациях.

Традиционные речевые средства ограничивают формирование актуального образа «Бога». Концептуальная религия уступает рационалистическому дискурсу, что затрудняет выражение сакрального. Вызов секулярного мира выражается в поисках онтологии нового типа – опирающейся на языковую практику, а не на догматические утверждения. Открытость восприятию новых пониманий способствует развитию эмпатии, персонализации образа Бога; религия адаптируется к потребностям времени постсекулярного.

Обновление религиозной символики выступает ключом не просто к сохранению потенциала духовного, а к взаимодействию Церкви с обществом, жаждущим живого откровения, внутренней трансформации. Диалог призван актуализировать Евангелие, связывая его с научным, экономическим, политическим интересом вместо калькирования устаревших представлений. Верность традиции утверждена гибким, творческим отношением, расширением символического арсенала.

Слово «Бог» вызывает трудности осмысления – современник утратил однозначность образа под влиянием эмпирических методов позна-



ния, помутнённой опосредованностью восприятия реальности. В крылатых выражениях, к примеру «И слово стало плотью» (Ин 1,14), сосредоточились сведения о Божественном, призывающие к экзистенциальному самоисследованию. Возвышенность идет рука об руку с приземленностью, теоретическое соединяется с практическим восприятием. Религия охватывает широкий спектр сфер вовне потустороннего: она формирует тело смыслов, структурирующий опыт проживания мира через призму Божественного. Пауль Ван Бюрен выступил инициатором переосмысления христианских учений в эпоху «смерти Бога». Его критика акцентировала отчуждение от устоявшихся пределов традиции, выявила ущербность божественного в роли первопричины, провоцируя актуализацию богословских парадигм и практик веры. В сознании возросла ценность образа человека как участника в замысле трансцендентного – новая парадигма решительно сдвигала акценты дискурса религии на землице жизненного опыта. Взгляд на зарождение христологии коснулся трудов отцов церкви и решений Халкидонского собора, зафиксировавших развитие доктрин и множественность идей о природе Христа. Историческая ветвь учений зафиксировала различные прочтения богочеловечества, достигшие систематизации, а затем трансформации в течение столетий.

Александрийская школа, опираясь на труды Оригена [8], вознесла Логос на престол божественного первенства, обозначая высокие богословские акценты в динамике христологии. Интенсивная палитра позиций провоцировала разногласия, стимулировала опыт подлинности в христианских дискурсах. Павел Самосатский, сирийской земли мыслитель, предложил альтернативное прочтение Христовой природы [9]: человек соединён Духом, формирует необычный симбиоз, усиливает богословские искания; страдания личности Христа достигли пика богословского внимания, породив анафему за огрубевшую дихотомию между Логосом и Божественным источником.

Размышления theologов охватили вопрос, способствующий соотносению отвлечённой трансцендентности с конкретными проявлениями земных страданий. Диалог в русле арианства выдвигал версии сосуществования Логоса и Бога, отпечатавшиеся в толкованиях спасительных черт христианства. Обширное изучение непроницаемой Троицы смягчало артикуляции божественных свойств Христа, оставляя целью сохранение духовного единства высших начал.

Текст христологии Ван Бюрена исследует связь между представлениями о воскресении Иисуса и богословским осмыслением. Первоисточники – свидетельства евангелистов, раннехристиан, чей взгляд трансформировался от описания встреч с воскресшим Христом к богословской рефлексии. Восприятие таких откровений со временем

трансформировало взгляды на устройство божественного управления, смысл бытия, историю [16, с. 128–129]. Ключевые положения раскрывают сильную функциональность заявлений о воскресении. Первопричина замещения простого факта богословскими призывами опирается на Завет, эсхатологические идеи. Преосмысление восходит к критике традиционной патристической христологии: Логос идеализировался, сердце же историкосубъективное Иисуса отходило на второй план.

Раннехристианская Пасха вскрывает перспективу, открывающую духовный прорыв. Здесь минует простой фиксации, запускает практику новой жизни, провокацию служения и свободы, объединённых в христианское бытие. Учение Иустина Мученика напоминает о неразрывной связи Бога с человеком через личность Христа – венец творческой воли Бога, авангард истории человечества. Этот парадоксальный подход сотрясает устои традиционного природоразделения. Мировоззрение строит ноосферу – предельное прикосновение божественного Логоса к человеческому опыту, отрывая Христа от исторических парадигм. Аналогичная практика меняет представление о служении, превращая свободу в метафору участия в Божьей воле. Раннехристианская Пасха не трансформируется в догму, а запускает живую динамику, стимулируя творческую инициативу и аналитический поиск.

Внимание сфокусировали на богословских взглядах Пауля Ван Бюрена в рамках теологии «смерти Бога» – направления, оказавшего влияние на ряд христианских концепций. Исследование сосредоточило восприятие образа Иисуса, охватив как человеческую природу, так и статус Сына Божьего. Разные мыслители воспринимали эти идеи под влиянием разнообразных условий, что обогатило поле богословской дискуссии. Анализ вклада Ван Бюрена в развитие христианской мысли обнажил переход от догматического закрепления к оценке трансформации образа Спасителя в эпоху секуляризации.

Работы богослова обогатили теологическую традицию, внедрив динамику взаимодействия Завета с личностью Иисуса. Особый акцент лёг на глубинные страдания и сопричастность Бога с человеческим опытом: высокая оценка проявлений христологического измерения усилила возможность переосмысления. «Человеческое измерение» открыло горизонты для трактовок, охвативших широкий спектр веры, осмысления истории Спасителя, восприятия христианства в условиях меняющейся культурной парадигмы.

Акцент сосредоточен на концептуализации Иисуса в роли воплощенного Израиля, реализующего миссию служения Богу и человечеству. Гипотеза открывает взаимосвязь между человеческими страданиями и сакральной миссией, формируя синтез, способствующий глубокому осмыслению



роли Спасителя. Парадигма требует рассмотрения истории взаимоотношений, основанных на Завете, как способа постижения индивидуального пути Иисуса.

Конкретизация понятия «Сына Божьего» трактует избрание Яхве ключом к гармоничному взаимодействию Иисуса с божественным и человеческим началами. Аргументы обосновывают оппозицию к христологическим установкам Павла Самосатского [9], направленную против чрезмерной централизации человеческого аспекта с ущербом богословской глубины. Ван Бюрен аргументирует важность учета традиций Завета для анализа духовного и исторического опыта, расширяя богословское осмысление миссии Иисуса.

Воскресение Иисуса выступает символом божественного проявления, помещает в центр верования христианской традиции. Апостолы, пережившие этот момент, переосмыслили образ Иисуса, сосредоточили внимание на нем. Личный опыт сосуществовал с концепцией Завета, фиксированной в Писании.

Подход, провозгласивший окончание эпохи божественности, представляет радикальное метафорическое осмысление, а не догматический тезис. Современная теология отражает глубокое переосмысление взглядов. Воспринимается как отражение духа времени, способ обновления мысли религиозной. Усилился акцент на ответственности индивида, свободе выбора службы ближним. Допускается существование атеистических позиций, трактуемых как легитимный способ выражения духовных поисков.

В этом контексте философское наследие Ницше вновь стало актуальным. Его своеобразная интерпретация теологами из школы «смерти Бога» отражала коренной сдвиг в современном западно-христианском мышлении, радикально пересматривающем христианскую традицию, аналогично тому, что происходило в конце Средневековья. В те времена гуманисты Ренессанса, которых называли «странными христианами», парадоксально открывали для себя нового Иисуса через обращение к античному эпикуреизму. Некоторые теологи 1960-х годов пытались найти «смеющегося» Иисуса, рассматривая движение хиппи как глубоко религиозное явление. Они стремились показать, что Христу не чуждо ничто человеческое, и что «смерть» самого Бога должна стать частью «человеческого события», так же как реальные страдания рядом с узниками Освенцима. Изменение восприятия христианства в послевоенные годы XX века было обусловлено новым отношением к земной жизни, страданиям и счастью. Ясно, что в этом современном взгляде проявлялась негативная реакция на фанатизм Лютера, который был непримирим к гуманисту Эразму. Следовательно, критика Ницше [7] в адрес христианства, особенно его западных форм, от павликианства до люте-

ранства, парадоксально оказала влияние на развитие современного западно-христианского мышления, что привело к беспрецедентным теологическим и мировоззренческим изменениям.

Таким образом, взгляды Пауля Ван Бюрена подчеркивают необходимость переосмысления христологии с акцентом на человеческий и исторический опыт Иисуса, что позволяет более полно воспринять его значимость как Спасителя, который понимает и сопереживает человечеству в его страданиях и нуждах. Это обращение к Завету также помогает современным христианам осознать свою связь с историей и идентифицировать себя с миссией Иисуса в мире.

Литература

1. Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. СПб.: Алетейя, 2009. 472 с.
2. Барабанов Е.В. О письмах из тюрьмы Дитриха Бонхёффера // Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М., 1994. С. 3–24.
3. Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс, 1994. 344 с.
4. Ватуева Л.Л. Секуляризация современного мира в интерпретации «новой теологии» (на материалах США) // Вопр. научного атеизма. Вып. 19 / Отв. ред. А.Ф. Окулов. М., 1976. С. 213–228.
5. Гуревич П.С. Культ и культура // Христос и культура. Избр. тр. Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура / Сост. С.Я. Левит. М., 1996. С. 549–565.
6. Добренков В.И. Современный протестантский теологический модернизм в США: его замыслы и результаты. М.: Изд-во МГУ, 1980. 248 с.
7. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. Антихристианин / Пер. с нем. А.В. Михайлова; сверка и научн. ред. И.А. Эбаноидзе // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М., 2009. С. 107–184.
8. Ориген. Толкования на Евангелие от Иоанна / Перевод, комментарии и предисловие О.И. Кулиева. СПб.: Издательство РХГА, 2018. 540 с.
9. Попов И.В. Труды по патрологии. Том 1. Святые отцы II–IV вв. / Под ред. А.И. Сидорова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. 744 с.
10. Селиванов Ю.Р. Теология «смерти Бога» // Религиоведение: словарь / Сост. и общ. ред. А.П. Забияко, А.Н. Красников, Е.С. Элбакян. М., 2007. С. 511–513.
11. Степанова Е.А. Систематическая теология в историческом развитии // Западная теология XX в. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Е.А. Степановой. Екатеринбург, 2001. С. 6–50.
12. Ясперс К. Ницше и христианство / Пер. с нем. Т.Ю. Бородай. М.: Медиум, 1993. 114 с.



13. Altizer Th.J.J. The Gospel of Christian Atheism. L.: Collins, 1967. 159 p.
14. Robinson J.A.T. Honest to God. L.: SCM Press LTD, 1963. 143 p.
15. Vahanian G. The Death of God: The Culture of Our Post-Christian Era. N.Y.: George Braziller, 1961. 253 p.
16. Van Buren P.M. The Secular Meaning of the Gospel: Based on an Analysis of its Language. L.: SCM Press, 1963. 206 p.

THEOLOGICAL VIEWS OF PAUL VAN BUREN IN THE CONTEXT OF THE DEATH OF GOD THEOLOGY

Babkin V.S.

Volgograd State University

The purpose of this study is to analyze and interpret Paul Van Buren's theological ideas, exploring them as an accidental component of the «death of God» concept which sprung from Nietzschean constation of secularization in new European society and culture and has become an important new theme in the second half of 20th-century theology.

The scientific novelty lies in exploring approaches to understanding and interpreting Van Buren's theological positions. As a result, previously unexplored and less known to Russian science aspects of his thought are presented, distinguished by the originality of their approach, the depth of their analysis, and the relevance of the issues addressed in the context of contemporary theology. A peculiar approach to Christian doctrine emphasizing ethics is demonstrated. The connection between Eastern Christian patristics and modern Protestant theology is noted, which is often not assumed and, as a result, overlooked.

As a result, Paul Van Buren's views emphasize the need to rethink Christology with an emphasis on the human and historical experience of Jesus, allowing for a more complete appreciation of his significance as a Savior who understands and empathizes with humanity in its suffering and needs, which is close to later John Caputo's «weak theology».

Keywords: death of God theology, Christian faith, covenant, secularism, Jesus, theology.

References

1. Brovko L.N. The Church and the Third Reich. St. Petersburg: Aleateya, 2009. 472 p.
2. Barabanov E.V. On letters from prison by Dietrich Bonhoeffer // Bonhoeffer D. Resistance and submission. Moscow, 1994. pp. 3–24.
3. Bonhoeffer D. Resistance and submission / Translated from German by A.B. Grigoriev. Moscow: Progress, 1994. 344 p.
4. Vatieva L.L. Secularization of the modern world in the interpretation of the «new theology» (based on materials from the USA) // Issues of scientific atheism. Issue 19 / Ed. by A.F. Okulov, Moscow, 1976. pp. 213–228.
5. Gurevich P.S. Cult and culture // Christ and culture. Selected works by Richard Niebuhr and Reinhold Niebuhr / Levit, M., 1996. pp. 549–565.
6. Dobrenkov V.I. Modern Protestant theological modernism in the USA: its ideas and results. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1980. 248 p.
7. F. Nietzsche The Antichrist. The curse of Christianity. The Antichrist / Translated from German by A.V. Mikhailov; reconciliation and scientific editorship by I.A. Ebanoidze // Nietzsche F. Complete collected works: in 13 volumes, vol. 6. Moscow, 2009. pp. 107–184.
8. Origen. Interpretations of the Gospel of John / Translation, commentary and preface by O.I. Kuliev. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2018. 540 p.
9. Popov I.V. Proceedings on patrology. Volume 1. The Holy Fathers of the II–IV centuries / Edited by A.I. Sidorov. Holy Trinity Sergius Lavra, 2005. 744 p.
10. Selivanov Yu.R. The Theology of the «death of God» // Religious studies: dictionary / Comp. and general editorship by A.P. Zabyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. M., 2007. pp. 511–513.
11. Stepanova E.A. Systematic theology in historical development // Western Theology of the twentieth century / General ed., introductory article and commentary by E.A. Stepanova. Yekaterinburg, 2001. pp. 6–50.
12. Jaspers K. Nietzsche and Christianity / Translated from German by T.Y. Borodai. Moscow: Medium, 1993. 114 p.
13. Altizer T.J. The Gospel of Christian Atheism. L.: Collins, 1967. 159 p.
14. Robinson J.A.T. Honestly. L.: SCM Press LTD, 1963. 143 p.
15. Vahanian G. The Death of God: the culture of our post-Christian Era. New York: George Braziller, 1961. 253 p.
16. Van Buren P.M. The secular meaning of the Gospel: based on an analysis of its language. L.: SCM Press, 1963. 206 p.

Дорефлексивная субъектность: реляционный генезис врожденного знания

Болванович София Анатольевна,

аспирант кафедры «Социально-гуманитарные науки»
Дальневосточного государственного университета путей
сообщения
E-mail: dokima@inbox.ru

Реляционный генезис дорефлексивной субъектности позволяет уточнить место врожденного знания в структуре философского анализа субъективной реальности. Дорефлексивная организация субъективной реальности рассматривается как уровень переживания, на котором связность опыта поддерживается до формирования рефлексивной самоотнесенности.

Генезис трактуется не каузально, а как становление устойчивых режимов связности, обеспечивающих минимальную непрерывность субъективной реальности. Методологически анализ опирается на феноменологию дорефлексивного опыта, процессуальный подход к генезису субъектности и реляционные модели телесно-аффективной координации, развиваемые в энактивистской традиции.

Перинатальная со-регуляция вводится как онтогенетический горизонт формирования дорефлексивной согласованности; интероцепция и регуляторная вариативность рассматриваются как параметры ее стабилизации.

Статус врожденного знания переопределяется: оно интерпретируется как архитектура условий возможного знания, формирующаяся в динамике дорефлексивной связности переживания. Становление субъективной реальности и формирование условий познания образуют единый процесс.

Ключевые слова: субъективная реальность, врожденное знание, перинатальный опыт, реляционный генезис, дорефлексивная субъектность, минимальная самость.

Введение

Проблема дорефлексивной субъектности приобретает особое значение для уточнения онтологического и эпистемологического статуса врожденного знания, поскольку интерпретация врожденности зависит от понимания исходной организации субъективного опыта, в пределах которой складываются условия предметности и возможности последующего познания. В современной философии сознания смещается анализ от рефлексивных форм самоотнесенности к уровням организации переживания, где связность субъективной реальности обеспечивается до тематизации Я [1, 2, 3].

Здесь возникает вопрос о философской интерпретации врожденного знания: каким образом оно может быть понято, если минимальная субъективная реальность формируется в реляционном поле ранней координации телесных и аффективных состояний? Наиболее полно данное измерение проявляется в перинатальном опыте [4], что подтверждается исследованиями внутриутробной динамики и ко-организации телесности [5, 6].

Если минимальная субъективная реальность конституируется в реляционном поле координации состояний, изменяется и философская интерпретация врожденности. В существующих подходах врожденность обсуждается без анализа ранних форм связности переживания, обеспечивающих минимальную непрерывность субъективной реальности. В этой связи врожденное знание требует интерпретации через условия формирования такой связности, а не через наличие готовых содержаний сознания.

Генезис при этом понимается в онтолого-процессуальном смысле как становление структур связности, а реляционность – как принцип координации состояний, предшествующий стабилизации субъектных позиций и задающий условия возможного знания.

Задача статьи состоит в выявлении структуры дорефлексивной субъектности как модуса организации субъективной реальности и в обосновании ее реляционного генезиса в перинатальном опыте как основания философской интерпретации врожденного знания.

Методологические основания исследования: уровни анализа, терминологическая дисциплина и границы интерпретации

Субъективная реальность как модус бытия переживания

В отечественной философии проблема субъективной реальности получила разработку в концепции



Д.И. Дубровского, где она обосновывается как особый модус бытия, не сводимый к физическим и нейрофизиологическим описаниям. Психика в этой концепции трактуется как способ организации субъективной реальности, а мозг – как ее необходимый материальный носитель. Тем самым задается зависимость субъективного от мозговых процессов при сохранении принципиального различия между переживанием и его нейрофизиологическими коррелятами [7].

Различаются «переживание» и «опыт». Переживание понимается как дорефлексивная данность субъективной реальности – процессуальный модус ее бытия. В дальнейшем под минимальной субъективной реальностью понимается дорефлексивный уровень организации переживания, обеспечивающий базовую связность субъективного опыта. Опыт обозначает структурированную организацию переживания, в рамках которой формируются устойчивые различия и возможность предметной координации. Такое разведение позволяет избежать смешения онтологического и эпистемологического уровней анализа.

Концепция Д.И. Дубровского не фокусирует анализ на процессуально-реляционных условиях становления субъективной реальности. Она рассматривается преимущественно в аспекте онтологического статуса и структурной определенности, тогда как генезис дорефлексивных форм связности переживания не становится самостоятельным предметом анализа.

В феноменологической и энактивистской традициях, развиваемых в современной философии субъективности, акцент переносится на условия становления дорефлексивной организации переживания [1; 2]. Реляционность трактуется здесь как принцип генезиса дорефлексивных режимов координации, развернутый в энактивистской концепции *participatory sense-making*, где связность опыта понимается как результат **координации процессов**, не сводимой ни к индивидуальному, ни к интерсубъективному уровню [8, 9; 10]. Возникает необходимость философской экспликации процессуально-реляционного генезиса дорефлексивной организации субъективной реальности.

Дорефлексивная организация переживания

Дорефлексивный уровень субъективной реальности описывает модус переживания, в котором связность обеспечивается до рефлексивного анализа. Речь идет об особом способе структурирования данности; его интерпретация как отсутствия сознания исключается. Такое измерение фиксирует минимальные структуры согласованности, благодаря которым данность сохраняет непрерывность и целостность без апелляции к рефлексивному Я. Связность такого уровня переживания имеет темпорально-телесный характер и формируется в дообъектной координации ощущений и состояний.

В феноменологической перспективе дорефлексивная организация переживания связана с процессами пассивного синтеза, описанными в феноменологии времени Э. Гуссерля, обеспечивающими удержание темпоральной непрерывности переживания. Ретенционные структуры, описанные в гуссерлевской теории времени, формируют условия связности, в пределах которых данность не распадается на изолированные состояния. Темпоральная непрерывность переживания выступает здесь как характеристика способа организации опыта [1].

Современные интерпретации подчеркивают, что минимальная самоданность переживания – первичная форма обнаружения себя в опыте – не требует рефлексивного акта. Переживание обнаруживает себя как уже присутствующее в структуре опыта, что позволяет говорить о дорефлексивной форме субъективной явленности [2]. Данный модус рассматривается как необходимое измерение организации субъективной реальности; трактовка его как неполной или редуцированной формы сознания в этом контексте не принимается.

Он представляет собой совокупность режимов связности переживания. Для философского анализа принципиальное значение имеют режимы организации переживания, обеспечивающие темпоральную непрерывность, минимальную телесную интеграцию и дообъектную упорядоченность [10].

Темпоральная непрерывность обеспечивает удержание данности как протяженного процесса. Телесная интеграция указывает на дорефлексивное единство переживаемого тела как условие согласованности ощущений. Дообъектная упорядоченность описывает такой способ организации переживания, при котором различия еще не принимают форму устойчивой предметной репрезентации, однако уже структурируют поле данности.

Такое понимание позволяет рассматривать дорефлексивную организацию как онтологически значимый модус субъективной реальности и подготавливает постановку вопроса о генезисе этих режимов связности. Это требует философского прояснения условий их становления.

Генезис дорефлексивной субъектности: процессуально-реляционный регистр анализа

Процессуальная трактовка генезиса дорефлексивной субъектности

Становление дорефлексивной субъектности рассматривается в онтологико-процессуальном регистре. Под субъектностью здесь понимается не рефлексивно оформленная позиция субъекта, а минимальная структура субъективной реальности, в пределах которой формируется связность переживания. Дорефлексивный уровень не выводится



из наличия уже конституированного субъекта, поскольку структура субъектной самоотнесенности формируется на более поздних этапах организации переживания. Это позволяет рассматривать генезис субъектности без предпосылки изначально данного субъекта.

Генезис рассматривается в трех аспектах: становлении режимов переживания, стабилизации связности и становлении условий возможности субъективной реальности. Данный процесс понимается не как каузальное происхождение, а как формирование структур связности, возникающих в координации состояний.

Такое понимание выводит анализ за пределы объяснений, ориентированных на поиск исходного основания. Речь идет о формировании устойчивых форм согласованности, в которых складывается минимальная непрерывность данности.

Дорефлективная субъектность понимается как становящаяся структура субъективной реальности. В рамках процессуальной интерпретации субъективности, предложенной Э. Томпсоном, генезис может рассматриваться как конфигурация процессов, в пределах которой данность приобретает непрерывность и целостность [3].

Отказ от статической субстанциальной модели субъекта выступает следствием такой трактовки генезиса. Центральным становится стабилизация режимов согласованности, благодаря которым субъективная реальность удерживается как единая динамика переживания. Поскольку формирование такой связности происходит в координации состояний, анализ генезиса требует обращения к реляционному измерению.

Реляционность как онтологическое условие генезиса

Процессуальная трактовка генезиса дорефлективной субъектности требует уточнения реляционного характера. В данном контексте реляционность определяется через:

1. Онтогенетическую сопряженность процессов регуляции состояний.
2. Исходную неавтономность режимов переживания.
3. Становление связности субъективной реальности в поле координации, предшествующем стабилизации субъектных позиций.

Это следует развести с интересубъективностью. Интересубъективные структуры предполагают наличие по меньшей мере минимально конституированных субъектов и отношений между ними. Рассматриваемый уровень относится к более раннему измерению организации, где процессы согласования состояний разворачиваются до оформления субъектной самоотнесенности, что соответствует различению координационных процессов и интересубъективных структур в рамках указанной концепции [8, 10].

Дополнительная экспликация этого измерения представлена в энантистических подходах анализа внутриутробной динамики. В них материнско-фетальная сопряженность описывается как становление координированных режимов телесной и сенсомоторной организации, предшествующих индивидуализированным формам субъективности [5]. В рамках концепции со-embodiment внутриутробное развитие понимается как исходная телесная сопряженность, где регуляция носит ко-гомеостатический характер, а базовые структуры согласованности формируются на раннем этапе онтогенеза [6].

В данном анализе реляционность указывает на конфигурации координации телесных и аффективных состояний. Эти конфигурации образуют условия, в пределах которых данность приобретает минимальную непрерывность и согласованность [10].

В онтологическом измерении этот характер генезиса означает, что дорефлективная организация переживания формируется в динамике согласования состояний и не может быть исчерпана внутрииндивидуальным объяснением. Конкретизация этого принципа требует обращения к перинатальному уровню как предельному выражению телесной сопряженности, что будет развернуто далее.

Перинатальная со-регуляция как горизонт реляционного генезиса

Перинатальная со-регуляция как процессуально-реляционный механизм формирования дорефлективной связности

Перинатальный период выступает как концептуально значимое измерение ранней организации переживания, в пределах которого выявляются условия становления минимальной субъективной реальности [4]. Речь идет об онтогенетически ранней фазе, в которой телесная регуляция, сенсомоторная координация и зачаточные когнитивные структуры формируются в единой динамике дорефлективной связности. Понятие перинатальной со-регуляции вводится для описания форм согласования состояний, в рамках которых складываются ранние режимы связности переживания. Со-регуляция трактуется как процессуальная конфигурация координации, обладающая онтологической релевантностью и соотносимая с описанием телесной координации и взаимного включения в работы, развивающих идею *intercorporeality* [9, 11].

Речь идет о режиме совместной динамической согласованности телесных и аффективных состояний, возникающем в условиях онтогенетически ранней физиологической сопряженности. Специфика этого уровня состоит в том, что становление субъективной реальности еще не принимает фор-



му рефлексивной самоотнесенности, однако уже характеризуется минимальной согласованностью и воспроизводимостью режимов связности. Такая перспектива описывает процессы координации, при которых устойчивость формируется в динамике взаимосвязанных изменений [12].

В процессуальном измерении согласованность понимается как динамическая стабилизация режимов переживания, обеспечивающих минимальную непрерывность субъективной реальности. Эти режимы возникают как результат согласования вариативных состояний [3]. Перинатальный этап задает специфические условия реализации указанной динамики: координация осуществляется в ситуации глубокой телесной сопряженности, где вариативность физиологических и аффективных параметров выступает характеристикой самой структуры согласования [13].

В работах, посвященных внутриутробной сопряженности, обосновывается, что ранняя организация не может быть исчерпана внутрииндивидуальным объяснением [5; 6]. Материнско-фетальная координация описывается как процесс становления согласованных режимов телесной и сенсомоторной динамики, задающих условия формирования устойчивых структур переживания. Эти данные используются как аналитически релевантные ориентиры и не наделяются статусом доказательства философских положений.

В этом измерении со-регулятивная динамика выступает условием становления дорефлексивной организации переживания. В рамках данного анализа согласованность понимается как процесс координации телесных и аффективных состояний, тогда как связность обозначает устойчивую форму их организации, обеспечивающую непрерывность субъективной реальности.

Интероцепция и регуляторная вариативность в структуре со-регуляции

Осмысление перинатальной со-регуляции как процессуально-реляционного механизма формирования дорефлексивной связности требует уточнения параметров, обеспечивающих минимальную согласованность переживания. К числу таких параметров относятся interoцепция и регуляторная вариативность [14, 15].

Интероцепция обозначает уровень телесной чувствительности, на котором состояния организма даны как непосредственное измерение переживания. Телесные изменения выступают структурным компонентом организации опыта, предшествующим их тематизации [16].

В динамике со-регуляции interoцептивная чувствительность соотносится с процессами интеграции текущего состояния. Согласованность поддерживается через непрерывность телесной данности, предвещающую различение субъекта и объекта. Тем самым interoцепция выступает параме-

тром стабилизации дорефлексивной согласованности.

Регуляторная вариативность характеризует изменчивость режимов координации. В процессуальном рассмотрении она выражает динамическую форму устойчивости. Колебания интенсивности, ритма и аффективного тонуса образуют пространство адаптивной стабилизации [3].

В перинатальном измерении изменчивость физиологических параметров выражает процессуальный характер согласования и определяет способ организации со-регулятивной динамики [13].

Интероцептивная чувствительность и регуляторная вариативность образуют взаимосвязанную конфигурацию: первая обеспечивает телесную интеграцию, вторая – динамическую воспроизводимость режимов устойчивости, что характеризует раннюю форму согласованности переживания.

Следовательно, проблема врожденного знания может быть философски переосмыслена через анализ реляционного генезиса дорефлексивной субъектности. Врожденность в данном случае относится не к содержанию знания, а к становлению процессуально стабилизированных структур организации переживания, формирующихся в перинатальном поле со-регуляции.

Врожденное знание в перспективе реляционного генезиса

Врожденное знание: онтологический и эпистемологический статус

Процессуально-реляционный анализ дорефлексивной субъектности позволяет рассматривать врожденное знание в аспекте его онтологического и эпистемологического статуса. Врожденность интерпретируется не как наличие предзаданных когнитивных содержаний или завершенных форм, а как характеристика ранних уровней организации переживания.

Классические философские трактовки фиксировали различие между априорными основаниями познания и производностью знания из опыта. Нативистские концепции когнитивной науки описывают врожденные структуры как биологически обусловленные ограничения и архитектурные параметры переработки информации [17, 18]. В обоих случаях врожденность соотносится с предпосылками организации опыта.

В предлагаемом подходе врожденное знание понимается как архитектура условий возможного знания, формирующаяся в становлении дорефлексивных режимов связности переживания. Эти режимы не обладают пропозициональной формой, однако обеспечивают устойчивость различий, ретенционную непрерывность и минимальную связность субъективной реальности.

Анализ переносится с вопроса происхождения содержаний на уровень формирования условий

их возможности. Врожденное знание определяет способ структурирования дорефлексивной связности, в пределах которой становится возможной предметная упорядоченность опыта. Употребление термина «знание» в данном контексте не предполагает отождествления дорефлексивных структур с пропозициональными или репрезентативными формами. Знание понимается в условно-трансцендентальном смысле – как архитектоника условий возможности различения и упорядоченности, формирующаяся вместе со становлением минимальной субъективной реальности. Тем самым сохраняется философская корректность термина при переносе анализа на уровень дорефлексивной организации переживания.

Реляционный характер генезиса уточняет этот статус: формирование ранней связности развивается в динамике со-регулятивной координации и не может быть сведено к внутрииндивидуальным механизмам [10]. В этом контексте врожденное знание понимается как характеристика устойчивости дорефлексивных форм субъективной реальности, обеспечивающих воспроизводимость опыта без опоры на рефлексивную самоотнесенность [19, 20].

Реляционные условия становления дорефлексивных структур

В рамках процессуально-реляционного анализа врожденного знания реляционные условия становления дорефлексивной организации переживания могут быть зафиксированы в следующей конфигурации.

1. Сопряженность телесных и аффективных процессов, обеспечивающая первичную согласованность переживания. Телесная чувствительность выступает структурным компонентом организации опыта, тогда как аффективная модуляция задает динамику его стабилизации [14, 11].
2. Со-регуляция как форма телесной координации, в пределах которой устойчивость определяется динамикой взаимной регуляции и воспроизводимостью режимов связности [9].
3. Регуляторная вариативность, выражающая изменчивость интенсивностей, ритмов и телесных параметров как условие адаптивной стабилизации [11].
4. Интероцептивная чувствительность, обеспечивающая дорефлексивную интеграцию состояния. Внутренние телесные изменения функционируют как непосредственное измерение переживания и поддерживают его минимальную целостность [21].

Перечисленные условия образуют взаимосвязанную конфигурацию, в пределах которой складываются устойчивые режимы связности и воспроизводимость опыта [8].

В этой перспективе врожденное знание определяется как характеристика устойчивости дорефлексивной организации.

Реляционный генезис и статус врожденного знания

Реляционный генезис дорефлексивной субъектности задает специфический уровень философского анализа проблемы врожденности. Это измерение организации переживания, в котором еще отсутствует репрезентативная оформленность знания, однако уже конституируются устойчивые режимы связности.

Здесь врожденное знание соотносится со способностью переживания сохранять непрерывность, различимость и внутреннюю согласованность при изменении телесных и регуляторных параметров. Устойчивость понимается как воспроизводимость режимов связности в динамике их вариаций [11].

Реляционный характер генезиса уточняет статус этих форм. Дорефлексивная организация складывается в координации телесных, аффективных и интероцептивных процессов; согласование образует условия стабилизации субъективной реальности. Генезис указывает на способ удержания связности, а не на последовательность этапов развития [14].

В результате врожденность определяется как характеристика устойчивости дорефлексивной организации переживания. Ее статус раскрывается через процессуальные условия формирования минимальной согласованности, в пределах которой становится возможной предметная упорядоченность опыта [21].

Тем самым врожденное знание фиксируется как структурное свойство ранней динамики связности, конституирующей субъективную реальность.

Результаты анализа

1. Дорефлексивная субъектность интерпретирована как уровень организации переживания, обеспечивающий минимальную связность субъективной реальности.
2. Генезис дорефлексивной субъектности интерпретирован в онтолого-процессуальном регистре как становление устойчивых режимов связности переживания.
3. Показан реляционный характер данного генезиса, выражающий зависимость стабилизации переживания от координации телесных и аффективных процессов.
4. Перинатальный горизонт обоснован как онтогенетический уровень анализа формирования дорефлексивной согласованности.
5. Интероцептивная чувствительность и регуляторная вариативность определены как параметры стабилизации дорефлексивной связности.



Вывод

Врожденное знание следует понимать как архитектуру условий возможного знания, формирующуюся в реляционной динамике ранней телесно-аффективной со-регуляции перинатального периода. Оно относится не к наличию готовых когнитивных содержаний, а к становлению структур связности переживания, обеспечивающих возможность последующей предметной организации опыта. Субъективная реальность и условия возможного знания образуют единый процесс становления, разворачивающийся в дорефлективной координации телесных, аффективных и интероцептивных состояний.

Тем самым врожденное знание определяет как структурное свойство ранней организации субъективной реальности, обеспечивающее воспроизводимость связности и возможность формирования познавательных различий.

Литература

- Husserl 1966 – Husserl E. *Analysen zur passiven Synthesis: Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten 1918–1926*. – Den Haag: Martinus Nijhoff, 1966. – 531 p.
- Zahavi 2014 – Zahavi D. *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame*. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 280 p. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199590681.001.0001.
- Thompson 2007 – Thompson E. *Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of Mind*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. – 543 p.
- Сердюков 2025 – Сердюков Ю.М. Трансцендентальный опыт. – М.: Канон+, 2025. – 304 с. – ISBN 978-5-88373-960-5.
- Martínez-Quintero, De Jaegher 2020 – Martínez-Quintero M.A., De Jaegher H. *Becoming: Maternal–Fetal Intra-action and the Transformative Power of Movement* // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – Art. 575486. – DOI: 10.3389/fpsyg.2020.575486.
- Ciaunica, Kassotaki, Savoca 2021 – Ciaunica A., Kassotaki O.-A., Savoca C. *From Co-Embodiment to Co-Homeostasis in Early Life* // *Cybernetics & Human Knowing*. – 2021. – Vol. 28, № 1–2. – P. 149–168.
- Дубровский 2002 – Дубровский Д.И. *Проблема идеального. Субъективная реальность*. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
- De Jaegher, Di Paolo 2007 – De Jaegher H., Di Paolo E. *Participatory sense-making: An enactive approach to social cognition* // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2007. – Vol. 6, № 4. – P. 485–507. – DOI: 10.1007/s11097-007-9076-9.
- Fuchs, De Jaegher 2009 – Fuchs T., De Jaegher H. *Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation* // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2009. – Vol. 8, № 4. – P. 465–486. – DOI: 10.1007/s11097-009-9136-4.
- Di Paolo, De Jaegher 2017 – Di Paolo E., De Jaegher H. *Neither Individualistic nor Interactionist: Participatory Sense-Making* // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – Art. 496. – DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00496.
- Fuchs 2016 – Fuchs T. *Intercorporeality and Interaffectivity* // *Phenomenology and Mind*. – 2016. – № 11. – P. 194–209.
- Tronick 2007 – Tronick E. *The Neurobehavioral and Social-Emotional Development of Infants and Children*. – New York: W.W. Norton, 2007. – 571 p.
- Kassotaki et al. 2021 – Kassotaki O.-A., Valsamakis G., Mastorakos G., Grammatopoulos D. *Placental CRH as a signal of pregnancy adversity and impact on fetal neurodevelopment* // *Frontiers in Endocrinology*. – 2021. – Vol. 12. – Art. 714214. – DOI: 10.3389/fendo.2021.714214.
- Merleau-Ponty 2012 – Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception* / trans. D.A. Landes. – London; New York: Routledge, 2012. – 696 p. – DOI: 10.4324/9780203720714.
- Gallagher 2017 – Gallagher S. *Enactivist Interventions: Rethinking the Mind*. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 272 p.
- Varela, Thompson, Rosch 1991 – Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 308 p.
- Chomsky 1965 – Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1965. – 251 p.
- Fodor 1983 – Fodor J.A. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1983. – 145 p.
- Carey 2009 – Carey S. *The Origin of Concepts*. – New York: Oxford University Press, 2009. – 598 p.
- Spelke, Kinzler 2007 – Spelke E.S., Kinzler K.D. *Core knowledge* // *Developmental Science*. – 2007. – Vol. 10, № 1. – P. 89–96. – DOI: 10.1111/j.1467-7687.2007.00569.x.
- Craig 2002 – Craig A.D. *How do you feel? Interoception: the sense of the physiological condition of the body* // *Nature Reviews Neuroscience*. – 2002. – Vol. 3, № 8. – P. 655–666. – DOI: 10.1038/nrn894.

PREREFLECTIVE SUBJECTIVITY: RELATIONAL GENESIS OF INNATE KNOWLEDGE

Bolvanovich S.A.

Far Eastern State Transport University

The relational genesis of prereflective subjectivity redefines the place of innate knowledge within the philosophical analysis of subjective reality. The prereflective organization of subjective reality is



understood as a level of experience at which coherence is maintained prior to the emergence of reflective self-reference.

Genesis is conceived not in causal terms but as the formation of stable modes of coherence ensuring the minimal continuity of subjective reality. Methodologically, the analysis draws on phenomenology of prereflective experience, a processual account of subjectivity, and relational models of bodily-affective coordination, developed within the enactivist tradition.

Perinatal co-regulation is introduced as an ontogenetic horizon of prereflective coherence; interoception and regulatory variability are treated as parameters of its stabilization.

The status of innate knowledge is redefined as the architectonic conditions of possible knowledge emerging within the dynamics of prereflective experiential coherence. The becoming of subjective reality and the formation of the conditions of cognition are treated as a single process.

Keywords: subjective reality, innate knowledge, perinatal experience, relational genesis, prereflective subjectivity, minimal self.

References

1. Husserl E. (1966) *Analysen zur passiven Synthesis: Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten 1918–1926*. Den Haag: Martinus Nijhoff.
2. Zahavi D. (2014) *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199590681.001.0001.
3. Thompson E. (2007) *Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
4. Serdyukov Yu.M. (2025) *Transtsendental'nyi opyt [Transcendental Experience]*. Moscow: Kanon+.
5. Martínez-Quintero M.A., De Jaegher H. (2020) Becoming: Maternal–Fetal Intra-action and the Transformative Power of Movement. *Frontiers in Psychology*, 11, 575486. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.575486.
6. Ciaunica A., Kassotaki O.-A., Savoca C. (2021) From Co-Embodiment to Co-Homeostasis in Early Life. *Cybernetics & Human Knowing*, 28(1–2), 149–168.
7. Dubrovsky D.I. (2002) *Problema ideal'nogo. Sub»ektivnaya real'nost' [The Problem of the Ideal. Subjective Reality]*. Moscow: Kanon+.
8. De Jaegher H., Di Paolo E. (2007) Participatory sense-making: An enactive approach to social cognition. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 6(4), 485–507. DOI: 10.1007/s11097-007-9076-9.
9. Fuchs T., De Jaegher H. (2009) Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 8(4), 465–486. DOI: 10.1007/s11097-009-9136-4.
10. Di Paolo E., De Jaegher H. (2017) Neither Individualistic nor Interactionist: Participatory Sense-Making. *Frontiers in Psychology*, 8, 496. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00496.
11. Fuchs T. (2016) Intercorporeality and Interaffectivity. *Phenomenology and Mind*, 11, 194–209.
12. Tronick E. (2007) *The Neurobehavioral and Social-Emotional Development of Infants and Children*. New York: W.W. Norton.
13. Kassotaki O.-A., Valsamakis G., Mastorakos G., Grammatopoulos D. (2021) Placental CRH as a signal of pregnancy adversity and impact on fetal neurodevelopment. *Frontiers in Endocrinology*, 12, 714214. DOI: 10.3389/fendo.2021.714214.
14. Merleau-Ponty M. (2012) *Phenomenology of Perception* (D.A. Landes, Trans.). London; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203720714.
15. Gallagher S. (2017) *Enactivist Interventions: Rethinking the Mind*. Oxford: Oxford University Press.
16. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. (1991) *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: MIT Press.
17. Chomsky N. (1965) *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press.
18. Fodor J.A. (1983) *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press.
19. Carey S. (2009) *The Origin of Concepts*. New York: Oxford University Press.
20. Spelke E.S., Kinzler K.D. (2007) Core knowledge. *Developmental Science*, 10(1), 89–96. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2007.00569.x.
21. Craig A.D. (2002) How do you feel? Interoception: the sense of the physiological condition of the body. *Nature Reviews Neuroscience*, 3(8), 655–666. DOI: 10.1038/nrn894.



К вопросу о дефиниции понятия «мнение»: историко-философский обзор

Сингаевская Марина Владимировна,

преподаватель-исследователь, соискатель кафедры
политического анализа МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: singaevskaya.marina@yandex.ru

В гуманитарных науках вопрос определения исходных понятий выходит за рамки научной точности, нередко затрагивая аксиологические и идеологические аспекты. Во многих случаях объекты гуманитарного познания, в отличие от естественнонаучных, не просто выделяются из действительности, а создаются различными определениями. Поэтому формирование современного, чётко структурированного категориального аппарата имеет выраженную актуальность. Вопросу точности дефиниций в гуманитарных науках уделяется недостаточно внимания. В статье проведён историко-философский обзор развития понимания понятия «мнение», начиная с Древней Греции (Демокрит, Парменид, Платон, Сократ, Аристотель).

Чёткое понимание понятия «мнение» необходимо не только само по себе, но и для понимания понятия «общественное мнение». В этой статье автор формулирует дефиницию, исходя из анализа смыслообразующих свойств понятия. Сформулированное определение предлагается для использования в научных и философских текстах.

Ключевые слова: категориальный аппарат, дефиниции, мнение, общественное мнение, знание, вера, гуманитарные науки.

Для обсуждения любой темы необходима терминология, разделяемая всеми участниками обсуждения, при этом однозначно определяющая используемые понятия. Однако, во многих гуманитарных науках этому важному вопросу уделяется недостаточно внимания. Так, во многих статьях на тему общественного мнения это понятие определяется по-разному, причём не в плане развития, уточнения дефиниции, а «параллельно». Более того, говоря об общественном мнении, авторы как бы подразумевают, что более общее понятие «мнение» общеизвестно и имеет строгую формулировку. Однако, это не так: даже если тема «что есть мнение» затрагивается, то исследователи нередко сосредотачиваются на частных случаях, при этом недостаточно внимания уделяется строгости и точности определения. Наглядный пример: Р.С. Могилевский в своём «Современном словаре общественного мнения» [1, с. 233–245] приводит 40 «видов мнений».

Понятие мнения берёт начало в философской традиции Древней Греции, где ему соответствовал термин «δόξα», обозначавший недостоверное суждение, основанное на чувственном восприятии. В античной философии докса противопоставлялась истинному знанию, именуемому как «ἐπιστήμη» [2, с. 380], или логосу (λόγος) [3, с. 585] – рациональному познанию бытия. Представители идеалистического направления признавали разум единственным источником достоверного познания, тогда как мнение считалось искажённым, неполноценным способом освоения действительности. Так, Демокрит характеризовал доксу как «незаконнорождённое знание».

Идея разделения между знанием и мнением была впервые чётко сформулирована элеатами, в особенности Парменидом, который рассматривал мнение как отражение изменчивой чувственной реальности, в отличие от мышления (νοῦς) и разума (λόγος), постигающих вечное и неизменное бытие. Философ сохранил ранний подход: мнение – это феномен человеческого восприятия, истинное же знание – это прерогатива божественного. Говоря современным языком, речь идёт о надличностном, максимально независимом от индивида. Парменид противопоставляет мнения смертных людей (βροτῶν δόξα) «подлинному слову» (πίστο'ς λόγος) истины богини Дике (Δίκη – «право, справедливость, правда») [4]. Он писал, что богиня научила его этой истине и противопоставляет истинное философское знание также



и мнению толпы за нескритичность, доверие традиционным значениям слов: она «не разумеет то, с чем имеет дело» [5]. Мнение большинства Парменид называет бредом и галлюцинацией, в лучшем случае – сном: люди, образно говоря, являются спящими (ἐν δοντεῖ) даже когда бодрствуют [6, с. 63–72].

В итоге Парменид выделил три вида познания [7]:

- 1) мышление, направленное на «вечные истины» бытия, которое он рассматривал неизменным;
- 2) чувственное восприятие, направленное на сиюминутную и имманентно изменчивую действительность;
- 3) «путь достойных похвалы» – мнение тех, кто обнаруживает порядок (закономерности) в изменчивом мире, т.е. начало пути к «высшим истинам».

Платон полагал, что истинными и высшими сущностями являются идеи, или эйдосы (εἶδος), существующие вне чувственного мира. Мнение (δόξα), по его учению, основано на восприятии через органы чувств и включает в себя как повседневный опыт, так и различные формы убеждений и верований.

Платон чётко разграничивает мнение и знание. Согласно его философской концепции, мнение (δόξα) складывается из веры (πίστις) и догадки (εἰκασία) и относится к области чувственно воспринимаемого, изменчивого и неустойчивого, в отличие от подлинного знания, связанного с вечными и неизменными идеями. Мнение не обладает достаточной степенью достоверности и истинности. Общепринятые мнения нередко препятствуют разуму, ставят ему препоны, «удерживают в плену». Предвзрения следует отбросить, практикуя критическое мышление и даже иронию, пересмотреть с точки зрения разума и даже этики.

Платон уточняет свою концепцию доксы в главе VI (509e–511e). Всё познаваемое он делит на воспринимаемое чувствами (вещественный мир; здесь восприятие – δόξα) и познаваемое умом (истину, бытие, т.е. в его концепции – эйдосы; здесь восприятие – ἐπιστήμη).

Умопостигаемое Платон делит на идеи вещей и их умопостигаемые подобия. Идеи здесь являются вечными и неизменными сущностями, которые не нуждаются ни в каких предпосылках и доступны лишь разуму (νόησις). Примером умопостигаемых подобий идей являются математические объекты, которые производит рассудок (διδόικα) математиков. Разум и рассудок вместе составляют мышление, способное на познание интуитивным и дискурсивным методами.

Воспринимаемое чувственно также делится на восприятие предметов, т.е. непосредственный опыт, и восприятие «теней», изображений предметов. Совокупность веры (πίστις) и догадок (εἰκασία) и есть мнение (δόξα). Мнение не является подлин-

ным знанием, так как касается изменчивых предметов и их изображений.

Таким образом, мнение у Платона – это нечто не просто мимолётное, быстропроходящее, но и случайное по сути: разнообразные искажения истины возникают по множеству причин, при этом может одновременно быть множество мнений у разных индивидов. Гносеологически Платон помещает мнение между знанием и незнанием, а онтологически – между истинным в его концепции бытием эйдосов и небытием (т.е. относит к чувственному миру).

Важно чёткое отделение Платоном философов (мыслителей, стремящихся к познанию) от обычных людей, удовлетворяющихся мнениями. Тема раскрыта в «Государстве» (476–480) [8, с. 222–262]: «...провожаю различие: отдельно помещаю любителей зрелищ, ремёсел и дельцов... и отдельно тех, ... которых с полным правом можно назвать философами».

Говоря о философах, он пишет, что их «состояние мышления мы правильно назвали бы познанием», поскольку они познают; но прочие склонны «считать подобие вещи не подобием, а самой вещью, на которую оно походит» – и восприятие такого человека следует назвать «мнением, потому что он только мнит», а «познание направлено на существующее, а незнание неизбежно направлено на несуществующее», поэтому в плане мнения и его места «надо искать нечто среднее между незнанием и знанием». Мнение – это категорически не какое-либо знание, а нечто парадигмально отличающееся: «это уже иная способность, чем знание... мнение направлено на одно, а знание – на другое». И если «знание по своей природе направлено на бытие с целью постичь... познать его свойства», то мнение «направлено лишь на то, чтобы мнить». Смешение недопустимо, это подчёркивается неоднократно: «Как можно, будучи в здравом уме, считать одним и тем же то, что безосновательно, и то, что исполнено ошибок!». В целом Платон занимал позицию против доксы, поскольку та является причиной многих ошибок суждений [9, с. 188].

Таким образом, мнение «более смутно, чем знание, но яснее, чем незнание» (причём тут имеется в виду именно концептуальное незнание, абсолютное: «небытия нет»), но «оно не выходит за их пределы» – и «значит, оно – нечто среднее между ними».

В диалоге «Теэтет» Сократ вводит важное уточнение [10, с. 192–274]: «бывает правильное мнение с объяснением, которое нельзя назвать знанием» (208b), потому что «ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание» (210a). Мнение может формально совпадать со знанием по содержанию, конечным выводам; но оно остаётся отличным от знания по своей природе.



Согласно Аристотелю, знание (ἐπιστήμη) исходит из необходимых посылок и образуется дискурсивно или непосредственно интуитивно (νοῦς). Мнение же (δόξα) носит вероятностный характер.

Тема раскрывается во второй «Аналитике» [11, с. 312–314]. Аристотель подтверждает, что «знание направлено на общее и основывается на необходимых [положениях]», а «мнение есть нечто непостоянное, и такова его природа». Также он не просто парадигмально различает мнение и знание, но даже и не считает возможным «бытовое» использование «верного мнения» как знания:

«...почему мнение не есть знание, раз полагают, что обо всем, что знают, можно иметь какое-то мнение? ...невозможно об одном и том же в одно и то же время иметь мнение и знание. Иначе пришлось бы принять, что одно и то же может в одно и то же время и быть иным, и не быть иным, что, однако, невозможно. У разных людей знание и мнение об одном и том же так, как было сказано, возможно. Но у одного и того человека это невозможно».

Аристотель в «Топике», рассматривая силлогизмы, также уделил внимание мнению. Аподиктический силлогизм, который является доказательным в строгом смысле, исходит из достоверных и необходимых посылок и приводит к «научному знанию» (точнее, к ἐπιστήμη – современное понимание науки отличается). Эристический силлогизм, то есть ошибочное или исходящее из ложных посылок умозаключение, Аристотель рассматривал, критикуя софистов. Мнение (δόξα), писал он, получается путём рассуждения с использованием «правдоподобных» посылок (ἐνδοξα – положения, которые принимаются «всеми, большинством или мудрыми») [4]. Как и у Платона, мнение «размещается» между знанием и незнанием.

Таким образом, в рамках философского эпистемологического подхода мнение изначально рассматривалось как недостаточное основание для достоверного знания. Мнение последовательно противопоставлялось знанию и исключалось из строгих рассуждений. Уже на ранних этапах формирования научной методологии вера и субъективные убеждения не допускались в качестве обоснования истинных утверждений, что свидетельствует о стремлении к доказательности мысли, уменьшению субъективности подхода.

Однако, для древнегреческих философов характерна общая особенность: их идеализм отчётливо отрывался от действительности, а стремление к идеалу – от практического применения. Со временем пришло понимание, что даже точное научное знание de facto опирается на некоторые общепринятые мнения, которые признаются большинством мудрецов, и было бы странно «открывать» их заново каждому индивидуально. Поэтому уже последователи Аристотеля начали собирать и систематизировать мнения своих предшествен-

ников по различным темам. Пример: «Физические мнения» Теофраста. Тема получила развитие; перипатетики составляли сборники «Мнений» уже как норму систематизированного знания. Сочинение Эпикура «Главные воззрения (Κύρια δόξα)» уже использует термин «δόξα» в положительном смысле [11]. Можно сказать, что здесь имеет место смешение обоснованного, научного (натурфилософского) мнения, а также строгих логических рассуждений, с «просто мнением» обывателей.

В 1879 году профессор Берлинского университета Герман Дильс предложил в своём труде «Doxographi graeci» концепцию, названную им «доксография». Не углубляясь в её специфику, отметим целесообразность подхода: мысль «используя мнение, надо учитывать, чьё оно» (а также контекст и др.) естественна, и в доксографии вопрос достоверности данных в пересказе учитывается систематизированно. Так, классические «Фрагменты досократиков» (Die Fragmente der Vorsokratiker) Дильса-Кранца содержат очень полезную классификацию: A. testimonia: – древние свидетельства о биографии и взглядах философа; B. ipsissima verba – точные цитаты философа; C. imitations – работы подражателей.

Такая маркировка фрагментов текстов позволяет использовать содержащиеся в них мнения с меньшим риском приписать философу что-либо постороннее: буквальная цитата – это не то же самое, что пересказ и тем более вторичный текст «по мотивам».

В целом отношение к мнению в эпистемологическом плане сложилось ещё во времена древнегреческих философов, и было, как описано выше, отрицательным; поэтому очень долго, до XIX века (причём ближе к концу) оставалась без внимания философов и учёных. Кроме того, качественное исследование мнения как феномена на когнитивных полях, отличных от «чистой» философии – психологическом, социологическом, политологическом – было ещё невозможно: соответствующие гуманитарные науки ещё не сформировались [12]. Для исследования феномена мнения требовался анализ бессознательного, различных иррациональных психологических феноменов, а также эмоций и неосознанных чувств. В плане же исследования рациональных мотивов, обуславливающих мнение, требовалась когнитивная психология. В итоге серьёзный интерес к мнению как к предмету исследования вновь появился лишь к середине XX века, причём в контексте именно общественного мнения.

Краткое и чёткое определение понятия мнение дано Иммануилом Кантом в «Критике чистого разума»: «Мнение есть убеждение, сознающее свою ограниченность как субъективно, так и объективно» [13, с. 603–610]. Раскрывает тему он следующим образом:



«Признание какого-либо суждения истинным есть факт, происходящий в нашем рассудке и могущий иметь объективные основания, но требующий также субъективных причин в душе того, кто высказывает суждение. Если суждение имеет знание для всякого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание, и тогда признание истинности его называется убеждением (*Überzeugung*). Если же оно имеет основание только в частных свойствах субъекта, то оно называется верованием (*Überredung*)» [13, с. 603–610].

При этом «Верование есть лишь иллюзия, так как [в этом случае] основание суждения, заключающееся только в субъекте, принимается за [объективное] основание». Однако «с субъективной стороны верование, правда, не может быть отлечено от убеждения, если субъект рассматривает признание истинности суждения только как явление в своей душе». Более того, если, даже уже разобравшись с причинами ложного мнения, «мы разоблачаем иллюзию и больше уже не обманываемся ею, хотя все же в известной степени она продолжает искушать нас, если субъективная причина иллюзии присуща нашей природе» [13, с. 603–610].

Далее Кант пишет о разнице между мнением, верой и знанием. «Знание – признание истинности суждения как субъективно, так и объективно. Вера – признание истинности суждения с субъективной стороны, но объективно недостаточное. Мнение – признание истинности суждения, сознаваемое недостаточным как с субъективной, так и с объективной стороны. Субъективная достоверность называется убеждением (для меня самого), а объективная достаточность называется достоверностью (*Gewißheit*) (для всякого)» [13, с. 603–610].

Следует подчеркнуть, что Кант рассматривал мнение в его осознанной форме – как суждение, которое субъект признаёт недостоверным, то есть не претендующим на статус знания (например, гипотеза). Однако гораздо чаще встречается мнение догматическое, основанное на вере и выдаваемое за истину *a priori*. Важно: мнение в общем случае не требует обоснования, а если таковое и присутствует, то оно носит скорее субъективный характер.

Если мнение относится к некоему факту, то, в отличие от знания, этот факт не поддаётся проверке. Показательно, что разные люди, исходя из одних и тех же фактов, могут иметь разнообразные мнения, включая диаметрально противоположные [14, р. 14–15.].

В современном понимании мнение трактуется как мысль или суждение, высказанное без достаточного обоснования или проверки, то есть не подкреплённое строгой аргументацией или эмпирическим подтверждением. С точки зрения гносеоло-

гии, мнение, наряду с верой, противопоставляется знанию как его неполноценная форма. Там, где исчерпывающее знание отсутствует, на его месте возникает мнение, основанное на субъективной интерпретации или недоказанных предположениях. Однако тема научной методологии не является предметом этой работы, поэтому далее под мнением везде, если не написано иначе, будет подразумеваться мнение оценочное, то есть «совокупность связанных между собой суждений, заключающих в себе скрытое или явное отношение, оценку к.-л. явлений, процессов, событий и фактов действительности» [7].

Подобное мнение существенно зависит от мировоззренческих установок субъекта, его ценностных ориентаций и психологических особенностей. Обычно оно формируется на основе ограниченного или одностороннего восприятия фактов, идей либо интерпретации информации сквозь призму личных убеждений и эмоциональных реакций [15].

В отечественной науке академик М.К. Горшков, занимаясь вопросами общественного мнения, также обращал внимание на важность чёткого понимания самого понятия «мнение»: невозможно последовательно исследовать явление общественного мнения без предварительного осмысления категории мнения как таковой [16, с. 178–187]: «Если в теории познания под мнением понимают суждение, отличное от высказываний веры и положений знания, то в социологии оно рассматривается как высказывание, связанное с его субъектом (индивидом, группой, коллективом, общечеловеческой и др.)».

В научной традиции, равно как и в повседневном употреблении, мнение устойчиво рассматривается как форма субъективного суждения. Важно понимать: если всякое мнение представляет собой суждение, то не всякое суждение является мнением. В рамках социологии, политологии и обществоведения в целом мнение понимается преимущественно как оценочное суждение, выражающее отношение – одобрение или осуждение, предпочтение или неприятие – по отношению к определённому объекту или явлению. Оно отличается от дескриптивных (описывающих действительность) и нормативных (фиксирующих правила или ценности) суждений своей направленностью на выражение индивидуальной или групповой позиции.

Признак мнения на когнитивном поле обществоведения – это именно оценка что-либо или кого-либо. Высказывание, утверждающее лишь наличие или отсутствие некоего объекта, просто выражающее «нечто есть/отсутствует», не содержит оценочного значения – следовательно, не является мнением в рассматриваемом смысле, на когнитивном поле политической психологии.

Для адекватного понимания мнения в контексте рассматриваемой темы необходимо учиты-



вать, что его восприятие связано с автоматическим превращением объекта в предмет ценностной оценки. Мнение выступает не просто как суждение, но именно как оценочное и ценностное суждение. При этом оценка может быть различной по степени выраженности – от нейтрального восприятия до чётко выраженной позиции. Однако даже при внешней нейтральности мнение остаётся субъективным и опирается на индивидуальную или групповую «аксиологическую шкалу».

В отличие от научного знания, которое является по своей сути коллективно-субъективным, мнение всегда связано с конкретным носителем: это мнение определённого человека, группы, класса, идеологического течения.

Аристотель понимал под определением «речь, обозначающую суть бытия» [17, с. 352], но это, конечно, слишком расплывчато. Говоря современным языком, определение – это логическая операция, раскрывающая содержание понятия.

Однако вспомним давнюю философскую историю: когда Платон дал человеку определение «двуногое существо без перьев», то, согласно легенде, Диоген принёс ему ощипанного петуха, после чего Платон дополнил своё определение: «и с плоскими ногтями». Да, такая формулировка позволяет выделить человека как вид из всех других живых существ (другой вариант: «животное с мягкой мочкой уха»). Но такая дефиниция никак не раскрывает понятие «человек», выделяя его по признакам, которые никоим образом нельзя отнести к существенным. Если бы у человека на голове вместо волос росли бы перья, а на руках были бы небольшие когти, а всё остальное было осталось бы таким же, разве изменило бы это суть человечества как-либо принципиально? Таким образом, помимо формального выделения некоего множества объектов от остальных, определение должно *раскрывать сущность* этих объектов [18].

Помимо представления о сущности определение должно быть эквивалентно определяемому объекту, то есть «должно быть применимо ко всему, к чему может быть применено определяемое выражение, и ни к чему более» [19].

Как правило, вопросы адекватности определений и само рассмотрение этого понятия идёт на базе математики и формальной логики, в более развёрнутом виде – в контексте естественных наук, которые оперируют в конечном счёте материальными объектами. Другими словами: естественные науки имеют дело с объектами, которые можно каким-либо образом, если и не непосредственно, то при помощи приборов, обнаружить, затем измерить их параметры, разработав соответствующие шкалы и т.д. Категориальный терминологический аппарат складывался уже столетиями, однако в гуманитарных, общественных науках споры о точном смысле, содержании продолжаются даже для самых распространённых понятий.

В результате научные дискуссии иногда выглядят странно, когда участники используют термины в несколько разных трактовках.

В гуманитарных науках вопросы определения исходных понятий выходят за рамки простой научной точности и нередко затрагивают аксиологические и идеологические аспекты. В связи с этим формирование современного, чётко структурированного категориального аппарата приобретает особую актуальность [20, с. 80–85]. Как отмечает Н.С. Федоркин, «проблема унификации понятийного аппарата, формирования строгого понятийного «языка науки», остаётся важнейшей методологической проблемой политической науки и в наши дни» [21, с. 36–43].

Исторически гуманитарные дисциплины оперировали естественным, почти что разговорным языком, что затрудняло логическую формализацию исследуемых объектов. Значения используемых терминов не только уточнялись, но и могли претерпевать значительные изменения, что создавало дополнительные барьеры для теоретической строгости и междисциплинарного взаимопонимания.

В России данной проблемой начали вдумчиво заниматься лишь в 1980-х годах. Были сформулированы требования к специальным понятиям: однозначность, прозрачность, краткость, мотивированность, отсутствие коннотации, полисемии и омонимии [22, с. 7]. Но даже в, казалось бы, профильной науке – лингвистике – отсутствовало пропорциональное соответствие понятия сигнификату, терминологическая система содержала противоречия и т.д. по причине слишком высокой субъективности в использовании терминов и стремления ввести новые, авторские [23]. Более того, многие авторские термины вводятся не как универсальные, а создаются и раскрываются исключительно в конкретной концепции автора, его работах. К этой же проблеме примыкают авторские трактовки распространённых терминов, причём полисемия может в некоторых случаях *de facto* дойти до омонимии [24, с. 51].

Крайне важный аспект проблемы, который мало кто принимает во внимание и вообще обсуждает: нечёткость терминологии гуманитарных и общественных наук обычно объясняют неопределённым характером самого объекта исследований, поскольку имеется имманентная связь с психикой человека, невозможно рассмотрение строго «снаружи». Объекты исследования зачастую являются продуктами внутреннего мира человека, не могут быть «сепарированы» для независимого исследования [25, с. 100–124].

Однако, во многих случаях объекты гуманитарного познания исследователю не даны, в отличие от естественнонаучных, прямо и непосредственно, а буквально создаются им. Если математика представляет собой полную абстракцию (может быть



сколько угодно математических систем с разной аксиоматикой), а естественные науки изучают материальные объекты действительности, то естественные науки, можно сказать, занимают промежуточное положение. И дело не только в том, что «В гуманитарном научном познании исследуемый объект выделяется, проблематизируется и объясняется с точки зрения личности и ценностей самого исследователя» [26, с. 59–93].

Особую сложность представляет необходимость, в отличие от математических абстракций, соответствия объектов исследования гуманитарных наук с действительностью. Однако при этом отсутствуют «готовые» объекты, в отличие от материальных, – они формируются исследователями самостоятельно. Иными словами, учёные сами выделяют и определяют предмет изучения, исходя из поставленных целей. С точки зрения естественнонаучного подхода, такой способ построения объекта исследования может восприниматься как условный или даже парадоксальный.

Общественные науки требуют высокой терминологической и концептуальной строгости, несмотря на субъективность выделения объектов. Однако не все исследователи следуют этому подходу, и зачастую имеют уклон не в строгость дефиниции, а в подробности описания феномена в интересующие лично аспекты. Таким образом, трактовка терминов в общественных науках крайне важна: она соответствует концепции понимания соответствующей темы и автоматически «нацеливает угол рассмотрения» вопроса.

Рассмотрим проблематику формулировки дефиниции термина «мнение».

Во-первых, мнение всегда строго субъективно. Да, мнение может выражать группа, причём достаточно большая, но не бывает мнения, которое разделяют буквально все.

Во-вторых, мнение в общем виде никак не коррелирует со знанием. Мнение может совпадать со знанием целиком, если человек согласен с научными выводами. Также возможно совпадение «на выходе» – вполне можно иметь правильное с научной т.з. мнение, но прийти к нему, исходя из ложных теорий или посылок.

В-третьих, как правило, человек воспринимает своё мнение как верное – иначе было бы нелогично и нерационально его придерживаться. Даже если человек осознаёт, что может ошибаться, в случае субъективной важности темы он может *de facto* игнорировать такую возможность.

В-четвёртых, возникает сложность в проведении чёткого различия между понятиями «мнение» и «убеждение». С одной стороны, в повседневном употреблении эти термины зачастую рассматриваются как синонимы: действительно, странно декларировать мнение, в справедливости которого ты не уверен. Таким образом, если убеждение предполагает определённую степень внутренней

устойчивости и принятия, то мнение может быть высказано даже без попыток рационального или эмпирического подтверждения.

В-пятых, мнение может быть сформулировано лишь по отношению к тем вопросам, которые допускают неоднозначность интерпретации, оценки или понимания – именно в этом заключается его отличительная черта. Если утверждение не оставляет места для дискуссии, как, например, математический факт «два плюс два равно четырём» (в десятичной системе счисления), то о нём нельзя говорить как о мнении – это знание.

В-шестых, хотя зачастую мнение рассматривается как результат индивидуальных предпочтений, это представление требует уточнения. Формально у каждого человека могут быть собственные склонности, но в реальности они часто формируются под влиянием внешних факторов, таких как общественная мораль, официальная идеология, религиозные нормы и прочие элементы социокультурной среды.

Ещё один важный аспект: если подходить к понятию «мнение» в самом общем виде, можно выделить три его разновидности: 1) мнение о существовании объекта; 2) мнение о верности определённой концепции или теории; 3) оценочное мнение, связанное с личным отношением.

В контексте общественных наук основное внимание уделяется третьему типу – мнению ценностно-оценочному. Однако при анализе самого понятия «мнение» необходимо учитывать и первые два варианта. В частности, мнение о существовании объекта часто сводится к бинарному выбору – «существует» или «не существует», игнорируя возможность неопределённости как промежуточного состояния как в объективном, так и в субъективном восприятии. «Мнение – одно из важнейших проявлений общественного и индивидуального сознания, совокупность связанных между собой суждений, заключающих в себе скрытое или явное отношение, оценку каких-либо явлений, процессов, событий, фактов действительности» [7].

Итак, мнение субъективно; не обязательно обосновано; не обязательно совпадает со знанием по сути или форме; может быть различной степени убеждённости.

Предлагается для использования в научных и философских текстах следующее определение:

«Мнение – это [оценочное] суждение по вопросу, который допускает неоднозначность [отношения]».

Эта дефиниция соответствует мнению на когнитивном поле социологии, психологии и политологии, где мнение всегда является оценочным. Однако, если из формулировки убрать «[оценочное]» и «[отношения]», то определение понятия становится универсальным, так как «расширяется» на вопросы, не имеющие отношения к аспекту



оценки объекта, такие как вопрос существования объекта.

Следует учитывать, что мнение может быть различной степени обоснованности (от научного знания и до веры) и убеждённости (от фанатизма до скептицизма), но эти параметры не входят в дефиницию понятия.

Литература

1. Могилевский Р.С. Современный словарь общественного мнения. История, теории, методы, институты. М.: 2014. С. 233–245.
2. Мнение и знание / Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энци., 1983. С. 380.
3. Абрамова Н.Т. Мнение / Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 585.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энци., 1983. 839 с.
5. Parmenides. DK 28 B1 = Sext. VII 111f // Fragments and Commentary, translated by John Burnet. URL: https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2016/12/parmenides_frag_final.pdf (дата обращения: 14.06.2025).
6. Семушкин А.В. Антиномизм мифа и логоса в генезисе философского знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». М.: РУДН. 2008. № 2. С. 63–72.
7. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
8. Платон. Государство. Кн. V // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 222–262.
9. Докса // Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. С. 188.
10. Платон. Теэтет // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 192–274.
11. Аристотель. Вторая аналитика Книга первая, гл. XXXIII // Сочинения в четырёх томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 312–314.
12. Абрамова Н.Т. Мнение / Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 634 с.
13. Кант И. Канона чистого разума третья секция. О мнении, знании и вере / Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. С. 603–610.
14. Damer T.E. *Attacking Faulty Reasoning: A Practical Guide to Fallacy-free Arguments*. Cengage Learning, 2008. P. 14–15.
15. Гусев С.С. Мнение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. – С. 523.
16. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 178–187.
17. Аристотель. Топика // Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 352.
18. Ивин А.А. Логика изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2007. 283 с.
19. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск: Социум, 2010. 655 с.
20. Чикаева Т.А. К вопросу о категориальном аппарате гуманитарных наук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 3 (23). С. 80–85.
21. Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и Время. М. 2013. № 3 (13). С. 36–43.
22. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. С. 7.
23. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, ЛИБРОКОМ, 2010. 141 с.
24. Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: Автореф. дисс. доктора фил. наук. М.: МГУ, 2010. С. 51.
25. Перцов Н.В. О точности в филологии // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 100–124.
26. Розин В.М. Природа и особенность гуманитарного познания и науки // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 59–93.

ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF «OPINION»: A HISTORICAL-PHILOSOPHICAL OVERVIEW

Singaevskaia M.V.

Lomonosov Moscow State University

In the humanities, the task of defining foundational concepts extends beyond scientific precision, often involving axiological and ideological dimensions. Unlike in the natural sciences, objects of study in the humanities are frequently not merely identified within reality but constructed through different definitions. Consequently, developing a modern, clearly structured conceptual framework is of significant relevance. The issue of definitional precision in the humanities receives insufficient attention. This article provides a historical-philosophical overview of the evolution of the concept of «opinion» (δόξα/doxa), tracing its development from Ancient Greece (Democritus, Parmenides, Plato, Socrates, Aristotle).

A precise understanding of «opinion» is essential not only in its own right but also for comprehending «public opinion.» In this article, the author formulates a definition based on an analysis of the meaning-constituting properties of the concept. The resulting definition is proposed for application in scholarly and philosophical texts.

Keywords: conceptual framework, definitions, opinion, public opinion, knowledge, faith, humanities.

References

1. Mogilevsky R.S. *Modern Dictionary of Public Opinion. History, Theories, Methods, Institutions*. Moscow, 2014. Pp. 233–245.
2. *Opinion and Knowledge / Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1983. Pp. 380.
3. Abramova N.T. *Opinion / New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols. Vol. 2*. Moscow: Mysl, 2010. Pp. 585.
4. *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1983. 839 p.



5. Parmenides. DK 28 B1 = Sext. VII 111f // Fragments and Commentary, translated by John Burnet. URL: https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2016/12/parmenides_frag_final.pdf (accessed: 14.06.2025).
6. Semushkin A.V. Antinomianism of Myth and Logos in the Genesis of Philosophical Knowledge // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series «Philosophy». Moscow: RUDN. 2008. № 2. pp. 63–72.
7. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / Ed. by A.A. Ivin. Moscow: Gardariki, 2004. 1072 p.
8. Plato. Republic. Book V // Collected Works in 4 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl', 1994. pp. 222–262.
9. Doxa // Dictionary of Antiquity. Moscow: Progress, 1989. P. 188.
10. Plato. Theaetetus // Collected Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1994. Pp. 192–274.
11. Aristotle. Second Analytics. Book 1, Chapter XXXIII // Works in four volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1978. Pp. 312–314.
12. Abramova, N.T. Opinion / New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl', 2010. 634 p.
13. Kant, I. The Canon of Pure Reason, Third Section. On Opinion, Knowledge, and Faith / Critique of Pure Reason / Translated from German by N.O. Lossky. Moscow: Nauka, 1999, pp. 603–610.
14. Damer T.E. Attacking Faulty Reasoning: A Practical Guide to Fallacy-Free Arguments. Cengage Learning, 2008, pp. 14–15.
15. Gusev S.S. Opinion // Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moscow: Kanon+, 2009, p. 523.
16. Gorshkov M.K. Public Opinion: History and Modernity. Moscow: Politizdat, 1988, pp. 178–187.
17. Aristotle. Topics // Aristotle. Works. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1978. p. 352.
18. Ivin A.A. Logic ed. 2nd, corrected. Moscow: URSS, 2007. 283 p.
19. Cohen M., Nagel E. Introduction to Logic and Scientific Method. Chelyabinsk: Socium, 2010. 655 p.
20. Chikaeva T.A. On the Question of the Categorical Apparatus of the Humanities // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2012. № 3 (23). Pp. 80–85.
21. Fedorkin N.S. Methodological Potential of Comparative Studies of Political Systems // Space and Time. Moscow, 2013. № 3 (13). Pp. 36–43.
22. Golovin B.N., Kobrin R. Yu. Linguistic Foundations of the Theory of Terms. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. P. 7.
23. Nikitina S.E. Semantic Analysis of the Language of Science. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: URSS, LIBROKOM, 2010. 141 p.
24. Anisimova A.G. Methodology of Translation of English-Language Terms of the Humanities and Socio-Political Sciences: Abstract of a Doctor of Philosophy Dissertation. Moscow: Moscow State University, 2010. p. 51.
25. Pertsov N.V. On Accuracy in Philology // Voprosy yazykoznaniya [Problems of Linguistics]. 2009. № 3. pp. 100–124.
26. Rozin V.M. The Nature and Peculiarities of Humanitarian Knowledge and Science // Science through the Eyes of a Humanitarian. Moscow: Progress-Tradition, 2005. pp. 59–93.



Условия формирования экологической культуры в российском обществе

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена проблемами влияния технологического развития цивилизации на естественные геофизические и биосферные процессы на планете. В этой связи в формировании мировоззрения современной эпохи акцентируется приоритет коэволюции биосферы и антропосферы, который определяет тенденции развития представлений о геосистемах в современной науке. Конкретизация этого приоритета в принципе ответственного отношения к природным ресурсам планеты становится фактором мотивации новых форм поведения, соотносимых с матрицей экологической культуры. В статье на материалах исследований молодежи 18–35 лет, проведенных ВЦИОМ в 2025 г. исследуются условия формирования экологической культуры в российском обществе. На основании обобщения статистических данных выделены факторы, мотивирующие познавательный интерес российской молодежи к экологической ситуации. Подчеркивается формирование стереотипа экологического поведения как функционального механизма реализации в повседневной прагматике доминирующей установки, характеризующей бережное отношение к природе.

Ключевые слова: экологическая культура, геосистема, жизненная среда, факторы мотивации, экологическое сознание, стереотип поведения.

Введение

Ценностные ориентиры технологического развития современной цивилизации связаны с пересмотром взаимоотношения природы и общества на основании принципа коэволюции, акцентирующего приоритет сохранения целостности биосферы как необходимое условие выживания человека на планете [1, 2]. Поиск новой стратегии гармоничного развития быстро меняющегося мира в рамках этого приоритета определяется интеграцией знания, этических и прагматических установок в создании экологической архитектуры человеческой цивилизации [3, 4].

Объективные обстоятельства и векторы развития цивилизации в направлении новой планетарной культуры отношений общества к природе, требуют идентификации нового уровня общности людей в виде геосоциальности [5], которая ассоциируется с новым стереотипом массового восприятия жизненной среды, определяющим мотивы проэкологического поведения людей в быту и профессиональной деятельности.

В этой связи актуальным представляется обращение к анализу условий формирования социального поведения, мотивированного мировоззренческими и прагматическими установками экологической культуры. Задачи статьи связаны с выявлением факторов, мотивирующих формирование нового стереотипа восприятия жизненной среды и экологического поведения молодежи в различных общественных практиках. Фактический материал исследования составили социологические опросы молодежной аудитории, проведенные ВЦИОМ в 2025 г.

Мировоззренческие аспекты формирования экологической культуры

На основании идеи целостности и связанности бытия в современной науке формулируется установка геосистемной методологии в исследовании сфер Земли и принципы трансдисциплинарной познавательной стратегии в экофилософии [6, 7]. Научный анализ в исследовании и прогнозировании динамики взаимодействия систем деятельности человека и природных географических объектов со второй половине XX в. опираются на представление о *геосистеме* (В.В. Сочава). В соответствии с этой установкой, под геосистемами широким смысле понимают «земное пространство всех размерностей, любые физико-географические территориальные образования, где отдельные компоненты

природы находятся в системной связи друг с другом и как определенная целостность взаимодействуют с внешней природной средой и человеческим обществом» [8, с. 114]. Именно интегральные географические системы следует рассматривать как наиболее полный объект планирования и управления устойчивым пространственным развитием, отмечает П.Я. Бакланов [9, с. 11].

В настоящее время геосистемы соотносят с полиструктурными функциональными образованиями, жизненный цикл которых характеризуется взаимосвязью составляющих элементов. Параметры самосохранения, определяющие динамику отношений составляющих элементов, относятся к важнейшим признакам такой системы [10]. В философии науки доминирует представление о геосистеме как саморазвивающейся природно-социальной структуре, характерные черты которой подчеркиваются в экологии. В этом контексте экологические императивы соотносятся с принципами эффективности, согласованности и достаточности, определяющими концептуальную основу стратегии устойчивого развития глобального мира. Принцип экологической эффективности предполагает снижение воздействия на природные циклы восстановления окружающей среды в производственной деятельности. Принцип достаточности подчеркивает необходимость сокращения излишнего потребления природных ресурсов. Принцип согласованности (коэволюции), обращенный к гармонии взаимосвязи между промышленным и естественным метаболизмом, выступает важнейшим императивом устойчивого развития в неопределенном будущем [11].

С этой точки зрения, геосистема как полифункциональная структура интегрирована в социальные связи и соотносится с представлением об экосистемах. Современная философия науки акцентирует роль геосоциальных процессов, которые отражают особенности функциональной взаимосвязи общества и природы в формах организации жизни людей в естественных климатических и территориальных условиях. Представление о геосоциальных процессах имеет глубокие корни в истории жизни этносов в различных регионах Земли. Специфику эпохи постмодерна определяет планетарно-экологические измерения развития цивилизации, которое диктует новую смысловую матрицу общественного сознания [12], ориентирующую на экологический императив ответственного управления в потреблении ресурсов, формирует критерии оценок умных мегаполисов и мега-проектов. Глобализация экономического пространства и средств массовой коммуникации соотносится с представлениями о геоэкологических процессах, содержание которых расширяется за счет включения во взаимодействие геосфер техно-антропоферы с ее гуманитарной составляющей, отмечает И.А. Герасимова [5, с. 9–10]. Ме-

ждисциплинарный статус получает концепт *экосистемы*, содержание которого не указывает на конкретные пространственные границы и может быть отнесено к функционирующей единице любого масштаба. Специфическими признаками экосистемы выступает способ деятельности в среде обитания.

Доминирующий характер взаимосвязи социальной общности и территории характеризует формирование новой «геокультуры» [10, с. 190], которая отчасти ассоциируется с возрождением концепций географического детерминизма в объяснении закономерности социально-исторических процессов, но на первый план выводит фактор экологической культуры. В формировании мировоззрения современников и продвижении экологических знаний возрастает роль системы образования, через программы которой можно транслировать императивы и установки устойчивого развития, закрепленные в нормативно-правовой базе Российской Федерации [13].

Формирование экологической культуры в Российском обществе

Экологическая культура как система ценностей, включает социальные нормы, мотивирующие и регулирующие отношение к жизненной среде на уровне индивидуального и массового сознания: от общности по интересам, до приоритетных установок на уровне государственных программ и административных правил, ограничивающих круг легитимных действий индивидов и социальных групп. Негласные установки, соотносимые с этическими принципами и моральными нормами социальных объединений, транслируют культурную традицию в отношении к миру и другим людям. Проявление традиционного стереотипа восприятия физического мира и мира социального мотивируется опосредованно в дискурсивной практике, запускающей процессы понимания и саморефлексии в горизонте индивидуального или группового сознания.

О формировании экологического сознания Российской молодежи говорят результаты исследования ВЦИОМ от 14 августа 2025 г. [14], которые касались выявления мотивов познавательного интереса к экологической ситуации в стране и регионе своего места жительства. Социологический опрос молодежи от 18 до 35 лет в разных регионах России показал, что для основной массы респондентов разного возраста (48–65%) факторы, мотивирующие интерес к экологическим проблемам и стимулирующие формирование экологического сознания, связаны с состоянием природной и городской среды (табл. 1). Немногим более трети всех респондентов (36%) в качестве коммуникативного фактора, мотивирующего познавательный интерес к экологической ситуации



в стране и своем регионе проживания, отметили роль публикаций в СМИ и социальных сетях. Среди личностных установок, мотивирующих формирование экологического сознания, респонденты выделили заботу о своем здоровье (60%) и заботу о будущих поколениях, выразив желание оставить хорошие экологические условия следующим поколениям (46%).

Таблица 1. Факторы мотивации экологического сознания Российской молодежи 18–35 лет [14]

Объективные факторы жизненной среды в мотивации экологического сознания		Личностные факторы мотивации экологического сознания	
Фактор, мотивирующий познавательный интерес к экологической ситуации	Количество ответов всех респондентов, %	Фактор, мотивирующий познавательный интерес к экологической ситуации	Количество ответов всех респондентов, %
Проблема вывоза, складирования и утилизации мусора	65	Забота о собственном здоровье	60
Загрязнение территорий	64	Желание оставить хорошие экологические условия для будущих поколений	46
Вырубка лесов и парков, нехватка зеленых территорий	50	Пример участия друзей и знакомых в акциях	13
Деятельность промышленных компаний, аварии	48	Внимание к вопросам экологии в семье	11
Заметные изменения климата, происходящие по всему миру	48	Участие в экологических акциях, мероприятиях	9
Вымирание животных и растений, гибель природы	42	Образование, связанное с проблемами экологии	6
Проблема транспортных выхлопов	21	Работа тесно связана с экологией	4

Фактор информационной среды в формировании экологического сознания Российской молодежи

Согласно исследованиям ВЦИОМ по вопросам информирования о проблемах экологии в Российских медиа, 44% респондентов отметили, что такой информации мало (рис. 1) [15].

Наибольшую осведомленность и положительное отношение к экологическим мероприятиям в своем населенном пункте показали 33% всех ре-

спондентов и 42% опрошенной молодежи, рожденной после 2001 г. Об отсутствии интереса к участию в экологических акциях заявили 40% всех опрошенных и 35% из числа молодежи, относимой к поколению цифры (рожденные после 2001 г.).

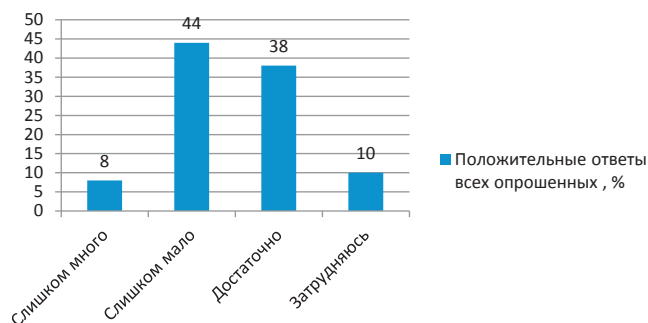


Рис. 1. Оценка молодежью 18–35 лет наличия информации по экологии в публичных медиа [15]

Согласно результатам исследования Аналитического центра ВЦИОМ от 01 октября 2025 г., 84% россиян в той или иной степени осведомлены о состоянии водных ресурсов в России, однако 72% опрошенных полагают, что о состоянии водных ресурсов в нашей стране говорят недостаточно. При этом серьезную обеспокоенность состоянием водных ресурсов в своем регионе, качеством воздуха и проблемой мусора выразили только 29% опрошенных россиян [16].

Формирование стереотипа экологического поведения Российской молодежи

Согласно статистическим данным ВЦИОМ от 14 августа 2025 года, которые были определены вопросами отношения молодежи 18–35 лет к распространению и осознанному отношению к экологическим практикам в повседневном быту, в среднем 47% респондентов следуют стереотипу экологической культуры на уровне личностной мотивации.

Данные, приведенные в аналитическом отчете ВЦИОМ от 14 августа 2025 г. для всех возрастных групп респондентов, позволяют сделать вывод о том, что ведущим мотивом формирования стереотипа экологического поведения молодых российских граждан выступает личностная установка на энергосберегающие практики в быту, на которые указали от 47% до 66% опрошенных. Осознанное потребление, связанное с минимизацией отходов, характерно в среднем для 47% респондентов.

Мотивация бережного отношения к живой природе (рис. 2), включая ответственный сбор и сортировку мусора, также говорит о формировании экологического сознания и новой культуре поведения примерно половины опрошенных российских граждан всех возрастов (около 47%). Наибольшее распространение стереотипа экологического поведения в быту характерно для 66% респондентов в отношении энергосбережения в повседневном использовании бытовой техники.



Рис. 2. Формы экологического поведения Российской молодежи 18–35 лет (по данным ВЦИОМ от 14 августа 2025 г.) [14]

Заключение

Мировоззренческая матрица экологической культуры опирается на идею целостности биосферы и ее сохранения в физических оболочках Земли. Концептуальные основания мировоззренческой матрицы образует система представлений о характере и механизмах взаимодействия естественных геосферных процессов с техносферными трансформациями, вносимыми в природные циклы совокупной деятельностью глобального социума.

В современной философии подчеркивается роль формирования планетарного сознания на основе коэволюционного подхода, в котором критериями гармоничного развития цивилизации полагаются принципы ответственности и достаточности потребления природных жизнеобеспечивающих ресурсов планеты. В этой связи акцентируется роль формирования стереотипа экологического поведения жителей как функционального механизма реализации новых мировоззренческих установок в мотивации эмоционального восприятия каждым ценности сохранения окружающей среды.

В результате обобщения данных исследований ВЦИОМ, проведенных в 2025 г. среди российской молодежи 18–35 лет, можно констатировать, что, несмотря на отмеченный респондентами недостаток информации по вопросам экологии (рис. 1), в среднем для половины опрошенной российской молодежи характерно стремление к сохранению природы. Ведущие факторы в мотивации экологического сознания Российской молодежи связаны с восприятием качества условий жизненной среды (прежде всего, с проблемами загрязнения территорий и утилизацией мусора), в сочетании с заботой о собственном здоровье и будущих поколений (табл. 1).

О распространении стереотипов экологического поведения среди российской молодежи свидетельствуют данные исследований ВЦИОМ от 2025 г., согласно которым проэкологические

практики в повседневном быту используют в среднем 47% респондентов (рис. 2).

Литература

1. Моисеев, Н.Н. Экология в современном мире // Вестник экологического образования в России. – 2010. – № 1(55). – С. 17–22.
2. Залиханов, М. Ч., Степанов С.А. Концепция Н.Н. Моисеева «коэволюция биосферы и человека» и перспективы развития этой концепции // Вестник РАН. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 3–12. – DOI 10.52531/1682–1696–2023–23–1–3–12.
3. Qingji, S. (2025). Territorial Ecological Spatial Planning. In: Peng, Z. (eds) Theories and Frontiers in Territorial Spatial Planning. Urban Sustainability. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978–981–96–9825–7_10
4. Rollot, M. (2025). Critical Strategies for Ecological Architectures. Switzerland AG 2025, Springer Cham <https://doi.org/10.1007/978–3–032–02522–7>
5. Герасимова, И.А. От модернизации к экологизации. Геоэкология и геосоциальность // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 8–21.
6. Князева, Е.Н. Экологическая философия: мировоззренческие измерения современной экологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2019. – № 1. – С. 16–23.
7. Ковалев, Ю.Ю. Эволюция системного подхода в исследованиях геопространства. Известия РАН. Серия географическая. Т. 85, Номер 5, 2021 с. 773–784 DOI: 10.31857/S2587556621050046
8. Кузьмин, С.Б. Методология геосистемных исследований в русле диалога естественных и гуманитарных наук // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 1. – С. 112–122.
9. Бакланов, П.Я. Геосистемный подход в географических исследованиях // Тихоокеанская география. 2020. № 1. С. 7–12. DOI: 10.35735/7102875.2020.1.1.001
10. Ковалев, Ю.П. География как наука о геомире и проблема его теоретического отображения // Проблемы теоретической и гуманитарной географии / Сб. научных статей, посв. 80-летию со дня рождения Б.Б. Родомана. М.: Институт наследия, 2013. С. 171–194.
11. Hartmann, E. 2025. «Sustainability Strategies: What's in a Name? A Conceptual Restatement of Fundamental Mechanisms Toward Sustainability». Sustainable Development, article sd.3443. Volume33, Issue4, August 2025, Pages 5983–5997 <https://doi.org/10.1002/sd.3443>
12. Шипунова, О.Д. Матрица экологического сознания в контексте ресурсной устойчивости российского общества: междисциплинарный

подход // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 4(486). – С. 32–41. – DOI 10.47475/1994–2796–2024–486–4–32–41.

13. Магомедов М.Г. Экологические ценности в структуре социальных ориентаций российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2022. Том 11. № 6. С. 137–144. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.7> EDN: DBBJVZ
14. ВЦИОМ. Новости: Экология должна быть экономной? 14 августа 2025 г. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologija-dolzha-byt-ehkonomnoi> (дата обращения: 18.02.2026).
15. ВЦИОМ. Новости: Экологическое благополучие в России 21 мая 2025 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskoe-blagopoluchie-v-rossii> (дата обращения: 18.02.2026).
16. ВЦИОМ. Новости: Утекает как вода, или Что мы знаем о водных ресурсах? 01 октября 2025 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/utekaet-kak-voda-ili-cto-my-znaem-o-vodnykh-resursakh> (дата обращения: 18.02.2026).

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN RUSSIAN SOCIETY

Shipunova O.D.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The relevance of this study stems from the impact of technological development on natural geophysical and biosphere processes on the planet. In this regard, the formation of a modern worldview emphasizes the priority of coevolution between the biosphere and the anthropic-sphere. This determines the trends in development of geosystem concepts in modern science, and the concretization of this priority through a responsible approach to natural resources motivates new forms of behavior correlated with environmental culture. This article, based on a survey of young people aged between 18 and 35 conducted by VCIOM in 2025, examines conditions for the development of environmental culture within Russian society. Through a summary of statistics, factors that motivate Russian youth's interest in environmental issues are identified, and the formation of an environmentally conscious behavioral pattern is emphasized as a means of implementing a caring attitude towards nature in daily life.

Keywords: environmental culture, geosystem, living environment, motivation factors, ecological conscience, behavioral stereotype.

References

1. Moiseev, N.N. Ecology in the Modern World // Bulletin of Environmental Education in Russia. – 2010. – № 1 (55). – Pp. 17–22.
2. Zalikhanov, M. Ch. Stepanov S.A. Moiseev's Concept of «Coevolution of the Biosphere and Man» and Prospects for the Development of this Concept // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. – 2023. – Vol. 23, № 1. – Pp. 3–12. – DOI 10.52531/1682–1696–2023–23–1–3–12.
3. Qingji, S. (2025). Territorial Ecological Spatial Planning. In: Peng, Z. (eds) Theories and Frontiers in Territorial Spatial Planning. Urban Sustainability. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978–981–96–9825–7_10
4. Rollet, M. (2025). Critical Strategies for Ecological Architectures. Switzerland AG 2025, Springer Cham <https://doi.org/10.1007/978–3–032–02522–7>
5. Gerasimova, I.A. From Modernization to Ecologization. Geoeconomy and Geosociality // Epistemology and Philosophy of Science. 2021. Vol. 58. № 1. Pp. 8–21.
6. Knyazeva, E.N. Ecological Philosophy: Worldview Dimensions of Modern Ecology // Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian Section). – 2019. – № 1. – Pp. 16–23.
7. Kovalev Yu.Yu. Evolution of the Systems Approach in Geospatial Research. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series. Vol. 85, Issue 5, 2021 pp. 773–784 DOI: 10.31857/S2587556621050046
8. Kuzmin S.B. Methodology of Geosystems Research in the Context of the Dialogue of Natural and Humanitarian Sciences // Society. Environment. Development. – 2018, № 1. – P. 112–122
9. Baklanov P. Ya. Geosystems approach in geographical research // Pacific geography. 2020. № 1. P. 7–12. DOI: 10.3573/57102875.2020.1.1.001
10. Kovalev Yu.P. Geography as a science of the geoworld and the problem of its theoretical representation // Problems of theoretical and humanitarian geography / Collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of B.B. Rodoman. Moscow: Heritage Institute, 2013. P. 171–194.
11. Hartmann, E. 2025. «Sustainability Strategies: What's in a Name? A Conceptual Restatement of Fundamental Mechanisms Toward Sustainability». Sustainable Development, article sd.3443. Volume 33, Issue 4, August 2025, Pages 5983–5997 <https://doi.org/10.1002/sd.3443>
12. Shipunova, O.D. Matrix of Environmental Consciousness in the Context of Resource Sustainability of Russian Society: An Interdisciplinary Approach // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2024. – № 4 (486). – P. 32–41. – DOI 10.47475/1994–2796–2024–486–4–32–41.
13. Magomedov M.G. Environmental Values in the Structure of Social Orientations of Russian Youth // Humanitarian of the South of Russia. 2022. Vol. 11. № 6. Pp. 137–144. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.7>
14. VCIOM. News: Should Ecology Be Economical? August 14, 2025 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologija-dolzha-byt-ehkonomnoi> (Accessed February 18, 2026).
15. VCIOM. News: Environmental Well-Being in Russia, May 21, 2025 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskoe-blagopoluchie-v-rossii> (Accessed February 18, 2026).
16. VCIOM. News: Flowing Away Like Water, or What Do We Know About Water Resources?, October 1, 2025 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/utekaet-kak-voda-ili-cto-my-znaem-o-vodnykh-resursakh> (Accessed February 18, 2026).



Роль людей с ВФА в маргинальных реалиях постэкономического общества: философско-акмеологический анализ

Бобер Жанна,

аспирант, кафедра философии и социологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
E-mail: zanna.bober@gmail.com

В данном исследовании показано парадоксальное положение людей с высокофункциональным аутизмом (ВФА) в условиях перехода к постэкономическому обществу и господства когнитивного капитализма. В работе показан анализ феномена ВФА через призму философской концепции маргинальности, рассматривая нейроразличных индивидов как специфическую маргинальную группу, чьи когнитивные стратегии парадоксально становятся ключевым ресурсом в эпоху информационной экономики. В исследовании применяются системно-синергетический и акмеологический подходы для выявления закономерностей адаптации людей с высокофункциональным аутизмом в маргинальных реалиях современности. Нами исследуются механизмы трансформации «социальной исключенности» в «интеллектуальное преимущество» через концепции нейроразнообразия и «исполнительного экзоскелета». Анализируются риски системного истощения организма и виктимизации, обусловленные компульсивным маскированием в нейротипичной социальной среде. В данной работе обосновывается концепция «нейро-города» как инклюзивной экосистемы будущего общества, обеспечивающей устойчивое развитие ноосферного интеллекта. Работа показывает, что интеграция людей с ВФА является предсказателем перехода человечества к стадии социального Акме (вершиность) – высшей точке созидательной эволюции человечества, где когнитивное разнообразие выступает двигателем инноваций. Данная работа предлагает стратегические сценарии развития глобального общества, зависящие от выбора между инклюзией и маргинализацией интеллектуального капитала.

Ключевые слова: высокофункциональный аутизм, когнитивный капитализм, маргинальность, нейроразнообразие, постэкономическое общество.

Введение

Современная планетарная реальность начала XXI века характеризуется состоянием «смысловой сверхдинамичной неопределенности», обусловленной переходом от индустриальной парадигмы к **постэкономическому обществу** [1]. В наше время доминирующими факторами становятся не материальное производство, а различные знания, информация и творческие возможности человека. Сегодня очевидно, что этот исторический переход сопровождается глубокими системными кризисами различного характера на всей планете, которые исследователи связывают с размыванием исторических традиционных ценностей и возникновением эффекта социального «пустого белого шума».

В современный период **когнитивного капитализма** основным производственным ресурсом становится не физическая сила («muscle-power»), а живой интеллектуальный труд индивида, способность к инновациям и системной обработке сверхсложных массивов данных. В этом контексте вроде как теоретически должны процветать люди с **высокофункциональным аутизмом (ВФА)**. Их «пилообразный профиль» способностей (Spiky Profile), особенная склонность к систематизации, гиперфокус на задачах и нестандартное мышление – это именно те шикарные качества, которые востребованы в цифровой эпохе. Однако парадокс заключается в том, что люди с ВФА остаются одной из самых маргинализованных групп, которые оказались выброшенными на «обочину» жизненных событий общества. Эта группа людей с ВФА больше всего сталкивается с беспрецедентным уровнем безработицы и социальной изоляции.

Под **маргинальностью** в данном исследовании понимается не просто «состояние на краю/границе», а предельное состояние элементов и порядков любой структуры, находящееся в диалектическом противоречии с магистральным (ведущим на данный момент) направлением развития [1]. Люди с ВФА воплощают собой **когнитивную маргинальность**, пребывая на стыке «нейротипичной» культуры социальных условий и «аутичной» культуры строгой логики.

Целью статьи является философский анализ роли людей с ВФА как «когнитивных инноваторов» в маргинальных реалиях современности. Логика исследования ведет к **гипотезе**: успешная интеграция лиц с ВФА зависит не от их попыток общепринятой



«нормализации» (маскинга), а от создания «исполнительного экзоскелета» — системы технологических и средовых опор, позволяющих трансформировать их маргинальность в ресурс для достижения стадии социального Акме (вершины развития) всего человечества [5, 12, 14]. Успех этой интеграции определит, пойдет ли нынешнее общество по пути синергии и развития ноосферного интеллекта или столкнется с когнитивным вырождением.

Материалы и методы

Исследование базируется на междисциплинарном синтезе **системно-синергетического** и **акмеологического** подходов. Материалом послужили философские работы Ж. Бобер [1, 2, 3], С.Д. Пожарского [4, 5, 14, 15], В.Л. Иноземцева [9] и К. Шваба [20], а также концепции когнитивного капитализма (Ф. Берарди) и нейроразнообразия (С. Силберман).

В работе применен новый **акмемаргинологический метод**, позволяющий анализировать вершинные (акме) и низинные (кате) состояния системы в точках максимального напряжения — бифуркациях.

В работе применены следующие методы.

1. **Акмемаргинологический метод:** авторский метод анализа вершинных (акме) и низинных (кате) состояний системы в точках максимального напряжения [12].
2. **Визуальный анализ когнитивной деятельности (VAKD):** авторский метод изучения паттернов восприятия через анализ визуальных репрезентаций, позволяющий выявить «индекс детализации» и «коэффициент системности».
3. **Хронотопологическое моделирование:** построение авторских умозрительных моделей «пространства-времени» (простора) маргинальных систем, представленных в виде логарифмических спиралей развития.
4. **Биоэнергетический аудит:** использование Коэффициента Вегетативного Баланса (КВБ) по Шипошу для оценки «психофизиологической стоимости» социальной адаптации.
5. **Статистические методы:** кластерный анализ для выделения типов адаптационных стратегий и анализ корреляций между интенсивностью маскинга и уровнем психосоматических расстройств (на основе шкал CAT-Q).

Исследование минимизирует использование чисто физиологических данных, фокусируясь на **онтологии маргинального существования** и **аксиологии нейроразнообразия** [1, 21] как предиктора будущего человечества.

Результаты

Эмпирическая верификация философской гипотезы о роли людей с ВФА в маргинальных реальностях

проводилась с использованием авторского метода визуального анализа когнитивной деятельности (VAKD: визуальный, аудиальный, кинестетический, дискретный каналы) и биоэнергетического аудита. Полученные данные позволяют эксплицировать ядро статьи, то есть более четко сформулировать и структурировать семантическое ядро данного исследования: переход от «дефицитарной» модели к модели «интеллектуального преимущества» в новых условиях постэкономики.

Когнитивная маргинальность как преимущество: Индекс детализации

В ходе исследования с применением метода VAKD (визуальный, аудиальный, кинестетический, дискретный каналы) было установлено фундаментальное различие в стратегиях обработки информации. У испытуемых с ВФА зафиксирован аномально высокий **индекс детализации (ID = 0.85)**, в то время как в контрольной группе нейротипичных респондентов этот показатель составил **0.42**. С философской точки зрения это означает «демократию восприятия»: аутичное сознание игнорирует навязанные социумом иерархии смыслов, наделяя каждую деталь бытия самостоятельной онтологической ценностью.

В наших исследованиях было статистически подтверждено, что в задачах, требующих анализа сверхсложных систем (Big Data, аудит кода), группа людей ВФА демонстрирует эффективность на 40% выше нейротипичной группы, что происходит за счет способности нейроотличных людей к обнаружению скрытых закономерностей через восходящую обработку данных (bottom-up). Это дает нам возможность подтвердить роль маргинальной группы людей с ВФА как «когнитивных инноваторов», способных видеть скрытые «швы» реальности, которые не замечает магистральное мышление нейротипичной группы людей (табл. 1).

Биоэнергетическая стоимость (цена организма) социальной мимикрии

Анализ вегетативного тонуса у нейроотличных индивидов выявил критическую «психофизиологическую стоимость» попыток социальной интеграции через маскинг. У **82% респондентов с ВФА** наблюдается состояние, при котором организм глубоко сосредоточен на восстановлении затраченных сил на приспособление к общепризнанной социальной норме, отдыхе и энергосбережении — средний **Коэффициент Вегетативного Баланса (КВБ) составил 0.82**. Постоянная социальная мимикрия (маскинг) является энергозатратным фактором, который в результате приводит к метаболическому истощению и падению КВБ, что сигнализирует о критическом снижении уровня доступной клеточной энергии — это энергозатратный процесс «двойного процессинга». В этом случае мозг одновременно пытается обработать поступающую информацию и удержать лож-



ную, но приемлемую социальную маску для защиты своей инаковости.

У женщин с ВФА показатель КВБ еще ниже (**0.79**), что указывает на более жесткую гендерную детерминацию «нормы» и, как следствие, более высокую метаболическую цену адаптации. Состояние биологического «банкротства» при этом ведет

к фазам когнитивного коллапса (Shutdown), когда префронтальная кора временно теряет функции управления, превращая субъекта в объект виктимизации из-за его неспособности к адаптивности в социальной среде в период восстановления затраченных сил на приспособление.

Таблица 1. Сравнение эффективности когнитивных стилей в маргинальных реалиях

Параметр сравнения	Нейротипичный стиль (Магистральность)	Аутичный стиль (ВФА – Маргинальность)	Философская роль в системе развития
Тип обработки	Сверху-вниз (целое -> детали), от общего к частному (метод дедукции)	Снизу-вверх (детали -> целое), от частного к общему (метод индукции)	Инновационный синтез: обнаружение новых истин в деталях. Объединение новых истин в новые эффективные системы
Стратегия внимания	Поверхностная широта («видит лес»)	Гиперфокус (Монотропизм), (видит каждое дерево в деталях и только потом происходит медленная сборка всего леса)	Удержание сложности: предотвращение энтропии в кризисных точках
Ценностный вектор	Социальная конформность	Логическая прозрачность	Этическая ригидность: фиксация девиаций системы
Стоимость адаптации	Низкая (автоматизмы)	Высокая энергозатратность (возникает метаболический долг)	Предиктор кризиса: первыми сигнализируют о сбоях среды, системы

Таблица 1 сопоставляет «Магистральный» (нейротипичный) стиль, ориентированный на сохранение текущего порядка, и «Маргинальный» (аутичный) стиль, ориентированный на поиск новых истин. Конфликт этих стилей рассматривается как двигатель инновационного синтеза и системной устойчивости.

Важные философские моменты (по анализу таблицы).

1. Индуктивный синтез как метод познания («Снизу-вверх»).

С философской точки зрения, аутичный стиль представляет собой радикальный эмпиризм. Пока нейротипичный стиль накладывает готовые сетки общих понятий на реальность (дедукция), человек с ВФА идет от «частного к общему». Нами это трактуется как способность обнаруживать **«новые истины в деталях»**, которые игнорирует большинство, что позволяет конструировать принципиально новые системы знания [1, 6, 9, 11].

2. Монотропизм как инструмент удержания сложности.

Исследования показали, что в условиях кризисных обстоятельств и высокой энтропии (хаоса) метод гиперфокуса (монотропизма) выполняет критическую функцию балансирования [4, 15]. Исследование указывает, что внимательное и детальное восприятие людей с ВФА каждого «дерева» (объекта среды, элемента системы) предотвращает системный распад, собирая объекты среды в единое целое. Аутичный интеллект нейроотличных людей удерживает сложность там, где «магистральный стиль» нейротипичных людей упрощает картину ради социальной конформности.

3. Логическая прозрачность против социальной конформности.

В этих действиях видна особая этика людей с ВФА, если есть ситуационная возможность не стремиться к тому, чтобы понравиться окружающим, а направлять свои действия к логической точности и честности. Их философская задача – фиксировать системные сбои и возможные нарушения через детальные изменения. Благодаря своей принципиальности и тонкости восприятия они замечают и подсвечивают те ошибки, на которые остальные люди закрывают глаза ради общественного спокойствия или из-за чувства незначимости ошибок.

4. Метаболический долг как «сигнал тревоги» системы.

Высокая «стоимость адаптации» и энергозатратность особого стиля приспособления в исследовании рассматривались как **«сигнал раннего предупреждения»** вероятных сбоев в среде. Люди с ВФА быстрее способны чувствовать изменения в среде (социальной, технологической или экологической), так как их организм физиологически не способен игнорировать дискомфорт, который остальное «магистральное» общество считает приемлемой «нормой».

Аутичный стиль в маргинальных реалиях – это не «инвалидность», а **авангардный тип познания**, необходимый для выживания общества в условиях стремительных социально-технологических изменений [13, 14, 17]. Маргинальность здесь выступает как позиция «внеаходимости», позволяющая видеть систему целиком и трансформировать её. **Функциональная роль** маргинальной груп-

пы людей с ВФА выполняет роль «когнитивных стражников на приграничных территориях развития». Их чувствительность к малейшим изменениям в системе позволяет им первыми фиксировать точки бифуркации и предупреждать о назревающих кризисах.

Дискуссия

Интерпретация полученных результатов в свете синергетического подхода [4, 5] позволяет рассматривать маргинальность людей с ВФА не как дефект, а как **естественную вариацию**, необходимую для эволюции ноосферного интеллекта. Как отмечалось в предыдущих наших исследованиях [1, 2, 3, 14, 15], маргинальность является ведущим фактором самоорганизации любой открытой системы. В условиях когнитивного капитализма «пилообразный профиль» аутичного индивида становится инструментом преодоления системных кризисов.

Концепция «исполнительного экзоскелета» как философская инновация

Центральным моментом дискуссии является преодоление «метаболического долга» через создание **исполнительного экзоскелета**. В нашей интерпретации это не просто набор ассистивных технологий, а материальное воплощение принципа **распределенного познания** (distributed cognition). Философская суть экзоскелета заключается в делегировании рутинных функций префронтальной коры (планирование, фильтрация сенсорного шума, декодирование невербальных сигналов) внешней технологической среде [7, 8, 17].

Экзоскелет включает три уровня опор.

1. **Цифровой (нейро-технологический):** Использование ИИ как посредника в коммуникации, что позволяет человеку с ВФА сохранять энергию АТФ для творческой идеализации, не тратя её на расшифровку сложных социальных подтекстов общения.
2. **Пространственный (архитектурный):** Реализация проекта «Нейро-города», где сама среда берет на себя функцию регуляции (сенсорная разгрузка, алгоритмическая прозрачность навигации).
3. **Социально-интерфейсный:** Создание «безопасных интерфейсов» взаимодействия, исключающих принудительный маскинг.

Значимость результатов заключается в обосновании проекта «Нейро-города». В такой среде архитектура (сенсорная экология) и цифровые интерфейсы спроектированы под нужды самых чувствительных членов общества. Эволюционный позитивный эффект инклюзии здесь в том, что город, удобный для аутиста, становится более комфортным и гуманным для всех типов нервной системы.

Таким образом, экзоскелет выступает как «**вторая кожа**» субъекта, позволяя ему демарги-

нализироваться, не отказываясь от своей аутичной идентичности. Это переход от неэффективного «лечения» личности к «дизайну под разнообразие». Значимость данного подхода в том, что он разрешает фундаментальное противоречие между нейробиологией ВФА и требованиями когнитивного капитализма.

Эволюционные сценарии: Акме или Кате

Результаты исследования подтверждают, что судьба маргинальной группы людей с ВФА является зеркалом будущего всего человечества [17, 18, 19, 20]. В рамках **оптимистичного сценария (Акме)** синергия человеческого нейроразнообразия и искусственного интеллекта ведет к формированию гибридного интеллектуального синтеза, способного решать глобальные проблемы (климат, энергия).

Пессимистичный сценарий (Кате) предполагает когнитивный коллапс общества из-за потери интеллектуального капитала. Попытки «нормализации» (пролетаризации) людей с ВФА через компульсивный маскинг ведут лишь к их системному выгоранию и исключению из созидательных процессов общества. Будущие исследования могут, по всей вероятности, сосредоточиться на разработке конкретных параметров «экономики вклада» (по Б. Стиглеру), где негэнтропийная деятельность людей с ВФА будет признана одной из основных производительных сил.

Интересный и полезный результат могут дать такие будущие исследования, которые сосредоточатся на создании **гибридного интеллекта (ГИ)**, где нейроотличный ЕИ и высокопроизводительный ИИ могут образовать симбиотическую единую систему. Это позволит справляться с быстрой утомляемостью нейроотличных индивидов из-за нехватки энергии, увеличит эффективность нейротипичных индивидов, что позволит выйти на новый уровень ноосферного интеллекта.

Выводы

Таким образом, завершая данный философский анализ роли людей с высокофункциональным аутизмом в маргинальных условиях современности, мы приходим к ряду фундаментальных заключений, которые определяют векторы дальнейшего вероятного развития не только людей с ВФА, но и, возможно, всей планетарной цивилизации.

1. Проект «Нейро-город» как онтологическая демаргинализация.

Мы видим, что философия города будущего как «**Второго экзоскелета**» определяет радикальный сдвиг или скачек в отношениях между субъектом и социальной средой. Традиционное стремительное урбанистическое пространство, требующее от индивида колоссальных усилий по фильтрации повседневного хаоса, выступает как фактор энтропии и биологического «банкротства». Пере-



кладывание когнитивной нагрузки на саму среду в «Нейро-городе» позволяет трансформировать маргинальность из состояния выживания в пространство комфортного творчества. С философской точки зрения это означает переход от «выживания в бетонных джунглях» к **созидательному бытию**, где сохраненный «метаболический бюджет» (экономия АТФ и снижение кортизола) становится энергетической базой для достижения стадии социального Акме.

2. Эволюционный смысл нейроразнообразия.

Инклюзия людей с РАС выступает не как акт милосердия, а как **катализатор гуманизации** всей социокультурной системы. Мы делаем выводы, что среда, спроектированная под нужды «самых чувствительных» (сенсорное зонирование, «капсулы тишины», дискретная ясность навигации), оказывается более здоровой и гармоничной для всего человечества. В этом заключается высший эволюционный смысл нейроразнообразия: маргинальная группа, находясь в точке бифуркации, задает новые стандарты качества будущей жизни всего общества, снижая уровень информационной и сенсорной интоксикации для нейротипического большинства.

3. Технологический слой как предвестник ноосферного интеллекта.

Такой умный город, где ИИ договаривается со всеми устройствами, что помогает становиться для человека неким «внешним мозгом». Такая среда подтверждает: люди с аутизмом – это первопроходцы будущего. В этом будущем технологии не поработают нас, а помогают развиваться и берегут наши силы. Город, обладающий полезным для людей «облачным сознанием», становится материальным воплощением **распределенного познания**. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что люди с ВФА первыми осваивают такой образ жизни, где технологии не заменяют мозг, а помогают ему работать лучше, расширяют возможности и, в то же время, защищают его от перегрузок.

4. Социальная инновация «природного инклюзива».

Добавление в городскую среду зеленых зон и островков центров помощи с животными будет возвращать человеку чувство спокойствия и комфорта. Это устраняет текущий конфликт между природой и современной цивилизацией, который острее всего ощущается именно в человеке. «Нейро-город» сможет восстановить порядок и создать хорошие условия для развития коллективного разума будущего. Это разрешает основное противоречие, которое есть между «миром природы» и «миром культуры», сходящихся в удивительной маргинальной точке – человеке. На данный момент уже существуют прототипы Нейро-городов, поэтому эта идея уже не является теоретической абстракцией. В мире существуют успешные кейсы, доказывающие эффективность адаптации го-

родской среды под нужды нейроразнообразных людей: Меса, Аризона, США (Первый в мире Autism Certified City); Клонакилти, Ирландия (Первый Autism Friendly Town в Европе); Sweetwater Spectrum, Калифорния, США (жилой комплекс в городе Сонома – эталон аутизм-френдли архитектуры). Нейро-город способен восстановить нарушенную динамическую упорядоченность мест проживания человека, создавая вполне достаточные условия для развития ноосферного синтетического интеллекта.

Перспективы будущих направлений исследования

Опираясь на полученные данные нашего исследования, мы видим три главных направления для дальнейшей работы.

1. Создание «экономики вклада».

Появляется возможность изучить, как общество может оценивать и вознаграждать уникальный труд аутичных людей (ВФА). Их способность находить порядок в хаосе и создавать новые идеи – это может стать главной движущей силой современной экономики в развитии технологий будущего.

2. Этика союза человека и ИИ.

В рамках проекта «Нейро-город 2030» есть возможность изучить, как объединить интеллект аутичных людей и возможности Искусственного Интеллекта. Главная цель в этих исследованиях будет сделать технологии помощниками, а не инструментами тотального цифрового слежения.

3. Города, удобные для органов чувств.

Можно разработать новые стандарты архитектуры. Право на «сенсорную экологию» (тишину, правильный свет и отсутствие перегрузок в жилых районах) должно стать базовым правом каждого человека в будущем.

Таким образом, успешная интеграция людей с ВФА в общество определяет и направляет глобальное развитие человечества: путь к социальному **Акме** (вершине благополучного развития) через признание ценности каждой детали жизни или путь к социальному **Кате** (упадку в развитии социума) через когнитивное вырождение в усредненную общую норму. Очевидно, что философское осмысление нейроразнообразия как формы антропологического расширения потенциала всеобщего развития людей позволит по-новому взглянуть на границы человеческих возможностей и перспективы эволюции вида в новых условиях симбиоза с искусственным интеллектом.

Литература

1. Бобер Ж. Маргинальность в социокультурной системе. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. 341 с.
2. Бобер Ж. Подходы к исследованию проблемы маргинальности // Евразийский опыт:



- культурно-историческая интеграция. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. Т. III. С. 123–126.
3. Бобер Ж. Развитие семьи как область маргинальных проявлений окружающих сред // Актуальные проблемы экономики и управления. 2017. № 2(14). С. 102–114.
 4. Бранский В. П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб.: Политехника, 2004. 400 с.
 5. Бранский В. П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.
 6. Гурин С.П. Проблема маргинальности в философской и религиозной антропологии. Саратов, 2003. 366 с.
 7. Денисов А.А. Теория информационного поля. СПб.: Политехнический университет, 2011. 280 с.
 8. Игнатъев М.Б. Кибернетическая картина мира. СПб.: ГУАП, 2014. 472 с.
 9. Иноземцев В.Л. Современное постэкономическое общество. М.: Логос, 2000. 304 с.
 10. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
 11. Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2006. 928 с.
 12. Кузьмина Н. В. (Головко-Гаршина) Предмет акмеологии. СПб.: Политехника, 2002. 189 с.
 13. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные силы. 1928. № 6. С. 881–893.
 14. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Маргинальность в исследовании системы развития // Системный анализ в проектировании и управлении. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 160–177.
 15. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Философские аспекты категорий маргинальности в диалектике развития // Социология. 2020. № 6. С. 217–225.
 16. Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта. Нью-Йорк, 1937. 228 с.
 17. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 784 с.
 18. Успенский П.Д. Космология возможной эволюции человека. М.: ИГ Весп, 2001. 192 с.
 19. Харари Ю.Н. Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
 20. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.
 21. Chapman R. Neurodiversity and the Social Ecology of Mental Functions // Perspectives on Psychological Science. 2020.

THE ROLE OF PEOPLE WITH HIGH-FUNCTIONING AUTISM IN THE MARGINAL REALITIES OF POST-ECONOMIC SOCIETY: A PHILOSOPHICAL AND ACMEOLOGICAL ANALYSIS

Bober Zh.

Pushkin Leningrad State University

This study examines the paradoxical situation of individuals with high-functioning autism (HFA) in the context of the transition to a post-economic society and the dominance of cognitive capitalism. The paper analyzes the HFA phenomenon through the lens of the philosophical concept of marginality, viewing neurodivergent individuals as a specific borderline group whose cognitive strategies are becoming a key resource in the information economy. The study applies systemic-synergetic and acmeological approaches to identify patterns of adaptation among individuals with high-functioning autism in the marginal realities of modern times. We explore the mechanisms by which «social exclusion» is transformed into «intellectual advantage» through the concepts of neurodiversity and the «executive exoskeleton.» The risks of systemic exhaustion and victimization caused by compulsive masking in a neurotypical social environment are analyzed. This paper substantiates the concept of a «neurocity» as an inclusive ecosystem for future society, ensuring the sustainable development of noospheric intelligence. The study demonstrates that the integration of individuals with HFA predicts humanity's transition to the Acme stage (apex)—the pinnacle of human creative evolution, where cognitive diversity drives innovation. This study proposes strategic scenarios for the development of global society, depending on the choice between inclusion and marginalization of intellectual capital.

Keywords: high-functioning autism, cognitive capitalism, marginality, neurodiversity, post-economic society.

References

1. Bober, Z. Marginality in the Sociocultural System. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS, 2019. 341 p.
2. Bober, Z. Approaches to the Study of Marginality // Eurasian Experience: Cultural and Historical Integration. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2011. Vol. III. pp. 123–126.
3. Bober, Z. Family Development as an Area of Marginal Manifestations of the Environment // Actual Problems of Economics and Management. 2017. № 2(14). pp. 102–114.
4. Bransky, V.P., Pozharskij, S.D. Globalization and Synergetic Historicism. St. Petersburg: Polytechnic, 2004. 400 p.
5. Bransky V. P., Pozharskij S.D. Social Synergetics and Acmeology. St. Petersburg: Politekhnik, 2002. 476 p.
6. Gurin S.P. The Problem of Marginality in Philosophical and Religious Anthropology. Saratov, 2003. 366 p.
7. Denisov A.A. Information Field Theory. St. Petersburg: Polytechnic University, 2011. 280 p.
8. Ignatiev M.B. Cybernetic Picture of the World. St. Petersburg: GUAP, 2014. 472 p.
9. Inozemtsev V.L. Modern Post-Economic Society. Moscow: Logos, 2000. 304 p.
10. Kagan M.S. Philosophy of Culture. St. Petersburg: Petropolis, 1996. 416 p.
11. Karmina A.S. Culturology. St. Petersburg: Lan, 2006. 928 p.
12. Kuzmina N. V. (Golovko-Garshin) The Subject of Acmeology. St. Petersburg: Politekhnik, 2002. 189 p.
13. Park R.E. Cultural Conflict and Marginal Man // Social Forces. 1928. № 6. pp. 881–893.
14. Pozharskij S. D., Bober Z. Marginality in the Study of Development Systems // Systems Analysis in Design and Management. St. Petersburg: Politekh-Press, 2020. pp. 160–177.
15. Pozharskij S. D., Bober Z. Philosophical Aspects of the Categories of Marginality in the Dialectics of Development // Sociology. 2020. № 6. pp. 217–225.
16. Stonequist E.V. Marginal Man: A Study of Personality and Cultural Conflict. New York, 1937. 228 p.
17. Toffler E. The Third Wave. Moscow: AST, 2004. 784 p.
18. Uspensky P.D. Cosmology of Possible Human Evolution. Moscow: IG Ves, 2001. 192 p.
19. Harari Yu.N. Homo Deus: A Brief History of the Future. Moscow: Sindbad, 2018. 496 p.
20. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Izdatelstvo «E», 2017. 208 p.
21. Chapman R. Neurodiversity and the Social Ecology of Mental Functions // Perspectives on Psychological Science. 2020.



Исследование смысла и символа методом семантической близости междисциплинарных понятий

Ганьшин Сергей Олегович,

преподаватель, Военный университет Министерства обороны
РФ им. князя А. Невского
E-mail: sganshin@inbox.ru

Взаимосвязь смыслов и символов сохраняет актуальность ввиду сложности и неполной осознаваемости внутренних мотивов поведения человека. В статье исследование смыслов как сущностных свойств человека выполнялось через междисциплинарную интерпретацию символов, в которых эти смыслы выражаются. Применен комплексный подход, охватывающий как глубинные внутренние качества, так и внешние проявления. В работе установлено, что сущностные свойства человека образованы биполярными инвариантными константами «удовольствие – неудовольствие», «интроекция – проекция», соотношение которых определяет типовые смыслы: либидозные, рациональные, танатические, фантазийные и социальные. Теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных философов, психоаналитиков и антропологов. Эмпирический материал был получен в результате опроса экспертов. Были использованы математические и статистические методы обработки данных посредством компьютерной программы. Выявлена семантическая близость понятий из разных дисциплин, что позволило сформировать интегративное поле исследования. Кластерный анализ по инвариантным константам подтвердил существование пяти устойчивых кластеров, соответствующих указанным типовым смыслам. Полученные данные показывают, что смыслы представляют собой отношение биполярных инвариантных констант, являющихся фундаментальными отношениями человека и мира. При этом символ тождественен смыслу по инвариантным константам.

Ключевые слова: сущностные свойства человека, природа человека, смысл, символ, психоанализ, психоаналитическая концепция.

Введение

В своём исследовании мы опирались на теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы в областях философии, психоанализа и антропологии, рассматривающих вопросы взаимосвязи смысла и символа человека, а также метод их интерпретации – герменевтический анализ. Использованы методы: экспертного опроса (180 чел.) и опроса респондентов (35 чел.), семантического дифференциала Ч. Осгуда, математической обработки данных (евклидовой дистанции в целях установления семантической близости для 15 понятий), методы стандартизации, методы статистики: однофакторный дисперсионный анализ, коррекция К. Бонферрони, кластерный анализ и расчёт внутриклассового коэффициента, Н-критерий Крускала – Уоллеса в компьютерной программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences).

Результаты исследования

Проведенный обзор источников [1–15] позволил систематизировать представления о смысле и символе в философских, психоаналитических и антропологических концепциях (табл. 1).

Необходимо учитывать как субъективные, так и объективные факторы, влияющие на интерпретацию, поэтому для наиболее полного, комплексного и всестороннего исследования были использованы следующие подходы: психоаналитический; философский; антропологический.

Таблица 1. Сводные представления о смысле и символе в философии, психоанализе и антропологии

	Философия	Психоанализ	Антропология
Смысл	Как жизненная или ситуативная цель, метод и путь достижения цели, общая направленность человека. Как ответ на вопрос «ради чего?» живёт и существует человек. В семиотическом значении смысл представляет собой толкование слова, внешние объекты и субъективные представления, универсалии	Глубинные мотивы, бессознательные латентные желания, вытесненные потребности и эмоции человека, архетипы, коллективное бессознательное	Коллективный опыт, культурные ценности как социальная интерпретация мира и его явлений, совместное выживание группы под влиянием внутренних и внешних факторов



Окончание

	Философия	Психоанализ	Антропология
Символ	Конкретное выражение или средство выражения (знаковое, образное, поведенческое) жизненной цели, направленности, мысли. Отвечает на вопрос «как именно?»	Странные и необычные поступки, действия, образы, за которыми скрываются неочевидные причины	Конкретные и закрепившиеся культурные особенности, продукты творчества, церемонии, ритуалы, запреты

Источник: составлено автором по данным [1–15].

Для установления инвариантных констант мы провели эмпирическое исследование, которое заключалось в раскрытии сущностных свойств человека. Считалось, что сущностные свойства должны присутствовать в смежных понятиях философии, психоанализа и антропологии, касающиеся фундаментального взаимодействия человека с миром. В этой связи в ходе теоретического обзора литературы и источников нами были отобраны понятия из области философии, психоанализа и антропологии, которые гипотетически способны образовывать инвариантные константы. Необходимо было установить, что эти понятия между собой имеют семантическую близость, что позволяло бы нам применять в дальнейшем междисциплинарный подход в единой плоскости. Поэтому мы разделили понятия по группам, так чтобы в каждой из них присутствовало по одному понятию из философии, психоанализа и антропологии, предполагая, что они имеют отношение к одним и тем же объективным явлениям: 1 группа: «положительная эмоциональная оценка», «удовольствие» и «приятное»; 2 группа: «отрицательная эмоциональная оценка», «неудовольствие» и «неприятное»; 3 группа: «объективность», «интроекция» и «практическое мышление»; 4 группа: «субъективность», «проекция» и «символическое мышление»; 5 группа: «социальные ценности», «социальная реальность» и «социальность». Итого по 5 понятий на каждую область, всего 15 понятий.

Далее исследование осуществлялось методом экспертного опроса. Было привлечено по 25 специалистов из каждой области: философии, психоанализа и антропологии. Всего 75 человек. На первом этапе экспертам предъявлялись понятия с предложением подобрать для них характеристики в виде прилагательных, описывающих наиболее точно их свойства. Для удобства подбора характеристик экспертам были предложены готовые варианты прилагательных с возможностью свободного ответа. Важно, что экспертам предъявлялись только понятия из их областей знаний, не затрагивая понятия из чужих областей. Затем нами были отобраны те характеристики (прилагательные), которые присутствовали в ответах у каждого эксперта. Эти характеристики в дальнейшем были использованы в качестве основы для формирования шкал семантического дифференциала Ч. Осгуда. По ним были составлены биполярные шкалы с диапазоном от –3 до +3 баллов (7-балльная шкала), которые означают степень выраженности противоположных характеристик (± 1 – низкая, ± 2 – средняя, ± 3 – высокая, 0 – выраженность отсутствует). Шкалы были составлены следующие:

- 1 шкала: направленный во вне и направленный во внутрь;
- 2 шкала: иррациональный и рациональный;
- 3 шкала: интуитивный и логический;
- 4 шкала: агрессивный и неагрессивный;
- 5 шкала: отрицательный и положительный;
- 6 шкала: отвергающий и принимающий.

На втором этапе все три группы экспертов оценивали каждое понятие по шести биполярным шкалам, определяя по ним степень выраженности той или иной характеристики. Каждая группа экспертов оценивала только понятия своей области, не затрагивая чужие. Однако шкалы для всех экспертов были единого для всех образца.

На третьем этапе проводилась математическая и статистическая обработка полученных данных. Подсчитывались средние значения баллов для каждого понятия по каждой шкале в отдельности. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Средние значения по шкалам сравниваемых философских, психоаналитических и антропологических понятий

№ п/п	Понятия	Шкалы					
		1	2	3	4	5	6
1	Положительная эмоциональная оценка	0,09	–0,13	0,18	2,88	2,67	2,28
2	Удовольствие	0,12	–0,14	0,21	2,92	2,69	2,33
3	Приятное	0,12	–0,09	0,23	2,74	2,72	2,31
4	Отрицательная эмоциональная оценка	0,18	0,17	0,25	–2,59	–2,58	–2,74
5	Неудовольствие	0,24	0,21	0,34	–2,77	–2,62	–2,66
6	Неприятное	0,23	0,25	0,27	–2,63	–2,71	–2,8
7	Объективность	2,76	2,5	2,53	0,18	0,23	0,07

№ п/п	Понятия	Шкалы					
		1	2	3	4	5	6
8	Интроекция	2,89	2,43	2,44	0,17	0,25	-0,02
9	Практическое мышление	2,71	2,46	2,39	0,14	0,2	0,08
10	Субъективность	-2,73	-2,79	-2,5	0,2	0,24	0,29
11	Проекция	-2,87	-2,82	-2,48	0,23	0,19	0,23
12	Символическое мышление	-2,75	-2,81	-2,3	0,23	0,19	0,32
13	Социальные ценности	-0,01	-0,2	0,4	0,23	0,13	0,17
14	Социальная реальность	0,03	-0,1	0,22	0,12	0,1	0,21
15	Социальность	0,04	-0,15	0,31	0,18	0,19	0,22

Источник: составлено автором.

Далее были проведены математические операции для установления семантической близости между сравниваемыми понятиями из разных

областей. Для этого использовался метод евклидовой дистанции (d), позволяющий измерить насколько рассматриваемые понятия похожи или отличны друг от друга. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Евклидова дистанция (d) как семантическая близость между философскими, психоаналитическими и антропологическими понятиями

№ группы	Понятия	Евклидова дистанция по шкалам						Сред. d
		d_1	d_2	d_3	d_4	d_5	d_6	
1	Положительная эмоциональная оценка – Удовольствие – Приятное	0,00	0,03	0,01	0,12	0,02	0,01	0,01
2	Отрицательная эмоциональная оценка – Неудовольствие – Неприятное	0,01	0,03	0,05	0,09	0,06	0,09	0,01
3	Интроекция – Объективность – Практическое мышление	0,12	0,02	0,03	0,02	0,03	0,07	0,02
4	Проекция – Субъективность – Символическое мышление	0,08	0,01	0,12	0,00	0,00	0,06	0,04
5	Социальная реальность – Социальные ценности – Социальность	0,01	0,03	0,06	0,04	0,06	0,01	0,02

Источник: составлено автором.

Полученные результаты указывают на высокую семантическую близость философских, психоаналитических и антропологических понятий между собой, поскольку средние значения евклидовой дистанции (сред. d) составляют от 0,01 до 0,04, то есть менее 1% от возможного разброса по 7-балльной шкале. Это позволяет утверждать о неслучайном различии с крайне малой евклидовой дистанцией. Далее, для установления статистической значимости полученной семантической близости был использован метод однофакторного дисперсионного анализа ANOVA (Analysis of Variance) в компьютерной программе SPSS. В качестве фактора рассматривалось гипотетическое распределение понятий по пяти группам, которое мы ожидали увидеть. Предполагалось, что отнесение исследуемых понятий по пяти группам имеет статистически значимые неслучайные различия. Иными словами, мы предположили, что распределение понятий по группам на основании оценок

экспертов действует как фактор. Соответственно, если дисперсия по группам статистически значима, то мы можем говорить о статистически значимой семантической близости. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. Однофакторный дисперсионный анализ

№ группы	Фактор (влияние группы)	Средние значения групп	Дисперсия (F) между группами	Уровень значимости
1	Удовольствие – Положительная эмоциональная оценка – Приятное	8,04	109795,14	0,000 (высокий, $p < 0,05$)
2	Неудовольствие – Отрицательная эмоциональная оценка – Неприятное	-7,32		



Окончание

№ групп	Фактор (влияние группы)	Средние значения групп	Дисперсия (F) между группами	Уровень значимости
3	Интроекция – Объективность – Практическое мышление	8,13		
4	Проекция – Субъективность – Символическое мышление	-7,31		
5	Социальная реальность – Социальные ценности – Социальность	0,69		

Источник: составлено автором.

Проведённый однофакторный дисперсионный анализ показал два важнейших результата. Дисперсия между рассматриваемыми группами понятий, действительно, существует и имеет статистическую значимость при $p < 0,05$ (5% ошибки). Средние значения между группами демонстрируют, что между ними существуют выраженные отличия, обратные отношения (положительные и отрицательные значения). Метод корректировки (поправки) p -значений при множественных сравнениях К. Бонферрони в компьютерной программе SPSS подтверждает наличие между группами значимых обратных отношений, отличий друг от друга. Так, например, группа 1 статистически отличается от группы 2, группа 3 статистически отличается от группы 4, при этом группа 5 по уровню значимости отличается от всех. В этой связи мы можем заключить, что семантическая близость понятий внутри исследуемых групп высокая и значимая, сами же группы образуют между собой различные отношения. Полученные результаты можно изобразить графически (рис. 1).

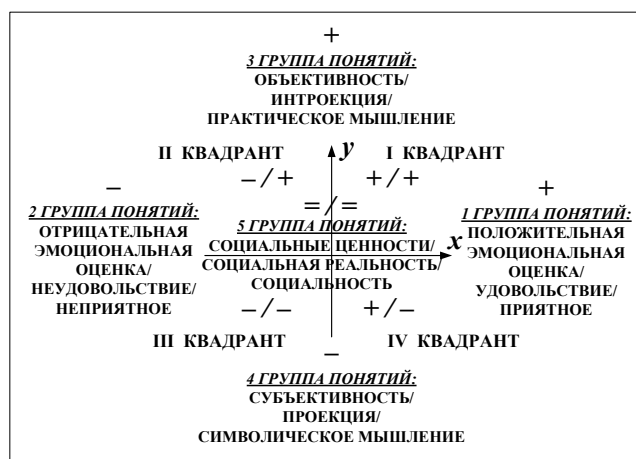


Рис. 1. Графическое изображение результатов статистического анализа философских, психоаналитических и антропологических понятий

Источник: составлено автором.

В соответствии со средними значениями по таблице и результатами множественного сравнения по К. Бонферрони расположим на графике понятия, соответствующие 1 и 3 группам в областях «+», а понятия 2 и 4 группы в областях «-». Понятия 5 группы приходятся на центральное положение графика ближе к нулевым значениям как равноудалённые от других групп. С нашей точки зрения, полученные оси графика x и y представляют собой инвариантные константы, образующие смыслы, поскольку являются результатом отношений между внутренним и внешним, взаимодействием человека и мира. Эти две оси или две инвариантные константы находятся в различных отношениях, формируя квадранты или плоскости типовых смыслов, так как в нашем исследовании смысл есть отношение констант.

Однако для того, чтобы получить эмпирическое подтверждение пяти типовым смыслам, а также подробное описание и понимание их характеристик, мы провели междисциплинарное исследование. Для этого мы воспользовались экспертной оценкой специалистов в трёх областях: философии, психоанализе и антропологии. Всего 105 экспертов по 35 человек на каждую область.

Исследование состояло из нескольких этапов.

1 этап предполагал сбор понятий в области философии, психоанализа и антропологии, которые могут быть связаны с типовыми смыслами. Для этого экспертам было предложено подобрать понятия из их области, которые они считают важными. Им предъявлялся готовый материал со списком понятий, с возможностью свободного ответа. Затем были оставлены только те понятия, которые повторяются у всех 35 экспертов по конкретной области знаний, остальные понятия были исключены.

2 этап состоял из опроса экспертов, в котором предлагалось оценить каждое отобранное понятие по биполярными шкалам:

- положительная эмоциональная оценка (+) и отрицательная эмоциональная оценка (-);
- объективность (+) и субъективность (-).

Шкалы были сформированы на основании предыдущих исследований, показывающих значимость данных критериев между собой, и образующих инвариантные константы (оси графиков x и y). Была использована 7-балльная метрика от -3 до +3 баллов по степени выраженности характеристик (± 1 – низкая, ± 2 – средняя, ± 3 – высокая, 0 – выраженность отсутствует).

3 этап заключался в статистической обработке полученных результатов методом кластерного анализа и определения внутриклассового коэффициента корреляции (Intraclass Correlation Coefficient) посредством компьютерной программы SPSS. Данные методы позволили нам распределить понятия на осях графика по кластерам и доказать статистическую близость этих понятий в

три кластеров. Тем самым расширить, уточнить и обобщить содержание пяти типовых смыслов, а также интегрировать понятия и смыслы между

философией, психоанализом и антропологией. Результаты кластеризации представлены на рисунке 2.

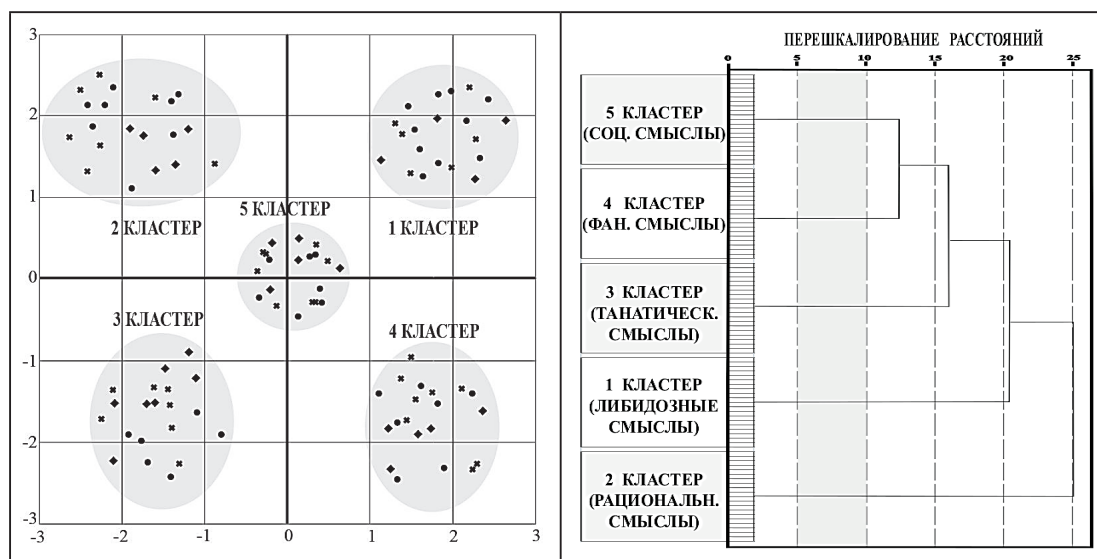


Рис. 2. Графическое построение в евклидовом пространстве (слева) и иерархической кластеризации (справа) философских, психоаналитических и антропологических понятий

Источник: составлено автором.

Внутриклассовый коэффициент корреляции (Intraclass Correlation Coefficient) для 95% доверительного интервала (5% ошибки) между координа-

тами понятий в каждом из пяти кластеров демонстрирует высокий статистический показатель близости (табл. 5).

Таблица 5. Внутриклассовая корреляция в компьютерной программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences)

	Внутриклассовая корреляция	95% доверительный интервал		F-критерий с истинным значением 0			
		Нижняя граница	Верхняя граница	Значение	Степень свободы 1	Степень свободы 2	Значимость
1 кластер	0,999	0,998	0,999	934,519	29	551	0,000
2 кластер	0,996	0,994	0,998	276,556	29	551	0,000
3 кластер	0,999	0,999	1,000	1203,952	29	551	0,000
4 кластер	0,999	0,998	0,990	622,185	29	551	0,000
5 кластер	0,998	0,997	0,999	561,488	29	551	0,000

Кроме того, результаты кластерного анализа позволили нам определить центроиды кластеров, а также наиболее приближенные к ним понятия. В 1 кластере наиболее приближенным к центроиду является понятие «либидо»; во 2 кластере –

«рационализация»; в 3 кластере – «танатос»; в 4 кластере – «фантазия»; в 5 кластере – «социальная норма». Результаты распределения понятий по кластерам представлены в таблице 6.

Таблица 6. Междисциплинарные понятия, распределённые по кластерам в компьютерной программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences)

Типичные смыслы	Философия	Психоанализ	Антропология
Либидозные смыслы (+/+) 1 кластер	Добро; наслаждение; счастье; благо; процветание; гедония; блаженство; совершенство; силы любви; оптимистичность	Либидо; женственность; сублимация; сексуальность	Культ изобилия; плодородие и материнство; урожай; ритуалы дарения; праздники; поощрение

Типичные смыслы	Философия	Психоанализ	Антропология
Рациональные смыслы (+/-) 2 кластер	Практический разум; рассудительность; принцип полезности; прагматическая истинность; реализм; рациональное критическое мышление; созерцание данности; апостериори	Рационализация; интеллектуализация; принцип реальности; торможение влечений; отсрочка удовольствия	Утилитарная деятельность; практико-ориентированность; разделение труда; ремесла; охота; собирательство; доместикация растений
Танатические смыслы (-/-) 3 кластер	Война всех против всех; разрушение; раздор; зло; аскеза; греховность	Танатос; агрессия; садизм; разрушительные импульсы; активность психики; мужественность; фобии и тревоги	Межгрупповая конкуренция; кровная месть; ритуальное убийство; каннибализм; жертвоприношение; обряд избавления от нечистоты; наказание
Фантазийные смыслы (-/+) 4 кластер	Интуиция; трансцендентальное я; самодеятельность я; автономия; мистичность; априори; свобода	Фантазия; исполнение желаний; магия; уход от принципа реальности; грёзы	Магическое мышление; шаманские обряды; ритуалы; творчество; неутилитарная деятельность; мифы; анимизм; фетишизм
Социальные смыслы (=/) 5 кластер	Общественный договор; нравственность; этичность; добродетель; золотая середина; умеренность; рефлексия	Социальная норма; гармония личности; идентичность; цензура; эмпатия	Общественные ценности; социализация; инициация; культура; тотем; закон; клан; брак

Распределение понятий по кластерам расширяет и уточняет наши знания о типовых смыслах человека. На основе полученных данных раскроем более полное описание типовых смыслов.

1. Либидозные смыслы выражают положительные эмоции человека во взаимосвязи с внешними объективными причинами и факторами, к ним относится удовлетворение естественных физиологических потребностей.

2. Рациональные смыслы представляют собой логические и практические ориентиры человека, направленные на объективную реальность вследствие его неудовлетворенности, например, своими знаниями, навыками и ошибками.

3. Танатические смыслы связаны с агрессивными и разрушительными импульсами человека, порождёнными от внутренней неудовлетворённости, переживанием отрицательных эмоций, приписываемых внешним объектам.

4. Фантазийные смыслы связаны с внутренним субъективным миром человека, его нереализованными желаниями, грёзами через конструктивные и созидательные чувства. Здесь человек замещает реальность своим воображением.

5. Социальные смыслы определяют нормированность общественного поведения по определённым правилам, законам и табу. Особенностью социальных смыслов является соответствие некоторому равновесию, балансу, идеалу или справедливости.

Заключение

В процессе исследования было установлено, что отношения инвариантных констант образуют типовые смыслы: либидозные, рациональные, танатические, фантазийные и социальные. Проведённая работа и полученные результаты теоре-

тического и эмпирического исследования доказывают следующее. Смыслы состоят из биполярных инвариантных констант, определяющих сущностные свойства человека: «удовольствия и неудовольствия», «интроекции и проекции». Символы тождественны смыслам, так как именно посредством инвариантных констант мы соотносим символическое выражение с типами смыслов, как мы провели исследование на примере междисциплинарных понятий. Соотношение инвариантных констант образуют типы смыслов: либидозные, рациональные, танатические, фантазийные и социальные.

Литература

1. Больцано Б. Паралипомены к научному обоснованию математики. М.: ЛКИ, 2010. 416 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования: в 2 т. Т. 2. Исследования феноменологии и теории познания / пер. с нем.; общ. ред. В.Г. Вульфа. СПб.: Наука, 1999. 704 с.
3. Карнап Р. Логический синтаксис языка / пер. с нем.; предисл. и ред. Н.А. Васильева. М.: Государственное изд-во иностр. лит., 1959. 440 с.
4. Кохут Х. Анализ самости: учеб. пособие / пер. с англ. М.: Класс, 2013. 560 с. ISBN 978-5-89353-423-8.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Канон+, 2019. 352 с.
6. Милль Дж. Система логики дедуктивной и индуктивной. М.: Либроком, 2011. 672 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2019. 944 с.
8. Пирс Ч. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2000. 640 с.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Прогресс, 1977. 384 с.

10. Тёрнер В. Процесс ритуала. М.: Академический проект, 2021. 456 с.
11. Фрейд З. Я и Оно / пер. с нем. Л.С. Лейбенсона; общ. ред. А.А. Смирнова. М.: Наука, 1991. 112 с. ISBN 5-02-013995-9.
12. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М.: АСТ, 2018. 736 с.
13. Bartlett F.C. Psychology and Primitive Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. 274 p.

A STUDY OF MEANING AND SYMBOL USING A SEMANTIC PROXIMITY APPROACH TO INTERDISCIPLINARY CONCEPTS

Ganshin S.O.

Military University of the Ministry of Defense of the RF named after Prince Alexander Nevsky

The interrelation of meanings and symbols remains relevant due to the complexity and incomplete awareness of the internal motives of human behavior. In the article, the study of meanings as essential human properties was carried out through an interdisciplinary interpretation of symbols in which these meanings are expressed. An integrated approach has been applied, covering both deep inner qualities and external manifestations. The work establishes that the essential properties of a person are formed by bipolar invariant constants «pleasure – displeasure», «introjection – projection», the ratio of which determines the typical meanings: libidinal, rational, thanatic, fantasy and social. The theoretical basis consists of the works of Russian and foreign philosophers, psychoanalysts and anthropologists. The empirical material was obtained as a result of a survey of experts. Mathematical and statistical methods of data processing using a computer program were used. The semantic similarity of concepts from different disciplines was revealed, which allowed to form an integrative field of research. Cluster analysis using invariant constants confirmed the existence of five stable clusters corre-

sponding to the specified typical meanings. The data obtained show that meanings are a ratio of bipolar invariant constants, which are fundamental relations between man and the world. In this case, the symbol is identical to the meaning by invariant constants.

Keywords: essential properties of the human being, human nature, meaning, symbol, psychoanalysis, psychoanalytic concept.

References

1. Bolzano B. Paralipomena to the scientific substantiation of mathematics. Moscow: LKI, 2010. 416 p.
2. Husserl E. Logical research: in 2 volumes. Vol. 2. Studies of phenomenology and theory of knowledge / translated from German; general editorship by V.G. Wulff. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. 704 p.
3. Carnap R. Logical syntax of language / translated from German; preface. and edited by N.A. Vasiliev. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature, 1959. 440 p.
4. Kohut H. Self-analysis: studies. manual / translated from English. Moscow: Klass, 2013. 560 p. ISBN 978-5-89353-423-8.
5. Levi-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking. Moscow: Canon +, 2019. 352 p.
6. Mill J. The system of deductive and inductive logic. Moscow: Librocom, 2011. 672 p.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik, 2019. 944 p.
8. Pier Ch. Collected works: in 3 volumes. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka, 2000. 640 p.
9. Saussure F. Course of general linguistics. Moscow: Progress, 1977. 384 p.
10. Turner V. The ritual process. Moscow: Academic Project, 2021. 456 p.
11. Freud Z. I and It / translated from German by L.S. Leibenson; general editorship by A.A. Smirnov. Moscow: Nauka, 1991. 112 p. ISBN 5-02-013995-9.
12. Jung K.G. Psychology and alchemy. Moscow: AST, 2018. 736 p.
13. Bartlett F.C. Psychology and Primitive Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. 274 p.



Контркультура как символическая альтернатива господствующему порядку: социально-философский анализ

Глебов Андрей Павлович,

канд. истор. наук, доцент кафедры политических процессов и технологий, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
E-mail: apg65@mail.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу контркультуры как символической альтернативы господствующему культурному и социальному порядку. Автор исследует контркультуру не просто как форму протеста, а как динамический процесс конструирования альтернативных миров через стиль, миф, ритуал и повседневные практики. Контркультура является целостной семиосферой, в которой через стиль, музыку, ритуалы и повседневные практики конструируется новая идентичность и иной способ бытия. Особое внимание уделяется символической природе контркультурного сопротивления, основанного на создании «возвышенных объектов идеологии», а также его уязвимости перед кооптацией в условиях «наблюдающего капитализма» и «общества контроля». В контексте цифровой эпохи анализируются новые формы рефлексивного сопротивления – от алгоритмического сопротивления до постсубкультурных «эмоциональных племен», формирующих смысл через совместное переживание. Статья также обращается к идеям Виктора Франкла о «воле к смыслу», подчеркивая, что контркультурные движения часто возникают как ответ на экзистенциальный кризис современности. Несмотря на риски нейтрализации, контркультура выступает не просто как маргинальное отклонение или политическая сила, а как онтологический вызов индивидуализму, рационализму и потребительской логике доминирующим в обществе дискурсам.

Ключевые слова: контркультура, семиосфера, символическое сопротивление, общество контроля, эмоциональные племена, воля к смыслу, идентичность.

Контркультура традиционно понимается как форма сопротивления господствующим культурным кодам, но ее суть глубже: это не просто протест, а системное, символически насыщенное построение альтернативной идентичности через стиль, музыку, поведение и мировоззрение [13, с. 16–17]. Эта мысль развивает понимание контркультуры как динамического процесса, а не статичного явления. Альтернативная реальность создается не разово, а ежедневно через повторяющиеся поступки, самовыражения и взаимодействия. Контркультура – это не просто «бунт», а организованные целостные системы, создающие альтернативные миры в противовес доминирующей культуре. В этом смысле контркультура не просто отрицает господствующий порядок, а создает собственную семиосферу, в которой символам присваиваются новые значения. Семиосфера – это пространство, в котором возможны и смысл, и культура. Как отмечает Ю.М. Лотман, «вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [9, с. 250]. Это краткое, но точное утверждение указывает на то, что семиосфера – не просто метафора или абстракция, а реальная (хотя и невидимая) структура, без которой невозможны ни язык, ни обмен смыслами, ни, следовательно, культура. Именно в этом пространстве рождаются и живут тексты, коды, символы, – все, что составляет культурную жизнь.

Одним из ключевых механизмов этой борьбы контркультуры является стиль. «Именно в стиле сталкиваются противоположные определения с наибольшей драматической силой» [15, с. 3]. Через одежду, музыку, язык и ритуалы контркультурные группы создают «возвышенный объект идеологии» – символическое ядро, вокруг которого создается коллективная идентичность. В то же время, «возвышенный объект – это такой объект, к которому нельзя подходить слишком близко: стоит приблизиться – и он теряет признаки возвышенного и превращается в самый обычный заурядный предмет... он может сохраниться только в паузе, в промежуточном состоянии, видимым не отовсюду, полускрытым» [7, с. 83]. Таким образом, «возвышенный объект» – это иллюзорное ядро, которое структурирует желание и идентичность, но растворяется при прямом контакте. В контексте контркультур это означает, что их элементы (ритуалы, детали одежды и пр.) функционируют не в виде простых вещей, а в виде символических якорей,

вокруг которых создается коллективное «мы». Их сила состоит не в материальности, а в том, что они обозначают невозможное: чистое сопротивление, подлинность и свободу. Как только эти символы становятся массовыми, например, через моду, они теряют свою «возвышенность». Этот процесс не всегда осознан, но эффективен, поскольку символическое действие может быть более разрушительным для системы, чем прямое политическое противостояние.

Символическое, ритуальное и телесное действие, укорененное в мифе и общине, разрушает систему не через противостояние, а через создание другого способа бытия – более целостного, чувственного и подлинного. Это антипросветительский поворот, в котором разум уступает место чувству, индивид – общине, а политика – стилю жизни. Такой поворот особенно актуален в условиях «текущей современности», описанной З. Бауманом, где устойчивые идентичности распадаются, а люди ищут новые формы принадлежности.

В условиях текучести идентичность становится товаром. Люди «покупают» стиль, язык, музыку, образ жизни, но не как выражение глубинной сущности, а как стратегию временного самоопределения. Такой подход позволяет легко входить и выходить из групп, создавая иллюзию принадлежности без реальных обязательств. Это принадлежность как потребление, а не как связь [3, с. 92].

Предлагаемая контркультурой символическая альтернатива часто оказывается уязвимой перед кооптацией – вхождением в контркультурное общество неофитов из другой группы. Как показывает Стив Хиз, «бунт на продажу» превращается в товар: то, что начиналось как протест против потребительства, становится его частью: «Бунт – это один из самых лучших источников различия в современном мире. В результате люди согласны платить хорошие деньги, чтобы принять в нем участие, точно так же, как они готовы платить за доступ к любой другой форме социального статуса» [14, с. 96]. Эти слова раскрывают социальную функцию бунта: он не является политическим актом, а становится инструментом социального различия. «Бунт на продажу» работает, потому что престижен. Носить винтажную футболку или пить дорогой кофе, – все это знаки принадлежности к элитарной группе «осознанных», и за такие знаки люди готовы хорошо платить. Этот процесс особенно ярко проявляется в цифровую эпоху, где, по мнению Шошаны Зубофф, «надзирающий капитализм» превращает даже сопротивление в источник данных [20, с. 321].

Тем не менее, как отмечают К. Насибуллов, Л. Попов и П. Устин, «даже в условиях цифровой гиперреальности сохраняются «постсубкультурные сообщества», способные к рефлексивному сопротивлению» [10, с. 63]. Такие коллективы выстраивают собственные «жизненные миры»

и используют для взаимодействия альтернативные языки и символические системы. Сообщества в постмодерне подчиняются доминирующим дискурсам не пассивно, а активно создают альтернативные реальности через совместное значение и практики. Это и есть форма рефлексивного сопротивления, которое проявляется не через открытую оппозицию, а через создание других форм жизни и смысла.

Цифровая контркультура, по Тернеру, унаследовала идеалы 1960-х годов, но перевела их в новую среду, когда «настольные компьютеры и Интернет стали инструментами личного и коллективного освобождения в совершенно земном ключе» [17, с. 208]. Цифровая контркультура не отказалась от идеалов 1960-х, но приспособила их под новые условия – перешла от хиппи-коммун к хакерским форумам и сетевым протестам. Здесь особенно важна роль алгоритмического сопротивления – практик, направленных на обход или подрыв цифровых систем контроля, когда существующие алгоритмы перенаправляются на цели, отличные от коммерческих или контролирующих. Такие действия не отрицают технологию, а переосмысливают ее социальную функцию, превращая инструмент контроля в инструмент освобождения [18, с. 527].

Эти практики входят в более широкую концепцию «общества контроля», описанную Жилем Делезом, где «индивидуумы становятся «дивидуумами», а массы – сэмплами, данными, рынками и «банками»» [6, с. 3]. Делез вводит термин «дивидуум» (от лат. *dividuum* – «делимый»), противопоставляя его классическому «индивидууму» (от *individuum* – «неделимый»). В обществе контроля человек больше не является целостной личностью, а становится расщепленным объектом, разложенным на данные: поведенческие паттерны, биометрию, кредитный рейтинг, лайки, геолокацию и т.д. Эти данные не просто собираются. Они встроены в системы управления, которые изменяют характеристики поведения в реальном времени (например, через алгоритмы рекомендаций, скоринговые системы, таргетированную рекламу и пр.). Власть здесь не подавляет, а регулирует, включает и исключает через коды доступа, а не через физические стены. Таким образом, Делез предвосхищает логику алгоритмического управления и наблюдательного капитализма (по Зубофф): индивид становится ресурсом, а его «свобода» – иллюзией, скрывающей непрерывный контроль извне. В этом контексте контркультура выступает не просто как протест, а как форма изобретения повседневности, описанная Мишелем де Серто: «В наших обществах тактики множатся вместе с уменьшением локальной стабильности» [11, с. 51]. Такие тактики особенно важны в условиях, когда господствующий порядок пытается репрессировать или кооптировать любые формы инаковости. Господствующим



щая культура нейтрализует радикальные голоса, особенно через упрощение, стилизацию или моральное осуждение [19, с. 447].

Радикальные формы инаковости не только не подрывают доминирующий порядок, а легко в него встраиваются, поскольку лишены нравственной ответственности. Таким образом, господствующий порядок не всегда репрессирует инаковость напрямую – он кооптирует ее, превращая в стилизованную форму бунта без содержания. Стивенсон показывает, что контркультурный антигуманизм, отрицающий заботу о Другом, облегчает эту кооптацию, поскольку лишает сопротивление его освободительного потенциала. Другими словами, нет прямого утверждения, что «власть подавляет инаковость», а показывается, как инаковость сама делает себя уязвимой для нейтрализации, отказываясь от универсальных ценностей солидарности и признания Другого.

Символизм контркультуры также связан с мифологическим мышлением. Ролан Барт говорит, что мифы работают как «вторичные семиотические системы», которые естественным образом узаконивают идеологию: «Задачей мифа является преобразовать историческую интенцию в природу, преходящее – в вечное» [2, с. 269]. Миф – это не просто ложь или иллюзия, а структурированная семиотическая операция: он берет уже существующий знак и превращает его в форму, лишенную исторического контекста. Затем форма наполняется новым идеологическим содержанием. Таким образом, миф стирает следы своего происхождения: колониализм, насилие, социальное неравенство, – все это деполитизируется, становится «просто так устроено». Именно в этом состоит главная функция мифа как вторичной системы: он легитимирует власть, делая ее невидимой, естественной и вневременной. Это объясняет, почему Барт называет миф «похищением языка»: он захватывает реальные, исторически насыщенные знаки и переписывает их под нужды идеологии, лишая их критического потенциала.

Контркультура же создает контрмифы – альтернативные нарративы, разрушающие иллюзии господствующего дискурса. Это особенно актуально в эпоху симулякров, описанной Ж. Бодрийяром. В современном мире знаки больше не отсылают к реальности, а сами становятся реальностью. Это гиперреальность – мир, в котором телевидение, реклама, социальные сети, статистика и алгоритмы создают «реальность», более «реальную», чем сама реальность. Что касается контркультуры, то Бодрийяр не наделяет ее освободительной силой. Он пишет: «Даже репрессия интегрируется как знак в этом мире симуляции. Репрессия, которая превратилась в разубеждение, становится лишь еще одним знаком в мире убеждения» [4, с. 104]. Это означает, что любая форма сопротивления, включая контркультурную, легко встраивает-

ся в систему симуляции и теряет свой критический потенциал. Например, протест становится медийным спектаклем, а хипстерская эстетика – товаром. По Бодрийяру, в эпоху гиперреальности нет внесистемности, и любая попытка выйти за пределы системы лишь укрепляет ее.

В книге Виктора Франкла «Человек в поисках смысла» центральной является мысль о том, что человек движим не стремлением к удовольствию и не стремлением к власти, а «волей к смыслу» – стремлением найти и реализовать смысл своей жизни даже в самых экстремальных условиях. Поэтому контркультура – это не только протест, но и поиск смысла. Виктор Франкл писал: «Мы, однако, придерживаемся той точки зрения, что человек не хочет просто быть счастливым. Скорее он хочет иметь основание быть счастливым» [12, с. 174, 130], и именно в условиях кризиса смысла рождаются контркультурные движения. Франкл радикально переосмысливает мотивацию человека. В отличие от классического психоанализа, который сводит поведение к либидо или стремлению к власти, Франкл утверждает, что удовольствие – это не цель, а побочный эффект. Оно приходит только тогда, когда человек сосредоточен не на себе, а на осуществлении смысла, будь то через творчество, любовь или достойное отношение к страданию. Эта идея особенно ярко проявляется в его описании лагерного опыта: те, кто сохранил внутренний ориентир на смысл (например, мысль о любимом человеке, незавершенной работе или моральном долге), имели гораздо больше шансов выжить даже при физическом истощении. Таким образом, смысл становится не абстрактной философией, а жизненной необходимостью. Франкл также подчеркивает, что смысл нельзя изобрести, его можно только найти. Он всегда конкретен, уникален для каждой ситуации и каждого человека. Это делает «волю к смыслу» не универсальной формулой, а постоянным вызовом к ответственности.

В постмодернистском обществе индивидуализм уступает место эмоциональным «племенам», а смысл возникает не в изолированном сознании, а в совместном переживании – через чувственность, симпатию, эстетическое единение и «ориентацию-на-Тебя». Вместо просветительского идеала автономного рационального человека контркультура предлагает «племенной» субъект, погруженный в эмоциональную общность и ритуал. Новые формы социальности (эмоциональные, ритуальные, эстетические) подрывают рационалистическую индивидуалистическую модель общества, заложенную эпохой Просвещения. Вместо просветительского идеала автономного рационального субъекта современность порождает «чувственный субъект», идентичность которого формируется в коллективном переживании через музыку, одежду, танец и ритуал. Это не политиче-

ский протест, а онтологический сдвиг: отказ от логики «я мыслю» в пользу «мы чувствуем вместе». Именно в этом состоит его разрушительная сила: система модерна держится на разделении субъекта и тела, разума и эмоций. Восстановление их единства подрывает ее изнутри. «Возвращение общинного идеала (постмодернистский трайбализм) в ущерб социальному идеалу является частью циклического изменения социальных ценностей. Племенные объединения основаны на желании быть с одним и тем же и исключать другое. Эта «гомосоциальность» преобладает во всех сферах, поэтому политика становится историей кланов; университет или пресса раздроблены на конкурирующие и противостоящие группы» [16, с. 668]. В этой мысли, предложенной Мишелем Маффесоли, констатируется кризис просветительской модели: политика и индивидуализм «насыщены», то есть исчерпали себя. Им на смену приходят интенсивные, локальные, аффективные формы общения, которые не стремятся к универсальности или рациональному диалогу, а создают новую социальность через присутствие, жест и стиль. Это, по сути, отказ от политики как таковой, но не от сопротивления. Сопротивление теперь встроено в форму жизни и в ритуал повседневности, что делает его глубже и устойчивее, чем любая программа. В эмоциональных племенах смысл рождается в совместном переживании: «Маффесоли заимствует у [Альфреда Шютца] понятие «ориентации-на-Тебя» (Du-Einstellung), предполагающее, что каждый индивидум может пережить чувственный опыт другого («Ты») как свой собственный, чем приближает к себе жизненный мир своего сообщинника и вступает с ним в определенную связь. „Именно это переживание другого, того, что им пережито посредством пережитого мною, и составляет основу понимания разных миров»» [1, с. 6]. Маффесоли (через интерпретацию Д.Я. Алиевой) предлагает радикальную альтернативу модернистской парадигме индивида как автономного рационального субъекта. Вместо этого он видит в постмодерне возвращение к архаическим формам социальности – не в буквальном смысле, а как новую чувственную общность, где люди объединяются не по идеологии или интересу, а по стилю, эстетике, настроению и ритму жизни. Такими «племенами» являются, например, фанаты музыкального жанра, участники косплей-сообществ, уличные субкультуры, онлайн-группы с общей эмоциональной тональностью. В них смысл не предшествует взаимодействию, а рождается в процессе совместного переживания: в танце, в диалоге, в молчаливом согласии, в общей эстетике. Это эмпирическая форма солидарности, основанная не на договоре, а на чувственном узнавании. Таким образом, Маффесоли не просто констатирует упадок индивидуализма. Он переосмысливает саму природу социально-

го, показывая, что даже в условиях раздробления и «массы» возможны глубокие, хотя и временные, формы связи, где «я» существует только через «мы», а «мы» – через чувственный опыт общности. Аналогичную мысль развивает Е.И. Булатова, указывая на «концептуализацию молодежной социальности» через призму «новых племен» [5, с. 24]. В своей статье автор системно развивает мысль о том, что современная молодежная социальность больше не поддается описанию в рамках классической парадигмы и требует новой концептуальной модели – «новых племен» (neo-tribes), предложенной Мишелем Маффесоли. «В отличие от племен традиционных культур, современные племена образуются не по принципу кровного родства, а на основе аффективного единства, внезапно вспыхнувшего интереса, удивления, совместно пережитого эмоционального волнения, страсти. Предметом интереса и коллективного переживания членов таких новых племен могут быть мода, спорт, музыка, сериалы, игры» [5, с. 26]. Булатова показывает, что концепция «новых племен» отвечает на вызовы постмодернистской социальности, где устойчивые субкультурные идентичности уступают место временным, эмоционально насыщенным собраниям. В отличие от классических субкультур (например, панков), которые строились на оппозиции преобладающей культуре, «новые племена» не обязательно протестуют. Они собираются вокруг общего аффекта, эстетики или стиля, будь то фестиваль, онлайн-сообщество или музыкальный жанр. Эта модель особенно актуальна для цифровой эпохи: социальные сети, мемы, TikTok-тренды создают именно такие флюидные, но интенсивные формы принадлежности, где смысл рождается не в идеологии, а в совместном переживании. Таким образом, «новые племена» – это не просто метафора, а аналитический инструмент, позволяющий понять, как молодежь конструирует социальность в условиях фрагментации, гибридности и постоянной смены идентичностей.

Кроме того, по замечанию Н.А. Касавиной, молодежь в цифровом обществе формирует идентичности не через оппозицию, а через множественные пересекающиеся аффилиации, что требует переосмысления самой категории контркультуры [8]. В этом свете контркультура становится не столько радикальным отрицанием порядка, сколько полифоническим пространством альтернативных смыслов, где сосуществуют различные символические программы. Хотя Касавина не говорит о «переосмыслении контркультуры», она четко фиксирует сдвиг в механизмах идентификации: молодежь больше не ставит себя в оппозицию к «мейнстриму», а одновременно участвует в множестве цифровых сообществ, каждое из которых предлагает гибкие, ситуативные и необязательно противоречивые идентичности. Это соответствует логике «новых племен» Маффесоли или



«постсубкультурных аффилиаций», где принадлежность не исключает другие принадлежности, а стиль, эмоция и контекст заменяют идеологию. Однако, Касавина не развивает эту теоретическую линию, ограничиваясь психолого-педагогическим и этическим подходом: она рассматривает цифровую идентичность как ресурс развития, но и как источник рисков (расщепление «я», интернет-зависимость, манипуляции).

Проведенный социально-философский анализ контркультуры как символической альтернативы господствующему порядку позволяет сделать вывод о ее многомерности и внутренней противоречивости. Контркультура не сводится к простому протесту или маргинальному отклонению; она представляет собой сложную семиотическую систему, целенаправленно конструирующую альтернативные миры через стиль, миф, ритуал и повседневные практики. Будучи динамическим процессом, она создает собственные семиосферы, в которых формируются новые значения и идентичности, бросая вызов доминирующим культурным кодам. Символическое ядро контркультуры – ее «возвышенные объекты» – обладает парадоксальной природой: оно структурирует коллективное желание и солидарность, но рискует утратить свою подрывную силу в результате кооптации и коммодификации. В условиях «текущей современности» и наблюдательного капитализма контркультурные символы легко превращаются в товар, а сопротивление становится элементом социального различия или источником данных. Тем не менее, даже в цифровую эпоху сохраняются формы рефлексивного и алгоритмического сопротивления, которые переосмысливают технологии не как инструменты контроля, а как средства освобождения. Несмотря на все противоречия, контркультура продолжает выполнять свою символическую функцию – предлагать альтернативу господствующему порядку через переизобретение повседневности, создание контрмифов и утверждение иных способов бытия. Несмотря на постоянную угрозу нейтрализации со стороны системы, она остается пространством поиска смысла, солидарности и подлинности, особенно актуальным в эпоху цифровой гиперреальности и фрагментированных идентичностей. Ее сила заключается не в прямом политическом противостоянии, а в способности создавать иные жизненные миры, которые, пусть временно и локально, оспаривают логику доминирующего дискурса.

Литература

1. Алиева Д.Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // Социологический журнал. 1995. Т. 0. № 1. С. 110–121. URL: <https://clck.ru/3PSsdB> (дата обращения: 09.11.2025).
2. Барт Р. Мифология / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с. – ISBN 5-8242-0048-3. URL: <https://clck.ru/3PSyFm> (дата обращения: 09.11.2025).
3. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с. – ISBN 978-5-469-00034-1. URL: <https://clck.ru/3QE2Bt> (дата обращения: 09.11.2025).
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – Москва: ПОСТУМ, 2015. – 240 с. URL: <https://clck.ru/3Mckv4> (дата обращения: 18.04.2025).
5. Булатова Е.И. Концептуализация молодежной социальности в постсубкультурных исследованиях: теория «новых племен» // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 24–28. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/150/290> (дата обращения: 27.09.2025).
6. Делез Ж. Общество контроля. PostScriptum. 1998. / пер. с фр. Н. М. URL: <http://elements.lenin.ru/9deleuze.htm> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронов. – Москва: Художественный журнал, 1999. – 114 с. – (Архив XXI века). – ISBN 5-901116-01-1. – Электрон. версия. URL: <http://yanko.lib.ru> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. – Москва: ИФРАН, 2015. – 189 с. – ISBN 978-5-9540-0294-2. URL: <https://clck.ru/3QE4xS> (дата обращения: 04.06.2025).
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с. – ISBN 5-210-01379-6. URL: <https://clck.ru/3PSxxv> (дата обращения: 19.05.2025).
10. Насибуллов К. И., Попов Л.М., Устин П.Н. Исследование сообществ в эпоху постмодерна с позиций социального конструкционизма К. Джерджена // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 5А. URL: <https://clck.ru/3QE2хu> (дата обращения: 19.05.2025).
11. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; науч. ред. К. Ермошина. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с. – (Прагматический поворот; вып. 5). – ISBN 978-5-94380-150-1.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – Москва: Прогресс, 1990. – 366 с. – (Б-ка заруб. психологии). – ISBN 5-01-001606-0. URL: <https://clck.ru/3QE4Wt> (дата обращения: 09.11.2025).
13. Cotrau D., Papuc O. From nascent youth culture to today's style streams. A critical cultural



- documentation of subculture-oriented youth. – Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2024. – 177 p. – ISBN 978-606-37-2275-2. URL: <https://clck.ru/3QE5SB> (дата обращения: 31.08.2025).
14. Heath J., Potter A. *The Rebel Sell: How the Counterculture Became Consumer Culture*. – 2007. – 177 p. URL: <https://clck.ru/3QE2T7> (дата обращения: 15.07.2025).
 15. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. – London: Taylor & Francis e-Library, 2002. – 195 p. – ISBN 0-415-03949-5. – URL: <https://clck.ru/3McXlr> (дата обращения: 15.05.2025).
 16. Lindón V.A. Рецензия на книгу М. Maffesoli «La contemplation du monde: figures du style communautaire». – 1994. – 6 с. – URL: <https://clck.ru/3QE6AD> (дата обращения: 06.11.2025).
 17. Turner F. *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 320 p. – ISBN 978-0-226-81742-6. – URL: <https://clck.ru/3QE3TN> (дата обращения: 28.09.2025).
 18. Velkova J., Kaun A. Algorithmic resistance: media practices and the politics of repair // *Information, Communication & Society*. 2021. Vol. 24, № 4. P. 523–540. – URL: <https://clck.ru/3QE3aH> (дата обращения: 26.10.2025). – DOI: 10.1080/1369118X.2019.1657162.
 19. Wayne E.A. Stevenson, G. (2020). *Anti-Humanism in the Counterculture*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 223 p. // *Litera*. – 2021. – V. 31, № 1. – P. 445–451. ISBN 978-3-030-47760-8; 978-3-030-47759-2. – Электронный ресурс. – URL: <https://clck.ru/3NEEpj> (дата обращения: 20.06.2025). – DOI: 10.26650/LITERA2020-869273
 20. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism*. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p. – ISBN 978-1-61039-569-4. – URL: <https://clck.ru/3PSuHp> (дата обращения: 28.09.2025).

COUNTERCULTURE AS A SYMBOLIC ALTERNATIVE TO THE PREVAILING ORDER: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Glebov A.P.

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of counterculture as a symbolic alternative to the prevailing cultural and social order. The author explores counterculture not just as a form of protest, but as a dynamic process of constructing alternative worlds through style, myth, ritual, and everyday practices. The counterculture is an integral semiosphere in which a new identity and a different way of being are constructed through style, music, rituals and everyday practices. Special attention is paid to the symbolic nature of countercultural resistance based on the creation of «sublime objects of ideology», as well as its vulnerability to co-optation in the conditions of «supervising capitalism» and «society of control». In the context of the digital age, new forms of reflexive resistance are analyzed, from algorithmic resistance to post – subcultural «emotional tribes» that form meaning through shared experience. The article also addresses Viktor Frankl's ideas about the «will to make sense» emphasizing that countercultural movements often arise as

a response to the existential crisis of modernity. Despite the risks of neutralization, the counterculture acts not just as a marginal deviation or a political force, but as an ontological challenge to individualism, rationalism and consumer logic of the dominant discourses in society.

Keywords: counterculture, semiosphere, symbolic resistance, society of control, emotional tribes, will to meaning, identity.

References

1. Alieva D. Ya. Paradigmatic Shifts in the Sociology of Everyday Life: Michel Maffesoli's Concept // *Sociological Journal*. 1995. Vol. 0. № 1. pp. 110–121. Available at: <https://clck.ru/3PSsdB> (Accessed: 09.11.2025).
2. Bart R. *Mythology* / translated from French, introduction and commentary by S.N. Zenkin. – Moscow: Sabashnikov Publishing House, 1996. – 312 p. – ISBN 5-8242-0048-3. Available at: <https://clck.ru/3PSyFm> (Accessed: 09.11.2025).
3. Bauman Z. *Fluid Modernity* / translated from English. edited by Yu.V. Asochakova. – Saint Petersburg: Piter, 2008. – 240 p. – ISBN 978-5-469-00034-1. URL: <https://clck.ru/3QE2Bt> (date of access: 09.11.2025).
4. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations* / trans. from French by A. Kachalov. – Moscow: POSTUM, 2015. – 240 p. URL: <https://clck.ru/3Mckv4> (date of access: 18.04.2025).
5. Bulatova E.I. Conceptualization of Youth Sociality in Post-Subcultural Studies: Theory of «New Tribes» // *Observatory of Culture*. 2015. № 2. pp. 24–28. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/150/290> (access date: 09/27/2025).
6. Deleuze J. *Society of Control*. PostScriptum. 1998. / transl. from fr. N. M. URL: <http://elements.lenin.ru/9deleuze.htm> (access date: 12/1/2025).
7. Zizek S. *Sublime object of ideology* / trans. from English V. Sofronov. – Moscow: Art Journal, 1999. – 114 p. – (Archive of the XXI century). – ISBN 5-901116-01-1. – Electron. version. URL: <http://yanko.lib.ru> (access date: 05/19/2025).
8. Kasavina N.A. *Existential Experience in Philosophy and Social Sciences and Humanities*. Moscow: IFRAS, 2015. 189 p. ISBN 978-5-9540-0294-2. Available at: <https://clck.ru/3QE4xS> (Accessed: 04.06.2025).
9. Lotman Yu.M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2000. 704 p. ISBN 5-210-01379-6. Available at: <https://clck.ru/3PSxxv> (Accessed: 19.05.2025).
10. Nasibullov K. I., Popov L.M., Ustin P.N. *Study of Communities in the Postmodern Era from the Standpoint of K. Jergen's Social Constructionism* // *Psychology. Historical and critical reviews and contemporary research*. 2017. Vol. 6. № 5A. URL: <https://clck.ru/3QE2xy> (date of access: 19.05.2025).
11. Certo M. de. *The Invention of Everyday Life*. 1. *The Art of Making* / translated from French by D. Kalugin, N. Movnina; scientific ed. K. Ermoshin. – St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2013. – 330 p. – (Pragmatic Turn; issue 5). – ISBN 978-5-94380-150-1.
12. Frankl V. *Man's Search for Meaning: collection* / translated from English and German; general ed. L. Ya. Gozman, D.A. Leontiev. – Moscow: Progress, 1990. – 366 p. – (Library of Foreign Psychology). – ISBN 5-01-001606-0. URL: <https://clck.ru/3QE4Wt> (accessed: 09.11.2025).
13. Cotrau D., Papuc O. From nascent youth culture to today's style streams. A critical cultural documentation of subculture-oriented youth. – Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2024. – 177 p. – ISBN 978-606-37-2275-2. URL: <https://clck.ru/3QE5SB> (accessed: 31.08.2025).
14. Heath J., Potter A. *The Rebel Sell: How the Counterculture Became Consumer Culture*. – 2007. – 177 p. URL: <https://clck.ru/3QE2T7> (date of access: 15.07.2025).
15. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. – London: Taylor & Francis e-Library, 2002. – 195 p. – ISBN 0-415-03949-5. – URL: <https://clck.ru/3McXlr> (date of access: 15.05.2025).
16. Lindón V.A. Review of the book by M. Maffesoli «La contemplation du monde: figures du style communautaire». – 1994. – 6 p. – URL: <https://clck.ru/3QE6AD> (date of access: 06.11.2025).

17. Turner F. From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 320 p. – ISBN 978-0-226-81742-6. – URL: <https://clck.ru/3QE3TN> (date of access: 09/28/2025).
18. Velkova J., Kaun A. Algorithmic resistance: media practices and the politics of repair // Information, Communication & Society. 2021. Vol. 24, № 4. P. 523–540. – URL: <https://clck.ru/3QE3aH> (access date: 10.26.2025). – DOI: 10.1080/1369118X.2019.1657162.
19. Wayne E.A. Stevenson, G. (2020). Anti-Humanism in the Counterculture. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 223 p. // *Lit-era*. – 2021. – V. 31, № 1. – P. 445–451. ISBN 978-3-030-47760-8; 978-3-030-47759-2. – Electronic resource. – URL: <https://clck.ru/3NEEpj> (accessed: 20.06.2025). – DOI: 10.26650/LIT-ERA2020-869273
20. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p. – ISBN 978-1-61039-569-4. – URL: <https://clck.ru/3PSuHp> (accessed: 09/28/2025).

Сравнительный анализ сущностных и ситуативных свойств первобытного и современного человека

Ганшин Сергей Олегович,

преподаватель, Военный университет Министерства обороны
РФ им. князя А. Невского
E-mail: sganshin@inbox.ru

В исследовании рассматриваются сущностные и ситуативные свойства человека. Сущностные свойства инвариантны и константны, присутствуют всегда, но могут быть латентны, тогда как ситуативные свойства зависят от внешних факторов. В основе исследования лежит психоаналитическая концепция, рассматривающая человека через биполярные инвариантные константы: «удовольствие – неудовольствие», «интроекция – проекция». Отношение этих констант формирует жизненные смыслы и общую направленность человека. Внешние условия актуализируют одни смыслы и деактуализируют другие, что в психоанализе соотносится с осознаваемым и неосознаваемым. Средством выражения актуальных и неактуальных смыслов выступает символ, который по инвариантным константам тождественен смыслу. Для установления сущностных и ситуативных свойств сопоставлены две антропологические группы – первобытные и современные люди. Общие свойства интерпретируются как сущностные, частные – как зависимые от культурно-исторического и экологического контекста. Результаты показали, что общими свойствами являются биполярные инвариантные константы и образованные ими типовые смыслы (либидозные, рациональные, танатические, фантазийные, социальные), тождественные у обеих групп. Различия в символическом и содержательном выражении обусловлены культурно-историческими, антропологическими и экологическими контекстами. Так, в сущностной структуре типовых смыслов наблюдается общность, а в содержании отражается конкретный контекст.

Ключевые слова: сущностные свойства человека, смысл, психоанализ, психоаналитическая антропология, первобытный человек, современный человек.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дифференциации сущностных, инвариантных свойств человека, присущих ему как биологическому виду, и ситуативных характеристик, формирующихся под влиянием конкретных культурно-исторических и экологических условий. Несмотря на значительный прогресс в изучении психики, большинство современных психологических и психоаналитических концепций построены на наблюдениях за представителями WEIRD-популяции (западных, образованных, индустриальных, богатых, демократических обществ), что ставит вопрос об универсальности полученных выводов. Сравнительный анализ с первобытным человеком позволяет выявить общие закономерности психического функционирования, не зависящие от цивилизационных факторов, и отделить их от ситуативных наслоений. Такой подход открывает возможность верификации фундаментальных положений психоанализа о структуре мотивации, роли бессознательного и природе внутриспсихических конфликтов. Кроме того, понимание того, какие именно аспекты психики являются константными, а какие изменяются под воздействием среды, имеет практическое значение для разработки универсальных методов психотерапии и адаптации человека к современным вызовам, таким как информационные перегрузки, техногенные риски и трансформация социальных связей.

Результаты исследования

Понятие «*первобытный человек*» может рассматриваться достаточно широко как *Homo sapiens sapiens*, то есть анатомически и биологически соответствующий современному виду и подвиду человека, но имеющий ряд особенностей во взаимодействии с окружающим миром, условиями проживания, деятельностью, социальные, историко-антропологические, экологические и психологические характеристики. Сущностные свойства человека возникают вследствие сочетания биполярных инвариантных констант, которые представляют собой взаимодействие человека с миром. То есть, как мы знаем из естественных наук, например, биологии и анатомии, сам человек структурно не менялся, следовательно, не менялись и его сущностные отношения с реальностью, но происходили изменения в условиях внешней среды, что актуализировало



определённые сущностные особенности. К общим условиям жизни первобытного человека можно отнести следующие аспекты [2, 3, 11].

1. Зависимость от миграций животных в связи с охотничье-собираТЕЛЬским типом хозяйствования, что определяло необходимость кочевания.

2. Наличие высокого уровня рисков и опасностей, в связи с возможными травмами на охоте, неблагоприятными климатическими изменениями и отсутствием медицины.

3. Наличие орудий охоты, например, копья, дротики с заточенными каменными, костяными наконечниками, а также копьеметалки (пропульсоры, атлатли), гарпуны, которые чаще всего представляли собой древко с заточенными каменными, костяными наконечниками. Знание, добыча и использование огня, термическая обработка пищи и наличие одежды.

4. Социальная организация была построена по принципу родоплеменного строя, поделённого внутри на кланы или тотемные подгруппы при общей небольшой численности племени в среднем от 20 до 50 человек, и возможными расширенными отношениями с другими племенами до 300–500 человек в зависимости от сезонных видов охоты и необходимости взаимообмена.

5. Развитая символическая культура, представленная погребениями, статусными украшениями, изобразительным (пещерная и наскальная живопись, гравировка) и музыкальным искусством (флейты, свирели). Возможны мифы, ритуалы, церемонии, инициации, анимизм, фетишизм, шаманизм, магия.

Понятие «современный человек» может рассматриваться в широком определении. Тогда мы понимаем под «современным человеком» биологический вид *Homo sapiens sapiens*, возникший 300–200 тыс. лет назад и к настоящему моменту сохранивший основные анатомические и биологические характеристики, при этом имеющий определённые особенности, связанные со средовыми факторами и формами деятельности. В нашем исследовании мы берём за основу тот цивилизационный итог современного общества, который максимально имеет ныне живущий человек. Поскольку и в настоящее время существуют регионы, в которых люди находятся в тех же первобытных условиях, что и тысячи лет назад, либо с некоторыми изменениями. Однако в нашем случае, мы ориентируемся на возможный максимум, который в реальной жизни человеком уже осуществлён. Речь идёт не о развитии самого человека, а о развитии современного общества, достигшего высочайшего научно-технического уровня.

Характеристики жизни современного человека [6, 7].

1. Минимизированная зависимость человека от природы, но большая – от условий цивилизации, например, экономической, политической, со-

циальной, технологической, международной организации, определяющих или отражающихся на профессионально-трудовой роли и деятельности человека. Многие современные профессии не связаны с непосредственным выживанием человека в природе.

2. Снижение степени естественных, биологических, природных, климатических рисков, благодаря наличию социальных институтов, например, здравоохранения, социального попечения, научных организаций. При этом возникает повышение рисков, связанных с техногенными, бытовыми, транспортными опасностями, вопросами перенаселения и проживания в густонаселённой местности, стрессами и информационной перегрузкой, необходимостью большого количества коммуникаций, частого социального взаимодействия. Преобладают не смертельные, а хронические заболевания, учащаются случаи гиподинамии, и становится обычной практикой малоподвижный образ жизни. Повышается рост психического напряжения, стресса, депрессий, профессионального и эмоционального выгорания, жизненных кризисов, теряется смысл своей деятельности.

3. Сложноорганизованная техносредовая деятельность, прошедшая этапы индустриализации, компьютеризации. Общий уровень снижения физической активности человека с переходом его на более интеллектуальный труд. Ю. Харари полагает, что современный человек находится под сильным напором технологий и информации, что вызывает его закономерную перегрузку [9].

4. Социальное взаимодействие происходит на больших масштабах, как на уровне отдельных стран, так и между странами. Социальными регуляторами выступают институты различных форм власти (законодательная, исполнительная, судебная). Функции общества распределены по специальным структурам. Отношение между людьми осуществляется посредством права и закона, что говорит о развитых формальных отношениях, с одной стороны, упрощающих социальное взаимодействие, а с другой – усложняющих.

5. Символическая деятельность опосредована различными языковыми системами: устной и письменной речью, математическими, техническими знаками. Преобладает научное мировоззрение, поскольку современные люди посещают школы, проходя обучения в колледжах и университетах. Сохраняется культурный, традиционный и религиозный символизм, который также имеет развитую и богатую систему представлений.

Дж. Хенрик, С. Хайне, А. Норензон вводят понятие «WEIRD-популяции», которое представляет собой аббревиатуру или акроним, состоящий из английских слов: w – «western», то есть западные люди, относящиеся к западноевропейской культуре и цивилизации; e – «educated» понимается как образованные люди, имеющие, как мини-



мум, законченную среднюю школу; i – «industrialized» – это люди, живущие в развитых индустриальных и развитых странах; r – «rich» означает, что люди относительно богаты, материально благополучны; и, наконец, d – «democratic», то есть проживающие в демократических странах. Иными словами описываются критерии современного человека [10]. Как было установлено авторами данной статьи большинство научных исследований, например, в области психологии, социологии проводятся на студентах и городских жителях Европы, Северной Америки, Австралии, Японии, Южной Кореи, то есть относящиеся к WEIRD-популяции. К подобной WEIRD-популяции мы можем отнести и всех пациентов, с которыми работали психоаналитики, и на базе которых формировался теоретический и практический психоанализ. Например, З. Фрейд обращал внимание в своих работах на критерии отбора круга пациентов, соответствующих психоаналитическим условиям: достаточный интеллект, рефлексия, сознательность, культурный уровень, необходимые для вербализации своих ассоциаций, мыслей и переживаний; материальная обеспеченность, позволяющая человеку снять фокус внимания от внешнего неблагополучия и иметь свободное время на решение своих психических проблем. Также им были описаны такие требования как дисциплинированность и способность к длительной психоаналитической работе [8, 12]. По этой причине в нашей работе мы ставим тождество между понятиями «современный человек» и «WEIRD-популяция».

В целях изучения смыслов первобытного человека мы использовали работу З. Фрейда «Тотем и табу» (1913) как базовый источник [12]. И привлекали к исследованию 25 экспертов, дипломированных психологов, психоаналитиков. Мы предложили им выбрать из этой работы З. Фрейда понятия, которые с их точки зрения представляют собой наибольшую важность и значимость для характеристики первобытного человека. В итоге эксперты отобрали 37 понятий. Для установления семантической близости между понятиями нами был использован метод семантического дифференциала Ч. Осгуда и кластерный анализ. В целях исследования смыслов современного человека мы использовали 24 понятия, описывающие виды защитных механизмов психики, взятые из психоаналитических словарей Ж. Лапланша, Ж.-Б. Понталиса, В.М. Лейбина, Д.Б. Зеленского. Защитные механизмы психики понимаются в психоанализе как психические процессы, направленные на смягчение, искажение внутренних и внешних противоречий, задачей которых является сохранение целостности Эго, занятие им наиболее выгодной позиции в интерпретации окружающего [1, 4, 5]. Сущностные свойства человека возникают как результат взаимодействия внутренних и внешних сил. С точки зрения психоанализа такое взаимо-

действие рождается от биполярных инвариантных констант: удовольствия и неудовольствия, интроекции и проекции. В этой связи нами составлены две шкалы с диапазоном от -3 до $+3$ баллов (7-балльная шкала), которые означают степень выраженности констант (± 1 – низкая, ± 2 – средняя, ± 3 – высокая, 0 – выраженность отсутствует). Шкалы:

- 1 шкала: удовольствие и неудовольствие;
- 2 шкала: интроекция и проекция.

По результат экспертной оценки был проведен кластерный анализ, который позволил нам установить, что по одним и тем же биполярным инвариантным константам происходит гомологичное распределение психоаналитических понятий, образующих пять кластеров (групп) или, иначе говоря, пять «типовых смыслов». Изобразим графически кластеризованные психоаналитические понятия, относящиеся к первобытному и современному человеку (рис. 1).

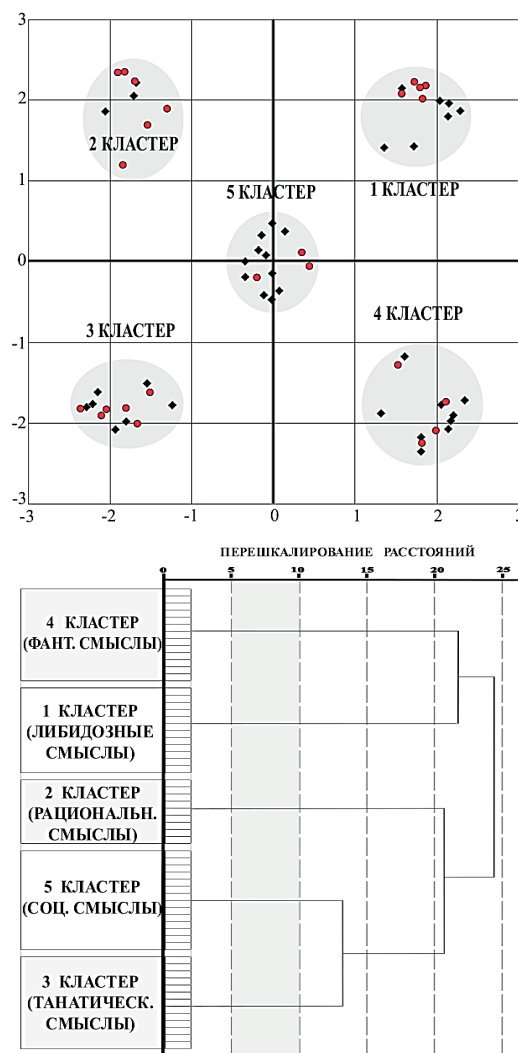


Рис. 1. Распределение в евклидовом пространстве (сверху) и иерархическая кластеризация (снизу) психоаналитических понятий, полученных по оценкам экспертов, для первобытного человека (ромбы) и современного (окружности)

Полученная кластеризация указывает нам на семантическую близость, используемых психоаналитических понятий, а также сообщает нам о сущностном единстве между ними. То есть, несмотря на различия в исторических периодах, первобытный и современный человек всё же имеют общие и характерные друг другу черты и свойства, выраженные в биполярных инвариантных константах и типовых смыслах: либидозных, рациональных, танатических, фантазийных и социальных.

Далее более конкретно определим, какие именно психоаналитические понятия относятся к общим или к частным (специфическим) характеристикам первобытного и современного человека. Мы предложили 25 экспертам отнести понятия либо к общим, либо к частным (специфическим) свойствам. При этом мы отобрали у них только те понятия, которые распределяются у всех экспертов по трём группам: общая группа и специфическая группа для первобытного и современного человека. Результаты экспертного опроса для 37 понятий, экстрагированных из работы З. Фрейда «Тотем и табу» представим ниже.

Либидозные смыслы. В общем плане они включают: сексуальные желания, объектное либидо, нарциссическое либидо, аутоэротизм (самолюбие), сублимацию, стремление к физическому удовольствию. В частном проявлении (у первобытного человека) – желание обладать женщиной племени.

Рациональные смыслы. Общее: рациональные механизмы, организация деятельности. Частное: охота и собирательство.

Танатические смыслы. Общее: агрессия, мощь (величие), эдипов комплекс. Частное: убийство лидера, ритуальное убийство, искупление вины, каннибализм.

Фантазийные смыслы. Общее: мегаломанические тенденции, проекция фантазии, идеальное Я, всемогущество. Частное: магия и магическое мышление, ритуал, священное, мифы, анимизм.

Социальные смыслы. Общее: запрет на убийство, коллективное чувство вины, лидер (племя), мораль, восхищение лидером, перенос запрета, амбивалентность чувств, сексуальные запреты, социальная идентификация. Частное: тотем, инициация.

Из 24 понятий защитных механизмов психики только 16 были выбраны как общие и частные свойства для первобытного и современного человека, остальные не имели однозначного выбора экспертов.

Либидозные смыслы. В общем плане они включают идентификацию с матерью и женщиной, а также сублимацию. В частном проявлении у первобытного человека это регрессия и сексуализация, а у современного человека – юмор.

Рациональные смыслы. Общее выражается в рационализации. Частное, применительно к современному человеку, представлено прогрессией и интеллектуализацией.

Танатические смыслы. Общее составляют агрессия и идентификация с отцом и мужчиной. Частное, у современного человека, проявляется как обесценивание.

Фантазийные смыслы. Общее включает фантазию и всемогущество желаний. Частное, у первобытного человека, реализуется через магическое аннулирование.

Социальные смыслы. Общее представлено морализацией. Частное, у первобытного человека, выражается в идеализации других.

Также на человека оказывает влияние окружающая среда, представляющая собой совокупность внешних контекстов. С нашей точки зрения не все внешние контексты оказывают влияние на человека, а только те, которые имеют отношение к типовым смыслам, то есть связаны с ними единой плоскостью взаимодействий, возникающих от связи человека с миром. Поэтому рассмотрим культурно-исторические, антропологические и экологические контексты в соответствии с классификацией типовых смыслов.

Ниже систематизированы общие основания и различия между первобытным и современным человеком по пяти типам смыслов.

Либидозные смыслы. Их общую основу составляют единые базовые физиологические потребности, а также стремление к удовольствию, счастью, радости и положительным эмоциональным переживаниям. Различия же проявляются в том, что у первобытного человека удовольствие в большей степени зависит от природы, внешних обстоятельств и характеристик племени, тогда как у современного человека оно приобретает индивидуалистичный характер, но при этом расширяется в своих возможностях и спектре проявлений, оказываясь зависимым от глобальных социальных и цивилизационных процессов.

Рациональные смыслы. Общим для обоих типов человека выступает ориентация на практические ценности и выгоду, объективная необходимость сохранять трезвость и рациональность мышления, рассудительность, умение планировать и поэтапно осуществлять деятельность, анализировать ошибки и исправлять их, а также наличие устного языка и абстрактных знаков. Различия заключаются в том, что первобытный человек обладает широкими и разносторонними бытовыми знаниями, умениями и навыками, прежде всего в добыче пищи и выживании в дикой природе. Современный же человек, напротив, не связан непосредственно с добычей еды – его практическая деятельность опосредована экономическими отношениями; он в большей степени специализирован на конкретную область знаний и профессию.



нальную деятельность, отличается высоким уровнем образования, абстрактного мышления, технической и цифровой грамотностью.

Танатические смыслы. В общем плане они включают избегание неудовольствия, преодоление препятствий за счёт воли и отрицательных аффектов, возможное выражение импульсивных и агрессивных реакций, возникновение событий, оцениваемых как неблагоприятные, наличие противоречий, конфликтов, конкуренции, соревнований, жестокости, столкновение с проблемой смерти, болезнями, бедами, трудностями, а также борьбу за выживание – как личную, так и социальную. Различия же состоят в том, что первобытный человек живёт в условиях высокого физического риска, реальной опасности для жизни и здоровья, возможности получения увечий и травм на охоте; агрессия для него выступает прямым средством выживания, а в крайних формах может доходить до каннибализма. У современного человека, с одной стороны, относительная безопасность, но с другой – растёт уровень масштабных социальных и техногенных угроз; он находится в условиях переизбытка стрессов и информации, повышенного социального давления и конкуренции.

Фантазийные смыслы. Общей основой здесь является уход в мир фантазии как форма избегания жизненных проблем, иллюзия чувства контроля, а также воображение как средство познания мира, выраженное, например, в сказках и творчестве. Различия обнаруживаются в том, что у первобытного человека доминируют шаманизм, анимизм, фетишизм, охотничья магия, магическое мышление, вера в сверхъестественное. Современный же человек реализует фантазийные смыслы через искусство, фантастику как жанр, творчество, театр, кинематограф, компьютерные игры, различные формы эскапизма, а также через суеверия, пережитки веры в магию, эзотерику и духовные практики.

Социальные смыслы. Их общим содержанием выступает необходимость жить в обществе по определённым правилам, ролевое поведение, обусловленное полом, возрастом и распределением трудовых обязанностей, стремление к почёту и уважению, наличие авторитетов и лидеров в коллективе, неформальные и формальные отношения, забота и воспитание детей, уход за больными и пожилыми. Различия проявляются в том, что для первобытного человека характерны относительно небольшие родоплеменные связи, преобладание неформальных отношений и тотемизм как расширенная форма социального взаимодействия. Современный же человек живёт в условиях преобладания формальных отношений в больших социальных группах, наличия письменных законов, правил и инструкций поведения.

В либидозных смыслах мы видим общность, заключающуюся в стремлении к удовольствию,

реализации сексуальных желаний, сублимации психической энергии, связь с материнским образом. Различиями выступают у первобытного человека высокая сексуальная активность и низкие запреты. У современного человека мы наблюдаем наличие юмора. Рациональные смыслы имеют следующие общие характеристики: необходимость рационального поведения и организации деятельности. Частное у первобытного человека заключается в специфике охоты и собирательства, а у современного человека преобладает прогрессия (взросление) и интеллектуализация. То есть фокус смещается от практических навыков охоты в сторону абстрактного мышления и интеллекта. В танатических смыслах мы можем найти общее в агрессии, подавлении со стороны мужского образа (эдипов комплекс) и в идентификации с мужской ролью. В частном проявлении у первобытного человека меньше ограничений на выражение разрушительных импульсов, включая ритуальное убийство и каннибализм. А у современного человека преобладает скептицизм и критичность. Фантазийные смыслы предполагают общие черты: идею о собственном всемогуществе, стремление к реализации своей фантазии, идеальных образов себя. У первобытного человека фантастические смыслы больше завязаны на охотничью магию и шаманизм. Общее в социальных смыслах у первобытного и современного человека заключается в морально-этических правилах поведения, различных запретах. В частном порядке у первобытного человека мы находим такие понятия как тотем, инициация.

Заключение

Таким образом, мы исследовали сущностные и ситуативные свойства человека на примере первобытной и современной популяции. Нами было выявлено, что человек обладает едиными сущностными свойствами, представленными в виде биполярных инвариантных констант и типовых смыслов, а также частными свойствами, зависимыми от культурно-исторического, антропологического и экологического контекста. Предполагая, что именно внешняя среда, жизненные ситуации и обстоятельства оказывают влияние на человека и на его актуализацию типовых смыслов, приводя к определённым формам компенсации и поведения. Совместная кластеризация психоаналитических понятий подтверждает наличие кластеров у первобытного и современного человека, которые по инвариантным константам возможно соотнести с либидозными, рациональными, танатическими, фантазийными и социальными смыслами. Был получен вывод, что у первобытного и современного человека имеется общая друг с другом структура биполярных инвариантных констант и типовых смыслов, что является сущностными свойствами человека. В тоже время,



если мы учитываем между ними наличие сущностных свойств, в таком случае упомянутый нами ранее культурно-исторический, антропологический и экологический контекст является ситуационным, изменчивым и вариативным. Именно данный контекст и определяет символическое выражение и поведение первобытного и современного человека, но в сути его не меняет.

Литература

1. Зеленский Д.Б. Толковый словарь психоанализа. СПб.: Речь, 2009. 368 с.
2. Ким А.Ю. Каменный век: человек, среда, культура. СПб: Нестор-История, 2021. 640 с.
3. Коробкова Г.Ф. История первобытного общества: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 2021. 432 с.
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь психоанализа / пер. с фр.; ред. А.М. Кармин. 6-е изд., испр. М.: Академический проект, 2020. 544 с.
5. Лейбин В.М. Психоаналитический словарь. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 640 с.
6. Bauman Z. Liquid Surveillance: A Conversation / Z. Bauman, D. Lyon. Cambridge: Polity Press, 2013. 160 p.
7. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 256 p.
8. Freud S. Die Frage der Laienanalyse. Leipzig; Wien; Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1927. 124 p.
9. Harari Y. N. 21 Lessons for the 21st Century / Y.N. Harari. London: Jonathan Cape, 2018. 368 p.
10. Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33, № 2–3. P. 61–135.
11. Pettitt P. The Palaeolithic Origins of Human Burial. London; New York: Routledge, 2011. 400 p.
12. Totem und Tabu. Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker. Leipzig; Wien Hugo Heller, 1913. 210p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ESSENTIAL AND SITUATIONAL PROPERTIES OF PREHISTORIC AND MODERN HUMANS

Ganshin S.O.

Military University of the Ministry of Defense of the RF named after Prince Alexander Nevsky

The study examines the essential and situational properties of a person. Essential properties are invariant and constant, always present, but may be latent, whereas situational properties depend on external factors. The research is based on a psychoanalytic concept that considers a person through bipolar invariant constants: «pleasure – displeasure», «introjection – projection». The ratio of these constants forms the life meanings and general orientation of a person. External conditions actualize some meanings and de-actualize others, which in psychoanalysis correlates with the conscious and the unconscious. The symbol, which is identical to the meaning by invariant constants, acts as a means of expressing relevant and irrelevant meanings. To establish the essential and situational properties, two anthropological groups are compared – primitive and modern people. General properties are interpreted as essential, while particular properties are interpreted as dependent on the cultural, historical and ecological context. The results showed that the common properties are bipolar invariant constants and the typical meanings formed by them (libidinal, rational, thanatic, fantasy, social), which are identical in both groups. The differences in symbolic and substantive expression are due to cultural, historical, anthropological, and ecological contexts. Thus, there is a commonality in the essential structure of typical meanings, while the content reflects a specific context.

Keywords: human essential properties, meaning, psychoanalysis, psychoanalytic anthropology, primitive man, modern man.

References

1. Zelensky D.B. Explanatory dictionary of psychoanalysis. St. Petersburg: Speech, 2009. 368 p.
2. Kim A.Y. The Stone Age: man, environment, culture. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 640 p.
3. Korobkova G.F. The history of primitive society: studies. stipend. 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Higher School, 2021. 432 p.
4. Laplanche J., Pontalis J.-B. Dictionary of Psychoanalysis / translated from French; edited by A.M. Karmin. 6th ed., ispr. Moscow: Academic Project, 2020. 544 p.
5. Leibin V.M. Psychoanalytic dictionary. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 640 p.
6. Bauman Z. Liquid Surveillance: A Conversation / Z. Bauman, D. Lyon. Cambridge: Polity Press, 2013. 160 p.
7. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 256 p.
8. Freud S. The question of lay analysis. Leipzig; Vienna; Zurich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1927. 124 p.
9. Harari Y. N. 21 Lessons for the 21st Century / Y.N. Harari. London: Jonathan Cape, 2018. 368 p.
10. Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33, № 2–3. P. 61–135.
11. Pettitt P. The Palaeolithic Origins of Human Burial. London; New York: Routledge, 2011. 400 p.
12. Totem and taboo. Some similarities in the mental life of savages and neurotics. Leipzig; Vienna Hugo Heller, 1913. 210 p.

К вопросу о дефиниции понятия «общественное мнение»: обзор западных и отечественных концепций

Сингаевская Марина Владимировна,

преподаватель-исследователь, соискатель кафедры
политического анализа МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: singaevskaya.marina@yandex.ru

В статье проведен обзор западных и отечественных концепций развития понимания понятия «общественное мнение». Проанализированы особенности исторических трактовок понятия, включая советский период.

Четкое понимание понятия «общественное мнение» необходимо для всего комплекса социологических и политологических наук. В этой статье автор формулирует дефиницию, которая основана на российской научной традиции и предлагается для использования в научных и философских текстах.

Ключевые слова: категориальный аппарат, дефиниции, мнение, общественное мнение, гуманитарные науки.

Термин «общественное мнение» (англ. public opinion) был употреблен уже в XII в. английским писателем и государственным деятелем Иоанном Солсберийским в труде «Поликратик» («Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum», 1159 г.) для обозначения моральной поддержки парламента со стороны народа [1, pp. 39, 130]. Систематическое же исследование вопроса начало развиваться после Великой Французской революции (1789).

С середины XIX – начала XX века в изучении общественного мнения произошел важный сдвиг: от философских размышлений о его природе исследователи перешли к более системному, социологическому и социально-психологическому анализу. Общественное мнение стало рассматриваться как самостоятельное социальное явление, для которого стали определять сущность, структуру, содержание, а также механизмы формирования и функционирования.

Значительный вклад в развитие этой проблематики в зарубежной науке внесли французские ученые конца XIX – начала XX века: Жан Габриель Тард (1843–1904) [2] и Гюстав Лебон (1841–1931) [3]. Тард одним из первых четко выделил такие понятия, как «публика» и «толпа», описав их как формы коллективного поведения, в рамках которых складываются устойчивые мнения и оценки. Он рассматривал эти группы как источники общественного мнения, подчеркивая их роль в процессах социального взаимодействия и распространения идей.

Г. Тард указывал: публика является объединением людей, которое, в отличие от толпы, структурировано интеллектуальными идеями и является группой, более развитой психологически и интеллектуально. В отличие от толпы, в публике личность получает возможность развивать свою индивидуальность, критически мыслить и самовыражаться, поэтому ведущая роль в формировании общественного мнения принадлежит именно публике. Процесс возникновения и развития публики он связывал с появлением и распространением средств массовой информации, в первую очередь печатных изданий. Тард подчеркивал, что до появления развитых средств массовой информации общественное мнение в собственном смысле не существовало – имелись лишь «тысячи отдельных мнений, не имеющих никакой постоянной связи между собой» [2, с. 79]. С развитием печатных



СМИ начал формироваться новый тип общественного взаимодействия: широкие слои населения вовлекались в обсуждение социально значимых вопросов.

Изначально публика представляла собой узкий круг – в основном аристократию, имевшую возможность читать книги и редкие в то время журналы. Однако к XVIII веку, особенно после Французской революции, состав публики расширился. При этом сохранялся исторически сложившийся консенсус по ключевым социально-политическим вопросам, что позволяло публичному мнению играть значимую роль в общественно-политическом процессе. Именно этот консенсус Тард считал общественным мнением. Согласно его концепции, важно отличать общественность с некоторым образом обоснованным мнением от толпы, которая по своей природе аффективна и неустойчива. Тард оценивал общественное мнение положительно, исходя из предпосылки, что большинство людей способны к рациональному и адекватному мышлению. Его продолжатель Юрген Хабермас в 1970-х годах разработал концепцию коммуникативного действия и теорию этики дискурса [4]. В своих работах он указывал, что публика, формирующая общественное мнение, – это не народные массы, не большинство, а состоит из образованных слоев населения, владеющих собственностью [5, с. 6].

Иное отношение к феномену массового мнения имел Гюстав Лебон. Он рассматривал надвигающуюся эпоху как «эру масс» – время, в котором толпа становится главной движущей силой общественных процессов. Лебон скептически оценивал интеллектуальные и моральные качества масс, полагая, что в состоянии коллективного возбуждения они склонны к примитивизму, эмоциональности и подверженности влиянию, что делает их уязвимыми для манипуляций и опасным фактором в политической жизни: «Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушиваться. Не в советах государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций» [3, с. 126].

В толпе, указывал Лебон, люди превращаются в жестоких, обезумевших зверей, способных на поступки, немыслимые вне толпы. В толпе индивидуальные различия – уровень интеллекта, культурная осведомленность, социальный статус – утрачивают значение; индивидуальность как бы «растворяется», подчиняясь коллективному психическому состоянию. Рациональные аргументы и логические доводы не оказывают на толпу существенного влияния: ее поведение определяется эмоциями, импульсами и страстями: «Если речь идет об общих вопросах, то голос сорока академиков окажется не ценнее голоса сорока водоносов» [3, с. 238]. Эффективное воздействие на толпу возможно лишь через эмоциональное воздействие – яркие образы, символы, призывы.

Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) в своем труде «Восстание масс» (1930) [6, с. 11–208] разработал и обосновал концепцию массовизации, которая развивала идеи Лебона и Тарда [7, с. 205–217]. Анализируя особенности психологии толпы, он показал, что рост влияния масс привел к изменению структуры общества: средний индивид постепенно стал его центральной фигурой, вытеснив элиты и подменив культурные и интеллектуальные ориентиры повседневной усредненной нормой: «Масса – это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безличного «общего типа»» [6, с. 17–18].

Общественное мнение стало учитываться в процессе принятия политических решений и публичного обсуждения социально-значимых вопросов в конце XVII – начале XVIII века, преимущественно в США и странах Западной Европы. Процесс был связан с установлением представительной власти. Успех на выборах все больше зависел от умения сформировать положительный общественный имидж и обеспечить поддержку через медиа. Американский ученый Дж. Цаллер развивал концепцию, согласно которой влияние всегда исходит от элит: именно они направляют и формируют массовое сознание, а не наоборот. Он разработал модель реакции индивидов на политическую информацию, используя понятия когнитивной и аффективной вовлеченности индивида [8, с. 91–103].

Приблизительно во второй половине XIX века зарождается политико-социологическое направление в исследовании общественного мнения. Одной из ведущих фигур данного направления в США был политический социолог У. Липпман развивал идею ограниченности применения общественного мнения в государственном управлении. У. Липпман считал, что «человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого» [9, с. 46–47]. Общественное мнение обусловлено внешними моделями, под которые предлагается (зачастую настойчиво) подстроиться: «что такое пропаганда, если не стремление изменить картину, на которую реагируют люди, подставить одну социальную модель поведения (pattern) вместо другой? Что такое классовое сознание, если не способ осознания мира? Сродни национальному сознанию, но иначе направленное?» [9, с. 46–47].

Основной фактор формирования общественного мнения, согласно У. Липпману, – стереотип. Это понятие в политическую психологию он ввел в 1922 г. для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений

о членах разнообразных национально-этнических, социально-политических и профессиональных групп. Сложно ожидать адекватность от общественного мнения, поскольку люди «развивают собственные предрассудки, вместо того чтобы увеличивать свои знания» [9, с. 152].

Э. Бернейс – один из первых, кто превратил искусство связей с общественностью в науку. В своей работе «Пропаганда» (1928 г.) он провел анализ соответствующего феномена. Пропаганда – «это последовательная, достаточно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе» [10, с. 14], она является одним из наиболее эффективных способов формирования общественного мнения. Даже если человек находится наедине с собой, его сознание все равно сохраняет шаблоны и стереотипы, обусловленные влиянием группы. Индивид следует либо примеру авторитетного для него лидера, либо стереотипами своей социальной среды [10, с. 45–47]. Здесь важно понимать различие между механизмами стереотипизации, при которых явление бессознательно категоризируется еще до осмысления, и научным подходом, предполагающим осознанную типологизацию и моделирование явлений уже после осмысления фактов [11, с. 7–29].

Французский социолог Пьер Бурдьё в статье 1973 года «Общественное мнение не существует» [12, pp. 1292–1309] сформулировал критический взгляд на само понятие общественного мнения: не все способны на самостоятельность мышления, мнения отличаются по обоснованности, а само общественное мнение постоянно подвергается манипуляциям со стороны СМИ, политиков и др. [13, с. 159–177]. Конечно, Бурдьё не отрицал сам факт существования общественного мнения, а указывал на необходимость переосмысления методов его исследования и интерпретации, поскольку массовые опросы и формальное суммирование индивидуальных суждений зачастую вводит в заблуждение [14, с. 53–77]. Так, согласно любому социоопросу, связанному с религией, православных в России больше, чем верующих в то, что бог есть: «Православные россияне... чаще верят во все перечисленное, особенно в Бога (86% православных...)» [15] и т.д.

Научный интерес к теме общественного мнения в XX веке на Западе уверенно сместился от теоретического осмысления проблемы к практическим вопросам изучения, а также формирования. В этом плане нельзя не упомянуть концепцию «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман [16]: люди ориентируются на доминирующие общественные установки и предпочитают не демонстрировать свое, отличное мнение из-за элементарной боязни остаться в изоляции. Сторонники большинства, не видя возражений, начинают еще увереннее вы-

сказывать свое мнение, которое влияет еще сильнее – так возникает «спираль молчания».

В России на протяжении большей части XIX века и ранее в стране практически отсутствовала светская, нерелигиозная философская традиция [17], что ограничивало развитие самостоятельных концепций. Русская мысль начала активно осваивать эту тему лишь с развитием народнического движения. Среди первых исследователей были Петр Лаврович Лавров (1823–1900) [18, с. 6–294] и Николай Константинович Михайловский (1842–1904) [19]. Также значительный вклад в изучение феномена общественного мнения внес Николай Иванович Кареев (1850–1931) [20]. Они образовали субъективную школу русской социологии, которая ставила своей задачей выяснить, какую роль в историческом процессе играют массы и личность, как формируются коллективные установки и оценки.

Н.К. Михайловский в работе «Герои и толпа» говорил об общественном мнении в связи с анализом поведения толпы: толпа – это «масса, способная увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным» [19, с. 8]. Согласно его теории, механизм общественного мнения запускает явление «социальный гипнотизм», склонность к подражанию и повиновению, которое зачастую заглушает остальные.

Научное осмысление феномена «общественное мнение» начало интенсивно развиваться лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Этот поздний старт дал исследователям возможность учитывать уже сложившиеся западные концепции, подвергая их сравнительному и критическому анализу. Благодаря такому подходу отечественные ученые смогли обобщить исторический опыт теоретического осмысления общественного мнения и практически сразу перейти к применению системного метода анализа. Это позволило сформировать самостоятельную научную традицию, в рамках которой активно разрабатывались структурные модели общественного мнения, уточнялись его ключевые аспекты и функции, а также предпринимались попытки четкой систематизации проблемы. Так, в отечественной науке рассматривается не «общественное мнение вообще», а в гносеологическом, философско-социологическом и социально-психологическом аспектах [21, с. 158].

Д.П. Гавра разработал трехкомпонентную классификацию подходов к изучению феномена общественного мнения: гносеологический, социологический и онтологический.

Гносеологический подход фокусируется на месте общественного мнения в общей структуре общественного сознания [22, с. 7], которое рассматривается как система оценочных суждений, формируемых индивидами по вопросам, имеющим для них определенную значимость. Строго гово-



ря мнение может быть лишь строго субъективным, в контексте обсуждения – индивидуальным. Но в социологии, помимо мнения индивидуально, рассматриваются также мнение коллективное и общественное, которые не сводятся к чему-либо индивидуальному и являются, таким образом, условными понятиями. Парадигма общественного мнения подразумевает абстрагирование от отдельного субъекта.

Гносеологический подход включает два основных типа рассуждений: дедуктивный и индуктивный.

В рамках дедуктивного направления исследователи, такие как Б.А. Грушин [23], [24], А.К. Уледов [25], В.С. Коробейников [26] и М.К. Горшков [21], исходят из более общего понятия – общественного сознания – и рассматривают общественное мнение как его конкретную форму, массовое выражение отношения индивидов к актуальным фактам, событиям и явлениям социальной жизни. Проблема в том, что категория общественного сознания очень слабо разработана в теоретическом плане даже на уровне дефиниций. Она, по сути, опиралась на ленинскую концепцию т.н. «отражения» и была сцеплена с идеологией, концепцией «коллектив важнее индивида».

Индуктивный путь построения понятия предполагает движение от частных категорий, таких как мнение, суждение, оценка и реакция, к более общему представлению об общественном мнении. В этом ключе оно определяется как «совокупность оценочных суждений всех социальных субъектов относительно объекта, затрагивающего их интерес» [14, с. 34]. Такой подход развивали В.К. Падерин [27] и Р.А. Сафаров [28, с. 11–22], делая акцент на субъективной, ценностной природе общественного мнения.

Обобщая отечественные подходы к изучению феномена общественного мнения, можно выделить несколько ключевых аспектов его рассмотрения [29, с. 61]: когнитивный (опирается на осознанное восприятие и анализ), эмоциональный, аксиологический (связан с ценностными ориентациями) и мотивационный (отражает побуждение к действию). Особое значение имеет понимание структуры общественного сознания, в котором сосуществуют различные уровни восприятия. Оно включает как обыденное знание – здравый смысл, народную мудрость, формирующуюся на основе повседневного опыта, так и «теоретическое сознание», представленное научно обоснованными концепциями и интеллектуальными построениями.

Следует отметить, что для советской социологии было характерно определенное смешение понятий общественного мнения (и общественного сознания) как таковых с действиями индивида, которые этими мнениями мотивируются. Так, А.К. Уледов, анализируя категорию общественного мнения, обращается к понятию «общественное

сознание», причем имеется в виду не только само содержание сознания, но и соответствующая деятельность – практическая реализация тех или иных установок и оценок: «...общественное сознание, но уже рассматриваемое в связи с активным воздействием человека на окружающий мир, выступает как состояние сознания, как регулятор деятельности человека» [25, с. 48–50]. Это не только выводит концепцию далеко за рамки гносеологии, добавляя социологическую составляющую, но и сомнительно с точки зрения научной методологии: мнение – это форма суждения, тогда как воля и действие представляют собой уже переход из когнитивной сферы в психологическую и далее – в социальную практику, практические действия. На современном уровне понимания автор считает необходимым четко разделять мнение и действие.

При индуктивном подходе рассуждения идут от частных мнений, которые обобщаются. Следует отметить, что, хотя индуктивный подход формально более научен, имеются сложности в вопросе обобщения множества личных мнений: считать ли их равными по «мощности», независимыми? Как учитывать зависимости от шаблонов мышления, общественных стереотипов и др.?

Социологический подход рассматривает общественное мнение как социальный феномен, включенный в систему общественных отношений. С одной стороны, оно формируется субъектами общества – индивидами или группами, а с другой – оказывает обратное воздействие на них, влияя на поведение, установки и социальные практики. Общественное мнение определяется как специфический социальный институт регуляции общественной жизни [14, с. 48].

Онтологический подход направлен на выявление структурной организации общественного мнения и построение его концептуальной модели. Он фокусируется на исследовании групповой субъективной действительности, возникающей в результате совокупности индивидуальных мнений. Он направлен на выявление структурных, системных характеристик общественного мнения, его внутренней организации и механизмов формирования [30, с. 14].

Важно: общественное мнение всегда представляет собой совокупность индивидуальных мнений. Даже в случае рассмотрения через призму «общественного сознания» последнее формируется на основе множества индивидуальных сознаний, а не существует самостоятельно, вне этих оснований. Как указывал Д.П. Гавра, формирование идет «через общее в совокупности индивидуальных суждений и в совокупности обусловленных этими оценками поведенческих актов, и через объективированные, и через институциональные формы» [31].

В советской научной традиции сложились три основные концептуальные модели общественного мнения: монистическая, плюралистическая и динамическая.

Монистическая концепция, первоначально сформулированная А.К. Уледовым в 1963 году в работе «Общественное мнение советского общества», рассматривает общественное мнение как целостное образование, воспринимаемое как единое, относительно устойчивое явление, отражающее доминирующую позицию в обществе [25]. При этом всегда должно иметься единое общественное мнение, ни о какой вариативности речи быть не может, хотя это единство мнений и должно формироваться в результате ненасильственной борьбы мнений. Такой подход имел выраженную идеологическую направленность.

Позднее Б.А. Грушин разработал плюралистическую концепцию, в которой общественное мнение рассматривается как совокупность разнородных позиций, формируемых различными социальными общностями и группами. Общественное мнение складывается не из массового согласия, а из множества частных, часто противоположных точек зрения. В книге «Мнение о мире и мир мнений» Б.А. Грушин указывал, что общественное мнение – это плюралистическое образование, и иным оно быть не может [23, с. 186]. Но в условиях позднего СССР, при отсутствии полноценной оппозиции, возможности плюрализма ограничены.

Монистическая и плюралистическая концепции общественного мнения – крайние теоретические позиции. В рамках дальнейшего развития научного подхода к изучению феномена М.К. Горшков предложил более сбалансированную динамическую концепцию, которая учитывает изменчивую природу общественного мнения [21, с. 285] – общественное мнение находится в постоянном процессе становления. Оно формируется, развивается, обновляется и может утрачивать актуальность под влиянием новых событий, информации и социальных изменений. Поэтому исследование общественного мнения должно охватывать его как в состоянии формирования, так и как уже сложившееся явление – то есть рассматривать его одновременно как процесс и как результат этого процесса. Такой подход позволил преодолеть поляриность прежних моделей и перейти к полноценному системному пониманию.

Согласно М.К. Горшкову, общественное мнение – это «своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности» [21, с. 287]; подвижное и «текущее» образование, которое раз-

вивается в континууме точек [32]; иными словами – динамическая система.

М.К. Горшков подчеркивает, что понятия «общественное сознание» и «массовое сознание» относятся к разным категориальным уровням, что зачастую игнорируется исследователями. Общественное сознание проявляется в устойчивых формах – таких как нормы, традиции и ценности – и отражает специфику конкретно-исторического типа общественных отношений. Между тем массовое сознание выражает текущее состояние общества и проявляется через социальные настроения, эмоциональные реакции и коллективные установки, фиксирует изменяющуюся общественную ситуацию, выступая индикатором социально-психологического климата и динамики мнений.

Следует выделить проблему понимания термина «масса» в этом контексте. В современности существуют две парадигмально отличающиеся концепции [5]. На Западе массы часто рассматриваются как некая общность неклассического характера – толпа, не объединенная устойчивыми социальными связями, которая противостоит классическим групповым общностям. В отечественной традиции под народными массами принято понимать большинство населения, в желательной перспективе (без социальных противоречий интересов) – весь социум целиком.

В «Британской энциклопедии» общественное мнение определяется как «совокупность индивидуальных взглядов и представлений по той или иной проблеме, выраженных какой-либо значительной группой людей» [33, р. 310]. Такой подход – не научный, не философский, а отчетливо идеологический: что именно за «совокупность», не определено; следовательно, всегда можно доработать концепцию «как надо», исходя из текущих целей. В настоящее время в отечественной научной литературе существует более 30-ти определений общественного мнения [34, с. 31], отражающих различные подходы и трактовки этого явления. Например, А.К. Уледов считал общественное мнение состоянием общественного сознания, Б.А. Грушин – состоянием массового сознания, В. Коробейников – проявлением массового сознания, которое содержит разнообразные точки зрения, а М.К. Горшков впервые обратил внимание на необходимость изучения динамики общественного мнения. По мнению автора, настоятельно требуется дефиниция понятия, проработанная на современном уровне с учетом исторического развития понимания феномена.

Д.П. Гавра отмечал важный аспект: общественное мнение может проявляться открыто, а может существовать в скрытом, латентном состоянии. Например, в ситуациях, когда выражать мнение открыто связано со значительным риском? Всем понятный пример: в настоящее время на территории Украины крайне опасно возражать против



бандеровской идеологии и открыто говорить о положительном отношении к России.

Уже сложившееся общественное мнение, достаточно единодушное для большинства – это результат борьбы различных концепций во время зарождения и становления мнения. Даже сложившееся общественное мнение не становится статичным: оно, даже если достаточно стабильно, будет уточняться в нюансах, а также порождать «производные» мнения, влиять на мнения по сходным темам и т.д. Автор поддерживает концепцию динамического общественного мнения, введенную М.К. Горшковым.

Наглядна разница между научным отечественным и прагматическим западным подходом: если в первом случае подразумевается, что общественное мнение в идеале должно быть как минимум сходным хотя бы у большинства населения, то во втором приветствуется т.н. «гражданское общество», состоящее из множества групп с различными, зачастую противопоставленными интересами (вплоть до концепции мультикультурализма).

По мнению автора, мнение (как индивидуальное, так и общественное) существует независимо от его публичности, но мы не можем эффективно исследовать скрываемое мнение. Более того: в любом случае на уровне индивида высказанное мнение далеко не всегда соответствует настоящему.

Имеется принципиальное разграничение между непосредственно мнением и его социальными последствиями. Мнение может, но не обязано перерасти в действие. Это чисто терминологический, но отнюдь не формальный вопрос, поскольку от него зависит точность анализа и интерпретации данных.

Для научных исследований необходимо четкое и однозначное определение. На основе предшествующего анализа выделим ключевые характеристики общественного мнения.

1. Отсутствие цензового ограничения – участниками общества считаются все без исключения.

2. Общественное мнение формируется системно, через взаимодействие мнений социальных групп, состоящих из индивидов.

3. Преобладание большинства не всегда означает доминирование – общественное мнение может быть состоять из различных позиций, не быть единым.

4. Мнение не обязательно проявляется публично, но в исследовательских целях доступны лишь выраженные формы мнения.

5. Волевой импульс и дальнейшие действия не входят в само содержание мнения – оно служит мотивацией.

6. Общественное мнение динамично и находится в постоянном процессе становления.

Исходя из указанных принципов, предлагается дефиниция, которая, по мнению автора, является

достаточно универсальной и корректной, пригодной для повсеместного использования как отражающая суть понятия.

Общественное мнение – это процесс изменения оценочных суждений по вопросам, допускающих неоднозначность отношения, со стороны общества (социума) в целом как субъекта, а также текущее состояние этого процесса.

Обычно под социумом понимается население страны (или ее граждане), но возможно применение термина и к меньшим группам, но все равно количественно сравнимым. Общественное мнение обычно необходимо знать «в срезе» на определенное время, но невозможно эффективно его прогнозировать, как и управлять им, игнорируя его динамику и системность.

Литература

1. Salisbury J. The Statesman's Book of John of Salisbury, Being the Fourth, Fifth, and Sixth Books, and Selections from the Seventh and Eighth Books, of the Policraticus. – N.Y.: A.A. Knopf, 1927. – PP. 39, 130.
2. Тард Г. Общественное мнение и толпа – М.: Изд. АСТ, 2021. – 256 с.
3. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Инст. психологии РАН: КСП+, 1998. – 412 с.
4. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерн Юргена Хабермаса. – Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000. – 221 с.
5. Селькова Е.П. Социология общественного мнения – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2011. – С. 6.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Восстание масс: Сб. – М.: Изд. АСТ, 2002. – С. 11–208.
7. Московичи С. Век толпы. Исторический трактат по психологии масс. Часть 1. Век толп. Глава 1. Индивид и масса // Социология и власть. – 2009. – № 6. – С. 205–217.
8. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. – М.: Инст. Фонда «Общественное мнение», 2004. – С. 91–103.
9. Липпман У. Общественное мнение – М.: Инст. Фонда «Общественное мнение». 2004. – С. 46–47.
10. Бернейс Э. – Пропаганда. – М.: Hippo Publishing, 2010. – С. 14.
11. Осипова Н.Г. Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. – 2025. – Т. 31. – № 2. – С. 7–29.
12. Bourdieu P. L'opinion publique n'existe pas // Temps modernes. – 1973. – vol. 29. – № 318. – pp. 1292–1309.
13. Бурдьё П. Социология политики – М.: SocioLogos, 1993. – С. 159–177.



14. Гавра Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 4. – Т. 1. – С. 53–77.
15. Религия и общество: мониторинг / ВЦИОМ (27.07.2023) / URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 19.01.2025).
16. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. – 352 с.
17. Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Философия и общество. – 1997. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-religioznoy-filosofii-kontsa-xix-nachala-xx-veka> (дата обращения: 19.01.2025).
18. Лавров П.Л. Исторические письма 1868–1809 // Философия и социология. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 6–294.
19. Михайловский Н.К. Герои и толпа // Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. – СПб.: Алетейя, 1998. – 405 с.
20. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1914. – 574 с.
21. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. 383 с.
22. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. – СПб.: ИСЭП РАН, 1995. – С. 7.
23. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. – М.: Политиздат, 1967. – 400 с.
24. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
25. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 391 с.
26. Коробейников В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 222 с.
27. Падерин В.К. Общественное мнение в политической системе советского общества – Казань, 1988. – 419 с. (дисс. д-ра философских наук).
28. Сафаров Р.А. Политический статус общественного мнения [в условиях развитого социализма] // Социологические исследования. – 1979. – № 4. – С. 11–22.
29. Франц В.А. Управление общественным мнением. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 135 с.
30. Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 14.
31. Веснин А.В. Особенности влияния общественного мнения на обеспечение национальной безопасности современной России. М.: 2018. 178 с. (дисс. канд. полит. наук).
32. Горшков М.К. От общественного мнения – к общественному действию [интервью] // Независимая газета (13 февраля 2013) – URL: http://www.ng.ru/science/2008-02-13/17_action.html (дата обращения: 03.04.2025).
33. The New Encyclopedia Britannica. – 1994. – Vol. 26. – P. 310.
34. Горшков М.К. Пути в социологию – исповедимы. – М.: Весь Мир, 2015. – С. 31.

ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF «PUBLIC OPINION»: A OVERVIEW OF WESTERN AND SOVIET CONCEPTS

Singaevskaya M.V.

Lomonosov Moscow State University

This article conducts a review of Western and Soviet concepts of the evolution in understanding the concept of «public opinion». It analyzes distinctive features of historical interpretations of the concept, including the Soviet period.

A precise understanding of the concept of «public opinion» is essential for the entire complex of sociological and political sciences. In this article, the author formulates a definition grounded in the Russian scholarly tradition and proposes its adoption in academic and philosophical texts.

Keywords: categorical framework, definitions, opinion, public opinion, humanities.

References

1. Salisbury J. The Statesman's Book of John of Salisbury, Being the Fourth, Fifth, and Sixth Books, and Selections from the Seventh and Eighth Books, of the Policraticus. – New York: A.A. Knopf, 1927. – pp. 39, 130.
2. Tarde G. Public Opinion and the Crowd – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 256 p.
3. Le Bon G. Psychology of Crowds // Psychology of Crowds. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences: KSP+, 1998. – 412 p.
4. Furs V.N. Jürgen Habermas's Philosophy of Unfinished Modernity. – Minsk: ZAO Econopress, 2000. – 221 p.
5. Selkova E.P. Sociology of Public Opinion – Blagoveshchensk: Amur State University, 2011. – P. 6.
6. Ortega y Gasset H. Revolt of the Masses / Revolt of the Masses: Collection. – Moscow: AST Publ., 2002. – Pp. 11–208.
7. Moskovichi S. The Age of the Crowd. Historical Treatise on the Psychology of the Masses. Part 1. The Age of the Crowd. Chapter 1. The Individual and the Masses // Sociology and Power. – 2009. – № 6. – Pp. 205–217.
8. Zaller J. The Origin and Nature of Public Opinion. – Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. – Pp. 91–103.
9. Lippmann U. Public Opinion – Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 2004. – P. 46–47.
10. Bernays E. – Propaganda. – Moscow: Hippo Publishing, 2010. – P. 14.
11. Osipova N.G. The Role of Social Stereotypes in Managing Personal Behavior // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2025. – Vol. 31. – № 2. – P. 7–29.
12. Bourdieu P. L'opinion publique n'existe pas // Temps modernes. – 1973. – vol. 29. – № 318. – pp. 1292–1309.
13. Bourdieu P. Sociology of Politics – Moscow: Socio-Logos, 1993. – P. 159–177.
14. Gavra, D.P. «Public Opinion and Power: Regimes and Mechanisms of Interaction.» Journal of Sociology and Social Anthropology, № 4 (1998), vol. 1, pp. 53–77.
15. Religion and Society: Monitoring. VTsIOM (27.07.2023) available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (accessed on 19.01.2025).

16. Noel-Neumann, E. «Public Opinion: Discovering the Spiral of Silence.» Moscow: Progress Academy; Ves' Mir, 1996, 352 p.
17. Semenov, Yu.I. «On Russian Religious Philosophy of the Late 19th – Early 20th Century.» *Philosophy and Society*. – 1997. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-religioznoy-filosofii-kontsa-xix-nachala-xx-veka> Date of access: 19.01.2025.
18. Lavrov P.L. Historical letters 1868–1809 // *Philosophy and sociology. Selected works in 2 volumes. Vol. 2.* – Moscow: Mysl, 1965. – Pp. 6–294.
19. Mikhailovsky N.K. Heroes and the crowd // *Selected works on sociology in 2 volumes. Vol. 2.* – St. Petersburg: Aleteya, 1998. – 405 p.
20. Kareev N.I. The essence of the historical process and the role of the individual in history. – St. Petersburg: Stasyulevich Printing House, 1914. – 574 p.
21. Gorshkov MK Public Opinion: History and Modernity. Moscow: Politizdat, 1988. 383 p.
22. Gavra DP Public Opinion as a Sociological Category and Social Institution. – St. Petersburg: ISEP RAS, 1995. – P. 7.
23. Grushin BA Opinions about the World and the World of Opinions. Problems of Public Opinion Research Methodology. – Moscow: Politizdat, 1967. – 400 p.
24. Grushin BA Mass Consciousness: An Attempt of Definition and Problems of Research. – Moscow: Politizdat, 1987. – 367 p.
25. Uledov AK Public Opinion of Soviet Society. – M.: Sotsekgiz, 1963. – 391 p.
26. Korobeynikov V.S. Pyramid of Opinions. Public Opinion: Nature and Functions. – M.: Molodaya Gvardiya, 1981. – 222 p.
27. Paderin V.K. Public Opinion in the Political System of Soviet Society – Kazan, 1988. – 419 p. (Doctor of Philosophy diss.).
28. Safarov R.A. Political Status of Public Opinion [in the Conditions of Developed Socialism] // *Sociological Studies*. – 1979. – № 4. – Pp. 11–22.
29. Franz V.A. Public Opinion Management. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. 135 p.
30. Zhitenev V.B. Public Opinion in Social Management. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – P. 14.
31. Vesnin A.V. Features of the Influence of Public Opinion on Ensuring National Security of Modern Russia. Moscow: 2018. 178 p. (Diss. of Cand. of Political Sciences).
32. Gorshkov M.K. From Public Opinion to Public Action [interview] // *Nezavisimaya Gazeta* (February 13, 2013). – URL: http://www.ng.ru/science/2008-02-13/17_action.html (date of access: 03.04.2025).
33. The New Encyclopedia Britannica. – 1994. – Vol. 26. – P. 310.
34. Gorshkov M.K. Paths to Sociology Are Confessional. – Moscow: Ves' Mir, 2015. – P. 31.

Актуальная проблематика аксиологических идей в философии образования в эпоху цифровизации: от анализа к способам их преодоления

Курилов Сергей Николаевич,

к. филос.н., доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: KurilovSN@mpei.ru

Налимова Александра Сергеевна,

ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: NalimovaAS@mpei.ru

В статье исследуются ценностные противоречия, с которыми сталкивается высшее образование в процессе цифровой трансформации. Основной фокус сделан на трансформации университета как института, призванного сохранять гуманистические идеалы. Рассматриваются ключевые дилеммы цифровизации: конфликт между технологической эффективностью и гуманитарными ценностями, противоречие между массовой доступностью и качеством обучения, опасность сведения личности студента к количественным показателям, а также ограничение критического мышления при алгоритмизации учебного процесса. Авторы опираются на труды современных философов и педагогов. Анализируются возможности сохранения антропоцентрической модели высшей школы в новых условиях. Обосновывается необходимость переосмысления роли университета в цифровую эпоху. Предлагаются способы внедрения цифровых технологий, не разрушающих фундаментальные образовательные ценности, с опорой на концепцию «цифрового гуманизма».

Ключевые слова: философия образования, аксиология, цифровизация, образовательные ценности, гуманитарные ценности, технологическая эффективность.

Цифровая трансформация образования представляет собой сложный социокультурный феномен, оказывающий фундаментальное влияние на аксиологические основания образовательного процесса. Современная философия образования сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных ценностных парадигм в условиях технологической революции. «Цифровой поворот в образовании – это не просто смена инструментов, а глубокая социокультурная трансформация, амбивалентность которой проявляется в одновременном расширении возможностей и возникновении новых рисков для всех участников образовательного процесса» [1, с. 15].

Первая проблема заключается в том, что цифровизация бросает аксиологический вызов институту высшего образования. Процесс цифровизации образования порождает ряд фундаментальных ценностных противоречий. Одно из первостепенных – противоречие между эффективностью и гуманизмом. «Ключевой дилеммой современного этапа цифровизации становится противостояние инструментальной эффективности технологий и неутилитарной природы гуманистических ценностей, которые не поддаются прямой алгоритмизации и количественному измерению» [7, с. 406].

Цифровые технологии предлагают беспрецедентные возможности для оптимизации образовательного процесса, однако их внедрение сопровождается риском дегуманизации. Алгоритмизация обучения может привести к утрате непосредственного контакта между преподавателем и студентом, что противоречит традиционной ценности образования как процесса межличностного взаимодействия.

Процесс цифровизации образования, охвативший современную образовательную систему, порождает глубокое и многогранное противоречие между технологической эффективностью и фундаментальными гуманистическими ценностями. Это противоречие становится ключевым вызовом для философии образования XXI века, требуя тонкого баланса между инновациями и сохранением человеко-ориентированной сущности образовательного процесса в современном университете.

Цифровые технологии действительно открывают беспрецедентные возможности для оптимизации образования. Системы адаптивного обучения, основанные на искусственном интеллекте, позволяют персонализировать образовательные траек-



тории, анализируя индивидуальные особенности восприятия и темп усвоения материала каждым студентом. «В диалоге культур только и возможно формирование личности, способной к самостоятельному и ответственному мышлению; образование – это всегда встреча двух сознаний, их напряженное взаимодействие, а не трансляция готовых истин» [2, с. 87]. Цифровые платформы обеспечивают мгновенный доступ к огромным массивам знаний, стирая географические и временные барьеры. Инструменты анализа больших данных позволяют точно оценивать эффективность образовательных методик и своевременно корректировать учебные программы. Все это существенно повышает эффективность образовательного процесса в его инструментальном измерении.

Однако эта технологическая эффективность достигается ценой потенциальной дегуманизации образования. Алгоритмизация обучения неизбежно ведет к стандартизации образовательного процесса, нивелированию индивидуального подхода и утрате тех неуловимых нюансов педагогического взаимодействия, которые составляют суть гуманистической образовательной традиции. Цифровые системы, ориентированные на количественные показатели успеваемости, зачастую не способны учесть эмоциональное состояние студента, его творческий потенциал, мотивационную сферу и другие качественные характеристики образовательного процесса.

Особую остроту приобретает проблема утраты общения, диалога между преподавателем и студентом. Традиционное образование всегда основывалось на межличностном взаимодействии, в котором преподаватель выступал не только как транслятор знаний, но и как наставник, гуру, способный вдохновить, поддержать, вовремя заметить трудности и радости студента. Цифровые же среды, при всей их технологической совершенности, не могут полноценно воспроизвести эту эмоциональную и духовную связь, это человеческое измерение образования. А.В. Сухоруких подчеркивает: «Новые цифровые технологии и иные модернизационные процессы не должны отменять среды тесного когнитивно-творческого взаимодействия в школе, доверительного и широкого межличностного общения в социуме» [8, с. 72].

Разрешение этого противоречия видится не в отказе от цифровых технологий, которое уже невозможно ни в каком виде, но в их разумной интеграции в образовательный процесс. Необходимо развивать «гуманизированную цифровизацию» – подход, при котором технологии служат не заменой, а дополнением традиционного педагогического взаимодействия.

Ключевыми направлениями такой интеграции могли бы стать следующие.

1. Разработка комплексных моделей, сочетающих преимущества цифровых технологий с живым общением.

2. Создание цифровых инструментов, усиливающих, а не заменяющих межличностное взаимодействие.

3. Развитие цифровой педагогики, ориентированной на сохранение гуманистических ценностей.

4. Формирование этических стандартов использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовании.

В конечном счете, преодоление противоречия между эффективностью и гуманизмом требует переосмысления самой цели цифровизации образования: технологии должны служить развитию человеческого потенциала, а не подменять собой человеческое в образовании. Только такой подход позволит сохранить душу и сущность содержания образования в эпоху цифровой революции.

Следующей ключевой проблемой является дилемма доступности и качества. С одной стороны, цифровые платформы демократизируют доступ к образованию, с другой – существует опасность снижения качества обучения в процессах стандартизации и упрощения содержания.

Процесс цифровизации образования выявил фундаментальную дилемму современной образовательной системы – противоречие между демократизацией доступа к знаниям и сохранением качества обучения. Эта дилемма становится особенно актуальной в контексте глобального распространения цифровых образовательных платформ и требует глубокого философского осмысления.

С одной стороны, цифровые технологии совершили настоящую революцию в доступности образования. Онлайн-платформы и массовые открытые онлайн-курсы (MOOC) разрушили географические, временные и финансовые барьеры, сделав качественное образование доступным для миллионов людей по всему миру. Цифровизация позволила обеспечить образовательными ресурсами жителей удаленных регионов; предоставить возможности для непрерывного образования работающим профессионалам; создать инклюзивную среду для людей с ограниченными возможностями здоровья; реализовать принцип «образование через всю жизнь» в глобальном масштабе.

Однако эта беспрецедентная доступность сопровождается серьезными рисками для качества образования. Стандартизация образовательного контента, необходимая для его массового распространения, часто приводит к упрощению сложных дисциплин, редукции многоаспектных знаний до наборов алгоритмов и шаблонов. «Средство коммуникации есть сообщение. Любое средство коммуникации... имеет власть вторгаться в прежние формы мышления и действия и перестраивать их. Технологии – это не просто внешние приспособо-

бления, но и изменения самого способа восприятия мира» [6, с. 9, 12].

Цифровые курсы, ориентированные на массового слушателя, зачастую лишены важнейших параметров, которые имеются в классическом образовании: глубины и содержательности, возможностей для живого диалога и эмоционального общения, индивидуального подхода к обучению, пространства для творческого поиска и интеллектуальных экспериментов вживую.

Особую остроту эта дилемма приобретает в контексте различий между формальным и неформальным образованием. Если для профессиональной переподготовки и получения дополнительных навыков массовые цифровые курсы могут быть эффективны, то для фундаментального высшего образования они не могут полностью заменить традиционные формы обучения.

Разрешение этой дилеммы требует разработки сбалансированного подхода, который предполагает следующие предложения.

1. Дифференциация цифровых образовательных продуктов в зависимости от их целей и аудитории.
2. Создание гибридных моделей, сочетающих преимущества онлайн- и офлайн-форматов.
3. Разработка систем оценки качества цифрового образования.
4. Подготовка преподавателей к работе в цифровой среде.
5. Сохранение «золотого стандарта» фундаментального образования при интеграции цифровых технологий

Перспективным направлением представляется развитие «цифрового гуманизма» в образовании – подхода, при котором технологии служат не упрощению, а углублению образовательного процесса, расширяя его возможности без потери качества.

В конечном счете, преодоление дилеммы доступности и качества требует отказа от бинарного мышления и признания, заключающегося в том, что цифровые и традиционные формы образования не исключают, а взаимодополняют друг друга. Будущее образования видится в создании гибкой, многоуровневой системы, способной предоставлять качественное образование разным категориям учащихся с учетом их потребностей и возможностей.

В условиях цифровизации особую актуальность приобретает вопрос о сохранении человеко-ориентированного подхода к образованию, который заключается в явном риске редукции личности. Цифровые среды имеют тенденцию к редукции многомерной человеческой личности к набору данных и поведенческих паттернов, что противоречит базовому образовательному принципу развития целостной личности.

Процесс цифровизации образования, набирающий стремительные обороты в XXI веке, ставит под угрозу сохранение антропоцентрической парадигмы, столетиями составлявшей основу традиционной педагогики. Человеко-ориентированный подход к образованию, рассматривающий личность как уникальную, многомерную и целостную систему, сталкивается с серьезными вызовами в цифровой среде.

Суть проблемы заключается в фундаментальном противоречии между природой человеческой личности и способом ее репрезентации в цифровых образовательных системах. Цифровые среды по своей сути тяготеют к редукции сложности человеческой личности до набора измеряемых параметров, поведенческих паттернов и статистических данных. «В модусе обладания отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, в стремлении превратить всё и всех, включая самого себя, в свою собственность. В модусе бытия – это подлинная жизнь, реальное переживание и творческая активность» [10, с. 35]. Студент в таких системах рискует превратиться из уникальной, развивающейся личности в «совокупность данных», а именно: успеваемости, посещаемости, времени выполнения заданий и других количественных показателей. «В современном обществе, направленном на формирование высокопрофессиональных, но узкопрофильных специалистов, возникает опасность формирования «одномерного человека», лишённого определённости мировидения» [4, с. 21].

Это противоречие проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, происходит подмена целостного восприятия личности ее фрагментарным представлением. Цифровые системы фиксируют и анализируют лишь те аспекты учебной деятельности, которые поддаются количественному измерению, игнорируя такие фундаментальные характеристики личности, как творческий потенциал, эмоциональный интеллект, моральные качества, способность к эмпатии и сотрудничеству. Во-вторых, алгоритмизация образовательного процесса создает риск стандартизации индивидуальных образовательных траекторий. Персонализация обучения в цифровой среде часто сводится к адаптации темпа и сложности материала на основе анализа данных, но не учитывает подлинные интересы, ценностные ориентации и уникальные способности каждого студента. В-третьих, цифровые среды затрудняют реализацию важнейшего принципа антропоцентрической педагогики – признания за личностью способности к самоопределению и творческому самовыражению. Образовательные алгоритмы, основанные на предсказании поведения, могут невольно ограничивать пространство для спонтанности, творческого поиска и интеллектуального риска.



Особую тревогу вызывает то, что редукция личности в цифровой среде происходит часто незаметно, принимая форму «естественного» развития технологий. Преподаватели и студенты постепенно привыкают к тому, что образовательный процесс управляется данными, а не педагогической интуицией и межличностным взаимодействием.

Для преодоления этой проблемы необходима разработка новых образовательных моделей, которые сохраняют приоритет человеческого измерения над технологическим, используют цифровые инструменты для расширения, а не ограничения возможностей личности, обеспечивают баланс между количественными показателями и качественной оценкой развития личности, создают условия для проявления и развития уникальных характеристик каждого студента. Представляется также важным развитие «гуманитарной экспертизы» цифровых образовательных технологий, которая оценивала бы их не только с точки зрения эффективности, но и с позиции сохранения человеко-ориентированного подхода.

В конечном счете, сохранение антропоцентрической парадигмы в цифровую эпоху требует осознанного выбора в пользу таких моделей цифровизации, которые служат развитию целостной человеческой личности, а не ее упрощению до набора данных. Технологии должны оставаться инструментом в руках педагога, а не подменять собой саму суть образовательного процесса как встречи двух личностей: преподавателя и учащегося.

Преобладание алгоритмически структурированного контента может ограничивать развитие критического мышления и творческих способностей студентов. Процесс цифровизации образования, при всех своих неоспоримых преимуществах, порождает серьезную угрозу развитию критического мышления – фундаментальной способности, лежащей в основе не только академических успехов, но и формирования зрелой, самостоятельной личности. Эта угроза исходит из самой природы цифровых образовательных сред, тяготеющих к алгоритмизации и стандартизации учебного контента.

Современные цифровые образовательные платформы все чаще строятся на принципах алгоритмической подачи информации, где знания структурируются в виде логических цепочек, ветвящихся сценариев и интерактивных модулей. С одной стороны, такой подход способствует систематизации учебного материала, но с другой, – создает иллюзию линейности и предопределенности образовательного процесса. Студенты, привыкая к готовым алгоритмам решения задач, рискуют утратить способность к нестандартному мышлению, к тому самому «интеллектуальному блужданию», которое часто приводит к настоящим открытиям.

Особую опасность представляет подмена живого, диалектического процесса познания интерактивными симуляциями. Цифровые среды, предлагая «правильные» и «неправильные» пути решения, не оставляют пространства для интеллектуального риска, для проб и ошибок – того самого процесса, который является питательной средой для развития подлинно критических способностей. Алгоритмы, направляющие студентов по оптимальному пути усвоения материала, лишают их возможности научиться самостоятельно выстраивать стратегию познания. И.С. Трифонова и А.Ф. Закирова отмечают: «В условиях утверждения алгокогнитивной культуры в сфере образования обострилась проблема снижения ценностно-смыслового и культурно-нравственного уровня образования, в основе которой лежит противоречие между недостаточной методологической разработанностью вопроса о достоинствах и ограничениях информатизации образования, с одной стороны, и быстрым ростом практических моделей обучения, сопровождающим процесс цифровизации образования, – с другой» [9, с. 24].

Фундаментальная проблема заключается в том, что цифровые образовательные системы по своей природе стремятся к устранению неопределенности, тогда как развитие критического мышления требует способности комфортно существовать в условиях эпистемологической неопределенности, взвешивать противоречивые доказательства, сталкиваться с парадоксами и антиномиями.

Социальный аспект цифровых также представляет угрозу для формирования критического мышления. Традиционная академическая среда, с ее живыми дискуссиями, семинарами и коллоквиумами, создает естественные условия для столкновения разных точек зрения, развития способности к аргументации и ведению интеллектуальной полемики. Цифровые же среды, при всей их интерактивности, не могут в полной мере воспроизвести эту «диалогическую напряженность», столь необходимую для развития критической мысли.

Для преодоления этих вызовов необходима разработка новых педагогических стратегий, которые сохраняют пространство для интеллектуального экспериментирования в цифровой среде, создадут условия для развития диалектического мышления, научат студентов работать с противоречиями и неопределенностью, а также восстановят культуру академической дискуссии в новых форматах.

Перспективным направлением представляется развитие «критической цифровой педагогики» – подхода, который сознательно встраивает в цифровое обучение элементы, способствующие развитию критических компетенций: проблематизация знаний, работа с альтернативными интер-

претациями, анализ когнитивных искажений, присущих самим цифровым средам.

В конечном счете, преодоление вызовов критическому мышлению требует переосмысления самой философии цифрового образования – от парадигмы эффективной передачи знаний к парадигме развития самостоятельного, рефлексивного мышления, способного противостоять как алгоритмической детерминации, так и вызовам современного информационного общества.

Проведенный выше анализ позволяет сформулировать новые аксиологические ориентиры современного высшего образования, которые возможно не только декларировать, но и использовать в реальной практике. «Формирование новых аксиологических ориентиров цифрового образования предполагает не отказ от традиционных ценностей, а их переосмысление и интеграцию в новую цифровую реальность, где ключевым становится принцип дополнения, а не замещения человеческого технологическим» [6, с. 409].

Первый ориентир – это ценность самой цифровой компетентности, но не как совокупность умений и навыков, основанных на алгоритмике, но как возможность и способность критического освоения цифровых технологий, не как целей, а как средств. Процесс цифровизации образования, порождая сложные ценностные противоречия, одновременно формирует и новые аксиологические ориентиры. Цифровая компетентность, которая трансформируется из технического навыка в фундаментальную образовательную ценность отражает глубокие изменения в понимании целей и смыслов образования в цифровую эпоху.

Цифровая компетентность перестает быть просто умением использовать технологические инструменты. В ее основе лежит способность к критическому освоению цифровых технологий – комплексное качество, включающее:

- умение оценивать цифровые ресурсы и платформы с позиций их образовательной ценности;
- способность противостоять манипулятивным возможностям цифровых сред;
- понимание алгоритмических принципов, лежащих в основе образовательных технологий;
- осознание этических и социальных последствий цифровизации образования.

Формирование цифровой компетентности как образовательной ценности отражает переход от пассивного потребления цифрового контента к активному, рефлексивному взаимодействию с технологиями. Это предполагает развитие у студентов способности не просто использовать цифровые инструменты, но и понимать их ограничения, аналитически оценивать их образовательный потенциал, осознанно выбирать подходящие технологии для решения конкретных учебных задач.

Особую значимость приобретает аспект именно аналитико-критического отношения к алгоритмическим системам. В условиях, когда алгоритмы все активнее влияют на образовательный процесс – от рекомендательных систем до систем оценки – способность понимать их логику, распознавать возможные искажения и ограничения становится важнейшим компонентом цифровой компетентности.

Ценность цифровой компетентности проявляется и в ее интегративном характере. Она соединяет технические навыки с гуманитарным мышлением, технологическую грамотность с этической рефлексией, практические умения с критическим анализом. Это делает ее своеобразным «мостом» между технологическими и гуманитарными аспектами образования в цифровую эпоху.

Литература

1. Андрееенкова, А.В. Цифровой поворот в системе образования: социально-гуманитарный контекст / А.В. Андрееенкова. – М.: ИНИОН РАН, 2023. – 178 с.
2. Библер, В.С. Школа диалога культур / В.С. Библер // Философско-психологические основания. – Кемерово: Алеф, 1993. – 414 с.
3. Боуэн, У.Г. Высшее образование в цифровую эпоху / У.Г. Боуэн; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 224 с.
4. Гурьянова, А. В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации / А.В. Гурьянова, А.В. Тимофеев // Современные философские исследования. – 2022. – № 1. – С. 20–28.
5. Королева, Л. Г. «Цифровизация» или гуманизация образования: актуальность аксиологической альтернативы / Л.Г. Королева, А.В. Сухоруких // Научные ведомости БелГ У. Сер. Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 3. – С. 375–385.
6. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.
7. Назарова, Ю.В. Дилеммы цифровизации в культурной парадигме образования: аксиологический контекст / Ю.В. Назарова // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, Вып. 4. – С. 405–410.
8. Сухоруких, А.В. Аксиология гуманистической педагогики в условиях модернизации и цифровизации образования / А.В. Сухоруких // Научные ведомости БелГ У. Сер. Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 1. – С. 68–77.
9. Трифонова, И.С. Взаимодействие гуманитарной и алгокогнитивной культур в контексте методологии современного образования / И.С. Трифонова, А.Ф. Закирова // Научно-



методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 12. – С. 23–36.

10. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 330 с.

CURRENT ISSUES OF AXIOLOGICAL IDEAS IN THE PHILOSOPHY OF EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION: FROM ANALYSIS TO WAYS TO OVERCOME THEM

Kurilov S.N., Nalimova A.S.

National Research University «MPEI»

The article examines the value contradictions faced by higher education in the process of digital transformation. The main focus is on the transformation of the university as an institution designed to preserve humanistic ideals. The key dilemmas of digitalization are considered: the conflict between technological efficiency and humanitarian values, the contradiction between mass accessibility and the quality of education, the danger of reducing the student's personality to quantitative indicators, as well as the limitation of critical thinking in the algorithmization of the educational process. The authors draw on the works of modern philosophers and educators. The possibilities of preserving the anthropocentric model of higher education in new conditions are analyzed. The necessity of rethinking the role of the university in the digital age is substantiated. The paper suggests ways to introduce digital technologies that do not destroy fundamental educational values, based on the concept of «digital humanism».

Keywords: philosophy of education, axiology, digitalization, educational values, humanitarian values, technological efficiency.

References

1. Andreenkova, A.V. The digital turn in the education system: a socio-humanitarian context / A.V. Andreenkova. Moscow: IN-ION RAS, 2023. – 178 p.
2. Bibler, V.S. The School of Dialogue of cultures / V.S. Bibler // Philosophical and psychological foundations. Kemerovo: Alef Publ., 1993. – 414 p.
3. Bowen, U.G. Higher education in the digital age / W.G. Bowen; translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. – 224 p.
4. Guryanova, A.V. On the purpose of philosophy and humanitarian knowledge in the era of digitalization / A.V. Guryanova, A.V. Timofeev // Modern philosophical research. – 2022. – № 1. – pp. 20–28.
5. Koroleva, L. G. «Digitalization» or humanization of education: the relevance of an axiological alternative / L.G. Koroleva, A.V. Sukhorukikh // Scientific Bulletin of BelS U. Ser. Philosophy. Sociology. Pravo. 2019. Vol. 44, № 3. – pp. 375–385.
6. McLuhan, M. Understanding Media: External human extensions / M. McLuhan. Moscow: Kuchkovo Pole, 2007. – 464 p.
7. Nazarova, Yu.V. Dilemmas of digitalization in the cultural paradigm of education: an axiological context / Yu.V. Nazarova // Manuscript. – 2024. – Vol. 17, Issue 4. – pp. 405–410.
8. Sukhorukh, A.V. Axiology of humanistic pedagogy in the context of modernization and digitalization of education / A.V. Sukhorukh // Scientific vedomosti BelG U. Ser. Philosophy. Sociology. Pravo, 2019, vol. 44, № 1, – pp. 68–77.
9. Trifonova, I.S. Interaction of humanitarian and algocognitive cultures in the context of the methodology of modern education / I.S. Trifonova, A.F. Zakirova // Scientific and methodological electronic journal «Concept». – 2024. – № 12. – pp. 23–36.
10. Fromm, E. To have or to be? / E. Fromm. – M.: Progress, 1990. – 330 p.

Демографические вызовы, связанные с уровнем рождаемости среди молодежи и старением населения в России и Китае

Вэй Ицзюнь,

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: yijunwei@yandex.ru

Статья анализирует демографические вызовы России и Китая в XXI веке, фокусируясь на снижении рождаемости среди молодежи и старении населения. Рассматриваются динамика показателей, причины (экономические, социальные, культурные), социально-экономические последствия, сравнительный анализ и государственные меры (материнский капитал в России, отмена политики «одного ребенка» в Китае). Выводится острота проблемы для Китая из-за масштабов и скорости изменений, с рекомендациями по обмену опытом.

Ключевые слова: демографический переход, рождаемость, старение населения, Россия, Китай, маткапитал, политика трех детей.

Демографическая проблема в XXI веке вышла за национальные рамки. Это уже не локальная трудность, а глобальный вызов. Особенно там, где рождаемость резко падает, а население стремительно стареет. Показатели известные: коэффициент рождаемости опускается ниже уровня простого воспроизводства – меньше 2,1 ребенка на женщину. Доля пожилых (старше 60 лет) растет. Трудоспособного населения становится меньше. Нагрузка на социальные системы и экономику увеличивается.

В России ситуация выглядит так: среди молодежи рождаемость снижается. Причины – социально-экономическая нестабильность, откладывание деторождений. К 2046 году доля пожилых может достичь 27%, поэтому депопуляция становится реальной угрозой.

В Китае другая история, но результат похожий. Политика «одного ребенка» дала свои плоды – рождаемость упала до исторического минимума. В 2024 году в стране родилось 9,54 млн человек, а умерло 10,93 млн. Старение при этом идет в три раза быстрее, чем в США.

Россию и Китай интересно сравнивать. Две крупнейшие страны Евразии. В каждой – больше 1,4 млрд человек. И вызовы у них схожие: низкая рождаемость среди молодежи, старение населения. Но причины разные. В Китае это следствие жесткой политики контроля рождаемости. В России – экономические барьеры и культурные сдвиги.

Обе страны проводят активную демографическую политику. Россия стимулирует рождаемость материнским капиталом. Китай смягчил ограничения – теперь разрешено до трех детей. Это дает возможность анализировать, что работает, что нет. И, возможно, обмениваться опытом в управлении старением.

Общие риски очевидны. Дефицит рабочей силы. Рост расходов на пенсии. Но есть и различия – например, в региональных темпах старения. Именно поэтому Россия и Китай могут служить моделью для других развивающихся экономик. Не как образец, а как пример того, как в разных условиях решаются похожие проблемы [1].

Демографический переход – это не просто модель. Это попытка объяснить, как меняется население, когда общество переходит от аграрного уклада к индустриальному, а потом и к постиндустриальному. Рождаемость и смертность, кото-



рые изначально были высокими, постепенно снижаются. В итоге численность стабилизируется – на уровне простого воспроизводства [13].

Теорию разработали в середине XX века. Томпсон, Ноутестейн и другие демографы. Они выделили четыре этапа.

Первый. Рождаемость высокая, смертность тоже. Они примерно уравнивают друг друга. Прирост минимальный.

Второй. Смертность начинает падать. Санитария, медицина, условия жизни улучшаются. А рождаемость пока остается высокой. Возникает дисбаланс – это и есть демографический взрыв.

Третий. Рождаемость тоже идет вниз. Урбанизация, образование, изменение ценностей. Прирост замедляется.

Четвертый. Оба показателя – рождаемость и смертность – достигают низкого уровня. Прирост становится нулевым или отрицательным. Равновесие, но другое, не такое, как в начале [2].

Ключевые показатели демографического перехода включают коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 человек в год, отражающий репродуктивное поведение), коэффициент смертности (число умерших на 1000 человек, зависящий от здравоохранения и образа жизни), медианный возраст (возраст, делящий население пополам, индикатор старения) и коэффициент демографической нагрузки (отношение нетрудоспособного населения к трудоспособному, показывающий бремя на экономику) [12]. В России и Китае эти индикаторы сигнализируют о завершении перехода: рождаемость упала ниже 1,5 ребенка на женщину, смертность стабилизировалась на уровне 12–14 на 1000, медианный возраст превысил 40 лет, а нагрузка достигла 0,6–0,7, усиливая вызовы пенсионных систем [2].

На рождаемость влияют экономические факторы, такие как стоимость жилья, образование и карьерные приоритеты молодежи, откладывающие деторождение из-за неопределенности; социальные – урбанизация, рост разводов и эмансипация женщин, снижающие желание иметь много детей; культурные – секуляризация, индивидуализм и изменение ценностей семьи в пользу самореализации; политические – меры государственной поддержки вроде материнского капитала в России или отмены «одного ребенка» в Китае, но их эффект ограничен без комплексных реформ. В сравнении России и Китая экономические барьеры доминируют в России, а в Китае – последствия политики, усугубленные культурным давлением на успех [3; 15].

Демографическая ситуация в России характеризуется устойчивой тенденцией к депопуляции, с естественной убылью населения, достигшей 958 тыс. человек в 2000 году и сохраняющейся на уровне 500–600 тыс. ежегодно в последние годы. Динамика рождаемости с 1990-х годов демон-

стрирует резкое падение: в 1990 году коэффициент рождаемости составлял 13,4 на 1000 человек (1,89 млн рождений), к 1995-му опустился до 9,3 (1,36 млн), в 2000-м – 8,7 (1,27 млн), с кратковременным восстановлением до 12–13 в 2010-х благодаря маткапиталу, но к 2023–2025 годам вновь снизилась ниже 9 на 1000 (около 1,2–1,3 млн рождений) из-за пандемии и экономических шоков (табл. 1).

Таблица 1. Динамика рождаемости в России

Период	Коэффициент рождаемости (на 1000 чел.)	Число рождений (млн)	Суммарный коэффициент (детей на женщину)
1990	13,4	1,99	2,0
1995	9,3	1,36	1,3
2000	8,7	1,27	1,2
2010	12,5	1,79	1,6
2020	9,8	1,44	1,5
2025	<9	~1,25	<1,5

Источник: [4].

Почему рождаемость падает? Причин несколько.

Экономическая нестабильность. Молодежь тревожная. Инфляция, жилье недоступное – ипотечные ставки до 20% дошли. Доходы реальные падают. В итоге материнский капитал тратят на первого ребенка, а второго уже не планируют. Или вообще откладывают.

Демографический фактор. Тут все проще. Женщин репродуктивного возраста – 15–49 лет – за 20 лет стало меньше на 10–15%. Это последствия низкой рождаемости 1990-х. Механически рождаются меньше.

Ценности меняются. СМИ, карьеризм. Женщины откладывают материнство – до 29–30 лет, иногда позже. Западные модели индивидуализма, самореализации приходят на смену традиционной семье. Не сразу, но заметно.

Старение населения в России ускоряется. В 1990 году доля пожилых (старше 65 лет) была 11%. В 2025-м – уже 16–17%. К 2046-му прогнозируют 27%. Нагрузка на пенсионную систему растет. Коэффициент нагрузки – сколько пенсионеров приходится на одного трудоспособного – достиг 0,5–0,6. Дефицит Пенсионного фонда увеличивается. Пенсионный возраст подняли, но проблема не решена.

Для рынка труда это риски. К 2030-м годам дефицит работников может составить 2–4 млн человек. Для здравоохранения тоже. Расходы на пожилых – в два раза выше, чем на другие группы. И эти расходы будут только расти.

Региональные различия в демографии России – это не просто статистика, а реальная кар-

тина, где регионы живут в разных временах. Центральный и Северо-Западный округа. Здесь рождаемость низкая – 7–9 на 1000. Убыль населения. Причины: урбанизация, молодежь уезжает. Города растут, но детей рождается меньше.

Северный Кавказ – совсем другая история. Чечня, Дагестан. Коэффициент рождаемости там выше – 15–20 на 1000. Традиционные семьи, многодетность, влияние ислама. Прирост есть, но у него своя цена.

Сибирь и Дальний Восток. Депопуляция. Климат суровый, моногорода, люди уезжают в центр. Нагрузка пожилых – до 25%. Территории огромные, а населения все меньше.

Эти диспропорции создают неравенство. Кавказ дает прирост, но мигранты из этих регионов едут в мегаполисы, где рождаемость минимальна. Получается перекос. Прирост там, где его не ждут, и убыль там, где нужны люди.

Демографическая ситуация в Китае сейчас – это кризис. Население сокращается, рождаемость падает. Последствия долгосрочной политики контроля дают о себе знать.

История известная. Политика «одна семья – один ребенок» действовала с 1979 по 2015 год. Ее вводили, чтобы справиться с перенаселением. Результат: предотвращено около 400 млн рождений. Но цена оказалась высокой. Гендерный дисбаланс – 118 мальчиков на 100 девочек. Структура семьи «4–2–1»: четверо бабушек и дедушек, двое родителей, один ребенок. И демографическая яма, из которой трудно выбраться.

Послабления были. В 2016 году разрешили двоих детей. В 2021-м – троих. Но рождаемость продолжает падать. В 2019 году родилось 14,6 млн человек. В 2023-м – 9 млн. В 2025-м – рекордно низкий уровень. Население материкового Китая сократилось на 3,39 млн, до 1,404 млрд [14].

Суммарный коэффициент рождаемости – около 1,0 ребенка на женщину. Естественный прирост с 2022 года близок к нулю или уже отрицательный. Это не временный спад, а устойчивая тенденция (табл. 2).

Таблица 2. Динамика рождаемости в Китае

Год	Рождаемость (млн)	Сокращение населения (млн)	Коэффициент (детей/женщину)
2019	14,6	+	~1,7
2023	9,0	-2,0	~1,0
2025	<9	-3,39	0,96

Источник: [5].

Ключевые факторы – высокая стоимость жизни (жилье, образование, воспитание ребенка до 1 млн юаней), урбанизация (70% населения в городах, где семьи малы), карьерные приоритеты молодежи («лежать плашмя» – отказ от брака/

детей ради самореализации) и последствия политики, включая штрафы и принудительные аборт [16]. Пандемия и спад браков (с 13 млн в 2013-м до 7 млн в 2023-м) усилили тренд [6].

Старение населения в Китае беспрецедентно по масштабам: доля 60+ превысит 30% к 2030-м (с 280 млн в 2025-м), 65+ – 400 млн к 2040-м, скорость старения в 3 раза выше мировой; трудоспособных (15–64 лет) осталось ~880–890 млн, что тормозит экономику, создает дефицит рабочей силы и нагрузку на пенсии (на 2 пенсионера – 4 работника сейчас, 2 к 2050-м) [13]. Это «серебряная цунами» требует иммиграции и автоматизации, но Пекин сопротивляется [7].

Россия и Китай демонстрируют схожие демографические траектории на фоне завершения демографического перехода, но различаются в генезисе проблем и ответах на них. Обе страны переживают кризис воспроизводства с низкой рождаемостью и ускоренным старением, угрожающим устойчивости экономик.

Снижение рождаемости в обеих странах опустилось ниже уровня воспроизводства: в России около 1,4 ребенка на женщину, в Китае – менее 1,0 в 2025 году, что обусловлено урбанизацией, экономическими барьерами и глобальными трендами индивидуализации. Старение населения усиливается повсеместно – доля лиц старше 65 лет достигла 16–17% в России и около 15% в Китае с прогнозом роста до 25–30% к 2030-м, создавая дефицит рабочей силы и нагрузку на социальные системы. Изменение семейных моделей также сходно: переход к малодетным, поздним бракам и одиночеству, где урбанизация разрушает традиционные сети поддержки, усиливая «4–2–1» структуру в Китае и изоляцию в России.

Роль государственной политики кардинально разнится: в России она изначально стимулирующая (материнский капитал, пособия), реагируя на постсоветский спад снизу, тогда как в Китае ограничивающая политика «одного ребенка» (1979–2015) искусственно создала демографическую яму, а нынешние послабления (до трех детей) запоздали. Темпы демографических изменений в Китае ускорены в три раза по сравнению с Японией или Европой, с долей 60+ на уровне 30% к 2030-м, в то время как в России старение более равномерное (+5% за 30 лет). Культурные особенности подчеркивают различия: Россия сохраняет региональные традиции многодетности (Кавказ), но страдает от посткризисных стереотипов и алкоголизма, Китай же сочетает конфуцианский коллективизм с гендерным дисбалансом и «лежанием плашмя» молодежи как протестом против давления успеха.

Проблема в Китае острее из-за колоссальных масштабов (1,4 млрд человек, 400 млн пожилых к 2040-м) и скорости: ежегодное сокращение на 3+ млн, нагрузка двух пенсионеров на моло-

дого к 2050-м, что подрывает «демографический дивиденд» и лидерство в мире. В России вызовы умереннее (144 млн, убыль 0,5 млн/год), с акцентом на региональные диспропорции (Дальний Восток) и миграцию, но глубже в плане территориальной сплоченности. Обе страны нуждаются в иммиграции, реформах и культурных сдвигах, но Китай рискует глобальным доминированием, Россия – демографическим выживанием.

Социально-экономические последствия демографических вызовов в России и Китае проявляются в многогранном кризисе, где снижение рождаемости и старение населения подрывают основы устойчивого развития [11].

Сокращение рабочей силы становится ключевой угрозой: в России дефицит трудоспособных к 2030-м оценивается в 2–4 млн человек, что усиливает зависимость от мигрантов и снижает производительность; в Китае потеря 5–10 млн работников ежегодно после пика в 2010-х тормозит «демографический дивиденд», переходя в «ловушку среднего дохода». Замедление экономического роста неизбежно – ВВП на душу населения стагнирует из-за высокого коэффициента зависимости (0,5–0,8), роста налогового бремени и снижения потребительского спроса; Китай рискует утратой конкурентных преимуществ в производстве, Россия – дальнейшей деиндустриализацией регионов [7].

Нагрузка на здравоохранение резко возрастает: в обеих странах расходы на хронические болезни пожилых (сердечно-сосудистые, онкология) удваиваются, с дефицитом кадров – в России 20–30% вакансий врачей пустуют, в Китае «серебряная волна» требует триллионов юаней на долгосрочный уход. Пенсионные системы под ударом: коэффициент замещения в России падает до 30–35%, в Китае – до 20% к 2040-м при соотношении 2 пенсионера на 1 работающего, что провоцирует реформы вроде повышения пенсионного возраста и приватизации [8].

Изменение структуры семьи приводит к атомизации общества: в России рост разводов и одиночества (40% домохозяйств – одинокие), в Китае «4–2–1» модель перегружает среднее поколение уходом за родителями при отказе молодежи от брака [17]. Межпоколенческие отношения трансформируются – конфуцианский долг в Китае сменяется «пустыми гнездами» и социальным сиротством стариков, в России традиции поддержки размываются миграцией детей в города, усиливая социальную изоляцию и психические расстройства [9].

В России демографическая политика ориентирована на стимулирование рождаемости через финансовую и социальную поддержку семей, с акцентом на многодетность в рамках Стратегии до 2036 года. Ключевой мерой остается материнский капитал: в 2026 году на первого ре-

бенка – около 587 тыс. руб., на второго – 776 тыс. руб., с планами модернизации для упора на третьего и последующих детей, включая региональные доплаты до 200 тыс. руб. для студенческих семей. Поддержка семей с детьми включает модернизацию перинатальных центров, неонатальный скрининг (охват 95%), ЭКО по ОМС, пособия и корпоративные стандарты для совмещения карьеры и материнства, а также федеральные субсидии 41 региону с низкой рождаемостью (12,5 млрд руб. ежегодно) [9].

Китай прошел путь от жестких ограничений к стимулированию. Политика «одна семья – один ребенок» действовала с 1979 по 2015 год. В 2016-м ее отменили, разрешили двоих детей. В 2021-м – троих. Штрафы и взносы за нарушения аннулировали.

Переход к политике трех детей сопровождается мерами. С 2025 года введены субсидии – 3600 юаней (около 500 долларов) на ребенка до трех лет. Декреты продлены. Налоговые льготы. Регистрацию упростили, трудоустройство теперь не зависит от семейного статуса. В регионах – свои бонусы. Цель – повысить рождаемость к 2025–2035 годам.

Система поддержки создается. Но эксперты сомневаются. Меры, по их мнению, недостаточны, чтобы развернуть тренд [10].

Демографические вызовы России и Китая в XXI веке – это две стороны одного процесса. Падение рождаемости среди молодежи, старение населения. Глобальный демографический переход, но с локальными особенностями. И в каждой стране свои нюансы.

Рождаемость опустилась ниже уровня воспроизводства. В России – около 1,4 ребенка на женщину. В Китае – около 1,0. Причины: экономическая нестабильность, урбанизация, изменение ценностей, демографическая инерция. Ежегодная убыль населения – 0,5 млн в России, больше 3 млн в Китае.

Старение усиливает нагрузку. Дефицит рабочей силы – от 2 до 10 млн. Социальные системы под давлением. Пенсионный кризис, здравоохранение – расходы растут. Семьи атомизируются. Риск замедления ВВП, социальная напряженность.

Государственные меры есть. В России – материнский капитал, семейные пособия. В Китае – послабления политики, субсидии. Они смягчают тренды, но не отменяют их. Без комплексных реформ – миграции, культурных сдвигов – ситуация не изменится.

Китай в более острой ситуации. Масштаб – 1,4 млрд человек. Старение идет в три раза быстрее мировых темпов. Наследие политики «одного ребенка» дает о себе знать – кризис структуры «4–2–1». В России ситуация другая. Депопуляция



есть, но умеренная. Региональные диспропорции, зато политика стимулирования гибче.

Общее есть. Переход к малодетным моделям и нагрузка на среднее поколение. Это делает обе страны моделями для анализа. Обмен опытом – например, российские пособия и китайская автоматизация – мог бы оптимизировать ответы. Но без иммиграции и инноваций риск стагнации остается.

Литература

1. Тихонова Л. Е., Цянь П. Социально-демографические проблемы старения населения Китая // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 6. – С. 20–25.
2. Классический (первый) демографический переход [Электронный доступ]. URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap16/16.2/> (дата обращения: 19.03.2026)
3. Малева Т. М., Сиянская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Spero. – 2006. – Т. 5. – С. 70–97.
4. Рождаемость в России [Электронный доступ]. URL: <https://refru.ru/birth55.html> (дата обращения: 22.03.2026)
5. Население Китая на 2025 год [Электронный доступ]. URL: <https://ruchina.org/naselenie-kitaya.html> (дата обращения: 22.03.2026)
6. Баженова Е.С. Старение населения КНР: проблемы и перспективы // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. – 2021. – С. 88–89.
7. Потапенко В.В. Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 5. – С. 27–45.
8. Kashina M. Малодетность в России и Китае: Сходство Результатов При Различии Причин (Low Fertility in Russia and China: The Same Results on Account of the Different Reasons) // Available at SSRN 2305964. – 2011.
9. Кабмин утвердил план мероприятий по поддержке семьи на 10 лет [Электронный доступ]. URL: <https://xn-90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/kabmin-utverdil-plan-meropriyatiy-podderzhke-semi-na-10-let/> (дата обращения: 22.03.2026)
10. Ибрагимова, Б.Р. Китайская политика «Одна семья – один ребенок» / Б.Р. Ибрагимова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 45 (596). – С. 278–280.
11. Luo Y., Su B., Zheng X. Trends and Challenges for Population and Health During Population Aging –

China, 2015–2050 / Y. Luo, B. Su, X. Zheng // China CDC Weekly. – 2021. – Vol. 3, № 28. – P. 593–600. – DOI: 10.46234/ccdcw2021.158. – На англ. яз.

12. The path to healthy ageing in China: a Peking University–Lancet Commission / X. Chen [et al.] // The Lancet. – 2022. – Vol. 400, № 10367. – P. 1967–2006. – DOI: 10.1016/S0140-6736(22)01546-X. – На англ. яз.
13. 翟振武, 李龙. 中国人口老龄化: 趋势、特点与应对 / 翟振武, 李龙 // 人口研究. – 2021. – 第45卷, 第4期. – 第3–15页. – На кит. яз.
14. 蔡昉主编. 中国人口与劳动问题报告 № 24 / 蔡昉主编. – 北京: 社会科学文献出版社, 2023. – 320 с. – (人口与劳动绿皮书). – ISBN 978-7-5228-2932-6. – На кит. яз.
15. 陈卫, 刘金菊. 中国生育政策的演变与效果评估 / 陈卫, 刘金菊 // 中国人口科学. – 2022. – 第36卷, 第2期. – 第23–37页. – На кит. яз.
16. 陈卫, 刘金菊. 中国生育政策的演变与效果评估 / 陈卫, 刘金菊 // 中国人口科学. – 2022. – 第36卷, 第2期. – 第23–37页. – На кит. яз.
17. 高成运主编. 新时代老龄科学研究文集: 中国老龄科学研究中心科研成果汇编. 2021–2022 / 高成运主编. – 北京: 华龄出版社, 2023. – 554 с. – ISBN 978-7-5169-2612-3. – На кит. яз.

DEMOGRAPHIC CHALLENGES RELATED TO THE BIRTH RATE AMONG YOUNG PEOPLE AND THE AGING OF THE POPULATION IN RUSSIA AND CHINA

Wei Yijun

Saint Petersburg State University

The article examines demographic challenges in Russia and China in the 21st century, focusing on declining fertility rates among youth and population aging. It covers trends in key indicators, causes (economic, social, cultural), socioeconomic impacts, comparative analysis, and government policies (maternal capital in Russia, abolition of the «one-child policy» in China). Conclusions highlight the acuteness of the issue in China due to its scale and pace, with suggestions for experience exchange.

Keywords: demographic transition, fertility rate, population aging, Russia, China, maternal capital, three-child policy.

References

1. Tikhonova L. E., Qian P. Socio-demographic problems of China's population aging // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. – 2016. – № 6. – P. 20–25.
2. Classical (first) demographic transition [Electronic access]. URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap16/16.2/> (date of access: 19.03.2026)
3. Maleva T. M., Sinyavskaya O.V. Socio-economic factors of fertility in Russia: empirical measurements and challenges to social policy // Spero. – 2006. – Vol. 5. – P. 70–97.
4. Fertility in Russia [Electronic access]. URL: <https://refru.ru/birth55.html> (accessed: 22.03.2026)
5. Population of China in 2025 [Electronic access]. URL: <https://ruchina.org/naselenie-kitaya.html> (accessed: 22.03.2026)
6. Bazhenova E.S. Population aging in the PRC: problems and prospects // China, Chinese civilization and the world. History, modernity, prospects. – 2021. – Pp. 88–89.
7. Potapenko V.V. Population aging and the demographic burden on the Russian pension system // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2025. – № 5. – Pp. 27–45.

8. Kashina M. Low Fertility in Russia and China: The Same Results on Account of the Different Reasons // Available at SSRN 2305964. – 2011.
9. The Cabinet of Ministers approved a 10-year plan of measures to support families [Electronic access]. URL: <https://xn-90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/kabmin-utverdil-plan-meropriyatiy-po-podderzhke-semi-na-10-let/> (date of access: 22.03.2026)
10. Ibragimova, B.R. Chinese policy «One family – one child» / B.R. Ibragimova. – Text: direct // Young scientist. – 2025. – № 45 (596). – pp. 278–280.
11. Luo Y., Su B., Zheng X. Trends and Challenges for Population and Health During Population Aging – China, 2015–2050 / Y. Luo, B. Su, X. Zheng // China CDC Weekly. – 2021. – Vol. 3, № 28. – P. 593–600. – DOI: 10.46234/ccdcw2021.158. – In English language
12. The path to healthy aging in China: a Peking University–Lancet Commission / X. Chen [et al.] // The Lancet. – 2022. – Vol. 400, № 10367. – P. 1967–2006. – DOI: 10.1016/S0140-6736(22)01546-X. – In English language
13. 翟振武, 李龙. 中国人口老龄化: 趋势、特点与应对 / 翟振武, 李龙 // 人口研究. – 2021. – 第45卷, 第4期. – 第3–15页. – To the whale. language
14. 蔡昉主编. 中国人口与劳动问题报告 № 24 / 蔡昉主编. – 北京: 社会科学文献出版社, 2023. – 320 p. – (人口与劳动绿皮书). – ISBN 978-7-5228-2932-6. – To the whale. language
15. 陈卫, 刘金菊. 中国生育政策的演变与效果评估 / 陈卫, 刘金菊 // 中国人口科学. – 2022. – 第36卷, 第2期. – 第23–37页. – To the whale. language
16. 陈卫, 刘金菊. 中国生育政策的演变与效果评估 / 陈卫, 刘金菊 // 中国人口科学. – 2022. – 第36卷, 第2期. – 第23–37页. – To the whale. language
17. 高成运主编. 新时代老龄科学研究文集: 中国老龄科学研究中心科研成果汇编. 2021–2022 / 高成运主编. – 北京: 华龄出版社, 2023. – 554 p. – ISBN 978-7-5169-2612-3. – To the whale. language

Философия о человеческой драме борьбы со злом

Водяницкая Любовь Александровна,

старший преподаватель, ДГТУ (Донской государственный технический университет)

E-mail: lubov.vodyanitskaya@gmail.com

Одна из проблем, стоящих перед философами, это борьба со злом. Ключевые вопросы, которые требуют ответа – можно ли зло победить, можно ли ему противостоять и каким образом. В данной статье рассматриваются основные философские подходы к проблеме борьбы со злом, исследуются взгляды сторонников применения силы и приверженцев ненасильственного сопротивления. В статье анализируются наиболее эффективные методы противостояния злу в современном обществе. С одной стороны, И.А. Ильин, считающий применение силы в борьбе со злом вполне допустимым, с другой стороны Л.Н. Толстой, утверждающий невозможность применения силы ни при каких обстоятельствах. Исследование проводилось с использованием компаративного анализа философских концепций И.А. Ильина и Л.Н. Толстого как представителей противоположных позиций в вопросе о допустимости применения силы в борьбе со злом. Применены методы герменевтического анализа философских текстов, историко-философского анализа развития идей о природе зла, а также синтетический подход, позволяющий интегрировать различные этические и философские традиции. Использовано обращение к работам Н.О. Лосского, Ф. Достоевского, Л. Флориди и других мыслителей для расширения теоретической базы исследования.

Ключевые слова: зло, насилие, непротivление, этика, философская антропология, духовное совершенствование, моральное зло.

Одна из проблем, стоящих перед философами и не только перед ними, это борьба со злом. Каждому человеку хочется, чтобы в его окружении было как можно больше добрых людей, поступков, действий. Однако жизнь сложнее, и, вероятно, никому из нас не удалось прожить ее так, чтобы не встретиться со злом. Тогда возникают вопросы: можно ли зло победить, можно ли ему противостоять и как. Философы пытаются ответить на эти вопросы в теоретической форме: как мы можем бороться со злом и возможно ли сопротивляться злу «мечом и силой?», является ли это морально правильным. В данном вопросе прослеживаются две противоположные тенденции – возможность применения силы в борьбе со злом и несопротивление злу силой. С одной стороны, И.А. Ильин, считающий применение силы в борьбе со злом вполне допустимым, с другой стороны Л.Н. Толстой, утверждающий невозможность применения силы ни при каких обстоятельствах.

И.А. Ильин утверждает, что в определенных ситуациях и обстоятельствах, когда все другое – ненасильственные, религиозные, духовно-нравственные – средства исчерпаны или же их невозможно применить, мы можем бороться со злом, используя силу. Применение силы при этом не является моральной добротелью. Но трагедия человеческого бытия состоит в том, что в некоторых ситуациях единственное, что может противостоять злу – сила.

И.А. Ильин утверждает, что в каждой определенной ситуации человек принимает личное свободное решение о применении силы в борьбе со злом.

поэтому каждый отвечает за это перед собой, перед другими людьми, перед Богом. Он стремится доказать и показать, что, несмотря на то, что сопротивление злу как таковому всегда остается делом благим, праведным и должным, применение силы в этой борьбе неправомерно, поскольку нравственно несовершенно.

Ильин считает, что человеческой природе присуще зло. Оно является душевной склонностью человека, следовательно, борьба с ним может происходить непосредственно в душе человека. Однако духовная борьба со злом имеет много ограничений из-за материальности зла, поэтому её может быть недостаточно. Иногда человека приходится побуждать вести борьбу со своим внутренним злом, воспитывать его, доказывать необходимость победить зло в себе. Цель такого воз-



действия – возродить духовность в человеке, которая поможет ему вести борьбу в своей душе.

Кроме того, в случаях, когда человек одержим злом, бывает так, что единственное, что может на него воздействовать это физическое принуждение. Например, человека-преступника насильственно изолируют от других людей, лишают большей части его свободы.

Однако использование силы в борьбе со злом по Ильину возможно лишь при выполнении ряда условий. Первое – борьба должна быть с подлинным злом. Вторым условием является верное понимание зла, третьим условием – наличие подлинной любви к добру в человеческой душе. Только духовно чистые люди, стремящиеся к добру, способны вести борьбу со злом.

Четвертое условие – наличие волевого отношения к миру, способность к волевому действию. Действию не только в пределах своей собственной личности, но и за ее пределами в отношении к другим людям, к их злой деятельности. Пятое условие: проблема сопротивления злу посредством внешнего понуждения ставится тогда, когда внутреннее самозаставление и психическое понуждение оказываются бессильными удержать человека от злодеяния, тогда и возникает необходимость практического пресечения зла.

Идеи Ильина о применении силы критикуют многие философы, в том числе Н. Бердяев, Ю. Айхенвальд, Ф. Степун, А.М. Горький, обвиняя его в фашизме и большевизме. Тем не менее ряд философов (в их числе Митрополит Антоний, Архиепископ Иерусалимский Анастасий, Архиепископ Тихон, Н. Лосский, П. Струве, В. Даватц) поддерживает его идеи.

Лосский, рассуждая о зле, подчеркивает, что Бог не прибегает к силе в борьбе со злом, у него есть другие средства, но человек не совершенен и в виду отсутствия подобных средств вынужден применять силу, при этом Лосский, как и Ильин, признаёт трагичность данной ситуации, вызванной несовершенством нашего мира. Например, в борьбе с преступниками зачастую нет другого выхода, кроме использования силы.

В христианской этике говорится о покорности и терпении, о непротавлении злу насилием и о прощении обид. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, – провозглашает Христос, – благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матфей, 5,44).

Для Толстого непротавление злу является законом, не имеющим исключений. Это закон, который нельзя нарушать ни при каких условиях. Ведь если один человек в каких-то определённых обстоятельствах будет противиться злу силой, то вслед за этим человеком так может поступить любой другой индивид. Если мы допускаем какие-либо исключения из закона любви, то значит, нрав-

ственно оправдываем насилие. Допуская оправдание хотя бы одного убийства, человечество открывает дорогу бесконечному количеству новых убийств.

Кроме этого, Толстой критикует утилитаристскую аргументацию в пользу насилия. Данная аргументация оправдывает применение насилия тогда, когда оно искореняет и уничтожает большее зло. Однако Толстой не оправдывает применение насилия и в данном случае. Убивая человека, который держит дуло пистолета у виска своей жертвы, мы не можем быть полностью уверены, что он нажал бы на курок, не изменив своего решения в последний момент. Аналогичный подход Толстой использует, критикуя смертную казнь. Совершая подобный акт насилия, мы лишаем человека возможности раскаяться, стать на путь истинный, искупить свои грехи. Таким образом, казнь выступает как неоправданная жестокость, не приносящая никому пользы. Даже если казнят несправедливого преступника, который бы вряд ли изменился бы, казни также нет оправдания, ибо насилие порождает еще большее насилие. За казнью преступника наблюдают его близкие люди, на которых данное насилие оказывает сильное воздействие, вызывая в их сердцах злобу и вражду. Таким образом появляются люди в несколько раз злее и враждебнее, чем те, кто были убиты и зарыты в землю. Поэтому Толстой приходит к выводу о невозможности искоренения насилия другим насилием. Именно эта-то идея и была отменена законом непротавления. Иисус сказал людям: «вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло; они только увеличивают его. Вы тысячи лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили его, а увеличили его. Делайте то, что Я говорю и делаю, и узнаете, правда ли это».

Толстой признаёт, что очень часто люди обращаются к насилию как средству решения проблем в сложных ситуациях, для отмщения за близких. Но каким бы ни являлся мотив применения насилия, оно не может быть оправдано ни при каких условиях. При этом Толстой подчёркивает то, что применение насилия нельзя считать христианским актом. Задаваясь вопросом о существовании права на убийство, Толстой категорично заключает, что такого права не существует.

Придерживаясь общечеловеческой морали и христианских ценностей, утверждения о том, что все люди равны перед Богом, равны в своем нравственном достоинстве, невозможно оправдать и обосновать насилие человека над человеком. Для примера приводится ситуация с каннибалами, у которых в виду отсутствия общечеловеческой (по сути, европейской) морали и христианских ценностей насилие может быть оправдано в их сознании. Однако современный человек, в сознании которого преобладают идеи человеколюбия, не может оправдать никакое применение



насилия. Поэтому Толстой считал, что смертная казнь является самым страшным убийством, так как неотъемлемой чертой смертной казни является холодная систематичность. Кроме того, смертная казнь преподносится как нечто оправданное и совершаемое по закону. Толстой может понять, что человек в момент ярости или раздражения может совершить убийство, чтобы защитить себя или близкого человека, можно понять, что он, уступив общественным порывам, участвует в войне, где приходится убивать. Однако, невозможно осмыслить и понять, как убийство может считаться законным и морально правильным и совершаться спокойно как нечто нормальное. Это было выше толстовского понимания. «Смертная казнь, — пишет Толстой в «Воспоминаниях о суде над солдатом», — как была, так и осталась для меня одним из тех людских поступков, сведения о совершении которых в действительности не разрушают во мне сознания невозможности их совершения».

В философии Толстого на первый план выходит идея о несовместимости насилия с моралью и разумом. Если человек хочет жить морально достойно и разумно, то он никогда не должен совершать насилие.

По Толстому неприменение насилия представляет собой борьбу со злом. Ведь когда человек борется с правительством и пытается ему противостоять, используя насилие, он является таким же виновным, как и правительство, так как в данном случае насилие признаётся в качестве законного, нормального пути достижения человеческих целей. Люди виноваты в правительственных проявлениях насилия, когда напрямую в нём участвуют (через воинскую повинность, суды присяжных и так далее). Кроме того, применение насилия порождает еще больше насилия. Отвечая насилием на насилие, мы увеличиваем его масштабы и объёмы. В данной ситуации мы согласимся с позицией Л.Н. Толстого, так как в Кавказских республиках и в некоторых мусульманских странах до сих пор в современное время существует понятие кровной мести, таким образом убийство одного человека влечёт за собой целую цепочку смертей. В ситуации же противоположной, когда имеет место неприменение насилия в ответ на жестокость, оно затихает, угасает и постепенно исчезает. Таким образом, по Толстому, пассивная позиция, позиция неучастия и неприменения силы помогает бороться со злом и насилием.

Однако, Толстой вовсе не считает, что со злом не нужно бороться. Он считает свои ненасильственные методы борьбы со злом революционными, целью которых являются изменение духовных основ жизни и превращение врагов в друзей. В основе его методов непротivления злу лежат позитивная сила любви и правды. Помимо этого, он признаёт такие формы борьбы со злом как спор,

протест, ибо при их помощи появляется возможность отделить человека от совершаемого им зла.

Толстой любое зло считает насилием, которое он в свою очередь определяет как убийство, как действие для человека неприятное, как принуждение к совершению того, чего человек не хочет. Насилие он противопоставляет любви. Три выше-названные определения насилия противоположны любви, так как любящий человек не сможет допустить и мысли об убийстве, не сделает другому ничего плохого и не станет принуждать того, кого он любит. Толстой приходит к выводу о несовершенстве человека, так как человек неспособен познать жизнь и смерть. Осознав человеческое несовершенство, Толстой утверждает, что бороться со злом можно только внутри себя, так как, пытаясь бороться со злом в другом человеке, сам борец применяет насилие, нарушающее закон любви. Человек должен прощать и любить своего ближнего, а не бороться с ним. Отвечая на конкретный вопрос, как бороться со злом, Толстой пишет: «На вопрос о том, что делать человеку при виде совершаемых злодейств одного или многих людей, ответ человека, свободного от суеверия возможности знания будущего состояния людей и возможности устройства такого состояния насилием, только один: поступать с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой».

Французский писатель Андре Моруа, размышляя о непротivлении злу силой, приводит пример с нападением льва на человека, единственный выход в данном случае это застрелить его, то есть противиться злу силой. Таким образом, он считает, что на жестокость необходимо отвечать жестокостью. Мы можем привести пример с нападением немецко-фашистских захватчиков на СССР. К каким последствиям оно могло бы привести, если бы не было оказано сопротивление злу силой. О. де Бальзак также считал, что если просто смотреть на происходящее зло и не препятствовать ему, то это приведет к тому, что смотрящий впоследствии сам будет творить зло.

Лучано Флориди, говоря о борьбе с моральным злом, подчеркивает необходимость поиска ответа на вопрос: почему люди злые? Или, как предпочли бы выразиться некоторые специалисты по этике, почему некоторые люди ведут себя порочно. Лучано Флориди выделяет две преобладающие интерпретации человеческой природы, которые объясняют моральное зло. Первая относится к Сократу, но мы также находим его у стоиков, у Руссо или Арендт. Мы творим зло не потому, что мы аморальны по своей природе, а потому, что не понимаем, что такое добро для нас самих и других. Пороки, порочность и ужасы всех видов являются результатом человеческой глупости, морального невежества или некоторых других эпистемологических недостатков. Кроме того, существует другая традиция, приписываемая Гоббсу как ее наи-



более известному стороннику, но которая также включает, например, Канта. Согласно ей, моральное зло – это плод человеческого разума. Каждый из нас преследует свои личные интересы и цели настолько, насколько это возможно, и если мы останавливаемся, то только потому, что результат нас больше не устраивает. Недостатки носят моральный, а не эпистемологический характер.

Таким образом, Лучано Флориди приходит к выводу, что моральное зло обусловлено тем фактом, что человечество имеет добрую природу, но является глупым – давайте назовем это сократической антропологией – или умным, но злым – давайте назовем это антропологией Гоббса. Из этих двух философских антропологий вытекают различные этические и политические теории и практики, но, прежде всего, разные ответы на то, как моральное зло может быть, по крайней мере, ограничено, если не устранено. Если мы хорошие, но глупые, тогда мы должны инвестировать в наше образование: чтобы люди больше и лучше понимали, что действительно хорошо для них самих и других, для общества и окружающей среды. В этом случае сократовское решение проблемы морального зла называется «Пайдейя». Используя тривиальный пример, предупреждающие сообщения на упаковке сигарет и других табачных изделий об их вредном воздействии на здоровье являются типичным примером сократического подхода: больше информации должно вести к лучшему поведению. Эти послания были реализованы с 1969 года. В 2011 году в систематическом отчете был сделан вывод о том, что «яркие предупреждения о вреде для здоровья на лицевой стороне упаковок служат важным источником информации о здоровье для курильщиков и некурящих, могут расширить знания о здоровье и восприятие риска и может способствовать прекращению курения. Фактические данные также указывают на то, что всеобъемлющие предупреждения эффективны среди молодежи и могут помочь предотвратить начало курения. Наглядные предупреждения о вреде для здоровья, вызывающие сильную эмоциональную реакцию, значительно более эффективны». Похоже, что сократический подход может иметь некоторые достоинства.

Однако, если мы разумны, но злы, тогда нужно мотивировать с помощью стимулов и сдерживающих факторов, которые рациональные и эгоистичные агенты сочтут более или менее убедительными. Даже воплощенных дьяволов можно уговорить поступить правильно, если их должным образом подтолкнуть. В этом случае решение проблемы морального зла называется Номос, свод законов и правил, которые заставляют вещи работать так, как они должны. С точки зрения Гоббса, именно в это общество должно вкладывать средства с точки зрения разработки своих предпочтительных форм гражданского сожительства. Используя

предыдущий, тривиальный пример, повышение цен на табак это гоббсово решение для мотивации рационального выбора и более добродетельного поведения. Согласно недавнему исследованию, это действительно оказывает влияние, особенно когда у вас не так много денег, и вы все еще можете бросить курить: налогообложение является эффективным средством социальной профилактической медицины в сдерживании курения молодежи. История цивилизаций колеблется между Пайдейей и Номосом, отдавая предпочтение тому или иному в зависимости от контекста. Но это не два несовместимых видения. За исключением нескольких случаев чистой святости и крайней порочности, мы почти все немного добрые, но глупые, и немного злые, но умные. По этой причине инновации и развитие должны поддерживать как Пайдейю, так и Номос, чтобы сделать нас сократически разумными и гоббсовски хорошими. Сложность заключается в достижении равновесия, которое также допускает индивидуальные предпочтения и выбор. Общество, таким образом, может надеяться на улучшение, только если оно инвестирует в науку и технологию, чтобы устранить естественное зло или перевести его в моральное, а также в образование и правила, чтобы уменьшить моральное зло и, возможно, даже устранить его.

Достоевский считает, что человек всё время находится в состоянии выбора между добром и злом, между добродетелями и пороками. Только пройдя через искупительное страдание и боль, духовно преображается и способен освободиться от соблазнов зла. Спасением человека на пути искупления, по мнению Достоевского, является вера в Бога, вера в бессмертие души, христианская любовь и красота.

М.А. Солопова рассматривает философию как средство борьбы со злом, считая что цель философии помочь человеку измениться и стать хорошим достойным человеком. Она приводит пример с Сократом, после общения с которым ученики и слушатели чувствовали желание измениться и стать лучше.

П.А. Флоренский рассматривал культуру как противостояние злу.

Зло проникло всюду, искусно маскируясь под добро. В эпоху глобализации, проводимой по американским рецептам, подлинной духовности угрожает полное уничтожение. И философия, как особая форма человеческой культуры, синтезирующая научные и художественные способы постижения мира, может помочь предотвратить окончательную деградацию человечества.

Рассмотрев различные подходы к борьбе со злом, мы выделяем два основных пути: непротавление злу силой и использование силы. Первый путь является предпочтительным, так как насилие порождает насилие. Однако, проанализировав ряд примеров, мыло обнаружили, что в боль-

шинстве случаев данный путь не является эффективным, поэтому при выполнении ряда условий представляется верным использование второго пути – использования силы. Также в ходе исследования представилось целесообразным помимо двух основных путей борьбы со злом выделить такие эффективные способы как сократовское решение проблемы морального зла с помощью Пайдеи, заключающейся в образовании и просвещении людей, в том числе с помощью таких дисциплин как этика и философия, и с помощью Номоса как свода законов и правил, ограничивающих действия людей.

Литература

1. Демидова С.А. Понятия добра и зла в философско-этической концепции Л.Н. Толстого / С.А. Демидова // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем востоке, 2014. – № 2. – С. 104–111.
2. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 218 с.
3. Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант; пер. с англ. А.А. Столяров. – М.: Директ-Медиа, 2002. – 416 с.
4. Кант И. Метафизика нравов: В 2-х частях / И. Кант. – М.: Мир книги, 2007. – 400 с.
5. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант. – Издательство «Лань», 2013. – 327 с.
6. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. – М.: Республика, 1994. – 436 с.
7. Лосский Н. О Достоевский и его Христианское миропонимание / Н. Лосский. Нью Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 408с.
8. Ervin S. The roots of evil: The origins of genocide a other group violence / S. Ervin// Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – XVI. – 336 p.
9. Formosa P. Is Radical Evil Banal? Is Banal Evil Radical? / P. Formosa // Philosophy & Social Criticism, 2007. – Vol. 33. № 6. Pp. 717–735. doi.org/10.1177/019145370708058
10. 546. Holbach P. The Illusion of Free Will / P. Holdach // Nutrition and Dietetics, 2019. – Pp. 438–443.

THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN DRAMA IN THE STRUGGLE AGAINST EVIL

Vodianitskaya L.A.

DSTU (Don State Technical University)

One of the problems facing philosophers is the fight against evil. The key questions that must be answered are whether evil can be defeated, whether it can be countered, and how. This article examines the main philosophical approaches to the problem of combating evil, examines the views of supporters of the use of force and adherents of nonviolent resistance. The article analyzes the most effective methods of countering evil in modern society. On the one hand, I.A. Ilyin, who considers the use of force in the fight against evil quite acceptable, on the other hand, L.N. Tolstoy, who asserts the impossibility of using force under any circumstances. The study was conducted using a comparative analysis of the philosophical concepts of I.A. Ilyin and L.N. Tolstoy as representatives of opposing positions on the question of the permissibility of the use of force in the fight against evil. The methods of hermeneutic analysis of philosophical texts, historical and philosophical analysis of the development of ideas about the nature of evil, as well as a synthetic approach that allows integrating various ethical and philosophical traditions are applied. An appeal to the works of N.O. Lossky, F. Dostoevsky, L. Floridi and other thinkers was used to expand the theoretical basis of the research.

Keywords: evil, violence, non-resistance, ethics, philosophical anthropology, spiritual perfection, moral evil.

References

1. Demidova, S. A. «The Concepts of Good and Evil in L.N. Tolstoy's Philosophical and Ethical Concepts» / S.A. Demidova // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East, 2014. № 2. pp. 104–111.
2. Ilyin, I. A. «On Resisting Evil by Force» / I.A. Ilyin. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2017. 218 p.
3. Kant, I. «Religion within the Limits of Reason Alone» / I. Kant; translated from English by A.A. Stolyarov. Moscow: Direct-Media, 2002. 416 p.
4. Kant, I. «The Metaphysics of Morals: In 2 Parts» / I. Kant. – Moscow: Mir Knigi, 2007. – 400 p.
5. Kant I. On the Primordial Evil in Human Nature / I. Kant. – Lan Publishing House, 2013. – 327
6. Lossky N.O. God and the World's Evil / N.O. Lossky. – Moscow: Respublika, 1994. – 436 p.
7. Lossky N.O. Dostoevsky and His Christian Worldview / N. Lossky. New York: Chekhov Publishing House, 1953. – 408 p.
8. Ervin S. The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence / S. Ervin// Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – XVI. – 336 p.
9. Formosa P. Is Radical Evil Banal? Is Banal Evil Radical? / P. Formosa // Philosophy & Social Criticism, 2007. – Vol. 33. № 6. Pp. 717–735. doi.org/10.1177/019145370708058
10. 546. Holbach P. The illusion of Free Will / P. Holdach // Nutrition and Dietetics, 2019. – Pp. 438–443.

Повторы – как принцип построения фильма «Гамлет» Г.М. Козинцева

Георгиян Артемий Мнацевич,

студент кафедры кинофотоискусства Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК)
E-mail: georgyan2004@mail.ru

Сенько Анастасия Николаевна,

студент кафедры кинофотоискусства Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК)
E-mail: madamsenko14@gmail.com

Ахмедов Артем Рафигович,

руководитель студии фото и видеотворчества «Просвет». Педагог дополнительного образования. E-mail: anaharsisskif@mail.ru

В статье представлен разбор монтажной организации фильма «Гамлет» Г.М. Козинцева, построенный на системе визуальных лейтмотивов и повторяющихся действий. Показано, что монтаж объединяет эпическое пространство замка с глубокой психологической драмой героя. Повторяющиеся кадры (закрытие ворот, факелы, рябь на воде, движение по лестницам) создают атмосферу неизбежности, подчеркивая одиночество героя. Ритм фильма организуют сцены шествий, смены караула и сцены подглядывания.

Ключевые слова: кинематограф, Козинцев, визуальные повторы, лейтмотив, роль музыки

Повторы в кино – это один из структурных приемов, используемый для создания ритма, акцентирования смыслов, усиления эмоционального воздействия и формирования целостности повествования. Они работают на уровне монтажа (повторение кадров), сюжета (цикличность) и лейтмотивов, превращая фильм в гармоничное художественное целое. Повторение преобразует линейное повествование в структуру, где каждый элемент работает в связке с другими, создавая глубину и ритмическую организацию.

Система визуальных лейтмотивов и повторяющихся действий в фильме Г.М. Козинцева формирует целостную структуру драматических взаимосвязей. В этой визуальной поэтике каждый жест и мотив – часть трагедии, где внутренние переживания героев становятся ощутимы, воплощаясь в архитектуре замка, игре света и тени, языке тел. Режиссёр формирует уникальный язык, позволяющий транслировать философскую глубину шекспировского текста путём составной системы визуальных образов.

Визуальные образы посредством повторяющихся элементов

Визуальные повторы становятся в фильме Г.М. Козинцева структурным каркасом, скрепляющим повествование. Сквозным образом выступают штыки и цепи, которые формируют пространство Эльсинора, как жестокой тюрьмы.

Мотив штыка обрамляет повествование, являясь метафорой угрозы и насилия. С первых кадров штыки вонзаются в сознание зрителя: резкий взлёт флага, острые наконечники медленно опускающихся ворот. Они также присутствуют в интерьерах словно сталактиты смерти, свисают с потолков, создавая гнетущее напряжение. Даже в финале шпаги, сложенные в носилки, несут тело Гамлета – пронзённого шпагой.

Параллельно существует мотив цепи. Будучи метафорой заточения, он проявляется, как в буквальном виде (цепи на воротах), так и в метафорических формах (узоры костюмов, в интерьере). Идея всеобщего заточения раскрывается через детали: тяжёлые цепи на короле как знак власти-бремени, звенья в узорах одежды и витражей. Символичным жестом выглядит срыв Гамлетом цепи с мёртвого Полония – акт посмертного освобождения.

Тему заточения дополняют ворота и решетки Эльсинора – массивные, неподъемные, они то от-

крываются, то закрываются, фиксируя внимание на теме изоляции и непреодолимой границы между замком и свободой. Мотив решетки особенно глубоко получает развитие в сценах с Офелией. В разговоре с Гамлетом балясины лестницы визуально превращаются в тюремную преграду между ними. Позже, лишившись рассудка, она инстинктивно возвращается к этому же месту, отделяя себя от Королевы – теперь уже метафорической решеткой собственного безумия.

Как пишет Е. Добин в своей книге «Гамлет. Фильм Козинцева» кульминацией темы заточения становится сцена облачения Офелии в траур. Режиссёр создает мощнейший образ: придворные слуги буквально заковывают ее хрупкое тело в жесткий корсет на металлических пластинах. Это «железо» становится зримым воплощением тех правил, этикета и слепого послушания, которые сковывали ее дух. Из чистой, любящей девушки ее насильно превращают в соучастницу грязного заговора. В своей последней сцене Офелия взбирается по лестнице, пытаясь сбросить с себя оковы бархата и железа.

Лестница в фильме Г.М. Козинцева действует как символ, визуализирующий социальную иерархию и внутренние терзания героев. По их ступеням разворачивается драма выбора и власти: Гамлет мечется на них, разрываясь между долгом и бездной; Клавдий с Гертрудой застыли наверху, пытаясь удержать шаткую власть; Офелия оказывается внизу, находясь в безумном состоянии. Кульминацией развития этого образа становится монолог «Быть или не быть», произнесённый на фоне каменной лестницы, обрывающейся в небо. Он трансформируется в злобный предвестник смерти в сцене перед поединком, где та же лестница, ведущая в никуда, визуализирует фатальную обречённость героя.

Символическое значение природных явлений

Так же отражениями внутреннего мира Гамлета и остальных героев выступают природные стихии. Скалы – это символ незыблемого рока, суровой реальности и вечности. Именно к ним Гамлет приходит в ключевые моменты: для размышлений, для встречи с Призраком, после рокового поединка герой умирает у стен Эльсинора. В диалоге с Полонием у стен замка визуальный контраст подчёркивает разницу их позиций: Гамлет твёрдо стоит на камнях, уверенный в себе и в своём деле, тогда как Полоний «парит» в пустоте, лишённый твёрдых убеждений.

Бушующее море, напротив, олицетворяет хаос, страсть и неконтролируемые силы судьбы, вечный вызов искусственному порядку Эльсинора. Оно становится главным «собеседником» принца в минуты глубочайших раздумий. При этом его состояние напрямую коррелирует с душевным состоянием героя: возвращение Гамлета из Англии про-

исходит на фоне «укрощённой» водной глади, что знаменует обретение им временного покоя и решимости.

Небо, тучи и птицы вводят в фильм тему стремления к свободе и независимости. Парящая чайка появляется в критические моменты: перед смертью Офелии, предвосхищая её освобождение от земных страданий, и перед поединком, символизируя близкую смерть и обретение высшей независимости. В финале её полёт читается как зримое воплощение освобождённой души Гамлета. Тучи и облака, сгущающиеся в поворотные моменты сюжета. Они возникают в сцене приезда Гамлета, во время «Мышеловки», при его возвращении и в финале и служат знаком неотвратимости рока и вечности, в которую уходят герои.

Эту же идею поддерживает и ветер, проходя лейтмотивом через весь фильм. Он является олицетворением неотвратимого рока и надвигающейся бури, что подтверждается его появлением в переломные моменты повествования: при явлении Призрака, после убийства Полония и во время финальной расправы над Королем. При этом ветер выступает и как верный спутник Гамлета. Как отмечает С.И. Юткевич в своей работе «О трёх „Гамлетах“, одной „Офелии“, двух клоунов и призраке», развевающийся плащ визуализирует внутреннее смятение героя и его фатальную связь с потусторонними силами.

Контрастное использование природных стихий подчеркивает драматургию: спокойствие во время гибели Офелии сменяется мрачной мглой на ее похоронах, что акцентирует не внешнюю, а внутреннюю катастрофу. Козинцев выстраивает визуальную поэтику «Гамлета» на системе контрастных повторов, которые организуют ритм, углубляют философскую проблематику и усиливают эмоциональное воздействие. Ключевым противопоставлением становится душная, каменная замкнутость Эльсинора и свободная, стихийная мощь природы. Этот контраст пронизывает всё повествование, находя отклик в другом важном противостоянии, между искусственной, полной интриг жизнью двора и подлинной, полной тягот жизнью народа. Для Гамлета замок – тюрьма, из которой он стремится вырваться; для Офелии – механизм, ломающий её личность через «заковывание» в нормы этикета и буквально – в железный корсет. Как отмечает С.И. Юткевич власть в Эльсиноре предстает как безликий коллективный портрет, навеянный, по замыслу Козинцева, галереей официальных лиц. Таким образом, замок становится зримым воплощением государства-тюрьмы, где фальшь подавляет человечность.

С самого начала фильм погружает зрителя в стихию всеобщего траура. Эльсинор утопает в черноте: флаги, силуэт замка на фоне грозового неба, придворные полностью облаченные в чёр-



ные наряды – всё дышит скорбью по умершему королю.

Но под этим фасадом официального траура скрывается и личный ужас героев. Он раскрывается в повторяющихся сценах Клавдия у зеркала. Изначально он всматривается в свое отражение и с тяжёлым дыханием, тщетно пытается убедить в своей правоте прежде всего себя. Однако после сговора с Лазртом о двойном отравлении этот жест кардинально меняется: в порыве торжества Клавдий выплескивает вино на зеркало, тем самым символически уничтожая свое отражение – последние остатки совести и рефлексии. Этот акт предвосхищает гибель Гамлета и знаменует окончательную духовную деградацию короля.

Дым и пламя помогают создать в Эльсиноре душную, тревожную атмосферу, в которой зреет месть. Гамлет буквально несет в руках огонь как оружие: он вырывает факел, чтобы осветить путь и держать на расстоянии Короля, швыряет его в зал совета, словно обличает тьму преступлений. Он сжигает огнём смертельный приказ, и в этот момент пламя становится символом очищения и торжества правды.

Даже скромные свечи становятся красноречивыми свидетелями: одна свеча в разговоре между Гамлетом и матерью говорит о их попытке понять друг друга, тогда как две свечи между королем и Лазртом подчеркивают их расчетливый сговор. А горящий камин, у которого Гамлет размышляет и принимает решения, к финалу гаснет, символизируя угасание жизни.

Важнейшим элементом характеристики персонажей становятся их взгляды. Г.М. Козинцев постоянно использует крупные планы глаз. Глаза Гамлета – это всевидящее око, взгляд человека, проникающий в самую суть вещей. Эта тема особо ярко проявляется в образе Призрака, из-под забрала которого зрителю являются лишь сверкающий взгляд, символизирующие неотвратимый суд и высшую истину. Концепция повторяющихся взглядов и подглядываний создаёт эффект постоянного наблюдения, что даёт ощущение не безопасности в замке.

Напряжение так же поддерживается мотивом стремительного, часто бесцельного бега. Придворные, солдаты, сам Гамлет носятся по бесконечным коридорам Эльсинора, что создает ощущение всеобщей тревоги, суety и потерянности. Невозможность обрести покой подчеркивается самой архитектурой замка, состоящей из множества лестниц, арок, мелких тёмных проходов и закоулков. Комнаты превращаются в лабиринт с несколькими входами и выходами, что становится ощущаемой метафорой мучительных поисков истины и отсутствия единственно верного пути.

Так же обстановку накаляет мотив кругового движения. Он проявляется как в действиях (вращение барабана для открытия ворот, фигуры

на часовой башне), так и в пластике героев: Гамлет постоянно ходит по кругу, осматривая придворных во время коронации, собрания или разговора с Офелией. Это вечное движение, в котором пребывают все обитатели Эльсинора, символизирует бег на месте, в попытке найти выход из лабиринта собственных сомнений.

Все пространство замка организовано по принципу театральной сцены. В ключевые моменты герои спускаются на некое подобие арены (приезд актеров, «Мышеловка», финальная дуэль), в то время как остальные герои наблюдают за ними сверху, как зрители. Даже личные взаимодействия, такие как разговор Гамлета с Офелией, построены как спектакль: принц сначала разыгрывает роль безумца перед публикой, и лишь поднявшись по лестнице говорит искренне. Этот прием повсеместно подчеркивает, что жизнь в Эльсиноре – это сплошная игра на показ, где каждый исполняет навязанную ему роль.

Музыка, как смысловой слой

Григорий Козинцев и композитор Дмитрий Шостакович создают в фильме сложную звуковую полифонию, где речь героев, шум и музыка становятся единым целым, демонстрируя как отдельные черты характеров героев, так и общую атмосферу в замке.

Речевые повторы в фильме с одной стороны, выступают как инструмент власти. Как замечает С.И. Юткевич в своей работе, фальшивый призыв короля к умеренной скорби («Но надо будет овладеть собою...со смешанными чувствами...») механически тиражируется: сначала равнодушным глашатаем на площади, затем – сановниками в парадном зале и послами на иностранных языках. Этот ритуализированный повтор одного и того же текста на разных уровнях социальной иерархии подчеркивает всеобщую формализацию и опустошение речи в Эльсиноре, где слова служат не для выражения истины, а для укрепления власти.

В противовес этому, повторы в речи Гамлета носят иной характер. Его возвращение к одним и тем же фразам и вопросам визуализирует работу его мысли, мучительную рефлекссию и невозможность найти окончательный ответ, тем самым становясь иллюстрацией его душевных метаний.

Музыка Дмитрия Шостаковича создает систему музыкальных тем (например, траурный марш, тема Призрака), которые, повторяясь и варьируясь, ведут собственное драматическое развитие. Так мелодия, связанная с Офелией, становится её звуковым портретом, подчёркивая хрупкость и обречённость. Она видоизменяется на протяжении фильма: от наивной и светлой до трагически надломленной в сцене безумия, подчёркивая распад ее психики.

Сцены, связанные с Клавдием, властью, официальными церемониями, часто подчеркиваются



духовыми и ударными инструментами. Их звучание – властное, давящее, неотвратимое.

Внутренний мир Гамлета, страдания Офелии, лирические сцены передаются через струнную инструменты и отдельные партии духовых, такие как флейта. Эти тембры более гибкие, трепетные и человеческие. Музыка создаёт дополнительный смысловой слой в картине, являясь комментатором к изображению, она углубляет его смысл картины.

Таким образом, можно сказать, что система повторов в фильме Г.М. Козинцева «Гамлет» направлена на то, чтобы перевести философскую и словесную сложность шекспировской трагедии на универсальный язык кинематографических образов. Повторы превращают фильм в самостоятельное художественное произведение, где форма и содержание неразделимы.

Литература

1. Е. Добин «Гамлет. Фильм Козинцева.» Л.; М.: Искусство, 1967.
2. С. И. Юткевич работа «О трёх „Гамлетах“, одной „Офелии“, двух клоунах и призраке», которая входит в книгу «Шекспир и кино» (М.: изд-во «Наука», 1973).
3. Горных А. Повествовательная и визуальная форма: критическая историзация – по Джеймисону // Топос. – 2001. – № 1 (4). – С. 106–116.
4. Основные принципы повторения в художественном строе изобразительных и экранных искусств. М.: Грифон, 2013. – 232 с. ISBN 978-5-98862-158-4.
5. «Фазность» и художественное повторение в теории и практике С.М. Эйзенштейна // Вестник ВГИК. – 2013. – № 17. – С. 58–70.

6. Принципы художественного повторения в отечественном и зарубежном авангардном кинематографе первой половины XX века // Театр. Живопись. Кино. Музыка. РУТИ-ГИТИС. – 2013. – № 4. – С. 171–187.
7. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Прогресс, 1974. – 180 с.

REPETITION AS A PRINCIPLE OF CONSTRUCTION IN G.M. KOZINTSEV'S FILM «HAMLET»

Georgyan A.M., Senko A.N., Akhmedov A.R.

St. Petersburg State Institute of Culture (SPbGIK)

This article analyzes the editing of G.M. Kozintsev's film «Hamlet», built on a system of visual leitmotifs and repetitive actions. It demonstrates that the editing unites the epic space of the castle with the profound psychological drama of the protagonist. Repeating shots (closing gates, torches, rippling water, movement up the stairs) create an atmosphere of inevitability, emphasizing the hero's loneliness. The film's rhythm is established by scenes of processions, changing of the guard, and voyeuristic scenes.

Keywords: cinema, Kozintsev, visual repetition, leitmotif, role of music

References

1. E. Dobin «Hamlet. Film by Kozintsev.» L.; Moscow: Iskusstvo, 1967.
2. S. I. Yutkevich, «About Three Hamlets, One Ophelia, Two Clowns and a Ghost», which is included in the book «Shakespeare and Cinema» (Moscow: Nauka Publishing House, 1973).
3. Gornyykh, A. Narrative and Visual Form: Critical Historicization – According to Jameson // Topos. – 2001. – № 1 (4). – Pp. 106–116.
4. Basic Principles of Repetition in the Artistic Structure of Fine and Screen Arts. Moscow: Griffin, 2013. – 232 p. ISBN 978-5-98862-158-4.
5. «Phaseness» and Artistic Repetition in the Theory and Practice of S.M. Eisenstein // Vestnik VGIK. – 2013. – № 17. – P. 58–70.
6. Principles of Artistic Repetition in Russian and Foreign Avant-garde Cinema of the First Half of the 20th Century // Theatre. Painting. Cinema. Music. RUTI-GITIS. – 2013. – № 4. – P. 171–187.
7. Arnheim R. Art and Visual Perception. – Moscow: Progress, 1974. – 180 p.



Концептуальная схема социологического анализа цифровизации как социального процесса

Ким Александр Сергеевич,

доктор политических наук, профессор высшей школы
социальных и политических наук, Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: aleksakimov206@gmail.com

Утюжников Ольга Евгеньевна,

бакалавр Педагогического Института, Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: lana1987rey@gmail.com

В статье осуществляется разработка концептуальной схемы социологического анализа цифровизации современного общества. В рамках концептуальной схемы определяются теоретико-методологические рамки социологического анализа цифровизации и осуществляется экспликация цифровизации как социологического термина. Авторы осуществляют включение (интеграцию) процесса цифровизации в теоретический контекст социологического знания.

Ключевые слова: социологический анализ, социальный процесс, социальное действие, социальное взаимодействие, цифровизация, концептуальная схема,

Введение

В условиях глобализации происходит цифровизация – процесс перехода современного общества в новое качественное состояние, где цифровая среда становится базовым условием существования человека. Цифровизация является не просто процессом внедрения технологий, а глубоким преобразованием всех сфер общественной жизни и социальных практик под влиянием цифровых данных и коммуникаций. Как следствие, возросла актуальность специальных и междисциплинарных исследований, направленных на изучение виртуальной коммуникационно-сетевой реальности (виртуального бытия) социальных процессов, в том числе этнических. Целью статьи является выявление концептуальной схемы социологического анализа основных характеристик цифровизации как социального процесса в современном обществе. Под концептуальной схемой понимается теоретико-методологический подход, в рамках которого на основе определённых концептуальных установок: 1) формулируется понятие цифровизации как социологического термина; 2) определяются теоретико-методологические рамки социологического анализа цифровизации; 3) осуществляется процедура концептуализации [7, с. 146–147] феномена цифровизации как социального процесса.

Теоретико-методологические рамки исследования

Для реализации цели исследования целесообразно обратиться к понятию «социальный процесс». По П. Сорокину под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или «эволюции», то есть всякое изменение объекта в течение определенного времени, включая как изменение его места в пространстве, так и модификацию его количественных и качественных характеристик [14]. Социальные изменения происходят в результате совместных действий людей, которые носят взаимно сопряженный и однонаправленный характер. Именно поэтому природа социального процесса может быть глубже прояснена через рассмотрение такого социологического термина как «социальное действие», содержание которого было впервые проанализировано М. Вебером и Т. Парсонсом. Социальный процесс, по их мнению, представляет собой совокупность одно-

направленных и повторяющихся социальных действий, которые могут происходить одновременно, чередоваться, накладываться друг на друга, отличаться от других социальных действий [3, 8]. Исходя из вышеуказанных теоретико-методологических рамок, цифровизацию как социальный процесс можно определить как совокупность однонаправленных и повторяющихся социальных действий, ориентированных на изменения социальной структуры и социальных институтов общества посредством их информационно-цифровой трансформации.

Основное содержание современного концепта цифровизации

За последние десятилетия в современной научной литературе можно выделить несколько ключевых направлений социологического анализа (теоретического осмысления) цифровизации как социального процесса. В рамках первого направления исследуется существование гибридной реальности. Полагается, что цифровизация стирает границы между физическим и виртуальным мирами. Общество рассматривается как сложная система синтеза онлайн-взаимодействий и оффлайн-практик [10, 11]. Во втором направлении происходит изучение процессов алгоритмического управления (алгоритмизации), когда социологами фиксируется переход к обществу, при котором цифровые алгоритмы управляют доступом к ресурсам. Они же формируют информационную повестку и осуществляют социальный скоринг (автоматизированное оценивание поведения человека посредством системы, построенной на основе анализа больших данных, результатом которого является присвоение индивидуального рейтинга) [1, 2]. Следующая (третья) группа исследований посвящена разработке феноменов «цифрового капитализма». В рамках данного направления социологического анализа цифровизации последняя понимается как совокупность процессов, характеризующихся различными способами извлечения прибыли из любого социального действия. Личные данные превращаются в товар, а цифровые платформы становятся новыми центрами власти [17]. И, наконец, четвёртое направление социологического анализа цифровизации акцентирует внимание на таком её последствии как сетевизация социальной структуры. В данном концепте предполагается, что жесткие социальные иерархии заменяются гибкими сетевыми структурами. Это меняет характер коллективных действий в диапазоне от новых форм политического активизма до изменения структуры трудовых отношений [4, 6, 9]. Таким образом, на основе вышеобозначенных социологических подходов предоставляется возможность социологической концептуализации феномена цифровизации как социального процесса, то есть его интеграции (включения) в контекст социологического знания.

Социологическая концептуализация феномена цифровизации

1. Прежде всего следует отметить, что цифровизация как социальный процесс начинается с цифровой институционализации социальных действий и взаимодействий, в ходе которой происходит формирование и установление определенных процедур, обеспечивающих удовлетворение информационно-цифровых потребностей общества. Посредством цифровых институализированных взаимодействий, происходит фундаментальное перестраивание системы социальных связей, проявляющееся в переходе от непосредственного физического взаимодействия к цифровым формам коммуникации. Таким образом, цифровизация задаёт глубокую трансформацию ключевых социальных институтов – экономики, политики, культуры, семьи и т.п.

2. Статусно-ролевое размежевание, обусловленное распределением в социальных институтах функций, прав и обязанностей, приводит к устойчивому разделению труда и профессионализации выполнения функций. Различия между выполняемыми социальными индивидами функциями приобретают в рамках социальных институтов характер устойчивой социальной горизонтальной и вертикальной дифференциации. Как следствие, формируется не только профессиональное размежевание статусно-ролевых позиций, ячеек (горизонтальная дифференциация), но и социально-иерархическое разделение статусно-ролевых позиций (вертикальная дифференциация). Именно поэтому значимым результатом процесса институционализации является социальная стратификация, располагающая людей по разным ступеням общественной лестницы в зависимости от занимаемой социальной позиции. Следствием цифровой институционализации социального взаимодействия становятся эффекты социальной стратификации, обусловленные новым дифференцирующим фактором – так называемым «цифровым разрывом». Данное явление представляет собой состояние неравенства в доступе, распределении и использовании информационных и коммуникационных технологий между двумя или более группами населения [16, с. 121]. «Цифровой разрыв» обусловлен значимостью информации как системного ресурса постиндустриального общества, а доступ к технологиям генерирования, обработки и передачи информационных потоков и обладание ими становятся условием конкурентоспособности. Таким образом, возникает принципиально новая социальная структура, формируется так называемое «сетевое общество» [12, с. 167].

3. Под влиянием цифровизации социальные действия всё чаще определяются алгоритмами социальных сетей и рекомендательных систем, что обуславливает выбор товаров, услуг, ценностей и идентичности. Процесс алгоритмизации соци-



альных действий в цифровом обществе характеризуется переходом от свободного выбора к предписанным сценариям, особенностями которыми являются: 1) стандартизация поведения в виде жестких рамок взаимодействия (лайки, репосты, формы регистрации); 2) ограничение поведения пользователя (рекомендации платформ и социальных сетей формируют «информационные пузыри», где человек оказывается ограничен рамками ранее потреблённого контента и алгоритмических фильтров [5, с. 98]) и делегирование решений субъектом сетевого взаимодействия программному коду (навигатору); 3) измерение социального успеха цифровыми показателями (рейтинги на основе количества просмотров и «лайков», индексы цитирования); 4) алгоритмическое прогнозирование социальных действий на основе анализа «цифровых следов», позволяющих манипулировать общественным мнением до их совершения. Таким образом, цифровизация посредством различных алгоритмов делает социальную жизнь более прогнозируемой и эффективной, но при этом снижает уровень автономии личности.

4. Цифровизация как социальный процесс приводит к виртуализации социальной реальности посредством следующих ключевых механизмов. Во-первых, происходит отрыв от физического пространства: цифровые инструменты позволяют социальным процессам протекать в виртуальной среде, поскольку личное присутствие больше не является условием для совершения социального действия. Во-вторых, благодаря виртуальной реальности репрезентация события становится важнее самого события. Происходит конструирование социального статуса и опыта через цифровой профиль, который часто может не соответствовать действительности. Формируются цифровые двойники, осуществляется деятельность на базе различных платформ и происходит доминирование онлайн-репутации над реальными достижениями. В-третьих, цифровизация создает возможности смены идентичности, поскольку индивид, обладая возможностью создания виртуальных аватаров, может входить в различные социальные роли, чередовать и сочетать их, размывая границы своего истинного «Я». В-четвёртых, в рамках процессов цифровизации происходит символизация смыслов: социальные связи и отношения виртуализируются до уровня символов – стикеров и смайликов. Живое общение подменяется коммуникацией – информационным обменом, становится поверхностным, неглубоким. В-пятых, наблюдается институциональная мимикрия. Она проявляется в том, что традиционные институты (банки, университеты, различные учреждения) превращаются в цифровые платформы, воспринимаясь не в качестве реальной структуры, а как функциональное приложение.

Итак, цифровизация способствует тому, что социальные процессы становятся более гибкими и скоростными, но при этом, подвергаясь символизации, они лишаются физической объектности, превращаясь в знаки и коды. При этом в отличие от естественнонаучного и технического знания, социологию интересует не механизмы работы кодов, а то, каким образом они влияют на изменения в социальном поведении людей и структуре общества. Таким образом, в теоретическом понимании социологии цифровизация общества – это процесс фундаментальной трансформации социальных структур, институтов и повседневных практик под воздействием цифровых технологий. Это не просто технологическое обновление (как автоматизация), а переход к «цифровому обществу», в котором информация (сведения и данные) и алгоритмы становятся субъектами социальных действий и взаимодействий, активными участниками социальных отношений.

Заключение

Как следствие, общество в целом трансформируется в сеть взаимодействующих символов, преобразуясь в виртуальную социальную реальность. Данные обстоятельства обусловили включение в содержание объекта социологической науки таких относительно новых явлений и процессов как виртуальные сообщества, сетевая коммуникация, информационная политика, и т.п. Не остается в стороне и наполнение содержания предмета социологии новыми связями и отношениями. Речь идет об изучении: 1) интенсивной трансформации многих смыслов, значений и форм социальной идентичности и социального взаимодействия в «информационном обществе»; 2) связей и отношений, возникающих при взаимодействии виртуальной и объективной социальной реальности; 3) специфики управления виртуальными социальными процессами посредством цифровых ресурсов и способов. Проведенный социологический анализ показал, что социологическая концептуализация цифровизации является по своему характеру комплексной, поскольку дает интегративное понимание изменений, происходящих в современном информационном обществе. Именно поэтому можно предполагать, что социологические подходы вероятно станут основой «цифровой социогуманитаристики» [13, с. 11], синтезирующей специальные и междисциплинарные исследования виртуальной коммуникационно-сетевой реальности.

Литература

1. Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. – 2020. – Т. 4. – № 2. – с. 23–33.



2. Быков И.А., Курушкин С.В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 3. – с. 419–432.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; под общ. ред. Л.Г. Иониной. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – 445 с.
4. Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе //
1. Вестник МГУ. – Серия 18: Социология и политология. – 2019. – Т. 25. – № 4. – с. 175–192.
5. Дружинин А.М., Иноземцева Е.В., Гуров Ф.Н. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3 (79). – с. 96–110.
6. Зотов В.В., Губанов А.В., Гаврильченко К.Э. Неформальные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как группы риска цифровой маргинализации // Наука телевидения. – 2024. – № 20 (4). – с. 185–216.
7. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2023. – 352 с.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
9. Петров С.И. Государственное управление и политические сети // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 181–190.
10. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. – 2020. – № 2. – с. 3–12.
11. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – с. 4–19.
12. Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 2. – с. 161–169.
13. Сморгун Л.В. Политическая онтология цифровизации // Политическое в условиях цифровых трансформаций: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии», 24–25 сентября 2021 г., СПбГУ, Санкт-Петербург / под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Курочкина, О.А. Игнатьевой. – М.: Аспект Пресс, 2022. – с. 10–17.
14. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2025. – 975 с.
15. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
16. Субраманиам Й., Масрон Т.А., Хадиян Н., Хасан С.Х. Цифровой разрыв в развивающихся странах // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15. – № 4. – с. 115–139.
17. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. – 2020. – Т. 32. – № 1. – с. 30–54.

A CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF DIGITALIZATION AS A SOCIAL PROCESS

Kim A.S., Utizhnikova O.E.
Pacific National University,

This article develops a conceptual framework for the sociological analysis of the digitalization of modern society. This conceptual framework defines the theoretical and methodological framework for the sociological analysis of digitalization and explicates digitalization as a sociological term. The authors integrate the digitalization process into the theoretical context of sociological knowledge.

Keywords: sociological analysis, social process, social action, social interaction, digitalization, conceptual framework.

References

1. Bykov I.A. Artificial Intelligence as a Source of Political Judgments // Journal of Political Studies. – 2020. – Vol. 4. – № 2. – Pp. 23–33.
2. Bykov I.A., Kurushkin S.V. Digital Political Communication in Russia: Humanitarian Values versus Technocratic Approach // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2022. – Vol. 24. – № 3. – P. 419–432.
3. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes / Max Weber; edited by L.G. Ionin. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – Vol. 1: Sociology. – 445 p.
4. Dobrinskaya D.E. Digital Society in Sociological Perspective // 1. Vestnik of Moscow State University. – Series 18: Sociology and Political Science. – 2019. – Vol. 25. – № 4. – pp. 175–192.
5. Druzhinin A.M., Inozemtseva E.V., Gurov F.N. Overcoming the «Information Bubble»: Problem Statement, Methodology, Analytical Reading // Values and Meanings. – 2022. – № 3 (79). – p. 96–110.
6. Zotov V.V., Gubanov A.V., Gavrilchenko K.E. Informal Communities of the VKontakte Social Network as Risk Groups of Digital Marginalization // Science of Television. – 2024. – № 20 (4). – P. 185–216.
7. Kravchenko A.I. Brief Sociological Dictionary. – Moscow: Prospect, 2023. – 352 p.
8. Parsons T. On the Structure of Social Action. – Moscow: Academiche-skiy Proekt, 2000. – 880 p.
9. Petrov S.I. Public Administration and Political Networks // Polis. Political Studies. – 2014. – № 4. – P. 181–190.
10. Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. Sociology in the Era of «Artificial Sociality»: The Search for New Foundations // Sociological Studies. – 2020. – № 2. – P. 3–12.
11. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Artificial Intelligence and Artificial Sociality: New Phenomena, Problems, and Tasks for Social Sciences // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2021. – № 1. – P. 4–19.
12. Serkina N.E. The Concept of M. Castells' Network Society // Bulletin of the Maikop State Technological University. – 2019. – № 2. – P. 161–169.

13. Smorgunov L.V. Political Ontology of Digitalization // Political in the Context of Digital Transformations: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (with international participation) «Political in the Context of Digital Transformations: Philosophy, Science, Technology», September 24–25, 2021, St. Petersburg State University, St. Petersburg / edited by L.V. Smorgunov, A.V. Kurochkin, O.A. Ignatyeva. – Moscow: Aspect Press, 2022. – P. 10–17.
14. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. – Moscow: Academicheskyy Proekt, 2025. – 975 p.
15. Srnicek N. Platform Capitalism / translated from English and scientific ed. by M. Dobryakova; National Research University «Higher School of Economics». – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. – 128 p.
16. Subramaniam Y., Masron T.A., Hadiyan N., Hasan S. Kh. The Digital Divide in Developing Countries // Bulletin of International Organizations. – 2020. – Vol. 15. – № 4. – P. 115–139.
17. Shevchuk A.V. From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy // Sociology of Power. – 2020. – Vol. 32. – № 1. – P. 30–54.

К вопросу об определении объекта физической науки

Коротков Николай Александрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Высшая математика», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: korotkovna.spb@yandex.ru

В статье исследована эволюция смысла определения физической науки от конца XVIII века до наших дней. В ней также исследована эволюция смысла понятия информации в течение XX века и выявлены недостатки его нынешней интерпретации. Доказана теорема: в физической реальности присутствует компонента, принципиально не отражаемая в современной физической науке. Доказательство теоремы проведено на основе теории множеств, а не логики, как это принято в настоящее время. Не учитываемую физической наукой компоненту, согласно Н. Винеру, предложено именовать информацией, содержащейся в физическом объекте. Предложено новое определение объекта физической науки, учитывающее наличие в физической науке компоненты, ранее не учитываемой.

Ключевые слова: физическая наука, физическая реальность, объект физической науки, информация, Н. Винер, теория множеств, универсум, доказательство, определение.

«Уточняйте значения слов. Тогда человечество избавится от большей части своих заблуждений.»

Рене Декарт

Введение

Современное определение объекта физической науки предполагает, что физическая реальность обладает исключительно материальными и/или энергетическими свойствами, что зафиксировано, например, еще в начале XX века В.И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм»: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи» [14, с. 181]. Однако современный физик-теоретик и философ, доктор физ.-мат. наук, профессор МГУ Ю.С. Владимиров в монографии «Между физикой и метафизикой. Книга первая. Диамату вопреки» [2] исследует вопрос о влиянии философии диалектического материализма на развитие отечественной физики и приходит к выводу, что принципы новой физики противоречат догматам диалектического материализма. Фактически он ставил вопрос о разработке новой философии естествознания.

В 2008 году автором настоящей работы в статье «Приложение новой интерпретации информации к анализу ленинского определения материи» [9] показано, что ленинское определение материи из «Материализма и эмпириокритицизма»: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [14, с. 131] – противоречит действительности. Критика ленинского определения материи была основана на новой интерпретации понятия информации, предложенной автором в работах [8; 10].

Все дело в том, что понятие информации в современной физической науке интерпретируется лишь как сведения о физическом объекте, а не как нечто, содержащееся в нем самом: «Информация (от лат. informatio – разъяснение, осведомление) – любые сведения и данные, отражающие свойства объектов в природных (биол., физ. и др.), социальных и техн. системах и передаваемых звуковым, графическим (в т.ч. письменным) или иным способом без применения или с применением техн. средств» [5, с. 176].

Состояние проблемы информации в современной отечественной науке и философии отражено в дискуссии «Информационный подход в междисциплинарной перспективе», организованной



в 2010 году журналом «Вопросы философии» [4, с. 84–112]. В результате этой дискуссии были выявлены два принципиально различных подхода к решению проблемы информации. Согласно первому из них (функциональному), информация присутствует в функционирующих кибернетических системах. Согласно второму (атрибутивному), информация является атрибутом материи. Оба эти подхода имеют свои недостатки, главным из них, по нашему мнению, является отсутствие однозначного ответа на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе. Автором в статье «Какая философия естествознания нам нужна?» [13, с. 171] произведен анализ недостатков этих подходов.

Основное противоречие функционального подхода к интерпретации понятия информации состоит в том, что при окончании функционирования кибернетической системы информация исчезает. Но, как известно, еще древние греки установили принцип: *ex nihilo nihil* – из ничего ничто не возникает. Так откуда же возникает информация при возобновлении работы кибернетической системы?

Согласно атрибутивному подходу, информация является атрибутом (неотъемлемым свойством) материи. Но физические и философские понятия материи и атрибута – это части физической науки и естествознания соответственно, а не части физической реальности и природы.

Следовательно, ни первая, ни вторая интерпретации понятия информации не дают возможности однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе.

Отметим, что многие современные отечественные и западные ученые и философы считают интерпретацию понятия информации как сведений о чем-либо неудовлетворительной. Это утверждал еще в 1979 году известный отечественный ученый В.В. Налимов в монографии «Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков»: «Мы не умеем определить, что есть информация?» [15, с. 40]. Об этом же писал в 2004 году и британский философ итальянского происхождения Лучано Флориди в статье «Открытые проблемы философии информации» [26]. Среди 18 нерешенных вопросов философии информации под первым номером у него стоит вопрос: «Что такое информация?».

По нашему мнению, понятие информации нуждается в новой интерпретации, позволяющей однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе. Для этого необходимо пересмотреть определение объекта науки в физике, поскольку автором настоящей работы доказана следующая теорема: **в физической реальности присутствует компонента, принципиально не отражаемая в физической науке при нынешнем ее определении.** Эту компоненту

и предлагается именовать информацией, содержащейся в физическом объекте.

Эволюция смысла определения понятия физической науки

С развитием науки вообще и с развитием конкретной науки в частности с течением времени изменяется содержание понятия «объект науки», т.е. дается новое определение объекту науки. Применительно к физической науке динамика изменения представлений о сущности физики за последние два с половиной века следующая:

в 1781 г. в «Энциклопедии, или Кратком начертании наук и всех частей учености», переведенной с немецкого языка на русский И. Шуваловым, М., дано следующее определение физики: «Физика есть наука о существе, свойствах, силах, действиях и цели всех невидимых в свете тел. Как называются особенные части физики? Соматология, стихиология, метеорология, минералогия, химия, зоология и телеология» [19, с. 7];

в 1806 г. в «Новом словотолкователе», составленном Н.М. Яновским, СПб., физика определялась следующим образом: «Физика, греч. Природознание, естествознание; наука, составляющая часть философии, имеющая своим предметом природу вообще и всех естественных тел, их свойства, явлений и взаимного друг на друга действия» [19, с. 7]. Обратим внимание, что еще в начале XIX века физика считалась составной частью философии!

В 1905 г. в «Большой энциклопедии. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания», под ред. С.Н. Южакова, СПб., физике дано следующее определение: «Физика (греч. слово), наука или учение о природе (греч. *physis*), в настоящее время учение о законах явлений, происходящих в неодушевленной природе, помимо химических превращений, происходящих в телах» [19, с. 7].

Очевидно, к началу XX века понимание объекта науки в физике существенно изменилось.

В начале XX века определение физики дал в своем знаменитом университетском курсе проф. О.Д. Хвольсон: «Физика в широчайшем смысле слова есть наука о неорганизованной материи и о происходящих в ней явлениях» [21, с. 2]. Как видно из этого определения, физический объект – это неорганизованная материя. Отметим, что в данном определении содержится принципиальная ошибка: Хвольсон считал, что любой физический объект состоит из неорганизованной материи. На самом деле в физике встречаются организованные системы. Например, Солнечная система, состоящая из Солнца и вращающихся вокруг него планет с их спутниками, организована, поскольку планеты движутся вокруг Солнца не хаотически, а по определенным траекториям. То же



самое относится и к движению электронов вокруг ядра в атоме.

В середине XX века один из ведущих физиков того времени, акад. АН СССР А.Ф. Иоффе определял физику так: «Ближе всего к истине определение современной физики как науки, изучающей общие свойства и законы движения вещества и поля» [6, с. 7]. Сравнивая это определение с определением, данным О.Д. Хвольсоном, видно, что из определения изъято свойство неорганизованности материи, объектом же изучения физики как была, так и остаётся остаётся движущаяся материя.

В конце XX века современное определение физики было дано акад. АН СССР и РАН, лауреатом Нобелевской премии по физике А.М. Прохоровым: «Физика – наука, изучающая простейшие и вместе с тем наиболее общие свойства и законы движения окружающих нас объектов материального мира» [16, с. 310]. Признавая мир материальным, А.М. Прохоров констатирует тот факт, что, по современным представлениям, физические объекты состоят исключительно из движущейся материи (материи, обладающей энергией).

Как видно из вышесказанного, за последнее столетие у физиков не произошло *существенного* изменения понимания сущности объекта своей науки: мир как считался ранее, так и считается теперь *исключительно материальным*.

Но прежде чем сформулировать и доказать теорему о неполноте определения объекта физической науки, уклонимся чуть-чуть в сторону и изучим динамику изменения представлений о сущности понятия информации.

Эволюция смысла понятия информации и ее количества в XX веке

В 1921 г. впервые в науке интерпретировать понятие количества информации попытался британский биолог и статистик Рональд Фишер. Он предложил считать количеством информации, получаемым в результате статистической обработки результатов однотипных опытов величину, обратно пропорциональную дисперсии $D(X)$ – мере разброса

результатов опыта. Его точка зрения изложена в статье «О вероятности ошибки при определении коэффициента корреляции в малых выборках» [24]. Первоначально подход Фишера относился к дискретным случайным величинам, но в дальнейшем он был обобщен на случайные величины с абстрактным множеством значений [17, с. 283–286]. Однако идеи Фишера по определению количества информации не получили единодушного признания среди ученых и философов. Отметим также, что Р. Фишер не пытался интерпретировать само понятие информации, а сразу же попытался определить ее количество.

Дальнейшее развитие подходов к интерпретации понятия информации и ее количества и их научный анализ исследованы в книге В.И. и В.Л. Корогодиных «Информация как основа жизни» [7, с. 22–32].

Современная научная концепция информации и ее количества была разработана сотрудниками лаборатории им. Александра Белла (США) применительно к передаче (приему) сообщений по телеграфному каналу связи.

В 1924 г. Гарри Найквист предложил считать количеством информации при передаче одной буквы алфавита величину, обратно пропорциональную числу букв в алфавите: $H = 1/n$, где n – число букв алфавита используемого языка. Однако вскоре выяснилась неэффективность предложенного подхода: при увеличении количества символов в передаваемом сообщении в арифметической прогрессии, количество информации в сообщении катастрофически убывает в геометрической прогрессии.

В 1924 г. Ральф Хартли усовершенствовал формулу Г. Найквиста, предложив в работе «Передача информации» [20, с. 5–30] логарифмическую меру для измерения количества информации:

$$H = \log 1/n.$$

Окончательно формула для измерения количества информации оформилась в 1948 г. в работе Клода-Эдвуда Шеннона «Теория передачи информации» [23, с. 243–332], который учел, что различные буквы алфавита встречаются в текстах с разной частотой (вероятностью):

$$H_i = -k \log_q p_i,$$

где H_i – количество информации при передаче i -ой буквы алфавита, p_i – частота встречаемости этой буквы в данном языке, q – основание логарифма, а k – коэффициент пропорциональности, зависящий от q .

Подход К. Шеннона именуется вероятностно-статистическим, а сама его концепция получила название негэнтропийной вследствие того, что формула К. Шеннона с точностью до знака совпадает с формулой Людвиг Больцмана для вычисления энтропии идеального газа. Приращение информации в результате получения и расшифровки сообщения уменьшает на такую же величину энтропию, поэтому информация интерпретируется как степень снятия неопределенности.

В 1948 г. Норберт Винер – «отец кибернетики» – в своей «Кибернетике» дал, по нашему мнению, гениальное определение информации и там же указал на несостоятельность современной философии: «Информация есть информация, а не материя и не энергия. Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время» [1, с. 201]. В первой



части этого высказывания дается определение понятия информации при помощи логической операции отрицания, а во второй – указывается на необходимость замены материалистической философии естествознания на новую.

Но подход Н. Винера к определению понятия информации современная наука и философия отвергают. Почему?

В современной логике считается недопустимым определять новое понятие посредством операции отрицания: на это указывают (применительно к подходу Винера к определению информации), например, Д.С. Чернавский в монографии «Синергетика и информация» [22, с. 6.] и А.В. Соколов в монографии «Философия информации» [18, с. 12–13]. И они правы. В самом деле, при попытке определения нового понятия посредством операции отрицания катастрофически возрастает смысловая неопределенность. Но... Их правота относительна: при построении дискурса на базе логики действительно запрещено вводить новое понятие с помощью отрицания, но если строить дискурс на основе теории множеств, то в этом случае, если определен универсум, возможно вводить новые понятия при помощи операции отрицания. Отметим, что теория множеств применима не только к объектам математической, но также и любой природы. Далее переходим к формулировке и доказательству теоремы о неполноте определения объекта в естествознании, основная идея которой и схема доказательства опубликована автором этой статьи в работах «Доказательство неполноты определения объекта науки в физике на лекциях по теории множеств» [11] и «Сущность процесса индивидуального познания в естествознании» [12].

Теорема о неполноте определения объекта физической науки

Докажем теперь, что, **кроме материи и энергии, существует еще одна, неучтенная компонента физической реальности**. Дискурс проведем на основе теории множеств, а не логики. Отметим, что теория множеств имеет не только математический, но также и всеобщий характер: природа элементов множеств не играет роли.

Введем следующие обозначения:

U – множество *всех* имманентных свойств физического объекта (универсум);

M – множество *всех материальных* свойств объекта;

E – множество *всех энергетических* свойств объекта.

Отождествим материю, содержащуюся в объекте, с M , а энергию – с E . Тогда, согласно современному определению физического объекта,

$M \cup E = U$. Покажем на конкретном примере, что в действительности $M \cup E \neq U$, точнее, $M \subset EU$, т.е. $U \setminus (M \cup E) \neq \emptyset$.

В качестве физического объекта возьмем физическое тело. Несомненно, что оно обладает вещественными свойствами: оно состоит из молекул, которые, в свою очередь, состоят из атомов, а атомы – из элементарных частиц. Все это – частицы вещества. Кроме того, в физическом теле присутствуют поля различной природы: гравитационное, электромагнитное, слабые и сильные поля ядерных сил. В совокупности вещественные и полевые свойства физического тела образуют его материальные свойства.

Физическое тело обладает также и энергетическими свойствами (энергия неразрывно связана с движением): частицы различных уровней вещества находятся в постоянном движении, ядра атомов также обладают энергией. Согласно современному определению объекта физической науки, иных свойств, кроме материальных и энергетических, у него нет. Однако в действительности это не так.

Реальное физическое тело обладает, например, определенным *количеством* молекул, но количество молекул – это не сами молекулы и, конечно, не их энергия. Аналогично можно утверждать и относительно общего количества атомов и элементарных частиц. Кроме того, каждая молекула состоит из определенного количества атомов. Реальное физическое тело обладает также геометрической формой своей поверхности – это также нематериальное и/или энергетическое свойство тела.

Таким образом, действительно, множество нематериальных и/или неэнергетических свойств данного физического тела не пусто.

Теорема доказана.

Естественно возникает вопрос, а как же именовать элементы этого подмножества? Вспомним широко известное высказывание Н. Винера из его знаменитой «Кибернетики»: «информация есть информация, а не материя и не энергия» [1, с. 201]. В этом высказывании он противопоставил информацию материи и/или энергии. Следуя Винеру, новое выявленное множество свойств физического тела целесообразно именовать информационными свойствами, присущими данному телу.

Если обозначить выявленное множество свойств через I , то получаем:

$$U = M \cup E \cup I,$$

т.е. множество *всех свойств реального физического тела является объединением материальных, энергетических и информационных свойств*. Иных свойств реальное тело не имеет.



Отметим, что информацию (информационные свойства) можно разделить на два непересекающихся подкласса: 1) *количественную информацию* – ту, которую возможно охарактеризовать одним числом (количеством), например, общее количество частиц определенного уровня иерархии (молекул, атомов, элементарных частиц) и 2) *качественную информацию* – ту, которую невозможно полностью охарактеризовать одним числом (количеством). К этому подклассу принадлежит геометрическая форма поверхности тела – для полной ее характеристики, кроме площади поверхности, необходимо знать кривизну ее поверхности в каждой точке.

Можно доказать, что теорема, доказательство которой проведено применительно к физическому телу, справедлива также и для объектов иной физической природы – физических полей, физических процессов и т.д.

Естественно возникает вопрос: почему же такой простой подход к определению понятия информации никто до сих пор не применил? Ответ простой: данная проблема автором настоящей работы рассмотрена одновременно с позиций физики, математики и философии: в физике доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки при помощи нового подхода к доказательству теорем в математике, а также предложена новая обоснованная философская система в философии естествознания [13]. Эта система, в основании которой лежит триада материя–энергия–информация, автором названа философией **диалектического дуализма**.

И в заключение предложим новый геометрический образ соотношения понятий материи, движения и информации в ее новой интерпретации.

Соотношение материи и информации между собой аналогично соотношению вещественной и мнимой частей комплексного числа, которое изображается точкой на комплексной плоскости. При этом движение материи-информации отражается движением точки на комплексной плоскости. В современной физике антиматерией (точнее, антивеществом) считается вещество, состоящее из античастиц (антипротонов, антинейтронов и антиэлектронов – позитронов). В новой геометрической интерпретации материи соответствует положительная часть вещественной оси, а антиматерии – отрицательная часть вещественной оси. При новой интерпретации содержания понятия физического объекта понятие вещества объединяет понятия вещества и антивещества при прежней интерпретации, а категорией, парной и противоположной к категории материи, становится не антиматерия, а информация.

И еще одно замечание. Определение любого понятия решает две задачи: оно ограничивает определяемый предмет от всех иных и раскрывает сущность определяемого понятия [3, с. 245]. В но-

вом подходе к определению объекта физической науки на основе доказанной теоремы изменена сущность определяемого понятия.

Выводы

1. Определение объекта физической науки неполно: в физической реальности существует компонента, принципиально не отражаемая в современной физической науке. Доказательство этого тезиса проведено на основе теории множеств, а не логики, что является новизной в теории доказательства.

2. Так как физическая реальность является составной частью любой природной реальности (биологической, химической, астрономической, геологической и т.д.) и, соответственно, физическая наука является составной частью любой естественной науки, то доказанный тезис обобщается на все естествознание в целом: в природе присутствует компонента, которая принципиально не может быть отражена в современном естествознании.

3. Эту нематериальную и незнергетическую компоненту предложено, согласно широко известному высказыванию Н. Винера «Информация есть информация, а не материя и не энергия», именовать информацией, содержащейся в физической реальности и в природе соответственно.

4. Любой объект физической науки целесообразно считать обладающим как материальными и/или энергетическими, так и информационными свойствами. Иных свойств реальный физический объект не имеет. Новое определение физики: физика – наука, изучающая *простейшие* и вместе с тем *наиболее общие свойства и законы движения* окружающих нас объектов **материально-информационного** мира.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика. Москва, Советское радио, 1968. – 328 с.
2. Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Книга первая. Диамату вопреки. Москва, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Определение // Словарь по логике. Москва, Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 244–252.
4. Информационный подход в междисциплинарной перспективе // Вопросы философии, – 2010. – № 2. – С. 84–112.
5. Информация // Физическая энциклопедия. Т. 2. Москва, Советская энциклопедия, 1990. С. 176.
6. Иоффе А.Ф. Физика // Большая Советская энциклопедия. Т. 45. Москва, Большая Советская энциклопедия, 1956. С. 7–16.

7. Корогодина В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Г. Дубна, Издательский центр «Феникс», 2000. – 208 с.
8. Коротков Н.А. Новое понимание природы информации // Проблемы машиноведения и машиностроения. Межвуз. сб. Вып. 33. СЗГЗТУ, СПб., 2004. С. 15–30.
9. Коротков Н.А. Приложение новой интерпретации информации к анализу ленинского определения материи // Вестник костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. Том 14. Основной выпуск. Специальный выпуск. Кострома, Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2008, с. 255–257.
10. Коротков Н.А. Что есть информация? // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Научный журнал. № 3. Том 2. Философия. СПб., 2012. С. 60–69.
11. Коротков Н.А. Доказательство неполноты определения объекта науки в физике на лекциях по теории множеств // Математика в ВУЗе и в школе: тр. XXV Междунар. науч.-метод. конф. (Великий Новгород. 25–29 сент. 2013 г.) СПб.: ПГУПС, 2013. С. 34–36.
12. Коротков Н.А. Сущность процесса индивидуального познания в естествознании // Гносеологические проблемы научно-технического творчества. Матер. Всеросс. науч. конф. СПб. 15–16 мая 2020 г. СПб., БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, 2020. С. 71–75.
13. Коротков Н.А. Какая философия естествознания нам нужна? // Социология. – 2026. – № 2. – С. 170–176.
14. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. Т. 18. Москва, Политиздат, 1973. – 526 с.
15. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. Москва, Наука, 1979. – 304 с.
16. Прохоров А.М. Физика // Физическая энциклопедия. Т. 5. Москва, Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 310–321.
17. Рао С.Р. Линейные статистические методы и их применения. Москва, Наука, 1968. – 548 с.
18. Соколов А.В. Философия информации. Санкт-Петербург, СПбГУКИ, 2010. – 368 с.
19. Физика // Энциклопедия для детей. Т. 16, часть первая. Москва, Аванта+, 2000. – 448 с.
20. Хартли Р. Передача информации // Теория информации и ее приложения. Москва, Физматгиз, 1959. С. 5–30.
21. Хвольсон О.Д. Курс физики. Т. 1. РСФСР, Гос. изд-во, Берлин, 1925. – 676 с.
22. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. Москва, Наука, 2001. – 248 с.
23. Шеннон К.-Э. Теория передачи информации // Работы по теории информации и кибернетике. Москва, ИЛ, 1963. С. 243–332.
24. Fisher R.A. On the «Probable Error» of a Coefficient of Correlation deduced from a Small Sample // *Metron*, vol. I, № 4 (1921). Pp. 3–32.
25. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – № 4. July 2004. P. 554–582.

ON THE QUESTION OF DEFINING THE OBJECT OF PHYSICAL SCIENCE

Korotkov N.A.

Baltic State Technical University «VOENMECH» named after D.F. Ustinov

The evolution of the meaning of the definition of physical science from the end of the 18th century to the present days is considered. The evolution of the meaning of the concept of information during the 20th century is considered. There is a component in physical reality that fundamentally is reflected in modern physical science. According to N. Wiener, this component referred to as the information contained in a physical object. The proof of the theorem based on the set theory, rather on logic, as is currently the case. A new definition of the object of physical science proposed, taking into account the presence of a component in physical science that previously ignored.

Keywords: physical science, physical reality, object of physical science, information, N. Wiener, set theory, universe, proof, definition.

References

1. Wiener N. Cybernetics. – Moscow, Sovetskoye Radio, 1968. – 328 p.
2. Vladimirov J.S. Among Physics and Metaphysics. Vol 1. In Stipe of Dialectical Materialism. – Moscow, Bookhouse «Librocom», 2010. – 280 p.
3. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Definition // Dictionary of Logic. – Moscow, Humanitarian Publishing Center VLADOS, 1997. – Pp. 244–246.
4. The Information Approach in an Interdisciplinary Perspective // *Voprosy Filosofii*. – 2010. – № 2. – Pp. 84–112.
5. Information // Physical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1990. – Pp. 176.
6. Ioffe A.F. Physics // Great Soviet Encyclopedia. Vol. 45. Moscow, Bolshaya Sovetskaya Encyclopediya. 1956. – Pp. 7–16.
7. Korogodin V.I. & Korogodina V.L. Information as the Foundation of Life. Dubna, «Phoenix» Publishing Centers, 2000. – 208 p.
8. Korotkov N.A. New Understanding of the Nature of Information // Problems of Machine Engineering and Machine Building. Interuniversity Collection – Issue 33. – SZGZTU. St. Petersburg. – 2004. – Pp. 15–30.
9. Korotkov N.A. Applying a new interpretation of Information to the Analysis of Lenin's Definition of Matter // Bulletin of Kostroma State named after N.A. Nekrasov. 2008. Volume 14. Main Issue. Special Issue. – Kostroma, Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. – 2008. – Pp. 255–257.
10. Korotkov N.A. What is Information? // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Scientific journal. – № 3. – Volume 2. – Philosophy. – SPb. – 2012. – Pp. 60–69.
11. Korotkov N.A. Proof of the Incompleteness of the Definition of the Object of Science in Physics in Lectures on Set Theory // Mathematics in Higher Education and Schools: proc. XXV Int. Scientific-method. Conf. (Veliky Novgorod, September 25–29, 2013) – PGUPS – 2013. – Pp. 34–36.
12. Korotkov N.A. The Essence of the Process of Individual Cognition in Natural Science // Epistemological Problems of Scientific and Technical Creativity. Proc. All-Russian Scientific Conf. St. Petersburg, May 15–16, 2020. – St. Petersburg, D.F. Ustinov BSTU. – 2020. – Pp. 71–75.
13. Korotkov N.A. What Philosophy of Natural History do We need? // Sociology. – № 2. – 2026. – Pp. 170–176.
14. Lenin V.I. Materialism and Empiricriticism // Collected Works. – Vol. 18. – Moscow, Politizdat, 1973. – 526 p.



15. Nalimov V.V. Probabilistic Model of Language. On the Relationship between Natural and Article Languages. Moscow, Nauka, 1979. – 304 p.
16. Prokhorov A.M. Physics // Physical Encyclopedia. – Vol. 5. – Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1998. – Pp. 310–321.
17. Rao S.R. Linear Statistical Methods and their Applications. Moscow, Nauka, 1968. – 548 p.
18. Sokolov A.V. Philosophy of Information. – St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University of Culture and Art, 2010. – 368 p.
19. Physics // Encyclopedia for Children. Vol. 16. Part 1. – Moscow, Avanta+, 2000. – 448 p.
20. Hartley R. Information Transmission // Information Theory and Its Applications. – Moscow, Fizmatgiz, 1959. – Pp. 5–30.
21. Khvolson O.D. Course of Physics. Vol. 1. – RSFSR, State Publishing House, Berlin, 1925. – 676 p.
22. Chernavskii D.S. Synergetics and Information. Dynamic Theory of Information. – Moscow, Nauka, 2001. – 248 p.
23. Shannon K.-E. Information Transmission Theory // Works on Information Theory and Cybernetics. – Moscow, Inostrannaya Literatura, 1963. – Pp. 243–332.
24. Fisher R.A. On the «Probable Error» of a Coefficient of Correlation deducted from a Small Sample // Metron, Vol I, № 4 (1921). Pp. 3–32.
25. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – № 4. July 2004. – Pp. 554–582.



Общероссийская идентичность: московский социологический кейс 2020–2025

Лаба Любляна Ярославовна,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения государственных институтов. Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский институт социальных систем»
E-mail: laba78@internet.ru

Статья посвящена анализу общероссийской гражданской идентичности на материалах мониторингового социологического исследования, проведённого среди жителей Москвы в 2021–2025 гг. Рассматривается соотношение общероссийской, локальной (московской), этнической и поколенческой идентичностей. Выявлена устойчивая доминирующая роль общероссийской идентичности, которая на протяжении пятилетнего периода опережала этническую и локальную формы коллективной самоидентификации. Особое внимание уделено поколенческим и гендерным различиям в восприятии чувства общности с согражданами, а также связи идентичности с чувством гражданской ответственности. Зафиксирован консолидационный эффект 2022 года и его последующая динамика. Эмпирическую базу составили данные ежегодных опросов москвичей (N=5000), сопоставленные с результатами федеральных исследований ВЦИОМ.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, гражданская идентичность, московский кейс, поколенческие различия, мониторинговое исследование, гражданская ответственность.

Проблематика общероссийской гражданской идентичности за последнее десятилетие из сугубо академической превратилась в один из стержней государственной повестки. Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 закрепил Стратегию государственной национальной политики до 2036 года, в которой уровень общероссийской гражданской идентичности обозначен в качестве целевого индикатора: по данным мониторинга, он достиг 92% к 2025 году при плановой отметке $\geq 95\%$ к 2036 году [1]. Казалось бы, цифра впечатляющая – но что именно стоит за ней? Как распределяется этот показатель по поколениям, по полу, по типу поселения? И самое главное: содержание это «государственная» (привязка к территории и стране) или «гражданская» (в смысле участия, прав, солидарности) идентичность? Ответы на эти вопросы существенно зависят от контекста, и Москва как крупнейший российский мегаполис представляет в этом отношении особый, малоизученный случай.

Теоретический фундамент изучения коллективных идентичностей в российской социологии был заложен Л.М. Дробижевой, обосновавшей ключевой тезис о совместимости российской гражданской и этнической идентичности [2; 3]. В.А. Тишков предложил нормативную рамку «русской нации» как гражданско-политического сообщества, не тождественного какому-либо этносу [4]. Масштабные обобщения представлены в энциклопедическом издании под редакцией И.С. Семененко [5]. При всей обширности литературы (обзор дан в [6; 7]) специализированные работы, посвящённые именно московскому срезу общероссийской идентичности, за 2018–2025 гг. практически не появлялись – единственным значимым прецедентом остаётся коллективная монография под редакцией Л.М. Дробижевой 2009 года.

Данная лагуна тем более ощутима, что Москва – город с населением свыше 13,3 млн человек, центр притяжения внутренней миграции, пространство пересечения этнических, конфессиональных и субкультурных границ. Именно здесь общероссийская идентичность конкурирует (или, напротив, сосуществует) с яркой локальной «московской» идентичностью и космополитическими установками, характерными для крупных мегаполисов.

Целью настоящей статьи является анализ динамики и структуры общероссийской идентично-

сти жителей Москвы на основе данных мониторингового социологического исследования 2021–2025 гг. в сопоставлении с общефедеральными показателями.

Теоретическая рамка и обзор литературы

Понятие социальной идентичности (Г. Тэджфел, Дж. Тёрнер [8]) предполагает самоопределение индивида через групповое членство. Применительно к нациям эта логика развита Б. Андерсоном [9], Э. Геллнером [10] и Р. Брубейкером, показавшим гибридность «гражданского» и «этнического» национализма [11], конструктивистами – Б. Андерсоном с его концептом «воображаемых сообществ» [9] и Э. Геллнером, связавшим формирование наций с процессами модернизации [10]. Р. Брубейкер, критикуя жёсткое противопоставление «гражданского» и «этнического» национализма, показал, что на практике эти измерения переплетаются, образуя гибридные конфигурации [11]. Именно такая гибридность характерна для российского случая.

В отечественной науке Л.М. Дробизева зафиксировала рост доли идентифицирующих себя как «гражданин России» – с 60% в середине 2000-х до 75–80% к концу 2010-х, обосновав совместимость гражданской и этнической идентичности [2]. Совместно с С.В. Рыжовой показано, что «сдвоенная» идентичность обладает консолидирующим потенциалом [3; 12].

В.А. Тишков рассматривает «российскую нацию» как гражданско-политический проект [4]; его подход определил терминологию Стратегии 2018 г., закрепившей понятия «российской нации» и «общероссийской гражданской идентичности».

П.В. Фадеев уточнил, что гражданский компонент идентичности развит слабо: россияне не связывают гражданство с участием в общественной жизни; идентичность носит «государственный» характер [6]. Это принципиально: высокие показатели идентичности не равнозначны активной гражданской позиции.

Исследования поколенческой динамики (Д.С. Петрунина [13], М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги [14]) показали сочетание патриотизма и космополитизма у молодёжи. А.Д. Казун оценил длительность эффекта «ралли вокруг флага» в шесть месяцев [15], однако после 2022 г. патриотические показатели удерживаются на уровне 91–92% третий год подряд [7], что свидетельствует о структурном сдвиге.

Методология и эмпирическая база

Эмпирическую основу составляют данные мониторинга среди жителей Москвы (2021–2025 гг., ежегодный телефонный опрос, N=5000, квотная выборка по полу, возрасту и округу, погрешность $\pm 1,4\%$), при поддержке Департамента СМИ Москвы (грант № 10-ДС/25).

Программа включала вопросы об общности с различными группами, приоритетной идентичности и чувстве ответственности за страну.

Для контекстуализации московских данных привлечены результаты общефедеральных опросов ВЦИОМ («Патриотизм: мониторинг», «Сила – в единстве!»).

Результаты исследования

Обратимся прежде всего к общей картине. В 2025 г. 81% москвичей заявили, что ощущают общность, единство с гражданами России – это наиболее высокий показатель среди всех замеренных форм коллективной идентичности. Для сравнения: единство с людьми такого же достатка назвали 81% (паритет), с людьми своей веры – 73%, с москвичами – 71%, с представителями своей национальности – 69%, с людьми близких политических взглядов – 72%. Таким образом, общероссийская идентичность не просто присутствует – она доминирует, опережая этническую солидарность на 12 процентных пунктов (табл. 1). Этот результат согласуется с федеральными данными ВЦИОМ, где 43% россиян на первое место ставят самоидентификацию «гражданин России», а этническую группу – лишь 3% [7].

Таблица 1. Распределение ответов москвичей об ощущении общности (2025 г., %)

Форма общности (2025)	Да	Нет	Затрудн.
С гражданами России	81	15	4
С москвичами	71	23	6
С представителями своей национальности	69	24	7
По достатку	81	13	6
По вере	73	18	9
По полит. взглядам	72	16	12

Динамика за пять лет (табл. 2) демонстрирует характерную закономерность: общероссийская идентичность остаётся стабильно высокой (78–82%), тогда как локальная (московская) и этническая – снижаются. Ощущение общности с москвичами сократилось с 76% в 2021 г. до 71% в 2025 г. ($\sqrt{-5}$ п.п.), этническая солидарность – с 78% до 69% ($\sqrt{-9}$ п.п.). Пик консолидации пришёлся на 2022 г.: практически все показатели достигли максимальных значений, что вписывается в логику эффекта «ралли вокруг флага», описанного Казуном [15]. Однако – и это ключевое наблюдение – в отличие от типичного шестимесячного «всплеска», общероссийская идентичность не откатилась к прежним значениям, а закрепилась на новом, чуть более высоком плато (81% в 2025 г. против 78% в 2021 г.).

Политическая общность, напротив, после резкого подъёма в 2022 г. (81%) к 2025 г. вернулась к исходному уровню (72%). Этот контраст наводит

на мысль, что консолидация 2022 г. закрепились именно в гражданско-национальном, а не в политическом измерении: люди чувствуют себя «россиянами» устойчивее, чем единомышленниками.

Таблица 2. Динамика ощущения общности москвичей с различными группами, 2021–2025 гг. (%)

Форма общности	2021	2022	2023	2024	2025
С гражданами России	78	82	79	78	81
С москвичами	76	79	72	75	71
С представителями своей национальности	78	80	75	79	69
С людьми такого же достатка	78	82	77	77	81
С людьми своей веры	73	77	68	74	73
С людьми близких политических взглядов	72	81	74	73	72

Ещё более выразительны данные о приоритетной идентичности (ответ на вопрос «С какой из этих групп Вы чувствуете общность в первую очередь?»). В 2025 г. 30% москвичей поставили на первое место россиян – стабильный лидер уже пятый год подряд. Москвичами себя, прежде всего, считают 12%, представителями своей национальности – 9%. Доля тех, кто первоочередно идентифицирует себя через политические взгляды, снизилась с пиковых 14% в 2022–2023 гг. до 10% в 2025 г. Примечательно, что категория «ни с кем» минимальна – 1%, что свидетельствует об отсутствии массовой аномии (табл. 3).

Таблица 3. Приоритетная идентичность москвичей, 2021–2025 гг. (%)

Группа	2021	2022	2023	2024	2025
С россиянами	26	27	29	25	30
С москвичами	16	11	9	12	12
По вере	10	8	6	9	11
По полит. взглядам	11	14	14	13	10
С представителями своей национальности.	7	8	8	9	9
По достатку	9	8	11	10	7
Со всеми	6	11	8	7	6
Ни с кем	1	1	2	3	1

Поколенческие различия

Разрез по полу и возрасту обнаруживает нетривиальную картину. Женщины несколько чаще мужчин ощущают общность с россиянами (84% против

78%), что может объясняться большей включённостью женщин в сети взаимопомощи и социального участия. По этнической общности гендерный разрыв ещё заметнее: 73% у женщин против 64% у мужчин (табл. 4).

Таблица 4. Ощущение общности москвичей с россиянами и представителями своей национальности по возрасту (2025 г., % «Да»)

Форма общности	Все	М.	Ж.	18–25	26–35	36–45	46–60	60+
С гражданами России	81	78	84	84	88	80	77	82
Со своей национальностью	69	64	73	57	70	66	68	74
С москвичами	71	66	76	73	65	68	70	78
С людьми такого же достатка	81	80	82	96	83	80	76	80
С людьми своей веры	73	69	77	65	68	71	74	81
По политическим взглядам	72	73	72	80	73	70	69	74

Возрастная дифференциация (табл. 4) демонстрирует парадоксальную нелинейность. Максимальную общность с россиянами испытывают молодые взрослые 26–35 лет (88%), а не, как можно было бы ожидать, старшее поколение. Молодёжь 18–25 лет показывает 84% – тоже выше среднего. Минимум приходится на группу 46–60 лет (77%). Этот результат перекликается с данными ВЦИОМ за 2025 г., согласно которым «зумеры» демонстрируют наивысшую гордость за гражданство среди всех поколений [7].

Между тем по этнической идентичности картина ожидаемо противоположная: молодёжь 18–25 лет даёт минимум (57%), а 60+ – максимум (74%). Ту же тенденцию – нарастание с возрастом – обнаруживает и религиозная общность (от 65% у младших до 81% у старших). Зато по достатку молодёжь резко лидирует – 96%, что на 16 п.п. выше любой другой возрастной группы. Этот «классовый» акцент у молодых москвичей – находка, заслуживающая отдельного внимания: экономическая солидарность оказывается для них даже более значимой, чем гражданская.

Гражданская ответственность и идентичность

Особый интерес представляет связь идентичности с чувством ответственности за происходящее

в стране (табл. 5). В 2025 г. 57% москвичей заявили, что чувствуют такую ответственность. Это ниже пикового значения 2022 г. (63%), но заметно выше доли «неравнодушных», зафиксированной за пределами кризисных лет (56% в 2021 г.).

Таблица 5. Динамика чувства ответственности за страну, 2021–2025 гг. (%)

Год	Чувствую	Не чувствую	Затрудн.
2021	56	41	3
2022	63	34	3
2023	59	37	4
2024	57	38	5
2025	57	39	4

Гендерных различий практически нет: 55% у мужчин, 58% у женщин. Зато возрастной разрыв огромен: только 27% молодёжи 18–25 лет чувствуют ответственность, против 68% у лиц старше 60 лет. Почти 70% самых молодых респондентов ответили «не чувствую» – это разительный контраст с их высокой идентификацией как «гражданин России» (табл. 6).

Данное расхождение – высокая идентичность при низкой ответственности у молодых – подтверждает вывод Фадеева о «государственном», а не «гражданском» характере идентификации [6]. Молодые москвичи охотно называют себя россиянами, но не связывают это с обязательством участвовать в общественно-политической жизни. Для старших поколений, напротив, идентичность и ответственность тесно сопряжены.

Таблица 6. Ответственность москвичей по полу и возрасту (2025 г., %)

	Все	М.	Ж.	18–25	26–35	36–45	46–60	60+
Чувствую	57	55	58	27	44	58	62	68
Не чувств.	39	39	39	69	52	37	34	27
Затрудн.	4	6	3	4	4	5	4	5

Таблица 7. Кросс-табуляция: общность с россиянами и ответственность (2025 г., %)

Общность	% москв.	Чувств. отв.	Не чувств.	Затрудн.
Да	81	87	10	3
Нет	15	74	22	5
Затрудняюсь	4	78	14	9

Кросс-табуляция общности с россиянами и чувства ответственности выявляет статистически выраженную связь: среди тех, кто ощущает общность с гражданами России (81% от выборки), 87% одновременно чувствуют ответственность за страну. В группе не ощущающих такой общно-

сти (15%) доля «ответственных» падает до 74%, а доля «не чувствующих ответственность» удваивается (22% против 10%). Идентичность, таким образом, выступает значимым предиктором гражданской ответственности, хотя и не тождественна ей (табл. 7).

Обсуждение

Полученные данные позволяют сформулировать несколько аналитических наблюдений. Во-первых, Москва – вопреки расхожему стереотипу о «космополитичной столице» – демонстрирует уровень общероссийской идентичности, сопоставимый с федеральным, а по ряду замеров и превышающий его. ВЦИОМ в апреле 2023 г. зафиксировал, что 95% жителей Москвы и Санкт-Петербурга назвали себя патриотами – выше среднероссийских 91%. Наши данные показывают стабильные 78–82% по показателю «общность с россиянами», что также не уступает общенациональным трендам.

Во-вторых, и это, пожалуй, ключевой вывод: события 2022 г. произвели не кратковременный «всплеск», а структурный перелом в конфигурации идентичностей москвичей. Общероссийская общность укрепилась и удерживается на новом уровне, тогда как этническая и, что примечательно, локальная (московская) идентичность ослабли. Снижение «московского сепаратизма» на 5 п.п. за пять лет – факт, нуждающийся в осмыслении. Возможно, кризисная мобилизация сместила фокус самоидентификации с «я – москвич» на «я – россиянин», причём этот сдвиг не обратился вспять.

В-третьих, поколенческие различия сложнее дихотомии «патриотичные старшие vs оппозиционная молодёжь». Молодые москвичи (18–35 лет) сочетают высочайшую гражданскую идентичность с минимальной ответственностью и максимальной экономической солидарностью – конфигурация, зафиксированная Горшковым и Шереги [14] и обострившаяся к 2025 г. (табл. 5, 6).

Отдельного комментария заслуживает снижение этнической идентичности (–9 п.п. за пять лет). Этот процесс может интерпретироваться двояко: либо как вытеснение этничности гражданской идентичностью (конкурентная модель), либо как общая деэтнизация в условиях мегаполиса, где этнические границы объективно размываются. Второе объяснение подкрепляется тем, что снижение этнической общности наиболее заметно у молодёжи (57% в возрасте 18–25 лет), которая в меньшей степени воспроизводит этнические практики. Тишков ещё в 2019 г. описывал процесс «деэтнизации идентичности» как закономерное следствие урбанизации и цифровизации [4]; московские данные подтверждают этот прогноз.



Заключение

Мониторинговые данные 2021–2025 гг. позволяют утверждать, что общероссийская гражданская идентичность является устойчиво доминирующей формой коллективной самоидентификации москвичей. Она превосходит локальную, этническую, конфессиональную и политическую формы общности как по уровню распространённости, так и по приоритетности. При этом идентичность обнаруживает существенные поколенческие различия: молодые москвичи охотно причисляют себя к россиянам, но не переводят эту идентичность в плоскость гражданской ответственности, предпочитая солидарность по достатку. Старшие поколения, напротив, тесно увязывают идентичность с ответственностью за происходящее в стране.

Консолидационный эффект 2022 г. вышел за пределы стандартной модели «ралли вокруг флага»: общероссийская идентичность не вернулась к прежнему уровню, а закрепились на новом плато, тогда как политическая общность откатилась. Это свидетельствует о различных механизмах формирования двух типов солидарности – гражданско-национальной и политической.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением качественного анализа: какие смыслы москвичи вкладывают в понятие «россиянин», как различаются содержательные интерпретации гражданской идентичности в разных социальных группах, какую роль играет миграционный опыт в формировании идентичности жителей мегаполиса. Ответы на эти вопросы требуют дополнения количественных методов глубинными интервью и фокус-группами.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
3. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.
4. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
6. Фадеев П.В. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 3. С. 78–95.
7. ВЦИОМ. «Сила – в единстве!» 01.11.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sila-v-edinstve> (дата обращения: 10.01.2026).
8. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Eds. W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
9. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London: Verso, 2006. 240 p.
10. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983. 150 p.
11. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 283 p.
12. Рыжова С.В. И российская, и этническая: консолидирующий потенциал сдвоенной идентичности // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 4. С. 69–86.
13. Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57–64.
14. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
15. Казун А.Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растёт поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.

ALL-RUSSIAN IDENTITY: A MOSCOW SOCIOLOGICAL CASE STUDY 2020–2025

Laba L.Ya.

Research Institute of Social Systems

The article analyzes all-Russian civic identity based on monitoring sociological data collected among Moscow residents during 2021–2025. The research explores the interrelation of all-Russian, local (Moscow-specific), ethnic, and generational identities. A persistently dominant role of all-Russian identity is revealed, consistently outstripping ethnic and local forms of collective self-identification throughout the five-year period. Special attention is given to generational and gender differences in the perception of civic solidarity, as well as the correlation between identity and civic responsibility. The consolidation effect of 2022 and its subsequent dynamics are documented. The empirical base comprises annual surveys of Moscow residents (N=5000), compared with federal data from VTsIOM.

Keywords: all-Russian identity, civic identity, Moscow case study, generational differences, monitoring research, civic responsibility.



References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 25, 2025, № 858 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation through 2036». URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/> (Accessed January 10, 2026).
2. Drobizheva, L.M. Russian Identity: The Search for Definition and the Dynamics of Spread // Sociological Research. 2020. № 8. P. 37–50.
3. Drobizheva, L.M., Ryzhova, S.V. All-Russian Identity in the Sociological Dimension // Herald of the Russian Nation. 2021. № 1–2 (77–78). P. 39–52.
4. Tishkov V.A. Russian Identity: Internal and External Challenges // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. № 4. Pp. 408–412.
5. Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition / ed. I.S. Semenenko; IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir, 2017. 992 p.
6. Fadeev P.V. Russian State and Civil Identity through the Prism of Perception of History, Culture, and Sociopolitical Life // Sociological Science and Social Practice. 2022. Vol. 10. № 3. Pp. 78–95.
7. VTsIOM. «Strength is in Unity!» 01.11.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sila-v-edinstve> (access date: 01/10/2026).
8. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Eds. W.G. Austin, S. Worchel. – Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
9. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London: Verso, 2006. 240 p.
10. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983. – 150 p.
11. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 283 p.
12. Ryzhova S.V. Both Russian and Ethnic: The Consolidating Potential of Dual Identity // Sociological Journal. 2025. Vol. 31. № 4. P. 69–86.
13. Petrunina D.S. Transitional Generation: The Generational Identity of Millennials // Sociological Studies. 2022. № 2. P. 57–64.
14. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The Youth of Russia in the Mirror of Sociology. On the Results of Long-Term Research: [monograph]. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. 688 p.
15. Kazun, A.D. The ‘Rally Around the Flag’ Effect // How and Why Does Support for the Government Grow During Tragedies and International Conflicts? // Polis. Political Studies. 2017. № 1. P. 136–146.



Ценностные основы профессиональной готовности в эпоху Индустрии 5.0: сравнительный анализ студентов университетов России и Нигерии

Долапо Дуроджайе,

кафедра социологии, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского
E-mail: dolapo.durojaiye@outlook.com

Марковская Елизавета И.,

Российская президентская академия народного хозяйства и государственного управления
E-mail: markovskaya-ei@ranepa.ru

Статья исследует профессиональную готовность сквозь призму ценностной готовности студентов в двух демографически значимых контекстах: России и Нигерии. Первичные данные опроса в российских университетах ($N=238$, Шкала ценностной готовности; ШЦГ) позволяют построить эмпирический профиль ценностной готовности. Сравнительной основой для нигерийского контекста служат опубликованные материалы по готовности выпускников к трудовой деятельности и национальная статистика. Студенты российской выборки получили наивысшие баллы по шкале Непрерывного обучения и социальной ответственности ($M=4,14$) и наименьшие по шкале Жизнестойкости, гибкости и этики ($M=3,86$); ориентация на служение другим зафиксирована как наиболее низкий показатель по отдельным пунктам шкалы ($M=3,21$). Студенты со значительным опытом работы показали значимо более высокие результаты по факторам Личных и профессиональных ценностей ($p=0,026$, $d=0,35$), Межличностной и цифровой компетентности ($p=0,020$, $d=0,38$) и общему баллу ШЦГ ($p=0,034$, $d=0,34$); жизнестойкость остаётся инвариантной относительно уровня опыта. Иностранные студенты показали значимо более высокие баллы по личным и профессиональным ценностям в сравнении с гражданами России ($p=0,011$, $d=0,33$). Анализ по полу выявил значимый разрыв в межличностной и цифровой компетентности в пользу мужчин ($p=0,029$, $d=0,29$), что согласуется с литературой по цифровой самооэффективности. По Нигерии опубликованные данные свидетельствуют о предпринимательской адаптивности, формируемой экономической нестабильностью и эмиграционной ориентацией молодёжи, наряду с институциональными дефицитами, препятствующими целенаправленному формированию ценностных диспозиций. Для каждого контекста разработаны рекомендации в области образовательной и кадровой политики; ШЦГ предлагается в качестве межнационального диагностического инструмента.

Ключевые слова: аксиологическая инфраструктура, высшее образование, Индустрия 5.0, Нигерия, профессиональная готовность, Россия, студенты университетов, ценностная готовность

Introduction

Industry 5.0 places the human worker at the centre of production ecosystems defined by well-being, sustainability, and resilience.[1] For higher education, the implication is direct: technical competence is necessary but insufficient for professional readiness. A graduate who cannot maintain value-aligned behaviour under conditions of ethical ambiguity or structural uncertainty is not prepared for the Industry 5.0 workplace, whatever their credential.

Employer surveys across Russia and wider European contexts document a persistent gap between certified competence and demonstrated professional behaviour.[2] This gap is not primarily instructional. Graduates may be technically trained and yet lack the dispositional capacity to deploy their competences under novel or ethically complex demands. The mediating construct is axiological infrastructure: the value architecture that determines whether, and in what direction, professional competences are activated in organisational contexts. It is defined and developed in the Theoretical Framework.

Professional readiness in two demographically significant contexts, Russia and Nigeria, is examined here through the lens of value readiness. Both countries have large university cohorts, predominantly Gen Z, navigating Industry 5.0 pressures from positions of partial industrial development. Both face a gap between higher education output and labour market demand for graduates whose value orientations are adequate to Industry 5.0 requirements. The institutional conditions through which that gap is produced differ substantially, and those differences give the comparison analytical weight.

Nigeria's graduate youth unemployment rate exceeded 53 percent as of 2022, according to National Bureau of Statistics data.[3] This reflects a higher education system expanding faster than formal economy absorption capacity, alongside a documented wave of emigration among educated young Nigerians. When a significant share of Gen Z graduates orient their preparation toward international labour markets, globally deployable value competence acquires practical urgency. The Russia-Nigeria comparison tests whether the value-readiness deficit identified empirically in the Russian sample is a feature of structured higher education environments more broadly or a context-specific pattern, and what the answer implies for policy in each case.

Three research questions organise the analysis: What value-readiness profiles characterise university students in the Russian sample, and which dimensions are most and least developed? How do the structural conditions shaping graduate professional readiness in Nigeria, as characterised in the Gen Z-focused published literature, compare with the Russian empirical profile, and what do convergences and divergences suggest? What are the implications for higher education and workforce policy in each country?

Theoretical framework

Professional readiness in Industry 5.0 contexts depends on value architecture as much as technical skill. The framework applied here draws on four theoretical traditions that together explain why values determine whether competences are activated and how structural conditions mediate that activation.

Schwartz's Basic Human Values Theory[4] identifies ten universal value types organised along two bipolar axes: Openness to Change versus Conservation, and Self-Transcendence versus Self-Enhancement. Industry 5.0 workplaces systematically favour the Self-Transcendence and Openness to Change quadrant, encompassing Universalism, Benevolence, and Self-Direction. Institutional education tends, through its assessment and reward structures, to reinforce Achievement and Conformity orientations. Students whose learning environment rewards conformant performance are therefore not being prepared for contexts requiring adaptive ethical judgment. A value profile developed under institutional conditions is not, by that fact, an activation-ready orientation.

Holland's person-environment fit model[5] establishes that value readiness is activated differentially by congruence between a student's value orientation and the occupational environment they enter. Identical value profiles produce different readiness outcomes in different labour market contexts. The Russia-Nigeria comparison rests on this point: the two countries present structurally distinct occupational environments, and the same VRS score does not map onto the same professional outcome across them. Kristof-Brown, Zimmerman and Johnson[12] confirm through meta-analysis that value alignment with the work environment predicts organisational commitment, job satisfaction, and retention beyond what competency measures alone explain.

Social Cognitive Career Theory[6] links self-efficacy, outcome expectations, and contextual supports to career development. In value-readiness terms, students in resource-constrained or institutionally under-supported environments face structural barriers that suppress the translation of value orientations into professional behaviour regardless of orientation strength. Brown and Lent's[13] review of SCCT at 25 years confirms that career self-management, including the capacity to navigate transitions and sustain goal-di-

rected behaviour under uncertainty, remains strongly predicted by self-efficacy even as the model's scope has expanded. SCCT explains why comparable value-readiness profiles generate divergent professional outcomes across national institutional contexts.

The framework draws on Leonova's conceptualisation of professional self-determination as a continuous process of aligning internal value orientations with shifting socio-economic demands,[7] rather than a fixed endpoint of curriculum completion. Subjective well-being at work, organisational commitment, and innovation behaviour are conditioned by the prior consolidation of value alignment, not independent of it. Zakharova and Savicheva[8] demonstrate, within the same research tradition, that students with different psychological readiness profiles diverge in their work intentions even when technical preparation is held constant. Zakharova, Saralieva and Leonova[9] establish the link between value-based subjective well-being and innovation acceptance in organisational contexts. A cross-national comparative application of this framework has not previously been reported in the peer-reviewed literature.

Axiological infrastructure designates the structural relationship among a graduate's value orientations: whether those orientations are internally consistent, held under pressure, and aligned with the normative demands of the work environment they are entering. The distinction between values as orientation and values as operational capacity is consequential. A graduate may register high scores on integrity, adaptability, and civic responsibility under survey conditions and still lack the dispositional robustness to act on those orientations when facing genuine ethical complexity or institutional unreliability. Axiological infrastructure is strong when values function as regulators of professional behaviour across contexts, including adverse ones. It is weak when they function as dispositions that require stable, supportive conditions to express.

The concept has clear antecedents in Bourdieu's habitus, durable dispositions that generate practice across varied conditions, but differs from it on one decisive point.[4] Bourdieu treated habitus as structurally resistant to formalised measurement; axiological infrastructure is defined precisely so that it can be measured. F5 of the VRS functions as a direct empirical proxy for activation capacity, making the distinction between value orientation and value enactment operationally tractable for diagnostic use in educational and organisational settings. Assessing orientation without assessing activation capacity understates the readiness deficit that Industry 5.0 workplaces expose.

Within the VRS five-factor structure, F1 (Personal and Professional Values) and F4 (Lifelong Learning and Social Responsibility) capture orientation; F5 (Resilience, Flexibility, and Ethics) captures activation capacity. F2 (Adaptability and Problem-Solving) and F3 (Interpersonal and Digital Competence) occupy an intermediate position, developing through struc-



tured educational experience and practised interaction and bridging stable dispositional orientation and its context-sensitive enactment. The F5 deficit documented in this article is a deficit in axiological infrastructure rather than in the value orientations that precede it. That F5 is both the weakest factor in the sample and the dimension least responsive to work experience indicates that activation capacity does not develop through routine professional exposure but requires deliberate pedagogical cultivation.

The Value Readiness Scale, developed from the theoretical framework introduced by Leonova and Durojaiye,[7] operationalises that framework across five confirmed factors. F1 (Personal and Professional Values) covers integrity, accountability, ethical standards, professional competence, and service orientation across six items. F2 (Adaptability and Problem-Solving) covers adaptive capacity, intellectual curiosity, problem-solving confidence, critical analysis, and creative ideation across five items. F3 (Interpersonal and Digital Competence) covers teamwork, cross-audience communication, digital tool literacy, and online information evaluation across four items. F4 (Life-long Learning and Social Responsibility) covers diverse perspective-seeking, intercultural comfort, learning motivation, social and environmental responsibility, and civic business orientation across five items. F5 (Resilience, Flexibility, and Ethics) covers idea-seeking under pressure, stress recovery, experimentation under uncertainty, situational resilience, work-approach adjustment, technology adaptation, ethical identification, and values-aligned decision-making across eight items. The five-factor correlated structure was confirmed by confirmatory factor analysis using robust maximum likelihood estimation on a Russian university student sample ($N=232$): $X^2(340)=512.34$, $p<.001$, $X^2/df=1.507$, $CFI=.948$, $TLI=.942$, $RMSEA=.047$ [90% CI: .038, .055], $SRMR=.051$. All standardised factor loadings were significant ($p<.001$) and ranged from .59 to .81. Composite reliability ranged from .853 to .898, and all AVE values met or exceeded the .50 threshold for convergent validity. Internal consistency for the full scale was $\alpha=.950$, $\omega=.952$.

Socio-economic context: Russia and Nigeria

Russian higher education enrolls approximately 4.3 million students across a system under sustained reform pressure linked to national digitalisation and innovation programmes. The Priority 2030 initiative positions leading universities as drivers of regional innovation ecosystems rather than credential providers alone. Gen Z students enter a labour market with growing demand for digital, analytical, and collaborative competencies against a contracting demographic cohort. The institutional pathway from university to employment is comparatively well-defined, shaping how students understand professional readiness as the capacity to function ef-

fectively within existing organisational structures rather than to create or reshape them.

Russian higher education cultivates learning motivation and value awareness effectively, as the empirical findings below confirm. What it develops less systematically is the dispositional robustness to act on values when the institutional frame becomes unreliable, ambiguous, or ethically contested. Structured educational environments tend to minimise precisely the conditions that build resilience, experimentation tolerance, and values-aligned decision-making under pressure.

Nigeria's structural situation differs across nearly every relevant dimension. Africa's most populous country, with approximately 220 million people of whom roughly 60 percent are under 25, Nigeria produces university graduates at a scale the formal economy absorbs only partially. The National Bureau of Statistics reported youth unemployment above 53 percent in 2022,[3] a figure that published workforce readiness research links to a persistent mismatch between curricula and labour market demands rather than to cyclical economic conditions.[14,15] The National Universities Commission's competency-based curriculum reform signals institutional recognition of the problem, but implementation remains uneven, constrained by faculty development gaps and infrastructure deficits.[10]

Nigeria's Digital Economy Policy and the Startup Act (2022)[11] represent coherent state commitments to digital-industrial development, but the bridge between policy intent and graduate preparation at the institutional level remains underdeveloped. Nigerian Gen Z students, a characterisation drawn from the published literature on Nigerian youth labour markets rather than from the empirical sample of the present study, participate actively in platform economies, social media ecosystems, and digital entrepreneurship networks. Published analyses of Nigeria's digital skills landscape document a gap between this platform-level fluency and the applied digital competence that formal Industry 5.0 workplaces require, attributed partly to infrastructure constraints including internet penetration below 60 percent and less than seven hours of daily electricity access in average households.[16]

The Japa wave gives Nigeria's value-readiness challenge a dimension absent from the Russian context. The term, derived from Yoruba and denoting departure from an unpleasant situation, has shifted from colloquial usage to an academically studied emigration phenomenon among Nigerian youth.[17,18] Okunade and Awosusi[17] document that economic precarity, institutional unreliability, and perceptions of political dysfunction are the primary structural drivers of this emigration orientation. Liu[18] characterises the phenomenon not as mere migration preference but as a sense of urgency forged by repeated institutional failures, including nine extended university strikes over thirteen years. Among students preparing for in-

ternational labour markets, this orientation generates alignment with the Universalism and Self-Direction value profile in Schwartz's framework[4] that Industry 5.0 demands. The available evidence does not, however, establish whether this orientation reflects deliberate value formation or reactive adaptation to structural adversity, and the two produce different kinds of value readiness, with different implications for what educational intervention can accomplish.

The workforce readiness literature documents behavioural adaptability among Nigerian graduates shaped by economic precarity and institutional unreliability.[14,15] Whether this experiential adaptability has been consolidated into the deliberate professional dispositions that Industry 5.0 workplaces require is not established in the published literature. Reactive coping and deliberate axiological infrastructure are distinct constructs, and educational reform can address one more directly than the other.

Methodology

Primary data were collected via the Value Readiness Scale[7] administered online across multiple universities in Nizhny Novgorod and other Russian cities in January and February 2026. The initial sample comprised 276 respondents. One embedded attention check screened for careless responding: respondents who did not select Agree (response option 4) for Item 15, which instructs the participant to select that response as a reading-verification item, were excluded, producing an exclusion rate of 13.8% (n=38) and an analytic sample of N=238. Two F5 items were unanswered by 10 respondents; their F5 and Total VRS scores were computed from the remaining available items (minimum 6 of 8 items required), consistent with prorated scale scoring. Differences between prorated and listwise means are negligible (less than 0.01 scale points) and do not affect interpretation.

Gender composition: 50.8% male (n=121), 47.9% female (n=114), 1.3% prefer not to say (n=3). Age distribution: 50.4% aged 16 to 20, 37.4% aged 21 to 30, 8.0% aged 31 to 35, 3.4% aged 35 and above. Year of study: 32.4% first-year undergraduates, 15.5% Masters first-year, 14.3% second-year undergraduates, 13.4% third-year, 8.4% PhD candidates, 7.6% Masters second-year, 5.5% fourth-year, 2.9% fifth-year specialist. Fields of study include Computer Science and IT (16.0%), Economics and Business (14.7%), Natural Sciences (13.0%), Linguistics (8.0%), Social Sciences (8.0%), Medicine (8.0%), Architecture and Design (5.9%), Engineering (5.5%), and others.

Citizenship composition warrants particular attention: 66.8% Russian citizens (n=159), 30.3% international students from outside Russia (n=72), and 1.3% dual citizenship or prefer not to disclose (n=3). An international student proportion of 30.3% is demographically atypical for a Russian university student sample and has direct analytical consequences. Because in-

ternational students score significantly higher than Russian citizens on F1 (M=4.29 vs. M=4.06, $d=0.33$, $p=0.011$), the full-sample F1 mean of 4.13 is inflated relative to the Russian-citizen subsample mean of 4.06. All full-sample factor means presented in this article describe this specific mixed-citizenship sample at the surveyed universities; they are not population estimates for Russian university students as a whole. The framing of the paper as a study of university students in Russia, rather than a study of Russian students, reflects this composition accurately.

Work experience: 41.2% report No experience (n=98), 19.7% part-time under one year, 12.6% internship only, 17.6% substantial experience of one year or more (n=42), 8.8% currently working full-time while studying (n=21). The VRS measures value readiness on a five-point Likert scale (1=Strongly Disagree, 5=Strongly Agree) across 28 scored items. Factor scores are mean item scores within each subscale. Subgroup comparisons used independent-samples t-tests with degrees of freedom reported per comparison; effect sizes are reported as Cohen's d. For the work experience comparison, the substantial experience and full-time groups are combined (n=63) and contrasted against the no-experience group (n=98). Post-hoc power for the three significant work experience comparisons ranges from 0.58 to 0.64 at $\alpha=.05$, below the conventional 0.80 threshold. These comparisons are accordingly exploratory; replication with larger subgroup samples is required before treating them as confirmatory. The Nigerian analysis draws on published secondary sources: national labour force statistics, policy documents, and peer-reviewed workforce readiness literature. This asymmetric design interprets Russian empirical findings against documented Nigerian structural conditions; it does not produce directly comparable scale scores across countries.

Value-readiness profiles among university students in Russia

Mean VRS total score across the analytic sample is 4.02 (SD=0.61). Because the sample includes both Russian citizens and international students, full-sample means reflect the mixed-citizenship composition described above. Table 1 presents factor-level descriptive statistics.

Table 1. VRS factor descriptive statistics, full analytic sample (N=238). Russian-citizen subsample (n=159): F1=4.06, F2=4.11, F3=3.87, F4=4.14, F5=3.84, Total=3.99. Source: authors' calculations.

Factor	M	SD	Min	Max	Items
F1: Personal/ Professional Values	4.13	0.64	1.00	5.00	6
F2: Adaptability/ Problem-Solving	4.12	0.71	1.00	5.00	5
F3: Interpersonal/ Digital Competence	3.89	0.76	1.00	5.00	4



Окончание

Factor	M	SD	Min	Max	Items
F4: Lifelong Learning/Social Responsibility	4.14	0.70	1.00	5.00	5
F5: Resilience/Flexibility/Ethics	3.86	0.69	1.00	5.00	8
Total VRS	4.02	0.61	1.00	5.00	28

F4 (Lifelong Learning and Social Responsibility, $M=4.14$) and F1 (Personal and Professional Values, $M=4.13$) are the strongest factors, followed closely by F2 ($M=4.12$). Accountability is the highest-scoring single item ($M=4.48$), followed by curiosity ($M=4.42$) and learning motivation ($M=4.39$). Students in this sample hold strong orientations toward personal responsibility, intellectual engagement, and ongoing development, orientations central to the Schwartz Self-Transcendence quadrant[4] and consistent with Industry 5.0 human-centric requirements.

F5 (Resilience, Flexibility, and Ethics, $M=3.86$) is the weakest factor. The deficit is precisely located at item level: situational resilience $M=3.42$, stress recovery $M=3.55$, and experimentation under uncertain outcomes $M=3.76$. These items measure the activation dimension of axiological infrastructure, the capacity to maintain value-aligned behaviour when conditions are adverse. Technology adaptation ($M=3.92$) and ethical identification ($M=3.87$) score substantially higher within F5, confirming that the deficit sits in the functioning-under-adversity items specifically. Within F1, service orientation records $M=3.21$ ($SD=1.22$), the lowest-scoring item in the entire scale. Students endorse integrity ($M=4.38$) and accountability ($M=4.48$) strongly, but professional aspirations in this sample are not yet organised around serving others. This gap reflects a genuine distinction between values held as personal attributes and values understood as professional obligations extending to wider society.

Citizenship analysis identifies one significant difference. International students score higher than Russian citizens on F1 ($M=4.29$ vs. $M=4.06$, $t(229)=-2.58$, $p=0.011$, $d=0.33$); No other factor differs significantly by citizenship. This effect inflates the full-sample F1 mean. The moderate effect size is consistent with acculturation dynamics: students who have navigated cross-institutional transitions have been required to articulate and defend personal professional values in ways that students operating within familiar institutional environments have not.

Gender analysis reveals a significant difference on F3 (Interpersonal and Digital Competence): males score higher than females ($M=4.00$ vs. $M=3.78$, $t(233)=2.20$, $p=0.029$, $d=0.29$). F5 shows a trend in the same direction ($p=0.084$, $d=0.23$) that does not reach significance. No other factor differs significantly by gender. F3 combines teamwork, cross-audience communication, digital tool literacy, and online information evaluation; it is not a pure digital skills meas-

ure. Item-level inspection indicates the gap is concentrated in digital self-efficacy. Christensen's[19] cross-national meta-analysis documents a small but consistent male advantage in self-assessed technological ability (d approximately 0.20), attributed to gender stereotypes that lead females to underestimate their own ICT competence relative to their actual performance. A second meta-analysis of 50 studies confirms digital self-efficacy as the most persistent locus of the gender gap in technology attitudes in university populations.[20] Digital tool use ($M_{\text{male}}=4.12$ vs. $M_{\text{female}}=3.71$) and online information evaluation ($M_{\text{male}}=4.14$ vs. $M_{\text{female}}=3.82$) account for the majority of the F3 gap; cross-audience communication shows a negligible difference ($M_{\text{male}}=3.74$ vs. $M_{\text{female}}=3.69$). Structured exposure to applied digital tasks in confidence-building assessment contexts is the more precisely targeted pedagogical response.

Work experience affects value dimensions selectively. Students with substantial experience ($n=63$) score significantly higher than those with No experience ($n=98$) on F1 ($M=4.29$ vs. $M=4.06$, $t(159)=-2.25$, $p=0.026$, $d=0.35$), F3 ($M=4.08$ vs. $M=3.79$, $t(159)=-2.35$, $p=0.020$, $d=0.38$), and Total VRS ($M=4.16$ vs. $M=3.95$, $t(159)=-2.14$, $p=0.034$, $d=0.34$). F2 and F4 show positive trends below significance ($p=0.071$ and $p=0.073$ respectively). F5 does not differ ($M=3.96$ vs. $M=3.80$, $t(159)=-1.46$, $p=0.145$, $d=0.23$). Table 2 presents full results. Given the exploratory power levels noted in the Methodology section, the significant findings on F1, F3, and Total VRS are interpreted as directional rather than confirmatory.

Table 2. VRS factor scores by work experience: No experience ($n=98$) vs. substantial/full-time experience ($n=63$). $df=159$ for all comparisons. * $p<.05$. Post-hoc power for significant effects: $F1=0.58$, $F3=0.64$, $Total=0.54$. These comparisons are exploratory pending replication with larger subgroup samples. Source: authors' calculations.

Factor	No Exp M	No Exp SD	Exp M	Exp SD	t	df	p	d
F1	4.06	0.52	4.29	0.74	-2.25	159	.026*	0.35
F2	4.03	0.63	4.23	0.78	-1.82	159	.071	0.29
F3	3.79	0.73	4.08	0.77	-2.35	159	.020*	0.38
F4	4.12	0.60	4.31	0.72	-1.80	159	.073	0.29
F5	3.80	0.63	3.96	0.71	-1.46	159	.145	0.23
Total VRS	3.95	0.52	4.16	0.67	-2.14	159	.034*	0.34

Work exposure significantly develops the practical and interpersonal dimensions of value readiness: personal professional values (F1) and interpersonal and digital competencies (F3) both show significant effects. F2 and F4 show positive trends that may reflect insufficient subgroup power. F5 is the outlier: with the smallest effect size of all factors ($d=0.23$, $p=.145$) and

No significant difference, resilience, experimentation tolerance, and ethical activation under pressure do not appear to develop through ordinary work placement. Their cultivation requires deliberate exposure to genuine uncertainty and ethical challenge rather than routine task-completion in defined roles.

Comparative analysis: convergences and divergences

Table 3 organises the comparison across four dimensions central to Industry 5.0 professional readiness. The Russia column draws directly on VRS data from the current study. The Nigeria column represents a synthesised structural account drawn from published workforce readiness literature and national data; it does not repre-

sent measured scale scores, and No cell-level statistical comparison between the two columns is warranted.

The most analytically instructive divergence concerns the character of resilience in each context. The Russian sample's F5 deficit is located specifically in functioning under adversity. Technology adaptation ($M=3.92$) and ethical identification ($M=3.87$) score substantially higher within F5 than situational resilience ($M=3.42$) and stress recovery ($M=3.55$), confirming that the shortfall is in the activation items rather than in orientation or adaptation. This reflects the structured educational environment: predictable assessment criteria and reliable institutional support are valuable learning conditions, but they do not generate the adaptive stress exposure from which resilience as a deployable axiological capacity develops.

Table 3. Comparative value-readiness profile: Russia and Nigeria. Russia column = primary VRS survey data ($N=238$). Nigeria column = synthesised structural characterisation from published sources; entries are not measured scale scores. No statistical comparison between columns is warranted. Source: authors' compilation.

Russia (VRS data, $N=238$)	Nigeria (synthesised from published literature; entries are not measured scale scores)
Resilience and activation capacity Weakest factor (F5, $M=3.86$); situational resilience $M=3.42$, stress recovery $M=3.55$, experimentation tolerance $M=3.76$; invariant across work experience levels ($d=0.23$, $p=.145$)	High behavioural adaptability forged by structural precarity [14,15]; deliberate consolidation into professional dispositions not yet institutionally supported [15]; Japa orientation documented as generating urgency toward globally deployable resilience [17,18]
Digital and interpersonal competence F3 second weakest ($M=3.89$); cross-audience communication $M=3.71$; significant gender gap ($p=.029$, $d=0.29$); significant work experience effect ($p=.020$, $d=0.38$)	High platform fluency documented [16]; applied digital competence uneven and infrastructure-constrained (internet penetration below 60%, daily electricity access below 60.5%) [16]; gap between platform-level activity and formal professional competence noted in published analyses
Service and civic orientation Service as career driver scores lowest in the scale ($M=3.21$, $SD=1.22$); social and environmental responsibility $M=3.85$; values held as personal attributes rather than outward professional obligations	Strong communal and familial ethical obligations documented [14]; sustainability orientation framed relationally rather than civically; whether civic professional service orientation is institutionally consolidated is not established in the available evidence
Adaptability and learning orientation Learning motivation $M=4.39$; curiosity $M=4.42$; idea-seeking under pressure strongest F5 item ($M=4.02$); adaptability operates primarily within institutional structures	Entrepreneurial orientation characterised as structural default shaped by economic necessity [14,15]; Japa-driven urgency generating proactive global professional preparation [17,18]; initiative-taking precedes institutional permission [14]

Published research on Nigerian Gen Z graduates characterises a different resilience pattern. Economic precarity, nine extended university strikes over thirteen years,[18] and the structural unreliability of public institutions have, according to the workforce readiness literature,[14,15] produced graduates who are behaviourally adaptive in ways shaped by necessity rather than pedagogical design. Okunade and Awosusi[17] document that this adversity-forged orientation generates emigration intentions but also, for students remaining in the Nigerian system, a proactive agency in professional preparation that published analyses describe as more visible than in graduates of more structured educational environments. Whether this constitutes robust axiological infrastructure in the sense defined in this paper, or remains reactive positioning contingent on structural adversity, the available evidence does not resolve.

Russian students in this sample hold strong value orientations but lack the activation capacity to de-

ploy them under adversity. Nigerian graduates, according to the published literature, have developed behavioural flexibility without necessarily the reflective value-alignment framework to direct it. Expanding competency-based curricula addresses neither deficit.

Both contexts share a service orientation deficit with different structural origins. In the Russian sample, students score low on service as a career driver ($M=3.21$) while holding strong personal ethical commitments (integrity $M=4.38$, accountability $M=4.48$), indicating values held as personal attributes rather than obligations extending outward. Published workforce readiness research on Nigeria characterises strong communal and familial ethical obligations among graduates,[14] but the frame is relational rather than civic. Industry 5.0's human-centric sustainability mandate requires graduates who have connected their ethical orientation to the wider social purposes their professional roles will implicate. The available evidence suggests neither system currently cultivates that connection reliably.

On digital competence, the empirical Russian data and the published Nigerian characterisations converge in a structurally asymmetric pattern. Russian students in this sample show adequate formal digital tool literacy ($M=3.93$) but weak cross-audience communication ($M=3.71$), a gap in the interpersonal dimension of digital interaction consistent with what the self-efficacy literature predicts.[19,20] Published analyses of Nigeria's digital landscape describe strong platform-level communicative fluency alongside formal digital competence constrained by infrastructure deficits.[16] Industry 5.0 workplaces require both technical and interpersonal digital capacity; on current evidence, neither educational system cultivates both consistently, though the nature of each gap differs.

Implications for higher education and workforce policy

Students in this sample have developed value awareness and learning motivation. What conventional educational experience is not consolidating is the axiological infrastructure that activates those values under conditions of uncertainty. Closing this gap requires pedagogical conditions that create genuine uncertainty: problem-based learning with ill-defined outcomes, cross-disciplinary collaborative projects where role boundaries are ambiguous, and assessment designs that reward adaptive recovery and ethical reflection under pressure. Leonova's framing of professional self-determination as a continuous alignment process[7] provides the theoretical grounding. If readiness is dynamic and relational, the pedagogical task is building navigational capacity rather than attaining endpoint certification.

Service orientation records the lowest single-item score in the scale ($M=3.21$), and the pattern carries a direct curriculum implication. Industry 5.0's human-centric mandate is inseparable from commitment to serving social goods, and universities that position professional ethics as a standalone elective, rather than threading it through disciplinary programmes, are systematically under-cultivating that orientation. Placements built around structured ethical challenge and genuine uncertainty, rather than supervised task execution in defined roles, would address the F5 deficit that conventional placements leave untouched.

The gender gap on F3 ($d=0.29$) points to a specific institutional intervention. Item-level analysis confirms that the gap is concentrated in digital tool literacy ($M_{\text{male}}=4.12$ vs. $M_{\text{female}}=3.71$) and online information evaluation ($M_{\text{male}}=4.14$ vs. $M_{\text{female}}=3.83$), with cross-audience communication showing a negligible difference ($M_{\text{male}}=3.74$ vs. $M_{\text{female}}=3.69$). The locus is digital self-efficacy rather than interpersonal communication skill. The pedagogical implication is structured exposure to applied digital tasks in low-stakes, confidence-building assessment contexts. This interpretation is consistent with the self-efficacy literature[19,20] but rests on a single-sample analy-

sis and should be treated as a directional hypothesis requiring replication before informing specific instructional design decisions.

Nigeria's policy challenge is different in kind. The NUC's competency-based framework[10] provides structural architecture, but value-readiness cultivation requires faculty who model the value orientations they are asked to develop, assessment systems that reward reflective engagement over performance display, and industry-university partnerships that give students access to environments where value alignment is observable and discussable. The Japa orientation documented in the emigration literature[17,18] represents an institutional asset Nigerian universities have not yet systematically mobilised. Students orienting toward global labour markets already carry motivation toward the universalist and self-directed value profile that Industry 5.0 demands. Curricula that make this orientation explicit, framing global professional preparation as value development rather than skills acquisition, would build on what the structural context has already begun to cultivate. Whether this holds empirically requires direct testing through VRS administration in Nigerian universities; that remains the necessary next step before this can function as a policy recommendation.

The VRS provides a diagnostic capacity that credential-based assessment does not. Administering the scale at programme entry and exit would allow institutions to track value-readiness development as a distinct educational outcome and to identify the specific curricular and pedagogical conditions that produce change. As a validated instrument with confirmed five-factor psychometric structure and demonstrated applicability across a sample spanning 14 countries of student citizenship, it is positioned for cross-national deployment. Direct VRS administration in Nigerian universities is the necessary next step for transforming the structural comparison offered here into a full empirical one.

Conclusion

The value-readiness profiles documented in the Russian sample and reconstructed from published literature for Nigeria point to a shared structural finding. Higher education in both contexts produces graduates with genuine value awareness, and in the Russian sample strong learning motivation, but without the activation capacity that Industry 5.0 workplaces require. Axiological infrastructure, the value architecture that determines whether professional orientations become operative under the uncontrolled conditions of actual work, is the gap that conventional competency frameworks cannot detect.

In the Russian sample, the deficit sits in resilience, experimentation tolerance, and service orientation, reflecting institutional environments where structured pathways reduce demand for value activation under adversity. Work exposure builds personal professional values and interpersonal-digital competence but leaves resilience development largely untouched.

For Nigeria, the published workforce readiness literature indicates that entrepreneurial adaptability and emigration-driven global orientation are genuine value resources. Whether the Nigerian educational system has converted these resources into deliberate professional dispositions is not established in the published literature. Both gaps are real, and both are explained by the same theoretical framework. The Russian gap is empirically measured by the VRS in the current study; the Nigerian gap is characterised through published literature and awaits direct measurement.

Three limitations frame these conclusions. The Russian sample draws from universities concentrated in the Nizhny Novgorod region, includes 30.3% international students, and has first-year undergraduates as its largest cohort (32.4%); full-sample means should not be generalised to Russian university students as a population. Work experience subgroup comparisons are exploratory given post-hoc power levels of 0.54 to 0.64. The Nigerian analysis is entirely literature-grounded; the structural characterisations offered here represent interpretations of published evidence, not measured profiles. Direct VRS administration in Nigerian universities is the necessary next research step, transforming the structural comparison offered here into a full empirical one and extending cross-national validity evidence for the instrument.

Литература

1. Европейская комиссия (2021) Индустрия 5.0: На пути к устойчивой, человекоцентричной и жизнеспособной европейской промышленности. Издательство Европейского союза, Люксембург.
2. Гроте Г., Фрибе Дж. (2022) Трудоспособность и адаптивность к карьере в контексте цифровой трансформации. Журнал профессионального поведения 135: 103711. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103711>
3. Национальное бюро статистики Нигерии (2022) Обследование рабочей силы Нигерии, 4 квартал 2022 г. НБС, Абуджа.
4. Шварц Ш.Х. (1994) Существуют ли универсальные аспекты в содержании и структуре ценностей? Журнал социальных проблем 50(4): 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
5. Holland JL (1997) Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments, 3rd edn. Psychological Assessment Resources, Odessa, FL.
6. Lent RW, Brown SD, Hackett G (1994) Toward a unifying social cognitive theory of career and academic interest, choice, and performance. Journal of Vocational Behavior 45(1): 79–122. <https://doi.org/10.1006/jvbe.1994.1027>
7. Леонова И.С., Дуроджайе Д (2025) Ценностная готовность студентов к работе в новых социально-экономических реалиях: теоретический обзор. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки 2(78): 128–139.
8. Захарова Л.Н., Савичева А.В. (2022) Трудовые намерения студентов индустриальных колледжей с различным уровнем психологической готовности к работе в инновационной компании. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки 2(66): 148–156.
9. Захарова Л, Саралиева З, Леонова И (2022) Субъективное благополучие на рабочем месте как социальное действие: возможности управления и самоуправления. В: Иртелли Ф., Габриэлли Ф. (редакторы) Счастье и благополучие: биопсихосоциальные и антропологические перспективы. ИнтехОпен, Лондон. <https://doi.org/10.5772/intechopen.106595>
10. Национальная комиссия университетов Нигерии (2020) Основная учебная программа и минимальные академические стандарты для нигерийских университетов. NUC, Абуджа.
11. Федеративная Республика Нигерия (2022) Закон Нигерии о стартапах. Официальный вестник, том 109, № 133. <https://www.placng.org/wp-content/uploads/2022/11/Nigerian-Startup-Act-2022.pdf> [Дата обращения: 21.02.2026]
12. Кристоф-Браун А.Л., Циммерман Р.Д., Джонсон Э.К. (2005) Последствия соответствия личности и работы: метаанализ соответствия личности и работы, личности и организации, личности и группы, а также личности и руководителя. Психология персонала 58(2): 281–342. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00672.x>
13. Браун С.Д., Лент Р.В. (2019) Социально-когнитивная теория карьеры в 25 лет: прогресс в изучении моделей удовлетворенности сферой деятельности и самоменеджмента карьеры. Журнал оценки карьеры 27(4): 563–578. <https://doi.org/10.1177/1069072718806667>
14. Адейеми Т.О., Огунсакин Б.О. (2022) Трудоустройство выпускников и профессиональная готовность среди нигерийских студентов университетов: роль предпринимательской ориентации и цифровых навыков. Журнал исследований в области африканского образования 9(1): 31–48.
15. Эбиринга ОТ, Икерионву КО, Эрике АЙ (2024) Новая модель трудоустройства для повышения готовности к работе и развития карьеры среди нигерийских выпускников. Африканский журнал гуманитарных и современных исследований в области образования 17(1).
16. TechCabal Insights (2025) Цифровой разрыв в навыках в Нигерии в четырех диаграммах. TechCabal, Ларос. <https://insights.techcabal.com/nigerias-digital-skills-gap/> [Дата обращения: 21.02.2026]
17. Окунаде СК, Авосуси ОЭ (2023) Синдром Джапа и миграция нигерийцев в Соединенное Ко-



ролевство: эмпирический анализ. Сравнительные миграционные исследования 11: 27. <https://doi.org/10.1186/s40878-023-00351-2> [Дата обращения: 21.02.2026]

18. Лю Дж. Дж. (2023) Джапа, или бежать, или убежать: нигерийская молодежь и неотложность отъезда. Инвентаризация мобильности и социально-экономических изменений MoLab. Институт социальной антропологии Макса Планка. <https://doi.org/10.48509/MoLab.6432> [Дата обращения: 21.02.2026]
19. Кристенсен М. А. (2023) Отслеживание гендерного разрыва в уверенности в вычислительной технике: межстрановой метаанализ гендерных различий в самооценке технологических способностей. Исследования в области социальных наук 111: 102795. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2023.102853>
20. Цай Ч., Фань С., Ду Дж. (2017) Гендер и отношение к использованию технологий: метаанализ. Компьютеры и образование 105: 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2016.11.003>

VALUE FOUNDATIONS OF PROFESSIONAL READINESS IN THE INDUSTRY 5.0 ERA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF UNIVERSITY STUDENTS IN RUSSIA AND NIGERIA

Dolapo Durojaiye, Markovskaya E.I.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines professional readiness through the lens of value readiness in two demographically significant contexts, Russia and Nigeria. Primary survey data from Russian universities (N=238, Value Readiness Scale; VRS) establish an empirical value-readiness profile. Published workforce readiness literature and national data provide the comparative basis for Nigeria. Russian students score highest on Lifelong Learning and Social Responsibility (M=4.14) and lowest on Resilience, Flexibility, and Ethics (M=3.86), with service orientation recording the lowest single item in the scale (M=3.21). Students with substantial work experience score significantly higher than those with none on Personal and Professional Values (p=0.026, d=0.35), Interpersonal and Digital Competence (p=0.020, d=0.38), and Total VRS (p=0.034, d=0.34); resilience remains invariant across experience levels. International students score significantly higher than Russian citizens on Personal and Professional Values (p=0.011, d=0.33). Males score higher than females on Interpersonal and Digital Competence (p=0.029, d=0.29), consistent with the digital self-efficacy literature. Published evidence on Nigeria indicates entrepreneurial adaptability cultivated by economic precarity and emigration-driven global orientation alongside institutional deficits that suppress deliberate value consolidation. Distinct policy implications are drawn for each context, and the VRS is proposed as a cross-national diagnostic instrument.

Keywords: axiological infrastructure, higher education, Industry 5.0, Nigeria, professional readiness, Russia, university students, value readiness

References

1. European Commission (2021) Industry 5.0: Towards a sustainable, human-centric and resilient European industry. Publications Office of the European Union, Luxembourg.
2. Grote G, Friebe J (2022) Employability and career adaptability in the context of digital transformation. *Journal of Vocational Behavior* 135: 103711. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103711>
3. National Bureau of Statistics, Nigeria (2022) Nigeria Labour Force Survey Q4 2022. NBS, Abuja.

4. Schwartz SH (1994) Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues* 50(4): 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
5. Holland JL (1997) Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments, 3rd edn. Psychological Assessment Resources, Odessa, FL.
6. Lent RW, Brown SD, Hackett G (1994) Toward a unifying social cognitive theory of career and academic interest, choice, and performance. *Journal of Vocational Behavior* 45(1): 79–122. <https://doi.org/10.1006/jvbe.1994.1027>
7. Leonova IS, Durojaiye D (2025) Tsennostnaya gotovnost' studentov k rabote v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh realiyakh: teoreticheskiy obzor [Value readiness of students to work in new socio-economic realities: a theoretical review]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* 2(78): 128–139.
8. Zakhharova LN, Savicheva AV (2022) Trudovye namereniya studentov industrial'nykh kolledzhey s raznym urovnem psikhologicheskoy gotovnosti k rabote v innovatsionnoy kompanii [Work intentions of industrial college students with different levels of psychological readiness to work in an innovative company]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* 2(66): 148–156.
9. Zakhharova L, Saralieva Z, Leonova I (2022) Subjective well-being at the workplace as a social action: opportunities for management and self-management. In: Irtelli F, Gabrielli F (Eds) *Happiness and Wellness: Biopsychosocial and Anthropological Perspectives*. IntechOpen, London. <https://doi.org/10.5772/intechopen.106595>
10. National Universities Commission, Nigeria (2020) Core curriculum and minimum academic standards for Nigerian universities. NUC, Abuja.
11. Federal Republic of Nigeria (2022) Nigeria Startup Act. Official Gazette, Vol. 109, № 133. <https://www.placng.org/wp/wp-content/uploads/2022/11/Nigerian-Startup-Act-2022.pdf> [Accessed on 21.02.2026]
12. Kristof-Brown AL, Zimmerman RD, Johnson EC (2005) Consequences of individuals' fit at work: a meta-analysis of person-job, person-organization, person-group, and person-supervisor fit. *Personnel Psychology* 58(2): 281–342. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00672.x>
13. Brown SD, Lent RW (2019) Social cognitive career theory at 25: progress in studying the domain satisfaction and career self-management models. *Journal of Career Assessment* 27(4): 563–578. <https://doi.org/10.1177/1069072718806667>
14. Adeyemi TO, Ogunsakin BO (2022) Graduate employability and professional readiness among Nigerian university students: the role of entrepreneurial orientation and digital skills. *Journal of African Education Research* 9(1): 31–48.
15. Ebiringa OT, Ikerionwu CO, Erike AI (2024) A novel employability model for enhancing job readiness and career development among Nigerian graduates. *African Journal of Humanities and Contemporary Education Research* 17(1).
16. TechCabal Insights (2025) Nigeria's digital skills gap in four charts. TechCabal, Lagos. <https://insights.techcabal.com/nigerias-digital-skills-gap/> [Accessed on 21.02.2026]
17. Okunade SK, Awosusi OE (2023) The Japa syndrome and the migration of Nigerians to the United Kingdom: an empirical analysis. *Comparative Migration Studies* 11: 27. <https://doi.org/10.1186/s40878-023-00351-2> [Accessed on 21.02.2026]
18. Liu JJ (2023) Japa, or to flee or to run: Nigerian youth and the urgency of departure. MoLab Inventory of Mobilities and Socioeconomic Changes. Max Planck Institute for Social Anthropology. <https://doi.org/10.48509/MoLab.6432> [Accessed on 21.02.2026]
19. Christensen MA (2023) Tracing the gender confidence gap in computing: a cross-national meta-analysis of gender differences in self-assessed technological ability. *Social Science Research* 111: 102795. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2023.102853>
20. Cai Z, Fan X, Du J (2017) Gender and attitudes toward technology use: a meta-analysis. *Computers and Education* 105: 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2016.11.003>

Исследование формирования системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма в контексте политики открытости северному направлению

Сюй Синь,

студент, Северо-восточный университет лесного хозяйства
E-mail: 2815316955@qq.com

Го Сывэнь,

канд. филол. наук, преп, Северо-восточный университет
лесного хозяйства
E-mail: job2025@yeah.net

В статье рассматриваются вопросы формирования системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма в контексте политики открытости северному направлению. Актуальность исследования обусловлена расширением китайско-российского приграничного культурно-туристического сотрудничества и необходимостью повышения качества языкового сервиса для русскоязычных туристов. Цель работы состоит в обосновании интегрированной модели русскоязычного сопровождения, ориентированной на весь цикл туристического взаимодействия. В статье проанализированы современное состояние красного трансграничного туризма, основные проблемы русскоязычного сервиса, туристические предпочтения и языковые потребности российских туристов. Предложена система сопровождения, включающая цифровую платформу, офлайн-сеть сервисных точек, замкнутый механизм обслуживания на этапах до поездки, во время поездки и после нее, а также кадровое и институциональное обеспечение. На основе анализа практических кейсов приграничных территорий сделан вывод о реализуемости предложенной модели и ее значении для снижения языковых барьеров, повышения качества туристического опыта и развития китайско-российского гуманитарного взаимодействия.

Ключевые слова: Красный Трансграничный Туризм, Русскоязычное Сопровождение, Приграничный Туризм, Языковой Сервис, Цифровая Платформа, Китайско-Российское Сотрудничество

Введение

В условиях углубления китайско-российского стратегического взаимодействия и последовательного продвижения политики открытости северному направлению особую актуальность приобретает развитие трансграничного культурно-туристического сотрудничества. Одним из наиболее перспективных его сегментов выступает красный трансграничный туризм, основанный на общей исторической памяти Китая и России, связанной с событиями войны, антифашистской и антияпонской борьбы, а также с историей приграничного взаимодействия двух стран. В современных условиях данный вид туризма рассматривается не только как форма культурно-познавательной деятельности, но и как важный инструмент гуманитарного обмена, укрепления межгосударственных контактов и трансляции историко-культурного наследия.

Вместе с тем расширение масштабов китайско-российского красного трансграничного туризма сопровождается рядом системных проблем, одной из наиболее значимых среди которых является недостаточный уровень русскоязычного сопровождения туристических маршрутов. Несмотря на наличие отдельных практик двуязычного обслуживания в приграничных регионах, действующая модель языкового сервиса во многих случаях сохраняет фрагментарный характер, не охватывает весь цикл туристического взаимодействия и недостаточно учитывает реальные потребности русскоязычных туристов. Особенно остро это проявляется в сфере специализированного историко-культурного перевода, экскурсионной интерпретации материалов красного наследия, цифровой навигации, экстренной коммуникации и посттуристического сопровождения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления механизмов формирования целостной системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма, способной обеспечить более высокий уровень доступности, понятности и культурной содержательности туристического продукта. Практическая значимость темы определяется тем, что совершенствование языкового сервиса позволяет не только снизить воздействие коммуникационных барьеров, но и повысить качество вос-

Статья подготовлена при финансовой поддержке программы государственного инновационного тренинга для студентов Северо-Восточного лесотехнического университета (проект № 202510225067). Результат исследования по проекту в рамках Научного плана развития образования провинции Хэйлунцзян на 2024 год: «Исследование реформы иноязычного обучения и инноваций в подготовке кадров в условиях потребностей новых производительных сил» (GJB1424130).



приятия историко-культурного содержания маршрутов, уровень удовлетворенности туристов и общую эффективность приграничного культурно-туристического сотрудничества.

Объектом исследования выступает красный трансграничный туризм в системе китайско-российского приграничного культурно-туристического взаимодействия. Предметом исследования являются организационные, содержательные и институциональные механизмы формирования системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма.

Цель исследования состоит в разработке теоретически обоснованной и практически применимой модели системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма с учетом потребностей русскоязычных туристов и условий развития приграничного сотрудничества Китая и России.

Развитие китайско-российского красного трансграничного туризма и современное состояние русскоязычного сервиса

В настоящем разделе систематизируются основные тенденции развития китайско-российского красного трансграничного туризма в условиях политики открытости северному направлению, а также анализируются ключевые недостатки современного русскоязычного сервиса, что создает практическую основу для последующего построения соответствующей системы обслуживания.

В условиях формирования новой модели открытости северному направлению китайско-российское сотрудничество в сфере приграничного туризма продолжает последовательно углубляться. Красный трансграничный туризм, основанный на общей исторической памяти двух стран о сопротивлении агрессии в годы войны, а также на преимуществах приграничного географического положения, постепенно превращается в одно из приоритетных направлений двустороннего культурно-туристического взаимодействия [1]. Приграничные территории, в частности провинция Хэйлунцзян и город Хуньчунь провинции Цзилинь, опираясь на такие ключевые ресурсы, как памятники Северо-Восточной антияпонской объединённой армии, мемориальные музеи китайских эмигрантов в России, а также памятные места, связанные с совместной борьбой Китая и СССР против японской агрессии, разработали ряд тематических маршрутов, включая «китайско-российские красные образовательные туры», «красные экскурсионные маршруты по приграничной реке» и «трансграничные исторические маршруты по местам антияпонской борьбы». Тем самым была сформирована дифференцированная матрица туристических продуктов.

После введения политики взаимного безвизового режима для организованных туристических групп между Китаем и Россией масштабы въездного туризма из России значительно возросли. В сентябре 2025 года число российских туристов, въехавших в провинцию Хэйлунцзян, увеличилось на 107% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года; при этом основной целевой аудиторией красного трансграничного туризма выступают лица среднего и старшего возраста [2]. Одновременно устойчиво расширяется и китайский рынок выездного красного туризма в Россию. Более 60% туристов составляют лица старше 50 лет, а их потребительский спрос в основном сосредоточен в сфере историко-познавательного туризма и углубленного освоения красной культуры.

В современном контексте китайско-российского трансграничного туризма русскоязычный языковой сервис сталкивается с тремя ключевыми проблемами: фрагментарностью предложения, недостаточным уровнем профессионализации и несоответствием между спросом и предложением [3].

Во-первых, сервисная цепочка носит разрозненный характер и не охватывает весь цикл туристического обслуживания. Существующие услуги преимущественно сосредоточены на базовом переводе указателей и информационных обозначений внутри туристических объектов, тогда как такие звенья, как предварительное планирование маршрута, визовое консультирование, экстренная коммуникация и потребительская навигация в ходе поездки, а также последующая обратная связь и культурное сопровождение после завершения путешествия, остаются явно недостаточно развитыми. В результате до настоящего времени не сформирован целостный интегрированный сервисный контур.

Во-вторых, уровень соответствия между содержанием услуг и реальными потребностями туристов остается недостаточным, а профессионализированные формы обслуживания развиты слабо. В большинстве приграничных туристических объектов имеются лишь элементарные русскоязычные указатели, тогда как качественное двуязычное экскурсионное сопровождение, связанное с историей красного движения, а также профессиональный перевод исторических материалов находятся на явно недостаточном уровне. Особую проблему представляет ненормативный и неточный перевод специализированной терминологии, относящейся к красной культуре, что затрудняет полноценное удовлетворение культурно-познавательных потребностей туристов.

В-третьих, сохраняется значительный кадровый дефицит, что непосредственно сказывается на общем уровне сервиса. Сотрудники, непосредственно работающие с туристами, как правило, обладают ограниченной русскоязычной коммуникативной компетенцией, тогда как комплексные

специалисты, сочетающие владение русским языком с глубоким знанием истории и культуры красного наследия, по-прежнему крайне редки. Именно дефицит подобных кадров является основным узким местом, сдерживающим повышение качества обслуживания.

Таким образом, китайско-российский красный трансграничный туризм в настоящее время сталкивается одновременно с благоприятными политическими и рыночными возможностями, однако отставание русскоязычного сервиса уже превратилось в одно из ключевых препятствий на пути модернизации данной отрасли. Формирование целостной системы обслуживания, ориентированной на потребности туристов и охватывающей все этапы путешествия, является не только важнейшим условием преодоления языковых барьеров, но и объективной необходимостью для продвижения трансграничного распространения красной культуры и реализации стратегии открытости северному направлению. В этой связи требуется согласованное продвижение мер в технологическом, сценарном, кадровом и институциональном измерениях.

Исследование туристических предпочтений, потребительского поведения и потребностей в языковом сопровождении русскоязычных туристов

Настоящий раздел, основанный на материалах полевого исследования и анализе профильной научной литературы, направлен на выявление ключевых потребностей русскоязычных туристов в сфере красного трансграничного туризма. Полученные результаты позволяют сформировать предметную основу для последующего проектирования системы языкового сопровождения.

Анализ эмпирических данных показывает, что интерес русскоязычных туристов к красному трансграничному туризму в значительной степени обусловлен стремлением к углубленному освоению исторической проблематики, связанной с совместной памятью Китая и России о военных событиях прошлого. Согласно результатам исследования, более 70% российских въездных туристов выбирают красные трансграничные маршруты, а в качестве основного мотива выступает желание получить более полное представление об истории совместной антияпонской борьбы двух стран. Наибольшую привлекательность для данной категории туристов представляют формы туристического продукта, ориентированные на глубокое вовлечение в историко-культурный контекст, включая иммерсивные образовательные программы, тематические экскурсии с элементами исторической реконструкции, а также выездные маршруты по памятным местам.

Существенные различия наблюдаются и в моделях туристического поведения различных возрастных групп. Для туристов старше 55 лет характерно преобладание организованных групповых поездок, что обуславливает высокую потребность в услугах двуязычного гида, обеспечивающего сопровождение на протяжении всего маршрута. В то же время среди туристов в возрасте от 18 до 35 лет доминирует модель самостоятельного путешествия, причем доля данной категории имеет тенденцию к постепенному увеличению. Для нее более актуальными являются автономные и интеллектуализированные инструменты языковой поддержки. По продолжительности поездок преобладают краткосрочные трансграничные туры длительностью от трех до пяти дней. Наибольший интерес вызывают комбинированные маршруты, сочетающие историко-культурный компонент, элементы приграничной этнокультурной специфики и оздоровительно-рекреационные практики. Показательным примером является маршрут в Хэйхэ, объединяющий посещение объектов, связанных с историей антияпонской борьбы, знакомство с китайско-российской приграничной культурой и программы термального оздоровления; данный маршрут на протяжении длительного периода сохраняет высокую востребованность среди российских туристов.

Потребительское поведение русскоязычных туристов в сфере трансграничного туризма характеризуется рядом устойчивых особенностей. Прежде всего, доминирует ориентация на содержательный опыт и культурные впечатления при сравнительно низком интересе к демонстративному и статусному потреблению. Средний объем расходов на одну поездку составляет около 11 тыс. юаней на человека. Основные статьи затрат связаны с проживанием, питанием и культурно-познавательной деятельностью. Покупательские предпочтения преимущественно сосредоточены на тематической продукции, связанной с красной культурой, приграничных сельскохозяйственных товарах, а также товарах, относящихся к сфере традиционной китайской медицины и оздоровления. При этом спрос на товары класса люкс остается относительно невысоким.

Существенное значение имеют и различия в платежном поведении туристов разных возрастных категорий. Представители среднего и старшего возраста по-прежнему в значительной степени ориентированы на использование наличных средств и расчетов в рублях, хотя уровень принятия мобильных платежей постепенно возрастает. В этой связи особую актуальность приобретают русскоязычные инструкции по оплате, а также понятные сервисы расчетного сопровождения. Более молодая аудитория, напротив, в большей степени ориентирована на мобильные способы оплаты и демонстрирует выраженную потребность



в полномасштабных русскоязычных интерфейсах платежных сервисов. Наряду с этим необходимо отметить, что потребительские решения российских туристов в значительной степени определяются цифровой информационной средой. Отзывы пользователей, русскоязычные туристические обзоры и материалы на специализированных онлайн-платформах оказывают решающее влияние на выбор маршрутов; доля такого влияния, по данным исследования, превышает 80%.

Языковое сопровождение в сфере трансграничного туризма должно рассматриваться не как изолированный элемент обслуживания, а как системный механизм обеспечения качества туристического опыта на всех этапах поездки [4]. В соответствии с результатами исследования потребности русскоязычных туристов в данной сфере могут быть сгруппированы по трем основным направлениям, охватывающим весь цикл туристического взаимодействия.

Первое направление связано с информационным обеспечением на этапе подготовки к поездке. В данном случае наиболее востребованными являются русскоязычные материалы о красных туристических маршрутах, инструкции по визовым процедурам, сервисы предварительного бронирования туристических объектов, а также механизмы заказа услуг двуязычного экскурсионного сопровождения. Наличие указанных элементов позволяет сократить информационную асимметрию и повысить предсказуемость туристического поведения еще до начала поездки.

Второе направление охватывает потребности, возникающие непосредственно в процессе путешествия, и представляет собой наиболее проблемную сферу. По данным исследования, 90% российских туристов рассматривают языковой барьер как основной фактор, негативно влияющий на качество туристического опыта. К числу наиболее значимых потребностей относятся перевод в реальном времени на территории туристических объектов, профессиональное двуязычное сопровождение, связанное с интерпретацией исторического материала, языковая поддержка в сфере размещения, питания и потребления, экстренное русскоязычное обслуживание в нестандартных ситуациях, а также точный перевод исторических источников, архивных материалов и описаний музейных экспонатов.

Третье направление связано с посттуристическим этапом взаимодействия. В данном случае актуальными являются русскоязычные каналы обратной связи, платформы для оценки качества туристических услуг, механизмы дальнейшего распространения материалов, связанных с красной культурой, а также цифровые сообщества, ориентированные на культурную коммуникацию между китайскими и российскими туристами. Развитие данного сегмента имеет значение не только для

повышения удовлетворенности туристов, но и для формирования устойчивой коммуникационной среды, способствующей долговременному культурному обмену.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что спрос русскоязычных туристов на красный трансграничный туризм в своей основе определяется потребностью в углубленном культурно-историческом опыте, тогда как языковое сопровождение выступает сквозным условием реализации данной потребности на всех этапах туристической активности. В этой связи формирование соответствующей системы обслуживания должно учитывать дифференциацию потребностей туристов различных возрастных и поведенческих групп, обеспечивать сочетание базовой коммуникативной поддержки и специализированного историко-культурного сопровождения, а также предполагать взаимодополнение цифровых инструментов и традиционных форм очного сервиса. Только при таком подходе возможно достижение высокого уровня соответствия между характеристиками предоставляемых услуг и реальными запросами русскоязычных туристов.

Основные направления формирования системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма

Одним из ключевых направлений является создание цифровой платформы русскоязычного сопровождения красного трансграничного туризма, обеспечивающей объединение переводческих, навигационных, консультационных и бронировочных функций в рамках единого сервиса. Такая платформа должна быть ориентирована прежде всего на индивидуальных туристов, нуждающихся в самостоятельном доступе к языковой поддержке на всех этапах поездки. С учетом накопленного опыта разработки цифровых трансграничных сервисов в приграничных регионах целесообразно предусмотреть в структуре платформы специализированный русскоязычный модуль, включающий несколько функциональных блоков.

Во-первых, речь идет о мультимодальном переводческом модуле, который должен обеспечивать перевод в режиме реального времени с использованием голосового ввода и технологии распознавания изображений. Его внедрение позволит повысить доступность информации, содержащейся в надписях на объектах туристической инфраструктуры, исторических документах, музейных материалах, меню и дорожных указателях. Во-вторых, важным компонентом платформы является интеллектуальный навигационно-экскурсионный модуль, основанный на русскоязычной базе знаний по истории красного движения и ориентированный на предоставление двуязычных аудиоматериалов.



териалов, автоматизированного планирования маршрута и навигации в пределах туристических объектов. В-третьих, платформа должна включать блок комплексного сервисного сопровождения, предусматривающий русскоязычные консультации по визовым вопросам, бронирование посещения туристических объектов, запись на услуги двуязычных гидов, а также круглосуточную клиентскую поддержку на русском языке. Реализация указанных функций позволит создать единую цифровую среду сопровождения туриста до поездки, в период ее осуществления и после завершения путешествия.

На уровне пограничных пунктов пропуска необходимо создание специализированных русскоязычных сервисных постов, укомплектованных сотрудниками, владеющими русским языком и способными обеспечивать помощь при прохождении пограничных процедур, предоставление туристической информации и экстренное консультирование. На уровне ключевых объектов красного туризма требуется обеспечение постоянного присутствия двуязычных гидов и русскоязычных экскурсоводов, а также внедрение стандартизированного русскоязычного экскурсионного сопровождения, основанного на единообразном использовании профессиональной исторической терминологии. Одновременно на данном уровне должно быть обеспечено полное двуязычное оформление навигационных схем, описаний музейных экспонатов, справочных материалов и инструкций по безопасности. На уровне городской инфраструктуры необходимо распространение русскоязычных меню, прейскурантов и сервисных инструкций в гостиницах, предприятиях общественного питания, торговых объектах и медицинских учреждениях [5]. Кроме того, для работников первой линии обслуживания целесообразно организовать подготовку в области базовой русскоязычной коммуникации и знаний о красной культуре, что позволит повысить степень адаптированности городской среды к потребностям русскоязычных туристов.

Формирование эффективной системы сопровождения предполагает не только наличие отдельных онлайн- и офлайн-инструментов, но и их включение в логику полного сервисного цикла. В связи с этим особую значимость приобретает построение замкнутого механизма обслуживания, охватывающего этап подготовки к поездке, этап непосредственного осуществления путешествия и этап посттуристического взаимодействия.

На этапе подготовки к поездке система должна обеспечивать русскоязычному туристу доступ к информации о маршрутах красного туризма, визовых процедурах, правилах посещения туристических объектов и доступных форматах экскурсионного обслуживания. Одновременно необходимо создать возможность онлайн-бронирования билетов и услуг двуязычных гидов. Для организован-

ных групп на данном этапе особое значение имеет предварительное распределение русскоязычных сопровождающих и заблаговременная координация информационного сопровождения.

На этапе осуществления поездки цифровая платформа должна выполнять функции перевода, навигации и экстренной поддержки, тогда как офлайн-сеть обслуживания должна обеспечивать очное сопровождение, включающее консультации, перевод, экскурсионную интерпретацию исторического материала и помощь в решении возникающих бытовых и организационных вопросов. В рамках данной модели на объектах красного туризма целесообразно внедрение дифференцированных русскоязычных экскурсионных программ, адаптированных к возрастным, культурным и мотивационным особенностям различных категорий туристов, что позволит повысить точность и результативность культурной коммуникации.

На этапе после завершения поездки система должна обеспечивать сбор обратной связи от русскоязычных туристов, анализ оценки качества предоставленных услуг и дальнейшее распространение материалов, связанных с историей и культурой красного туризма. Дополнительное значение имеет формирование цифровых русскоязычных коммуникационных площадок, ориентированных на взаимодействие китайских и российских туристов. Это позволяет не только продлить продолжительность сервисного контакта, но и использовать посттуристический этап как ресурс для совершенствования содержания обслуживания и укрепления культурного обмена.

Следует отметить, что устойчивое функционирование данной системы невозможно без развитого кадрового и институционального обеспечения. В кадровом измерении приоритетным направлением является подготовка специалистов, сочетающих владение русским языком, знания в области истории красного движения и практические компетенции в сфере туристического обслуживания. В этой связи представляется целесообразным развивать сотрудничество с высшими учебными заведениями приграничных регионов, реализующими образовательные программы по русскому языку, туризму и культурной индустрии, с целью внедрения модели целевой подготовки по траектории «русский язык – красная культура – туристический сервис». Наряду с этим важным представляется формирование регионального кадрового резерва специалистов по русскоязычному сопровождению, а также проведение систематического обучения работников первой линии на основе ситуационно ориентированных языковых курсов.

Таким образом, формирование системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма должно рассматриваться как комплексный процесс, основанный на сочетании цифровых технологий, очных сер-



висных практик, логики полного туристического цикла, а также кадровых и институциональных механизмов обеспечения. Концептуальная значимость данной системы заключается в ее ориентированности на реальные потребности русскоязычных туристов на всех этапах поездки. Практическая ценность предлагаемого подхода определяется тем, что он направлен не только на преодоление базовых языковых барьеров, но и на создание условий для более глубокого восприятия историко-культурного содержания красного трансграничного туризма. Тем самым формируется прикладная модель модернизации туристического сервиса, обладающая потенциалом дальнейшего внедрения в приграничных регионах Китая, ориентированных на развитие российско-китайского культурно-туристического взаимодействия.

Практические кейсы и предложения по оптимизации системы

Настоящий раздел направлен на проверку практической применимости предложенной системы на основе анализа типичных кейсов приграничных регионов, а также на выработку адресных рекомендаций по ее дальнейшему совершенствованию с учетом выявленных проблем.

Одним из наиболее показательных практических примеров выступает город Хэйхэ, который, опираясь на преимущества китайско-российского приграничного положения и используя в качестве ключевых ресурсов Мемориальный музей китайских эмигрантов в России, памятники Северо-Восточной антияпонской объединённой армии и другие объекты красного наследия, сформировал интегрированную систему русскоязычного сопровождения, сочетающую онлайн- и офлайн-компоненты. В цифровом измерении модернизированная платформа «Худеюньгу – Китайско-российская связь» обеспечила полный цикл русскоязычного обслуживания, включая доступ к путеводителям по красным маршрутам, интеллектуальную навигацию, перевод в режиме реального времени и онлайн-бронирование. В офлайн-среде была создана трехуровневая сеть русскоязычного обслуживания, охватывающая пограничные пункты пропуска, туристические объекты и городскую инфраструктуру. Так, в Мемориальном музее китайских эмигрантов в России были внедрены иммерсивные экскурсионные программы на русском языке, а также разработана двуязычная культурно-сувенирная продукция. По имеющимся данным, ежегодный поток российских туристов в данный объект превышает 100 тыс. человек, а уровень удовлетворенности туристов достигает 92% [6].

Другим значимым примером является город Хуньчунь провинции Цзилинь, где особое внимание было уделено потребностям индивидуальных

туристов. В данном случае была обеспечена полная двуязычная маркировка на китайском и русском языках в пределах красных туристических объектов, ключевых торговых зон и гостиничной инфраструктуры. Уровень охвата работников первой линии базовой русскоязычной подготовкой достиг 80%. Одновременно была организована круглосуточная русскоязычная горячая линия экстренной помощи, что существенно повысило удобство поездок для российских индивидуальных туристов. Согласно статистическим данным, в 2025 году количество въехавших российских туристов увеличилось более чем на 90% по сравнению с предыдущим годом [7]. Заслуживает внимания и практика Мемориала советским воинам в Чунцине, где была реализована тематическая программа «Двуязычная память о героях», в рамках которой история совместной борьбы Китая и СССР в годы войны представлялась на русском языке. Данный пример может рассматриваться как показатель эффективной трансграничной трансляции красной культуры [8].

Анализ указанных практических кейсов позволяет заключить, что предложенная система в целом обладает высокой степенью реализуемости, однако её внедрение по-прежнему сопровождается рядом существенных ограничений. Во-первых, сохраняется проблема точности перевода специализированной терминологии, связанной с красной культурой, в рамках цифровых интеллектуальных платформ. В ряде случаев перевод исторических материалов оказывается недостаточно точным и не в полной мере соответствует нормам русского языкового употребления. Во-вторых, уровень русскоязычной подготовки работников первой линии остается неравномерным, а в удалённых приграничных туристических зонах дефицит кадров по-прежнему сохраняет высокую остроту. В-третьих, между различными приграничными городами наблюдается заметная дифференциация уровня русскоязычного сервиса, что свидетельствует об отсутствии унифицированных стандартов обслуживания и недостаточном развитии механизмов межрегионального ресурсного взаимодействия.

С учетом выявленных проблем представляется возможным сформулировать ряд предложений по оптимизации системы. Прежде всего, целесообразно совершенствование алгоритмов перевода, используемых на цифровых платформах. Для этого необходимо привлечение профильных вузов, реализующих подготовку по русскому языку, к созданию специализированной терминологической базы по красной культуре на русском языке, что позволит унифицировать переводческие решения и повысить точность передачи профессионального содержания. Далее, требуется расширение охвата кадровой подготовки за счет разработки онлайн-курсов ситуационно ориентированного

обучения русскому языку и сочетания дистанционных и очных форм повышения квалификации. Такой подход позволит повысить уровень языковой компетентности работников первой линии, одновременно создавая условия для совершенствования механизмов мотивации и привлечения специалистов комплексного профиля в приграничные районы.

Таким образом, практический опыт Хэйхэ, Хуньчуня и других территорий в значительной степени подтверждает реализуемость и прикладную ценность предложенной системы русскоязычного сопровождения. Ее применение способствует снижению влияния языковых барьеров в сфере красного трансграничного туризма и повышению качества туристического опыта. Вместе с тем дальнейшее развитие данной системы требует последовательной оптимизации, основанной на технологическом обновлении, подготовке кадров и углублении межрегиональной координации. Только при соблюдении этих условий возможно обеспечить более полное соответствие системы динамично изменяющимся потребностям русскоязычных туристов и в полной мере реализовать потенциал развития красного трансграничного туризма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в условиях политики открытости северному направлению красный трансграничный туризм становится одним из значимых направлений китайско-российского культурно-туристического взаимодействия. Установлено, что дальнейшее развитие данного сегмента напрямую зависит не только от ресурсного потенциала приграничных территорий и роста туристических потоков, но и от качества русскоязычного сопровождения, которое выступает важнейшим условием доступности туристического продукта для российских посетителей. В ходе исследования выявлено, что существующая система языкового сервиса характеризуется фрагментарностью, недостаточной профессионализацией, кадровыми ограничениями и неравномерностью регионального развития. Одновременно анализ туристических предпочтений и языковых потребностей русскоязычных туристов показал, что наиболее востребованной является не изолированная переводческая помощь, а комплексная система сопровождения, охватывающая этап подготовки к поездке, процесс путешествия и посттуристическое взаимодействие.

На этой основе в работе обоснована необходимость формирования интегрированной системы русскоязычного сопровождения маршрутов красного трансграничного туризма, включающей цифровую сервисную платформу, офлайн-сеть очного обслуживания, механизм замкнутого сервисного цикла, а также кадровое и институциональное

обеспечение. Анализ практических кейсов приграничных территорий подтвердил реализуемость данного подхода и его прикладную значимость для снижения языковых барьеров, повышения качества туристического опыта и углубления трансграничной культурной коммуникации. Вместе с тем эффективное функционирование такой системы требует дальнейшего совершенствования переводческих технологий, стандартизации сервисных процедур, расширения подготовки специалистов и укрепления межрегиональной координации. Тем самым результаты исследования могут рассматриваться как теоретическая и практическая основа для последующего совершенствования русскоязычного сопровождения красного трансграничного туризма в приграничных регионах Китая.

Литература

1. Ли Чуаньсюнь, Цзян Чжэньцзюнь. Пути модернизации китайско-российского приграничного туристического сотрудничества в условиях формирования новой модели открытости северному направлению // Форум Северно-Восточной Азии. 2023. Т. 32. № 2. С. 98–112, 128.
2. Чжан Гуанцуй, Ли Юйтун. Пути совершенствования системы обслуживания приграничного туризма в условиях новой политики взаимного безвизового режима между Китаем и Россией // Хэйлунцзянский журнал по вопросам национальностей. 2024. № 2. С. 84–91.
3. Чжоу Миньцюань, Ван Ли. Современное состояние русскоязычного языкового сервиса в контексте китайско-российского трансграничного туризма и стратегии его оптимизации // Преподавание русского языка в Китае. 2024. Т. 43. № 1. С. 87–94.
4. Лю Хун, Ли Сюэ. Содержание, измерения и построение системы языкового сервиса в трансграничном туризме // Туристический журнал. 2022. Т. 37. № 9. С. 13–25.
5. Чжао Чуаньцзюнь, Шэнь Шуцзюань. Исследование интегрированного развития трансграничной культурно-туристической индустрии Хэйлунцзяна на российском направлении в условиях политики открытости северному направлению // Коммерческие исследования. 2023. № 6. С. 113–121.
6. Управление культуры и туризма провинции Хэйлунцзян. «Butterfly Cloud Valley – China-Russia Connect» полностью модернизирована [Электронный ресурс]. 2025. 8 мая. URL: https://wlt.hlj.gov.cn/wlt/c114161/202505/c00_31838366.shtml.
7. Управление культуры, радиовещания, телевидения и туризма города Хуньчунь. Преимущества приграничного сервиса между Китаем и Россией в Хуньчуне способствуют росту



трансграничного туризма. 2025. 13 мая. Оpubл. в официальном аккаунте Douyin.

8. Клиентское приложение «Qiyi». Партийная организация Института русского языка Сычуаньского университета иностранных языков провела тематическое мероприятие «Двужычная память о героях, совместное созидание мира» [Электронный ресурс]. 2025. 4 дек. URL: <https://m.12371.gov.cn/app/template/displayTemplate/news/newsDetail/9/503639.html>.

A STUDY ON THE FORMATION OF A RUSSIAN-LANGUAGE SUPPORT SYSTEM FOR RED CROSS-BORDER TOURISM ROUTES IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF OPENING UP TO THE NORTH

Xu Xin, Guo Siwen

Northeast Forestry University

This article examines the formation of a Russian-language support system for red cross-border tourism routes in the context of China's policy of opening up to the north. The relevance of the study is determined by the expansion of Sino-Russian cross-border cultural and tourism cooperation and by the need to improve the quality of language services for Russian-speaking tourists. The purpose of the study is to substantiate an integrated model of Russian-language support covering the entire cycle of tourist interaction. The article analyzes the current state of red cross-border tourism, the main problems of Russian-language services, as well as the travel preferences and linguistic needs of Russian tourists. A support system is proposed that includes a digital platform, an offline network of service points, a closed-loop service mechanism covering the stages before, during, and after the trip, as well as personnel and institutional support. Based on the analysis of practical cases in border regions, the study concludes that the proposed model is feasible and significant for reducing language barriers, improving the quality of the tourist experience, and promoting Sino-Russian humanitarian cooperation.

Keywords: Red Cross-Border Tourism, Russian-Language Support, Border Tourism, Language Services, Digital Platform, Sino-Russian Cooperation

References

1. Li Chuanxun, Jiang Zhenjun. Ways to Modernize Chinese-Russian Cross-Border Tourism Cooperation in the Context of the Formation of a New Model of Openness to the Northern Direction // Northeast Asia Forum. 2023. Vol. 32. № 2. pp. 98–112, 128.
2. Zhang Guangcui, Li Yutong. Ways to Improve the Cross-Border Tourism Service System in the Context of the New Policy of Mutual Visa-Free Regime between China and Russia // Heilongjiang Journal of Nationalities. 2024. № 2. pp. 84–91.
3. Zhou Minquan, Wang Li. The Current State of Russian-Language Language Services in the Context of Chinese-Russian Cross-Border Tourism and Strategies for Its Optimization // Teaching Russian in China. 2024. Vol. 43. № 1. Pp. 87–94.
4. Liu Hong, Li Xue. Content, Measurements, and Construction of a Language Service System in Cross-Border Tourism // Travel Journal. 2022. Vol. 37. № 9. Pp. 13–25.
5. Zhao Chuanjun, Shen Shujuan. Study on the Integrated Development of Heilongjiang's Cross-Border Cultural and Tourism Industry in the Russian Direction under the Policy of Opening Up to the Northern Direction // Commercial Research. 2023. № 6. Pp. 113–121.
6. Heilongjiang Provincial Administration of Culture and Tourism. «Butterfly Cloud Valley – China-Russia Connect» Has Been Completely Modernized [Electronic resource]. 2025. May 8. URL: https://wlt.hlj.gov.cn/wlt/c114161/202505/c00_31838366.shtml.
7. Hunchun City Bureau of Culture, Radio, Television and Tourism. The advantages of China-Russia border service in Hunchun promote the growth of cross-border tourism. 2025. May 13. Published on the official Douyin account.
8. Qiyi client application. The Party organization of the Institute of Russian Language of Sichuan Foreign Studies University held a thematic event «Bilingual Memory of Heroes, Jointly Creating Peace.» [Electronic resource]. 2025. December 4. URL: <https://m.12371.gov.cn/app/template/displayTemplate/news/newsDetail/9/503639.html>.

Истоки тенгризма Уранхай Саха

Федорова Лена Валерьевна,

кандидат политических наук, директор Международного
фонда исследования Тенгри
E-mail: tengrikonferens@mail.ru

Сегодня большинство исследователей согласны с тем, что предки саха прибыли в IV–V вв. на Среднюю Лену через Байкал с Красноярско-Минусинского региона. Они привели с собой свои традиции и религиозную веру в *Айы́ Танара*. По выводам коллективной монографии якутских ученых по истории Якутии, прибывшие на Среднюю Лену предки саха (якутов) были хуннского происхождения. По историческим данным в X веке до н.э. хунну начали постепенно переселяться с южной окраины пустыни Гоби на северную. Но пустыня Гоби не была изначальной родиной предков уранхай саха. Южные окраины Гоби были вторичной родиной. Якутский героический эпос олонхо изначальную родину уранхай саха располагает в цветущей горной долине, окруженной снежными горными хребтами. Южная сторона Гоби примыкает к Тибетскому нагорью, которое окружено величественными горными системами Гималаев, Куньлуня, Каракорума, Гиндукуша. Анализ рассмотренных материалов приводит к тому, что якутский героический эпос олонхо располагает изначальную родину предков уранхай саха в долинах района стыка Каракорума, Гиндукуша, Западных Гималаев. Значит, этот район также и должно быть местом, с которого берут истоки вера саха в Творца Небесного *Айы́ Танара*, относящаяся к семье веры в Тенгри тюркских, монгольских народов и праболгар.

Ключевые слова: тенгризм, Тенгри, Айы, Танара, олонхо, хунну, алгыс, стерх, саха, уранхай.

В гуманитарной науке тенгриведение является новым направлением. Поэтому и пробелов, и заблуждений в нем более чем достаточно и их восполнение, исправление всегда актуальны. Одним из заблуждений является отождествление тенгризма с шаманизмом.

Нельзя ставить на один уровень примитивные и аморфные системы религиозных взглядов шаманизма неолита и бронзового века с монотеистической, государственной религией кочевых империй – тенгризмом. Национальная религия тувинцев, хакасов, алтайцев, бурят-монголов в социально-типологическом отношении соответствует уровню развития мировых религий [1, с. 74].

На якутские тенгрианские обряды на Ысыахе, шаманам, удаганкам было запрещено являться, им запрещалось в этот день одевать шаманские одеяния и камлаты. Поскольку они «нечистые», связаны с духами нижнего мира, причиняющими зло людям среднего мира, насылающими болезни, мор на скот и потому могущими осквернить пространство обрядового действия.

Жан-Поль Ру считает, что «Тэнгри монархический Бог, он повелитель людей и божеств, как высшая космическая область» [2, с. 206–207].

Главным и любимым занятием-развлечением древних саха (якутов) было Божье назидание (в вере) – *Айы́ Танара үөрэбэ* [3, стлб. 759.]. Т. е. учение *Айы́ Танара* – тенгризм, у саха (якутов) является древним религиозным учением предков. По представлениям предков *Айы́ Танара* пребывает на 9-м ярусе неба. Ниже на остальных ярусах пребывают его разнофункциональные ипостаси – *айы́*.

В.Ф. Троцанский пишет: «Первоначальное божество якутов Небо – *Танара*, не распавшееся еще на свои составные элементы, приносило в одно и то же время и благодеяние, и вред, но, по мере того как стали подмечать и благодетельные влияния и связывать их с отдельными частями неба, последнее начало подвергаться дифференциации, положив начало двойственным олицетворениям, приведшим к созданию различных божеств» [4 с. 153–155]. В начале Небо не было личным божеством, а являлось грозной, бесформенной стихией, порождающей в человеке и трепет, и надежду, и, следовательно, антропоморфные божества явились только тогда, когда Небо распалось и получилось много индивидуальных разнофункциональных божеств *айы́*, ипостасей единого стихийного Неба – *Танара*.



Здесь под индивидуальными божествами называются разнофункциональные ипостаси единого Творца Бога – *Айы́ Танара*. Также он верно писал, что верования якутов принадлежат к семье верований тюркских народов, в которых солнце занимало видное место. Если, к тому же, обратить внимание на то, что алтайцы и теперь «поклоняются и солнцу, и луне», и по мере удаления от тюркской прародины, утратили верования в Солнце, как божество, а на теперешней родине о божестве Солнце не сохранилось никаких воспоминаний. Эти изменения могли произойти под влиянием изменившихся условий жизни – исчезновения одних верований якутов и искажения других [4, с. 158]. Учитывая, что В.Ф. Трощанский пребывая в ссылке в с. Черкех Ботурусского улуса, имел ограниченный круг источников, надо полагать, что он ошибался в том, что весь народ саха забыл свою древнюю веру в *Айы́ Танара*. Но он прав в том, что изначальная вера в Небо – *Танара*, перетерпело изменения в сторону регресса из-за климатических условий, но стоило улучшиться условиям жизни, якуты вновь возродили свою изначальную религию – веру в *Айы́ Танара* (тенгризм).

Р.Н. Безертинов пишет, что «космогонические представления древних тюрков восстанавливаются на основе немногочисленных текстов, которые существуют в разных формах: как самостоятельные мифологические сюжеты и тексты мифологий многих героических эпосов., эти тексты повествуют о событиях, в результате которых был создан мир, т.е. об утверждении упорядоченной космической структуры взамен первобытного хаоса» [5, с. 41].

Кроме эпиграфов на каменных стенах, наскальных надписей и нескольких книг на тюркской рунике, о Тенгри не сохранилось полноценных пис-

... стал стоя произносить клятву:

«Дьэ бу, дьэ бу... Ну вот, ну чот!

Да пронзит меня своим взглядом

идол величиной с мерзлую навозную глыбу,

да ниспровергнет меня ниц лицом идол величиной с гнилое туктуйэ;

да пронзит меня взглядом

Куочай кэрэх с костями девяти шаманов!

Слушайте все духи-хозяева

колючих трав и деревьев этой страны!

Далее сказываются раздумья богатыря *айы* – «Богатырь *айы* стал раздумывать: если тут убью его, проколов (острием) насквозь, то во всех трёх странах надо мной будут люди издеваться, станут смеяться и дразнить: Бедняжка, опасаясь быть побеждённым, убил противника по-воровски. Лучше мне самому умереть по-честному» [6, с. 1947: 273].

Так говорится в олонхо о его внутренней мысленной борьбе совести и чести с его собственными подлыми мыслями. В конце концов благородство побеждает и он готов умереть в честном бою.

Главными источниками для тенгриведения являются эпические произведения, переданные веками из поколения в поколение, и китайские, древнегреческие, персидские, индийские письменные источники.

Таким источником для саха служит героический эпос олонхо, где богатыри племени «*айы аймаба*», – положительные герои олонхо. Среднее олонхо состоит из 6–9 тысяч, большое до 20 тысяч строк.

Как пишет Г.У. Эргис, здесь «мы встречаемся с осколками древних якутских мифов о мироздании и происхождении человека, почитании духов-хозяев природы и установлении культа, обычаев и обрядов» [6, с. 5].

Действительно, информацию о культе Творца Небесного *Айы́ Танара*, обычаях и обрядах якутского тенгризма мы черпаем из материалов героического эпоса олонхо. Якутский тенгризм как религиозное учение проповедует нравственность и моральные принципы, гуманистические, эософические ценности: человечность, сострадание, защиту слабого, благородство, восприятие природы как одушевленного, разумного явления. В олонхо постулируется периодически повторяющаяся формула «*Айы́ киһитэ аһыныгас, Күн киһитэ көмүскэс*», означающая «Творца человек сострадательен, Солнца человек защититель». Когда по сюжету богатыри олонхо бьются друг с другом до такой степени, что земля трясется, камни падают, сородичи богатыря племени *айы́* слезно просят о прекращении битвы, налаживании мира, лучше устроить мирный праздник Ысыах, весёлые состязания, петь благословения *алгыс*.

Или богатыри-соперники клянутся друг другу – не нападать на спящего, произнося клятву:

Если я убью этого богатыря

Уот Усутаакы

по-воровски, во время сна,

пусть закроются мои видящие очи, пусть оглохнут мои слышащие уши!

Одно слово, крепкое обещание!

Я не боюсь тебя, а потому

не убью тебя, когда ты будешь спать, но могу убить тебя, когда ты будешь бодрствовать! [6, с. 265–267].

Также описывается внутренняя борьба с собственной гордыней. Так, богатырь *Ньургун* по велению Творца *Айы́* приходит свататься к девице богатырше *Кыс Ньургун*, мол, мы с тобою по велению Верхнего Бога *Айы́* должны стать родоначальниками благородного племени *айы́*. Но суженая встречает его с гонором – ты кто такой, как посмел, давай выйдем поборемся, если победишь, так уже быть, выйду за тебя. Они выходят, долго борются, но никто не побеждает. Она приказывает *Ньургуну* идти в нижний мир и освободить ее



брatца из плена демона. *Ньургун* послушно уходит освобождать брата своей суженой. Оставшись одна, *Кыс Ньургун* впадает в раздумья – как же я отправила своего жениха на верную гибель,

«...Прекрасная *Кыыс Ньургун*, несколько времени постояв в безмолвии, сказала так: «Хотя и не было у меня желания выходить замуж, но как я могу своевольничать.

В олонхо муж и жена живут в полном согласии; семейных неурядиц, измен, непочтительного отношения друг к другу супруги не допускают. При обращении к богатырю всегда упоминаются имена обоих родителей. Отношение хозяйки к домочадцам мягкое, ласковое.

Олонхо описывает переходной этап общественного строя – от матриархата в патриархат. С наступлением патриархата появляется культ воина, вождя, главы, хана, кагана и т.д. Тенгризм придерживается положения о божественном происхождении власти, на основе которого возникла идеология института государства, объединявшая родоплеменные союзы.

Ш. Бира пишет – «нет сомнения в том, что поклонение Небу возникло сначала среди более ранних представителей алтайских народов Центральной Азии. По крайней мере, хунну, которые представляли западную, хунну-алтайскую ветвь из двух основных ветвей, на которые как предполагают многие исследователи, распалась древнейшая общность алтайских народов в период между X и V веками до н.э. Вполне возможно, что этот культ у древних праболгар (Тангра) по своему происхождению ближе всего стоит к хунну-алтайскому первоварианту культа Неба» [7, с. 6–7].

Шагдар Бира как и Жан-Поль Ру говорит о монотеистичности тенгризма. И это положение почитания небесного Бога Тенгри придерживалось не только всеми кочевниками Великой Степи, но и праболгарами.

Имеется описание одной из надписей на древнегреческом языке под датируемым VII–VIII вв. грандиозным рельефным изображением всадника в Болгарии «Мадарский всадник», высеченного на отвесной скале <...Хан сыбиги Омуртаг, правитель от бога ...> ...<... и принес жертву богу Тангре [...]» [8, с. 11]. Считается, что это изображение – образ бога Тангра (Тенгри). Видимо, под этим изображением, древние предки болгар проводили тенгрианские обряды и делали жертвоприношения.

Гипотеза, выдвигаемая в данной работе: изначальной родиной прапредков *уранхай саха* является район стыка горных систем Каракорума – Гиндукуша – Гималаев. Там и зародилась их вера в *Айы Тангара*, Творца Бога. Он сотворил бездонное многоярусное звездное Небо – место обитания его ипостасей *айы*.

бель, как я посмела послушаться веления Верхнего Бога *Айы*. Как же я такой грех совершила, что же мне делать? Ее согласие выйти замуж за *Ньургун*на красочно передает олонхо:

Мы и прежде договаривались. Придется выйти, как тут возражать?» И поцеловалась с мужем по три раза в верхние губы, по шесть раз в нижние губы...» [6, с. 351].

Если материалы якутского героического эпоса олонхо описывают первоначальной страной древних родоначальников *уранхай саха* районы стыка горных систем Каракорума – Гиндукуша – Гималаев, то древние предки *уранхай саха* могли иметь тесные исторические и родственные связи с древними индоиранцами и племенами тибетского происхождения.

В доказательство гипотезы проживания в этом районе родоначальников *уранхай саха* приводятся два бесспорных факта.

Первый факт – это то, что олонхо говорит о первоначальной прародине предков *уранхай саха* как о стране, где зимуют их священные птицы *кыталык* – стерхи.

Стерхи – крупные белые сибирские журавли с красными клювом и ногами, летуют и гнездятся в тундровой зоне Западной и Восточной Сибири. На зимовку мигрируют на юг, стерхи Западной Сибири зимовали в высокогорных районах севера Пакистана, Афганистана и Индии. Стерхи, или белые журавли с красными клювами и ногами, находятся под угрозой исчезновения и занесены в международные списки Красной книги Международного союза охраны природы и конвенции по международной торговле животными СИТЕС, а также Красной книги России.

Олонхо описывает высокогорный ландшафт, где верхние долины – верхний мир, средние долины – средний мир и нижние долины – нижний мир.

В олонхо говорится о долине-праматери *Кыладыкы* в Среднем мире [9, с. 64]. Это – горная долина, куда по велению *Айы* будущего родоначальника *Ньургун*а и его сестру-близнеца *Туйарыму Куо* в малолетнем возрасте спускают родители с верхнего мира [9, с. 425].

«...В этой долине зимуют стерхи.

Прославленное имя её —

Праматерь *Кыладыкы*...

... Здесь птицы-стерхи поют,

У которых граненый клюв,

Красная кайма на глазах...» [9, с. 46–47].

Родители живу на верхней долине *Сайдылыкы*, где также зимуют стерхи:

«...Вот она – прекраснейшая страна,

Где воркуют горлицы круглый год,

Где зимуют белые журавли (стерхи)...

... Где стерхи – белые журавли

Зимой и летом живут ...» [9, с. 428]



По Указу Индиры Ганди в 1981 году на месте зимовки стерха в округе Бхаратпур создан национальный парк Кеоладео. Название *Кеоладео* идентично названию долины *Кыладыкы*, где зимуют эпические стерхи олонхо.

Нагарпарк в Пакистане раньше был местом размножения стерхов [10].

Мы в апреле 2018 г. посетили в северном Пакистане городок Бахрейн в округе Сват провинции Хайбер-Пахтунхва. Встретились там с 103-летним старцем Баба. Он рассказал, как они в детстве смотрели на стерхов, слетающих на гумно местного раджи. Тот им бросал зерна и птицы клевали их. Также рассказал, что стерхов в его молодости прилетало много, они также зимовали в болотах озера Маходанд.

Озеро Маходанд питается тающим ледником горы Гиндукуш и дающим начало Ушухвару, который является главным левым притоком реки Сват.

Сват протекает по провинции Хайбер-Пахтунхва, где в древности была страна *Уддияна-Оргьен*. Б.И. Кузнецов пишет, что «Уддияна включала в себя восточную часть Афганистана и долину Сват в Пакистане, то есть территорию между современными Афганистаном и Индией» [11, с. 154].

Миранда Шо пишет, что «Уддияна, Удайна или Удаян – это классическая страна колдовства в районе современных границ Тибета, Индии и Пакистана (совр. Пешавар). В этой стране живут *дакини* – женские божества-сущности буддийской традиции, пробужденные женщины» [12, с. 311].

На санскрите *дакини* – женщина-демон. *Дайана*, *даяна* – 1) метание 2) полёт [13, 896 с.]. По-якутски *дай* – воспарить, взлететь.

В олонхо образ стерхов принимают небесные *удабан* – шаманки. Одну из основных героинь олонхо, старшую сестру *Ньургуну*, оборачивающуюся стерхом и прилетающую к нему на помощь, зовут *Айы Умсур Удабан* [6, с. 228–231]. *Удабан* – летающая, пробужденная женщина.

Б.И. Кузнецов пишет, что «проповедник буддизма Падмасамбхава прибыл из небольшого княжества *Уддияна*, расположенного в долине Сват между территорией современного Афганистана и Индии. В этом районе тесно соприкасались друг с другом буддизм, индийские культы и культы иранского происхождения» [11, с. 154].

Тюркская культура, имея более чем 7–8 тысячелетнюю историю, имела тесные исторические связи с иранской и индийской культурами, находилась в постоянном взаимодействии с культурами Передней Азии и Средиземноморья и китайской культурой [14, с. 77].

Второй факт также как и первый подтверждает, что первоначальной страной древних родоначальников *уранхай саха* был район стыка горных систем Каракорума – Гиндукуша – Гималаев и где зимовали стерхи Обской популяции.

Красноярским генетиком В.В. Фефеловой была выдвинута новая гипотеза этногенеза якутов, согласно которой «субстратная основа якутского этноса связана не с монголоидными и тюркоязычными племенами, как считалось ранее, а с индоевропейскими племенами древних ариев, которые впоследствии смешались с монголоидными племенами» [15]. Эта гипотеза была опубликована в одном из ведущих генетических журналов мира – «American Journal of Human Genetics».

В.В. Фефелова: «Якутская популяция отличается высокой частотой гена HLA-B17, гаплотипа HLA-A1, B17 и отсутствием или крайне низкой частотой гаплотипа HLA-A1, B8. Наиболее близкие показатели такой популяции имеют жители Индии» [16, с. 23]. Результатом исследований В.В. Фефеловой стал вывод о том, что «в сложении якутского народа принимали участие главным образом две большие ветви: арийская и тюркская» [16, с. 210].

Якутский генетик С.А. Федорова также пишет, что «Происхождение древних западноевразийских линий в генофонде якутского этноса, по-видимому, связано с доэтническим этапом формирования якутов как отдельного народа – скифо-сибирским, последующим гунно-сарматским и древнетюркским временем. Некоторые из этих линий возникли на Ближнем Востоке, мигрировали по степному евразийскому коридору через Среднюю Азию и Южную Сибирь и появились на территории Якутии с тюркоязычными предками якутов. Таким образом, данные генетической археологии подтверждают присутствие древнего европеоидного компонента в генофонде якутов, выдвинутой проф. В.В. Фефеловой на основании результатов исследований системы HLA» [17, с. 63–64].

Так же международная группа генетиков, работавших в Монголии, выявила «совпадение с гаплотипом якута C3*: 15–12–15-X-13–29–24–10–11–13 с гаплотипами из захоронений древних хунну (*сюнну*) в секторе С некрополя Эгийн-Гол в Монголии (2000 л. назад) и гаплотип из захоронения 84,1 (сектор В, некрополь Эгийн-Гол) с характерным для якутов N1c1 значением числа повторов в локусе DYS392 = 16» [18].

Ученые получили и исследовали данные ядерной и полной митохондриальной ДНК, полученных из скелетных останков 52 человек группы хунну из могильника Тамир Улан Хошуу (TUK) в Центральной Монголии. Это захоронение, относящееся к периоду хунну, использовалось с первого века до нашей эры до первого века нашей эры [18].

Гумилев Л.Н. ставил вопросы о хуннах – «каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий – в чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хунны для соседей и что оставили они потомкам? Найдя ответы на поставленные вопро-

сы, мы тем самым правильно определим значение хуннов в истории человечества» [19, с. 19].

Уранхай саха – род хуннского племени. В III–IV вв. в Якутии появляются хунно-сэнбийские предметы [20 с. 57]. Это еще хуннское время. В другой работе А.Н. Алексеева «Ранние кочевники Якутии» на материалах из археологических раскопок также есть доказательства, подтверждающие хуннское происхождение прибывших на среднюю Лену родоначальников саха (якутов) [21 с. 62–69].

Это положение подтверждается и якутским эпосом, в котором саха называют себя *Сүг хаан улуу-стара / улусы Сүгг хаана* [6, с. 66–67]. На якутском *Сүг=һүг – сүнэ=һүнэ* – массивный (здание, бревно), величественный (человек), великий могучий, огромный; *Сүг Хан* – имя верхнего духа (Гром); *сүг хан* – эпитет божества *хотой айы* [23, стлб. 2393]. *Уранхай саха* в эпосе – род племени могучего *Сүнэ / һүнэ* хана, в китайской передаче – *сюнну / хунну* хана.

По историческим материалам, хунну сложились как народ в степи, примыкающей к южной окраине пустыни Гоби, но это их вторичная родина. Олонхо говорит об изначальной родине *уранхай саха* не как о пустыне, а как о цветущей чистой долине, окруженной высокими горами. Здесь всегда лето, зелено, множество горных ручьев, рек, горные скалы возвышаются как беломордые быки-порозы, падающие с гор камни размером с коровы.

В Махабхарате, Рамаяне говорится об острове *Сакадвипа / Шакадвипа*, окруженном «молочным / творожным» океаном, расположенном на северо-

западе Индостана, за Гималаями и населенном *саками*.

За Гималаями, окруженный белоснежными горами, зимой заперенное как творог снегом, находится Тибетское плоскогорье (рис. 1).



Рис. 1. Тибетское плоскогорье

Олонхо описывает его как средний мир, куда *уранхай саха* через *артыки* – горные перевалы Гиндукуша, Гималаев, перекочевывали на летовку с южных долин этих гор – верхнего мира. И, чтобы по велению *Айы* освоить эту долину, родители спускают туда своих детей *Ньургун* и *Туйарыму Куо*. Впоследствии они должны стать родоначальниками *уранхай саха*. Вот как описывается средний мир олонхо:

«...Эта местность, как пуп земли,
прочно в полном расцвете утвердилась и как самое велико-
лепное средоточие мира в полной и пышной красе установи-
лась.
Достигла она предельного совершенства как (необозримая)
такая равнина, что неведомо, есть ли

имеет ли она потусторонний край;
с пространством необъятным,
с очертаниями невидимыми
широкой вольготной страной стала она; в длину тянется
на тридцать кёс
в ширину достигает девяти кёс,
без лесов и деревьев посередине —
такая она чистая страна была, оказывается...» [6, с. 65]

По исследованиям генетиков хунну связаны со скифами Сибири [18]. А поскольку скифы и саки были частями одной скифо-сакской этнокультурной общности, выводы генетиков о наличии древнего европеоидного компонента в генофонде якутов верны. Древние саки и предки народа саха получают одной этнокультурной общностью из *Сакадвипа*.

Таким образом, предки саха (якутов) являются представителями древнего смешанного сако-хуннского племени. Изначальное смешение хунну и саков, произошло в районе стыков горных систем Каракорума, Гиндукуша и Гималаев.

Каракорум, *кара корум* – тюркское выражение, обычно переводимое как «черная насыпь». Но слово *кара / хара* имеет и другое значение – изначальное, настоящее. Например, родитель благословляет ребенка: *Киһи хара буол!* – Стань настоящим человеком! или выражение *хара ааныттан* – с самого начала, при половом действии – *хара уута кэллэ* – настоящая вода пришла. Слово *корум / күрүөм* переводится как *моя изгородь*, т.е. *кара корум* означает *изначальная моя изгородь*, в смысле *изначальная родина*.

В олонхо постоянный эпитет изначальной земли обычно подчеркивает как имеющую окраину, окаймление, воротник с восемью ободами:

...абыс иилээх сабалаах
атааннаах-мөнгүннээх
аан ийэ дойду... [6, с. 110]

... с восемью ободами во-
ротниками
вздыбленно-бугристая
изначальная мать-земля

На карте, где показан стык горных систем Куньлуня, Каракорума, Гиндукуша, Гималаев, Тибетское плоскогорье имеет множество горных ободов – параллельно лежащих хребтов, образовавшихся налезанием Евразийской плиты на Индостанскую плиту – Гималаи, Транс-Гималаи, Малые Гималаи, Внешние Гималаи, Кайлас, Заскар, Ладакх, Сивалик (рис. 2).



Рис. 2. Каракорум

Таким образом, район стыка Каракорума, Гиндукуша, Западных Гималаев является местом, с которого берут истоки любимого занятия древних уранхай саха – учения веры в Айы Тангара, якутского тенгризма.

Их потомки саха (якуты) проповедуют тенгризм и сегодня. В Республике Саха (Якутия) официально действуют тенгрианские религиозные организации: *Аар Айыы Итэгэлэ* (2011), *Айыы итэгэлэ* (2015), *Айыы Тангара итэгэлэ* (Вера в Айыы Тангара Тенгри) (2019). Создан Международный Фонд Исследования Тенгри (2011), который объединил тенгриведов из России, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Болгарии и других стран. Фонд проводит тенгриведческие конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность», издает сборники материалов конференций, которые размещает на сайте <https://tengrifund.ru> и научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Но в целом, в академической науке тенгриведение – направление новое, перспективное, требующее академического признания и дальнейшего исследования.

Литература

1. Абаев Н.В. Влияние тенгрианства на экологическую культуру и этногенез тюрко-

- монгольских народов Алтай-Байкалии. Отв. ред. Е.А. Цукерман. – М.: VJBY Publishing, 2011.
2. Ру Жан-Поль. Тэнгри. Очерк о небесном Боге алтайских народов (четвертая статья). Истории религий, т. 150, № 2. (на франц.). – Париж: изд. универ. Франции, 1956.
3. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Э.К. Пекарский. – Словарь якутского языка. М.: АН СССР, 1959 Т. I.
4. Трошанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. – Казань: Типолитография императорского Университета, 1902.
5. Безертинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов. – Набережные Челны: Аяз, 1997.
6. Оросин К.Г. Олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» / Редактура, перевод, комментарии Г.У. Эргис. – Якутск: Госиздат, 1947.
7. Бира Ш. К изучению истории культа Тнгри у монголов. – Уланбаатар хот «Цалиг» хэвлэлийн газар, 2011.
8. Петков К. Голоса средневековой Болгарии, VII–XV века: Записи исчезнувшей культуры. – Лейден и Бостон: Брилл, 2008.
9. Ойунский П.А. Ньургун Боотур Стремительный. Пер. В. Державина. – Якутск: Якутское Книжное Издательство, 1975.
10. Журавли-сарусы в Нагарпаркоре // Технологии. Времена. – 2012–2 июня. – URL: <https://technologytimes.pk/2012/06/02/sarus-cranes-in-nagarparkar/> (дата обращения: 06.10.2025)
11. Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. – СПб.: Евразия, 2001.
12. Шо М. Страстное просветление: женщины в тантрическом буддизме. – Москва: Добрая книга, 2001.
13. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: Около 28000 слов. – М.: Русский язык, 1978.
14. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. – Алматы: КазНПУ им. Абая. Редактор С. Жусупов. Изд-во «КИЕ», 2012.
15. Сайт института медицинских проблем Севера. Фелелова Вера Владимировна. Доктор биологических наук (1991), профессор (2000). – URL: http://imprn.ru/nauchnaya/about/person/fefelova_vv/ (дата обращения: 11. 11. 2025)
16. Фелелова В.В. Предками якутов были арийцы. – Красноярск: Офсет, 2014.
17. Федорова С.А. Происхождение якутов: молекулярно-генетические реконструкции в сравнении с гипотезами историков // Якутский медицинский журнал № 3(59), 2017. – С. 60–64.
18. Keyser C., Zvenigorosky V., Gonzalez A. et al. Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia // Human Genetics. V. 140. – 2020. – P. 349–359. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32734383/> (дата обращения: 23.08.2025)

19. Гумилев Л.Н. История народа хунну. Кн.1 – М.: Институт Ди-Дик, 1998.
20. Алексеев А. Н., Алексеева Е.К., Аргунов В.Г. и др. История Якутии: в 3 томах / Под общей редакцией А.Н. Алексеева. Т. I. – Новосибирск: Наука, 2020.
21. Алексеев А.Н. Доклад на научно-практической конференции «Происхождение народа саха и развитие государственности Якутии в составе России» (г. Якутск, 27 сентября 2021 г.) // Материалы конф. под общ. ред. Ю.И. Семенова. – Якутск: Информ. Центр НБ РС(Я), 2022. —
22. Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – Якутск, 2013. – Т. 10, N 5. – С. 62–69.
23. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. II. – М.: АН СССР, 1959 г.

THE ORIGINS OF URANHAI SAKHA TENGRISM

Fedorova L.V.

International Fund of Tengri Research

Today most researchers agree that the Sakha's ancestors arrived in the IV–V centuries to the Middle Lena river through Lake Baikal from the Krasnoyarsk-Minusinsk region. They brought with them their traditions and religious faith in the Ayy Tangara. According to the conclusions of a collective monograph by Yakut scientists on the history of Yakutia the Sakha's (Yakuts) ancestors who arrived in the Middle Lena were of Xiongnu origin. According to historical data in the 10th century BC, the Xiongnu began to gradually migrate from the southern edge of the Gobi Desert to the northern one. But the Gobi Desert was not the original homeland of Uranghai Sakha's ancestors. The southern outskirts of the Gobi were a secondary homeland. The Yakut heroic epic Olonkho locates the original homeland of Uranghai Sakha in a flourishing mountain valley surrounded by snowy mountain ranges. The southern side of the Gobi is adjacent to the Tibetan Plateau, which is surrounded by the majestic mountain systems of the Himalayas, Kunlun, Karakorum, Hindu Kush. The analysis of the considered materials leads to the fact that the Yakut heroic epic Olonkho places the original ancestral homeland of Uranghai Sakha in the valleys of the junction of the Karakorum, Hindu Kush, and Western Himalayas. This means that this area should also be the place where the Sakha faith in the Heaven Creator Ayy Tangara, which belongs to the family of faith in the Tengri of the Turkic, Mongolian and proto-Bolgar peoples, originates.

Keywords: Tengrism, Tengri, Ayy, Tangara, Olonkho, Xiongnu, Aigys, Sterkh, Sakha, Uranghai.

References

1. Abaev, N. (2011) Vliyanie tengrianstva na jekologicheskuyu kul'turu i jetnogenezu tjurko-mongol'skikh narodov Altaj-Bajkalii [The influence of Tengrianism on the ecological culture and ethnogenesis of the Turkic-Mongolian peoples of Altai-Baikal], Ed. by E.A. Zukerman. Moscow: VJBY Publishing. (In Russian)
2. Roux, Jean-Paul. (1956) Tängri. Essai sur le Ciel-Dieu des peuples altaïques: IV. – Tängri, le grand dieu céleste Tengri [Tengri. An essay on the heavenly God of the Altai peoples (fourth article)]. History of Religions, Vol. 149, № 2, Paris: ed. University, France, pp. 197–230 (34 pages)
3. Pekarskiy E.K. Slovar jakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language. T. I]. M.: Izd. AN SSSR, 1959.
4. Troshchansky, V. (1902) Jevoljucija chernoj very (shamanstva) u jakutov [The evolution of black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan: Typolithography of the Imperial University. (In Russian)
5. Bezertinov, R. (1997) Tengrianstvo – religiya tyurkov i mongolov [Tengrianism – the religion of the Turks and Mongols]. Naberezhnye Chelny: Ayaz. (In Russian)
6. Orosin, K. (1947) Olonho «N'urgun Bootur Stremitel'nyj» [Olonkho «The Swift Nyurgun Bootur»], Editing, translation, comments by G.U. Ergis, Yakutsk: Gosizdat.
7. Bira, Sh. (2011) K izucheniyu istorii kulta Tngri u mongolov [To study the history of the Tngri cult among the Mongols]. Ulanbaatar city publishing house «Tsalig». (In Russian)
8. Petkov, K. (2008) The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh–Fifteenth Century: The Records of a Bygone Culture. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450, 5.) Leiden and Boston: Brill.
9. Ojunsy, P. (1975) Nyurgun Bootur Stremitel'nyy [The Swift Nyurgun Bootur], Yakutsk: Yak. Book Publishing House. (In Russian)
10. Cranes in Nagarparkar // Technologies. Times. – 2012. – June 2. URL: <https://technologytimes.pk/2012/06/02/sarus-cranes-in-nagarparkar/> (date of request 06.10.2025)
11. Kuznetsov, B. (2001) Bon i mazdaizm [Bon and Mazdaism]. St. Petersburg: Eurasia Publ. (In Russian)
12. Shaw, M. (2001) Strastnoe prosvetlenie: zhenshiny v tantricheskome buddizme [Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism]. Moscow: Dobrya kniga Publ. (In Russian)
13. Kochergina V.A. Sanskritsko-russkoe slovar [Sanskrit-Russian Dictionary: About 30,000 words]. M.: Russian language, 1978. 944 p. (In Russian)
14. Ayupov, N. (2012) Tengrianstvo kak otkrytoe mirovozzrenie [Tengrianism as an open worldview], Almaty: KazNPU named after the Abay, Publishing house «KIE». (In Russian)
15. Website of the Institute of Medical Problems in the North. Fefelova Vera Vladimirovna. Doctor of Biological Sciences (1991), Professor (2000). URL: http://imprn.ru/nauchnaya/about/person/fefelova_vv/ (date of request 11. 11. 2025)
16. Fefelova, V. (2014) Predkami jakutov byli ariytsy [The ancestors of the Yakuts were Aryans]. Krasnoyarsk: Ofset Publ. (In Russian)
17. Fedorova, S. (2017) Proishozhdenie jakutov: molekulyarno-geneticheskie rekonstrukcii v sravnenii s gipotezami istorikov [The origin of the Yakuts: molecular and genetic reconstructions in comparison with the hypotheses of historians]. Yakut Medical Journal, № 3(59), pp. 60–64. (In Russian)
18. Keyser C., Zvenigorosky V., Gonzalez A. et al. Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia // Human Genetics. V. 140. 2020. P. 349–359. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32734383/> (date of request 17.09.2025)
19. Gumilev, L. (1998) Istoriya naroda hunnu [The history of the Xiongnu people]. Book 1, Moscow: Institute of Di-Dic. (In Russian)
20. Alekseev, A., Alekseeva E., Argunov V. et al. (2020) Istoriya Jakutii: v 3 tomah [The history of Yakutia: in 3 volumes], Under the general editorship of A. Alekseev, T. I., Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
21. Alekseev, A. (2021) Doklad na nauchno-prakticheskoy konferencii «Proishozhdenie naroda saha i razvitie gosudarstvennosti Jakutii v sostave Rossii» [Report at the scientific and practical conference «The origin of the Sakha people and the development of the statehood of Yakutia as part of Russia»], Proceedings of the conference under the general editorship of Yu. Semenov, Yakutsk: Inform. Center NL RS(Ya). (In Russian)
22. Alekseev, A. (2013) Rannie kochevniki v Jakutii [Early nomads in Yakutia], Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. Ammosov, Vol. 10, № 5, pp. 62–69. (In Russian)
23. Pekarskiy E.K. Slovar jakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language. T. II]. M.: Izd. AN SSSR, 1959.



Сопоставительный анализ онтологических метафор в российско-китайском политическом дискурсе – на материале Послания Президента Федеральному Собранию Владимира Путина и книги «Си Цзиньпин о государственном управлении»

Чжан Тин,

магистр, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 309399576@qq.com

Цай Вэй,

доцент, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 554535896@qq.com

Статья посвящена сопоставительному анализу онтологических метафор в российском и китайском политическом дискурсе на материале Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Владимира Путина и книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» (том II). Цель исследования состоит в выявлении общих и специфических особенностей функционирования растительных, зооморфных и болезненных метафор в двух политических текстах. Теоретической основой работы служит теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона; применяются методы контекстуального, семантико-когнитивного и сопоставительного анализа. Установлено, что онтологические метафоры в обоих дискурсах выполняют когнитивно-моделирующую, аксиологическую и прагматическую функции. При этом китайский политический дискурс преимущественно ориентирован на репрезентацию внутреннего развития, нравственного воспитания и социальной гармонизации, тогда как российский – на осмысление внешней угрозы, конфронтации и защиты государственного суверенитета. Сделан вывод о национально-культурной обусловленности метафорических моделей и их значимости для политической коммуникации.

Ключевые слова: Онтологическая Метафора, Политический Дискурс, Концептуальная Метафора, Российско-Китайское Сопоставление, Когнитивная Лингвистика, Политическая Коммуникация

Введение

В современной политической лингвистике особую значимость приобретает изучение метафоры как когнитивного механизма концептуализации политической реальности и как средства репрезентации идеологических установок, ценностных ориентиров и стратегий государственного управления. Политический дискурс, будучи одной из ключевых форм институциональной коммуникации, не только передает политическую информацию, но и формирует способы интерпретации общественно значимых явлений. В этом отношении концептуальная метафора выступает важнейшим инструментом смысловой организации политического текста, поскольку позволяет переводить абстрактные политические идеи в конкретные, культурно распознаваемые и коммуникативно эффективные образы. Особенно перспективным представляется сопоставительное исследование метафорических моделей в политическом дискурсе России и Китая, поскольку оно дает возможность выявить как универсальные когнитивные механизмы, так и национально-культурную специфику политической образности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью углубленного анализа онтологических метафор в российско-китайском политическом дискурсе в аспекте их когнитивной, аксиологической и прагматической функций. Материалом исследования послужили Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Владимира Путина и книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» (том II), в которых онтологические метафоры используются как значимый ресурс политической аргументации и ценностного моделирования. Цель работы состоит в выявлении общих и специфических особенностей функционирования растительных, зооморфных и болезненных метафор в указанных текстах. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить теоретические основания анализа в рамках концептуальной метафоры, выявить основные типы онтологических метафор в двух политических текстах, установить особенности их семантической организации и сопоставить их роль в репрезентации внутренних и внешних политических проблем. Научная новиз-

на работы заключается в комплексном сопоставительном рассмотрении онтологических метафор в российском и китайском политическом дискурсе с учетом их связи с национально-культурной символикой и различными моделями политического мышления. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о метафорической концептуализации в политическом дискурсе, а практическая в возможности использования полученных результатов в исследованиях политической коммуникации, межкультурной прагматики и перевода политических текстов.

Теория концептуальных метафор

Политический дискурс как ядровое понятие политической лингвистики является основным носителем и вербальным проявлением политической коммуникации. Хотя в научном сообществе существует широкое и узкое определение политического дискурса, общепризнано, что он «является вербальной деятельностью, непосредственно связанной с политической коммуникацией, вербализующей политические тексты и выступающей как событие политической коммуникации», а также «единством языковой формы, смысла и действия» [3]. В узком смысле политический дискурс сосредотачивается на институциональном дискурсе, охватывая прототипные жанры, такие как президентские послания, партийные программы, ядровые политические труды, и прямо отражает стратегию развития и концепцию государственного управления страны; в широком смысле любой дискурс, у которого хотя бы один из элементов субъект, адресат или содержание коммуникации связан с политикой, может быть отнесен к категории политического дискурса [10]. Независимо от широкого или узкого определения, основная функция политического дискурса всегда заключается в передаче политических идеалов, консолидации общественного консенсуса и направлении общественного восприятия, а метафора является ключевым когнитивным инструментом для реализации этой функции.

Шу Динфан считает: «Метафора не только является языковым явлением, но и по своей сути является инструментом, с помощью которого человек познает окружающий мир и формирует понятия». «Метафора является результатом отображения одного концептуального поля (источника) на другое концептуальное поле (целевого объекта) в когнитивной структуре человека» [4]. Метафора влияет на способ мышления людей о сложной реальности, а затем способствует формированию привычек, ценностей, убеждений и идеологии [9]. При сочетании политического дискурса с механизмом метафоры образуется политическая экспрессивная система, несущая специфическую культуру и логику государственного управления. Абстрактность политического дискурса сочетает-

ся с конкретизирующей функцией метафоры, благодаря чему метафора становится неотъемлемой частью политических текстов. Россия и Китай как великие страны с глобальным влиянием характеризуются репрезентативным выбором метафор в своих ядровых политических текстах. Исходя из этого, данная работа выбирает как языковой материал послание Президента Федерального Собрания Владимира Путина 2023 года и второй том книги «Си Цзиньпин о государственном управлении», сравнивает типы онтологических метафор в этих двух текстах, стремясь предоставить теоретическое обеспечение и практические рекомендации для межкультурного взаимодействия в политическом дискурсе.

Теория концептуальных метафор была разработана Лакоффом и Джонсоном. В 1980 году их работа «Метафоры, которыми мы живем» [7] перенесла исследование метафор с традиционной риторической функции дискурса на новые области, такие как концептуальное мышление и когнитивная функция метафор, открыв новую стадию в исследовании метафор [5]. Эта теория пробила узкое понимание метафоры как «поверхностного языкового украшения» в традиционной лингвистике и впервые раскрыла суть метафоры: она не является просто вербальным приемом, а ядровым механизмом мышления, с помощью которого человек познает мир, формирует понятия и передает смысл.

Как подчеркивают Лакофф и Джонсон, абстрактное мышление человека в значительной степени метафорично, и наши когнитивные рамки, с помощью которых мы понимаем сложные понятия (например, политику, эмоции, время), по своей сути формируются за счет отображения семантических черт конкретных *Erfahren*ческих полей (источниковых полей). Это отображение не является случайным ассоциацией, а основано на общем телесном опыте, социальной практике и когнитивных законах человека, обладает системностью, последовательностью и универсальностью, что также создает теоретические предпосылки для сравнения метафор в разных языках и культурных контекстах.

Лакофф и Джонсон в зависимости от отношения между источниковым полем и целевым полем разделяют концептуальные метафоры на три категории: структурные метафоры, ориентационные метафоры и онтологические метафоры [2]. При этом онтологическая метафора означает понимание определенного *Erfahren*ческого явления с помощью действия, производимого объектами и веществами, преобразование абстрактных, иллюзорных веществ в конкретные, реальные и хорошо известные нам вещи, а также рассматривание невидимых, трудно понятных и незнакомых понятий как конкретизированных, хорошо известных существностей [1].



Данная работа выбирает метафоры «растений», «животных» и «болезней», используемые в двух текстах – послании Президента Федерального Собрания Владимира Путина и книге «Си Цзиньпин о государственном управлении», анализирует их различия в сочетании с конкретными языковыми примерами и раскрывает различные когнитивные особенности и культурную специфику в российском и китайском политическом дискурсе.

Сопоставление онтологических метафор в российском и китайском политическом дискурсе

Основная ценность растительных метафор заключается в том, что через наглядное восприятие законов растительной жизни роста, распространения, увядания и уничтожения они переводят абстрактные политические идеалы и цели государственного управления в понятные и чувственно воспринимаемые образы. Тем самым создается коммуникативный мост между политическим дискурсом и общественным восприятием за счет семантического соотнесения конкретной и абстрактной сфер. При этом в выборе растительных образов в китайских и российских политических текстах наблюдаются различия: китайский политический дискурс чаще использует образы, сочетающие природные свойства роста с культурной символикой, например «сосна», «бамбук», «семя», тогда как российский дискурс тяготеет к негативным образам с разрушительными и инвазивными признаками «сорняки», «ядовитые растения», «паразитические лианы».

В разделе «Неуклонно продвигать строительство честности и неподкупности в партии и борьбу с коррупцией» книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» приводится выражение: «Новые сосны с горечью желают вырасти на тысячи футов, злые бамбуки должны быть срублены миллионами стволов». Здесь «новые сосны» метафорически обозначают честный и перспективный кадровый резерв партии, а «злые бамбуки» коррупционные силы. Образ «новых сосен» воплощает не только здоровое развитие кадров, но и культурно закреплённые в китайской традиции качества сосны: стойкость, морозоустойчивость, вечную зелень, ассоциируемые с твердыми убеждениями и высокой нравственностью. Формула «желать вырасти на тысячи футов» передает стремление формировать высококвалифицированный партийный резерв, отражая логику позитивного политического воспитания. Напротив, «злые бамбуки» символизируют коррупцию через свойства быстрого разрастания, захвата ресурсов и трудности искоренения; выражение «срубить миллионами стволов» подчеркивает решимость полностью уничтожить коррупцию и усиливает

ценностную установку «вращивать добро и подавлять зло».

В разделе о решающем этапе построения общества всеобщего достатка бедные массы сравниваются с «семенами надежды»: подчеркивается, что избавление от бедности должно достигаться их собственным трудом при политической поддержке и идейном руководстве. Кроме того, развитие социализма с китайской спецификой уподобляется росту дерева: «маленькое дерево» символизирует трудный начальный путь развития государства, а «тень большого дерева» ответственность Китая перед мировым развитием.

Метафоры растений в Послании Президента Федеральному Собранию Владимира Путина в значительной степени организуются вокруг смысловых доминант «противодействия внешней угрозе» и «устранения деструктивных сил», причем их образная система характеризуется отчетливо выраженной негативной аксиологической направленностью. Так, при характеристике украинских неонацистских сил используется образ «сорняков»: свойства сорных растений стихийное разрастание, вытеснение других форм жизни, захват жизненного пространства и трудность искоренения соотносятся с представлением об их экспансивности, устойчивости и опасности. В этом случае растительная метафора позволяет репрезентировать угрозу как явление, требующее своевременного и решительного пресечения. Аналогичную функцию выполняет образ «ядовитых растений» при описании западной поддержки Украины. Данная метафора акцентирует не только опасность поддерживаемых сил, но и разрушительный эффект внешнего вмешательства, тогда как глагол «подкармливать» концептуализирует западную помощь как сознательное стимулирование дальнейшей эскалации конфликта.

Сходная семантическая модель проявляется и в метафоре «паразитических лиан», используемой при описании угроз национальной безопасности. Характерные признаки паразитических растений: зависимость от носителя, поглощение его ресурсов и постепенное разрушение основы существования соотносятся с образом внешних интервенционистских сил, которые внедряются в суверенное пространство и подрывают внутреннюю устойчивость государства. В свою очередь, западное идеологическое воздействие осмысливается через образ «плесени», что позволяет подчеркнуть его скрытый, труднораспознаваемый и одновременно длительный разрушительный характер. Подобно тому как плесень развивается незаметно, но постепенно поражает объект изнутри, идеологическая инфильтрация в данном дискурсе предстает как форма латентного воздействия, направленного на ослабление общественной и ценностной целостности. Таким образом, растительные метафоры в рассматриваемом политическом

дискурсе выполняют не только экспрессивную, но и концептуализирующую функцию: они формируют образ внешней угрозы как органически чуждого, агрессивного и подлежащего устранению явления.

Основная ценность метафор животных заключается в том, чтобы с помощью конкретизированного восприятия человеком привычек и черт животных преобразовать абстрактные атрибуты политических сил, взаимодейственные отношения и логику действий в воспринимаемые конкретизированные выражения. Ее суть заключается в построении коммуникационного моста между политическим дискурсом и общественным восприятием через семантическое отображение между животным полем и политическим полем. Однако китайский политический дискурс предпочитает позитивные образы с чертами трудолюбия, самоотверженности и стойкости, такие как «крупный рогатый скот», «пчела», «верблюд»; российский политический дискурс же акцентирует внимание на негативных образах с агрессивными, присоединительными и опасными чертами, такие как «шакал», «ядовитая змея», «гиена».

В разделе «Продвигать адресную помощь бедным и адресное избавление от бедности» книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» подчеркивается, что борьбу с бедностью следует продвигать «как старый вол, шаг за шагом». Образ старого вола, связанный с трудолюбием, выносливостью, основательностью и сосредоточенностью на обработке земли, передает практический, последовательный и глубоко укорененный характер работы по сокращению бедности: подобно тому как вол не боится тяжелого труда и терпеливо пашет землю, борьба с бедностью должна опираться на базовый уровень, требовать длительных усилий и исключать формализм и поверхностный подход. Выражение «шаг за шагом» дополнительно конкретизирует эту задачу, превращая абстрактную политическую цель в наглядный образ добросовестного и устойчивого движения вперед и тем самым выражая человекоориентированную концепцию государственного управления. В разделе «Придерживаться идеологии развития, ориентированного на человека» работа по улучшению народного благосостояния сопоставляется со «сбором нектара пчелами». Такие качества пчел, как трудолюбие, самоотверженность, постепенное накопление и коллективное создание меда, подчеркивают, что работа в сфере благосостояния должна начинаться с повседневных нужд и охватывать широкие массы. Подобно тому как пчелы неустанно собирают нектар с множества цветов, политика народного благосостояния должна объединять усилия разных сторон и учитывать разнообразные потребности населения, а идея общего пользования результатами этого труда выра-

жает установку, согласно которой плоды развития должны принадлежать всему народу.

При изложении идеи «непрерывной борьбы» говорится, что для осуществления великого возрождения китайской нации необходимо, чтобы поколения китайцев «подобно верблюдам, молча трудились и неустанно двигались вперед». Образ верблюда, ассоциирующийся с выносливостью, стойкостью, способностью переносить лишения и преодолевать большие расстояния, передает длительный, сложный и непрерывный характер пути национального возрождения: подобно тому как верблюд уверенно идет вперед в суровых условиях пустыни, не страшась жажды, холода и тяжелой ноши, народ должен сохранять целеустремленность, выдержку и готовность к постоянной борьбе перед лицом любых трудностей. Кроме того, в разделе «Строить сильную социалистическую культурную державу» талантливые кадры метафорически обозначаются как цзяньлима «скакун, способный пробегать тысячу ли в день». Этот образ подчеркивает выдающиеся способности, высокий потенциал и особую ценность талантов, тогда как выражение о необходимости «предоставить широкую сцену для реализации талантов цзяньлима» акцентирует внимание на уважении к талантам, их поддержке и создании условий для полного раскрытия их возможностей.

Метафоры животных в послании Президента Федерального Собрания Владимира Путина постоянно разворачиваются вокруг тем «противостояния внешней угрозе», «критики враждебных сил» и «проявления решимости обороны». Критикуя антироссийские страны, присоединяющиеся к Западу, Владимир Путин четко указывает: «Эти страны подобны стаею табазиев (шакалов) рядом с Шер-Ханом – они лают в ответ и льют своему господину». Здесь «табазиев (шакалов)», происходящих из «Книги джунглей», их привычки подстрекать к разборкам, склонность к падальществу и спекуляции, присоединение к сильным подобны слепому следованию и присоединительности этих стран по отношению к Западу: шакалы сами не обладают способностью самостоятельного существования, они могут только присоединяться к сильным и подталкивать к действиям, подобно тому, как эти страны, игнорируя свои собственные интересы, слепо следуют западной антироссийской политике. Раскрывая коварную суть западных санкций, Владимир Путин подчеркивает: «Запад использует санкции как ядра кобры, пытаясь нанести смертельный удар российской экономике». Скрытность и смертельная опасность «ядра кобры» отражают коварную суть и серьезную опасность западных санкций: ядовитые змеи мастерски ведут скрытые атаки, их яд действует медленно, но смертельно, подобно тому, как Запад пытается постепенно разрушить российскую экономическую систему через постепенное уси-



ление и всеобъемлющее блокаду санкций; фраза «нанести смертельный удар» прямо передает злые умыслы Запада, усиливая позицию бдительности перед внешней смертельной угрозой и консолидируя поддержку народа политике экономической обороны государства. Критикуя суть транснациональных интервенционных сил, которые угнетают слабых, Владимир Путин указывает: «Некоторые силы подобны хищникам, которые охотятся на слабых и эксплуатируют их для собственных целей». Привычки хищников «закон сильного, жадного грабежа и безжалостности» раскрывают суть транснациональных сил, которые угнетают слабых и преследуют собственные интересы: хищники охотятся на слабых существ только для удовлетворения собственных потребностей в существовании, подобно тому, как некоторые западные страны под предлогом «демократии» и «человеческих прав» вмешиваются во внутренние дела слабых стран, грабят их ресурсы и богатства, превращая другие страны в жертвы собственной гегемонии.

В отношении массовости и опасности западной информационно-медийной атаки Владимир Путин далее указывает: «Западные СМИ распространяют лжи, подобно летающим насекомым, которые распространяют инфекции». Черты летающих насекомых «большого количества, быстрого распространения и проникновения повсюду» отражают экспансивность и опасность западной публицистики летающие насекомые мастерски распространяются повсюду, они легко носят бактерии и распространяют болезни, подобно тому, как западные медиа с помощью мощной коммуникационной сети безрассудно распространяют ложную информацию против России, подстрекают к противостоянию и загрязняют международную медиа-среду. Критикуя жестокую природу экстремистских сил, поддерживаемых Западом, Владимир Путин дополняет: «Эти экстремистские группировки ведут себя подобно гиенам, разрывая на кусочки всё, что стоит на их пути». Черты гиен «жестокости и кровожадности, группового совершения зла и неограниченной жадности» отражают жестокую природу экстремистских сил: гиены питаются падалью, при групповых атаках они не имеют никаких границ, подобно тому, как экстремистские организации, поддерживаемые Западом, бессмысленно убивают невинных людей, разрушают инфраструктуру в конфликтных районах и приносят тяжелые бедствия местным народам.

Основная логика метафор болезней заключается в том, чтобы с помощью конкретизированного восприятия человеком «коррозионности, инфекционности и опасности» болезней материализовать внутренние проблемы и внешние угрозы в политической сфере в заболевания, опасные для «политического организма», передавая настоятельность и необходимость государственного

управления. Однако метафоры болезней в китайском политическом дискурсе сосредотачиваются на «управлении внутренними проблемами», выбирая образы, такие как «запущенная болезнь», «хроническая тяжелая болезнь», их семантика разворачивается вокруг «коренного лечения от источника», склоняясь к оптимизации внутреннего управления; метафоры болезней в российском политическом дискурсе сосредотачиваются на «предотвращении и контроле внешней угрозы», выбирая образы, такие как «бактерии», «вирус», «инфекция», их семантика разворачивается вокруг «конфронтационной обороны» и «пресечения распространения», склоняясь к обороне национальной безопасности.

В разделе «Непоколебимо продвигать строительство честности и интeгритeта в партии и борьбу с коррупцией» книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» формулируется положение: «Применять сильные лекарства для лечения тяжелых болезней, использовать строгие законы для приведения в порядок беспорядков», где коррупция сравнивается с «запущенной болезнью». Черты «закоренелости и трудности коренного лечения» «тяжелой болезни» точно соответствуют сложности и упрямству проблемы коррупции; «сильные лекарства» в свою очередь метафорически обозначают мощные средства государственного управления, которые не только подчеркивают решимость государственного управления, но и передают научное мышление подбора лекарств в соответствии с болезнями. Одновременно в тексте подчеркивается принцип «Предотвращать, пока ещё мало, пресекать, пока ещё зарождается» и «замечать проблемы на ранней стадии и решать их своевременно», где зарождающиеся проблемы с стилем работы сравниваются с «заболеваниями на ранней стадии». В разделе «Полностью реализовать ответственность за внутрипартийный контроль» в тексте упоминается: «Злоупотребления в стиле работы и пороки в поведении необходимо упорно искоренять», где проблемы с стилем работы сравниваются с заболеваниями в виде грязи, прилипающей к организму; «искоренение» соответствует «комплексным мероприятиям по исправлению», подчеркивая системность «полного очищения без оставления уголков». Кроме того, в тексте негативная атмосфера внутри партии сравнивается с инфекционным заболеванием, и формулируется положение: «Нужно усилить внутрипартийный контроль, пресечь цепочку распространения негативной атмосферы». Через семантические единицы «цепочка распространения» и «пресечение» подчеркивается «инфекционность» негативной атмосферы, передавая логику государственного управления «укрепления внутренней оборонной линии» и обеспечивая здоровье и чистоту политического организма.



Метафоры болезни в Послании Президента Федеральному Собранию Владимир Путин системно организованы вокруг концепта «предотвращения и сдерживания внешней угрозы». В частности, характеризуя западную военную поддержку Украины, он использует образ «инфекции», распространяющейся по Европе и представляющей угрозу национальной безопасности. Данная метафора апеллирует к ключевым свойствам инфекционных заболеваний заразности и способности к экспансии, тем самым репрезентируя внешнее вмешательство как быстро распространяющийся и трудно контролируемый процесс. Использование лексемы «угрожать» усиливает перцепцию срочности и опасности, формируя установку на необходимость превентивных мер. Аналогичным образом при критике западного идеологического влияния задействуется метафора «вируса», «поражающего сознание людей и подрывающего социальную стабильность». Здесь актуализируются такие характеристики, как скрытность и разрушительное воздействие, а глаголы «поражать» и «подрывать» подчеркивают направленность на активное противодействие и нейтрализацию угрозы.

Сходная логика прослеживается и в репрезентации санкционного давления, которое определяется как «ядовитое вещество», постепенно воздействующее на экономику. В данном случае метафора «отравления» акцентирует долговременный и накопительный характер негативного влияния, тогда как образ «противоядия» концептуализирует государственную стратегию как систему защитных и компенсаторных мер. Наконец, экстремистские группы, поддерживаемые Западом, описываются через метафору «бактерий», что позволяет подчеркнуть их способность к быстрому размножению и распространению в конфликтной среде. В совокупности указанные метафорические модели формируют когнитивную схему, в рамках которой внешние угрозы осмысливаются как патологические явления, требующие своевременного выявления, локализации и полного устранения, что соответствует риторике активной обороны и обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ показал, что онтологические метафоры в российском и китайском политическом дискурсе выполняют не только экспрессивную, но прежде всего когнитивно-моделирующую и аксиологическую функции. В обоих корпусах текстов метафора служит средством перевода сложных политических процессов в наглядные и социально значимые образы, обеспечивая доступность политического содержания для массового адресата. Вместе с тем сопоставление выявило существенные различия в выборе источников сфер и в характере их интерпретации. В кни-

ге «Си Цзиньпин о государственном управлении» растительные, зооморфные и болезненные метафоры преимущественно ориентированы на позитивное созидание, внутреннее совершенствование, дисциплинарное оздоровление и поступательное развитие; в Послании Президента Федеральному Собранию Владимира Путина соответствующие метафоры чаще актуализируют семантику угрозы, внешнего давления, деструктивного воздействия и необходимости защитного реагирования. Таким образом, в китайском политическом дискурсе преобладает метафорическая модель внутреннего развития и гармонизации, тогда как в российском модель обороны, противодействия и нейтрализации угроз.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что различия в онтологических метафорах обусловлены не только особенностями индивидуального политического стиля, но и более широкими факторами национально-культурной традицией, спецификой политической картины мира и доминирующими стратегиями государственного управления. Растительные метафоры в китайском дискурсе тесно связаны с символикой роста, нравственной устойчивости и воспитания, тогда как в российском дискурсе они чаще маркируют агрессивные и подлежащие устранению явления; зооморфные метафоры в китайском материале акцентируют трудолюбие, выносливость и служение общему благу, а в российском враждебность, хищничество и зависимость; метафоры болезни в китайском тексте преимущественно направлены на описание внутренних проблем, требующих системного лечения, тогда как в российском на репрезентацию внешних угроз как патологических процессов, подлежащих локализации и устранению. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса анализируемых текстов, привлечением материалов других жанров политического дискурса, а также с более детальным изучением переводческих и прагматических аспектов репрезентации метафоры в межкультурной политической коммуникации.

Литература

1. Пэн Вэнчжао. Политическая лингвистика в контексте философской герменевтики: проблемы философской основы, языкового взгляда и политического взгляда // Иностраный язык и его преподавание. 2017. № 2. С. 31.
2. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. М.: ИТПК «Пионс», 2004. С. 32.
3. Шу Динфан. Исследование метафоры. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2021.
4. Скрынникова И.В. Кросслингвистический репозиторий политических метафор: структура и проблемы методологии // Вестник Волгоград-



ского государственного университета. 2019. № 2. С. 128–146.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1980. 256с
6. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 2. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017. 569с
7. Ли Цзэсин. Сопоставительный анализ концептуальных метафор в российско-китайских дипломатических речах: дис. ... Хэйлунцзян: Хэйлунцзянский университет, 2025. С. 26.
8. Чэн Сюй. Сопоставительный анализ военных метафор в российско-китайских политических текстах: дис. ... Хэйлунцзян: Хэйлунцзянский университет, 2021. С. 14.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF ONTOLOGICAL METAPHORS IN RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL DISCOURSE: BASED ON VLADIMIR PUTIN'S ADDRESS TO THE FEDERAL ASSEMBLY AND XI JINPING: THE GOVERNANCE OF CHINA

Zhang Ting, Cai Wei

Xinjiang Normal University

This article presents a comparative analysis of ontological metaphors in Russian and Chinese political discourse based on the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly by Vladimir Putin and the book Xi Jinping: The Governance of China (Vol. II). The aim of the study is to identify both common and specific features in the functioning of plant, animal, and disease metaphors in the two political texts. The research is grounded in the conceptual metaphor theory developed by G. Lakoff and

M. Johnson and employs contextual, semantic-cognitive, and comparative methods. The findings show that ontological metaphors in both discourses perform cognitive-modeling, axiological, and pragmatic functions. However, Chinese political discourse is mainly oriented toward representing internal development, moral cultivation, and social harmony, whereas Russian political discourse focuses more on external threats, confrontation, and the protection of state sovereignty. The study concludes that metaphorical models are shaped by national-cultural factors and play a significant role in political communication.

Keywords: Ontological Metaphor, Political Discourse, Conceptual Metaphor, Russian-Chinese Comparison, Cognitive Linguistics, Political Communication

References

1. Peng Wenzhao. Political Linguistics in the Context of Philosophical Hermeneutics: Problems of Philosophical Foundation, Linguistic View, and Political View // Foreign Language and Its Teaching. 2017. № 2. P. 31.
2. Sheigal, E.I. Semantics of Political Discourse. Moscow: ITPK «Pions», 2004. P. 32.
3. Shu Dingfang. A Study of Metaphor. Shanghai: Shanghai Foreign Languages Publishing House, 2021.
4. Skrynnikova, I.V. Crosslinguistic Repository of Political Metaphors: Structure and Problems of Methodology // Bulletin of Volgograd State University. 2019. № 2. P. 128–146.
5. Lakoff, J., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
6. Xi Jinping. On Public Administration. Vol. 2. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2017. 569 p.
7. Li Zexing. Comparative Analysis of Conceptual Metaphors in Russian-Chinese Diplomatic Speeches: Diss. ... Heilongjiang: Heilongjiang University, 2025. P. 26.
8. Cheng Xu. Comparative Analysis of Military Metaphors in Russian-Chinese Political Texts: Diss. ... Heilongjiang: Heilongjiang University, 2021. P. 14.